

ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС РУССКОЙ АРМИИ

Опыт самопознания

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК

Выпуск 17

**ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС
РУССКОЙ АРМИИ**

Опыт самопознания

МОСКВА

Военный университет

Русский путь

2000

ББК 68.49 (2)

О 91

Федеральная программа книгоиздания России

Выпуск подготовлен в Военном университете при содействии
Межрегионального общественного Фонда
Поддержки военной реформы

Под общей редакцией

И.И. Ефремова

Редактор семнадцатого выпуска

«Российского военного сборника» А.Е. Савинкин

Ответственный за выпуск И.В. Домнин

ISBN 5-85887-076-7

© Российский военный сборник, 2000

© Русский путь, 2000

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	8
РУССКОЕ ОФИЦЕРСТВО	10
А. РЕДИГЕР, А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ, В. МУРОМСКИЙ ОФИЦЕР.....	10
Определение. - Возникновение корпуса офицеров в Западной Европе. - Значение офицеров для армии. - Обязанности. - Порядок чиновпроизводства. - Служба по призванию. - Офицерский корпус России. - Требования М. Драгомирова.	
Н. ГЛИНОЕЦКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ОФИЦЕРСКИХ ЧИНОВ И СИСТЕМЫ ЧИНОПРОИЗВОДСТВА В РУССКОЙ АРМИИ.....	13
Значение чиновпроизводства. - Градация военных чинов, установленная Петром I при учреждении постоянных войск. - Баллотировка. - Производство за отличие. - Служба в гвардии. - Послепетровские преобразования.	
Н. МОРОЗОВ ВОСПИТАНИЕ ГЕНЕРАЛА И ОФИЦЕРА КАК ОСНОВА ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ.....	21
Введение. Русская армия эпохи наполеоновских войн. - Наследие екатерининского века. - Вожди нашей армии в наполеоновскую эпоху. - Русская армия эпохи «плац-парада». - Гатчинский отряд. - Реформы Императора Павла I. - Военный режим в первую половину царствования Императора Александра I. - Военный режим после 1814. - Заключение о новой системе. - Выводы.	
П. РЕЖЕПО ОФИЦЕРСКИЙ ВОПРОС В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	54
Статистика генералов. - Численность. - Возраст. - Служба строевая и нестроевая. - Образование. - Титул. - Религия. - Боевой опыт. - Статистика полковников. - Численность. - Возраст. - Образование. - Боевой опыт. - Командиры частей. - Роль офицеров. - Численность и состав корпуса офицеров. - Уход на нестроевые должности. - Уход в невоенные ведомства с сохранением мундира. - Подготовка к офицерскому званию. - Военные академии. - Заключение.	
ИСКУССТВО КОМАНДОВАНИЯ	69
Е. МЕССНЕР, С. ВАКАР, Ф. ВЕРБИЦКИЙ И ДР. РОССИЙСКИЕ ОФИЦЕРЫ.....	69
Предисловие. - Было ли офицерство сословным? - Было ли офицерство кастовым? - Офицерство и режим. - Карьера офицера. - Служба офицера. - Финансовое положение офицера. - Духовный облик офицерства.	
А. АПУХТИН КОМАНДНЫЙ СОСТАВ АРМИИ.....	83
Французский писатель Андре Гавэ о роли офицера-начальника. - Командование — профессия офицера. - Принципы командования. - Основные качества начальника. - Воинский дух — источник силы армии. - Назначение корпуса офицеров — быть очагом жизнеспособности армии. - Практические приемы командования. - Заключение.	
Я. ЧЕРВИНКА ВОЕННАЯ КАРЬЕРА У НАС И ЗА ГРАНИЦЕЮ.....	96
Офицер должен подняться на высшую точку социального самосознания и доблести. - Развитие патриотизма. - Разница между нашим и заграничным корпусом офицеров. - Корпоративное сближение офицеров. - Неподготовленность к практической жизни молодых офицеров. - Товарищеские начала. - Аттестации. - Способности. - Браки. - Служба военному делу. - Офицеры и общество. - Унтер-офицеры. - Воспитание в военных училищах.	
Н. КОРФ О ВОСПИТАНИИ ВОЛИ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ.....	106
Духовная сторона на войне. - Неумение решать и решаться. - Страх как главная отрицательная эмоция. - Виды страха. - Чувство мощи. - Уверенность в себе. - Чувство соревнования. - Самоуважение и гордость. - Уважение к начальнику. - Требования к военной системе с точки зрения воспитания воли. - Заключительные выводы.	
Г. ЛАДЫЖЕНСКИЙ О КОМАНДНОМ СОСТАВЕ АРМИИ И СИСТЕМЕ ЕГО ПОДБОРА.....	114
Идеал военачальника. - Черты военного гения Суворова. - Аттестации — краткая история духовной и умственной жизни каждого.	
Э. СВИДЗИНСКИЙ О РАЗВИТИИ ВОЕННЫХ ПОЗНАНИЙ И ОБЩИХ ПРИНЦИПОВ В СРЕДЕ ОФИЦЕРОВ АРМИИ.....	119
Успех деятельности армии зависит от офицеров. - Стремление к развитию военного искусства, усо-	

вершенствованию военного дела. - Изучение последних войн. - Стремление к самообразованию и усиленному труду для общего дела. - Долг и честь. - Военное дело основывается на практических началах. - Корпорация. - Офицерские собрания и суды чести.

М. Драгомиров ЧТО НУЖНО ОФИЦЕРУ В ПРАВСТВЕННОМ ОТНОШЕНИИ, ЧТОБЫ СФОРМИРОВАТЬ СОЛДАТА?.....	124
Твердость в основах. - Преданность военному делу. - Забота о подчиненных. - Правильное отношение к приказанию. - Единство взглядов на задачи образования и воспитания. - Законность. - Способность управлять.	
А. Деникин НАЧАЛЬНИКИ И ПОДЧИНЕННЫЕ.....	127
Роль личности офицера. - Суворов и Паскевич. - Телесные наказания. - Законность и человечность. - М. Драгомиров. - Мевес. - Забота о подчиненных со стороны Куропаткина.	
А. Свечин ОФИЦЕРЫ ПОЛКА В БОЕВОЙ ОБСТАНОВКЕ.....	129
Командир полка. - Чувство ответственности — первая предпосылка успешного командования. - Значение молодости. - Кадровые офицеры. - Прапорщики. - Офицеры, произведенные из фельдфебелей и сверхсрочных унтер-офицеров. - Занятия с офицерами.	
В. Флуг ВЫСШИЙ КОМАНДНЫЙ СОСТАВ.....	139
Взгляд на войну. - Военная энергия. - Характеристика русского высшего командного состава. - Каким должен быть военный вождь. - Воспитание высшего командного состава. - Подбор высшего командного состава. - Лучше иметь мало офицеров, но превосходного качества.	
ВОЕННЫЙ РЕНЕССАНС.....	153
П. Махров СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА И ВЫСШЕЕ КОМАНДОВАНИЕ.....	153
Неподготовленность высшего командного состава как причина поражения в Японской войне. - Случайные люди на высших постах. - Отсутствие инициативы. - Робость. - Авторитет власти, ума, боевого опыта. - Необходимость ценза. - Управление войсками при помощи корпуса офицеров.	
А. Розеншильд-Паулин СТРОЕВАЯ АРМИЯ.....	157
Военная служба как профессия. - Офицерское сословие как профессиональная каста. - Отбор в корпуса и училища. - Офицерские занятия. - Курсы. - Все преимущества — строевым офицерам. - Идеальность, а не мелочное обучение. - Унтер-офицеры.	
Н. Морозов К ВОПРОСУ ОБНОВЛЕНИЯ АРМИИ.....	159
Сила нашей армии не в солдате, а в офицере. - Обратите внимание на офицера! - Подальше от строя. - Содержание подготовки офицера. - Воспитание офицера. - Примат боевой подготовки. - Офицерское дело — идейное.	
А. Куропаткин МЕРЫ ПО УЛУЧШЕНИЮ КОМАНДНОГО СОСТАВА АРМИИ.....	163
Командный состав армии зависит от общего уровня духовных сил нации. - Сделать военный мундир заманчивым. - Отбор лучших. - Армия существует для войны. - Военный мундир только для тех, кто служит в армии. - Материальное положение корпуса офицеров. - Недостатки военной иерархии. - Программа оздоровления.	
Е. Мартынов НАЗРЕВШИЕ РЕФОРМЫ.....	166
Особое значение корпуса офицеров для русской армии. - Служба без призвания. - Под постоянной опекой. - Хамство начальников по отношению к подчиненным. - Плачевное состояние офицерского вопроса. - Необходимые реформы.	
А. Мариюшкин ПО ВОПРОСУ ОБ ОФИЦЕРСКИХ ЗАНЯТИЯХ.....	172
Тактические занятия до сих пор носят нудный характер. - В области ратного дела необходимо постоянно учиться. - Храбрость и умение. — Армия — вечный часовой. — Постоянное совершенствование. - Широта знаний. - Военная игра. - Стремление вперед и постоянная готовность.	
Д. Аничков ОФИЦЕРСКИЙ ВОПРОС В СОВРЕМЕННОЙ АРМИИ.....	175
Необходимость для армии доблестного офицерского корпуса. - Расширение института подпрапорщиков. - Создание типа офицера — фанатика своего дела. - Воспитание и развитие будущих офицеров.	
Я. Краснов ЧЕГО ВОЙСКА ОЖИДАЮТ И ЧЕГО ЖЕЛАЮТ ОТ МОЛОДЫХ ОФИЦЕРОВ.....	178
Любовь к своему делу, к военной службе. - Лучшие из лучших должны быть офицерами-воспитателями в училищах. - Чему должен быть научен молодой офицер.	
Н. Португалов ЭТИКА ОФИЦЕРА.....	180

Имя офицера так же высоко, как доктора или священника. - Достоинство. - Знать границу в поведении. - Неприкосновенность. - Отечество должно глубоко любить и уважать своих офицеров, а офицеры должны быть великими мастерами своего дела.	
А. Толстой ЖИЗНЕННЫЕ ЗАДАЧИ РУССКОГО ОФИЦЕРА	182
Всякая борьба должна быть разумной. - Важное значение русского офицерства. - Необходимые офицеру добродетели. - Солдатское воспитание должно быть всей жизнью офицера. - Просвещенный офицер. - Служить благу России через армию.	
М. Меньшиков ОФИЦЕРЫ — ДУША АРМИИ	185
Остановите бегство офицеров из армии! - Система мер. - Пора трезветь. - Ответственный пост офицерства. - Чрезвычайная высота офицерского долга. - Военные и штатские. - Офицер не может быть побежден. - Реформа военной школы. - Укрепление военного духа. - Офицерский корпус. - Офицер-рыцарь, профессионал своего дела. - Война и здравый смысл. - Подбор талантов. - Сбросить гипноз схоластической военной школы.	
А. Дрозд-Бонячевский «ПОЕДИНОК» КУПРИНА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СТРОЕВОГО ОФИЦЕРА	193
Рознь между нацией и армией. - Отчуждение офицера от общества. - Внепартийность. - «Рекрутчина». - Священный долг офицера. - Ответственность за подчиненных. - Дефекты в офицерской среде. - Особое значение профессии офицера. - Воспитание, обучение, военный режим. - Готовить исключительно людей, проникнутых военными началами. - Отказ от рутины. - Воспитательное значение чести. - Апостольство офицера.	
М. Галкин НОВЫЙ ПУТЬ СОВРЕМЕННОГО ОФИЦЕРА	198
Не только учитель, но и воспитатель армии, «подвижник». - Нравственный облик офицера. - По ложному пути. - Миссия офицера: подготовка к войне и воспитание. - Значение военной школы.	
А. Дмитриевский ИДЕАЛ ОФИЦЕРА	203
Быть «рыцарем без страха и упрека». — Развивать чувство долга. - Дух уныния. - Нет заботы о складывающемся мировоззрении. - Симптомы отсутствия идеала офицера. - Не дорожат высотой своего офицерского звания. - Лучше нарушения в форме, чем унижение достоинства офицера. - Необходимость солидарности в среде офицеров. - Только солидарность может создать бойцов. - Бегство офицеров из армии. - Нет веры в высоту офицерской миссии. - Без идеала корпус офицеров недолговечен.	
СЛУЖЕНИЕ РОССИИ	207
А. Сурнин РОЛЬ ОФИЦЕРСТВА В ВОЕННОМ ВОСПИТАНИИ	207
Воспитание как работа исключительно офицерская. - Нравственное влияние. - Слияние армии с народом. - Новый тип воина-гражданина. - Нужна выдающаяся энергия. - Посредственности не должно быть в офицерской среде. - Способность к подвигу. - Подвижничество. - Напрасно думают, что офицером может быть всякий. - Военный патриотизм.	
Л. Комеровский ЛУЧШИЕ ЛЮДИ	210
Зарождение офицерства. - Сословный принцип. - От вербовки к повинности. - Кадровая армия, и ее гибель. - Белое дело.	
А. Круговской РУССКИЙ ОФИЦЕР	212
Верность Родине. - Белая офицерская армия. - Вера офицеров в возрождение России.	
Н. Колесников ВОЙНА И ОФИЦЕРЫ	214
Они были лампадами Духа. - Великое служение Родине. - Безумные люди в тылу. - Расширение революции. - «Долой войну». — Святотатство. — «Вперед, господа офицеры!»	
А. Мариюшкин ТРАГЕДИЯ РУССКОГО ОФИЦЕРСТВА	217
Значение командного состава для народа и армии. - Сердце армии. - Жертвы войны. - Несправедливость по отношению к русскому офицерству в 1917-1923 гг. - Нетерпимое отношение общества к офицеру. - Мастера ратного дела. - Вне закона: травля офицеров в периоды революций. - За что «плюнули в душу» офицеру? - Самоистребление офицеров в Гражданскую войну. - Судьба офицера. - Победить себя, освободить Родину.	
А. Керсновский НАШ БУДУЩИЙ ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС	223
Офицерский корпус — душа и носитель идеалов армии. - Необходимость отбора. - Поднятие престижа офицера в обществе. - Кадр воспитателей народа. - Гвардия. - Генеральный штаб. - Академия Генерального Штаба — рассадник просвещения армии. - Роль полков в воспитании офицеров. - Унтер-	

офицеры. - Офицеры запаса.	
Е. МЕССНЕР СОВРЕМЕННЫЕ ОФИЦЕРЫ	227
Войны современной цивилизации. - Командиры хаоса и их разновидности. - Галопирующая эволюция военного дела. - Консерватизм офицерства. - Техническое воевание. - Иррегулярное воевание. - Регулярное воевание. - Военная техника и офицерское образование. - Дух офицера в материалистическую эпоху. - Этическая база офицерского духа. - Приказ и совесть. - Путь современного офицера.	
УРОКИ ИСТОРИИ	241
А. КАМЕНЕВ ОФИЦЕР — ПРОФЕССИЯ ИДЕЙНАЯ	241
Офицерское призвание, апостольство и подвижничество. - «Велика, почетна и трудна роль офицера». - Патриотизм. - Воспитание в военном духе. - Честь, долг, совесть. - Самолюбие и честолюбие. - Высокая волевая подготовка. - Идедность. - Офицерская корпорация и традиции офицерского корпуса. - Требования к офицерской корпорации. - Единство взглядов по принципиальным вопросам. - Боевые и служебно-бытовые традиции. - Духовное наследие российской армии. - Офицерская тема в отечественной военной литературе.	
И. Домнин ГРЕХИ И ДОСТОИНСТВА ОФИЦЕРСТВА В САМОСОЗНАНИИ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ	268
Корпус офицеров в зарубежном рассеянии. - Характеристика. - Утрата социального статуса. - Военная культура Русского Зарубежья. - Стремление к корпоративному единству. - Офицерская разобщенность. - Касты Гвардии и Генштаба в Императорской армии. - Политическая растерянность офицерства в 1917 году. - Офицерский раскол. - Завет единства. - Необходимость военного профессионализма. - Юденич как образец военного профессионала. - Упущения высшего командного состава. - «Военная энергия» и интеллигентность как черты и условия профессионализма. - Офицерская этика. - Возвышенность морали. - Кодекс офицерской этики. - Вывод.	
С. Волков РОССИЙСКОЕ ОФИЦЕРСТВО КАК СЛУЖИЛОЕ СОСЛОВИЕ	285
Создание Петром Великим российского офицерства. - Общая характеристика офицерского сословия. - Три периода в истории офицерского корпуса русской регулярной армии. - Количество и социальный состав офицерства. - Дворянский статус офицера. - Офицерский корпус как элита Российской империи. - Семейная традиция. - Офицерство накануне и в ходе Первой мировой войны. — Трагическая судьба и статистика. - Офицерство — ядро Белого движения. - Численность офицеров в Белой и Красной армиях. - Возрождение офицерства на национально-государственных основаниях.	
А. Савинкин ЗАВЕТНЫЕ ИДЕАЛЫ РУССКОГО ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА	300
Значение исторической преемственности. - Опора на духовную силу предков. - Предстательство за Россию — отечественность. - Высокое звание и призвание русского офицера. - Образ офицера в творчестве А.С. Пушкина. - А.И. Бибиков. - Полководческие способности офицера. - Победоносность. - «Не сословие, не каста, а корпус слуг России». - Дворянский дух. - Рыцарственное служение — путь чести. — Офицер как подлинный дворянин и рыцарь. - Честь всего дороже. - Пример А.В. Суворова. - Военный орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия. - Храбрость. - Дуэль. - «Быть рыцарем, не имея знаков рыцарского достоинства, — лозунг современного офицера». - Благородство и гуманность. - «За други своя». - Белая гвардия. - С честью носить название Армии. - Помни войну! - Особый военный патриотизм. - Преданность интересам дела. - Воинственность. - Готовность к будущим войнам: взгляды А.В. Суворова, М.Д. Скобелева, Н.Н. Обручева, А.В. Колчака, А.А. Свечина и др. - Учить войска тому, что необходимо на войне. - Гвардейский обычай. - Практическая военная школа. - Духа не угашайте! - Идеальные качества командира. - Бездушная система командования. - Привлекательность службы, воинская вежливость и другие меры решения офицерского вопроса. - Принцип самостоятельности и инициативы частных начальников на войне и в мирное время: пример немцев и уроки К. Войде. - Русский офицер служит не за деньги, но его ратный труд должен достойно вознаграждаться. - Берегите офицера! - «Надежнейшая из ценностей». - Речь А.И. Деникина на офицерском съезде. - Упразднение офицерского корпуса. - Репрессии. - «Души в кандалах». - Восстановление офицерской преемственности и офицерского звания в годы Великой Отечественной войны. - Неусвоенные уроки. - Новая армия старых заветов.	
«Духовная дружина» РУССКОГО ОФИЦЕРСТВА: КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ РАБОТ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В СБОРНИКЕ	349
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: КОДЕКС ЧЕСТИ РОССИЙСКОГО ОФИЦЕРА (РЕКОНСТРУКЦИЯ ТРАДИЦИИ)	360
2000 ГОД — ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ГОД РОССИЙСКОЙ АРМИИ	363
РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК	365

Введение

Россия традиционно держалась Армией и Флотом, которые по праву считались ее самыми надежными союзниками и заступниками. И сегодня Вооруженные Силы по-прежнему являются важнейшим элементом системы национальной безопасности. В XXI веке их мощь будет определяться не только технической оснащенностью, выучкой личного состава, моральным духом войск, но и образованностью, искусством командного состава. Нельзя забывать, что российский офицерский корпус с его традицией служения был и остается душой армии, ядром военной организации, главной государственно-охранительной силой. От патриотизма и профессионализма офицеров в значительной степени зависят судьба Отечества, предотвращение войн и победы, будущее российской вооруженной силы.

Корпус офицеров русской армии является историческим предшественником современного офицерства, родоначальником его важнейших традиций, творцом уникальных нравственных ценностей, доставшихся нам в наследие. Он был вызван к жизни реформами Петра I и сформировался под влиянием духа Александра Невского, Дмитрия Донского, Дмитрия Пожарского, Михаила Скопина-Шуйского, Михаила Воротынского, других князей и воевод, воплотивших в себе лучшие качества русского воинства. Навсегда останутся в памяти потомков славные победы великих полководцев и флотоводцев: Петра Великого, П. Румянцева, А. Суворова, М. Кутузова, Ф. Ушакова, Д. Сенявина, М. Лазарева. Ими, их соратниками и учениками — П. Багратионом, А. Ермоловым, И. Гурко, М. Скобелевым, М. Черняевым, П. Нахимовым, В. Корниловым, С. Макаровым и другими, — создавались регулярная вооруженная сила, самобытная «наука побеждать», утверждались высокие понятия об офицерском звании.

Служение России (отечественность) — путеводная идея русского офицерства. Это служение выходило далеко за рамки военного дела, проявлялось в государственной и общественной сферах, в области науки и культуры. Офицерами были все российские императоры. Погоны носили многие знаменитые поэты и писатели, композиторы и художники. Велик вклад офицеров в развитие географии, геодезии, статистики и других наук.

Вожди армии — выдающиеся офицеры — играли исключительную роль в смутные времена и годы испытаний. «В трудные и опасные минуты исторической жизни общество всегда простирает руки не к ораторам или журналистам, не к педагогам или законникам, а к людям силы, к людям, повелевать умеющим, принуждать дерзающим!» — писал в этой связи выдающийся мыслитель Константин Леонтьев.

Служить русский офицер всегда стремился по призванию. Чувствуя в своей душе священный огонь патриотизма, он проникался «религией войны, поэзией военного дела». Образование он получал не только в стенах кадетских корпусов, училищ и академий, не только из книг черпал военные знания. Подлинной кузницей офицерства с момента своего создания стала лейб-гвардия, при Петре I и его ближайших преемниках непрерывно участвовавшая в боях. Именно из рядов этого отборного войска первоначально комплектовался офицерский корпус. Он закалялся в огне военных кампаний и походах, многочисленных войнах: от Северной до Великой (как называли прежде Первую мировую).

Особенно плодотворной оказалась кавказская школа русской армии, всегда опиравшаяся на суворовские заветы. Через нее в XIX веке прошли тысячи офицеров. Она подняла на новую высоту таких блестящих генералов, как В. Гуляков и И. Лазарев, П. Котляревский и А. Ермолов, Н. Евдокимов и Я. Бакланов, А. Барятинский и Д. Милютин. «Кавказские» традиции возрождаются на рубеже XX и XXI веков, когда России в очередной раз приходится отстаивать свою территориальную целостность, искоренять терроризм и бандитизм на своих южных рубежах.

В XX веке на долю офицерства выпало пережить внутренний раскол, участвовать в Гражданской войне, испытать гонения, эмиграцию, репрессии. Но и в этой трагедии проявилась благородная личность русского офицера, высветились его высокие нравственные качества: готовность к самопожертвованию во имя Родины, любовь к военному делу, работа на будущую российскую армию. Позже, в ходе Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., вновь возродились боевые традиции русского офицерства, было восстановлено само звание офицера, упраздненное в 1917 году. Это стало мощным стимулом в достижении Великой Победы.

Помимо боевых вождей русский офицерский корпус выдвинул целую плеяду вождей идейных, блистательных военных умов. Достаточно вспомнить А. Хатова, П. Пестеля, Д. Милютину, Р. Фадее-

ва, М. Драгомирова, Н. Обручева, Г. Леера, Н. Михневича, Д. Масловского, А. Мышлаевского, А. Геруа, А. Баиова, Е. Мартынова, Н. Головина, А. Незнамова, А. Свечина... Их творчество привело к созданию классической русской военной мысли, капитал которой велик и бесценен, но, к сожалению, все еще недостаточно нами усвоен.

Наследие русского офицерства необходимо изучать по существу, использовать для укрепления духа и решения современных проблем. Недопустимо, когда наши военные классики, идейные вожди, такие, например, как Николай Обручев, Карл Войде, Александр Свечин, в большей степени ценятся за границей, а на Родине их представляют «русскими Клаузевицами» или «русскими Мольтке». Не следует также уподобляться царскому военному министру Ванновскому, который с гордостью сообщал о том, что «35 лет после академической скамьи не держал в руках военной книги».

Военное дело, все более усложняясь, требует не только опыта, но и обширных знаний. Чтобы не отстать, необходима постоянная тренировка ума. Результаты военной реформы сегодня во многом зависят от идейного багажа, уровня подготовки и позиции командных кадров. Немалый интерес в этой связи может вызвать предлагаемый выпуск «Российского военного сборника», посвященный важнейшему вопросу военного строительства — офицерскому.

Проблемы офицерства и старой, и новой армии чрезвычайно созвучны. Через знание, воспитание, заветы и традиции необходимо унаследовать дух и ценности предшествующих поколений, восстановить офицерскую преемственность, вернуть звание офицера на должную высоту. Нужно, чтобы служение России в офицерском мундире было делом чести, чтобы офицер знал и чтит свой исторический кодекс чести и, вслед за одним из героев Валентина Пикуля, мог с гордостью говорить: «Я, русский офицер, честь имею!»

Составители

* * *

На лицевой стороне обложки — звезда и лента Императорского Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия — высшей боевой награды российского офицера, которой, согласно статусу, удостоивался «единственно тот, кто не только обязанность свою исполнял во всем по присяге, чести и долгу, но сверх сего ознаменовал себя на пользу и славу Российского оружия особенным отличием». (Слайд предоставлен В.А. Дуровым.) Часть работ печатается с сокращениями. В хрестоматийных текстах авторская стилистика, редакция сносок в основном сохраняются, курсив — составителей.

РУССКОЕ ОФИЦЕРСТВО

А. Редигер, А. Добровольский, В. Муромский

ОФИЦЕР

Офицер — общее название для всех старших войсковых начальников, возвышающихся над категорией нижних чинов. Офицеров обыкновенно делят на обер-офицеров (до капитана включительно), штаб-офицеров (до полковника включительно) и *генералов*. Значение офицеров для армии громадное, т.к. на них лежит: 1) обучение и воспитание солдата, вообще подготовка войсковой части к бою и 2) управление этой частью в бою. Поэтому во всех армиях прилагаются заботы к образованию корпуса офицеров, вполне соответствующего своему назначению, для чего необходимо: а) подготавливать молодых людей к офицерскому званию, б) способствовать дальнейшему развитию младших офицеров, в) повышать по службе только лиц, действительно способных к занятию высших, более самостоятельных должностей. <...>

Чем однороднее первоначальная подготовка офицеров, тем легче применение мер к дальнейшему образованию их и подготовке к занятию более самостоятельных должностей; в этих видах во всех армиях установлены обязательные занятия: решение задач в поле и на карте, чтение сообщений на заданную тему и т.п. Но и при этих условиях далеко не все офицеры оказываются способными на самостоятельные должности, и приходится часть их лишать дальнейшего повышения — очевидно, что чем строже сделан первоначальный прием в корпус офицеров, тем число таких неспособных будет меньше и наоборот. Таким образом, система чинопроизводства и связанного с ним повышения в должностях вполне зависит от условий, принятых для производства в 1-й офицерский чин.

Чинопроизводство вообще может идти либо по линии, либо по выбору. 1-й способ более гарантирует интересы каждого служащего. 2-й, при правильном применении его, обеспечивает интересы службы, но легко вызывает среди офицеров интриги, зависть, подрывает товарищество. Поэтому желательно применять преимущественно производство по линии, допуская выбор лишь при назначении на высшие, наиболее важные должности;

но это возможно только там, где 1-й офицерский чин дается со строгим разбором (германская армия; у нас — в гвардии, специальных родах оружия и службы), во всех же прочих случаях приходится выбирать или на основании аттестации начальства, или же по результатам особенных экзаменов, требуемых обыкновенно при производстве в 1-й штаб-офицерский чин.

Для пополнения корпуса офицеров, при мобилизации, до штатов военного времени во всех армиях имеются еще офицеры запаса. Они состоят частью из бывших офицеров на действительной службе в войсках, но главная масса производится из вольноопределяющихся, выдержавших небольшой теоретический и практический экзамен — таковы у нас прапорщики запаса.

* * *

Офицер — войсковой начальник, облеченный чином, который дается главой государства и обеспечивается существующими законоположениями. Офицеры составляют в войске особый класс, корпус офицеров, на который возлагается командование в бою и руководство обучением нижних чинов в мирное время.

Впервые слово «офицер» встречается в сочинениях герцога Филиппа Клевского «Kriegsordnung» (изд. 1573 г.), но оно еще не имело современного значения, а означало всякое лицо, занимавшее определенную государственную должность... Только к концу XVI столетия во Франции слово «офицер» приобрело современное значение, позже же перешло во все европейские страны. <...>

В Западной Европе корпус офицеров возникает лишь с появлением постоянных армий. Численный рост армий, вызванный продолжительными войнами в эпоху Людовика XIV, привел к необходимости расчленения армии в бою на отдельные части. Частные начальники этих отдельных частей армии, по мере роста последней, приобретают в бою все большую самостоятельность.

В мирное время роль офицеров, особенно в вербовочных Фисках, не была значительной, т.к. армия составлялась из солдат-профессионалов, остававшихся под знаменами в течение продолжительного времени; обучение же новичков не представляло трудностей и могло быть поручено старшим солдатам. Главная обязанность офицеров заключалась в поддержании дисциплины суровыми мерами, которые ввиду сбродного состава войск, вербовавшихся преимущественно из авантюристов, бродяг и преступников, считались в ту эпоху единственным средством для удержания их в повиновении.

Порядок замещения офицерских должностей бывал различен: по выбору, нижних чинов или лица, которому поручалась вербовка полка; путем продажи офицерских патентов, а позднее — по назначению главы государства.

Но независимо от порядка назначения, создалась известная категория лиц, объединенных по своему статусу своих обязанностей и составивших офицерский корпус. В эпоху Фридриха Великого продажа патентов исчезает во всех европейских странах (кроме Англии), и чинопроизводство устанавливается по старшинству и за отличия. К этой же эпохе относится установление обязательности дворянского происхождения для получения офицерского звания.

Эта мера почти совершенно закрыла нижним чинам доступ в офицерский корпус. Сословный принцип скоро стал основной чертой отличия офицера от нижнего чина.

Великая Французская революция, разрушившая все сословные перегородки, устранила их и в армии, которая сама путем выборов быстро создала новый корпус офицеров, блестяще проявивший себя в войсках Республики и первой Империи. «Число великих генералов, — говорит об этой эпохе Наполеон, — разом явившихся во время революции, как, например, Пишегрю, Клебер, Массена, Марсо, Дезе, Гош и другие, почти все начавшие службу солдатами, — весьма замечательное явление».

При Наполеоне организация корпуса офицеров, установленная в эпоху революции, была окончательно утверждена и получила все основные черты (порядок чинопроизводства, обязанности в мирное время), свойственные корпусам офицеров европейских армий. Сословный принцип, временно поколебленный Французской революцией, удержался, однако, в большинстве европейских армий. В последние годы замечается тенденция к открытию доступа в офицерский корпус лицам недворянского происхождения и к допущению нижних чинов, имеющих определенный образовательный ценз, к производству в офицерские чины. <...>

Служа по призванию, офицеры являются в настоящее время представителями войска, носителями воинской чести и в этом смысле составляют особое сословие в государстве.

Обязанности офицера выражаются в трех направлениях: офицер должен руководить своими подчиненными в бою, обучать своих подчиненных требованиям военного дела и воспитывать их в сознании воинского долга, духа и чести. <...>

От офицера, как воспитателя и учителя солдата, Драгомиров требовал: 1) быть твердым в тех основах, на которых зиждется воспитание солдата; 2) обладать искренней преданностью и любовью к военному делу; 3) помнить, что люди, которые вверены его подчинению, не в состоянии применяться к нему, а он к ним должен применяться; 4) в возможной мере быть внимательным к нуждам подчиненных; 5) выработать в себе правильное отношение к закону и приказанию; 6) обратить особое внимание на то, чтобы прежде и тверже всего внушить солдату обязанности и только после того обряды; 7) делить с солдатом тягости службы; 8) уметь держать себя с солдатом.

По Драгомирову, офицер-начальник каждого ранга должен удовлетворять следующим условиям: 1) общее знание теории современного дела и, в частности, подробное знание теории и техники, относящихся к тому роду войск, в котором служит;

2) преданность Государю и Родине до самоотвержения, дисциплина, вера в нерушимость (святость) приказания, храбрость, решимость безропотно переносить все тягости службы, чувство взаимной выручки; 3) способность ориентироваться в окружающей обстановке; 4) решимость принимать на себя ответственность за свои действия и распоряжения в тех случаях, когда обстоятельства не позволяют ожидать распоряжений свыше;

5) частный почин; 6) привычка представлять себе цель каждого действия; 7) уверенность в необходимости служить делу, а не лицам, общей, а не собственной пользе. <...>

В России офицерский корпус комплектуется: а) молодыми людьми, окончившими военные училища, получившими предварительно общее образование и б) унтер-офицерами, поступившими на службу по жребию, охотниками и вольноопределяющимися; для производства в офицеры они должны удовлетворять определенным условиям служебного ценза и выдержать выпускной экзамен при военном училище. При мобилизации офицерский корпус пополняется офицерами запаса и прапор-

щиками, произведенными в этот чин за боевые отличия. Для Дальнейшего усовершенствования образования офицеров и для подготовки их к службе в специальных отраслях военного дела в России существует 5 военных академий, офицерские школы и курсы. Порядок повышения в чине совершается: а) за выслугу определенного числа лет в предшествовавшем чине, б) по старшинству, т.е. по линии, в) вне очереди старшинства, г) за отличие по службе. <...>

Редигер А. Офицер // Энциклопедия военных и морских наук / Сост. под гл. ред. ген.-л-та Леера. Т. V. — СПб., 1891. — С. 527; Добровольский А., Муромский В. Офицер // Военная энциклопедия. Т. XVII. — Пг., 1914. — С. 233-235.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ОФИЦЕРСКИХ ЧИНОВ И СИСТЕМЫ ЧИНОПРОИЗВОДСТВА В РУССКОЙ АРМИИ

В ряду административных мер, клонящихся к благоустройству армии, бесспорно, одно из важнейших мест занимает система производства в чины и порядок замещения ими различных воинских должностей.

Чины определяют в войсках то место, которое каждый служащий может и должен занимать в рядах армии, указывают прямо на обязанности и права, какими пользуется каждое лицо, определяют степень власти ему предоставленной, а следовательно, и то доверие, какое может быть к нему питаемо. Отсюда очевидно то значение, которое должна иметь как самая градация чинов в каждой армии, так еще более и система прохождения этих чинов: прямо от этого зависит возможно лучшее замещение всех должностей, а следовательно, и успех всех военных предприятий, как административных, так и боевых.

С другой стороны, законоположения, относящиеся до чинопроизводства, имеют важное значение и на нравственную силу войск: ими поддерживается в военнотружущих дух честолюбия — эта могущественная пружина всех военных доблестей; слова, что каждый солдат может быть генералом, а еще более уверенность в том, что это не фраза, а исполняемая действительность, неоднократно делали и будут делать героев из людей самых скромных. Однако для того чтобы это было вполне действительностью, необходимо, чтобы законодательство гарантировало это важное преимущество каждому военнотружущему чтобы каждый мог иметь то глубокое убеждение, что, где бы он ни находился: в отборных ли войсках или просто в полевых, в пехоте, кавалерии или какой-либо специальной службе — везде его служба будет надлежаще оценена, даст ему возможность повышения в чинах соответственно способностям и заслугам, доставит ему право на занятие высших должностей, удовлетворяющих его самолюбие, обеспечивающих положение как его собственное, так и его семейства.

<...>

В жизни нашей армии представляется по этому предмету чрезвычайно оригинальное явление: при учреждении в России постоянных войск Петром Великим установлена очень правильная градация военных чинов, введены весьма рациональные положения о чинопроизводстве, но после того все эти положения видоизменяются, совершенно теряют свое первоначальное значение, причем исчезает всякая систематичность; время от времени проявляется стремление, делаются попытки к установлению порядка по этой части, но самые попытки только усложняют дело нашего чинопроизводства, обременяя его множеством дополнений, нередко противоречащих друг другу.

Наконец, только в последнее время Высочайшими повелениями 6 мая и 30 августа 1884 года сделаны существенные изменения не только в системе военных чинов, но и в самом порядке их прохождения. Изменения эти неизбежно окажут важное влияние на все наше чинопроизводство, но влияние это проявится еще в будущем; теперь же значение всех ныне принятых мер лучше всего может выясниться по сравнению с прошедшим, по сличению с тем, через какой хаотический порядок проходило наше чинопроизводство и как много на него насадало различных усложнений, почти не уяснимых и не имевших никаких разумных оснований.

Начало нынешней градации и современного значения наших военных чинов относится ко времени учреждения в России постоянных войск, причем хотя названия чинов заимствованы из Западной Европы, но в основу их учреждения легло совершенно верное правило, *чтобы каждый чин соответствовал известной должности, связан был с определенными правами и обязанностями*. Поэтому-то первоначально самое число чинов является крайне ограниченным; так, в 1672 году встречаются в наших военных установлениях лишь следующие чины, общие для всех безразлично родов войск: полковник — начальник полка, полуполковник — его помощник, капитан — командир роты, поручик — его помощник, прапорщик — ротный знаменосец, заменяющий в случае надобности поручика и имеющий помощника или ассистента в подпрапорщике унтер-офицерского звания.

Со введением в 1698 году постоянного разделения полков на батальоны, прибавлен еще чин майора, соединенный со званием батальонного командира, затем начались добавки и чинов, не имевших непосредственного значения; так, с 1703 года во всех войсках, кроме кавалерии, введен чин секунд-

поручика или подпоручика, а несколько позднее того, но неизвестно когда именно, установлен в полках лейб-гвардии Преображенском и Семеновском чин капитан-поручика (штабс-капитана). <...>

Великим же организатором нашей славной армии установлены были и первые прочные законоположения о чинопроизводстве, заслуживающие полного внимания как по строго обдуманной целесообразности, так и по своей оригинальности, не представляющей ничего им подобного в учреждениях иностранных армий.

Законоположения Петра Великого о чинопроизводстве разбросаны во множестве указов, но главные черты их наиболее определенно выражены в следующем коротеньком указе от 1 января 1719 года: «1) чтобы никакого человека ни в какой офицерский чин не допускать из офицерских детей и дворян, которые не будут в солдатах в гвардии, исключая тех, которые из простых выходить станут по полкам, 2) чтобы через чин никого не жаловать, но порядком чин от чину возводить, 3) чтобы выбирать на вакансии баллотированием из двух или трех кандидатов».

В силу законоположений Петра Великого, все, как дворяне, так и недворяне, начинали службу рядовыми, последовательно переходя все ее ступени: капрала, фурьера, подпрапорщика и сержанта; дворяне и вообще недоросли знатного шляхетства почти исключительно поступали в ряды гвардии, которая только с 1735 года, т.е. уже при императрице Анне Иоанновне, стала комплектоваться рекрутскими наборами (из податных сословий) и то в крайне незначительном числе на первых порах.

Дальнейшее производство из унтер-офицеров в первый офицерский чин делалось *по удостоению*, баллотировкой всеми офицерскими чинами той части, в которой открывалась вакансия; переход же из одной степени в другую, как в обер-, так и в штаб-офицерских чинах, производился по старшинству службы в чин на открывающиеся вакансии.

Баллотировочные листы в гвардии проверялись и утверждались лично самим Государем, хорошо знавшим всех членов гвардии при ее тогдашней малочисленности. В армии же баллотировки должны были производиться не иначе, как в присутствии особого члена от военной коллегии. Утверждение в чинах предоставлено было до подполковника — фельдмаршалам, а полные генералы (генерал-аншефы) могли утверждать чины только до капитанского включительно; те и другие обязаны были сообщать об утвержденных ими чинах в военную коллегию, которая и выдавала на эти чины патенты. Производство в полковники и в чины генеральские непосредственно зависело от самого Государя.

Таким образом, Петром Великим впервые было установлено производство за отличие на основании выбора или баллотировки и к тому же вдруг в наиболее важных фазисах чинопрохождения, именно в первый офицерский и в первый штаб-офицерский чины. Законоположение — вполне замечательное как по своей справедливости, так и по оригинальности формы, установленной для его выполнения. Не менее замечательно и положение, созданное Петром Великим для учрежденной им гвардии. Не имея для комплектования армии надежными офицерами никаких источников, кроме призыва иностранцев, он создает в своей лейб-гвардии как бы *офицерскую школу*, в которую обязательно должны поступать все дворянские дети и в которой готовят деятели не только по военным, но и по общегосударственным делам.

Петровская гвардия послужила зародышем почти всех родов войск наших военных сил: артиллерия, инженеры, флот получали в рядах Потешных, а потом и в лейб-гвардии Преображенском и Семеновском полках свое начало; нижним чинам гвардии давалось общее научное образование, весьма солидное по тогдашнему времени: в полковых школах, учрежденных Петром, преподавались арифметика, геометрия, артиллерия, архитектура, метрология, французский и немецкий языки; с учреждением в последующие царствования кадетского корпуса и Московского университета дозволялось нижним чинам гвардии посещать классы этих заведений и бывали примеры, что за успехи в науках по аттестации университетского начальства гвардейцы повышались в чинах. <...>

Из числа нижних чинов гвардии почти исключительно комплектовалась офицерами наша армия при Петре Великом и при первых его преемниках, особенно в военное время; так, например, в 1758 и 1759 годах из одного лейб-гвардии Семеновского полка было произведено в армию офицерами 140 рядовых; подобные производства и назывались выпусками из гвардии.

В рядах же гвардии образовывались и начальники для занятия высших должностей в войсках; через ее школу, из рядов ее солдат, через длинный ряд постепенности чинов прошел сам Петр Великий, прошли все главнейшие военачальники не только его века, но даже и века Екатерины II, отчасти и времен императора Александра I, пока наконец не были заменены питомцами кадетских корпусов. Это то высшее назначение гвардии и выказалось по Табели о рангах Петра (1722 г.), по которой чин полковника гвардии поставлен в 4-м классе наравне с чинами генерал-майора сухопутных войск и

артиллерии; чин подполковника гвардии — наравне с чинами бригадира армии и полковника артиллерии, чин майора гвардии — наравне с полковником армии и подполковником артиллерии и т.д.

При этом замечается, что штаб- и обер-офицеры гвардии, будучи назначаемы на высшие должности в армию, сохраняли обыкновенно свои гвардейские чины, гвардейскую линию производства и даже оклад жалованья, возвращаясь опять в гвардию по миновании надобности в их, так' сказать, армейской службе. Этим и объясняется встречающиеся в прошлом столетии титулы: полковник армии и лейб-гвардии капитан или генерал-майор и лейб-гвардии майор; нередко чины по армии получались за боевые отличия с утверждения главнокомандующего, а в то же время производимый сохранял и свою гвардейскую линию производства.

Обычай сохранять линию производства по гвардии держался очень долго в наших войсках, так что в царствование императора Николая I было издано два указа, в 1837 и 1838 годах, для уничтожения положения, по которому переводимые в армию сохраняли гвардейскую линию чинов. Наконец, можно заметить, что в недавнее еще время при расформировании учебных войск состоящие в них капитаны гвардии были переведены в армию подполковниками с предоставлением им права быть произведенными в полковники единовременно с их гвардейскими сверстниками. <...>

Что касается до чинопроизводства, то главные черты его, установленные Петром Великим, оставались в нашей армии без изменений в продолжение почти всего прошлого столетия, будучи лишь дополняемы некоторыми узаконениями в видах предотвращения злоупотреблений, возникающих от *сродства и лицепрятия*, от учинения производства *не по достоинству, а по старости*. В числе этого рода узаконений есть одно в высшей степени оригинальное — это именно указ императрицы Елизаветы Петровны от 28 ноября 1742 г., по которому адъютанты генерал-фельдмаршалов и прочего генералитета производились в следующие чины не иначе, как по выслуге 10 лет^в чине; в царствование Екатерины II срок этот уменьшен был до шести лет и окончательно отменен только в 1817 г.

В видах же устранения разных случайностей в чинопроизводстве, всякого рода переходы офицеров из одной части войск в другую были крайне затруднены и даже неоднократно запрещались особыми указами в прошлом столетии прямо в том внимании, чтобы переходящие не заслоняли дороги к производству более достойным.

Характеристично в этом отношении то, что в то время как для производства в первый офицерский чин и в некоторые последующие вовсе не требовалось подтверждения верховной власти, переводы из одной части в другую не иначе могли быть совершаемы, как по особым высочайшим именным указам, что было еще установлено указом 7 декабря 1731 г. Поэтому-то переводы бывали очень редки и если встречались, то более часто за особые отличия из армии в гвардию, причем, по указу 11 декабря 1725 г., «написывались в гвардию из других полков, с понижением двух чинов, по таковым уже старшинства не дается, и тем им быть довольным, что в гвардию записаны».

Рядом с воспрещением переводов вносился постоянно сильнейший разлад в системе чинопроизводства допущением в широких размерах верстания старшинством, производства для сравнения со сверстниками. Поводов к этому встречалось очень много: при том значении, какое имело в прошлом столетии наше военное сословие, в смысле наиболее развитой и образованной части нашего общества, офицерам постоянно представлялись многочисленные откомандировки к исполнению разных должностей и поручений не только в сфере военного ведомства, но и разных других поприщ; эти-то командировки более всего путали наше чинопроизводство: при открывающихся вакансиях повышались в чины лишь офицеры, находящиеся налицо, откомандированные куда бы то ни было являлись обиженными, отыскивали свое старшинство; военная коллегия, или же главнокомандующие, генерал-фельдмаршалы восстанавливали их права на производство, производили их, не стесняясь вакансиями, в сверхкомплект.

Отсюда явилось нарушение штатов, сверхштатные чины, что еще более усилилось, когда в царствование Екатерины II установился обычай производства зауряд, с заслугой некоторого числа лет за прежний чин; обычай этот введен был для того, чтобы обходить законоположение, что недворяне ранее выслуги 12 лет не должны быть производимы в офицеры: нередко таких лиц производили в офицеры ранее этого срока с заслугой в прапорщичьем чине недослуженного срока; очень часто такое лицо повышалось и в дальнейшие чины на вакансии, или же за отличие, и продолжало заслуживать свой термин.

Заслугу применяли и для производства в сверхкомплект при неимении вакансии, что крайне затрудняло военную коллегию, которая обязана была учитывать старшинство разных чинов и следить за штатным положением всех войсковых частей. Обязанности эти особенно затруднялись и просто

делались невыполнимыми во время войн, когда фактически теряли всякую силу все законоположения о чинопроизводстве и даже правила баллотировки, а право жалованья в чины до подполковника включительно бесконтрольно предоставлялось главнокомандующим армии; последние же совершенно ничем не стеснялись, производили по своему усмотрению нередко и через чин, вовсе даже не общая военной коллегии о произведенных.

Все таковые злоупотребления и неурядицы особенно усилились в царствование императрицы Екатерины II, когда при частых, почти непрерывных войнах во главе наших армий стояли вельможи всемогущие как по своему положению при дворе, так и вследствие личных своих заслуг; с ними не могла, конечно, бороться военная коллегия, а нужна была более сильная власть, которая бы преобразовала все законоположения нашего расшатавшегося чинопроизводства.

По-видимому, император Павел имел в виду совершить это преобразование, но по кратковременности своего царствования, а может быть, и по неимению исполнителей, сочувствующих этому делу, не успел его исполнить и только как бы коснулся до некоторых вопросов, к тому относящихся.

Прежде всего император обратил внимание на градацию военных чинов, которая радикально изменена против прежнего, хотя в самых законоположениях нигде не имеется разъяснения относительно этих перемен. Так, премьер- и секунд-майоры упразднены и заменены одним майорским чином; капитан-поручики переименованы в штабс-капитаны, и чин этот введен во все войска, где его прежде не полагалось; в гусарских полках упразднен чин подпоручика, по примеру полков кирасирских и карабинерных, где он был уничтожен еще в 1786 г., а в драгунах чин этот остался по-прежнему; чин бригадира вовсе упразднен, наконец, уменьшено прежнее значение чина полковника гвардии; чин этот низведен по табели о рангах из 4-го класса в 6-ой, т.е. приравнен к чину полковника армии; этим было положено начало доньне существующему положению, что чин полковника во всех родах службы имеет одинаковое значение; одновременно с этим, как бы для сохранения прежней ответственности между чинами всех родов войск ниже полковничьего, в гвардейской пехоте и кавалерии упразднены были подполковники и майоры. <...>

Гвардия со времени штатов 1798 года получает ту особенность, сохранившуюся доньне, что командиры полков определены в генеральских чинах, а батальонами и эскадронами командуют полковники. Впрочем, вследствие измененного значения чина полковника гвардии, штатами для каждого из гвардейских пехотных полков назначено определенное число генерал-майоров и полковников, а именно: в Преображенском полку — пять генералов и 10 полковников, в Семеновском и Измайловском — по три генерала и по шести полковников.

В гвардейской кавалерии на каждый эскадрон, кроме командующего им полковника, определено иметь по одному ротмистру, штабс-ротмистру и корнету и от одного до трех поручиков.

Императору Павлу принадлежит также почин и в законоположениях о чинопроизводстве с явным стремлением к тому, чтобы вывести этот важный акт из прежней безурядицы и поставить его в надлежащую систему. На первом плане было постановлено, что повышение во все офицерские чины должно производиться не иначе, как с утверждения самого Государя, по представлениям военной коллегии, основанным на аттестации полковых командиров и других начальников, равную с ними власть имеющих; этим окончательно отнимались прежние права главнокомандующих и фельдмаршалов производить в чины помимо военной коллегии, что, как известно, привело все наше чинопроизводство в царствование Екатерины II в совершенно беспорядочное состояние. Императором же Павлом было установлено, чтобы все чинопроизводство постоянно было объявляемо в так называемых тогда «парольных приказах», которые перешли потом в форму Высочайших указов. Прежняя баллотировка, служившая основанием для производства в чины, вывелась окончательно из употребления еще во время войн царствования Екатерины II, так что не имеется и указания на то, когда именно она вполне уступила место производству, основанному строго на одном старшинстве, хотя и при особой аттестации ближайшего начальства. Как бы то ни было, но прежнее, установленное Петром производство по выбору вовсе исчезло из нашего законодательства, оставшись в нем только в виде исключительной награды за особые отличия, преимущественно для военного времени.

Установление чинопроизводства исключительно по старшинству совпадает и даже является как бы следствием тех мер, которые были приняты правительством в конце прошлого столетия для недопущения недворян к производству в офицеры. Затруднения к тому были поставлены воинским уставом 1796 года, которым подтверждалось не только не производить в офицеры ранее 12 лет, но даже требовать от них еще обязательной четырехлетней службы рядовыми до производства в унтер-офицеры. Вслед за этим указом 17 апреля 1798 года вовсе запрещено было представлять унтер-офицеров из не-

дворян не только в офицеры, но даже в портупей-прапорщики и подпрапорщики, так как в этих последних званиях должны были состоять одни лишь дворяне.

Все эти законоположения были рассчитаны на то, что впредь комплектование армии офицерами возможно будет производить исключительно выпусками из военно-учебных заведений, которые существовали только для детей дворян; все это было вполне согласно с духом тогдашнего времени, с существовавшим во всей силе крепостным правом; во внутреннем быту войск это отразилось установившимся было в нашей армии обычае, что для нижнего чина каждый офицер «барин», «господин», который может бесконтрольно распорядиться своими подчиненными как крепостными; подобные взгляды и обычаи были поколеблены только с сокращением сроков службы, но следы их не совсем изгладились и в настоящее время.

На деле, однако, ожидания правительства не оправдались: постоянное возрастание численности нашей армии, сильная убыль в офицерах в течение непрерывных почти войн конца прошлого и начала нынешнего столетия требовали такого числа офицеров, какое не в состоянии были доставить тогдашние немногочисленные еще военно-учебные заведения. К тому же усложнившиеся потребности государственной жизни стали отвлекать дворянское сословие от военного поприща, а преимущества, дарованные в 1785 году дворянству, повлияли также на уменьшение числа желающих служить в войсках из этого сословия. Все это вместе, несмотря на вышеуказанные законоположения, вызвало в широких размерах необходимость производства в офицеры и недворян обязательного срока службы, обращая внимание лишь на то, чтобы производимые имели по возможности соответственное офицерскому званию образование. Требование это подтвердилось несколькими указами императора Александра I, и лишь только с окончанием наполеоновских войн миновала надобность в усиленном комплектовании армии офицерами, как тотчас же, в 1816 году, было установлено, чтобы унтер-офицеры, не имеющие достаточного образования, при производстве в офицеры отнюдь не были оставляемы на службе, а увольнялись бы в отставку.

Несмотря, однако, на все эти законоположения и подтверждения, производство недворян в офицеры делалось в самых широких размерах и притом так снисходительно, что армия наша переполнилась необразованными и даже неграмотными офицерами; некоторым удавалось достигать и до командования отдельными частями, и до высших чинов; большинство же переполняло тогдашние местные войска, составлявшие так называемый корпус внутренней стражи. Еще в 1828 году, следовательно, уже после многочисленных подтверждений о непроизводстве без разбора в офицеры, командир названного корпуса генерал-адъютант граф Комаровский доносил Государю, что большинство офицеров корпуса настолько малограмотны, что не могут исполнять возлагаемых на них поручений, причем им предоставлен список 225 офицеров, вовсе не знавших грамоты.

Такое положение нашей армии обратило на себя серьезное внимание правительства и вызвало целый ряд самых серьезных мер, которыми особенно переполнена вся половина текущего столетия. В числе этих мер на первом плане стояло *развитие разного рода военно-учебных заведений*, что особенно заметно в царствование императора Николая, когда была создана целая стройная система кадетских корпусов, со специальными училищами по артиллерийской и инженерной частям во главе их. На поднятие уровня как общего, так и военного образования офицеров имело в то же время немалое влияние и увеличение численности войск гвардии, относящееся к концу прошлого и началу нынешнего столетия: в состав гвардии включены все роды войск и служб: пехота, кавалерия, артиллерия, саперы, пионеры, инженеры, Генеральный штаб и даже флотский экипаж; увеличивая численность гвардейских войск, предоставляя этим войскам более быстрое производство, имелось в виду замещать офицерами, прошедшими через гвардейскую школу, не только все высшие места в армии, но по возможности даже и должности полковых командиров и вообще начальников отдельных частей. В это же время было установлено, чтобы к войскам гвардии временно прикомандировывать армейских офицеров для изучения службы, возвращая их затем обратно в свои части.

Нелишне заметить здесь, что как развитию военно-учебных заведений, так и процветанию вообще специальных родов войск и самой гвардии весьма много содействовало и то, что постоянно во главе этих ведомств стояли ближайшие к царствующему дому члены августейшего семейства: все эти ведомства быстро и стройно развивались и доставляли вполне удовлетворительные по тому времени контингенты офицеров для нашей армии.

С развитием военно-учебных заведений представлялось менее надобности в офицерах, производимых из выслуживающихся, но лишенных всякого образования нижних чинов. С 1829 года особенно было определено, чтобы производство в офицеры из нижних чинов было делаяемо не иначе, как после

строгого испытания, производимого ближайшим начальником, а в сороковых годах установлены уже правильные экзамены по программам не только для производства в первый офицерский чин, но и для получения преимуществ, Высочайше дарованных нижним чинам, отказывающимся от производства в офицеры. С того времени экзаменные требования постоянно все усиливаются, а для облегчения возможности удовлетворить этим требованиям при разных штабах по инициативе высших воинских начальников стали учреждаться *юнкерские школы*, последние, впрочем, исключительно предназначались для подготовки в них молодых дворян, добровольно вступающих в службу юнкерами.

Таким-то образом постепенно изменились прежние основания, принятые для производства в офицеры, именно установилось производство в первый офицерский чин на основании прав по образованию, определяемых выдержанном установленном экзамена; производство без экзамена допускалось в виде редкого изъятия, только за отличия военного времени. <...>

Некоторые из неудобств бывшей градации чинов были признаваемы еще в царствование императора Николая; так, в 1847 году предложено было установить звание старшего полковника, определив оное в V классе с тем, чтобы это звание было присвоено командирам полков и лицам, занимающим соответственные должности; прежний же чин полковника вводился в штаты пехотного полка для должности помощника командира полка. Рядом с этим созданием нового чина в том же году возбужден был вопрос о соответствии чинов должностям и об уничтожении чинов, не имеющих ни строевого, ни административного значений; тогда же состоялось и Высочайшее повеление об упразднении чинов штабс-капитана, штабс-ротмистра и подпоручика. Все соображения по обоим этим вопросам были уже разработаны в военном министерстве, но, вероятно, вследствие начавшейся вскоре Венгерской войны самое осуществление этих предположений не воспоследовало. <...>

В шестидесятых годах только по двум вопросам чинопроизводства приняты были некоторые меры, а именно: по устранению военных чинов из ведомств, не имеющих отношения к строевой службе, и по переводам в гвардию офицеров, выпускаемых из военных училищ.

По первому вопросу положено было для усиления вообще значения военных чинов устранить эти чины не только от военно-административных должностей, а тем более от должностей гражданского ведомства. Сообразно тому Высочайше было утверждено, чтобы на классных должностях, кои по штатам военного министерства и учреждений ему подведомственных определено замещать безразлично чинами военными или гражданскими, позволять иметь только одну треть военных офицеров, с соблюдением притом правила, чтобы на подобные должности офицеры назначались не иначе, как по прослужении в офицерском звании четырех лет. Что же касается до уменьшения числа военных чинов на должностях гражданского ведомства, то еще в 1866 году объявлены были Высочайше утвержденные правила об уменьшении числа офицеров на разных должностях по министерству внутренних дел, а в то же время устранены военные чины из некоторых ведомств, как-то: лесного, телеграфного, путей сообщений, горного.

Существовавший с 1830 года вполне рациональный порядок выпуска лучших воспитанников бывших кадетских корпусов на службу прямо в гвардию изменен был в конце пятидесятых годов тем, что лучших воспитанников положено было выпускать из кадетских корпусов поручиками в армию, считая их лишь кандидатами для перевода в гвардию. Отсюда возникло множество осложнений в деле перевода из армии в гвардию, особенно усилившихся с упразднением военных училищ и с предоставлением командирам гвардейских полков права избирать по своему усмотрению для перевода в гвардию юнкеров, выпускаемых по 1-му разряду. <...>

Вопрос о выборе кандидатов на должности командиров отдельных частей, а равно и о порядке назначения на таковые должности, тесно связан с общим вопросом о чинопроизводстве. Это, так сказать, заключительный акт службы офицера, имеющий для каждого военнослужащего первенствующее значение, так как с этим актом связано увеличение степени власти и служебной самостоятельности, лучшее материальное обеспечение, наконец, и высшее общественное положение. По прежним законоположениям большинство наших офицеров, именно вся масса служащих в армии, находились в крайне незавидном в этом отношении положении: получение полка для них было почти недостижимым, тогда как в некоторых других родах службы достигалось очень легко. Так, для получения возможности быть назначенным командиром полка, армейский пехотный офицер должен был получить чины майора и подполковника за отличие, удостоиться зачисления в кандидаты на получение отдельного батальона, который он получал обыкновенно не скоро, вследствие многочисленности таковых кандидатов; затем, прокомандовав успешно этой частью, производился за отличие в полковники, зачислялся в кандидаты на полк, на получение которого не мог скоро рассчитывать, так как из числа

кандидатов по Высочайше утвержденной в то время очереди полковые командиры назначались один из гвардии и один из прочих родов войск, хотя последние превышали своей численностью первых в пять, шесть и более раз; так, например, в феврале 1871 года на 108 всех кандидатов в полковые командиры было назначенных: из гвардии — 14; из Генерального штаба — 31; из армии — 54 из других родов войск — 9. Нелишне припомнить, что самое зачисление в кандидаты доставалось в других родах войск гораздо легче, чем в армии; так, офицер, имевший счастье попасть в гвардию, получал все чины по линии, нередко достигал чина полковника в 15 лет службы и зачислялся в кандидаты прямо на полк только один раз, после двухлетнего командования батальоном в полку. <...>

Выработка и введение общей воинской повинности, а вслед затем Русско-турецкая война отвлекли надолго внимание военного министерства от вопросов, относящихся до чинопроизводства; только уже ныне благополучно царствующий Государь Император «во изъявление своего высокого благоволения к армии, за неизменную преданность ее долгу и доблестные заслуги в боях», Всемилоостивейше повелел соизволить: офицеров армейских войск сравнивать в преимуществах с офицерами специальных частей, что выразилось исключением из разряда штаб-офицерских чинов чина майора и производством вперед капитанов армии прямо в подполковники; вслед затем воспоследовала новая монаршая милость к начинающим службу офицерам: исключен из ряда чинов постоянной службы чин прапорщика, с оставлением вперед этого чина только в запасе армейских войск всех родов оружия, не исключая и кавалерии; чин корнета в кавалерии приравнен к чину подпоручика прочих войск. А с 1 января 1885 года прежнее ваканционное производство в чин поручика заменено производством за выслугу в чине подпоручика и корнета четырех лет; наконец, соответственно этим изменениям в системе младших обер-офицерских чинов, видоизменены и существовавшие правила о выпуске в офицеры воспитанников военно-учебных заведений, причем в основу принято, чтобы во всех родах войск воспитанники всех заведений начинали службу офицерскую с одного и того же чина, видоизменяя только их старшинство в оном сообразно их успехам при выпуске.

Единовременно с этими важными установлениями Государем Императором утверждены временные правила о производстве как капитанов в первый штаб-офицерский чин, так и подполковников пехоты и кавалерии в полковники. В этих правилах производство капитанов в подполковники обусловлено старшинством и избранием начальства, причем установлены общие линии производства по всем пехотным частям в трех различных регионах, а не по дивизиям, как было прежде. Единовременно с этим обстоятельно установлены предельный возраст, выше которого нельзя оставаться на службе в чинах капитана и подполковника, и определены сроки обязательной выслуги в этих чинах для повышения в следующие.

Вообще все законоположения за последние три года составляют чрезвычайно важный шаг в ряду наших военных преобразований; законоположения эти выводят наше чинопроизводство из ряда прежних многочисленных и крайне запутанных положений на более прямую и справедливую дорогу.

Число чинов уменьшено, вследствие чего установилось более соответствия между чинами и строевыми должностями:

офицерская служба начинается одним и тем же чином подпоручика или равносильного ему корнета в кавалерии; это младший субалтерн-офицерский чин, продолжительность пребывания в котором четыре года — одинакова для всех, но уменьшается соответственно еще успехам, получаемым на школьной скамье; для должности старшего субалтерна — тоже один чин. Далее, для ротных командиров — опять два чина: младший и старший, штабс-капитана и капитана, из которых последний служит переходной ступенью к чинам штаб-офицерским, предназначенным для командования более значительными, даже самостоятельными частями. Здесь уже производство в чины усложняется: до сих пор оно шло по полковым линиям, зависело только от одного старшинства выслуги; теперь же для перехода в первый штаб-офицерский чин требуются: выслуга в чине определенных лет, обязательное командование ротой два года подряд, возраст не свыше 50-ти лет, общей службы не менее 12-ти лет, да еще и сложная аттестация, удостоверяемая не только начальником дивизии, но и корпусным командиром, и представляемая военному министру через главных начальников военных округов.

Штаб-офицерских чинов также два для всех родов войск, кроме гвардии, где по-прежнему имеется только один штаб-офицерский чин полковника; здесь старший чин предоставлен для лиц, самостоятельно командующих отдельными частями, почему младший штаб-офицерский чин подполковника служит подготовительной ступенью для перехода в полковники, а потому самые правила производства в этот последний чин обставлены крайне обстоятельно и подробно; здесь опять определены пре-

дельные лета возраста, общей службы в чине подполковника, а самое производство совершается не иначе, как по наградным правилам.

Таким образом, ныне установились определенно две категории обер-офицерских чинов и одна категория штаб-офицерских; в каждой категории есть младший и старший чин, а именно: субалтерн-офицер — подпоручик и поручик, ротный командир — штабс-капитан и капитан, штабс-офицер — подполковник и полковник.

Упрощение чинов значительно облегчает всякого рода переводы из одного рода войск в другой, когда в них неодинаковое число чинов. В то же время правила, определяющие порядок перехода от одних чинов в другие, так выработаны, что самые условия этого перехода усложняются по мере повышения чинов: чин поручика приобретается простою выслугою лет;

следующие два чина даются уже труднее, и для находящихся в этих чинах являются уже условия, невыполнение которых закрывает им дальнейшее повышение в чинах; то же самое и в штаб-офицерских чинах, где условия повышения еще более осложнены; отсюда является точно определенное положение, что высшие чины, ведущие к самостоятельному командованию отдельными частями, будут доступны только для тех наиболее способных лиц, которые благополучно пройдут через все инстанции чинов и не застрянут на чинах капитанских и подполковничьих. При этом следует напомнить, что Монаршая милость не оставила и тех, кто по состоянию ли здоровья, по своему возрасту или, наконец, по способностям не может исполнять обязанности ротного или батальонного командира: для них установлены особые льготные правила, по которым они повышаются в следующие чины подполковника или полковника, но с Увольнением от действительной службы.

Введение всех этих новых законоположений составляет радостное и крупное событие для нашей доблестной армии, хотя, к сожалению, от них предвидится более последствий в будущем, чем в настоящем. Подобные явления весьма обычны: почти всякое нововведение обильно своими последствиями в будущем, нередко нанося явный ущерб настоящему, подобно тому пахарю, который бросает семя в землю для того, чтобы со временем собрать плоды своих затрат. Так и в настоящем случае: новые правила производства неблагоприятно отзывались на многих личностях, особенно в капитанских чинах; но эти невыгоды чисто личные, одиночные, не должны быть принимаемы в расчет там, где дело идет об общей пользе, особенно о пользе дорогой для всех нас русской армии.

Военный Сборник. 1887. — № 4.

Н. Морозов

ВОСПИТАНИЕ ГЕНЕРАЛА И ОФИЦЕРА КАК ОСНОВА ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ

Введение

Первая половина XIX столетия ознаменовалась крупным переломом в жизни нашей армии, переломом, быстро и неожиданно приведшим ее от великой эпохи побед и славы к тяжелым временам поражений и упадка. Блестяще и счастливо начался для нас прошлый век. Победоносная французская армия, предводимая Величайшим Полководцем мира, обойдя с громом побед всю Европу, нашла себе достойную соперницу лишь в лице тогдашней русской армии, которая, не имея на своей стороне ни гениального вождя, ни численного превосходства, тем не менее оказалась победительницей Великой Армии Наполеона.

Еще в то время, когда Австрия и Пруссия видели лишь одни жестокие поражения, когда их армии совершенно разваливались от первого же столкновения с французами, русская армия одна умела выдерживать бурный натиск наполеоновских войск и давать им жестокий отпор.

В то самое время, когда Франция занесла на славные страницы своей истории Вальми, Жемапп, блестящий Итальянский поход Бонапарта, Маренго, Ульм, Аустерлиц, Йену и Ауарштедт, Россия украсила свою историю Итальянским и Швейцарским походами Суворова, Пултуском, Прейсиш-Эйлау и Гейльсбергом и только, как бы в наказание за недоверие Императора к испытанным Екатерининским вождям и пристрастие к иноземцам, потерпела поражения под Аустерлицем и Фридландом, в первом из которых взялись заправлять австрийские стратеги, а во втором положительно сыграл в поддавки иностранец-главнокомандующий, заведший свою армию в роковую ловушку.

Война 1812 г., в которой русским талантам удалось исправить даже ошибки неудачного первоначального развертывания и в ряде боев не дать Великому Полководцу ни одной решительной победы, является величайшей гордостью нашей армии.

Наконец, походы 1813-1814 гг. окончательно упрочили за русскими славу победителей Наполеона и отвели армии первое место в Европе. Казалось, что отныне уже нет в мире силы, которая могла бы противиться русским...

Но вот прошло всего 13 лет и уже в походе 1828-1829 гг. русская армия далеко не оказалась на прежней высоте, далеко не проявила своей былой мощи; после ряда грубейших ошибок и промахов едва-едва удалось ей справиться с самой отсталой армией Европы.

Таких же недостатков и промахов с нашей стороны полон и 1831 год.

Наконец, Севастопольская кампания окончательно подорвала былую славу армии и показала наше полное бессилие бороться даже с такими отсталыми, кое-как собранными и плохо организованными европейскими армиями, как английская и французская того времени.

Таким образом, от сладкого увлечения блестящим прошлым пришла армия к горькой действительности настоящего.

В чем же причины этого печального явления? В чем корень зла? Отчего так быстро и внезапно разрушилась мощь той армии, выдающуюся силу и упорство которой в начале века признал даже наш достойный противник?

Ответы на эти вопросы для нас, военных, имеют не одно только историческое, но и громадное практическое значение.

Давно уже известно, что победа или поражение армии на полях сражений вовсе не является делом случая, не приходит извне, а лежит в самой армии, подготавливается всей ее жизнью в период мира.

И в зависимости от того пути, по которому идет воспитание армии в мирное время, ждут ее на войне или блестящие победы, или позорные неудачи.

Рассмотрев и сравнив состояние армии в период побед и блеска с состоянием ее в период поражений и упадка, указав, таким образом, на причины мощи армии в один период и ее слабости — в другой, можно этим способом указать и тот единственный, настоящий путь, по которому еще в мирное время должна идти жизнь армии, желающей быть победоносной на полях сражений. <...>

Русская армия эпохи наполеоновских войн

Наследие екатерининского века

Русская армия начала XIX столетия по многим сторонам своей жизни еще была армией Великой Екатерины, хранила в себе многие заветы славных вождей этого царствования, жила, даже, если можно так выразиться, бредила славными Румянцевскими и Суворовскими победами. И поэтому, чтобы полнее обрисовать армию начала царствования Александра, нельзя не обратиться несколько назад и бросить хотя бы самый беглый взгляд на армию Великой Государыни.

При этом оговорюсь прежде всего, что дать общую и полную характеристику Екатерининской армии есть задача положительно для меня невозможная как по недостатку места, так и по разнохарактерности этой армии, в которой даже отдельные полки зачастую самым противоположным образом различались между собою, давая картины самых резких и неожиданных контрастов.

Подобное положение дел в армии являлось следствием того, что самыми яркими и типичными чертами Екатерининской армии, чертами, унаследованными еще от Елизаветы, являлись громадная самостоятельность начальников и почти полное отсутствие контроля. Дух времени был таков, что даже командир полка являлся неограниченным и бесконтрольным хозяином в деле обучения и хозяйства полка. Боевая же подготовка войск того времени по самому закону всецело зависела от личности их начальника. Устав касался только обучения, «экзерциции», но в производстве маневров и учений допускалась громадная свобода начальников. Они сами вырабатывали для этого свои инструкции, от чего, конечно, происходило сильное разнообразие в обучении войск, но зато, с другой стороны, достигалось и соревнование начальников между собою¹.

Гораздо худшее влияние имел недостаток контроля, породивший те колоссальные злоупотребления и ту распущенность, которые были присущи многим частям этой армии. Были полки, где вошло в обычай не исключать из списков бежавших и умерших, где распускали по домам часть нижних чинов и присваивали себе положенное на них довольствие. Некоторые полки простирали распущенность свою до самых невероятных пределов. Гвардия же до такой степени мало отвечала понятию «войск», что появился известный проект кн. Репнина — передать ее из военного ведомства в придворное.

Протекция и фаворитизм тоже свили себе прочное гнездо в армии. Отмечу для примера, что тогда, в обход Петровского закона, по которому для производства в офицеры требовалось пройти тяжелую солдатскую лямку, люди с протекцией стали записывать детей рядовыми в гвардию еще в младенчестве; известен случай зачисления на службу нижним чином еще до рождения.

Нахватав чинов с колыбели, молодые безусые юнцы чуть ли не сразу получали полки и являлись, таким образом, начальниками боевых, заслуженных ветеранов.

Много, очень много темных сторон еще можно найти в жизни этой армии, и все-таки, несмотря на все эти пятна, Екатерининская армия имела за собою и так много хорошего, что с нею не могла и думать равняться ни одна из европейских армий того времени, за исключением революционной французской.

Прежде всего следует отметить, что Императрица, вообще, сравнительно редко ошибалась в выборе своих помощников, а при этом условии ее система полного доверия и мощи исполнителю была как раз на руку талантливым людям, получавшим широкое поле для развития своих сил и способностей.

Энергичным, независимым и кипучим натурам, не укладывавшимся в рамки обыденной жизни, это царствование, несмотря на фаворитизм и интриги, было более других по нутру; так, безошибочно можно сказать, что только при тогдашней системе мог у нас вырасти и развиваться оригинальный Суворовский талант.

Далее, сама Императрица всегда бодрая, живая, энергичная, не унывающая при самых тяжелых обстоятельствах, сумела и в армию влить тот же дух бодрости, энергии и веселья.

«Римляне никогда не считали врагов, а только спрашивали, где они?» — писала она Румянцеву в ответ на его донесение о превосходных силах турок, и результатом этих слов явилась блестящая Кагульская победа, одержанная 17-ю тысячами против полутораста.

Благодаря достойным тогдашним вождям, дух беспримерной смелости и отваги, доходившей до дерзости, глубоко проник в армию; их же талантами русское военное искусство далеко опередило искусство соседей.

¹ Столетие Военного Министерства. Образование и обучение войск, т. IV., ч. I, кн. 2., отд. 3., вып. I., стр. 207. (Здесь и далее сноски приводятся в редакции авторов. — *Прим. ред.*)

Как раз в то время, когда на Западе военное искусство застыло в мертвых формах и свелось к исполнению хитроумных маршей и контрмаршей, которыми думали решать судьбу войны без помощи сражений, у нас Румянцев первый указал новый путь к победам — *атаковать неприятеля, искать его в поле*, причем весьма образно и рельефно изобразил выгоды наступления перед обороной. «Нападающий, — писал он, — до самого конца дела все думает выиграть, а обороняющийся оставляет в себе всегда страх, соразмерно сделанному на него стремлению»¹.

Следующим наивысшим выразителем этого же смелого наступательного духа тогдашней армии явился Суворов, как известно, вовсе не признававший ни отступления, ни обороны.

«Шаг назад — смерть! Вперед два, три и десять — позволю».

«Сикурс, опасность и прочие воображительные в мнениях слова служат бабам, кои боятся с печи слезть, чтобы ноги не переломить, а ленивым, роскошным и тупозрячим для *подлой обороны*, которая по конце, худая ли, добрая ли, рассказчиками также храброю называется».

Обладая громадным военным и общим образованием, зная несколько языков, выписывая положительно все лучшие журналы Европы, этот Великий человек рекомендовал широкое военное образование и своим подчиненным. «Генералу, — говорил он, — необходимо непрерывное образование себя науками с помощью чтения». «Читай Юлия Кесаря, Аннибала и Бонапарта», — отвечал он на вопрос, как сделаться хорошим полководцем, указав, таким образом, тот же путь к познанию военного дела, какой впоследствии указал и Наполеон. Замечательно при этом, что в Наполеоне прозрел он Великого Полководца только за один его поход 1796-1797 гг.

Следом за Румянцевым и Суворовым тянется целая «стая славных Екатерининских орлов». Большой здравый смысл, верный взгляд, громадная независимая воля и энергия — общая печать этих личностей. Неудивительно, что часть армии, прошедшая серьезную боевую школу под руководством подобных начальников, действительно могла считать себя первой в Европе и с избытком искупала все недостатки и грехи другой части.

Насколько же идеи лучших вождей Екатерининского царствования опередили не только свою эпоху, но во многом и нынешнее время, можно видеть из следующих заметок. Требуя еще тогда широкой инициативы от подчиненных, Суворов в Польскую войну писал: «Спрашиваться старших накрепко воспрещаю, но каждому командиру в его окружности делать мятежникам самому собою скорый и крепкий удар, под взысканием за малую деятельность». В то время, когда на Западе солдат гоняли в бой, как стадо баранов, когда ныне выражение «они не знали» стало эпитетом минувшей войны, Суворов еще тогда требовал и добивался, чтобы «всякий воин понимал свой маневр». В то время, когда на Западе все обучение войск сводилось к параду и исполнению тех замысловатых построений, которыми Фридрих на закате своих дней морочил Европу, у нас еще Устав 1763 г. постановил «учить войска только тому, что им придется делать на войне».

После минувшей войны мы открыли Америку в виде применения войск к местности и приписали необходимость этого исключительно новым условиям боя, а между тем у нас же правила для обучения егерей 1789 г. гласили: «Приучать к проворному беганью, подпалзывать скрытыми местами, скрываться в ямах и впадинах, прятаться за камни и кусты возвышенные, укрывшись стрелять и, ложась на спину, заряжать ружье...»².

«Наставление же господам пехотным офицерам в день сражения» (1812 года), проникнутое Суворовским духом, прямо требует от начальников применять к местности свои части, причем только воспрещает отводить их для этого назад³.

До самого последнего времени у нас не сознавали значение огня в бою и осмеливались даже ссылаться при этом на авторитет Суворова, цепляясь за одну его фразу и не понимая его духа; а на самом деле — как бы в насмешку над своими мнимыми последователями — Великий Полководец как раз требовал от своих войск, и весьма настойчиво, хорошей и меткой стрельбы, причем добивался, чтобы на каждого солдата в бою было не менее 100 патронов — количество по тогдашнему времени колоссальное.

Дальше же всего шагнули Екатерининские генералы в деле воспитания войск и истинной дисциплины.

¹ Михневич. Основы русского военного искусства, стр. 67.

² Столетие Военного Министерства. Образование и обучение войск. Уставы и наставления.

³ Военный Сборник. 1902 г. № 7. Наставление господам пехотным офицерам в день сражения, стр. 234.

В то самое время, когда на Западе личность подчиненного унижалась всеми способами, а солдат третировался как существо низшее, когда вся дисциплина была построена на палке капрала, которой, по выражению Фридриха, солдат должен был бояться больше, чем пули неприятеля, у нас еще Потемкин, будучи президентом военной коллегии, требовал самого внимательного отношения начальников к подчиненным и, в частности, относительно нижних чинов напоминал, что «солдат есть название честное, коим и первые чины именуются».

Еще дальше пошел Румянцев, совершенно уничтоживший в своей армии побои.

«Однако же, — пишет по этому поводу удивленный современник, — при всем том дисциплина и чиновначалие в должном уважении оставались».

В это же время Суворов допускал и возражения низшего высшему с тем только, чтобы оно делалось пристойно, наедине, а не во многолюдстве, иначе будет буйством.

Даже вопроса о форме одежды коснулись вожди того времени, и взгляд Потемкина по этому поводу обличает в нем большой здравый смысл и верный, чисто практический военный взгляд. В то время, когда вся Европа занималась перешиванием своих форм на прусский образец, видя спасение в этишкетах, петлицах, клапанах прусского покроя, Потемкин, добиваясь отмены в армии прусского костюма, введенного Петром III, писал: «В России, когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранные с педантством того времени, а наши, не зная прямой цели вещам военного снаряда, почли все священным и как будто таинственным. Им казалось, что регулярство состоит в косах, шляпах, клапанах, обшлагах, ружейных приемах и прочем. Занимая же себя таковою дрянью, и до сего времени не знают еще самых важных вещей... Словом, одежда войск наших и амуниция такова, что придумать почти нельзя лучше к угнетению солдата; тем паче, что он взят будучи из крестьян (в тридцать лет почти), узнает уже узкие сапоги, множество подвязок, тесное нижнее платье и пропасть вещей, век сокрушающих. *Красота одежды военной состоит в равенстве и в соответствии вещей с их употреблением.* Платье — чтобы было солдату одеждою, а не в тягость. Всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно плод роскоши, требует много времени, иждивения и слуг, чего у солдата быть не может».

При подобных взглядах и направлении, царившем в среде главных руководителей армии, нечего удивляться, что 34-летнее царствование Екатерины оставило глубокий след в нашей армии; в ней воспиталось целое поколение, всецело проникнутое здоровыми, чисто военными взглядами. Бурное четырехлетнее царствование Павла пронеслось, как вихрь, над Екатерининской армией, многое переломало и испортило, но не могло вырвать с корнем тех добрых задатков, которые внедрились за предыдущую эпоху, и, как увидим ниже, эти добрые задатки не раз проявляли себя в тяжелую годину наполеоновских войн.

Вожди нашей армии в наполеоновскую эпоху

Теперь, дав посильную характеристику Екатерининской армии, перейду к ее наследнице — к армии начала царствования Императора Александра, чтобы рассмотрением последней отметить, в чем же заключался остаток мощи, таившийся в русской армии в эту эпоху и давший возможность ей одной из всех европейских армий тягаться с дотоле непобедимой армией Наполеона.

Прежде всего остановлюсь на командном составе армии и постараюсь обрисовать те личности, в руках которых находилась судьба ее в эту годину и высокими качествами которых не раз спасалась она.

Из ряда блестящих имен эпохи прежде всего выделяется имя героя Отечественной войны, Главнокомандующего *кн. Голенищева-Кутузова Смоленского*, слишком хорошо известного всякому русскому.

Ученик и любимец Суворова, этот, как его называет Д. Давыдов, Фабий наполеоновских войн впервые прославил имя свое в штурме Измаила, после которого Суворов сказал: «Мы с Кутузовым хорошо понимаем друг друга. Если бы Измаил не был взят, ни меня, ни его не было бы в живых».

Еще в 1805 г., поставленный в критическое положение после сдачи Макка под Ульмом и захвата французами Вены, Кутузов не только ловко уводит свою 40 тыс. армию от удара 200 тыс. армии Наполеона, но еще успевает нанести поражение отделившемуся корпусу Мортье. Перед Аустерлицем он с бессмертным *кн. Багратионом* видел, куда ведут армию австрийские стратеги и молодые русские флигель-адъютанты, и не его вина, что на представления об этом Император ответил словами:

«Это вас не касается».

И вот, по меткому выражению Шильдера, в наказание за то, что «молодые флигель-адъютанты нало зло ему проиграли сражение», Кутузов находится в опале до 1812 г., когда по желанию общества и вопреки отношению Императора он вновь становится во главе армии и делается победителем Наполеона.

В Кутузове нет, конечно, ни гения, ни энергии Суворова. Но зато в нем налицо громадный ум, здравый взгляд, отличное образование, колоссальная опытность и хладнокровие. Его ни в чем не мог провести сам Наполеон, звавший с досадой своего опытного противника «старой лисицей». Приблизительно так же охарактеризовал его и Суворов словами: «Хитер, хитер. Его и Рибас не обманет». И нельзя не сказать, что именно такой вождь, проницательный и спокойный, и нужен был для борьбы с Наполеоном в той армии, где уже не было гения.

Нелюбимый Императором, преследуемый бездной интриг и сплетен со стороны Беннигсена и Барклая, восстановивших против него даже рыцарски благородного и открытого Ермолова¹, Кутузов удержался среди всего этого и сумел остаться обаятельным и великим. Это был воистину народный вождь, сильный неограниченным доверием и беспредельной любовью войск и народа.

Следующей звездой первой величины является бессмертный *кн. Багратион*. Лучшей его характеристикой может служить следующая характеристика, данная князю его подчиненным².

«Князь Петр Иванович Багратион столь знаменитый по своему изумительному мужеству, высокому бескорыстию, решительности и деятельности, не получил, к несчастью, никакого образования... Высокие природные его дарования, мужество, деятельность и неподражаемая бдительность, заменившие ему сведения, обратили на него внимание Великого Суворова, которого он, можно сказать, был правою рукою в бессмертной Итальянской кампании... Он почерпнул в этой бессмертной войне ту быстроту в действиях, то искусство в изворотах, ту внезапность в нападениях, то единство в натиске, которые приобрел 1 ему полную уверенность, неограниченную любовь и глубокое уважение всей армии.

В течение пятилетней моей службы при *кн. Багратионе* в качестве адъютанта его я во время военных действий не видел его иначе, как одетым днем и ночью. Сон его был весьма короткий — три, много четыре часа в сутки и то с пробудами, — ибо каждый приезжий с аванпостов должен был будить его, если известие, им привезенное, того стоило...

Невзирая на свое невежество, этот Ахилл наполеоновских войн постиг силою одного своего гения основные правила военного искусства; несмотря на значительное превосходство в сведениях своих подчиненных, он умел всегда сохранить преимущество своего сана, без оскорбления чьего бы то ни было самолюбия. Величественная поступь и осанка князя, орлиный взгляд его, производили обаятельное на всех действие». Жестоко заблуждается тот, кто видит в князе Багратионе только храброго генерала, простого рубаку. Всей своей боевой карьерой опровергает он это в высшей степени несправедливое и ошибочное мнение.

Для того чтобы составить себе славу на тяжелой, ответственной должности авангардного, или арьергардного, начальника, мало одной личной храбрости, недостаточно и умения разбираться на большом поле сражения; для этого в каждый момент надо уметь понять и оценить всю стратегическую обстановку, быстро найтись и принять верное решение, без всякой указки старшего начальника. И этим умением в высокой степени отличался *кн. Багратион*, ведь недаром же его оценил сам Суворов, которого не удивить было одной храбростью. К сожалению, однако, личность Багратиона с этой точки зрения до сей поры не разобрана и не оценена по достоинству.

Все мы знаем Шенграбен как образец упорства Багратиона в бою, но мало кому известен гораздо более великий его подвиг, спасший армию в 1807г. и в полном блеске обнаруживший талант князя как военачальника.

В январе 1807 г. неудачные распоряжения Беннигсена ставят русскую армию в опасное положение: она разбросана и сообщения отходят от фланга. Пользуясь этим, Наполеон готовит свой гениальный план, грозящий нам полной гибелью. Главнокомандующий не подозревает опасности и не обращает внимания на донесения шпионов о передвижениях французов. Наполеон уже готовит свой удар, и в тот момент, когда, по выражению Леттов-Форбека, «корсиканский лев уже готовился сде-

¹ Русская Старина 1897 г. «От Москвы до Красной Пахры». Цуриков.

² Денис Давыдов. Записки, т. I., стр. 122, 129-135.

лать прыжок», кавалерия кн. Багратиона перехватывает два приказа Бертье. По отрывочным данным этих приказаний князь сумел сразу разгадать весь план Наполеона и, будучи младшим из всех начальников отрядов, помимо Главнокомандующего решил распорядиться сосредоточением армии, причем своими действиями не только расстроил весь план Наполеона, но и лишил Императора содействия целого корпуса на все время Эйлауской операции.

Не менее велик Багратион и в операциях 2-й армии в первую половину 1812 года, когда он не исполняет трехкратного, письменно повторенного повеления Императора и, действуя по обстановке на свой страх, спасает армию и уводит ее из ловушки, приготовленной Наполеоном.

Будем надеяться, что когда-нибудь этот бессмертный витязь получит наконец верную оценку своей боевой деятельности и своего таланта как один из тех удивительнейших самородков, которые и без широкого образования могут быть выдающимися военачальниками.

Следующей не менее крупной величиной в среде командного состава армии, бесспорно, является *Ермолов*.

«Он представлял редкое сочетание высокого мужества и энергии с большою проницательностью, неутомимую деятельностью и непоколебимым бескорыстием; замечательный дар слова, гигантская память и невероятное упрямство составляли также его отличительные свойства»¹.

Будучи весьма образованным человеком, Ермолов обладал очень острым языком, который доставил ему массу неприятностей. Как горячий патриот, он вместе с кн. Багратионом являлся одним из главных сторонников русской партии и горячо боролся против иноземцев, пользовавшихся таким влиянием при дворе Императора. Известна его просьба о производстве в «немцы», его язвительный вопрос в приемной Императора:

«Простите, господа, не говорит ли здесь хоть кто-нибудь по-русски?» Но поразительно при этом, что язык Ермолова, весьма колкий в разговоре со старшими, совершенно изменялся по отношению к младшим, которые всегда находили в нем самого ревностного, смелого и правдивого защитника своих прав. Характерно, что он не только никогда не позволял себе ни малейшей дерзости или невнимания относительно младших (особенно провинившихся), но выслушивал все справедливые возражения своих подчиненных. И наряду с этим старшим он зачастую говорил совершенно непозволительные дерзости. Так, в 1805 г. в бытность свою еще батарею грозного Аракчеева, подполковник Ермолов не убоился ответить: «По службе, В. Сиятельство, наша участь часто зависит от скотов». Смысл фразы был хорошо понят Аракчеевым². В тех случаях, когда дело касалось убеждений Ермолова, заставить его поступить вопреки своим взглядам было не под силу и Государю. Так, на одном из франкфуртских парадов в 1813 году Император за какую-то ошибку при церемониальном марше приказал Ермолову арестовать начальника дивизии. Ермолов, не сочувствуя этому взысканию, отказался исполнить повеление Александра, когда же приказание было повторено, то ответил, что он в таком случае пришлет собственную шпагу, но не будет уже иметь подлости взять ее обратно. Этим все дело и кончилось³.

Ум, простота и приветливость Ермолова создали ему в армии такое обаяние, с которым равнялось только обаяние князей Багратиона и Раевского.

Фельдъегерь, привезший в 1826 г. в Петербург присяжные листы кавказской армии, своими словами весьма рельефно выразил это великое обаяние имени Ермолова.

«Алексей Петрович, — сказал он, — так боготворим в Грузии, что, если бы он велел присягнуть персидскому шаху, все бы тотчас это сделали» (Д. Давыдов).

Впоследствии, уже находясь в немилости, Ермолов, вопреки общему правилу, продолжал служить кумиром России⁴. Так, в Московском благородном собрании при появлении Ермолова вставали и первыми кланялись ему все знакомые и незнакомые, не только мужчины, но и дамы; всякий извозчик знал дом, где жил «Алексей Петрович», со всеми ласковый и всем одинаково доступный.

В истории наполеоновских войн имя Ермолова блещет почти во всех сражениях. Начиная с Прейсиш-Эйлау, где с ротой конной артиллерии он по своей инициативе, без всяких приказаний, без прикрытия прискакал к месту катастрофы и огнем остановил наступление французов, чем спас положение армии;

¹ Д. Давыдов. Записки, т. 1, стр. 142. Материалы для истории современных войн 1806 и 1807 гг.

² Русский Вестник. 1864 г. № 5. Статья Погодина.

³ Шильдер. Император Александр I.

⁴ Русская Старина. 1897 г. Март. «Встреча с А.П. Ермоловым» В.М. Щепотьевой.

с именем Ермолова связаны лучшие страницы нашей истории; особенно же блестяща его деятельность как начальника штаба 1-й армии в 1812 г. у Смоленска, в бою под Лубиным. Крупную роль сыграл он в Бородинском сражении и в пленении корпуса Вандамма под Кульмом, создав себе прочную славу способного военачальника.

Упомяну и о личности *Барклай де Толли*, с именем которого тесно связаны события эпохи. Правда, он далеко не отличался благородством своих сподвижников; в письмах его к Александру в 1812 году можно видеть много зависти и недоброжелательства к Кутузову, а в дальнейшей деятельности после 1814 года он явился деятельным помощником Аракчеева по уничтожению русской мощи. Тем не менее деятельность Барклая как боевого генерала имеет за собою много светлых страниц.

«Барклай де Толли, — пишет Д. Давыдов, — с самого начала своего служения обращал на себя внимание своим изумительным мужеством, хладнокровием и отличным знанием дела». Обучение им 1-й армии перед войной 1812 г. заслуживает особенного внимания. Так, еще тогда он требовал от своих войск ежедневного маневрирования и обращал особенное внимание на умение применяться к местности. Желая развить в подчиненных находчивость, он постоянно практиковал неожиданные нападения на штаб-квартиры соседей; при этом любопытно, что когда один батальонный командир сам произвел неожиданное нападение на штаб-квартиру Барклая и его самого взял в плен, то это доставило Барклаю величайшее удовольствие.

Сумрачный, постоянно угрюмый, бесстрашный, неутомимый и холодный, как мраморная статуя, Барклай своим мужеством и спокойствием вызвал даже поговорку среди солдат: «Поглядя на Барклая, и страх не берет».

Потеряв привязанность армии в первую половину Отечественной войны, он вновь вернул ее своим поведением в Бородинском сражении и своей безупречной боевой деятельностью, конечно, искупил сторицей все свои недостатки.

Далее, говоря о доблестных вождах этой эпохи, нельзя миновать и светлой личности *гр. Остермана-Толстого*, отличавшегося редким благородством, невероятным хладнокровием и замечательным упорством в бою. Снаружи сухой и как будто черствый, а в то же время необыкновенно сердечный, простой и в высшей степени гуманный человек. Характерной его чертой, по свидетельству современников, являлось удивительное спокойствие и ничем не возмутимое присутствие духа в самые критические минуты¹. Первый из русских генералов, имел он страшную честь встретить в 1806 году самого Наполеона на поле сражения. Отброшенный на далекое расстояние от армии, без определенных инструкций, мог он весь день 11 декабря наблюдать приготовления к переправе 40 тыс. корпуса Даву. Имея всего 7 тыс., но зная, что армия наша разбросана и не готова к бою, он принял на свой страх смелое решение вступить в бой с самим Наполеоном.

И в темную декабрьскую ночь при зареве запылавшей деревни Помехово, когда одна за другой повалили в атаку густые колонны французов и с одного фланга до другого понеслись грозные крики, указывавшие на присутствие самого Императора, *гр. Остерман* сохранял свое обычное спокойствие и, отбив ряд атак, только к утру стал отходить к Насельску, дав возможность французам пройти в этот день всего 16 верст и выиграв время на сосредоточение армии.

Таков же он и в боях под Пултуском, Эйлау, Островной. Ему же обязана Россия и Кульмской победой, где сдался в плен целый корпус Вандамма.

Остановлюсь и на личности *Раевского*, горячо обожаемого любимца войск.

«Свидетель Екатерининского века, памятник 12 года, человек без предрассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества», — так характеризует его Пушкин. Не менее выразительна и характеристика Дениса Давыдова: «Он был всегда одинаков со старшими и равными себе в кругу друзей, знакомых и незнакомых, пред войсками, в пылу битв и среди мира. Он был всегда спокоен, скромен, приветлив, но всегда сознавал силу свою, которая невольно обнаруживалась в его физиономии и взоре при самом спокойном его положении»².

Напомню, как на плотине под Салтановкой вывел он перед колонну своих двух сыновей 10 и 16 лет под картечь французской батареи, жертвуя самыми дорогими существами для пользы родины. Еще более велик он в Бородинском сражении, когда, ожидая с минуты на минуту грозного удара

¹ Русский Вестник 1864 г. № 6. Статья Лажечникова. Записки С.Г. Волконского,

² Д. Давыдов. Замечания на некрологию Н.Н. Раевского, т. III, стр. 114.

французов, он не думает о себе и своей позиции, а без всякого приказания, по одной просьбе, посылает половину своих войск на поддержку атакованному соседу.

Упомяну и о скромном, добродушном, приветливом *Дохтурове*¹. Последним оставляет он поле Аустерлицкого сражения, устраивая арьергард армии. С радостью, совершенно больной несется защищать Смоленск, говоря: «Лучше умирать в поле, чем на постели». Он же выдерживает и упорный бой под Малоярославцем, где рухнула последняя надежда Наполеона открыть себе путь в наши хлебобородные губернии.

Не могу обойти молчанием и доблестного *Неверовского*, «любимца солдат и старшего брата своих офицеров». Подвиг его под Красным, где с шестью тысячами только что набранных рекрут отразил он атаки 15-ти тыс. конницы Мюрата и спас наше положение, есть наилучшее доказательство могучего значения хорошего начальника.

«Я помню, — пишет Денис Давыдов, — какими глазами мы увидели эту дивизию, подходившую к нам в облаках пыли и дыма, покрытую потом трудов и кровью чести! Каждый штык ее горел лучом бессмертия! Так некогда смотрели на Багратиона, возвращавшегося к армии в 1805 г. из-под Голлабрюна» (после Шенграбена).

Не утруждая внимания читателей характеристикой остальных героев этой великой нашей години, перечислю лишь имена, наиболее выдающихся из них, напомним про *гр. Витгенштейна* — геройского защитника Петербурга, пылкого, талантливого *гр. Каменского*, *Милорадовича*, *Коновницына*, *Багратиона*, *Воронцова*, *Палена*, *Ламберта*, *Паскевича*, *Кульнева*, лихих артиллеристов *гр. Кутайсова* и *Никитина*, отчаянных партизан: *Д. Давыдова*, *Дорохова*, *Фигнера* и *Сеславина*.

Достаточно и этих кратких характеристик, и даже одного простого перечисления имен, чтобы видеть, какое богатое наследие осталось армии от Екатерининского царствования. Глубоко прав Ермолов, писавший в одном из писем Воронцову (Архив Воронцова) перед 12-м годом, что многие наши генералы превосходят французских по своим качествам и знаниям; правда, наряду с этим он отметил, что в армии был известный процент генералов, совершенно негодных, которых бы не стали держать ни в одной европейской армии, но этот новый тип генерала, о котором речь впереди, еще не был многочислен и, к счастью, не в его руках лежала судьба армии в ту эпоху. В войсках еще преобладал тогда светлый тип генерала старой школы. А эта школа настолько рельефна, настолько разнилась по своим понятиям от новой, что я считаю своим долгом остановиться на нескольких характерных исторических фактах, чтобы резче и рельефнее подчеркнуть, какие богатыри вынесли на своих плечах тяжелую борьбу с Первым Полководцем мира и внесли в нашу историю самые светлые ее страницы.

В числе характерных черт боевого генерала старой Екатерининской школы самой доминирующей, рельефной чертой приходится поставить его необыкновенное благородство, удивительную способность подавить свое личное честолюбие, забыть свое личное «Я» в те минуты, когда речь шла о пользе и славе родины. В этих случаях наши боевые генералы той эпохи дают положительно изумительные образцы величия, которые в последующих войнах, к сожалению, уже не повторяются, заменяясь совершенно обратным отношением к общему благу.

Как характерен для обрисовки эпохи, например, следующий факт.

В 1813 году после смерти Кутузова Главнокомандующим назначается *гр. Витгенштейн*. Три старших генерала обойдены этим назначением, но беспрекословно, без единого звука неудовольствия, подчиняются младшему. Однако вскоре новый главнокомандующий оказывается совсем не на месте: он совершенно не управляется с большой армией, разводит беспорядок и путаницу. Тогда вместо интриг и происков, столь неизбежных в последующее время, происходит нечто весьма удивительное. Старший из обойденных генералов, *Милорадович*, прямо отправляется к *гр. Витгенштейну*, и между ними происходит следующий, для обоих весьма характерный, разговор.

«Зная благородный образ ваших мыслей, — говорит *Милорадович*, — я намерен объяснить с Вами откровенно. Беспорядки в армии умножаются ежедневно, все на Вас ропщут, и благо отечества требует, чтобы назначили на место Ваше другого Главнокомандующего».

Высоким благородством и достоинством блещет и ответ *Витгенштейна*: «Вы старше меня, и я охотно буду служить под начальством Вашим или другого, которого Император определит на мое место».

Но *Милорадович*, как настоящий солдат, думал не о себе, а о пользе Родины; место Главнокомандующего представлялось ему не в виде выгодной освобождающейся вакансии, а в виде тяжелого, от-

¹ Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. «Русская старина» 1897 г. Июнь.

ветственного поста, занять который не всякому по плечу; забыв совершенно вопрос старшинства, он поехал хлопотать за Баркляя, самого младшего из обойденных генералов. «Он не захочет командовать», — сказал Государь. «Прикажите ему, — возразил Милорадович. — Тот изменник, кто в теперешних обстоятельствах осмелится воспротивиться Вашей воле». Таким образом, состоялось назначение Баркляя (Шильдер).

Подобным же духом преданности интересам Государства полно и письмо кн. Багратиона Императору в 1809 г., в бытность князя Главнокомандующим Дунайской армией. Вопрос шел о назначении уполномоченного для мирных переговоров с турками, причем Император предоставил кн. Багратиону на выбор одного из трех кандидатов: герцога Ришелье, Алопеуса и гр. Кочубея, оговорившись в письме, что гр. Кочубей не может быть назначен, так как он старше чином князя и таким образом Главнокомандующему придется подчиниться дипломату.

Истинным величием настоящего витязя блещет ответ любимца Суворова: «Хотя гр. Кочубей чином и старше меня, но в деле, столь тесно связанном с пользою, славою и благосостоянием Империи, я в полной мере чужд от всякого личного тщеславия и совершенно готов жертвовать всем, что только может способствовать ко благу отечества моего...» И что эти великие слова не являлись пустой фразой, можно видеть из окончания письма, где князь определенно высказывается именно в пользу гр. Кочубея, говоря: «Однако предпочел бы я природного русского всякому другому»¹. <...>

Продолжая характеристику блестящих наших генералов, отмечу, что в тогдашних походах нередко такие отрядные явления, как добровольное подчинение старшего младшему, более осведомленному в обстановке.

Да такие поступки и не удивительны со стороны тех, кто жил прежде всего идеей о благе и славе родины, кто не только на словах, но и на деле жертвовал для нее собою.

Касаясь вообще рыцарского благородства тогдашних генералов, считаю грехом обойти и следующий факт².

Как известно, Ермолов и гр. Остерман-Толстой были личными врагами. В Кульмском сражении на долю Остермана выпало руководство войсками. В пылу боя неприятельское ядро оторвало графу левую руку; увезенный на перевязочный пункт, он мужественно перенес ампутацию руки без хлороформа, приказав только вызвать песенников из ближайшего полка. В командование войсками вступил Ермолов, и бой закончился взятием в плен всего корпуса Вандамма. Реляция об этом сражении была написана самим Ермоловым, и в ней, приписав весь успех непоколебимому мужеству войск и распоряжениям гр. Остермана-Толстого, он почти умолчал о себе. Толстой, прочитав реляцию, несмотря на жестокие мучения тотчас нацарапал Ермолову следующую записку: «Довольно возблагодарить не могу Ваше Пр-ство, находя только, что Вы мало упомянули о ген. Ермолове, которому я всю истинную справедливость отдавать привычен».

Флигель-адъютанту, привезшему орден Св. Георгия II ст., Толстой сказал: «Этот орден должен принадлежать не мне, а Ермолову». Однако Император утвердил свое первоначальное пожалование. Впоследствии между сторонниками Ермолова и Толстого завязалась горячая полемика по вопросу, кому должна принадлежать честь Кульмской победы. Однако лично ни один из них не принял в ней участия, не снизошел до газетной перебранки, как это стало практиковаться в позднейшие времена.

Кстати, заговорив о гр. Остермане-Толстом, не могу не коснуться происхождения его фамилии, пользуясь этим случаем, чтобы отметить, до какой степени в тогдашнем обществе была велика *гордость русским именем*. Отец графа носил только фамилию Толстого и был небогатым подполковником армии Екатерины. Женат он был на графине Остерман, внучке известного петровского дипломата. Так как братья графини, владевшие громадными поместьями, были бездетны, и род Остерманов кончался, то старику Толстому предложили присоединить к своей фамилии графскую фамилию Остерманов. Старик был глубоко оскорблен подобным предложением, тем, что к его столбовой русской дворянской фамилии хотели приставить, да еще поставить впереди, фамилию «немецкого лекаришки». И эту переделку удалось произвести только впоследствии с фамилией сына (Лажечников).

Эта гордость генералов того времени своим прошлым, своим именем сквозит и в записках кн. Щербатова³, вынужденного в 1807 г. капитулировать в Данциге со своими тремя гарнизонными батальонами вместе с прусским гарнизоном.

¹ Петров. Война России с Турцией 1806-1812 гг., т. II. стр. 454.

² «Лажечников. Русский Вестник, 1864 г. № 6; Д. Давыдов. «Замечания на некрологию Раевского», т. III. стр. 119.

³ В. Уч. Архив, отд. II.

«Мне казалось несносным, — пишет он, — видеть свое имя в капитуляции; слово сие было ново для русских. Мы брали крепости, но никогда в новейшие времена не бывали в осадах».

Князь окончил размышления тем, что, отпустив свои батальоны в Россию, сам не дал слова французам и отправился в плен. Свое решение он мотивировал тем, что ему, полному сил и здоровья генералу, невозможно было оставаться год в бездействии, когда Россия вела войну; отправившись же в плен, он рассчитывал быть разменным на французского генерала и мог опять принять участие в боях.

А какой высокой гордостью веет от ответа графа Н.М. Каменского второму французскому парламентеру, предложившему ему сдачу в 1807 г. «Вы видите на мне русский мундир и осмеливаетесь предлагать сдачу», — закричал граф и, повернув лошадь, уехал, прекратив всякие переговоры¹.

Преклонимся и перед тем колоссальным обаянием, которое умел внушить своим офицерам генерал той эпохи и посредством которого он прежде всего управлял своими подчиненными.

Поразительно то безграничное благоговение к своим обожаемым вождям, которым так и веет со многих страниц воспоминаний современников; так и видишь перед собой совершенно особенных людей, видишь богатырей, для которых не могло быть ничего невозможного, потому что они умели владеть сердцем и душою своих подчиненных, могли быть уверены в их бесконечной преданности.

Невольно, перечитывая страницы подобных воспоминаний, проникаешься и сам подобным же благоговением к тем светлым личностям, которые умели быть начальниками не в силу статей дисциплинарного устава, не в силу своих густых эполет, а прежде всего благодаря тому уважению, которое внушал подчиненным их светлый облик.

Конечно, это уважение прежде всего являлось следствием личных достоинств вождя того времени, следствием его высоких рыцарских качеств, но оно в высшей степени усиливалось, доходя до настоящего благоговения, благодаря той удивительной простоте, приветливости и доступности, которыми отличался начальник той эпохи по отношению к своим подчиненным.

Эта поразительная манера *сохранять свое достоинство и в то же время быть равным среди подчиненных* чрезвычайно характерна в лучших генералах того времени.

«Никто не напоминал менее о том, что он начальник, и никто не умел лучше заставить помнить о том своих подчиненных», — пишет Ермолов о кн. Багратионе². <...>

И в этом отношении, в отношении умения воспитывать свои войска, многому можно поучиться у лучших начальников нашей славной эпохи.

Глубоко ошибется тот, кто подумает, что они достигали популярности и любви слабостью по службе и потаканием своим подчиненным. Наоборот, следует отметить, что в случаях серьезных служебных проступков они были много строже даже начальников следующей суровой эпохи. Так, тот же снисходительный и обожаемый кн. Багратион не задумался разжаловать в рядовые заснувшего ночью караульного начальника Бобруйской гауптвахты.

Но наряду с неумолимой строгостью к серьезным проступкам тогдашнему начальнику и в голову не пришло бы изводить своих подчиненных какими-либо мелочами и требованиями собственного измышления.

Мало того, накладывая взыскание, они подчеркивали, что взыскивают не сами по себе, не по личности, а по службе.

И насколько, вообще, щепетильны были в этом отношении тогдашние начальники, как предпочитали они лучше совсем не наложить взыскания, когда проступок касался их личности, чем подать повод думать, что они взыскивают по личности, можно видеть из следующего факта, касающегося кн. Багратиона.

«Кроме других предосудительных привычек, — пишет Д. Давыдов, — нижние чины позволяли себе разряжать ружья не только после дела, но и во время самой битвы. Проезжая через селение Анкендорф, князь едва не сделался жертвою подобного обычая. Егеря, не видя нас, выстрелил из-за угла дома, находившегося не более 2 сажень от князя; выстрел был прямо направлен в него. Князь давно уже отдал на этот счет строгое приказание и всегда сильно взыскивал с ослушников. Но здесь направление выстрела спасло егеря; ибо князь, полагая, что наказание в этом случае имело бы вид личности, проскакал мимо;

¹ Мих. Данилевский. Война с Францией 1806-07 гг.

² Записки А.П. Ермолова, ч. I, стр. 101.

но никогда не забуду я орлиного взгляда, брошенного им на виновного».

Самой же симпатичной, самой высокой чертой тогдашнего рыцаря-генерала являлось *бережное его отношение к самолюбию подчиненных*. Ни на словах, ни в приказах не позволяли они себе и тени того глумления, того издевательства над офицерами, какое с такой любовью и прибавлением самых плоских острот стало широко практиковаться в позднейшее время.

Тогдашние начальники слишком серьезно смотрели на свое призвание, слишком высоко ставили свое звание, чтобы унижать его издевательством над беззащитными подчиненными.

К тому же, как истинные военные люди, в самолюбии офицеров они видели не предмет насмешек и глумления, а могущественный рычаг воспитания своих подчиненных.

Наилучшим доказательством справедливости моих слов может служить замечательный приказ одного из деятелей этой эпохи, гр. Витгенштейна. Этот приказ помещен мною в заключении для удобства сравнения взглядов на офицера в две различные эпохи жизни нашей армии. Здесь же я ограничусь словами Михайловского-Данилевского о Дохтурове, весьма любопытными для характеристики взглядов той эпохи, когда наша армия так выгодно отличалась от своих западных соседей.

«Дохтуров, — писал Данилевский, — был другом солдат и офицеров своих; из них не найдется ни одного, которому бы он сделал неприятность. В обращении с подчиненными не подражал он иностранцам, у которых младший видит в начальнике своем строгого, неумолимого судью, но подражал генералам века Екатерины, которые ласковым обращением с русскими офицерами, служащими из чести, подвигали их на великие предприятия, наполнившие почти волшебною славою правление сей Государыни». «Я никогда не был придворным, — сказал однажды Дохтуров, — и не искал милостей в Главных квартирах и у царедворцев, а дорожу любовью войск, которые для меня бесценны».

Как же было и войскам не обожать такого начальника, того, кто любил их такой горячей, бескорыстной любовью, кто во вверенной ему части видел не ступень для дальнейшей карьеры, а свою родную семью.

Для обрисовки типа тогдашнего генерала весьма любопытны и слова Лажечникова об одном из самых строгих генералов — графе Остермане-Толстом.

«Как начальник войска он был строг, но строгость его заключалась только во взгляде, в двух-трех молниеносных словах, которых боялись больше, нежели распекания иного начальника. Во время командования ни одного офицера не сделал несчастным; всем помогал щедрою рукою. Мелочным интриганом никогда не был, кривыми путями не ходил и не любил тех, кто по ним ходит, никогда не выставлял своих заслуг и ничего не домогался для себя; лести терпеть не мог».

О том же неукротимом и горячем Ермолове хорошо выразился дежурный генерал 2-й армии Марин: «Я люблю видеть сего Ахилла в гневе, из уст которого никогда не вырывается ничего оскорбительного для провинившегося подчиненного»¹.

Взгляды эпохи на отношения к нижним чинам и понятие об истинной дисциплине хорошо вылились в известном «Наставлении господам пехотным офицерам в день сражения»². Здесь можно видеть, как резко различали тогдашние генералы разницу между гуманностью и слабостью, между заботливостью и заигрыванием с солдатом, между истинной дисциплиной, чуждой, однако, мелочных придирок, и распушенностью. Так, «Наставление» гласит: «В некоторых полках есть постыдное заведение, что офицеры и ротные командиры в мирное время строги и взыскательны, а на войне слабы и в команде своих подчиненных нерешительны.

Ничего нет хуже таковых офицеров: они могут иногда казаться хорошими во время мира, но как негодных для настоящей службы их терпеть в полках не должно...

Воля Всемилостивейшего Государя нашего есть, чтобы с солдата взыскивали только за настоящую службу; прежние излишние учения, как-то: многочисленные темпы ружьем и проч. — уже давно отменены, и офицер при всей возможной за настоящие преступления строгости может легко заслужить почтеннейшее для военного человека название — друг солдата. Чем больше офицер в спокойное время был справедлив и ласков, тем больше на войне подчиненные будут стараться оправдать сии поступки и в глазах его один перед другим отличиться».

Неудивительно, что при подобных взглядах и обращении начальников с подчиненными многие части армии того времени могли представлять действительно прочную цепь, в которой от генерала и до солдата все жило и думало одной мыслью, одной идеей.

¹ Д. Давыдов. Дневник партизанских действий, т. П. стр. 37.

² Военный Сборник. 1902. № 7.

Чем же положительно приходится восторгаться при изучении этой славной эпохи — *это непреклонной волей наших генералов, инициативой и стремлением к взаимной поддержке*. Не могли их поколебать и утратить ни превосходные силы врага, ни присутствие на поле сражения самого Наполеона, что так убийственно действовало на дух и волю генералов других армий. И на каждом шагу мы видим не заботу о своей персоне, о своем отряде, а мысль об общем благе армии, готовность всегда пожертвовать собою, лечь костями со своим отрядом, если того потребует обстановка, не ожидая приказаний свыше.

Мною уже было отмечено выше подобное величие некоторых генералов того времени, но остановлюсь еще на нескольких примерах, желая подчеркнуть, как зачастую достоинствами частных начальников искупались в эту эпоху многие промахи, ошибки и интриги высшего командования.

Блестящий план декабрьской операции Наполеона в 1806 г. сулил Йену слабой и разбросанной русской армии, тем более, что оба наших корпусных командира, Беннигсен и Буксгевден, враждующая между собою, готовы были один другого подвести под удар, а обезумевший Главнокомандующий отдавал самые нелепые и противоречивые распоряжения, сам даже убеждал всюду солдат бросать ранцы, амуницию и бежать в Россию, так как в армии измена. Между тем благодаря самостоятельности и самоотвержению частных начальников операция закончилась поражением Ланна у Пултуска и безрезультатным арьергардным боем у Гольмина. Не будучи в состоянии остановиться на замечательной инициативе многих наших начальников, сведших к таким ничтожным результатам весь план Наполеона, все же не могу не упомянуть о выдающемся поступке Дохтурова, который 14 декабря, имея категорическое приказание корпусного командира отступить, сам вернул уже с марша всю дивизию и, никого не спрашивая, вступил в жестокий бой с двойными силами французов при одном только известии, что вблизи отряд другого корпуса находится в опасности.

Не менее велик и Барклай в январе 1807 г., когда, не боясь ответственности, рискуя всей репутацией, он останавливает 25 января у Гофа, без всяких приказаний, свой 3-тысячный отряд и кладет его весь в неравную борьбу с главными силами Наполеона, теряя знамена и орудия, но спасая армию.

«Настоящее поколение, — пишет по этому поводу Данилевский, — не может иметь представления о впечатлении, лалис производило на противников Наполеона известие о появлении его на поле сражения. Но Барклай де Толли оно не поколебало. О хладнокровии его можно было сказать, что, если бы вселенная сокрушалась и грозила подавить его падением, он взирал бы без содрогания на разрушение мира».

Реляция Барклая о мотивах своего решения настолько характерна, настолько хорошо обрисовывает тип тогдашнего генерала, что нельзя не остановиться на ней, тем более что в ней есть кое-что и о службе связи в той армии.

«Во всяком другом случае, — пишет он, — я бы заблаговременно ретировался, дабы при таком неравенстве в силах не терять весь деташемент мой без всякой пользы, но через офицеров, которых посылал я в Главную Квартиру, осведомился я, что большая часть армии еще не собрана при Ландсберге, находилась в походе, и никакой позиции занято не было. В рассуждении сего, почел я долгом, лучше со всем отрядом моим пожертвовать собою столь сильному неприятелю, нежели, ретируясь, привлечь неприятеля за собою и через то подвергнуть всю армию опасности»¹. Неудивительно, что против армии, имевшей в своих рядах таких железных вождей, не под силу оказалось бороться и Наполеону, так легко и быстро разметававшему остальные армии Европы.

Не буду останавливаться на великих примерах поведения вождей наших в эту славную эпоху; 1812 год весь блещет их достоинствами, и в этом отношении пред ним спасует и пресловутый 1870 год. Отмечу только, как в наибольшем блеске самостоятельность наших начальников выразилась в двух самых больших сражениях эпохи: Прейсиш-Эйлауском и Бородинском.

Под Прейсиш-Эйлау после жестокого боя французы опрокидывают наш левый фланг; в общем резерве нет ни одного человека, а Главнокомандующий Беннигсен исчезает с поля сражения, отправившись торопиться спешивший к армии отряд Лестока. Момент был настолько критический, что гибель всякой другой армии была бы неизбежна, но в русской — того времени, несмотря на то, что французы были уже в тылу, — не явилось ни паники, ни речи об отступлении; наоборот, к месту катастрофы бросились части с других участков позиции; по своей инициативе с противоположного фланга прискакали три конные батареи, явились отдельные полки, прискакал все тот же, всюду поспевавший кн. Багратион, бывший не у дел в день боя.

¹ Мих. Данилевский. Война 1806-1807 гг. Стр. 178, 179.

Общими усилиями, никем свыше не объединенными, но тем не менее дружными, французы были не только остановлены, но и отодвинуты назад; удачная атака Выборгского полка, шедшего во главе отряда Лестока, давала надежду на окончательное поражение французов при общей контратаке, но прибывший в это время Беннигсен остановил порыв подчиненных и помешал той контратаке, которая, по свидетельству Бернадотта, дала бы нам не менее 150 орудий и привела бы Наполеона к катастрофе много раньше Березины.

На ночном военном совете решение Беннигсена отступить встретило горячий отпор со стороны его генералов, и дело едва не дошло до дуэли тут же на месте с состоявшим при армии, но не подчиненным Главнокомандующему, генералом.

Тем же духом командного состава блещет и Бородинское сражение, называемое иногда «битвою генералов» по количеству потери начальников.

Утром, когда обозначился удар французов на флешу, кн. Багратион посылает к соседям просить подкреплений, и ни от кого не получил он отказа, никто не стал отговариваться неподчинением князю и отсутствием приказа Главнокомандующего. Даже Раевский, находясь в затруднительном положении, сам ожидая грозного удара французов, прислал князю половину своих резервов.

На этом я заканчиваю характеристику генеральского состава тогдашней армии и в заключение хочу только отметить, как качества генерала отразились на исходе нашей великой борьбы. Мы не выставляли против Наполеона ни гениев, ни даже первоклассных талантов. Наши вожди не блистали особенной глубиной своих замыслов, не дали миру великих образцов искусства, никого не удивили своим особенным умением. Недаром мы никак не могли найти соответствующего Главнокомандующего, который мог бы хоть отчасти соперничать с Наполеоном по своим замыслам; самый лучший из них — Кутузов — умел только разгадывать планы гениального полководца, отражать его удары, но не мог сам наносить их.

Правда, нельзя отказать нашим генералам ни в таланте, ни в знании, ни в опытности, но все эти качества не поражают своими размерами: такие же таланты можно в любое время найти во всякой армии, знания их тоже не особенно обширны, боевая опытность многих из них до первой встречи с Наполеоном ограничивалась опытом, полученным в обер-офицерских чинах, а то и вовсе отсутствовала, и тем не менее, в роли вождей они сразу же оказались на месте, да еще и в самой ужасающей обстановке.

И этому нечего удивляться. Если тогдашние вожди и не блистали особенными талантами, особой глубиной творчества, то нельзя не преклониться перед их *высокими нравственными качествами*: удивительным пониманием своего долга, благородным и неустрашимым духом, перед их горячим желанием победы, заставлявшим молчать все личные чувства, перед их непреклонной волей, близостью и глубоким знанием своих подчиненных, уверенностью в своих войсках. И если каждый из этих генералов в отдельности и думать не может равняться с Наполеоном, то общая их совокупность грозна даже гению. Даже гению оказалось невозможным справиться с той армией, где ошибки одного генерала тотчас бросались исправлять другие, где для выручки всех из критического положения всегда находился один, готовый жертвовать собою.

Так, благодаря гр. Остерману-Толстому, Барклаю, Дохтурову, кн. Голицыну, кн. Багратиону, Багговуту, гр. Каменскому, Платову, гр. Палену, Коновницыну, Неверовскому, Раевскому, Тучкову, Ермолу и др. провалились гениальные операции Наполеона в декабре 1806 г., январе 1807 г., июне, июле, августе и октябре 1812 г. А ведь каждая из них, кроме последней, грозила разгромом армии. А ведь им еще так благоприятствовали ошибки высшего командования, интриги и вражда в среде других генералов.

Правда, для того чтобы только прийти к простой мысли пожертвовать собою для блага армии или, находясь в опасном положении, все-таки послать свои резервы атакованному соседу, не надо обширного образования, не надо громадных знаний:

эта мысль сама по себе доступна всякому простому смертному, обладающему здравым смыслом, не извращенным парадными кунштюками, пригонкой амуниции и т.п. мелочами.

Но если сравнительно легко только дойти до подобной идеи, то совсем иное — привести ее в исполнение.

Рискнуть не на карте и в кабинете, а в действительности, перед грозным врагом, положить весь свой отряд, без приказа свыше рискнуть жизнью многих людей, потерей орудий и знамен, рискнуть потерей вверенного участка позиции, рискнуть, наконец, всей своей репутацией может не только не всякий, а даже вернее, только особенно воспитанный человек, только тот, кто воспитан в высо-

ких понятиях долга и благородства, кто обладает высокими нравственными качествами. И этим воспитанием, этими качествами в высокой мере обладали тогдашние начальники — истые витязи, настоящие рыцари долга и чести.

Это не были те позднейшие, наши же, солдаты немецкой складки, душа которых любит красивые формы, жаждет вида стройно марширующих батальонов, красиво несущихся эскадронов, ум которых занят одними громкими фразами, которые видят дисциплину в одной жестокой муштре, сами любят своим высоким чином и положением и с высоты своего величия смотрят на своих подчиненных, как на подвластных рабов, на которых надо наводить трепет.

Это не были и те буржуи, которым дороги больше всего материальные блага, удобства личной жизни, которые и на войне ищут прежде всего комфорта и хорошей обстановки.

Это были именно наши русские витязи: простые, скромные, приветливые и в то же время могучие.

У великого нашего гения и знатока русской души гр. Л.Н. Толстого прекрасно подмечены и обрисованы типичные черты истинной доблести: его герои скромны, незаметны и этим велики.

Таковы в большинстве и герои-генералы нашей славной эпохи. В них нет ни напыщенности, ни театральности, ни красивой позы, ни блестящего, трескучего эффекта.

Они — сама воплощенная простота, сама суровая и трезвая действительность военной жизни. И за то перед величием и благом своей Родины смолкают у них все личные счеты, за то всегда готовы они принести себя на алтарь отечества.

Конечно, далеко не все тогдашние генералы принадлежат к этому типу. Были и тогда эффектные и трескучие личности, вроде Милорадовича, только без его мужества, благородства и бескорыстия; были и тогда своекорыстные интриганы, видевшие в войне удобную сферу для ловли рыбы в мутной воде, для личного возвышения. Достаточное число подобных личностей осталось еще от Екатерининского царствования, еще больше прибавилось в последующие эпохи.

Но не трудами и даже не случайными подвигами этих трутней был могуч и силен командный состав нашей армии. Сила его коренилась в рядовой массе генералов, воспитанных в честных идеях долга и высокого призвания воина, готовых жертвовать всем для блага и величия Родины, живших одной жизнью, одним духом со своими частями. <...>

Заключение

И вот, несмотря на весь этот ряд неблагоприятных условий, русская армия, единственная в Европе, только и могла тягаться с армией Наполеона, причем получила весьма лестные отзывы даже от своего врага. Так, в 1809 г. после неудачи у Асперна, переправляясь обратно через Дунай, Наполеон сказал состоявшим при нем русским офицерам: «Если бы у меня были мои старые испанские легионы или русская армия, вы не увидели бы меня, господа, в теперешнем положении».

Русская армия 1806-1807 гг., хотя в конце концов и побежденная, произвела такое глубокое впечатление на своих победителей, что в дальнейшую эпоху, желая ободрить свои войска перед столкновениями с русскими, Наполеон писал в своих воззваниях: «Русские уже не те, у них нет более солдат Эйла-уских и Фридрихских». Вот какое впечатление производили на врага даже наши рекруты, когда ими умели управлять и внушать им истый солдатский дух.

Наконец, самую рельефную и выразительную характеристику русской армии дал в 1813 г. Бернадотт, сказавший русским офицерам: «Для вас, русских, нет ничего невозможного;

если бы ваш император был честолюбив, вас, русских, пришлось бы убивать каждого особенно, как убивают белых медведей на севере».

Потом, повернувшись к своим шведам, он повторил: «Подражайте русским, для них нет ничего невозможного».

И подобные отзывы заслужила армия, имевшая состав нижних чинов, далеко уступавший тем боевым запасным, недостатками которых пытаются объяснить неуспех минувшей войны.

И вот, сопоставляя в заключение все положительные и отрицательные стороны тогдашней армии, нельзя не признать, что успешным исходом Великой борьбы она была исключительно обязана своему генеральскому и офицерскому составу, именно его высокому, чисто военному, воспитанию, вырабатывавшему те высокие понятия о долге, чести и призвании военного человека, которыми так силен был тогдашний генерал и офицер.

И не могла не победить та армия, где генерал и офицер составляли одну великую семью, жившую горячим желанием победы, горячей мечтой о величии и пользе Родины, где благо и честь армии стояли выше всяких личных счетов, где каждый отдельный член армии готов был душу свою положить за другого.

И как это ни странно, великая заслуга тогдашнего командного состава, его высокие нравственные качества — настоящая причина моральной упругости всей армии — остались в тени до настоящего времени. Всю славу взял себе солдат этой эпохи, тот солдат, которого, несмотря на все недостатки, умели делать настоящим богатырем его великие и доблестные начальники, труды которых и достоинства не оценены и по сие время.

И вот прошли годы, минуло уже и столетие со времени наших первых встреч с Наполеоном! Полные блаженного неведения, мы долго пребывали в сладкой спячке, глубоко убежденные, что обладаем таким солдатом, который сам, без помощи начальников, может выигрывать сражения.

Имея дело либо с турками, либо с польскими и венгерскими ополчениями, мы окончательным успешным исходом войн все более утверждались во всемогуществе своего солдата.

Не разбудил нас и гром Севастополя; полные уверенности во всемогуществе того же солдата, мы озаботились только переменной системы его обучения и воспитания.

Даже и после минувшей войны существует известный процент лиц, уверенных, что довольно выучить солдата грамоте, применению к местности и стрельбе, довольно воспитать его рассказами о подвиге Рябова, развитием чтением и показыванием туманных картин, чтобы добиться победы.

Существует и другая категория лиц, понимающих, что *для достижения победы мало одних качеств солдата, нужны и соответствующие начальники*. Но опять-таки большинство этих лиц думает создать начальника путем одного образования, чтением различных трактатов о военном деле, писанием диспозиций по немецкому образцу, пересаживанием заграничных порядков, т.е. тем теоретическим способом, который забраковал еще Суворов, приравняв чтение современных ему трактатов к чтению домашних лечебников и модных романов и выразившись, очевидно, про военных теоретиков, что они военное дело знают, да оно их не знает.

Нельзя, конечно, отрицать необходимости и громадной важности образования в военном человеке, но нельзя не сказать, что, во-первых, читать и изучать, вообще, надо умело, с толком и главным образом историю войн, а не теорию и измышления любого немца, а во-вторых, все-таки не на одних этих основах зиждется сила и мощь начальника.

Тяжелое военное дело требует от своих представителей прежде всего великих качеств самоотвержения и самоотречения, а эти качества не получаются из книг, а вырабатываются лишь путем долгого воспитания под руководством и на примере достойных и обожаемых вождей.

Те блестящие фейерверки, умные, талантливые, но честолюбивые и неразборчивые в средствах начальники, которые существуют во всякой армии, во всякую эпоху, могут иногда на войне приносить и громадную пользу, и водить войска к победам, но в деле истинного воспитания армии они всегда проходят бесследно, и не с них должны брать пример истинные вожди, не в них лежит настоящая сила армии.

Горе той армии, где карьеризм и эгоизм безнаказанно царят среди вождей, где большинство генералов думает лишь о своем благополучии, служит из-за наград и отличий, ведет лишь свою линию, справляясь по книжке старшинства и кандидатскому списку.

Пусть пишутся там хорошие и громкие приказы, издаются отличные уставы, выпускаются чудные циркуляры!

Все будет там отлично и гладко лишь до первого, грома.

Грянет он, и армия окажется только с хорошими канцеляристами, проповедниками, учеными, агрономами, каптенармусами, может быть, даже стрелками, тактиками, стратегами, но без настоящих военных людей, готовых беззаветно жертвовать собою друг за друга для блага Родины.

И подобная армия напомнит собою известный воз из басни, везомый лебедем, раком и щукой.

Итак, настоящая, истинная сила армии заключается прежде всего не в степени образования, не в талантах отдельных лиц, а в воспитании такой общей самоотверженной рядовой массы командного состава, которая бы не гонялась за блестящими эффектами, не искала красивых лавров, а смело и твердо шла в бой, гордая своим высоким призванием и крепкая своим понятием о долге и истинном благородстве. Вожди, вышедшие из такой массы, зачастую и не блещут своими особыми талантами, в одиночку не могут тягаться не только с гениями, но и со многими талантами фейерверочного типа, зато общая масса таких вождей в совокупности грозна и непобедима даже для гения.

И счастье той армии, которая силу свою основывает не на отборе особых талантов, которая не ищет в мирное время «выдающихся» начальников, не верит в призрачные таланты мирного времени, а заботится только о безжалостном удалении негодных элементов, основывает свою силу на одинаково хорошем подборе и воспитании всего своего командного состава, без заблаговременного подразделения на «талантов» и простых смертных

История показывает нам, как часто пресловутые таланты и гении мирного времени оказываются полными бездарностями на войне, история показывает нам, что, вообще, появление талантов и гениев есть только случайность, на которую нельзя рассчитывать, история, наконец, утешает нас, что и без гениев и первоклассных талантов велика и могуча, даже против гения, армия в руках многих, просто способных начальников, воспитанных в рядах самих войск, когда полки армии являются воспитателями офицеров, а не департаментами, местами службы, когда начальник создается, как создавались лучшие вожди эпохи — строевой службой, а не сваливается из канцелярий, контор, кадетских корпусов и т.п. учреждений, якобы весьма полезных для выработки военных людей.

Итак, армия наполеоновской эпохи была сильна своим истинно военным, благородным воспитанием начальников, и это-то воспитание было утрачено впоследствии, когда армия попала в руки нового типа руководителей, пошла по новому пути, о чем речь идет в следующей главе.

Русская армия эпохи «плац-парада»

Гатчинский отряд

Для характеристики того направления, которому суждено было заменить в русской армии Екатерининскую систему воспитания и обучения войск, которому суждено было изгнать из русской армии Суворовскую «науку побеждать», для характеристики тех лиц, которым суждено было впоследствии сменить в нашей армии орлов-сподвижников Великой Государыни, позволю себе привести следующую выписку из статьи известного знатока эпохи Мих. Соколовского¹: «Сейчас же по вступлении на престол Императора Павла I, сто тридцать два «Гатчинских офицера», получивших за свое пристрастие к идеальному исполнению всех законоположений о форме одежды эпитет «ремешковых», были переведены в ряды гвардии. В русской военной жизни начался период вахтпарада, началось эзерцир-гаузное направление. При нашей же инертности отголосок этого направления слышался еще очень недавно, когда, по словам профессора Лебедева, можно было еще встретить уцелевших «антиков», которые любили двигать целые дивизии в ящике, т.е. в порядке, где вся дивизия занимала 125 шагов по фронту и 160 шагов в глубину, и требовали, чтобы 12 батальонов шли в ногу и равнялись, как графленые рапорты. Профессор Лебедев, — замечает Соколовский, — писал свои строчки 30 лет назад, но, увы, фронтальная ржавчина въедается весьма сильно, и нужно еще много потратить и наждаку, и... чернил, чтобы очистить эту вредную ржавчину».

«Гатчинские» офицеры дали начало тем «подтягивателям», которых фельдмаршал Барклай де Толли остроумно называл «driller-meister»ами. Они были лишены самого главного в образовании военного человека — боевого опыта, они, выражаясь вульгарно, не нюхали пороха и, несмотря на многочисленные войны, которые пришлось вести России в первую половину царствования Александра I, проявили себя на бранном поле весьма слабо, так что при возникновении в 1852 г. мысли об увековечении имен «гатчинцев», павших в сражениях, из 132 человек набралось только двое — Сукин и Палицын.

Зато «гатчинцы» ввели вахтпарад, ввели муштру, ввели новые предметы в русском обмундировании, которые Суворов называл «пустокрашениями». <...>

Странную картину представляли эти войска, не числившиеся ни в одном из списков русской армии, с которой они и не имели ничего общего. По своему обмундированию, обучению, уставам, наконец, даже понятиям и взглядам они представляли точную копию прусских войск и, резко отличаясь от остальной армии, служили предметом общих насмешек.

Следующую картину этих войск рисует современник:

¹ Журнал «Война и мир», 1907 г. К истории плацпарадного режима в нашей армии.

«Тактика прусская и покрой их военной одежды составляли душу сего воинства; служба вся полагалась в присаленной голове, сколь возможно больше, коротенькой трости, непомерной величины шляпе, натянутых сапогах, выше колена, и перчатках, закрывающих локти.

Въезжая в Гатчину, казалось, въезжаешь в прусское владение. При разводах его высочество наблюдал тот же точно порядок, какой наблюдался и в Потсдаме во времена Фридриха II.

Здесь можно было заметить повторение некоторых анекдотов сего прусского короля с некоторыми прибавлениями, которые сему Государю никогда бы в мысль не пришли; так, например, Фридрих II во время Семилетней войны одному из полков своих в наказание оказанной им робости велел отпороть тесьму с их шляп. Подражатель Гатчинский одному из своих батальонов за неточное исполнение его воли велел сорвать петлицы с их рукавов и провести в пример другим через кухню в их жилище.

Запальчивость Наследника сказывалась на всех учениях: за ничто офицеров сажал под стражу, лишал чинов, помещая в рядовые, и потом толика ж малость приводила их опять в милость» (Шильдер).

Ежегодно весной и осенью производились маневры, руководимые Цесаревичем, те маневры, про которые современник выразился, что они «скудны в стратегии, жалки в тактике и никуда не годны в практике».

Сам Цесаревич, кроме того, ежедневно присутствовал при вахтпараде и также при экзекуциях, когда они случались.

Вообще, служба в гатчинских войсках для человека сколько-нибудь развитого была невыносимо тягостна своей убийственно бесцельной муштрой, своими до педантизма мелочными требованиями, ежедневными продолжительными строевыми учениями и парадами. Особенно же усугублялась тягость службы невыносимо оскорбительным обращением Цесаревича с подчиненными.

Малейшая неисправность, малейшее противоречие выводили его из себя и доводили до бешенства; тамошние офицеры не были гарантированы даже от побоев, а брань и всевозможные оскорбления сыпались на них беспрестанно.

Неудивительно, что при таких условиях службы Гатчинский отряд не мог похвастаться качеством своих офицеров. Вот как характеризует их один из современников:

«Это были по большей части люди грубые, совсем необразованные, — *сор нашей армии*; выгнанные из полков за дурное поведение, пьянство или трусость, эти люди находили себе убежище в гатчинских батальонах и там, добровольно обратясь в машины, без всякого неудовольствия переносили всякий день от наследника брань, а может быть, иногда и побои. Между сими подлыми людьми были и чрезвычайно злые. Из гатчинских болот своих они смотрели с завистью на счастливых, кои смело и гордо шли по дороге почестей. Когда наконец счастье им также улыбнулось, они закипели мстостью, разъезжая по полкам, везде искали жертв».

Вот каковы были новые инструкторы русской армии!

Перевод гатчинцев в гвардию при вступлении на престол Императора Павла I произвел потрясающее впечатление.

«С какой печалью, — пишет Комаровский, — должны мы были считать их своими товарищами. Иначе и быть не могло, ибо эти новые товарищи были не только без всякого воспитания, но многие из них развратного поведения; некоторые даже ходили по кабакам, так что гвардейские наши солдаты гнушались быть у них под командою»¹.

В тесную товарищескую среду полков того времени гатчинцы не замедлили внести излюбленные ими кляззы и доносы, за что заслужили всеобщую ненависть и презрение. <...>

Как выше было отмечено, Аракчеев являлся не исключением, а правилом среди гатчинцев, а любовь всех вообще гатчинцев к пороховому дыму резко сказалась в эпоху наполеоновских войн. Весьма характерен с этой точки зрения и следующий факт, приводимый Волконским в своих записках. Будучи послан Главнокомандующим во время Фридрихского сражения в город посмотреть с ратуши расположение французов, князь поехал туда с английским генералом Гутчинсоном. «Прибыв к ратуше, — пишет Волконский, — не могу я утаить, что при входе в нижние комнаты оной я встречен был зрелищем весьма неожиданным и стыдным для русского имени, особенно ввиду иностранца; комната была наполнена двумя генералами и многими штаб- и обер-офицерами, неранеными, отлучившимися от своих мест в позиции; утаю имена двух генералов, но мимоходом скажу, что эти два

¹ Шильдер. Император Александр I, т. 1.

генерала были из числа тех, что у нас называются "скороспелками Гатчинского Павловского времени"¹.

Таким образом, гатчинцы дали русской армии новый тип генерала: грозного для своих подчиненных, приятного и желательного врагу.

Недаром, по мнению Растопчина, Цесаревич был окружен людьми, из которых наиболее честный заслуживал быть колесованным без суда.

Однако, к несчастью русской армии, гатчинцы не только не подверглись подобной участи, а еще сделались в войсках руководителями и воспитателями, оставившими после себя целый букет своих «достойных» учеников.

Екатерина долгое время не обращала внимания на затеи сына, считая весь его отряд одной забавой, а его самого ни на что не способным простачком.

Перед смертью она, однако, спохватилась, но было уже поздно, и только глубокая скорбь Великой Императрицы, и тяжелое предчувствие вылились в ее словах: «Вижу, в какие руки попадет империя после моей смерти! Из нас сделают провинцию, зависящую от воли Пруссии! Мне больно было бы, если бы моя смерть, подобно смерти Елизаветы, послужила знаком изменения всей системы русской политики»².

Великая Государыня, к несчастью, не ошиблась. Вступление на престол Павла ознаменовалось действительно полным поворотом в жизни России. Больше же всего досталось армии от целого ряда реформ, напомнивших ей ненавистных голштинцев Петра III.

Реформы Императора Павла I

Прежде всего армия получила новую форму, крайне неудобную и оскорбительную для ее самолюбия, — форму ненавидимых и презираемых ею пруссаков. Впечатление, произведенное на армию новой формой, прекрасно выражается известными словами Суворова: «Пудра — не порох, букли — не пушки, косы — не тесаки, мы — русские, а не пруссаки».

Далее был введен с превеликим трудом добытый прусский устав, который тот же Суворов назвал «немороссийским переводом рукописи, изъеденной мышами и двадцать лет тому назад найденной в развалинах старого замка», намекая на его отсталость. Устав гласил, что главная сила пехоты заключается «в правильном держании ружья» и что «для солдата всего нужнее умение хорошо маршруировать».

Но самая отрицательная сторона устава заключалась не в его взглядах на обучение — это было бы еще полбеда. Вся беда заключалась во внедрении в армию новых понятий и взглядов на воспитание.

Начиная с Петра I, наша система обучения и воспитания войск основывалась на глубоко правильном психологическом принципе «доверия» к силам и усердию исполнителей. Новый устав краеугольным камнем поставил полное недоверие ко всему.

Вот как характеризует этот устав почтенный труд «Столетие военного министерства», сравнивая принципы устава 1796 г. с уставом Петра Великого: «В то время как устав Петра Великого необыкновенно ярко выставляет вперед существенную сторону каждого дела и относится при этом с уважением к исполнителям и большим доверием к их усердию, воздерживаясь от выражения подозрения, лености и строптивости даже в неуспевающем рекруте, устав 1796 г. считает все одинаково важным, обнаруживая иногда большую строгость требований в мелочах и уклоняясь от ясных и точных определений в деле большого значения; к умению же исполнителей относится с недоверием и, мало того, не стесняется, на основании будто бы «ежедневных испытаний», указывать на леность и строптивость даже офицеров».

Полное недоверие к исполнителю и подрыв доверия к собственным силам, таким образом, стали символами, поведшими армию к духовному разложению, ибо может быть тверд только тот, кому доверяют, может проявлять инициативу только тот, кто уверен в своих силах.

Пропустим эти ежедневные вахтпарады, где ошибка стоила ссылки, разжалования с наказанием палочными ударами, где ни за что гибли, ни за что возвышались люди, где царил маршировка и ружейные приемы, где замысловатые построения возводились в венец военного искусства.

¹ Записки С.Г. Волконского (декабриста).

² Шильдер. Император Александр I. т. 1, стр. 222.

«Солдаты, сколь ни весело, унылы и разводы скучны», — писал по этому поводу Суворов, хорошо понимая, что жестокостью нельзя учить войска.

Как бы в насмешку над великой армией, учредили для обучения ее победоносных вождей тактический класс, где не нюхавшие пороху немец Каннабих и Аракчеев читали лекции Екатерининским генералам о тактике, «которую», по словам Ермолова, «некто весьма остроумно назвал наукою о свертывании планов, ибо не далее простирались сведения самих наставников». «Смешно было видеть, — пишет Данилевский, — полководцев Екатерины, получавших уроки от гатчинцев, никогда не бывавших на войне; как не сказать при этом, что фельдмаршальский жезл обратился в тамбур-мажорскую палочку».

«Впрочем, — говорит проф. Лебедев, — с давних пор смелость подчас заступает место знания, и о военной науке можно сказать, что в нее, как в развалины старого храма, часто входили и входят скоты и люди»¹.

«Учение, где слепые учат кривых», — назвал Суворов этот пресловутый храм науки.

Но песенка его уже была спета: после ряда выговоров и замечаний 6 февраля 1797 г. последовал Высочайший приказ:

«Фельдмаршал Суворов, отнесясь к Его Императорскому Величеству, что так как войны нет, то ему делать нечего, за подобный отзыв отставляется от службы». Затем последовала его ссылка в Кончанское под надзор полиции. Следом за ним последовал ряд ссылок его сподвижников. Отметим, что за 4 года 5 мес. царствования Павла за так называемое незнание службы было уволено, отставлено и выкинуто со службы 7 фельдмаршалов, 363 генерала и 2156 офицеров, при армии в четыре раза меньшей, чем теперь. Как жестоко звучит при этом подобный приказ: «Шт.-кап. Кирипичников разжаловывается в рядовые с прогнанием шпицрутенами сквозь тысячу человек раз!»

Наряду с этим как сравнительно снисходителен другой приказ: «Ген.-м. Арбенин за трусость и оставление в сражении своего полка, причем он удалился на 40 вер., исключается из службы»².

Каково было вообще отношение к боевым доблестям можно видеть из того, что знамена славного Екатеринославского полка Аракчеев на смотре назвал «Екатерининскими юбками».

«Легко себе представить, — пишет Шильдер, — с каким негодованием должны были слушать офицеры века Екатерины подобные оскорбительные изречения, произнесенные человеком, не бывавшим никогда на войне и заявившим свою неустрашимость и усердие на плац-парадах и во время экзекуций».

Гибельнее же всего отразилась новая система на воспитании армии. Прежние принципы долга и чести, личного примера начальника, обаяния личности заменились одним принципом, палкой, в том или другом виде. Не будем понимать эту палку в буквальном смысле: как таковая существовала она и в Екатерининской армии, были и там телесные наказания, и весьма сильные, но там они существовали для обуздания преступлений и отнюдь не считались движущей силой армии; армия Екатерины основала свою силу, как мы видели выше, совсем на других принципах. Во времена же Павла палка, или гораздо вернее, вообще страх наказания стал считаться движущей силой; в этом-то и состояло все зло новой системы. Если бы Павел совершенно воспретил телесные наказания, то все-таки суть и зло его системы несколько не изменились; вреден не тот начальник, который сильно карает, а тот, кто воображает, что его подчиненные служат только из страха наказания, кто думает, что страх наказания есть единственное средство приохотить подчиненных к службе.

Вот как характеризует новую систему почтенный труд «Столетие Военного Министерства»: «Русскую армию, ни в чем не повинную, стали истязать по правилам немецкой муштры. Все, начиная с младшего офицера до старшего генерала, чувствовали гнет бесправия.

Грубость и унижение личности стали обычным явлением. Обращение старших с младшими, особенно с нижними чинами, сделалось жестоким. Аракчеев вырывал усы и бил на учениях палками в присутствии Государя, и этому примеру стали подражать другие, выражая тем усердие к службе. Требовалось безусловное повиновение; всякий личный почин был убит».

Неудивительно, что истинная дисциплина, основанная на долге и уважении к начальнику, с этого времени стала быстро улетучиваться из армии, и место благоговейного отношения подчиненного к

¹ Мих. Соколовский. Журнал «Война и Мир» 1907 г

² Мих. Соколовский. Журнал «Война и Мир» и «Из воспоминаний Мих. Данилевского». Русская старина 1899 г. Декабрь.

начальнику заняли насмешки и глумление униженных и оскорбленных подчиненных над личностью начальника, сделавшегося им совершенно чуждым.

«Внешняя дисциплина процветала, но внутренняя никогда так не была поколеблена, как во времена строгостей Павла I. К этому печальному результату вели: 1) незаслуженное унижение выдающихся деятелей и 2) отсутствие меры в награждении бездарностей, случайно чем-либо угодивших Императору».

Но вот кончилось это беспримерное по своей жестокости царствование; воспрянула надежда, что вновь вернуться славные времена Екатерины.

Военный режим в первую половину царствования Императора Александра I

С какой радостью, восторгом пишет современник при вступлении на престол Императора Александра I:

«После четырех лет воскресает Екатерина в прекрасном юноше. Чадо ее сердца, милый внук ее, возвещает манифестом, что возвратит нам ее времена» (Шильдер).

Действительно, все исключенные и отставленные деятели Екатерининского царствования были вновь определены на службу, и их трудами и талантами армия прославила себя в наполеоновские войны, но в остальном новое царствование явилось по своим взглядам продолжением предыдущего, без его жестокостей. О возврате же к славному старому с той поры не было и помину.

«Вахтпарад Павловского времени остался и при Александре. К Екатерининским деятелям юный Император относился вообще крайне недружелюбно. Гатчинские традиции оставили в нем такой глубокий след, что он не любил даже, когда вспоминали при нем о царствовании Екатерины».

И уже среди первоначального, всеобщего, чисто ребяческого восторга во дни воцарения нового Императора раздавались недовольные голоса, находившие, что он вовсе не идет по стопам своей бабки. Так, Шишков писал: «Все, чего при ней не было и что в подражание пруссакам введено после нее, осталось ненарушимым; те же по военной службе приказы, ежедневные производства, отставки, мелочные наблюдения, вахтпарады, экзерциргаузы, шлагбаумы и пр., та же раздача орденов лекарям и монахам. Одним словом, Павлове царствование, хотя и не с тою строгостью, но с подобными же иностранцам подражаниями и нововведениями еще продолжалось» (Шильдер).

Подражание и преклонение перед иностранцами стало одной из самых резких и характерных черт новой русской системы и больно, и обидно отозвалось в сердцах победоносной армии, дотоле столь гордой своим русским именем.

«Положение нас, русских, — пишет Волконский¹, — в Вене, во время конгресса, было довольно щекотливое. Наш Император при беспрестанных отличительных приветствиях ко всем иностранцам, не тот был к нам, и казалось нам, что он полагал, что мы в образовании светском отстали от европейцев. Полный учтивости к каждому прапорщику, не носившему русского мундира, он крутенько обходился с нами, так что мы нехотя отказывались от приглашений дворцовых и высшего круга и более жили в среде соотечественников и вели жизнь шумную между собою, но не обидную для народной гордости».

Резче всего разница между прежним и новым направлениями в жизни России сказалась по окончании войны 1812 г. в разногласии между Императором и стариком Кутузовым.

«Александр, — пишет Шильдер, — хотел мира в Париже. Кутузов же полагал, что Наполеон теперь для России неопасен и что следует побережь его для англичан, которые стремятся захватить его наследство в ущерб России. Все помыслы фельдмаршала клонились только к спасению отечества, а не Европы, как того желали англичане и немецкие патриоты, свыкшиеся уже с мыслью смотреть на Россию, как на удобное орудие для достижения и упрочения своих политических целей».

Пристрастие к иностранцам выразилось в принятии громадного количества их на русскую службу, а влияние их на Императора много причинило бед русской армии.

Так, в 1805 г., перед Аустерлицем, русская армия оказалась во власти не Главнокомандующего, а австрийского стратега Вей-ротера, погубившего все дело.

¹ Записки С.Г. Волконского (декабриста), стр. 332.

В 1812 г. план войны вырабатывается не верхом армии, а иностранными гастролерами: Фулем, Вольцогеном и др. Выработанная ими секретная инструкция сообщается только начальникам штабов армий со строгим повелением держать ее в тайне от Командующих армиями¹.

В 1809 г. действия кн. Багратиона контролируются донесениями некоего немчика барона Гибша².

Бывали у нас и прежде иностранцы на службе, но тогда мы извлекали из них пользу, и имена многих из них, поработавших с честью для России, дороги нашему сердцу не менее таких же русских имен. С началом же XIX столетия связано появление и развитие нового типа иностранцев, напоминающих время «засилья» при Анне Иоанновне. Для этих иностранцев Россия являлась лишь дойной коровой, до блага которой большинству из них не было никакого дела. Такие иностранцы, кроме горя и зла, конечно, ничего не могли дать России.

Далее поистине поразительно, до какой степени сам Император Александр I являлся горячим последователем плац-парадных идей и уставных пунктиков.

В 1813 г., пропуская мимо себя в Полоцке славный Московский гренадерский полк, шедший за границу после Великой Отечественной войны, Государь сделал ряд следующих замечаний старику-фельдмаршалу, только что спасшему Россию: «Мундиры в полку были обожжены, в заплатах, офицеры сбивались с ноги; кивера у многих — солдатские, сабли — медные».

На все замечания Кутузов только отвечал: «Славно дерутся, Ваше Величество, отличались там-то и там-то».

В 1814 г., когда даже иностранцы удивлялись мужественному виду наших солдат, исправности оружия и хорошему состоянию лошадей, Александр сделал массу мелочных замечаний своим победоносным войскам, не знавшим отдыха уже 2 года. Так, в Ахтырском гусарском полку некоторые унтер-офицеры употребляли против положения серебряные цепочки на уздах. Другие гусарские полки хулил за то, что на киверах солдат султаны были не довольно прямы. Об артиллерии 9-й пех. дивизии было сказано, что у исправного извозчика сбруя на лошадях лучше; в наказание ведено было командиру роты служить за младшего офицера.

Известно, что самые боевые полки армии не участвовали при вступлении в столицу Франции — их вид был *недостаточно* для этого *наряден*. А при этом после взятия Парижа Государь наравне с Барклаем хотел пожаловать фельдмаршалом Аракчеева.

В 1815 г., через месяц после приезда Александра в Париж, одна гренадерская и кирасирская дивизии с торжеством вступили в столицу Франции. Во время церемониального марша некоторые части сбились с ноги, за что полковые командиры, к общему огорчению русских, были арестованы.

При обсуждении этого инцидента резко обозначились в армии два противоположных течения: старое — боевое и новое — плац-парадное. Так, некоторые генералы громко говорили, что этот поступок неприличен; другие, которые находились ближе ко двору, уверяли, что наказание еще недостаточно строго.

Резче всего при этом настроение самой армии отразилось на том же неукротимом Ермолове, который не только осмелился не исполнить приказания Императора об арестовании полковников, но еще излил свою душу Великим Князьям, встретив их в театре вечером, следующими словами: «Разве полагаете, ваши высочества, что русские военные служат Государю, а не отечеству. Они пришли в Париж защищать Россию, а не для парадов. Таковыми поступками нельзя приобрести привязанности армии». Нельзя не отметить по этому поводу, что армия, вообще, уже недружелюбно относилась к своему Императору. Так, еще в 1805 г. по прибытии в действующую армию Александр был весьма холодно встречен ею. И вот что занес по этому поводу в свои записки гр. Ланжерон: «Я сказал, что русский солдат был предан своим Государям и послушен; я должен прибавить, что он в то же время умен и часто очень хорошо судит о людях и событиях. В течение 9 лет он был обременен упражнениями, вечными переменами, преследуем бесполезностью всех этих механических ребяческих глупостей, жертвой которых он являлся. Генералы, старшие офицеры были не менее недовольны, чем солдаты. Император оказывал им мало внимания, редко их принимал, мало говорил с ними и сохранял для 5-6 любимцев своих адъютантов: Ливенов, Волконских, Гагариных, Долгоруких — все свои милости. Он допускал с ними в обращении фамильярность, унижительную для старых генералов, которые видели, кроме того, как их одежда и манеры высмеивались этими детьми, влияние которых про-

¹ Маркович. Война 1812 г.

² Петров. Война с Турцией 1806-1812 гг.

стиралось на все¹. Однако время походов все-таки сильно мешало развитию плац-парада хотя бы потому, что во главе войск в силу необходимости приходилось оставлять прежних боевых генералов, столь мало склонных к проведению плац-парадных идей.

Но вот кончилась блестящая боевая эпопея, русская армия вернулась из-под стен Парижа, и теперь ей суждено было испытать новую ломку, еще более существенную, чем в период четырехлетнего царствования Павла.

Военный режим после 1814 года

Тяжелые дни наступили для армии по возвращении из-под стен Парижа. Забыт был опыт целого ряда войн, и место боевой подготовки, дальнейшего усовершенствования занял парад, ружейные приемы, учебный шаг. Один за другими стали сходить со сцены прежние обаятельные и знающие начальники — рыцари долга и чести — и места их заполнились новыми людьми — знатоками плац-парада.

Место прежнего нравственного влияния и воспитания подчиненных заступила палка; страх наказания стал универсальным средством воспитания и обучения войск и заменил собою те идеи долга и чести, которыми так силен и горд был офицер Екатерининского воспитания.

Явились те знаменитые подтягиватели, которые не учат и не воспитывают свои части, а «разносят», «греют», «выгоняют» и «подтягивают» подчиненных. Явилось и укоренилось в армии мнение, что подчиненный является не товарищем и соратником своего начальника, а существом низшим, которое должно трепетать взгляда начальства, исполнять его капризы и не сметь иметь ни собственного мнения, ни убеждений, ни достоинства.

В обучении войск, вместо Суворовской «науки побеждать», заступила «танцевальная наука»², окрестил Цесаревич Константин Павлович новые измышления людей, составлявших себе карьеру на выдумывании всяких парадных ухищрений.

Уставы переполнились различными сложными перестроениями, множеством мелочных требований, но все, что в них заключалось, не мело ничего общего с боевыми требованиями. Порядки, введенные Императором Павлом, не только не исчезли, но еще усложнились и получили своё дальнейшее развитие. Дело дошло до того, что даже такой знаток и любитель плац-парада, как Цесаревич Константин Павлович, не выдержал и уже 11 февраля 1817 года писал начальнику штаба гвардейского корпуса генерал-адъютанту Сипягину: «Нечего дивиться тому, что полковые командиры выбирают и одних и тех же посылают офицеров в караулы 1 отделения на разведку, ибо ныне завелась такая во фронте танцевальная наука, что и толку не дашь; так поневоле пошлешь тех же самых офицеров, точно как на балах обыкновенно увидишь прыгают французский кадрили всегда одни и те же лица — пары четыре или восемь, а Другие не пускаются. Я более двадцати лет служу и могу правду сказать, даже во время покойного Государя был из первых офицеров во фронте, а ныне так перемудрили, что и не найдешься».

Еще раньше, критикуя новые уставы и новых лиц, Цесаревич в письме от 27 февраля 1816 г. писал: «Бога ради, избавьте меня подальше от вашего комитета сочинения воинского устава. Я от двух вещей бежал сюда из Петербурга за полторы тысячи верст: 1) в Мраморном дворце приемного зала и знаменитой комнаты, а 2) вашего комитета. Боюсь поклонов и шарканьев, а сочинения устава вашего так, что если мне сюда о нем будут писать, то я дальше еще за полторы тысячи верст убегу»³. Недурными и меткими эпитетами наградил Цесаревич и тех лиц, в руки которых попало руководство войсками после 1814 г. Так, в письме Сипягину о новом учебном батальоне он пишет:

«Я таких мыслей о гвардии, что ее столько учат, что вели гвардии стать на руки ногами вверх, так промаршируют; и не мудрено, как не научиться всему: есть у вас в числе главнокомандующих танцмейстеры, фехтмейстеры, пожалуй, и Франкони завелся»⁴.

Коснулся Константин Павлович и тех перемен в форме одежды, которые, посыпавшись как из рога изобилия, сразу же ознаменовали реформаторскую деятельность новых лиц. Так, в письме к Сипягину от 1 января 1816 г. он пишет⁵: «Скажите, Бога ради, когда будет конец переменам в обмундирова-

¹ Шильдер. Император Александр I.

² Епанчин. Очерк похода 1829 года. Военный Сборник 1904 г. № 3.

³ Русская Старина, 1900 г. Апрель, стр. 92.

⁴ Шильдер, Император Александр I, т. 4.

⁵ Русская Старина, 1900 г. Апрель, стр. 91.

ний? Что хотят сделать из гвардейского драгунского полка — стыдно будет с полком показаться: будет весь полк камергеры или тамбур-мажоры и трубачи, а притом и страшное разорение для бедных офицеров: никто из них не в состоянии будет с такими переменами служить».

К чему свелось тогдашнее обучение войск можно видеть из воспоминаний Михайловского-Данилевского, получившего бригаду в 1824 г. Так, он пишет, что солдат обучали ежедневно часов 6¹ церемониальному маршу тихим и скорым шагом;

редко бывали батальонные учения, а полковые — только 2 раза в год; с порохом же, кроме маневров, не было ни одного учения. Такие отделы обучения, как стрельба, были в полном загоне. «Армия, — пишет Данилевский, — стоила сотни миллионов, отпускались суммы на вещи, едва ли нужные, как например, на этишкеты и др. мелочь, а скупилась — на порох. Оттого солдаты отменно дурно стреляли»¹.

Подобное положение дел не могло остаться без резкой критики и осуждения со стороны наших боевых генералов другой старой школы.

И критика эта не только интересна для изображения новых порядков, но еще больше ценна для обрисовки старых понятий — высоких достоинств генералов блестящей эпохи нашей жизни, их светлых взглядов на военное дело.

Так, по словам Михайловского-Данилевского, генерал Лисаневич не постигал, как можно было *высокое благородное* военное искусство заключить в тесные пределы маршировки, вытягивания носка и колена, равенства султанов, пригонки ранцев, этишкетов и амуниции².

Много резче и выразительнее звучат слова умного и способного генерала Сабанеева, командира 6-го корпуса: «Учебный шаг, хорошая стойка, быстрый взор, скобка против рта, параллельность шенг, неподвижность плеч и все тому подобные, ничтожные для истинной цели, предметы столько всех заняли и озаботили, что нет минуты заняться полезнейшим. Один учебный шаг и переправка амуниции задушили всех, от начальника до нижнего чина.

Какое мучение несчастному солдату и все для того только, чтобы изготовить его к смотру. Вот где тиранство! Вот в чем достоинства Шварца, Клейнмихеля, Желтухина и им подобных! Вот к чему устремлены все способности, все заботы начальников! Каких достоинств ищут ныне в полковом командире? Достоинство фронтового механика, будь он хоть настоящее дерево. Кто управляет ротами? Такие офицеры, которые ничего, кроме ремесла взводного командира, не знают, да и то плохо. Большая часть офицеров, бывших в прошедшую войну, или оставили службу, или поднялись выше достоинств своих. Что же ожидать должно? Нельзя без сердечного сокрушения видеть уныние измученных учением и переделкой амуниции солдат. Нигде не слышно другого звука, кроме ружейных приемов и командных слов, нигде — другого разговора, кроме краг, ремней, вообще солдатского туалета и учебного шага. Бывало, везде песня, везде весело, теперь нигде их не услышишь. Везде цыцгаузы и целая армия учебных команд. Чему учат? Учебному шагу! Не совестно ли старика, ноги которого исходили десять тысяч верст, тело которого покрыто ранами, учить наравне с рекрутом, который, конечно, в короткое время делается его учителем».

Для обрисовки общей системы управления войсками в ту эпоху характерны и выразительны слова того же Сабанеева:

«Таких порядков, как у нас, нет в европейских армиях; у нас все делай и все как-нибудь. Нигде столько не мараются бумаги и не выдумано форм рапортов, как у нас. Ничто не соображено ни со способностями, ни с силами человеческими»³.

Тяжело легла на армию новая система, тем более, вводилась она жестоким и зверским обращением с нижними чинами, грубым и унижительным — с офицерами. <...>

Однако истязание нижних чинов имело для армии сравнительно меньший вред. Гораздо губительнее оказалась система грубого и унижительного обращения с офицерами, резко изменившая прежний офицерский состав. Прежний благородный тип офицера — рыцаря долга, носителя чести — не мог ужиться и воспитываться при новом порядке вещей. Новому режиму нужен был другой тип, который находил бы наслаждение в исполнении прихотей начальства, не смел бы мыслить иначе, как по приказу и предписанию начальства, сам бы считал себя существом бесконечно низким, по сравнению с

¹ Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. Русская Старина, 1900 г. Октябрь, стр. 207-208.

² Русская Старина, 1900 г. Октябрь, стр. 212.

³ Епанчин. Очерк похода 1829 года. Военный Сборник 1904 г. № 3.

ослепительным сиянием начальника. И такой тип явился; мало того, он изгнал собою из армии тип прежнего офицера.

Закаленные ветераны эпохи походов не могли оставаться в армии при новом порядке вещей, да они были не только не нужны, но и невыносимы для новых начальников. И этих офицеров — героев наших побед — частью удалили, частью ушли они сами. Разлад между правительством и обществом, вызванный периодом реакции в последние годы царствования Александра и усилившийся после 14 декабря 1825 г., также привел к ухудшению офицерского состава: значительная часть общества отвернулась от армии как от опоры ненавидимого правительства. Препятствие единодушия общества и армии, так резко выразившееся в эпоху Отечественной войны, исчезло; как известно, во время Севастопольской войны в Москве пили шампанское по поводу наших неудач, радуясь провалу армии и ожидая реформ. В другой части общества, более умеренной, существовало все-таки пассивное сопротивление правительству, выражавшееся в нежелании служить. Граф Л.Н. Толстой в своей автобиографии следующими словами весьма ярко характеризует настроение тогдашнего общества и его отношение к правительству, говоря о своем отце: «Подобно большинству людей времен Александра I и походов 1813-1814-1815 гг., он не был либералом, в том смысле, как это понимается теперь, но *из чувства собственного достоинства* он не считал возможным служить в последние годы царствования Александра I и Николая I. Он не только не служил, но все его друзья также были люди независимые, никто из них не служил, и они относились довольно отрицательно к правительству Николая Павловича»¹.

Наконец, отмечу, что, вообще, для интеллигентного, развитого человека не могла представлять интереса служба, целиком заключающаяся в вытягивании носка, пригонке амуниции и т.п. Тут нужны были другие лица; они и не замедлили явиться и своей умственной стороной, своим невежеством, узким пониманием военного дела немало поспособствовали упадку престижа военного мундира в глазах того же общества, среди которого и по сей день существуют люди, глубоко убежденные, что все военное дело сводится только к маршировке и ружейным приемам.

Не остались незамеченными новые типы русских офицеров для нашей литературы. И бессмертные типы Грибоедовского полковника Скалозуба и Горбуновского генерала Дитятинина навсегда увековечили память о гатчинских воспитанниках и последователях.

Только кавказской армии не коснулась новая система. Там вплоть до 1826 г. нераздельно царил славный проконсул Грузии Ермолов, туда не достигало губительное влияние петербургских реформаторов, и благодаря этому там сохранился дух и традиции екатерининских войск, когда уже по всей России он был вытравлен до корня. За то и считали эту доблестную армию чуть ли не революционной, за то и кричал Паскевич любимому Ермоловым Ширванскому полку: «Это шотландцы; я выбью из вас ермоловский дух». Вот как быстро забыли мы этот дух, доведший нас до стен Парижа и заменили его новым, приведшим нас в тот же Париж в 1856 г., но уже в качестве побежденных.

Не будем удивляться быстрому падению качества офицерского состава, если только еще обратим внимание на ничтожность требований от офицера в эту эпоху.

Так, согласно уставу 1816г., «офицеру необходимо было знать только то, что предписано в школе рекрутской, в учениях ротном и батальонном... Офицер, знающий командовать и совершенно объяснять все, что заключается в сих трех учениях, почитается офицером, свое дело знающим».

Кроме этого, требовалось еще только «батальонным командирам собирать офицеров и заставлять оных маршировать, дабы сделали навык ходить равным и одинаковым шагом; стараться тщательно, чтобы во фронте офицер держал себя прямо и имел бы вид, приличный офицеру».

«На этом и ограничивались все требования устава об обучении офицеров», — свидетельствует Н. Епанчин.

Так вот чем заменили новые руководители армии прежние требования духа, твердости и военного образования офицера. Не будем же удивляться после этого и тем печальным отзывам, которые сыплются по адресу тогдашнего офицера. При этом отмечу, что эти отзывы еще упоминают о небольшом числе генералов, помышляющих о своем призвании; это были те обломки века побед и славы, трудами которых создалась Россия Екатерины и Александра I; они же до самого конца деятельности били тревогу и кричали об упадке армии. Скоро естественным порядком смолкли эти шумливые голоса; никто уже не беспокоил руководителей армии докучливыми указаниями; и верх, и низ армии стал

¹ Русская Старина. 1906 г. Ноябрь, стр. 302.

однородным; «все обстоит благополучно», стало обычной нашей фразой, и только ряд непрекращающихся неудач являлся показателем свершившегося переворота.

А были вначале голоса, указывавшие задолго до этих неудач на упадок и разложение армии, отмечавшие также, в чем заключались немощи новой русской армии.

Так, еще в 1827 г. прусский генерал Натцмер, присутствовавший на наших маневрах под Петергофом, писал:¹ «Материал этой грозной армии, как всем известно, превосходит и не оставляет желать ничего лучшего. Но, к нашему счастью, все без исключения обер-офицеры никуда не годны, а большая часть офицеров в высших чинах тоже немногим лучше их. Лишь малое число генералов помышляют о своем истинном призвании, а прочие, наоборот, думают, что достигли всего, если им удастся удовлетворительно провести свой полк церемониальным маршем перед Государем. Никто не думает о высшем образовании среди офицеров и о целесообразных упражнениях войск».

Как бы пояснением этой характеристики могут служить слова следующего письма Закревского к Киселеву от 30 марта 1820 г.: «Ни в чье командование, гвардейским корпусом не назначали таких командиров как теперь, и полагаю, что с сего времени гвардия будет во всех отношениях упадать, кроме ног, на кои особенно обращают внимание»².

Прямо трагически звучат письма начальника штаба 2-й армии ген. Киселева Закревскому в 1819 г.: «Гр. Витгенштейн пишет, и я тебе повторяю касательно генералитета нашего; что за несчастная богадельня сделалась из 2-й армии. Имеретинские, Масаловы, Шевандины и толпа тому подобных наполняют список; перестаньте давать нам калек сих, годных к истреблению. Касательно до назначения будущих полковых командиров, то я здесь отличных, действительно, не знаю».

Продолжением нарисованной этим письмом картины, может служить другое письмо Киселева в 1821 г.: «Мы чувствуем недостаток не только в субалтерн-офицерах, способных управлять солдатами, но и старшие офицеры — полковые командиры б.ч. — того же закала.

Невежество этих господ ужасно, особенно когда подумаешь, что рано или поздно они будут командовать тысячами человек, обязанных им повиноваться».

Перед Турецкой войной Сабанеев пишет эти ужасные в своем лаконизме слова: «К войне, кроме начальников, все готовы».

В своем мнении об организации армии тот же Сабанеев пишет слова, характерные для армии, только что обладавшей лучшим в Европе корпусом офицеров:

«Офицеров почти нет. Если выбросить негодных, то пополнять будет нечем. Какой источник? Из корпусов и от производства унтер-офицеров?

Что за корпуса! Что за народ, идущий в армию унтер-офицерами! Из 1000 — один порядочный!»
<...>

Еще более резко и беспощадную критику по адресу нового порядка вещей дает Денис Давыдов, отмечая весь ужас той системы, которая «наложила оковы на даровитые личности и дала возможность бездарности не только утвердиться в армии, но изгнать отовсюду способных людей».

Славный партизан двенадцатого года, настоящий воин в душе, благодаря своей опытности хорошо видел, на какой опасный путь стала армия после 1815 года, почему его заметка об армии, находящаяся в воспоминаниях о Польской войне 1831 года, во многом является настоящим пророчеством.

Вот что писал он еще задолго до Севастополя: «Для лиц, не одаренных возвышенным взглядом, любовью к просвещению, истинным пониманием дела, военное ремесло заключается лишь в несносном педантическом, убивающем всякую умственную деятельность пародировании. Глубокое изучение ремешков, правил вытягивания носков, равнения шеренг и выделывания Ружейных приемов, коими щеголяют все наши фронтовые генералы и офицеры, признающие устав верхом непогрешимости, служит для них источником самых высоких поэтических наслаждений. Ряды армии постепенно наполняются потому лишь П^убыми невеждами, с радостью посвящающими всю свою жизнь на изучение мелочей военного устава; лишь это знание может Дать полное право на командование частями, что приносит этим личностям значительные незаконные материальные выгоды, которые правительство, по-видимому, поощряет. Этот порядок вещей получил, к сожалению, полную силу и развитие со времени вступления на престол Императора Николая; он и брат его Великий Князь Михаил Павлович не щадили ни усилий, ни средств для доведения этой отрасли военного искусства до самого вы-

¹ Н. Епанчин. Очерк похода 1829 г. Военный Сборник 1904 г. № 3.

² Н. Епанчин. Очерк похода 1829 г. Военный Сборник 1904 г. № 3.

сокого состояния. И подлинно, относительно равнения шеренг и выделявания темпов, наша армия, бесспорно, превосходит все прочие.

Но, Боже мой! Каково большинство генералов и офицеров, в коих убито стремление к образованию, вследствие чего они ненавидят всякую науку! Эти бездарные невежды, истые любители изящной ремешковой службы, полагают в премудрости своей, что война, ослабляя приобретенные войском в мирное время фронтовые сведения, вредна лишь для него. Как будто войско обучается не для войны, но исключительно для мирных экзерциций на Марсовом поле. Прослужив не одну кампанию и сознавая по опыту пользу строевого образования солдат, я никогда не позволю себе безусловно отвергать полезную сторону военных уставов; из этого, однако, не следует, чтобы я признавал пользу системы, основанной лишь на обременении и притуплении способностей изложением невероятного количества мелочей, не столько поясняющих, сколько затемняющих дело. Я полагаю, что надлежит весьма остерегаться того, чтобы начертанием общих правил не стеснить частных начальников, от большего или меньшего умственного развития коих должно вполне зависеть приложение к делу, изложенных в уставе правил. Налагать оковы на даровитые личности и тем затруднять им возможность выдвинуться из среды невежественной посредственности — это верх бессмыслия.

Таким образом можно достигнуть лишь следующего: бездарные невежды, отличающиеся самым узким пониманием дела, окончательно изгонят отовсюду способных и просвещенных людей, кои либо удалятся со служебного поприща, либо убитые бессмысленными требованиями не будут иметь возможности развиваться для самостоятельного действия и безусловно подчинятся большинству.

Грустно думать, что к этому стремится правительство, не понимающее истинных требований века, а какие заботы и огромные материальные средства посвящены им на *гибельное развитие системы*, которая, если продлится на деле, лишит Россию полезных и способных слуг. Не дай, Боже, убедиться на опыте, что не в одной механической формалистике заключается залог всякого успеха. Мысль, что целое поколение воспитывается в подобных идеях — ужасна. Это страшное зло не уступает, конечно, по своим последствиям татарскому игу! Мне, уже состарившемуся в старых, но несравненно более светлых понятиях, не удастся видеть эпоху возрождения России.

Горе ей, если к тому времени, когда деятельность умных и сведущих людей будет ей наиболее необходима, наше правительство будет окружено лишь толпою неспособных и, упорных в своем невежестве людей! Усилия этих лиц не допускать до него справедливых требований века могут лишь свергнуть государство в ряды страшных зол»¹.

Наконец, для характеристики того ужасного разлагающего влияния, какое имела на дисциплину новая система общения начальников с подчиненными, приведу слова записки о состоянии государства в 1841 г., поданной Н. Кутузовым Императору Николаю Павловичу².

Вот что говорится об армии в этом документе: «Войско наше блестяще, но это наружный блеск, тогда как в существе оно носит семена разрушения нравственной и физической силы. Разрушение нравственной силы состоит в потере уважения нижних чинов к своим начальникам; без этого же уважения — войска не существует. Эта потеря произошла от предосудительного обращения главных начальников с подчиненными им офицерами и генералами: перед фронтом и при других сборах нижних чинов их бранят, стыдят и поносят. От этого произошло то, что, с одной стороны, те только офицеры служат и терпят это обращение, которые или не имеют куска хлеба, или незнакомы с чувством чести; с другой — что нижние чины потеряли к ним уважение, и это достигло до такой степени, что рядовой дает пощечину своему ротному командиру! Этого не бывало с учреждения русской армии; были примеры, что убивали своих начальников, но это — ожесточение, а не презрение».

Заключение о новой системе

Как можно легко видеть из трех последних выписок, все зло новой системы, окончательно внедрившейся в армию после 1814 года, прежде всего заключалось в ее губительном влиянии на качество командного состава армии.

¹ Денис Давыдов. Воспоминания о польской войне 1831 г.

² Русская Старина, 1898 г. Сентябрь, стр. 523.

Идея, что страх наказания является движущей силой войск, забвение могучего значения самолюбия в военном человеке, унижение личности подчиненного, убили высокий, благородный дух командного состава прежней армии.

Оценка качеств начальника по блестящей внешности частей, выдвигание начальников за отличия на парадах и маневрах мирного времени дали бездарности легкий способ выдвинуться на самые высокие должности и свести высокое, благородное искусство управления душой и сердцем войск на степень простого и нехитрого ремесла командования при помощи взысканий и приказаний.

Вот, таким образом, те причины, результатом которых явился быстрый упадок и разложение первой армии Европы.

Подчиненный прежней школы воспитывался на доблестном примере начальника, воспитывался в идеях долга и чести, в убеждении, что он служит отечеству; подчиненный новой школы стал воспитываться на страхе наказания, в трепете перед грозной личностью начальника, в убеждении, что он обязан исполнять все его прихоти, коньки, затеи, даже капризы жены, детей, родни. Недаром выражение «я — Царь, я — Бог» было любимой поговоркой генералов николаевского времени; недаром у нас получил такую известность тип «матери-командирши», недаром развелись кроме начальников еще и «начальницы», считающие себя вправе делать замечания «подчиненным»; недаром с этого времени промахи против так называемого и зачастую при этом весьма уродливо понимаемого «светского такта» стали выше служебных недостатков.

Прежний рыцарь-начальник, твердый в своих убеждениях, предполагал и ценил таковые и в своих подчиненных; новый решил, что у подчиненного не может быть убеждений, что он обязан знать одну волю начальника, что младший всегда должен, выражаясь мягко, «уступать» старшему, «подлаживаться» под его взгляды.

Прежний начальник глубоко уважал личность подчиненного, не стеснялся называть «товарищем» самого юного офицера¹, и его обращение на «ты» звучало братством и сердечностью.

Новый тип начальника стал презирать своего офицера как нечто низшее, стал звать молодых офицеров «фендриками» и «молодежью», и его «вы» звучало сухостью и презрением. И нечего удивляться, что в эту эпоху армия перестала быть школой, вырабатывающей твердые, непоколебимые характеры, а стала вырабатывать мелочные и слабые натуры, которые своей мелочностью и придирчивостью могли быть грозны лишь несчастным подчиненным, но, конечно, были неспособны устроить врага. И насколько сила армии наполеоновской эпохи лежала всецело в духе ее командного состава, настолько же постоянной и неуклонной слабостью новой армии явился ее новый командный состав. «Умирать мы умели, но водить войска, за малыми исключениями, — нет», — характеризует войну 1828-1829 гг. ее историк Н. Епанчин. И с того времени эта глубоко верная и обидная для нашего командного состава фраза делается краткой и точной характеристикой войн, вехенных нами.

Да и неудивительно. С той поры, как высокое, благородное искусство вождения войск выроldилось в простое и нехитрое ремесло командования, из армии исчез великий дух, одухотворявший и двигавший ее на самые трудные предприятия. Высокое, благородное искусство было доступно лишь истинно военным людям — рыцарям долга и чести; простое ремесло стало доступно всякому; выучить уставы и инструкции, даже изучить самые модные теоретические сочинения может любая бездарность, но из этого вовсе не значит, что она перестает быть бездарностью и выучивается управлять другими. Наоборот, бездарность, кое-что знающая и выучившая, еще опаснее бездарности невежественной, как по своему самомнению, так и по упорству в своих заблуждениях. Общей же чертой обоого вида бездарности является рабская погоня за внешностью, посредством которой она скрывает убожество своего внутреннего мира.

Недаром после 1814 г. эта бездарность с таким удовольствием схватилась за плацпарадное искусство, обратила его в целую науку вытягивания носка и колена и таким образом нашла себе в ней легкий способ прослыть знатоком военного дела. Недаром так же и при всяком другом увлечении эта же бездарность прежде всего хватается за внешность, стремясь выдать ее за суть дела, чтобы таким образом все великое и трудное сделать для себя легким и доступным.

Итак, главное горе новой армии заключалось вовсе не в ее увлечении небоевыми отделами обучения, как это склонны думать многие, а в том, что это увлечение попало в руки бездарности, в том, что одной внешностью стали оцениваться и ограничиваться качества начальников.

¹ Воспоминания офицера. «Русская Беседа», 1860 г. № 1, стр. 91.

Вредны были не учебный шаг, не церемониальный марш сами по себе. Армия могла бы с равным успехом увлечься и стрельбой, и воспитанием солдата, и тактическим образованием; все равно, все это в руках бездарности исказилось бы до неузнаваемости. Стрельба выродилась бы в выбивание баснословных процентов, воспитание солдата — в умение отвечать известным точным образом на излюбленные и определенные вопросы начальства, тактическое образование — в строгое и точное соблюдение известных форм и строев, якобы указанных опытом и освященных такими-то авторитетами.

Так, бездарность, провозглашая, что в военном деле нет мелочей, пользуется этой фразой, чтобы в действительности заниматься одними мелочами, чтобы всякое живое дело свести к известной внешности и форме.

И выдающиеся, способные современники переворота, происшедшего в жизни армии, отдавали себе ясный отчет в его сущности.

«У нас, — писал Паскевич, — эзерцирмейстерство приняла в свои руки бездарность, а как она в большинстве, то из нее стали выходить сильные в государстве, и после того никакая война не в состоянии придать ума в обучении войск».

Умный и опытный человек видел, что зло заключалось не столько в эзерцирмейстерстве самом по себе, сколько в тех личностях, которые воспользовались им для личных выгод, сведя к параду все военное дело. Умный человек понял, что пока бездарность находилась во главе армии, не мог помочь горю и боевой опыт, так как та же бездарность извлекла бы из него и навязала войскам одну внешность, одни формы. «Мой мул сделал десять походов, но не стал от этого умнее», — сказал великий полководец, намекнув этим, что не всякому и громадный боевой опыт дает понятие о истинном военном искусстве.

Резюмируя сущность происшедшего в армии после 1814 г. переворота, можно сказать, что в эту эпоху армия утратила своей высокий, благородный, настоящий военный дух и осталась при одной внешности, при одних формах, которые еще никогда никому не давали победы, как бы они ни были совершенны сами по себе.

Выводы

Итак, закончив характеристику нашей армии в эпоху до и после 1814 г., мне остается сравнением обеих эпох сделать вывод о том, что же должно составлять главную силу армии, стремящейся к победе.

Должен отметить, что и после Севастополя лишь немногие писатели вполне ясно и отчетливо указали на сущность переворота, происшедшего в рядах армии после 1814 г., лишь немногие указали, что этот переворот был ужасен своим губительным влиянием на воспитание командного состава.

Большинство же, как это всегда бывает, обратили внимание лишь на внешность, считали, да и до сего времени многие считают, что все зло и упадок армии произошли от неправильной системы обучения и воспитания солдат.

И вот после Севастополя целая плеяда писателей обрушилась именно на эту внешность: «долой муштру», «долой маршировку», «долой ружейные приемы», «надо оставить только боевую подготовку», «учить солдата грамоте, развивать», — провозгласили они, впад в противоположную крайность.

Насколько был забит, задержан и унижен солдат в период плац-парада, когда он третируется как существо низшее, настолько вдруг вырос этот же солдат в глазах наших писателей после Севастополя; в нем видели вершителя судеб сражений, главный, чуть ли не единственный источник побед. И все начальники, от генерала до подпоручика, считали своим единственным делом воспитание и обучение солдата. Искали его развития, думали совершенно перевоспитать взятого от сохи парня в 4-5 лет службы.

Все обучение и воспитание войск свелось к обучению и воспитанию солдата. Дело не выиграло от этого ухаживания за солдатом, а от дискредитирования офицера в глазах этого же солдата дисциплина пала, явилась та распушенность, борьба с которой должна составить серьезнейшую задачу нашего поколения.

Итак, солдат не оправдал возлагавшихся на него надежд, не явился вершителем победы. Создалось другое, ныне упорное мнение, что наш солдат «испортился» сравнительно с прежней эпохой, когда он якобы был настоящей силой армии.

Между тем, как можно видеть из первой части моего труда, солдат наш не только не испортился, но еще улучшился, сравнительно с наполеоновской эпохой. Был же он тогда могуч и тверд вовсе не благодаря своим особым достоинствам, а благодаря тому офицеру и генералу, которые своей личностью, своими качествами умели создавать богатырей из самого негодного материала. Армия тогдашняя была сильна не своим солдатом, а духом и личными достоинствами начальников.

И эти начальники не сваливались уже готовыми с неба, не приготавливались в каких-нибудь особых учебных заведениях, а получались из тех же недорослей или простых солдат, из каких позже стали вырабатываться грубые и невежественные бурбоны, видевшие всю суть военного дела в правильном вытягивании носка, пригонке амуниции и пр., готовые ошельмовать и унижить человека за пустую ошибку на церемониальном марше, при смене караула и т.д.

В разные эпохи из одного и того же материала стали получаться совершенно противоположные типы. Причиной этого явилась разница в нравственных достоинствах руководителей армии и во взглядах их на свое призвание.

Генерал старой школы — рыцарь долга и чести, истинный витязь, гордый своим высоким званием, — видел и в офицере такого же рыцаря и витязя, видел в нем своего верного друга и помощника. Понимая, что офицер — не раб и поденщик, понимая, что в военном деле может цениться только работа от души, от сердца, что страх наказания не совместим с достоинством офицера, этот генерал искал других возвышенных стимулов, чтобы приохотить офицера к работе. Близость к офицеру, обаяние личности начальника, возможное развитие самолюбия в подчиненных — вот те основы, на которых лежало воспитание армии.

Совершенно иными людьми были новые руководители армии, гатчинцы. Будучи «сором» армии, они не знали и не понимали высоких идеалов воина. Личные выгоды, собственное благополучие — вот что руководило их поступками. Страх наказания, опасение лишиться материальных благ были для них единственными стимулами, двигавшими их на труды и лишения. Военная служба являлась для них не высоким призванием, налагающим тяжелые обязанности, а выгодной карьерой, дающей почет и наживу.

Будучи ремесленниками военного дела, не сознавая величия своего звания, не понимая истинного военного духа, они свели высокое, благородное искусство воспитания и обучения войск к одной внешности, выражалась ли таковая в маршировке, стрельбе, известных тактических построениях, безразлично. Так же высокое искусство управления войсками свели они на степень простого ремесла командования.

Как люди карьеры и материальных благ, они стали видеть в своих подчиненных лишь ступень для дальнейшего возвышения, они презирали их личность как что-то низшее. Грубость, оскорбление личности — вот те основы, на которых стало основываться воспитание этой армии.

Чтобы не быть голословным в этом сравнении и резче оттенить нравственное превосходство — величие начальников старой школы — не могу не остановиться на удивительном памятнике этой школы, на замечательном приказе гр. Витгенштейна.

Гр. Витгенштейн не был особенно выдающимся типом своего времени ни по уму, ни по образованию, ни по воспитанию; он не мог изобрести ничего особенного, не мог шагнуть далеко вперед; в своем приказе он мог изложить только те мысли, те взгляды, которые были свойственны его поколению, на которых он был воспитан. И тем ценнее для нас золотые слова этого приказа, являющиеся, таким образом, не характеристикой отдельной выдающейся личности, а отражением взглядов целой эпохи, той эпохи, когда армия наша удивляла весь мир своими достоинствами.

Написан этот приказ в 1822 г. в эпоху расцвета нового режима в виде безрезультатного отпора новым идеям. Касается он самой важной части воспитания армии — отношений начальников к подчиненным, что еще больше усиливает его значение и представляемый им интерес.

Вот что гласят золотые слова этого приказа.

Приказ 2-й армии

«Я заметил, что в некоторых полках 14-й дивизии г.г. полковые командиры весьма грубо обходятся со своими офицерами и, забывая должное уважение к званию благородного человека, позволяют

себе употребление выражений, не свойственных с обращением, которое всякий офицер имеет право от своего начальника ожидать.

Строгость и грубость, взыскание и обида суть совсем различные вещи, и сколь первая — необходима, столь вторая для службы — вредна. Всякий начальник должен необходимо требовать от своих подчиненных исполнения их обязанностей и в случае нарушения оных строго за то с них взыскивать; но именно в роде и образе взысканий должен он показывать свое благоразумие и всегда быть беспристрастным, ибо он взыскивает не по личности, но по службе; следовательно, никогда он не должен терять своего хладнокровия и всегда помнить, что кто не умеет владеть самим собою, тот не может командовать другими. Всякий начальник имеет тысячу средств заставить своих подчиненных прилежать к службе, не оскорбляя в них чувства чести, которое непременно должно быть главнейшею пружиною, руководствующею всяким вольным человеком. Ежели, напротив того, сие чувство не будет существовать, то нельзя ничего от такового офицера ожидать, посему и должны полковые командиры стараться до того довести своих офицеров, чтобы малейший знак неодобрения начальства был для них чувствителен, тогда будут полки украшаться хорошим корпусом офицеров, а начальники находить в подчиненных своих надежнейших сотрудников, без коих не могут они довести полков своих до желаемого благоустройства; худым же обращением достигнут они совсем противной цели.

Всякий благородный человек, опасаясь быть таким образом обижен, будет стараться удалиться от службы и вовсе ее отставит; следовательно, все хорошие офицеры выйдут в отставку и останутся только те, которые дурным обращением не будут считать себя обиженными, т.е. именно те, которые недостойны носить военного звания и в которых служба не потеряла бы, когда бы они и вовсе оную отставили.

Худое же с офицерами, и вообще подчиненными, обращение не только имеет весьма вредное влияние на службу, но и само по себе совсем несправедливо и ничем не может быть оправдано, ибо никто никогда не давал права начальству оскорблять своих подчиненных.

Служба определила взаимное их сношение, и дано начальству право взыскивать; следственно, всякое грубое слово и всякий обидный поступок есть в самом начальнике несоблюдение предписанного порядка, навлекающее взыскание на самого его...

Насчет же обращения с нижними чинами должен я заметить, что за учение не должно их телесно наказывать, а особенно таким жестоким образом, каким оно часто делается. Мнение, будто бы у них нет честолюбия, что одни побои только на них и действуют, с истиною несогласно. Я утверждаю это по опыту, ибо я сам 10 лет командовал полком и знаю, что можно легко довести целый полк до того, что он превосходным образом будет учиться, не употребляя жестоких наказаний; надобно только учить с терпением и столько же быть уверенным, что они понимают очень хорошо все от них требуемое; тогда будут они весело ходить на учение и не почитать военную службу ужаснейшим несчастием¹.

Как же не преклоняться перед величию той эпохи, когда так существенно различалось, что «строгость и грубость, взыскание и обида суть совсем разные вещи», когда начальник хорошо понимал, что он взыскивает «не по личности, а по службе», когда чувство чести считалось главнейшею пружиною, руководствующею не только офицером, но и вообще всяким вольным человеком, когда начальники стремились достигать такого обаяния, чтобы малейший знак их неодобрения был чувствителен для офицера, когда начальники видели в офицерах не рабов, а «своих надежнейших сотрудников», когда они сознавали, что дурное обращение с офицерами не только вредит службе, но и «ничем» не может быть оправдано, когда так хорошо сознавали значение «честолюбия» даже у нижних чинов.

Из всего высокого духа этого приказа можно видеть, как глубоко ошибочно общераспространенное мнение, что великие люди XVIII века, Суворов и Румянцев, были случайными, мимолетными явлениями армии, что они якобы не оставили после себя поколения, не создали школы, и что как будто поэтому наша армия пришла в упадок в XIX столетии.

Как видно из всего вышеизложенного, школа эта была; была она при этом и очень высокой, и очень серьезной.

И не вина великих людей, что одно поколение так беспутно промотало драгоценное наследие, а другое — не сумело разобраться, в чем оно заключалось.

Как можно видеть, главное достоинство, главная заслуга школы Екатерининского времени заключалось в том значении, которое она придавала нравственному элементу — духу войск.

¹ Военный Сборник № 4. Епанчин. Очерк похода 1829 г.

Не тому, конечно, грубоутрированному духу, который впоследствии думали легко и просто вселить в солдата посредством одних эффектных речей, блестящих приказов, патриотических чтений и т.п., а тому истинно военному духу, который насаждается долгим и упорным трудом, который выражается в воспитании прежде всего не солдата, а командного состава в твердых понятиях долга, чести и истинной доблести, который достигается только личным обаянием начальника, глубоким уважением личности подчиненного офицера, близостью к нему и высокими нравственными качествами воспитывающего.

Военное искусство не может и не должно у всех народов выливаться в одни и те же формы, быть всегда и везде одинаковым, вне зависимости от духа и особенностей народа. Наоборот, каждая нация строит свою силу и мощь именно на присущих ей своих национальных особенностях. И если методичные и пунктуальные немцы и японцы могут уподоблять свою армию машине, могут строить свои успехи главным образом на точной и удивительной работе штабов, то наша армия, подобно французской, требует для себя кроме хороших штабов еще и обаяния любимых и уважаемых начальников.

Еще в XVIII веке один из иностранцев, хорошо знавший русскую армию, отметил, что эта армия требует для себя особенных генералов, требует таких людей, которые жили бы с ней одной жизнью, поставили бы себя наравне с подчиненными. За то таким начальникам эта армия платит глубоким уважением, беспредельной преданностью и с ними не знает ничего невозможного. И нет ничего хуже, нет ничего опаснее для начальника этой армии, как показать оттенок презрения и пренебрежительности к подчиненным.

Умный и наблюдательный иностранец верно подметил характерную черту нашей армии. И действительно, мы не можем помириться и никогда не помиримся с мыслью быть пешками в руках штабного канцеляриста-стратега, мы никогда не свыкнемся с идеей, что начальство есть земной Бог, являющийся перед войсками 1-2 раза в году, мы и работаем-то в полной зависимости от личности начальника и своих симпатий к нему.

В этом и наша сила, и наша слабость.

Мы можем или класть всю душу и тело в работу, или не будем ничего делать, отбывая только номер. Все зависит от личности начальника и его отношений к подчиненным. Как можно видеть, вожди нашей славной эпохи — истинные витязи в душе — чутьем своим сумели схватить эту черту армии и сумели сделать ее великой и славной.

Но уже и тогда сила различных частей нашей армии сильно различалась от личных качеств командного состава. Так, в 1807 г. в крепости Данциге в составе прусского гарнизона находились 3 наших гарнизонных батальона.

Солдаты этих батальонов, по свидетельству кн. Щербатова, были те же, что и в полевой армии, но офицерский состав был много хуже, так как в гарнизонные батальоны переводились офицеры за проступки из полевых частей. Результат этого сказался немедленно. Наши гарнизонные батальоны не только не прославили себя при обороне крепости, но проявили себя еще хуже прусского гарнизона, дух которого был надломлен предыдущим разгромом страны.

Еще резче влияние на войска качеств достойных, но различных по манере обхождения начальников проявилось в 1812 г. в различии духа 1-й и 2-й армий, предводимых холодным и неприветливым Барклаем и пылким и обожаемым кн. Багратионом.

Вот какую любопытную характеристику различного состояния армий, выдержавших одинаково тяжелые испытания, дает в своих записках начальник штаба 1-й армии Ермолов, после соединения армий у Смоленска¹: «Радость обеих армий была единственным между ними сходством. Первая армия, утомленная отступлением, начала роптать и допустила беспорядки, признаки упадка дисциплины. Частные начальники охладели к главному, нижние чины колебались в доверенности к нему. Вторая армия явилась совершенно в другом духе! Звук несмолкающей музыки, шум непрерывающих песен оживляли бодрость воинов. Исчез вид понесенных трудов, видна гордость преодоленных опасностей, готовность к превозможению новых. Начальник — друг подчиненных, они — сотрудники его верные!

По духу 2-й армии можно было думать, что пространство между Неманом и Днепром она не отступая, оставила, но прошла, торжествуя! Какие другие ополчения могут уподобиться вам, несравненные русские воины! Верность ваша не приобретается мерою золота, допущением беспорядков,

¹ Записки А.П. Ермолова, ч. I, стр. 155.

терпимостью своеволия. Не страшит вас строгая подчиненность, и воля Государя творит героями! Когда пред рядами вашими станет подобный Суворову, чтобы изумилась вселенная!»

Из слов Ермолова хорошо можно видеть, на чьих плечах вынесли мы тяжелую борьбу, благодаря чьим достоинствам не развалились наши армии от продолжительного отступления, даже там, где, как в 1-й армии, не было доверия к главному начальнику. Все это заслуги частных начальников и их офицеров.

С подобной армией действительно можно было избрать и такой рискованный способ войны, как отступление на протяжении от Немана до Москвы. К сожалению, вопреки пожеланию Ермолова, не только подобный Суворову в дальнейшей нашей жизни не стал во главе армии, но самая жизнь ее после 1814 года с самобытного своего пути свернула на путь слепого подражания иностранцам, и на иноземных устоях вздумали мы основывать свою силу.

Чужды и противны для победоносной армии оказались эти устои. Недаром большинство новых реформаторов пришлось взять со стороны, и новая эпоха запестрела множеством немецких фамилий, взявшихся учить дотоле непобедимую армию.

Презрение к низшим, управление подчиненными посредством одних взысканий и приказаний, рознь между родами оружия и различными представителями армии, погоня за внешними, трескучими эффектами, напускная доблесть и поддельное молодечество, фанфаронство, громкие фразы и презрение ко всему штатскому — словом, все недостатки, какие только можно было заимствовать от германской армии, переселились в простую, скромную, непритязательную и рыцарски доблестную армию, созданную трудами Суворова и Румянцева.

Глубоко ошибочное понятие, что начальник обязан только приказывать и взыскивать, забвение, что военное дело прежде всего требует управления не телом, а душой и сердцем других, — сильно проникли в армию; и уважение, и обаяние среди подчиненных вовсе перестали считаться признаком начальника. Дело дошло до того, что недавно один командир полка, ратуя за изменение правил выборов в суд общества офицеров, не постеснялся печатно заявить о том, что прекрасные штаб-офицеры могут не пользоваться влиянием в полку, что поэтому полк может постепенно «леветь» и т.д.¹ Трудно себе представить большее падение понятия «начальник». Скажите, кому могут быть нужны такие начальники, которые могут начальствовать лишь в силу закона и только над телом подчиненного? Которые удаляются от общества офицеров и свои прекрасные качества таят для себя, не передавая никому? Скажите, чем же такие начальники отличаются от чиновников. И какие у них могут быть таланты, если нет наиважнейшего — умения владеть другими. Или, может быть, военные действительно ничем и не отличаются от чиновников? Недаром в действительности большинство наших начальников берется не из строя, а со стороны. Недаром строевая служба считается простым делом, доступным всякому канцеляристу. Вот до какого извращения понятий дошла армия, когда-то сильная именно духом, воспитанием и обаянием своего командного состава! Спасение наше и возрождение может заключаться только в отрешении от иноземных устоев и возвращении к заветам славных вождей армии наполеоновской эпохи. К сожалению, однако, нами не только почти ничего не сделано для изучения и воскрешения этих заветов, но в нашей среде еще существует какое-то враждебное и презрительное отношение к деятелям славной эпохи.

Так, недавно, именно весной 1907 г., на страницах одного левого журнала, явившегося продолжателем пресловутой военной газеты «Военный голос», появилась статья некоего г-на В. Новицкого, в которой автор, критикуя развязным слогом красноватого фельетониста факт чествования столетия Прейсиш-Эйлауской битвы, весьма презрительно отозвался о славных вождях эпохи, кн. Багратионе, гр. Каменском и др., найдя, что нашему поколению нечему у них учиться.

Конечно, вступать в полемику с автором, помещающим свои статьи на страницах подобного журнала, было бы по меньшей мере наивно; так же наивно было бы осведомляться о личных заслугах г-на В. Новицкого, дающих ему право на презрительное отношение к заслугам людей, своими трудами и кровью спасших и возвеличивших Россию. Я, конечно, не собираюсь делать ни того, ни другого и останавливаюсь только на одном факте, желая отметить, что, насколько мне известно, за исключением одного полка, нигде не явилось чувства негодования и возмущения по поводу подобного поступка. Объясняется, конечно, это только тем, что мы не знаем величия и заслуг своих предков, не знаем своей истории, а потому не ценим и не уважаем своих великих людей. А между тем изучение

¹ Русский Инвалид, 1908 г. № 165. Полковник фон Бюнтиг. «Выборы в суд общества офицеров».

своей истории дало бы нам много ценного, избавило бы нас от многих увлечений, ошибок и тяжелых неудач.

Из этого изучения мы, вероятно, вынесли бы твердое сознание, что дух солдата целиком зависит от личности начальника, что сила армии коренится, таким образом, не в духе воспитания и обучения солдата, а в духе воспитания и обучения командного состава, что начальник прежде всего характеризуется умением управлять другими, что такой «истинный» начальник создается не в канцеляриях и учреждениях, ничего общего со строевой службой не имеющих, а воспитывается долгим и упорным трудом только в строевой службе, что воспитание офицера не заканчивается с выпуском из училища, а только начинается, что полк, как твердая и дружная семья, должен прежде всего воспитывать и оценивать офицера, а не являться только местом его службы, меняемым чуть ли не каждый год.

Из этого изучения мы, вероятно, убедились бы, как опасно основывать силу армии на выдвигании гениев и талантов мирного времени, убедились бы, что сила армии, вообще, основывается не на гениях, а на однородном и высоком воспитании всего командного состава, начиная с младшего офицера.

Из этого изучения мы, вероятно, убедились бы, что для того чтобы воспитывать и водить войска к победам, недостаточно знания пунктиков устава, недостаточно умения мастерски и хлестко писать приказы и критиковать своих подчиненных, недостаточно чтения всех модных немецких сочинений, недостаточно даже самого широкого теоретического образования.

Из этого изучения мы, вероятно, убедились бы, что может воспитывать и водить войска к победам только тот, в ком бьется сердце настоящего витязя, чья непреклонная воля не гнется в тяжелые часы испытаний, кто умеет жить жизнью своих подчиненных, кто близок к ним и пользуется их искренней любовью, кто сам первый может подать им пример рыцарского благородства и честного исполнения своего долга.

Морозов Н. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений. Исторический очерк из жизни русской армии эпохи наполеоновских войн и времен плац-парада. — Вильна: Электротипография «Русский почин», 1909. - С. 1-47, 71-127.

П. Режепо

ОФИЦЕРСКИЙ ВОПРОС В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статистика генералов

Численность. К 1 декабря 1902 года состояло на действительной службе 1.386 генералов: 129 полных, 387 генерал-лейтенантов и 870 генерал-майоров. Рассматривая общее число генералов, естественно, возникает вопрос: велико оно или, наоборот, недостаточно для нашей армии? Необходимо установить масштаб, которым можно бы было руководствоваться для вывода. Не вдаваясь в хитрые рассуждения, скажем, что такой масштаб уже существует на практике. В больших организационных единицах считается достаточным иметь одного генерала на 60-70 офицеров. Нет серьезных оснований, чтобы в нестроевых штабах и управлениях иметь много большую пропорцию.

Полагая общую численность офицеров и чиновников около 55.000, мы получим необходимое число, 900 генералов. Действительное 1.386 превосходит на 50% необходимое. Однако надо еще принять во внимание, что у нас имеется несколько высших учреждений, где полагаются одни лишь генеральские места. Туда назначаются даже некоторые и почета ради, а не на фактическую работу, однако и последнее необходимо для подбодрения в тяжелой офицерской службе.

Сбрасывая еще человек 200 запаса на военное время, получим все-таки общее число генералов большее процентов на 15 (человек на 200) действительной надобности.

Всего состоит на строевых должностях 661 человек, или 48% общего числа, и нестроевых — 725 человек, или 52%.

Полных генералов строевых — 28, или 22%; генерал-лейтенантов строевых — 182, или 47%; генерал-майоров строевых — 451, или 52%. Хотя все количество почетных мест приходится на нестроевых генералов, тем не менее, принимая во внимание, что строевых частей, штабов и офицеров гораздо более, чем нестроевых, надо заключить, что число строевых чуть-чуть недостаточно, а число нестроевых излишне велико.

Возраст. Средний возраст всех полных генералов — 69,8 года, с колебаниями от 92 до 55 лет.

Генерал-лейтенантов — 61,8, с колебаниями от 85 до 45.

Генерал-майоров — 53,8, с колебаниями от 80 до 42. Средний возраст командующих войсками — 64,7. Командиров корпусов — 62 и начальников дивизий — 57,8.

Однако необходимо еще оговориться, что довольно благоприятная цифра 64,7 для командующих войсками сильно изменится (на 69,3), если отбросить второстепенные азиатские округа, и еще более станет неблагоприятной (71,5 года), если считать лишь важнейшие из Европейской России. Какой же возраст надо считать более всего выгодным для высшего командного элемента? Без сомнения, тот, в котором человек развился вполне уже умственно, успел приобрести большую опытность и еще настолько бодр физически, что в состоянии нести при всяком случае тяжелую службу высшего начальника.

При этом надо иметь в виду, что опытность зависит не только от числа лет жизни, но и, главное, от соответственной работы. Я хочу сказать, что можно быть опытным начальником дивизии в 45 лет, если начать ею командовать в 38, и неопытным командиром батальона — в 50, приняв его в 49 лет 11 месяцев и 28 дней. Полное умственное развитие для большинства людей бывает между 35-45 годами.

Природа подогнала к этому времени и наибольшую физическую бодрость. При этом в молодости человек развивается быстрее физически, чем умственно. Зато, подходя к старости, дольше и сохраняет второе драгоценное качество. Есть счастливые исключения, у которых даже после 45 лет имеется долгое время все полностью. Однако, повторяю, большинство людей более или менее скоро сдает и приближается к старости, всегда детству по слабости тела и нередко по разуму. Закон природы, закон неприятный, но которого, увы, никакая лесть или софистика не изменят.

И напрасно многие писатели стараются доказать, что полководцу лучше иметь 70 лет, чем 40. Я глубоко уверен, что некоторые делали это лишь в оправдание отсутствия у нас в армии до 1900 года возрастного ценза, а другие или шли покорно за первыми, или имели сами под 69.

Даже существующий ныне предельный возраст (58 лет для командира части, 63 — для начальника дивизии и 67 — для командира корпуса) следует считать не очень строгим. Едва ли возможно и в 58 лет скакать без оглядки во главе своих эскадронов. Дай, Господи, каждому поработать плодотворно за письменным столом часов 7-8 в сутки. Недаром же статистика причисляет людей после 60 лет к нерабочей или полурбочей группе населения.

С другой стороны, наше государство не так богато, чтобы иметь строгий возрастной ценз и особенно для нестроевых. Весьма важно, хотя и нелегко, изыскать способы для омоложения корпуса офицеров. Денежные средства могут найтись с установлением, например, военного налога.

Затем необходимо заставить прочие ведомства принять участие в облегчении участи офицеров (и сверхсрочных нижних чинов), предоставляя им места в своих министерствах.

Конечно, при этом вполне будет справедливо уменьшать таким офицерам пенсии из государственного казначейства.

Почему молодые офицеры уходят из армии, а старые сидят?

Попробуйте предложить всем младшим офицерам выгодное место с переходом в другое ведомство, в Маньчжурию, Андижан, хоть на Луну. Масса покинет свое знамя и соберется под стяг двух сто-рублевых бумажек.

Неужели же мы столь меркантильны, что за рубли искренне готовы променять шашку на перо или даже аршин! Нет, до этого еще не могла дойти Россия. Государство не прожило пока и половины своего исторического бытия. Бегут лишь главным образом потому из армии, что непрерывные заботы о завтрашнем дне понижают характер воина и развивают в нем стремление к отхожим промыслам. Конечно, офицеру нельзя гнаться за содержанием банкира или даже другого чиновника, ибо почетная служба должна с избытком заменять деньги, но все-таки вознаграждение должно быть достаточным для жизни (холостому 90-120 руб.).

Офицеры в средних чинах хотя и старые, наоборот, крепко сидят на своем месте. Не уходят потому, что пенсия для них недостаточна, а попасть в другое ведомство почти невозможно. Не то увидим, когда каждый служака будет знать, что если он перестанет годиться к строю, то ему дадут что-нибудь подходящее по административной службе или же примут в другое ведомство. Тогда дело пойдет энергичнее, молодежь не будет даже по этой причине уходить, а старики засиживаться.

Правда, для такой реформы надо нашим чиновным многим людям перестать смотреть на армию как на ненужное бремя для государства. Только при совместной работе всех ведомств и может быть получен молодой состав генералов, или же решение этого вопроса ляжет тяжким бременем, вовсе непосильным для государства. <...>

Служба строевая и нестроевая. Какая же служба должна давать большую скорость движения? Конечно, та, которая более опасна, требует большей затраты энергии и сил, а в военное время создающая столь тяжкие положения, что в них могут жить и работать только люди бодрые духом, крепкие телом.

Ясно, что такая служба будет строевая. Она и должна давать в общей массе меньшее число лет, необходимых для получения генеральского чина.

Что же мы видим на практике?

Возьмем для начала одних лишь православных, без академии, без титула и без ордена Св. Георгия. Сделав необходимые вычисления, мы получим для полных строевых генералов число лет, затраченное для достижения чина генерал-майора равное 21,5 года, а для нестроевых — 20,3, т.е. оказывается, что последние, вопреки справедливости, двигались быстрее первых. Вывод тем более исключительный, что ведь из строевых очень многие получали чины за военные отличия.

Так как нынешние полные генералы состоят в среднем в генеральских чинах уже 29 лет, то, значит, было такое время, около 1873 года, когда вообще заслуги пера или, быть может, паркета считались дороже строя или даже меча.

Заключение получилось лично для меня столь неожиданное, что я подсчитал также всех, кто провел половину или одну треть своей службы в строю. Итог для них 20,8, средний среди прочих, вполне согласный по существу с предыдущими: больше нестроевого (20,3) и менее строевого (21,5).

Генерал-лейтенанты служили до чина генерала: строевые — 28,5 и нестроевые — 29 лет.

Так как генерал-лейтенанты в среднем состоят в генеральских чинах 15 лет, то, значит, около 1887 года произошло отрядное улучшение в строевой службе армии. Наконец, строевые генерал-майоры тратят 31,7 года для получения своего чина и нестроевые — 32,5, т.е. опять-таки законное превосходство строевой деятельности.

Сводя здесь все сказанное по поводу строевой или нестроевой службы, мы видим вначале ненормальную оценку нестроевой работы. Она считается выше и почетней. Однако сознание такой несправедливости увеличивается, и в царствование незабвенного Императора Александра III восстанавливается потерянное равновесие. Проходит еще несколько лет, и мы уже видим довольно решительное улучшение в строевой службе.

Ныне приняты многочисленные благие меры для поддержания принципа превосходства строевой деятельности. Нет сомнения, что и результаты будут соответственные, само военное дело выиграет, а большинство офицеров скажет горячее спасибо. Однако и на этой дороге не должно быть крайних увлечений. Иначе ведь никто из способных людей не пожелает служить вне строя, где тоже нужны часто отборные работники.

Образование. <...> Лица, получившие высшее военное образование, двигаются ускоренно и всей массой по иерархической лестнице.

В здоровом государственном организме так это и должно быть, в известных законных рамках, при наличии подходящих условий. Такими условиями было сильное превосходство людей, прошедших академии, над прочими, большинство которых имело даже общее образование ниже среднего, а из военных предметов ограничивалось лишь знанием буквы устава. Ясно, что если наличие подобных условий исчезнет, то необходимо будет для пользы дела и производство сделать более равномерным.

Мы должны приближаться понемногу к такому счастливому времени, когда только одна служба, а не академия, будет иметь главное значение.

Спешу оговориться, что я сам с высшим военным образованием, самолюбие, значит, во мне здесь не затронуто, и я вовсе не намерен остроумия ради доказывать что-нибудь парадоксальное или неискреннее.

Своим утверждением, что академия должна начать терять свое значение, я хочу лишь сказать следующее: подготовка и техника приобретают все большее и большее значение. Твердое знание военного дела, особенно тактики и стратегии, обязательно необходимо каждому, даже младшему офицеру. Военные училища должны развить свой курс, выбросив ненужное, и стать вполне с требованиями времени. Введение курса стратегии в программу военных училищ становится насущно необходимо для армии (не место говорить здесь, но не могу утерпеть, чтобы горячо не пожелать, безусловно, необходимое знание высших истин стратегии нашим дипломатам).

Резкая разница, существующая между академией и училищами, должна исчезнуть. Всем надо быть отлично образованными. Мало того, что надо и должно, а главное, всем будет можно, когда общие познания повысятся, законы наук упростятся, а главное, методы преподавания и самый подбор предметов станут соответственными.

Тогда армия будет получать академически образованных всех офицеров, и, быть может, хороший ученик Павловского военного училища по своим знаниям, а главное, по пониманию дела и умению использовать свои силы, будет годиться нынешнему поколению в профессора. Академия станет лишь немного высшей, повторительной школой. Ее будут проходить почти все офицеры, но она сама по себе мало будет ускорять достижение генеральского чина.

Тому, кто обеспокоился столь незавидной ролью академии, а главное, в надежде на мое предсказание, перестает в ней заниматься, я должен добавить, что все это произойдет, к несчастью, еще несколько. Даже и ныне из военных училищ выходит около половины всех офицеров, и лишь с полным проведением в жизнь реформы юнкерских можно будет начать говорить об уменьшении значения академии, но, конечно, отнюдь не образования. <...>

Посмотрим теперь, насколько соблюдается важность принципа образования при назначении на высшие строевые должности.

Из командующих войсками окончили академии 55%.

<...> Из командиров корпусов окончили академии 50% и из начальников дивизий — 49%. <...>

Большинство генералов получило свое общее образование в кадетских корпусах или военных гимназиях, а именно: полных генералов — 50%, генерал-лейтенантов — 74% и генерал-майоров — 55%. Процент окончивших военные училища еще больше, чем предыдущие.

Таким образом, все-таки среди генералов значительное число получило хорошее воспитание и образование. Казалось бы, такой прочный фундамент вполне подходит для возведения на нем отличного здания. Однако, к глубокому сожалению, я должен доложить, что еще много есть работы в воспитании солдата и, даже более, в тактической его подготовке.

Бесспорно, что мы шагнули далеко после войны 1877 г., но все-таки не дошли до желаемого предела.

Существенным утешением может, конечно, служить то обстоятельство, что все мы люди и что у каждой армии есть свои недостатки; некоторые же важные достоинства присущи лишь одной русской армии.

Титул. С древних времен всегда и всюду высокое происхождение имело большое значение. В самых демократических странах аристократия должна двигаться по службе на всех поприщах несколько скорее простых смертных. Возьмите любое государство, хотя бы Англию, и там сыновья лордов пользуются чрезвычайными преимуществами. Все, что сложилось исторически, вошло, так сказать, в душу расы, только и может исчезнуть с постепенным развитием низших слоев человечества. Весь вопрос для здорового государства лишь в том, чтобы по мере прогресса всех классов граждан преимущества высших распространялись бы и на прочих интеллигентных людей, а не оставались бы прерогативами единичных счастливых личностей.

Такими образом, будет вполне естественно, если и наша аристократия движется в военной службе быстрее массы прочих офицеров. Хотелось бы только видеть, чтобы эта быстрота не была чрезвычайной, равнялась бы хотя на образование и постепенно падала бы параллельно с увеличением развития армии.

После такого вступления обратимся к цифровым данным.

Всего титулованных по службе: полных генералов (князья — 3, графы — 10, бароны — 4, итого — 17/1,3%), генерал-лейтенантов (князья — 15, графы — 8, бароны — 8, итого — 31 / 0,9%), генерал-майоров (князья — 7, графы — 5, бароны — 11, итого — 23/0,3%).

<...> У титулованных достигается чин генерал-майора через 17; 24,9 и 27,4 года, а у лиц с высшим военным образованием — через 20,4; 26,8 и 27,9, т.е. разницы 3,4; 1,9, и, наконец, 0,5 показывают ясно все большее и большее значение личной службы, образования и падения заслуг предков или титула.

Затем среди титулованных замечается уменьшение числа лиц с высшим военным образованием, что объясняется отсутствием борьбы за существование. <...>

Религия. Вопросы религии чрезвычайно важны для государства.

Я в этом случае безусловно согласен с Макиавелли, что распространение основ веры должно быть поставлено выше всех прочих государственных заслуг.

Вера и самые обряды религии тем более важны для воинов, для тех людей, которым приходится бывать часто в тяжелых обстоятельствах, где смерть смотрит им в глаза и где одни только незыблемые основы веры могут спасти от колебаний и лукавых мудрствований. С точки зрения отвлеченной философии, быть может, все религии равны, но с точки зрения военной науки, дело обстоит совершенно иначе. Дело в том, что в большинстве случаев принадлежность к известной религии дает тон и политическим воззрениям. Так как в России 70% жителей православных, а ввиду уклонения прочих народностей от военной службы % православных солдат еще более, чем соотношение между религиями, то ясно, как необходимо, чтобы каждый начальник держал себя как подобает истинно православному воину. <...>

Таким образом, справедливо будет в нашей армии встретить явление более быстрого движения по службе православных, а затем лишь иноверцев в зависимости от их политических убеждений.

Теперь обратимся к цифрам и начнем с численного состава генералов по религиям с указанием процентов в каждом разряде.

Полные генералы: всего 129, православных — 105 (81%), лютеран — 20 (16%), католиков — 3 (2,3%), магометан — 0;

армяно-григориан — 1 (0,7%).

Генерал-лейтенанты: всего 387, православных — 321 (83%), лютеран — 47 (12%), католиков — 17 (4,4%), магометан — 1 (0,2%), армяно-григориан — 1 (0,2%).

Генерал-майоры: всего 870, православных — 757 (87%), лютеран — 77 (8,9%), католиков — 28 (3,1%), магометан — 6 (0,7%), армяно-григориан — 3 (0,3%).

Отсюда видно, что огромное большинство генералов — православные. <...>

Боевой опыт. Рассмотрим теперь вопрос о боевом опыте генералов и о значении его при прохождении службы. Из общего числа всех 1.386 генералов было в одной или нескольких кампаниях 801 человек, т.е. 58%.

Получило орден Св. Георгия 110 человек, или 8%. Получило вообще боевые отличия 669 человек, или 40% от всего числа генералов, или 82% из числа бывших на войне. Запечатлело походы своей кровью 110 человек, т.е. 8% общего числа или 14% числа бывших в кампаниях. <...>

Без многих доказательств, само собою понятно, что чем более находится лиц, бывших в кампаниях, среди высшего начальства, тем оно лучше для армии. Почти только у одних людей с боевым опытом может быть должное представление о ходе военных явлений. Удел очень немногих богато одаренных натур иметь верное суждение о событиях, не видя воочию самого факта.

Поэтому только та армия, где много лиц с боевым опытом, освещенным образованием, и может быть уверена, что она не вступит на ложный путь воспитания или обучения. <...>

Статистика полковников

Численность, К 1 мая 1903 года состояло в чине полковника всего 2.668 человек.

Из них 1.252 (47%) занимало строевые должности и 1.416 (53%) — нестроевые.

Попытаемся решить вопрос, не имеется ли у нас недостатка или избытка строевых и нестроевых полковников и вообще много или мало у нас полковников?

В больших организационных единицах считается необходимым иметь на 25-35 офицеров одного полковника. Взав во внимание число офицеров в строевых частях, положенных к выставлению в военное время, окажется число строевых полковников недостаточным (человек на 500).

Этот недостаток иметь особого значения не может, так как он легко пополняется из состоящих налицо, весьма большого числа подполковников (до 5.000). Желательно лишь, чтобы эти подполковники, предназначенные с объявлением войны к получению полковничьих должностей, имели бы особую необходимую подготовку в мирное время.

Рассматривая список полковников по должностям, точно так же почти нельзя указать ни одну строевую должность, где наличность полковника была бы лишней даже в мирное время.

Иная картина представится нам при взгляде на нестроевые должности.

Во-первых, само число нестроевых полковников более чем строевых, а между тем было бы весьма ошибочно думать, что армия есть собрание главным образом небоевых элементов или что должности нестроевые более важны, чем строевые.

Таким образом, уже отсюда можно бы было заключить о неблагополучности числа нестроевых полковников. <...>

Есть полковники, которые состоят ротными командирами (в кадетских корпусах). Несут они весьма несложные обязанности.

Есть, наконец, полковники, которые вообще не имеют никаких обязанностей, порою даже не получают вовсе содержания.

<...> Замечу только, что, вообще, полковником может быть лишь тот, кто командует полком или кто несет службу, близкую по назначению к полковому командиру.

Излишние же полковники пользуются иными правами и содержанием; все, видимо, сознают недостаточную серьезность их работы, что все вместе взятое умаляет не к добру высокий чин полкового командира и создает излишне большое число нестроевых генералов.

Итак, первые выводы моего исследования о полковниках будут: строевых полковников можно бы добавить в армии. В гвардии, где нет чина подполковника, полковников имеется достаточное число и даже избыток.

Нестроевых полковников надо сбавить и примерно на то же число, что добавить строевых. Общее же число полковников во всей армии можно оставить нынешнее.

Таким образом, согласно моему мнению, 2.668 полковников распались бы на 1.752 (66%) строевых и на 916 (34%) нестроевых.

Означенное разделение, соответствуя важности дела, было бы истинным выразителем того, что на первом месте в армии стоит строй, и лишь на втором — канцелярия. <...>

Возраст. 2.668 полковников имеют в общем от роду 133.107 лет, что дает на одного в среднем 49,8 года.

Колебания же встречаются от 31 до 95 лет. Такая значительная амплитуда возраста, без сомнения, уже указывает на разнородность состава полковников.

Какой же возраст надо считать более всего соответствующим для полковников? Наиболее подходящим возрастом будет тот, достигнув которого человек уже успел приобрести необходимую опытность, достаточно развился умственно и вполне еще бодр физически, дабы при всяком случае нести службу.

Полное умственное развитие для большинства людей бывает между 35-45 годами. <...>

Образование. Условия жизни и борьбы становятся все сложнее и сложнее. Техника изобретает все большее и большее количество способов защиты и поражения. Приобретение полных знаний становится все труднее и труднее, но зато делает образованную армию (при наличии, конечно, прочих данных) все более и более совершеннейшим орудием.

Отсюда, без сомнения, желательно, чтобы военные люди были бы все высокообразованны в молодости и продолжали бы интересоваться наукой по мере прохождения службы. <...>

Военное воспитание при благородстве характера нации и добром желании приобретается весьма быстро.

Товарищеская среда и 2-3 месяца похода могут заменить воспитание школы. Знания же приобретаются медленнее. Они требуют долгой и серьезной работы за столом, к чему люди, оставив школу, весьма мало бывают способны.

Обратимся теперь к цифрам.

Из всех 2.668 полковников окончили академию Генерального штаба — 343 человека, юридическую — 137, артиллерийскую — 118 и инженерную — 177, а всего — 775 человек или 29% всего числа полковников. Число это, само по себе небольшое, в действительности еще непременно требует уменьшения на цифру окончивших юридическую академию, каковая академия в силу своей узкой небоевой специальности почти не играет роли в деле определения силы сопротивления армии на поле брани. <...>

Академики достигают скорее и всей массой чина полковника. Казалось бы, это так и должно быть, но и в известных законных рамках и при наличности подходящих условий. Таковыми условиями я считаю превосходство людей образованных над прочими, из которых многие имеют даже общее образование ниже среднего, а из военных предметов ограничиваются чуть ли не знанием только буквы уставов. Ясно, что раз наличность подобных условий начнет исчезать, то необходимо будет и производство сделать более равномерным. <...>

Очень печально, что у нас вообще немного людей образованных, а в строю и очень мало служит академиков. <...> Помимо небольшого числа образованных людей, находящихся у нас в армии, конечно, большую роль играет и само качество образования и воспитания, получаемого академиками.

Качество же, по-моему, невысоко. Недостатки военного образования и воспитания академиков зависят от следующих причин. Во-первых, от общих недостатков жизни и воспитания русского общества... Во-вторых, от своих частных, как-то — все академии разъединены. У них нет общего направляющего начала, общей программы, во многих частях, требующих таковой общности. Такое разъединение образования и воспитания наблюдается отчасти и между училищами. Пажеский корпус, кавалерийское училище, артиллерийские училища, инженерное, пехотные военные, пехотные и кавалерийские юнкерские тоже смотрят друг на друга не очень дружелюбно.

Это разъединение образования и воспитания является затем одной из причин наблюдающегося у нас резкого разъединения между родами оружия. Разделения не только внешнего, как думают некоторые, но и внутреннего, чему можно привести примеры мирного и военного времени.

Сама военная наука во многом оторвана от жизни. Мало метода преподавания. Много схоластики, лишнего балласта, неважному уделено слишком много времени. <...>

В академиях очень большие курсы, почему изучение поверхностное. Вообще выходит погоня за количеством, а не качеством. Профессора успевают порой прочитать лишь 1/2-1/3 своего предмета.

На первом месте поставлена память, а потом — соображение. Профессора, кому должно, не имеют общения с практикой войск. Некоторые набирают в погоне за наживой денег очень много работы, почему каждому из учащихся могут отдать лишь немного времени.

Общения с учащимися не имеют. Самый способ выбора профессоров, как я, по крайней мере, знаю, для академии Генерального штаба неудовлетворителен. Воспитания в академии нет, надзор слабый, конкуренция велика, а общие понятия этики у многих учащихся недостаточно прочны, почему зачастую наблюдается изготовление чужими руками, за деньги, обязательных практических работ. Академики обособляются в касту и порою относятся к своим товарищам неакадемикам свысока.

Академии артиллерийская и инженерная резко оторваны от строевой деятельности. Все академии очень малы по количеству слушателей. Разделение по разрядам, а следовательно, и дальнейшая карьера по службе много зависят от случая. <...>

Боевой опыт. Взглянем теперь на боевой опыт полковников и выведем влияние боевого опыта на их прохождение службы.

Из общего числа 2.668 полковников было в одной или нескольких кампаниях 1.337 человек, или 50%. Генералов же участвовало в войнах 58%. <...> Орден Св. Георгия получило всего 44 полковника, т.е. 4% из числа бывших в кампаниях (генералов — 14%). Ранено и контужено полковников — 132, т.е. 5% общего числа полковников (генералов — 8%), и 10% от числа бывших на войне (генералов — 14%). <...>

Командиры частей. Воспитание и обучение армии главным образом зависит от командиров отдельных частей (полков, батальонов и дивизионов). Командиры этих частей в огромном большинстве состоят в чине полковника. <...>

Всего командиров полков: Генерального штаба — 85 (21%), из гвардии — 104 (25,5%) и из армии — 201 (49%). Таким образом, абсолютное большинство командиров полков из армии, но если взять во внимание число офицеров из армии, Генерального штаба и гвардии, то в наилучших условиях оказывается гвардия, потом Генеральный штаб и, наконец, армия. <...>

Семейное положение. Вот главнейшие данные: женатых — 2.098 (78,6%). вдовых — 98 (3,3%), холостых — 452 (17,3%), разведенных — 20 (0,8%), детей на одного женатого, вдового и разведенного — 2,7. <...>

Закончив изложение, сделаем теперь сводку выводов.

Общее наличное число полковников соответствует надобности в них, но строевых недостаточно, а нестроевых излишек.

Вообще же средний возраст нашего высшего командного элемента не более чем на западе, что все-таки, конечно, не должно служить нам безусловным утешением.

Образованию всегда у нас придавали значение. Лица, окончившие академию, ускоренно и всей массой двигаются по службе. К сожалению, многие, окончив академию, затем уже почивают на лаврах.

Людей образованных еще очень мало и особенно мало их в строю. Образование страдает от многих общих причин нашей жизни. В нем нет воспитания.

Значение религии для армии весьма велико. Важно в большинстве случаев, чтобы начальствующие лица были бы той же религии, что и их подчиненные.

Боевой опыт полковников значителен. К сожалению, он зиждется на войне 1877 года. Обучение нашей армии сущности военного дела недостаточно. <...>

Роль офицеров

Деятельность каждого общества более всего зависит от его руководителей. Эта психологическая аксиома тем более довлеет в армии, где царит дисциплина.

Одни офицеры служат теперь долго, они воспитывают, они источник знаний, они высшие начальники и в них залог побед и поражений.

Основой всей жизни и боевой деятельности армии должны быть ее офицеры.

Если характер нации падает, то и великие чувства, одушевляющие воинов, понижаются: на первое место выдвигаются материальные блага мира.

Счастливы те нации, где есть сознание, что не все покупается за деньги, счастливы те, где есть сословие рыцарей, которые ценят железо и сталь дороже серебра и золота.

Такое сословие всегда дает энергию от идеи, сословие мучеников, которое не чета энергии процента, сословию от мещан. Усилия лжефилософов и подчиненных народов, мечтающих о самостоятельности, всегда будут направляться к уничтожению основ армии.

Наконец, многие штатские люди не любят еще офицеров просто из-за житейских мелких причин.

Таким образом, с различных сторон, и внешних и внутренних, пытаются помешать, сознательно и бессознательно, развитию армии и улучшить состав ее офицеров.

А между тем кто не знает аксиомы, что для государства проигранная кампания всегда будет дороже, чем подготовка к победоносной войне. Да и кто посмеет воевать с нами, когда будет знать нашу силу и готовность.

Еще до несчастной Русско-японской войны казалось, что в жизни нашей армии и ее головы — офицеров — много есть сторон, где необходимы и возможны улучшения.

В начале 1903 года я выпустил свою работу «Статистика генералов» где, исследуя условия прохождения службы высшего командного элемента, старался найти пути к усовершенствованию.

Хотя книга была написана весьма сдержанно и, как мне казалось, справедливо, тем не менее пришлось претерпеть неприятности. Суть же заключалась в том, что какой-то неизвестный осмелился искать новых путей в подготовке корпуса офицеров и не говорил, что все благополучно.

Мне казалось, что наша армия уклонилась с пути, указанного великими полководцами, великими знатоками человека. Ее стали не так воспитывать и учить не тому, что надо для войны.

В ней было обращено главное внимание на внешность, частью — на быт солдата, но в ней было мало обращено внимания на сущность усовершенствования офицера.

Исчезла духовная сила, великая связь отцов-командиров со своими подчиненными детьми. Умение руководить и управлять, умение заставить всех и все пойти на смерть перестало цениться на деле. Надобности не встречалось, а в будущее глядеть не хотелось. Обращалось более внимание на точное знание форм, на умение вести хозяйство, одним словом, на доблести мирного гражданина и хорошего хозяина.

Повторяю, хороший состав офицеров — основа хорошей боевой деятельности армии. Русская армия никогда не имела лучшего солдатского материала, чем в настоящее время, и тем не менее испытала только поражения. <...>

Численность и состав корпуса офицеров

К 1 января 1908 года состояло по списку в нашей армии всего на действительной службе офицеров около 44.800 человек; из них 1.300 генералов, 7.811 штаб-офицеров и 35.689 обер-офицеров.

Считая нашу армию мирного состава к концу 1907 года с небольшим 1.100.000 человек, на одного офицера списочного состава приходилось 24 нижних чина. Однако эта общая цифра далеко не одинакова для различных родов войск. Так, для пехоты, этого главнейшего рода войск, можно полагать на 1 офицера до 50 нижних чинов. <...>

Всего строевых, считая и штабы до корпусного штаба включительно, — 37.322 человека.

Из них 524 генерала, 4.747 штаб- и 32.051 обер-офицера.

Офицеров высших штабов, учреждений и заведений всего 7.478 человек и из них 776 генералов, 3.064 штаб-офицера и 3.638 обер-офицера.

При этом оказывается, чем выше чин, тем более нестроевых должностей; так строевые обер-офицеры относятся к нестроевым как 9 к 1, штаб-офицеры как 1,5 к 1 и генералы как 0,7 к 1.

Едва ли это справедливо в такой степени. Как будто неловко видеть столоначальника полковника, а делопроизводителя — генерал-майора.

Однако необходимо иметь всегда в виду особенности жизненного уклада каждого государства, в России же вообще допускается весьма большой чин и сан при исполнении небольших дел. Истинное число нестроевых офицеров необходимо для верности вывода увеличить на тех многочисленных чинов, которые, состоя в строевых частях, несут службу нестроевую. Например, командиры нестроевых рот, заведующие швальней, хлебопекарней, казначеи, квартирмейстеры, хозяева собраний, заведующие хозяйством, лавкой, обществом и т.д. Таких лиц найдется всего человек 6 на полк или на отдельный батальон и 1 — на батарею.

В списках строевых частей состоят также командированные, которые также не несут строевой службы: академии, курсы, заведения, комиссии, управления, штабы, школы, госпитали, полигоны и т.д.

Обе эти причины, т.е. хозяйство частей и командировки, отнимают в действительности от строя около 1/4 состава или 10.000-12.000 человек.

Следовательно, к 1 января 1908 г. правильнее считать строевых офицеров около 25.500 и нестроевых — 19.000. Прохождение нашей всей службы все еще построено на огромной переписке и различ-

ных работах хозяйственного характера. Канцелярия полка, помимо разного рода распоряжений и приказов, в день исполняет до 25 бумаг.

Штаб дивизии исполняет в год тысяч около 8 бумаг, из которых немало есть весьма хитрых ведомостей и отчетов, которые составляют сводку полковых данных. Эти ведомости редко когда бывают нужны, и, конечно, без них обойтись легко можно.

Характерно, что в военное время переписка не уменьшалась, а даже увеличилась, достигнув до 70-100 номеров в день в штабе дивизии. Освобождение строевых начальников от хозяйственных работ и переписки возможно, конечно, лишь с реформой интендантства, проведение которой в жизнь тормозится, между прочим, и строевыми начальниками и штабами. Причем указывается на какие-то трения, неудобства, и великая реформа грозит заглохнуть. Наша страсть к разного рода хозяйству характеризуется и разного рода смотрами, где собственно поверяется только выправка, маршировка, пища и т.д., но не тактическое или специальное обучение части. <...>

В жизни приходится всегда жертвовать одним в пользу другого. Для того чтобы иметь хороших офицеров на службе и в запасе надо сделать так, чтобы их положение во всех смыслах было бы хорошо и прямо, и относительно к обыкновенным гражданам, тогда забудется старая поговорка, что лучшего сына отдам в инженеры, второго — в адвокаты, а третьего — в офицеры. <...>

Уход в запас уменьшился к 1909 году почти в два раза сравнительно с 1907 годом. Цифра 1909 года весьма благоприятна, если даже ее сравнивают с прошлым, например 1887-1889 годами, вполне нормальными для жизни русской армии. Среди уходящих в запас молодых офицеров наблюдается часто обратное — поступление на службу в пограничную стражу, другими словами, можно думать, что уход в запас совершается лишь как средство перехода в иную службу, когда почему-либо начальство не позволяет обычный перевод. Пограничная же стража, имея некомплект, конечно, хлопочет о своем пополнении.

Как же быть? С одной стороны, для армии неприятно готовить себе офицеров и потом их терять, с другой стороны, офицеры нужны и для пограничной стражи, а равно и для других ведомств.

Вопрос этот весьма сложный и серьезный для государства, и мы рассмотрим его вообще в связи с уходом офицеров из строя куда бы то ни было. <...>

Польза службы требует, чтобы состав офицеров части менялся возможно реже. Желательно, чтобы старшие постепенно уходили бы, а на их место прибывала бы молодежь из училищ.

Тогда лишь будет преемственность воспитания, обучения, традиций и привычек, а порою хотя бы даже и предрассудков, но которые тоже составляют единение части, частицу основы ее стойкости и упругости.

Рыцари правильно смотрели на вещи. С трудом они принимали к себе новых сочленов и неохотно от себя отпускали.

Чем более в армии переездов офицеров из одной части в другую, тем безошибочней можно сказать, что армия живет все еще ненормальной жизнью. Повторяю, часть — это семья, а где же видно, чтобы члены семьи сменялись часто. <...>

Уход на нестроевые должности

Мне кажется, что никто не будет спорить о главном назначении армии. Защита от врагов, война и сражение, победа и самая смерть — вот удел доблестной армии, призыв для храбрых.

Отсюда — первое место строевым офицерам.

Удовлетворение всех нужд армии хотя и важная, но, конечно, работа в этой области, порой и очень почтенная, все-таки должна стоять ниже боевой деятельности. Даже первые циники еще не осмеливались открыто призывать армию для пролития чернил, просиживания стульев и ломания перьев. Благо тем государствам, где крепкий меч считается всеми выше бойкого пера.

Горе книжникам и фарисеям, которые, утверждая это, в то же время способствуют увеличению нестроевого элемента, возвышают его над строевыми.

Издrevле была борьба между полем и канцелярием, но, увы, нередко побеждала последняя. Оно и понятно. Законы и приказы пишутся нестроевыми людьми, а подняться, возвыситься до самоотречения не хватало духа. Заботились о себе, а не о пользе Его Величества.

Да что говорить. Всем известны многочисленные тому факты как, например, начальники отделений обгоняют своих боевых и доблестных товарищей. <...>

Стремление устраиваться на нестроевые должности более всего объясняется невыгодностью службы в строю, ее тягостью и однообразием, возможностью уходить из строя и вновь в него возвращаться, спокойствием нестроевой службы, расположением учреждений в больших городах, возможностью носить красивый военный мундир, не неся военной службы, наконец, более быстрым движением по службе.

Опять-таки и в этом ни для кого нет секрета. Как ни неприятно об этом говорить, но надо, ибо ведь мы хотим видеть русскую армию победоносной, а без отличного корпуса офицеров нет успеха. Служба в строю должна быть так поставлена, чтобы из него не было бы бегства сотен молодых, здоровых и полных сил офицеров. Траурные дни великой службы, дни Мукдена и Цусимы — уносят менее офицеров, чем уход на нестроевые должности и командировки.

Всегда, конечно, найдутся люди вялые, неэнергичные, предпочитающие комнату полку, и пусть они, но только они одни, и уходят из армии.

Канцелярия должна иметь отборных работников, но среди них лишь строго необходимое число офицеров.

Строжайше должно быть проведено в жизнь, что никто и ни при каких обстоятельствах из нестроевых не может, обгонять в чиновном производстве своих строевых товарищей, а если обогнал, то в строй не возвращается.

Никто из нестроевых не может ни в чем бы то ни было иметь более прав, содержания и награды, чем его отличные строевые сверстники.

Неприятно утверждать мне, нестроевому офицеру, такую истину, но это так должно быть и пусть будет на пользу дорогой армии.

Ряд запретительных мер сыграет гораздо меньшую роль, чем превосходство быта строевых офицеров.

Наряду с этим все, кто пострадал на службе в строю или потерял на ней здоровье, но годен еще к административной службе, обязательно имел бы право на получение службы в военном или ином министерстве.

Тогда, очевидно, каждый строевой офицер может служить, большим рискуя и без тревоги взирая на будущее. <...>

Уход в невоенное ведомство с сохранением мундира

Офицер уходит из военного ведомства, перестает быть защитником отечества и в то же время носит тождественную эмблему рыцарского служения отечеству. Вопрос этот большой сложности, и здесь надо посмотреть, нет ли службы вне военного ведомства, которая походила бы на военную.

Мне кажется, что есть, но все-таки эта служба не столь рыцарская. Устав ее, быть может, и очень строгий, но все-таки другого разряда.

Быть может, еще в России рано отказаться от приставов в чине полковника или начальника тюрьмы в чине капитана, но, без сомнения, своевременно отличить и безусловно отделить службу в военном министерстве от службы в иных ведомствах.

Службу в любом министерстве, хотя бы внутренних дел, тоже разделить так, чтобы у него офицерские должности были бы редким исключением и приравнены были бы к нестроевой службе военного ведомства, не выше.

Такие должности, как член совета министерства земледелия что ли, никогда бы не видели офицерского мундира, а буде кто из нас обнаружит желание и способности к земледелию, пусть переименуется в действительные или агрикультур-советники.

<...> Если не будет еще принято ряда поощрительных и понудительных мер к уходу отслуживших, имея в виду необходимость молодого состава, то опять-таки через несколько лет совершается естественная эволюция событий.

Одна часть молодежи, видя невозможность дослужиться до чего-нибудь сравнительно высокого, заражается апатией и падает духом.

Другая — начинает усиленно уходить с военной службы, стараясь пристроиться к иной деятельности.

Строгое требование исполнения служебных обязанностей всех чинов, полевая деятельность, требование стоять на уровне современного военного искусства, возрастной ценз, уход обойденных, хорошие пенсии, возможность быть принятым на нестроевую и невоенную службу — вот главнейшие

меры, которые заставят уходить стариков и дадут соответствующий молодой, энергичный и знающий состав офицеров по всей иерархической лестнице, начиная от прапорщика и кончая генералом.<...>

Подготовка к офицерскому званию

У нас всего тридцать кадетских корпусов с общим числом учащихся в 12.000. В среднем ежегодно оканчивает около 1.300 человек, но из них идут в училища лишь 90%, 10% уходят на сторону, причем из них очень ничтожное число — по состоянию здоровья, а прочая — по нежеланию посвятить себя военной службе.

Лучшие кадеты выбираются для специальных училищ, а более состоятельные идут в Николаевское кавалерийское. Один лишь Пажеский корпус имеет свои специальные классы, откуда выходят во все рода оружия.

Все кадетские корпуса и военные училища, кроме артиллерийских и инженерного, подчинены одному Главному управлению Военно-Учебных заведений.

Принцип объединения дела не проведен еще полностью.

Дальнейшее усовершенствование своих познаний на службе офицеры получают в академиях, которые точно так же не имеют общего направляющего начала и не подчинены главному начальнику Военно-Учебных заведений.

Таким образом, среди военно-учебных заведений нет единства доктрины, нет той связи и преемственности от высшего к низшему, что дает спайку и силу. <...>

Умозрительный метод преподавания царит у нас и у латинских народов. Гораздо жизненнее обучение стоит у германцев и англичан.

Там все преподаватели сами проходят основательный курс методики преподавания.

Затем многие живут в качестве репетиторов вместе с учениками.

Ранее всего гонятся за основательностью усвоения и полезностью знаний. Гонятся за умением самостоятельно работать, развить наблюдательность, умение находить причины и следствия, а не повторять чужие и заученные фразы.

Всем ведь известно, что русские люди способны к изучению языков. Блистательно это доказывается в женских учебных заведениях и в некоторых мужских. В кадетских же корпусах после 7-летнего изучения языков почти нет кадетов, кто бы мог на них говорить и весьма мало, что даже важнее, способных хорошо понимать прочитанное.

Это ли не доказательство несостоятельности методов преподавания языков в кадетских корпусах.

Характерно, что дети начинают хорошо говорить в 3-4 года, а кадеты, затем юнкера и академики половину жизни учат иностранные языки и не умеют переводить прочитанного.

При ведении практического метода работа будет лишь тогда возможна, если на каждого обучающего будет поменьше обучающихся, что сопряжено, конечно, с расходами.

Между тем у нас многократно пытались изменить систему преподавания, но без расходов от казны, меняя лишь программы, но не методы и систему.

В последнее время обращено внимание на физическое воспитание кадет. Хотелось бы быть уверенным, что гимнастика не есть цель для акробатов, а только средство для получения крепких телом и духом людей. <...>

Из кадетских корпусов и со стороны пополняются военные училища. Туда стекаются молодые люди и юноши, чтобы через 2-3 года стать господами офицерами. В 2-3 года должен совершиться величайший акт. Кадет и гимназист должны стать отборными гражданами, которым вверяется зачастую не только воспитание солдат, их обучение, но даже и сама их жизнь.

В 2-3 года надо приобрести необходимые познания и характер *рыцаря*, способного на великие подвиги. Есть ли что-нибудь важнее, выше, а в то же время и труднее задачи.

Ясно, что даже некоторое приближение для достижения цели возможно лишь при отличной постановке дела в училищах.

Конечно, воспитание и обучение офицера не оканчивается в училище, а должно продолжаться и во время службы, но основание, закваска, получается в стенах школы. Кроме того, многие со школьной скамьи в случае войны прямо пойдут в бой.

Напомним, что в настоящее время все юнкерские училища приравнены к военным.

Из кадетских корпусов ежегодно идет в училища около 1.300 человек, а всего производится в офицеры около 2.500, другими словами, половина офицеров получает свое воспитание и образование в разных гражданских учебных заведениях.

По результатам занятий видно, что юнкера второй категории стоят выше своих товарищей из корпусов. Однако и они обучены по отвлеченным учебникам, хотя и с большей самостоятельностью к работе.

Все военные училища (а равно сравненные с ними юнкерские) разделены у нас по родам оружия.

Всего у нас училищ: пехотных — 7; кавалерийских — 4;

артиллерийских — 2; инженерных — 1; топографических — 1;

пажеский корпус — 1.

Если бы между ними существовало бы только разделение внешнее, то это было бы полбеды, но, к сожалению, между ними царит разделение по существу, по взглядам и традициям, что, конечно, в будущем одна из причин разделения у нас родов оружия и даже частей того же рода оружия.

Представляется мне весьма полезным иметь всего одно военное училище.

Место ему я выбрал где-нибудь около Царицына или Самары.

Первый год или полгода все бы юнкера проходили бы общий курс, а затем разделились бы по отделам. Столица и Красное Село вредны, как места слишком людные для воспитания и обучения юнкеров.

Такое соединенное училище давало бы единение армии.

Роты получились бы военного состава — и свой отряд — из всех родов оружия.

Занятия можно было бы вести более в поле. Такое училище можно было бы всем обеспечить и снабдить. Специальные училища теперь весьма балуют роскошью воспитания юнкеров и в то же время в них царит изучение наук для науки.

Требования боевые, практика и жизнь находятся в забвении.

Например, на младшем классе артиллерийских училищ из 8 предметов — 4 невоенных и на старшем из восьми — 4 невоенных. Все училища не обеспечены преподавательским персоналом, а при мобилизации их положение станет трагическим.

Преподавать в училище не считается за честь или священный долг, так как кто преподает, тот отрывается от исполнения своих прямых обязанностей. Штатных же учителей училища не имеют. Постановка курсов, невзирая ни на какие новые программы, долго еще будет отвлеченная, ибо нет средств и не разработано методов ведения занятий.

Исключение сделано в методе преподавания тактики для пехотных училищ, которую есть желание и толчок извне поставить жизненно. Однако без общей и коренной реформы, без подбора соответствующих своих училищных преподавателей, отпуска средств, участков, полей и т. д. дело далеко не двинется.

Большое также заблуждение начинать все предметы с начала года одновременно. Этот вопрос надо разработать в зависимости от связи между предметами, и тогда окажется особая последовательность.

Надо чтобы училища имели бы свои участки для учений и стрельбы, тир, музеи и все пособия.

Работать надо поболее в поле и поменее в классе.

Училищам не должно мешать в работе, а то в настоящее время из короткого лета отнимается много времени на разные побочные смотры и упражнения. Свою же программу не успевают пройти наполовину.

У юнкеров почти нет свободного времени для самостоятельной работы. Весь день строго по часам или наоборот право идти в отпуск.

Юнкера не получают жалованья, хотя они находятся на действительной военной службе, а между тем среди них есть много людей бедных, для которых унтер-офицерское жалованье было бы весьма кстати. Теперь даже бережливый юнкер, не получая ниоткуда денег, принужден долгать и скоро заражается горестным пороком, вообще распространенным сради европейских армий, пороком безусловно понижающим характер воина.

Отношение между воспитателями и учащимися в некоторых училищах бывают чисто формальные.

За этакое-то неисполнение — такое-то наказание, нет обучения нравственности, нет еще общения с подчиненными, нет иногда личного примера, нет обучения господству над страстями, а порою сухость, наказание, сопряженное с обидой.

На юнкера за год накладывается 40 взысканий, записанных в журнал, и потом такой молодой человек становится офицером. За дурные успехи не все кончают училище, а за более важное, несоответствие своего характера офицерскому званию, большинство благополучно надевает офицерские погоны.

Всю закваску в обучении училищ покуда давали академии и более всех Николаевская академия Генерального штаба (ныне переименованная в Императорскую Военную Академию).

Военные академии

Цель всех академий — высшее образование.

Императорская Военная Академия преследует общее военное образование, а остальные — специально-техническое.

Бессмертный Петр Великий и его сподвижники были, с точки зрения наших программ, зачастую менее образованы, чем наши юнкера, и тем не менее свершили величайшие деяния.

Великая Екатерина и ее генералы были менее образованы, чем любой наш академик, а тем не менее слава русской армии стала бессмертной.

Наполеон I, разметающий с неслыханною легкостью ученых полководцев Европы, не раз треплется русскими с обыкновенными генералами.

Великие замыслы гения не раз оказывались тщетными против Кутузова, Барклая, Багратиона, Ермолова, Неверовского, Раевского, Тучкова и многих других орлов Екатерининской школы.

Этим вступлением я хочу указать, что наличие именно военных людей, офицеров-победителей, в меньшей степени зависит от знаний, от образования, чем от души и характера.

Таким образом, цель и главная задача каждой военной академии все-таки состоит в поддержании и в развитии духовных способностей, в умении владеть подчиненными, затем в преподавании умения работать, ценить обстановку и затем лишь в снабжении запасом знаний.

К глубокому сожалению, в настоящее время постановка дела в академиях выдвигает последнее на первое место. А души в академиях нет.

Все академии стараются готовить самых ученых людей, мало обращая внимания, нужны ли эти знания, сумеют ли приложить питомцы свои сведения. Не делают почти ничего, чтобы окончившие академию были бы людьми сильными духом, хорошими начальниками и товарищами. Наука все заслоняет и поглощает. Да горе еще и в том, что и не наука, ибо под наукой подразумевают известную дисциплину знаний с великими законами причин и следствий, а часто нечто худшее, просто конгломерат сведений.

Все академии между собою разъединены совершенно. В них нет общей доктрины, направляющего начала, общих интересов и единения.

Курсы очень велики и требуют огромного напряжения памяти. За год приходится изучить 5.000-6.000 страниц и исполнить несколько практических работ, правда, небольшое число, но с большими требованиями по внешности.

Ежедневные лекции, часа четыре в день, и другие обязательные занятия в академии не оставляют много времени на самостоятельную работу, и потому приходится ограничиться беглым чтением серьезных вещей, а если принять во внимание, что и профессора успевают сами прочитать курс не полностью, то все изучение иного отдела ограничивается простым чтением по подготовке к экзаменам. Лекционная система — вот главный метод обучения академиков.

Работа на дому сводится к чтению с утомленной головой записок или учебников.

Записки зачастую не исправляются профессорами, хотя и значатся под их редакцией, почему пестрят разного рода курьезами. Схоластическое стремление дать поболее всяких сведений приводит к помещению в учебниках академий даже самого практического предмета — тактики — странных формул вроде пресловутой $MV^2 : 2/mv^2 : 2 = M/m$, выражающей превосходство наступления над обороной или знаменитой формулы победы Аэция в Каталаунской битве. <...>

Конечно, академии имеют и хорошие курсы, но ведь это и естественно. Странно, как могут быть терпимы плохие. В академиях не в почете инициатива в работе, не особенно читается самолюбие офицера, далеко не ко всем одинаково строгое отношение. Между товарищами нет добрых отношений и особенно, конечно, там, где есть конкуренция. Нет офицерского суда чести, который, без сомнения,

сдержал бы случаи исполнения работ чужими руками. Сам учебный и педагогический персонал должен, конечно, быть в академиях выдающийся, и не только по науке, а главное, по душе, по характеру.

Всею совокупностью причин академии готовят нервных людей, и особенно была повинна в этом бывшая Николаевская академия Генерального штаба, она же и первая по значению в деле подготовки всей армии.

К заслугам надо отнести, что они дают многих весьма трудолюбивых людей, и если бы академии также бы развивали характер и способности, то они, конечно, могли бы играть важную роль в деле возвышения нашего командного состава.

Само прохождение службы, карьера, весьма различны у академиков, окончивших почти одинаково.

В строй уходили лишь неудачники и с тем, чтобы уйти из строя при случае.

Образование в академиях, благодаря небольшим штатам, могут получить далеко не все желающие. Сравните наши штаты хотя бы с Германией, и мы увидим в последней двойное и более превосходство.

Итак, в чем же, мне казалось бы, надо изменить военное образование в России.

Реформа академий и училищ должна проводиться по общему плану общей реформы всего образования и воспитания.

Во главе всего военно-воспитательно-учебного дела должен стоять один человек и одно управление.

Все военные академии должны быть слиты в одну. Первый год, а может быть, полгода, все учащиеся проходят общий курс и потом разделяются по специальностям.

Нельзя ни на минуту забыть воспитание и долг рыцаря-офицера.

Курс проходить по возможности практически, особенно для тех, кто должен служить в поле. Курсы надо сократить, и дать время самим научиться работать.

Профессорский состав обновлять и привлекать из строя специалистов.

В академии принимать в любом обер-офицерском чине и в большем количестве.

При приеме в строевой отдел требовать физическую годность и для всех отличную аттестацию.

Выработать метод преподавания каждого предмета и пройти его ранее введения самими профессорами.

Профессоров пополнять из лучших преподавателей.

Программу и курс переработать, выкинув мелочи, схоластику. Курсы писать самому профессору, а не ученикам.

В академиях и училищах ввести курс военного воспитания, теорию и практику. Предоставлять всякому желающему получить звание академика и права по службе без академии, путем самостоятельной подготовки.

В основу всей реформы строевого отдела положить выработку воина-героя, а не философа-учителя. Академикам, уходящим в строй, давать права, равные служащим в штабах, управлениях и заведениях.

Быть может, многие не согласятся с деталями изложенного мною вопроса, но никто ведь не будет спорить против сущности и необходимости усовершенствования нашего учебно-воспитательного дела. <...>

Высокие идеи повергаются и устои слабнут, когда нет средств для существования. Лучшим средством достатка для жизни всегда была скромность, умение жить по средствам.

Надо со школьной скамьи воспитывать юношество без роскоши. Воспитывать в глубоком уважении к казенной собственности.

Воспитывать в уважении к военной профессии как к известному подвигу, который не измеряется количеством рублей. Это требование касается и нестроевых офицеров. Положение офицеров в обществе весьма зависит от умения себя содержать с достоинством. Очень жаль, что юнкера не упражняются в житейской тактике, и многие выходят из училища заранее уже обреченные на столкновения без особо уважительной причины.

Содержание офицеров должно быть согласовано с действительными ценами. Небольшими странностями в этом отношении еще выделяется квартирный вопрос.

У одних казенная квартира выше всякой разумной потребности, а у других в том же учреждении, например у полковника в Петербурге, отпуск равен 30 руб. в месяц.

В одном государстве был издан закон, что казенная квартира дается по чинам, начиная с младших, и произошло чудо. Вопрос, который тянулся сотни лет, был блистательно разрешен в 5. Правда, вначале депутату, предложившему этот закон, не было житья от лордов и пэров, а затем все сознались в высокой пользе для службы такого узаконения.

Хотелось бы еще обратить внимание на частое явление последних лет, на весьма иронические, хотя бы остроумные приказы.

В нашей армии есть еще целый ряд нравственных причин ухода офицеров, которые, хотя и ослабляются за последние годы, но еще далеки до исчезновения. А именно: мы все твердим, что инициатива — залог победы, что звание офицера весьма высоко, почетно и в то же время не уважали самостоятельности. Делаем ряд промахов для унижения авторитета офицера.

Заурядное сажание офицера под арест, разносы криком в присутствии нижних чинов, иронические выговоры в приказах, грязные судные дела, которые затем можно читать во всех газетах, — все это обезличивает, принижает офицера.

Между тем каждый знает, что энергия и горячность — вещи различные. К слову сказать, в последнее время вошло в моду выносить всякий сор и личные счета на страницы печати. Опять-таки одно дело гласность и другое — трепать авторитет начальника или товарища.

За последние годы сделано уже вообще немало для увеличения боевой способности армии.

Но ведь и армии соседей не спят, а потому, чтобы не отстать, надо деятельно работать.

Главное, надо поддерживать личным примером внутреннюю силу армии, которая лишь одна дает непобедимость.

Великая Россия вправе от нас требовать личных жертв на восстановление своей мощи и боевой славы. Армия — твоя сила. Сила идет от начальствующего персонала, от офицеров, отличный состав которых должен быть у дорогой родины. Приложим к тому наши старания.

Скажем теперь свое последнее авторское слово.

Большинство недостатков нашего высшего командного элемента зависит от нашей общественной жизни. Исправится общество, поднимутся скоро и высшие слои армии, тем более, что всей нашей армии присущи многие весьма существенные достоинства.

Сама жизнь нашей армии зиждется, вообще, на прочных началах. Темные же пятна есть и у царя светил, Солнца.

На них обращено внимание в армии, и работа ведется к их усовершенствованию. Пожелаем лишь ее ускорения. Эта работа заставляет бодро смотреть на вещи и ручается за будущее. Пусть каждый поможет подготовке армии. Пусть каждый внесет свою посильную лепту в ее изучение. То будет путь к исправлению вооруженной силы. <...>

Режепо П. Статистика генералов. — СПб., 1903. — С. 5–9, 10–25. Режепо П. Статистика полковников. — СПб., 1905. — С. 5–7, 11–15, 20–21, 24–25, 30. Режепо П. Несколько мыслей по Офицерскому вопросу. — СПб., 1910. — С. 1–3, 5. 19–25, 29–44.

ИСКУССТВО КОМАНДОВАНИЯ

Е. Месснер, С. Вакар, Ф. Вербицкий и др.

РОССИЙСКИЕ ОФИЦЕРЫ

В войне 1914–1917 гг. Российское войско одержало несколько больших побед — Галицийская битва, Брусиловское наступление, взятие Эр-зерума, — выдержало много тяжелых сражений, потерпело поражение в Восточной Пруссии и потеряло в 1915 г. Польшу и Галицию. Российскому офицерству приходится выслушивать упреки и за поражения, и за беспобедные сражения, и даже за победы, потому что они не дали решающих результатов. И не только в этом обвиняют кадровое офицерство. Коммунисты называют его слугой капитализма, в левоземigrantских кругах его считают «кастовым», «сословным», ставя ему в вину, что оно было оплотом царской власти, а с крайне правого фланга эмиграции слышатся иной раз упреки, что оно не уберегло царскую власть.

Армию называли «великой молчалиницей»: она никогда не кричала о своих делах и не отвечала на клевету. Офицерство в эмиграции тоже молчит и не находит нужным оправдываться:

оправдание его ошибок, проступков и провинностей — не в словах, а в крови, которой офицерство истекло в сражениях за Россию.

Перед современниками офицерство не оправдывается, но было бы большой исторической несправедливостью, если бы будущая, освобожденная от социализма, национальная Россия получила неверное представление о российском офицерстве или если бы ошибочное о нем представление укоренилось в той части эмиграции, которая по молодости лет не соприкоснулась с кадровым офицерством, когда оно служило в рядах Императорского войска. <...>

Каково было Российское кадровое офицерство к началу войны 1914 года?

Было ли офицерство сословным?

Император Петр Великий, создавая регулярную армию, возложил на дворянство всеобщую воинскую повинность (для образования офицерского корпуса), а на прочие сословия (кроме освобожденного от военной службы духовенства) наложил меньшую тяготу — рекрутские наборы, т.е. поставку в войска известного процента молодых людей. В последовавшие царствования система оставалась в главном неизменной — только дворянство выставляло офицеров, и офицерство было исключительно дворянским. Но в XIX в. так называемые разночинцы хлынули в администрацию государства, достигая даже ее вершин, и вслед за этим обнаружился прилив недворянских детей в офицерский корпус. Перед Великой войной Российское кадровое офицерство было по своему происхождению всесословным.

Закон не создавал никаких ограничений по сословному признаку — в праве каждого, по суду непорочного гражданина, стать офицером.

Было три способа стать кадровым офицером: 1) Имея аттестат зрелости (свидетельство об окончании гимназии, реального училища или кадетского корпуса), поступить в одно из военных училищ и, завершив его, получить погоны подпоручика. 2) Отличиться в военное время и из солдат быть произведенным в офицеры с правом достичь чина штабс-капитана (штаб-ротмистра), впрочем ординарец генерала Скобелева, всадник Абациев, достиг чина полного генерала. В мирное же время каждый солдат, закончивший срочную службу в унтер-офицерском звании, имел право держать вступительный экзамен в военное училище, чтобы стать офицером. 3) Имея свидетельство о прохождении полного курса среднеучебного заведения, поступить на военную службу солдатом-вольноопределяющимся, прослужить один год (обычные солдаты служили три года), выдержать экзамен на чин прапорщика запаса и, имея этот первый офицерский чин, сдать экзамен за курс военно-

го училища; после этого следовало производство в чин подпоручика запаса, и этот офицер мог ходатайствовать о зачислении его на действительную военную службу, что было совершенным уравниванием его со сверстниками, нормально прошедшими курс военного училища.

Все три пути были открыты для всех. Вольноопределяющимся мог стать молодой человек любого сословия и сделаться по экзамену кадровым офицером; солдатами были люди всех сословий, и каждый мог, либо отличившись на войне, либо поступив в военное училище, быть произведенным в офицеры; а обычный путь через военное училище был открыт для всех юношей, независимо от их сословного происхождения. Кадровым офицером мог стать княжеский сын и сын дворянина, и сына священника, купца, почетного гражданина, крестьянина, мещанина, ремесленника и рабочего. И не только мог стать теоретически, по закону, но и становился фактически и притом без каких-либо затруднений.

Единственным ограничением был утвержденный законом статут Пажеского Его Императорского Величества корпус, куда могли вступать лишь дети или внуки чинов Царской свиты, генералов и генерал-лейтенантов. Но это не было сословным ограничением, раз в свиту зачисляли офицеров, независимо от их сословного происхождения, раз до генеральского чина мог дослужиться каждый офицер, а офицером мог сделаться каждый человек, какого бы происхождения он ни был. Основной целью этого несословного ограничения при приеме в Пажеский корпус было желание окружить трон пажами, избранными среди заслуженнейших слуг Царя — генералов и адмиралов. Фельдфебель корпуса, лучший из воспитанников, назначался состоять пажом при Государе, а известное количество пажей состояло при Высочайших Особах, совмещая учение в корпусе с выполнением пажеских обязанностей на дворцовых торжествах.

В Санкт-Петербурге было два военных училища — Павловское (пехотное) и Николаевское (кавалерийское), куда принимались преимущественно дети потомственных дворян. Не закон ставил это ограничение, а традиция гвардии, требовавшая, чтобы ее полки комплектовались офицерами из потомственного дворянства — эти два училища служили главным образом для укомплектования гвардии.

На особом положении был и офицерский состав Флота и Морской корпус, выпускавший молодых людей офицерами во флот. Это проистекало от особенностей морской службы и от флотских традиций, основанных на заветах славных Российских флотоводцев. <...>

Не располагая документальными статистическими данными, невозможно установить процентное отношение офицеров разного сословного происхождения. Но, по воспоминаниям авторов этого очерка, создается такая картина: в гвардейских пехоте и артиллерии 100% офицеров было из потомственных дворян; меньший процент был в гвардейской коннице и еще меньший — среди «числившихся по гвардии» офицеров Главных Военных Управлений и кадрового состава Военно-учебных заведений; в армейских войсковых частях процентное отношение колебалось между 75 и 25%, причем не потомственно-дворянская часть офицеров состояла преимущественно из детей личных дворян, купцов, священников и крестьян. Колебания процентов зависели не только от рода войска (в коннице — больше, в пехоте — меньше), но и от стоянки войсковой части: много юнкеров при выпуске из военного училища брали вакансии в полки, расположенные в месте пребывания своих родителей, вследствие чего, скажем, полки Московского гарнизона имели большой процент дворянских и купеческих отпрысков, а полки в Ташкенте или Омске — меньший процент, потому что в Московском населении дворянская и купеческая группы были процентуально многочисленнее, чем в населении азиатской России.

Не настаивая на точности вышеприведенных цифр, можно все же утверждать, что в годы перед Великой войной Российское офицерство состояло в большинстве не из родового дворянства, а из людей, чьи деды или только отцы, а зачастую лишь сами эти лица были удостоены дворянства: не дворянское звание делало офицером, а офицерское звание делало дворянином.

С момента вступления юноши в кадетский корпус или молодого человека в военное училище исчезало понятие о сословном различии, если оно было привито в семье. В офицерской среде никогда и ни при каких обстоятельствах не ощущалось различие происхождения: все были офицерами на службе Его Величества, и только разница чинов устанавливала градацию прав и обязанностей. А чины приобретались вне зависимости от происхождения: если уже в старину люди, как тогда говорили «низкого происхождения», достигали наивысших чинов в Армии, то в начале XX века ни закон, ни традиция, ничто не препятствовало людям всех сословий восходить на высшие ступени военной иерархической лестницы: в офицерстве было абсолютное сословное равенство. <...>

Было ли офицерство кастовым?

Кастою называется общественная группа, обособленная от остальных групп происхождением и от этого происхождения проистекающим правовым положением своих членов. Каста

есть замкнутая группа людей, в которую включает человека лишь факт рождения от родителей, к данной касте принадлежащих, и в которую нельзя проникнуть извне, а также нельзя из которой выйти. Рождение в касте предопределяет на всю жизнь права и обязанности рожденного. Офицерские права и обязанности проистекали не от рождения, а от вступления по собственной воле в офицерский корпус. И корпус этот не, был замкнутым: в него ежегодно вливалось тысячи три молодых людей всех сословий, всех групп общества, всех имущественных положений; в него вливалось множество отпрысков семей, никакого отношения к военному миру не имевших.

Этот приток посторонних уже начинался в кадетских корпусах. Кадетские корпуса имели в ХХ в. своим назначением предоставлять офицерам возможность бесплатно давать образование своим сыновьям. Для офицеров, живших в большинстве своем в весьма стесненных финансовых обстоятельствах, было облегчением, что в корпусе не только не надо было платить за обучение и учебники, но и пропитание, и обмундирование были бесплатными. Это побуждало большинство офицеров определять своих сыновей в кадетские корпуса. Побуждал к этому и военный дух в офицерских семьях. Но дух этот не был кастовым, и офицерские сыновья по своей воле или по воле родителей свободно могли поступать не в корпус, а в какое-либо среднеучебное заведение. И нередко поступали.

Но бывало и обратное: родители, не принадлежавшие к военной среде, отдавали своих сыновей в кадетские корпуса, чему закон не препятствовал. Эти кадеты были «своекоштными», т.е. родители оплачивали их содержание и обучение. Наличие этих кадет «со стороны» опровергает мысль о кастовой замкнутости офицерства. Процент этих неофицерских детей в корпусах был различен, но, например, Николаевский кадетский корпус в Санкт-Петербурге заполнялся преимущественно купеческими детьми.

В кадетских корпусах воспитание было систематическим развитием любви к военной службе, и поэтому большинство кадет шло по окончании корпуса в военные училища. Однако образование было поставлено так, что кадет, не желавший стать военным, мог без затруднений, наравне с окончившими реальными училищами поступать в высшие технические заведения и мог, как и реалисты, идти в университет по сдаче экзамена по латинскому языку. Уход кадет «на сторону» был нередким явлением: офицерская среда не имела кастово замкнутыми ни входную, ни выходную двери.

Кадеты, поступавшие в военные училища: Павловское и Александровское (пехота), Михайловское и Константиновское (артиллерия) и Николаевское (инженерное), заполняли там более половины вакансий. В прочих же училищах: пехотных, кавалерийских и артиллерийском, по приблизительной оценке, 50-60% юнкеров являлось «со стороны» — это были окончившие разные среднеучебные заведения, это были пришельцы из немилитаристической среды духовенства, купечества, крестьянства, мещанства и даже из антимиитаристической среды прогрессивной интеллигенции, откуда нередко вопреки воле родителей шли на военную службу молодые люди, чувствовавшие военное призвание. Такой мощный «прорыв» кастовоофицерской замкнутости, якобы существовавшей в России, опровергает миф о существовании офицерской касты. В офицерскую среду ежегодно вливалось более полутора тысяч неофицерских детей, и эти, так сказать, нововоенные сливались с наследственно-военными, т.е. с детьми офицеров. Если в полках гвардии процент офицеров из неофицерских детей не превышал, вероятно, 10, то это происходило главным образом от того, что вакансии в гвардейские части разбирались преимущественно сыновьями гвардейцев. Но в армейских полках от 30 до 60% офицеров было из неофицерских детей.

Был и другой приток неофицерской крови в офицерскую среду: через женитьбу. Стоянки многих войсковых частей Российской Армии были весьма неприятными: захолустные городки в Европейской России или еврейские городишки на западной границе — в них почти отсутствовало то, что называлось «обществом», т.е. группа обывателей достаточно высокого уровня развития, образования и воспитания. Были стоянки, где «общество» совершенно отсутствовало: казармы, удаленные на десятки верст от городов, или «Богом забытые» гарнизоны вдоль границ в Азии. Женами офицеров на таких стоянках становились во многих случаях дочери офицеров-сослуживцев, а бывало и дочери фельдфебелей, т.е. сверхсрочно служивших солдат. Но в полках, стоянки которых не были так уны-

лы, офицеры соприкасались с «обществом» и могли жениться на девушках из «штатской» среды — это не возбранялось ни законом, ни традицией и не было к тому ни «сословных», ни «кастовых» препонов.

Нельзя было жениться, не испросив разрешения командира полка и согласия общества офицеров полка. А это разрешение и согласие давалось по рассмотрении вопроса о пристойности брака. Никакого тут унижения для невест из «штатской» среды не было, потому что вопрос о пристойности брака рассматривался точно таким же образом и в отношении невест из офицерской среды. Не разрешался брак на особе предосудительного поведения, на дочери человека с неблагоприятной профессией (например, ростовщик). Предметом чрезвычайно серьезного обсуждения бывал рапорт о разрешении женитьбы, если ближайшая семья невесты своим образом жизни, поведением, воспитанием выказывала, что находится на уровне более низком, нежели подобает быть людям, допускаемым в офицерскую среду, и подобает быть в среде, в которой вращаются офицеры. В десятилетия, последовавшие после Первой Всемирной войны, произошли столь крупные сдвиги в понятиях, нравах и обычаях народов и общественных групп, что выражения «уровень среды», «пристойность брака» потеряли прежний смысл или просто потеряли смысл. Но явление, ушедшее в прошлое, надо измерять тогдашним аршином, а не впоследствии введенным метром. В ту эпоху было естественно, что адвокат вращался в среде университетски образованных людей, «не опускаясь» ниже, что купец чувствовал себя на месте среди людей с купеческими манерами и что мещанин не искал общества «благородных». Были разные полочки, и каждая группа людей пребывала на соответствующей полке.

Офицерская среда имела определенный уровень воспитанности, общего развития, моральных понятий, внешних манер и правил поведения. Офицерство не разрешало офицеру спускаться ниже установленного уровня и посещать общество с низким уровнем. И офицерство не позволяло людям низкого уровня соприкасаться с собою и тем более проникать в свою среду. В этом отношении офицерство было более строгим, чем, скажем, среда помещиков или патриархальных купцов. И эта строгость имела веское основание: для боя полк должен был быть воинским братством, а ради этого офицерская семья полка должна была быть в полном смысле слова семьей, в которой все одинаково мыслят, чувствуют и действуют и притом не только в строю и на службе, но и вне казармы, в частной жизни, в семейной своей жизни, в общественных местах, в общественной жизни.

Суждения общества офицеров полка о пристойности брака бывали строгими, но не узкими — никогда не давалось разрешения жениться на опереточной актерке или на цыганке из цыганского хора, но, например, полковнику Генерального штаба Б. (впоследствии генералу от кавалерии) разрешили жениться на знаменитой певице с незапятнанной репутацией. Ни бедность невесты, ни ее национальное происхождение (кроме еврейского), ни незначительность ее общественного положения не влияли на решение общества офицеров полка. Но на девушке малограмотной, невоспитанной, аморальной офицер не смел жениться.

В России не существовало того, что в Западной Европе называлось «позолотить герб» — российские офицеры не зарились на большое приданое, которое сулил богатый промышленник или купец, чтобы породниться с дворянином-офицером. Офицеры, женись на девушках разного достатка, разных сословий и разных национальностей, устраняли возможность создания офицерской касты.

Касты не было, но была обособленность корпуса офицеров. Офицеров обзывали кастой, потому что они обособлялись.

Следует категорически отрицать наличие обособленности духовной: ни одна профессиональная группа людей в России не соприкасалась так тесно и так дружески, так братски с народом, как корпус офицеров, ежегодно получавший из народа 400.000 новобранцев и сживавшийся с ними на протяжении 3-х лет их солдатской службы.

Однако внешняя обособленность от общества существовала, и причиной ее было два обстоятельства. Если монаху возбранялось жить в миру, чтобы не потерять монашеских свойств, то и офицеру предписывалось жить по преимуществу в офицерском обществе, чтобы не терять свойств, привитых в кадетском корпусе, в военном училище, в полку. Правда, гвардейские офицеры несли много «светских обязанностей», но они вращались в «высшем свете», где «светскость» и офицерское поведение отлично уживались. Но разношерстность так называемого общества, состоявшего из людей самого различного воспитания, образования, из людей весьма пестрых этических понятий и политических воззрений, стояла в резком противоречии с душевным, духовным, умственным единообразием и своеобразием офицерства. Поэтому оно и обособлялось от общества. Свообразие офицерства было другой причиной его обособленности, и оно обуславливалось своеобразием назначения офицерства.

Каждому гражданину было понятно, что в случае пожара он может быть привлечен к тушению огня, но что на пожарном лежит *обязанность* бороться с пожаром, невзирая на личную опасность. Поэтому на пожарных глядели с уважением и поэтому пожарный чувствовал себя человеком с обязанностями более высокими, нежели всякие иные. Точно так же каждый россиянин знал, что он может быть призван под знамена в случае войны и что он, *вероятно*, пойдет в бой, но он знал, что офицер *не может не пойти* в бой, ибо он посвятил себя боевому служению Родине. В глазах неразвращенных антимилицитаризмом граждан это делало офицера человеком особенным — защитником Отечества. И офицер был человеком особенным, морально, умственно, физически подготовленным к выполнению самого высокого долга, долга жертвовать собой в защите Отечества, в предводительствовании солдатами в бою за Родину.

Правда, уже существовали и некадровые офицеры, прапорщики запаса, но во всех предшествовавших войнах кадровые, профессиональные офицеры, а не офицеры запаса вели Действующую Армию. Ни в ком не возникала мысль, что в грядущей войне будет иначе: прапорщики запаса предназначались главным образом для заполнения тыла и для формирования второочередных дивизий, роль которых будет незначительной, потому что кадровые дивизии, ведомые кадровыми офицерами, разыграют «сражение на границах», первое, но и генеральное. Никому и в голову не приходило, что в войну 1914-1917 гг. придется призвать свыше трети миллиона непрофессиональных офицеров и что эти прапорщики запаса и офицеры производства военного времени, восполняя страшную убыль кадрового офицерства, станут командовать ротами и даже батальонами.

Кадровый офицер считался и был в действительности, так сказать, патентованным защитником Отечества, то есть человеком особенным. После Первой Всемирной войны этот ореол померк, потому что великое множество некадровых офицеров стало на командные должности (вплоть до полковников в иностранных армиях). После Второй Всемирной войны престижу профессионально-кадрового, а также и запасного офицерства причинен урон возведением бандитов (партизанских вожakov) на пьедестал героических вождей. Но в годы, предшествовавшие нашему выступлению в поход 1914 г., кадровый офицер был на особом положении среди граждан и держал себя поэтому обособленно.

Случалось, что иные корнеты и подпоручики, утрируя, переходили от обособленности к заносчивости. Но это было «максимализмом» молодости. Студенты-горняки были заносчивы перед технологами, воспитанники Училища Правоведения и лицеев кичились перед студентами юристами. Заносчивость молодых офицеров не преследовалась старшими офицерами только в немногих «лихих» полках, но в Армии вообще следили, чтобы границы разумной обособленности не преступались.

Обособленность же эта была не каствою. <...>

Офицерство и режим

В период после Петра Великого гвардия не раз брала на себя роль вершительницы судеб государства, низвергая царей, возводя на трон цариц. Но при Екатерине Великой режим уже установился, и в Российском офицерстве окрепло сознание, что оно является оплотом режима, основными Законами установленного. Это сознание побудило войско подавить мятеж декабристов и удержало армию в послушании Царю в революцию 1905 г., — за исключением нескольких заколебавшихся войсковых частей вся армия способствовала прекращению революционных вспышек в народе.

Офицерство воспитывалось и воспитывало армию и флот в сознании, что войско является не только защитником Отечества от врагов внешних, но опорой царского строя от врагов внутренних. Вопреки общеупотребительной, но ошибочной формуле «Армия вне политики», армия была инструментом государственной политики, воспитывая солдат, а через них и весь народ, в преданности Вере, Царю и Отечеству. Но Армия была вне партийности — офицер и солдат не смели ни принадлежать к какой-либо политической партии, ни принимать участия в проявлении партийной деятельности. Офицер не должен был склоняться к симпатизированию каким бы то ни было партийно-политическим идеям, хотя бы близким к формуле «Вера, Царь, Отечество». Поэтому офицер не смел быть в связи с организациями, такими, как «Союз Русского Народа», и даже не мог состоять в гимнастической организации «Сокол», потому что последняя занималась не только развитием мышц, но и национализма. Более того, офицеру предлагали уйти со службы, если оказывалось установленным, что его жена увлекается партийно-политическими идеями.

В послереволюционные годы офицерство подвергалось упрекам, да оно и само себя нередко упрекало за то, что его изолированность от политико-социальной жизни народа сделала его безоружным против разлагающей пропаганды революционеров в 1917 г. Однако в то время кадровое офицерство уже не занимало должностей ниже полковых и батальонных, а непосредственное моральное воздействие на солдатскую массу оказывали командовавшие ротами и взводами офицеры запаса и офицеры военного времени. Это были люди в своей довоенной жизни осведомленные о партийных и социальных вопросах. Однако и эта их «политическая вооруженность» оказалась бессильной против революционной демагогии. Против нее были беспомощны даже и те офицеры, которые в своей гражданской жизни до призыва стали опытными политиками, будучи членами партий центра или монархических. Поэтому можно предполагать, что кадровые офицеры не остановили бы разложения войска даже в том случае, если бы они были политически образованы. Как нельзя судить об уровне тактических познаний и способностей офицеров на основании кампаний, протекавших в совершенно ненормальных условиях (например, кампания 1915 г., когда в Галиции наши войска терпели поражения от артиллерии Макензена, будучи почти безоружными), так точно нельзя судить о политической зрелости офицеров по чудовищно-ненормальной политической кампании 1917 г., когда отречение Царя потрясло душу народа, истомленного к тому времени войной, весьма затянувшейся и крайне для России тяжелой, вследствие недобросовестности союзников, когда немецкие деньги оплачивали самую разную демагогию и когда «чернь» в солдатстве взяла верх над унтер-офицерами, этой элитой солдатской массы. Судить надо по обстоятельствам нестихийного характера. В Маньчжурии Действующая армия не заколебалась после сдачи Порт-Артура, Ляояна, Мук-дена, в революцию 1905-1906 гг., армия осталась в руках офицеров, в годы 1914-1916 жертвенно дралась, невзирая на тяжелые боевые потрясения. Следовательно, и в столь трудных условиях оказывалась достаточной та политическая «вооруженность» офицеров, которую им давало воспитание в военной школе и духовная обстановка в полку. Изолированность от политико-партийной жизни была в те времена не вредной, но скорее полезной (в нынешнее же время, когда партийность проникла во все решительно области деятельности и мышления человека, едва ли может офицер остаться в такой изолированности).

Политическая программа Российского офицерства была проста и ясна. Перефразируя известное выражение «человеческая душа — христианка», можно сказать, «офицерская душа — монархистка». Офицер в России был монархистом не только потому, что понятие Отечества символизировалось в личности Царя, и не только потому, что в присяге сливались преданность Родине и Царю, но и потому, что верховное возглавление Царем вооруженных сил страны соответствует воински простому пониманию вещей: мое право единоличного командования зиждется на моем подчинении единоличному вождю. Если вождь этот бывает поставляем и сменяем причудливыми народными голосованиями, то воину нелегко подчиняться ему столь же безоговорочно, как лицу, становящемуся вождем в силу династического порядка, основным законом государства установленного.

Монархизм офицерства не проявлялся в каких-либо эффектных словах или экзальтированных актах, но он был составной частью души офицера и основой всей его деятельности. Когда занемогший офицер подавал установленной формы рапорт:

«Заболев сего числа, службу Его Императорского Величества нести не могу», — то он действительно ощущал, что его служба есть служба Его Императорского Величества.

Каждый гражданин имел право, в силу закона о свободе убеждений, желать тех или иных изменений в политике государства и даже желать ненасильственного изменения режима. Офицер, становясь таковым, отказывался от гражданских свобод и прав и брал на себя обязанность ничего от Отечества для себя не требовать, но всего себя отдать Отечеству. Гражданин мог делать разное в ущерб государству — тот не в меру наживался на казенных подрядах, тот ради своей, а не общей пользы изменял проект трассы железной дороги и т.д. — офицер не извлекал никаких выгод от своего служения Отечеству, скупому на оплату его труда. Любовь офицера к Отечеству была бессеребряной, бескорыстной, самоотверженной.

Что же касается еще одной основы офицерского миропонимания — Веры, то и она влияла на поведение офицера. Не в том суть, что офицер был обязан не реже одного раза в год причащаться, что в казарме и лагере день завершался молитвой, что все военные торжества освящались молебном, предшествовавшим параду, что при воспитании вверенных офицеру солдат в них углублялось религиозное сознание, а в том была суть принадлежности офицера к Вере, что он выполнял евангельский завет «никого не обижайте». На основе этого завета офицерством были твердо усвоены моральные правила поведения на войне, сформулированные в императивных лозунгах: «жителя не обижай», «пленному

— пощада», «воевать — малою кровью», т.е. беречь кровь своих солдат и без надобности не усердствовать в пролитии крови врагов. Единственное в мире войско называлось Христоролюбивым — Российское Войско, ибо оно жило и воевало, памятуя Христовы заветы.

Так слова «Вера, Царь, Отечество» составляли содержание офицерского миропонимания.

Карьера офицера

В военных училищах выпускные юнкера вносились в список в порядке старшинства баллов. Совершенное качество административно-воспитательного и преподавательского состава училищ исключало какую бы то ни было возможность протекционизма при постановке баллов. В присутствии училищного начальства и всех юнкеров каждый в порядке списка выбирал вакансию в ту или иную часть, согласно перечню вакансий, присланного Главным Штабом. Сперва заявляли свои желания фельдфебели, затем старшие и младшие портупей-юнкера вперемешку по старшинству баллов, потом все прочие, кончившие по первому разряду, и, наконец, II разряд. Выходившие по III разряду определялись унтер-офицерами в один из полков Военного Округа, где находилось военное училище, и через 6 месяцев производились там в подпоручики по представлению строевого начальства.

Юнкера, желавшие выйти в гвардию, являлись заблаговременно командиру соответствующего полка; затем в офицерском собрании полка офицеры знакомились с юнкером; если он производил на них благоприятное впечатление, то его фамилия сообщалась в Главный Штаб, и тот, посылая в военное училище перечень свободных вакансий, прилагал к нему и список «именных» вакансий для юнкеров, принятых в гвардию.

6 августа оглашали в училищах Высочайший приказ о производстве, и молодые подпоручики, корнеты, гардемарины и хорунжие разъезжались по своим частям, а некоторые брали вакансии в далекую Сибирь или Туркестан, чтобы, получив поверстные «прогонные», помочь деньгами своей семье. Лучшие по баллам брали полки с хорошими стоянками (Петербург, Москва, Варшава, Киев, Одесса), другие стремились в родные края, а наименее успевавшие в науках ехали в глушь и там оставались многие и многие годы, потому что перевод в другую часть производился в порядке обмена с желающими.

Окончание военного училища по I разряду давало право на производство в поручики через 3 года, а окончившие по II разряду получали чин поручика через 4 года. Артиллерийские и Инженерное училища были трехлетними, а не двухлетними, как пехотные и кавалерийские, поэтому, чтобы компенсировать лишний год учения, подпоручики артиллерии и инженерных войск получали чин через 2 года (II разряд — 3 года). В штабс-капитаны производили через 4 года. По прослужении дальнейших 4 лет офицер получал чин капитана, но в армейской пехоте срок этот растягивался и до 10 лет, потому что приходилось ждать открытия в полку вакансии ротного командира. Точно так и штаб-офицерские чины производились лишь на вакансию. Артиллерист мог на 17 году службы, имея от роду лет 38, получить чин подполковника и командовать батареей. В артиллерийской бригаде на 34 обер-офицера приходилось 8 штаб-офицеров и генерал-майор, а в пехоте соотношение было иным: в полку на 58 обер-офицеров — 9 штаб-офицеров. Очевидно, что в пехоте скачок из капитанов в подполковники (батальонные командиры) был очень труден, а из полковников в генералы — еще труднее. К тому же вакансию батальонного командира иногда перехватывал офицер из «числившихся по гвардии»: прослужив несколько лет в одном из центральных военных управлений или в военном училище, такой офицер возвращался в строй, получая чин за свою гвардейскую службу, и таким образом обгонял своих армейских сверстников.

Большое число капитанов, прокомандовав ротой лет 18 и достигнув предельного возраста (для обер-офицеров — 53 лет от роду), уходило в отставку подполковником. А те из них, которые на протяжении нескольких лет командования ротой были аттестуемы выдающимися, получали после 20 лет (приблизительно) службы чин подполковника и командование батальоном. Это было пределом служебной карьеры для большинства пехотных офицеров (и для большинства офицеров вообще, потому что в офицерском корпусе пехотные офицеры составляли большинство).

После Русско-японской войны было понято, что командование полком в бою требует более глубоких познаний и более широкого тактического развития, чем это может дать служба в строю. Поэтому значительной частью полков пехоты командовали полковники Генерального Штаба. Как ни обосновано это было необходимостью иметь высокообразованный высший командный состав, все же это

огорчало строевых офицеров, потому что для них уменьшалась возможность достигать поста командира полка. Эту возможность уменьшало и то обстоятельство, что вакансии полковых командиров в армии доставались офицерам гвардии, которые, вследствие сравнительно быстрой гвардейской карьеры, обгоняли своих сверстников по выпуску из училища и получали нередко в командование армейские полки.

В поход 1914г. 15-я пехотная дивизия вышла, имея командирами полков трех полковников Генерального Штаба и одного гвардейского. Не следует обобщать этот случай, но все же надо признать, что пехотный офицер имел меньше шансов сделать хорошую карьеру, нежели офицер иного рода войск или гвардии. Предельный возраст для штаб-офицеров был установлен в 60 лет. Подвергшиеся аттестационному отбору строевые полковники, а также те, что получили высшее военное образование, производились в чин генерал-майора с возможностью дальнейшего выдвижения в генерал-лейтенанты и затем в генералы от инфантерии, кавалерии или артиллерии, или инженер-генералы. Гандикап был различен в разных родах войск: в гвардии уже полками командовали генералы, в артиллерии — командир бригады, генерал-майор, командовал 40 офицерами, а в пехотной дивизии на двух или трех генералов приходилось около 280 пехотных офицеров.

Вследствие медленности продвижения по службе большинство строевых полковников, достигнув предельного возраста, уходило со службы с чином отставного генерал-майора. Генералы действительной службы уходили в отставку по достижении 65-летнего возраста. Предельного возраста не было для полных генералов и для георгиевских кавалеров.

В принципе все обер-офицеры продвигались вверх по строго соблюдаемому старшинству, на войне же были производства вне старшинства — за боевые отличия. Однако принцип старшинства противоречит требованию службы отбирать лучших, а поэтому производства в штаб-офицеры совершались по избранию начальства, для чего требовалось быть аттестованным «выдающимся».

Ежегодную аттестацию каждому офицеру давал его начальник и начальники вышестоящие; комиссия из штаб-офицеров войсковой части выносила свое суждение, представляя его на усмотрение командира части. Окончательные оценки были: выдающийся, хороший, удовлетворительный, а предупреждение о служебном несоответствии было признаком, что офицер будет уволен от службы, если не исправится. Если провинившийся офицер был поставлен на штрафное положение, то он не получал повышения, пока оставался под штрафом. Аттестационные заключения сообщались офицерам и служили поощрением служебному рвению или напоминанием о необходимости большего рвения или лучшего поведения. Конечно, строгость или мягкость аттестаций зависели от личности аттестующего. Случалось, что у требовательного командира выдающийся оказывался только хорошим, а у добродушного командира хорошим же оказывался удовлетворительный, но сознательной несправедливости и протекционизма при аттестовании не наблюдалось.

Неудачники в жизни всегда считают, что их обгоняют по службе «любимчики» начальства, однако при всей естественности оказания предпочтения тому из подчиненных, который кажется наиболее способным и старательным, редки были случаи составления необъективных аттестаций и не бывало выдвиганий по службе на основе недопустимой, вредной протекции.

Протекции не было. Привилегии были. Привилегией Пажеского Корпуса было служение пажей при Дворе и право выхода пажей в гвардию. Несколько привилегированными были юнкера Павловского и Александровского пехотных и Николаевского кавалерийского училищ: туда поступало больше гвардейских вакансий, чем в прочие училища. Гвардия имела привилегию — получение чина при переходе офицера в армию и получение чина полковника прямо из капитанов. Офицеры, награжденные орденом Св. Георгия, имели право получить следующий чин вне срока выслуги его. В прежнее время за окончание академии Генерального Штаба давали чин, но это было отменено, и высшее военное образование стало давать лишь преимущество более быстрого продвижения: в пехоте капитаном можно было стать на 12-18 году службы, а по Генеральному Штабу — на 10-12 году; в подполковники пехотный офицер мог выйти на 20 году службы, а офицер Генерального Штаба — на 13 году; он же становился полковником на 18-20 году службы, пехотные же офицеры в большинстве этого чина не достигали, а если и достигали, то после долгого пребывания подполковниками. Может быть, следовало дать офицерам более легкий доступ к высшему образованию. Ежегодно из 1000, желавших поступить в Военную академию, экзаменационные комиссии при Военных округах пропускали человек 300, а из них лишь 150 выдерживало приемный экзамен при Военной академии. Кончало же академию по I разряду 50-70 офицеров каждый год. Значит, из 1000, стремившихся к высшему образованию, лишь одна двадцатая часть получала его в полной мере — отсеивание было чрезмерно

строгим. На страницах военной печати высказывалось мнение о желательности сократить универсальность корпуса Генерального штаба, офицеры которого занимали высшие должности по связи, по передвижению войск, по этапно-хозяйственной части, отесняя от этих должностей инженерных, интендантских и административно-штабных офицеров. Перечисленные немногие привилегии несколько замедляли продвижение строевой офицерской массы. Но главное замедление вызывалось слишком высоким предельным возрастом. Из соображений экономии (чтобы не платить пенсии «молодым» отставным офицерам), командный состав не подвергался омоложению. Поэтому надо было иметь большую любовь к военной службе, чтобы «тянуть ляжку» с малой возможностью надлежащего быстрого продвижения по службе. И любовь эта была: весьма немногие уходили из Армии до достижения предельного возраста. Причинами выхода в запас бывали: финансовые затруднения (вследствие скудности жалования), женитьба наперекор постановлению общества офицеров полка и иные семейные обстоятельства. Разочаровавшихся в военной службе и поэтому ушедших в запас почти не было. А между тем служба офицера была тяжелая.

Служба офицера

В те времена, когда солдат служил в войске 25 лет, офицеру было мало работы — его главной «работой» было погибать на войне. Но в начале XX века, а в особенности после Русско-японской войны, офицеры стали тяжелоработающими. Требовалось много труда, чтобы за три года солдатской службы превратить новобранца, полуграмотного, а часто и безграмотного увальня, в умственно и физически развитого, и морально крепкого воина и так основательно вложить в него воинские добродетели и воинское знание, чтобы ушедший в запас солдат долго оставался способным превратиться при мобилизации из обывателя в отличного воина. Офицер обучал грамоте, доучивал малограмотных, преподавал солдатские знания и внушал патриотические и воинские понятия, отшлифовывал лучших из солдат и превращал их в унтер-офицеров, то есть в командиров и воспитателей, своих надежных помощников. Офицер заботился об отличном питании и обмундировании солдат, ведя сложное хозяйство; на нем же лежала и административная переписка.

Служебный день офицера начинался в казармах в 8 часов и длился в непрерывной работе — занятия с солдатами, офицерские занятия, дела хозяйственные, канцелярия, разные комиссии, производства дознаний и т.д. — до 16-17 часов с малым перерывом на завтрак в офицерском собрании. Летом в лагерях занятия начинались в 6 часов, перерыв, вследствие жары, был более длительным, и занятия завершались часов в 17-18, смотря где. Вечером проводились заседания всякого рода комиссий, тактические игры; в вечернее и ночное время офицеры приезжали для проверки порядка в казармах — ответственность за порядок лежала на дежурном офицере, но рачительные командиры не удовлетворялись этим и приезжали сами или посылали своих субалтерн-офицеров. Эти младшие офицеры часто назначались на дежурства в своей части или в караулы вне ее: в иных гвардейских полках, несших много караулов, каждый обер-офицер чуть ли не раз в неделю бывал в наряде. Наряд же длился 24 часа, а отбывши его, офицер не всегда мог уехать домой, чтобы отоспаться и отдохнуть.

И в праздничные дни офицер не располагал собой: в эти дни происходили парады и иные торжества. Осенью в период «подвижных сборов» (маневров) офицер уходил со своей частью в поле и только после двух-трех недель утомительной походной службы днем и ночью возвращался к своей семье. Бывали и зимние маневры. Служба была сопряжена с непрерывной ответственностью за вверенную офицеру часть или ее подразделение, или отдел обучения, или за хозяйство, или за канцелярию. Она была сопряжена и с большим физическим напряжением: в России люди приобретали, вступив в третий десяток жизни, дородность, но располневших офицеров не было:

не пополнеешь при постоянной тренировке к походным тяготам и при напряженности службы.

Даже в свободное время офицер не был вполне свободен в выборе способа своего отдыха и развлечения: у него была не только своя семья (если он был женат), но и полковая семья, и он обязан был проводить время в офицерском собрании, являвшемся центром жизни полковой семьи. Там бывали обеды и ужины с обязательным присутствием всех офицеров полка;

бывали танцевальные вечера с присутствием офицерских жен. Холостые же офицеры большую часть свободного времени проводили в полковой семье: в офицерском собрании были читальня, шахматы, бильярд, карточная комната (для игр «коммерческих», но не азартных). Существовал кавалерийский полк, в котором по традиции офицеры не женились, чтобы созданием собственной семьи не отдалиться от семьи полковой. <...>

Финансовое положение офицера

Дороговизна формы стояла в разительном противоречии к финансовым возможностям офицера. Мундир стоил 65 рублей (в коннице — дороже), китель — 25 рублей, сапоги — 20 рублей. Между тем жалование подпоручика равнялось 70 рублям; поручик получал 80 рублей, штабс-капитан — 90 рублей, капитан — 105 рублей; сверх того выплачивались «квартирные», размер которых определялся «разрядом» города, где стоял полк; по 1 разряду — 25 рублей (Петербург), по IX разряду — 8 рублей (захолустные городишки), в Киеве, Одессе квартирные равнялись 22 руб. 69 коп., квартирных не полагалось, если офицер получал жилье при казарме. Известным должностям были присвоены «столовые»: адъютанту — 8 рублей, командиру роты — 30 рублей, а штаб-офицерам — от 55 и до 150 рублей в месяц;

небольшие «столовые» получали и начальники команд разведчиков и службы связи, Жалование капитана — офицера с 20-30 годами службы — равнялось 140-150 рублям (для пояснения этих цифр надо указать, что в те времена в городах, как Киев, Одесса, Харьков, квартира в 3-4 комнаты стоила 30-50 рублей, иждивение одного едока в семье — 15 рублей в месяц).

Немудрено, что при таких обстоятельствах в офицерских семьях распевали шутивную старинную песенку:

Нет ни сахару, ни чаю,
Нет ни пива, ни вина,
Вот теперь я понимаю,
Что я прапора жена.

<...> Незначительным подспорьем к жалованию служило то, что офицеру полагался денщик. Этого солдата нельзя рассматривать бесплатной прислугой — он был в семье офицеров больше чем домохозяином (если вспомнить это старинное выражение): он был и младшим братом, и другом, и «нянькой» офицера.

Во время пребывания в лагерях выплачивались небольшие «лагерные»; ежегодно выдавалось несколько рублей в качестве «дровяных» и «осветительных»; полагались «фуражные» тем, кто обязан был иметь собственного коня. Единственным ощутительным добавлением к скромному жалованию была прибавка, которая выплачивалась служившим в Туркестане, Забайкалье, Амурской и Тургайской областях; по прослужении известного числа лет на этих Богом забытых стоянках офицер сохранял эту прибавку до конца своей службы. В военно-учебных заведениях офицеры получали лекционное вознаграждение. Денежное довольствие выдавалось офицеру не полностью:

было немало обязательных вычетов: в пенсионный и эмеритурный капиталы (т.е. в казну), в заемный капитал офицеров полка, в полковое собрание на его содержание и на библиотеку при нем, а также в особый фонд для приобретения офицерского походного снаряжения (кровать, погребец и т.д.). Были еще вычеты, которые ни закон, ни приказ не делали обязательными, но совершенно неизбежные: обычай требовал, чтобы каждому сослуживцу при его уходе из части (перевод, отставка) делали небольшой подарок на память о совместной службе и провожали его обедом или ужином; принято было обедом или ужином отмечать войсковые торжества (например, полковые, батарейные праздники) — это не были кутежи, это были скромные трапезы дружной полковой семьи офицеров. Связанные с этим расходы раскладывались на всех офицеров части и несколько отягчали офицерский бюджет. В больших городах, а в столицах особенно, приходилось офицерскому собранию, т.е. офицерам, тратиться на представительство — на угощение высоких гостей, посещающих полк, и иностранных военных делегаций. В Петербургской гвардии эти расходы были так велики, что равнялись офицерскому жалованию. В армейских частях в больших городах обязательные вычеты достигали 10-15 рублей в месяц.

Офицеры были обязаны вести образ жизни, соответствовавший офицерскому достоинству. Тут были требования, так сказать, негативного и позитивного характера: не ходить в рестораны II и III классов, не занимать в театрах (кроме Императорских) места далее 5 ряда кресел, не носить на улице пакетов с покупками (но оплачивать доставку их на дом); требовалось, чтобы офицер вращался в «обществе», то есть в среде лиц соответствующего общественного уровня, а это было связано с хождением в гости, с приемом гостей, с посещением балов, благотворительных базаров и т.д.; в обычае было, чтобы офицер не скупился на раздачу «чаевых» при выполнении этих общественных, светских

обязанностей. Людям нынешнего времени могут показаться странными такие условности, но без условностей невозможно. В те времена офицер должен был приехать к знакомым с визитом в наемной пролетке, но не прийти пешком.

<...> В малых городах тягота этих светских условностей была ощутительна, в больших городах (Москва, Варшава, Киев, Одесса и т.д.) она возрастала значительно, а в Петербурге она была непосильной для нормального офицерского бюджета. Поэтому при выходе из военного училища, а потом при переводах из части в часть каждый должен был считаться с наличием «дорогих стоянок». Служба на «дорогой стоянке» обрекала офицера и его семью на урезывание себя во всем ради удовлетворения офицерски-общественных (вычет в полковое собрание), офицерски-представительных (исправность обмундирования) и внешне-общественных обязанностей (светская жизнь). В гвардию же юнкер не мог выйти, если его родители не обязывались перед полком финансово поддерживать своего сына-офицера. В более «дешевых» полках гвардии эта ежемесячная поддержка выражалась в цифре в 100-200 рублей, но в «дорогих» полках она восходила до 500 и более рублей (Лейб-гвардии гусарский полк), потому что офицеры этих частей вращались среди богатой знати.

Офицерство гвардии принадлежало частью к богатым, частью к состоятельным кругам, но все огромное множество армейских офицеров было неимущим и жило на жалованье. Канули в Лету времена, когда поместно дворянский слой содержал офицерский корпус — теперь в этот корпус пошли люди без достатка и люди бедные, а и многие дворянские, помещичьи роды разорились, и даже для них (не говоря о сельских священниках или городских ремесленниках) определение 17-18-летнего сына на казенное иждивение в военное училище было решением тяжелых проблем: оно снимало с семьи мучительную заботу о даче образования сыну и о подготовке его к самостоятельному существованию. Офицерство было так бедно, что закон воспрещал молодым офицерам вступление в брак, создание собственной семьи. <...>

Офицеру разрешалось владеть помещьем или торговым промышленным предприятием, но управлять им воспрещалось. Общество офицеров не противилось тому, чтобы офицерская жена была преподавательницей гимназии, но традиция воспрещала ей служить, скажем, в конторе какой-либо фабрики. Эти условности характерны для той эпохи (когда понятия, обычаи, привычки еще не освоились с быстрым ходом социальной эволюции) и характерны были не только для круга офицеров: в той или иной мере такие ограничения наблюдались в кругу инженеров, педагогов, правительственных чиновников и т.д., то есть в группах, приблизительно столь же высокопоставленных, как офицерская.

Духовный облик офицерства

Для описания духовного склада офицерства и для сравнения его уровня с таковым же сходных кругов надо разделить тему на две: умственный склад и этический склад. В предвоенные годы уже исчезали офицеры из эстандарт-юнкеров (т.е. без военно-школьной подготовки) и становились процентуально все малочисленные офицеры с малым общим образованием: были упразднены окружные и юнкерские училища (куда вступали с аттестатом за 4 и за 6 классов гимназии), а все военные училища принимали только молодых людей с законченным средним образованием. Для поступления в специальные училища — артиллерийские и инженерное — требовалось сдать весьма строгий вступительный конкурсный экзамен по обширной программе математики. Программа военных училищ — двухлетняя для пехоты и конницы и трехлетняя для артиллерии и инженерных войск — давала и специальные познания, и надлежащее умственное развитие. Эти учебные заведения могли бы быть отнесены к категории «техникум»: они стояли посреди между средними и высшими учебными заведениями. В некоторой части российского народа, в так называемой интеллигенции, существовало мнение об офицерах как о недоучках, которых нельзя удостоить включения в интеллигентский слой граждан. А между тем в этом слое полноправно числились правительственные чиновники, т.е. люди в большинстве с 6 и 8 классовым образованием, банковские служащие, имевшие 7 классов коммерческого училища, народные учителя из семинаристов, не имевшие образования, равного гимназическому. Офицеры же имели образование выше гимназического: от поступления в первый класс средней школы и до получения подпоручьего погона они имели минимум 9 лет учения (корпус и двухлетнее военное училище) и максимум 11 лет (гимназия и трехлетнее специальное военное училище). И флотские офицеры обладали высоким умственным развитием. Называть офицеров неучами — значит клеветать. Если называть их неучами, то совершенными невеждами надо считать чиновничество, фи-

нансовых и промышленных служащих и все купечество вместе с промышленниками, ибо в этих общественных группах даже среднее образование было не очень распространено.

Какое бы образование ни получил человек, избравший поприще чиновника, финансового служащего, купца или промышленника, он следовал избранному путем, не утруждая себя ни чтением, ни пополнением своих познаний путем учения. Не было слышно, чтобы при банке или при правительственном учреждении существовала библиотека, а при каждом полку, артиллерийской бригаде непременно была библиотека, содержащая не только все русские военные журналы и газеты и множество русских военных книг, но и немало французских и немецких военных изданий, а также книги беллетристические и научные. И эти библиотеки не стояли лишь для украшения офицерского собрания, они давали материал для докладов, которые офицеры делали в присутствии всех офицеров части. Доклады эти входили в программу офицерских занятий, которые в каждом полку вел один из старших штаб-офицеров и которые имели предметом: тактику, уставы, технику стрельбы, а в иных полках — историю, право и т.д. Для расширения и усовершенствования офицерских познаний применялись разнообразные меры: прикомандирование офицеров пехоты к саперным батальонам, командировки в фехтовально-гимнастические школы и на специальные курсы. Получение должности ротного и батальонного (в пехоте), эскадронного и дивизионного (в коннице), батарейного (в артиллерии) командира обуславливалось успешным прохождением стрелковой, кавалерийской или артиллерийской школ, где было великолепно поставлено преподавание тактики и специальных познаний по соответствующему роду войск. По сравнению с нынешним временем, когда техника привела к созданию в войске множества специальностей, число курсов и школ в Российских Армии и флоте кажется малым, но оно соответствовало требованиям того времени и было вполне достаточным. Это доказывается опытом кампании 1914 года, когда оказалось, что все роды войск и флот были тактически на высоте требований, а в смысле искусства стрельбы — выше всякой похвалы (русские артиллеристы были лучшими стрелками в мире). Итак, профессиональные познания офицерства были отличны, уровень его образования — выше среднего уровня людей интеллигентских профессий. Что же касается офицеров с высшим военным образованием, то их нельзя считать ниже лиц, окончивших университеты и высшие технические учебные заведения. Постановка образования в военных академиях была образцовой. Военно-медицинская академия выпускала лучших в России врачей, которые занимали одну треть профессорских кафедр в медицинских факультетах всех университетов страны.

Военно-юридическая академия давала больше познаний, нежели юридические факультеты с их небрежным прохождением курса, академии Артиллерийская и Инженерная имели право гордиться своими слушателями: иные из них стали светилами науки, а все, окончившие эти академии, соединяли в себе высокие познания в применении на войне артиллерии или инженерных войск с отличным знанием артиллерийско-производственного или фортификационно-инженерного дела: эти ученые артиллеристы и эти военные инженеры не уступали ни в чем дипломированным специалистам, которые прошли курс институтов Технологического, Путейского или Гражданских Инженеров. Но офицеры, прошедшие высшую военную школу, имели то преимущество перед штатскими лицами с высшим образованием, что они получали не только знания, но и воспитание в дополнение к полученному в военном училище и в полку — гражданские же высшие учебные заведения давали мало воспитания, а университеты — никакого. В стороне от прочих военных академий стояла Императорская Военная академия (Генерального Штаба), слушатели которой получали очень основательные познания в тактике, оператике и стратегии и приобретали способность к командному мышлению и деланию. Поэтому умственный уровень среднего офицера Генерального Штаба можно сравнить лишь с умственным уровнем лучших из обладателей гражданского высшего образования. Что же касается этического склада офицерства, то его нельзя не признать достойным уважения. Офицера воспитывали в кадетском корпусе, военном училище, в полку, создавая и укрепляя сознание обязанностей пред Царем и Родиной и искореняя мысль о правах политических, о праве на собственное благосостояние и даже о праве на собственную жизнь. Готовность умереть за Россию была так всеобща в офицерстве, что при составлении мобилизационного плана в полку офицеры просили не назначать их на должности в тылу, в запасных полках, во второстепенных дивизиях, которые «может быть, не успеют сформироваться, как разыграется генеральное сражение». Офицер не имел права разбогатеть (не в пример купцу, адвокату, инженеру), не имел права располагать собою, потому что его «для пользы службы» переводили из одного конца России в другой. Офицер не имел права на отдых после повседневного труда: в любой день недели, в будни или в праздник, в любой час дня и ночи его вызывали для несения наряда, для спешной командировки, для выступления с войсковой частью в целях прекращения беспоряд-

ков, спасения пострадавших от стихийного бедствия. Конечно, врачи рисковали собой на эпидемиях, инженеры спускались в шахты, руководя спасением засыпанных рабочих, но это рассматривалось ими, если не как подвиг, то как действия особенные, в то время как в офицерском сознании идти в атаку на пулеметы или скакать на батарею, стреляющую картечью, было делом совершенно естественным, от офицерского долга проистекающим. Чувство долга надо считать величайшей из добродетелей в глазах государства. Наличие его желательно в каждом гражданине; оно необходимо во враче, священнике и офицере, но лишь в офицере выполнение долга равнозначно смерти. Врачи были этичнее адвокатов, потому что в них сознание долга — сильнее. Священники были этичнее педагогов, потому что в них сознание долга было более возвышенно. Офицеры были этичнее всех, потому что их сознание долга было напряженнейшим («не щадя жизни своей») и возвышеннейшим («...душу свою за други своя...»). Это не теория, это не лирика, это — действительность, подтвержденная тем непреложным фактом, что большая часть кадрового офицерства полегла на войне 1914-1917 гг., а оставшиеся в живых все, за малыми исключениями, были многократно ранены. В Лейб-гвардии Гренадерском полку из 75 офицеров убито 64; в 21-м Туркестанском стрелковом полку убито 80% кадровых офицеров. Эти два примера взяты наудачу, но все полки являют столь же страшную и восхищающую картину. Были полки, которые, вступив в поход 1914 г. под командою 60 кадровых офицеров, имели через год в строю только трех из них.

Выполнение долга вело к самопожертвованию в праздники офицерской службы, в боях и к добросовестности в ее будни, в повседневном исполнении обязанностей. Было бы неправдой сказать, что все офицеры были образцом во всех отношениях, но можно утверждать, что небрежных к службе, недобросовестных офицеров почти не было, а если и были, то общим осуждением им со стороны сослуживцев стало наименование «ловчила». К ловчению относилось неаккуратное посещение службы, уклонение от тягостных командировок или нарядов и т.д. Но если не обращать внимания на этих одиночек (в семье не без уроды), то надо сказать, что офицерство несло службу ревностно, исправно и подтянуто — не было ни внешней, ни душевной расхлябанности. Этим офицерство выгодно отличалось от многих иных профессиональных групп, где внешняя небрежность не считалась зазорной, и от тех немногих профессиональных групп, где основными принципами было: «не обманешь, не продашь» или «от трудов праведных не наживешь палат каменных». Даже та категория офицеров, которая в Русско-японскую войну заслужила суровые упреки — интенданты — в последующие годы была приведена в порядок и в войну 1914-1917 гг. оказалась на высоте этических требований.

Офицеры носили форму на службе, вне службы, дома, в отпуску, и это постоянное пребывание в мундире было непрестанным напоминанием офицеру, что он всегда находится на службе Его Величества. Офицер всегда был при оружии, и это свидетельствовало о том, что он всегда готов обнажить это оружие для чести и славы Родины. Это символическое возвышенное в жизни, в сознании офицера не могло быть подавлено ни привычкой к службе, ни повседневными мелочами в выполнении ее. В моральном отношении корпус офицеров стоял на высоте, возвышавшейся над всеми. Воспитанные в понятиях рыцарской чести офицеры, как зеницу ока, берегли честь мундира, честь полка, свою личную честь. Блюстителем офицерской чести являлся в каждом полку Суд Чести (были и особые Суды Чести для генералов), избираемый обществом офицеров полка. Избирали всегда достойнейших. Суд Чести всегда тактично и справедливо разбирает недоразумения и ссоры между офицерами (кроме чисто служебных случаев, подлежащих рассмотрению в командном порядке), предписывал офицеру то или иное поведение при инцидентах с невоенными лицами и являлся постоянным напоминанием офицеру о необходимости вести себя с честью во всех случаях жизни — в войсковой среде и вне ее. Суд Чести примирял, заставлял провинившихся извиниться пред обиженными, оскорбленными или находил необходимой дуэль. Для людей со слабо развитым чувством чести дуэль — варварство, но для офицера готовность стать под пулю ради защиты чести (своей или взятого под защиту лица, или своего полка, или своей Родины) была доказательством чести. Постановления Суда Чести были безапелляционными:

никакая власть и никакой суд не могли отменить или изменить их. Это право принадлежало лишь Верховному Вождю, Царю, но Он им никогда не пользовался. Суд Чести судил проступки (неслужебные) офицера и, найдя его виновным, мог потребовать его ухода из полка и даже ухода с военной службы: бесчестных не терпело офицерство в своей среде. Нередко можно было слышать мнение, что в офицеры шли или те, кого привлекала красота мундира, или те, кто не имел финансовой возможности получить какое-либо иное образование. Верно, были и те, и другие, но военная школа, где воспитание было поставлено великолепно, и полковая среда, продолжавшая это воспитание, и войсковой

быт, и войсковая служба превращали и этого поверхностного человека, любителя формы, и этого бедняка, вынужденного пойти по пути бесплатного военного образования, в воина до мозга костей. Военная служба не была профессией как служба чиновника в том или ином «присутствии», департаменте, округе и т.д. Военная служба увлекала, захватывала человека. В годы Великой войны в армию влились десятки тысяч студентов со всех, даже старших курсов университетов и высших технических учебных заведений, т.е. люди уже сформировавшиеся в своих гражданских, штатских структурах. И они так прониклись духом войска, что в эмиграции не оторвались от кадрового офицерства, но слились с ним. Они стали настолько офицерами, что, невзирая на свои специальные, высшим образованием и профессией в эмиграции созданные интересы, пошли в большом числе на Высшие Военные курсы генерала Головина (Париж и Белград в 30-х годах).

Какова бы ни была причина поступления молодого человека на военную службу (в предвоенные годы) — увлечение ли внешним блеском, финансовые ли обстоятельства, семейная ли традиция или сознательное влечение — все становились офицерами по призванию. <...>

Е. Месснер, С. Вакар, Ф. Вербицкий, В. Гранитов, С. Каширин, А. Петрашкевич, М. Рожченко, В. Цешке, В. Шайдицкий, И. Эйхенбаум. Российские офицеры. — Буэнос-Айрес: Южно-Американский отдел Института по исследованию проблем войны и мира имени генерала, профессора Н. Головина, 1959.

А. Апухтин

КОМАНДНЫЙ СОСТАВ АРМИИ

В наши дни строевому офицеру трудно разобраться в той массе печатных произведений, которые посвящены рассмотрению вопросов, близко касающихся нас всех, носящих военный мундир. Неудачи, постигшие армию в последнюю войну, были неожиданны. Весьма естественно, что все способные мыслить стараются найти причины этих неудач. Каждый хочет быть критиком всесторонним, всеобъемлющим, не справляясь с собственными силами, т.е. с имеющейся налицо подготовкой теоретической и с той степенью боевой практики, которая выпала на долю критикующего.

Руководящим мотивом всех этих печатных трудов является признание необходимости коренных реформ армии: ее организации, комплектования, формирования, ее сложной хозяйственной машины. С этим в большинстве случаев нельзя не согласиться, *но вот о роли современного офицера и начальника вообще следует предварительно поговорить более подробно.*

Если прислушаться к тому, что теперь пишут и кричат по этому поводу, то оказывается, что все мы должны служить не так, как прежде. Невольно задаешь себе вопрос: как же именно? Для разрешения этого жгучего вопроса стараются открыть новые истины, установить новые принципы. Выходит, что все, чем мы руководствовались до войны, надо забыть, все приходится создавать наново. Мне кажется, что подобное настроение можно объяснить той острой болью нравственного унижения, которую все мы пережили во время войны и непосредственно вслед за ее окончанием. <...>

Неужто на всем протяжении тысячелетней истории нашей армии нет ничего светлого, чем должно руководствоваться и в наши дни? Не будем особенно углубляться в седую старину, но выдвинем из нее яркий облик полководца и воспитателя русской армии Суворова. Возьмем всеми признанного учителя и воспитателя армии, нашего современника Михаила Ивановича Драгомирова. Если вчитаться и вдуматься в их поучения, я уверен, можно извлечь многое из того, чем должен руководствоваться современный офицер-начальник. К сожалению, мы обладаем несчастным свойством хорошо забывать то, что следовало бы всегда помнить.

Роль офицера-начальника у французов тоже подвергается обсуждению печати. Выдающимся произведением по этой части надо считать труд французского писателя Andre Gavet под заглавием «L'art de commander»¹.

Талантливый автор мне неизвестен, но, несомненно, он из лучших офицеров французской армии.

Его книга вышла вторым изданием в 1905 г., а значит совершенно современна. В дальнейшем изложении я остановлюсь на содержании этой книги. В сущности говоря, в ней нет ничего нового для тех, кто, выучившись в свое время, не только не забывает пройденных курсов, но, постоянно размышляя о своем деле, продолжает в нем совершенствоваться.

Командование — профессия офицера

Гаве говорит, что офицер — это тот, кто командование (начальствование) сделал своей профессией. Не может быть настоящим офицером не умеющий быть начальником. Умение командовать — неотъемлемая обязанность офицера. Вне армии командования нет нигде. В армии же командуют только офицеры. Начальствующие нижние чины принимают в этом лишь некоторое участие, помогают офицеру в деле выполнения мелочных обязанностей повседневной службы. От офицера требуется в силу носимого им звания командование, являющееся плодом специального, основательного изучения. Он должен овладеть искусством командования. Требование это предъявляется офицерам всех служебных степеней.

Служебный авторитет унтер-офицеров, конечно, опирается на те же предписания дисциплины и субординации, и закон одинаково карает неповиновение начальствующим нижним чинам, но общее обоим дело командования офицер и унтер-офицер выполняют различно. Для первого командование — искусство, принципы коего ему известны, для второго — ремесло. Везде со званием хорошего офицера связана идея основательной учебно-воспитательной подготовки. Люди, лишённые этого, не

¹ Андре Гаве. «Искусство командовать» (ред.).

сумеют возвыситься над влиянием традиций, обычаев, рутины той жизненной обстановки, в которую они попадут. Их нравственная личность не сформировалась, они не выработали способности основывать свои поступки на разумных принципах. От них можно потребовать лишь добронравия, мужества, энергии и способности скромно руководствоваться тем, чему их будут учить.

Для командования нужно более, а именно, нужна большая привычка к жизни интеллектуальной, чтобы с полной уверенностью переходить от мысли к делу. Надо быть готовым с полной решимостью руководствоваться теми высшими принципами, которые только и остаются нашими двигателями во время войны, когда практики казарм и учебных плацов остаются сбитыми с толку, беспомощными, инертными. В бою авторитет начальника нередко основывается на доверии, которое внушают его качества, интеллектуальные и моральные. Чувствуется, что он обладает высшей тайной, высшим умением принять то решение, которое не могут подсказать всем известные правила.

В грозной боевой обстановке начальнику придется командовать посреди общего смятения. Он это выполнит, если обладает принципами теории высшего искусства и если его воинское воспитание дало ему способность с полным доверием к себе и с полной решимостью переходить от теоретических выводов к делу.

Где же и как офицеру учиться искусству командования? По-видимому, ответ прост. Он изложен в уставе, устанавливающем принципы субординации. Но это не все. Понятия «субординация» и «командование» охотно принимаются одно вместо другого, потому что принципы субординации поставлены на первом плане, хорошо освещены, их легко и удобно применять, тогда как о принципах командования уставы не дают точных и определенных указаний, а потому требуется собственное по сему поводу размышление. Не имея же привычки вдумываться в свое дело, считают, что служба обязывает субординировать возможно более своих подчиненных и субординировать возможно полнее самого себя относительно своего начальника. Такой взгляд приводит к мысли, что следует самому отказаться от всякой инициативы и убить ее в своих подчиненных.

Принципы командования не формулированы уставами, а потому каждый офицер должен выработать их себе путем изучения и размышления. Последнее необходимо; в серьезных обстоятельствах, когда, например, нужно решиться или пожертвовать своей частью, или рисковать поражением, каждый руководствуется лишь теми принципами, которые стали его собственными или проверены на опыте. Такая же уверенность в правильности принятия основных принципов командования необходима и в обыкновенной служебной обстановке. От нее зависит и самое отношение офицера к своему делу. Надо помнить, что человек интеллигентный никогда не берется за выполнение задачи, которой не понимает.

Задача командования нелегка и далеко не всем по плечу. Для удачного выполнения этой задачи офицер должен обладать *тремя основными качествами*: интеллигентностью (сумма познаний), силой воли (характер) и чувством долга.

Знание указывает путь, по коему нужно следовать, характер — сила,двигающая нас по этому пути, а чувство долга — это та живая сила, которая заставляет достигать поставленной себе цели во что бы то ни стало, невзирая на препятствия, по пути встречающиеся. Из чувства долга вытекает необходимость самоотречения и подавления таких чувств, как себялюбие, тщеславие и обидчивость.

Личности начальника принадлежит выдающееся значение в деле командования. Беда, если начальник считает себя предназначенным исключительно к восприятию почестей, присущих не ему, а занимаемой им должности. Характер отношений к подчиненным тогда сводится к нетерпимости, недоступности, к нанесению незаслуженных служебных оскорблений. Появление такого начальника вызывает лишь страх и убивает в подчиненных всякое желание самостоятельно работать на пользу общего дела. Другой, заботясь о проявлении своих талантов, действительных или воображаемых, напускает на себя важность, думая, что это качество составляет неотъемлемую принадлежность великих полководцев. <...>

Класть в основу командования частью всяческие фокусы — дело опасное и недостойное офицера. Командование должно быть искренним, закономерным и строгим, если хотят, чтобы оно было воспитывающим, нравственным и сильным. Зачем прибегать к приемам ложным и безнравственным, если само Дело столь просто и почетно?

Чтобы хорошо командовать частью, надо, забыв о себе, проникнуться сознанием долга и помнить, что *часть готовят не боя парад, а для боя*. Вот верный путь командования частью; желательно, конечно, внешнее поощрение в виде наград и служебного повышения, но не этим побуждается человек возвышенных нравственных качеств. Отдаться полностью своему делу, смотреть всем прямо в глаза,

ни перед кем не кланяться, создавать и обучать со страстью ту силу, которую когда-нибудь призовут на службу Родине — вот дело офицера. Оно включает в самом себе удовлетворение высокое, ни с чем не сравнимое. Такое понимание своего дела зажигает в душе деятеля священный огонь, который навсегда осветит ему служебный путь. Без этой искры Божьей в душе легко охладеть к делу и понемногу на все махнуть рукой, заботясь лишь о собственном благополучии, предоставляя работу желающим, которых такие люди считают наивными и неловкими. Это душевное состояние Гаве характеризует непереводаемым выражением «jemenfichisme».

Это отрицательное качество составляет ужасную язву армии. Чаще всего оно является последствием плохого воспитания и житейских излишеств, которые отдаляют человека от идеала и ослабляют его волю. Jemenfichisme и является следствием нравственной слабости, которую обыкновенно стараются скрыть под видом неумолимого скептицизма. Что же касается отвращения от своего дела, то оно может овладеть и благородной душой, как причина, идущая извне и зависящая от недостатков организации работы или командования вообще. Бывает, что начальник своими неумелыми требованиями отбивает охоту к службе, но подчиненные могут в этом случае найти только сочувствие, но не оправдание, ибо чувство долга должно быть развито одинаково у начальников всех степеней.

Ошибки командования реже всего зависят от недостатка интеллигентности, который сказывается далеко не так серьезно, как недостаток самоотречения. Часто внешняя, несерьезная интеллигентность даже вредит делу. Такие интеллигенты являются критиками быстрыми, решительными, но несправедливыми. Они никого не хотят слушать, ничего не изучают, считая, что обладают всеми познаниями в избытке.

Нам нужна интеллигентность истинная, серьезная, но и она принесет пользу делу только в том случае, если ее обладатель этому делу предан. Начальник, лишенный настоящей интеллигентности, способен наделать массу ошибок, ибо не обладает широким умственным кругозором. Он усваивает лишь то, что находится пред глазами и функционирует машинально. Такие начальники чувствуют себя несчастными в деле маневрирования, немилосердно путают и обыкновенно стремятся отделаться от инспектирующего блестящим учением на пяточке да идеальным внешним порядком в казармах. Они же чувствуют пристрастие к расположению служебной переписки. Они понимают необходимость передвижения частей отнюдь не в целях маневренных, а исключительно для парадов и потому преданы искусству набивания ноги. Обучение стрельбе ведут исключительно к достижению высоких процентов. Эти люди упускают из вида, что цель и смысл существования армии — война. Они стараются об этом не думать, полагая, что о войне следует заботиться тогда, когда она объявлена, а куда надо стараться удовлетворить требованиям мирного времени. Если в армии служба поставлена в таком направлении, то неудивительно, что войска, забыв о своем назначении, превращаются в войска казарменные, гарнизонные, плацпарадные, но отнюдь не в боевые. Интеллигентность и высшая нравственность и нужны войскам в мирное время, чтобы не утрачивалась способность армии реагировать против рутины и поддерживать готовность к борьбе.

Еще реже встречаются характеры, способные неустанно работать над самим собой для выработки полного самообладания. Начальники без этого качества легко поддаются влияниям всякого рода, а командование частью, конечно, чувствительно страдает. Чем выше начальник, тем больше вред, наносимый недостатком характера, недостатком той силы воли, которая заставляет начальника вести по должному пути командования и самого себя, и подчиненные ему войска.

Самым главным качеством офицера остается чувство долга, которое больше и лучше всего заставляет человека как приобретать необходимые ему познания, так и работать над своим характером. Люди, стремящиеся к богатству или к достижению известности, не могут понять подчинения своих личных интересов чувству долга, что нередко равносильно самоотречению. В этом ничего нет удивительного, ибо сознательное отречение от собственных интересов или даже подчинение их высшей идее долга есть подвиг, который далеко не всем по плечу. Совершение этого подвига добровольно берет на себя весь командный состав армии, т.е. весь корпус офицеров.

Командование будет делом простым, законным и тем более прочным, чем более оно *искренно*. Начальник, которого знают действующим всегда и везде во имя долга, тем самым приобретает авторитет непоколебимый. Показывая себя тем, что представляет собой на самом деле, начальник действует просто, наиболее верно и достойно. Никогда не следует обманывать свою часть. Если в тяжелой боевой обстановке начальник считает нужным скрыть от своих людей возможность критического положения, то это не обман, а прием, который можно сравнить с той осторожностью, с которой обыкновенно сообщают семье о несчастье, постигшем одного из ее членов. Здесь хитрость извинительна,

ибо имеет в виду человеческие нервы, которые могут не выдержать внезапности тяжелого известия. В нормальной обстановке даже и такая ложь, конечно, не должна допускаться.

Одним из лучших способов утверждения в умах подчиненных идеи о том, что власть начальника для них нравственно-обязательна является *личный пример начальника*, основывающего свои отношения к подчиненным *на почве строгой законности*. Необходимо, чтобы весь командный состав армии проникся сознанием равенства всех и каждого пред долгом службы. Ни в ком не должна зарождаться мысль, что по мере восхождения по ступеням служебной иерархии офицер все более освобождается от нравственных и служебных обязательств, становясь существом особого сорта, который может не стесняться себя узаконениями, предназначенными для мелкоты. Начальник, не желающий с этим считаться, может долго обманывать себя наружными знаками почтения и исполнительности, которые всегда проявляются подчиненными. Тем горше будет для него разочарование в те минуты, когда ему понадобится служба войск не за страх, а за совесть. <...>

Пусть наши подчиненные будут усердны, решительны, предприимчивы, горды. Эти качества надо развивать, ибо на них зиждется командная сила. Лучше простить проявление дурного настроения или гордости, чем какую-либо незаконность, сделку с совестью, нечистый поступок.

Характер отношений начальника к подчиненным

Начальник должен усугублять нравственные силы подчиненных тем гордым сознанием своего достоинства, которое дается, когда начальник не упускает случая, особенно публично, оказать подчиненным знак своего внимания и уважения. Они имеют на это право, которое им дает носимое ими звание. Огромную ошибку делают те начальники, которые третируют младших, как мальчишек или как величину, не имеющую значения. Откуда у них возьмется любовь к службе, если начальство как бы говорит, что они ни на что не годны и вся их деятельность ничего не стоит?

Служебные отношения должны всегда основываться на той особой воинской вежливости, которая одновременно свидетельствует о достоинствах отдающего приказания и исполняющего их.

Необходимые в мирное время, эти формы обращения, спокойные и соразмеренные с обстановкой, приобретают особую ценность в критические минуты боя. Они показывают, что высший начальник находится в состоянии полного самообладания, они производят впечатление командования уверенного, строгого, вдумчивого. Конечно, всякая грубость относительно младшего в присутствии войск должна быть воспрещена. Что касается оскорблений, то их воспрещает закон. Но ведь кроме прямого оскорбления начальник может, разбирая ошибки подчиненных, допустить такие насмешки, такой извод, что обижаемый не будет знать, куда деваться. Это тем более непозволительно, что подобная манера обращения не дает повода младшему принести формальную жалобу и заставляет его молча слушать, ибо закон воспрещает возражать начальнику, делающему замечание по службе. Надо говорить с подчиненными как с сотрудниками, которые находятся у говорящего в полном подчинении, но все же не нуждаются, чтобы им напоминали при всяком удобном и неудобном случае об их обязанностях субординации.

Необходимо внимательно принимать и отдавать честь. Небрежность начальника в этом отношении показывает, что он, злоупотребляя властью, манкирует одновременно и дисциплиной, и вежливостью. В общем, надо интересоваться своими младшими сотрудниками и сделать их существование не только возможным, но и достойным.

Чувство личного достоинства — это сила, как для простого солдата, так и для офицера, это элемент энергии, а потому не следует пренебрегать никакими средствами, чтобы увеличить эту силу в сердцах солдат. Очевидно, сколько необходимо осторожное, бережное обращение с этой силой, которую ведь можно и привести к нулю грубостью, ненужной строгостью, запугиванием. К сожалению, существует мнение, что подобное обращение необходимо во имя дисциплины. Стоит ли доказывать, насколько подобное убеждение ложно? Можно лишь пожелать этим господам, чтобы им не довелось разубедиться под давлением горького боевого опыта.

Если закон предписывает начальнику относиться со вниманием к каждому из его подчиненных в отдельности, то тем более это требуется относительно личности собирательной, каковой является воинская часть. Начальник не должен себе позволять появляться перед частью с видом равнодушия или, еще хуже, — небрежности, а также проявлять бесцеремонность относительно младших. Надо помнить, что люди состоят на службе не у данного начальника, а служат своему Верховному Вождю и Родине. Обладая необходимыми личными качествами и воспитывая подчиненных в вышеуказанном направлении, начальник вправе надеяться, что он будет работать не один, а найдет целый ряд достой-

ных помощников, которые все вместе с ним направят общие усилия к одной цели — к усовершенствованию боевой подготовки данной части.

Такой результат будет, впрочем, достигнут, если начальство не только заботится об усовершенствовании личных качеств каждого из своих подчиненных в отдельности, но и заставляет их конкурировать между собой, *предоставляя каждому в общем деле ту часть самостоятельной работы*, на которую он имеет право по своему служебному положению. Всякий, достигший офицерского звания, должен носить свои эполеты не как простое украшение, но как внешний знак, представленный ему по закону власти, с которой сопряжен известный круг деятельности. Начальство следит за его службой и учит, когда это нужно, но ему должно быть предоставлено определенное дело. В этом его право, его законная гордость. В сущности, *вмешательство начальника в круг обязанностей младшего является злоупотреблением власти и крайне вредно*. <...>

Воинская часть — не бесформенная масса. Задача начальника не в том, чтобы свою часть двигать или останавливать при помощи своих единоличных сил. Наиболее усердные и преданные делу начальники сознают свое бессилие выполнить подобную задачу. Часть функционирует при помощи своей организации, и дело начальника обеспечить правильный ход этого организма. Если начальник не выполняет этой задачи, бросается из стороны в сторону, он сам нарушает правильность организации. Надо помнить, что в бою большой начальник почти никогда не попадает на тот именно пункт, откуда грозит опасность, ибо зачастую она возникает неожиданно. Неприятель появился перед заставой — распорядиться придется начальнику заставы, а не высшему начальству. В бою, под огнем, части наступают, увлекаемые примером младших офицеров и начальствующих нижних чинов. Так нельзя же высшему начальнику развлекаться мелочами, необходимо позаботиться, чтобы весь организм в своей совокупности умел действовать. Поэтому, если замечается учащение случаев нарушения дисциплины, нельзя ограничиться последовательным наложением взысканий за проступки, которые отошли в область прошедшего, а надо внимательно исследовать причины подобного явления, чтобы определить, не нуждается ли организация части в особом лечении.

Итак, войска должны состоять из единиц не механических, а органических. Если они способны лишь принимать и исполнять волю начальника, как ружье, стреляющее только при надавливании пальца на курок, они лишь массы инертные, им надо еще проникнуться самодеятельностью и жизнью.

Воевать с частью, выдрессированной на постоянном ожидании приказаний, — это почти то же, что на охоте заменить живых собак механическими куклами. Чтобы часть жила своей внутренней жизнью, начальник должен всячески *развивать в среде своих подчиненных дух инициативы*. Пусть в данную минуту результат работы, начатой по собственной инициативе подчиненного, окажется не совсем удовлетворительным. С этим надо помириться, ибо результат каждого дела можно исправить. Гораздо опаснее в нашем деле нерешительность, боязливая растерянность, неспособность принять на себя ответственность за свои распоряжения. А эти ужасные свойства непременно соведут себе прочное гнездо в армии, если начальство желает лично выполнять всю ту работу, которая выпадает на долю совокупной деятельности его сотрудников-подчиненных. В прежнее время полагали, что в армии инициатива составляет прерогативу главнокомандующего. Полагали, что он один вправе начинать или останавливать всяческую деятельность войск.

Проявление со стороны младшего инициативы почиталось недостатком субординации. Гаве говорит, что ошибочность этого взгляда была одной из трех или четырех существенных причин поражения французской армии в 1870-1871 гг.

Невольно напрашивается вопрос: ну а как было у нас в Маньчжурии? Обстоятельный ответ вывел бы меня далеко из пределов намеченной программы сообщения, а потому отвечу вкратце: проявление самодеятельности было случаем крайне редким и не поощрялось.

Да, надо признать, что инициатива — один из элементов победы и препятствовать ее проявлению, подавлять ее в мирное время — преступно.

Но для развития этого существенного боевого качества надо зорко следить, чтобы офицеры действительно имели практику в командовании частями, чтобы не удалялись от этой важной работы под различными благовидными предлогами. Офицер, не практикующийся в командовании, перестает о нем размышлять, в строевом смысле деморализуется. Надо помнить, что наша профессия ревнива, она не желает ни с кем делиться. Кто от нее уходит, тот становится к ней неспособен. <...>

Все предыдущее исследование принципов командования позволяет сделать нижеследующую сводку: командование есть обязанность, оно безлично, нравственно и законно. Оно основывается на

чувстве долга и преданности делу. Оно должно быть органическим, а не тираническим; начальник работает не один, а с помощью совокупных усилий своих младших сотрудников, деятельность коих направляет к достижению единой цели. Командование и подчинение суть два атрибута одинакового достоинства, две крайности — высшая и низшая — одной, общей тем и другим, обязанности службы родине. Самоотречение есть высшее из качеств, необходимых как начальнику, так и подчиненному.

Теперь перейдем к рассмотрению применимости этих принципов в жизни всей армии в ее совокупности, а прежде всего постараемся определить, что такое армия и какова ее роль, ее назначение в жизни государства.

В период борьбы нравственным законом армии является коллективная воинская честь. Чувство чести — один из элементов силы армии; армия сильна чувством уважения, которое она сама себе внушает, сознанием готовности сделать все, что от нее требуется, уверенностью, что она оправдывает надежды, возлагаемые на нее Царем и Отечеством. Эта высшая уверенность основывается на чувстве безусловной преданности Верховному Вождю и Родине, на храбрости и на чувстве самоуважения, которое проявляется в законности, порядочности, скромности, снисхождении к побежденному врагу. Из этих элементов и создается воинская честь.

Армия функционирует при помощи взаимодействия всех своих элементов, как отдельных лиц, так и коллективных единиц, т.е. отдельных частей. Вся деятельность армии основывается на чувстве долга, составляющего одно из прекраснейших свойств человеческой души. Но для того чтобы масса, одушевленная этим чувством, могла правильно жить и действовать, она должна быть организована. <...>

Жизнь и деятельность государства осуществляется при помощи целого ряда органов. Орган, представляющий его силу и предназначенный для борьбы, называется армией. Государство не может обойтись без войны, а потому для армии во всей ее совокупности и для каждого лица, входящего в ее состав, война является безусловным долгом пред Отечеством. *Армия ответственна только за ведение борьбы с врагом и не входит в рассмотрение причин и последствий войны. Единственный нравственный закон, которым армия руководится во время борьбы с врагом, — это ее воинская честь.*

Начальники должны уметь и подчиняться, и командовать. То и другое необходимо на всех степенях иерархии, составляет наше право и нашу обязанность и является существенным условием функционирования воинского организма. Отступать от обязанностей командования в силу каких-либо личных соображений и выискивать предлоги для уклонения от обязанности повиновения — одинаково бесчестно. Изложенное понятие о субординации, если и находится в некотором противоречии с определением уставным, то противоречие это чисто внешнее, по форме, а не по существу. Если устав понимает субординацию только с одной стороны, т.е. как безусловное повиновение, то устав же требует от начальника «избегать всякой неуместной строгости, неоправдываемой требованиями службы». Значит, устав обязывает вести дело командования, сообразуясь с требованиями службы, подчиняет его этим требованиям, а в этом-то и заключается суть дела.

Вдумавшись в это требование устава, мы никогда не позволим себе третировать наших подчиненных, как каких-то низших существ, а будем помнить, что если волею судьбы в настоящую минуту они стоят ниже нас на иерархической лестнице, то это еще не значит, что они там останутся на всю жизнь. Напротив, лучше считать, что они вполне достойны не только догнать, но и перегнать нас, если мы сами не проявим способности дальнейшего движения.

Армия хранит источники своей силы в себе

Армия не будет живым организмом, если ее деятельность явится результатом исключительно предписаний, исходящих от высшего, центрального ее управления. В этом случае она будет функционировать, как машина, т.е. бессознательно, слепо, хотя и регулярно. С таким положением можно мириться в мирное время, но не далеко уйдем во время войны, когда от нас потребуются воодушевление собственной высшей энергией, проникшей не только в командный состав, но и во всю массу. Элементы этой энергии: инициатива, активность, умственная и нравственная, чувство чести личной и корпоративной, чувство гордости личной и гордости своим званием воина, а главное, сознанием общего долга. Вот силы, которые должны быть развиты и сохранены в армии. <...>

Самые совершенные приказы и инструкции высшей командной власти останутся гласом вопиющего в пустыне, если масса не проникнута живой внутренней силой. Представим себе, к чему приведет высшее командование в разгар боя, когда масса разбросана в беспорядке и чувствительно разрезается неприятельскими пулями. Едва ли можно рассчитывать на правильную иерархическую пере-

дачу приказаний, когда то и дело начальники всех степеней выбывают из строя. Кто возьмет на себя лично высшее командование в такие минуты, кто в состоянии парировать все случайности своевременно отданными приказаниями? Да, когда части, увлеченные боем, перемещаются, управление из рук высшего начальства ускользает. Тут-то проявляет себя та внутренняя живая сила, которую каждый несет в своей груди, особенно унтер-офицеры, а главное, офицеры. В эти критические минуты офицеры являются теми, кто знает, в чем состоит его долг, и должен своим личным примером это показать. Вообще, при всякой боевой обстановке нужно, чтобы каждая часть до мельчайших подразделений реагировала на действия противника и противодействовала им немедленно, не ожидая приказаний свыше, а по собственной инициативе, вполне сознательно. Достигнуть этого нелегко, это дается соответствующим воспитанием мирного времени. Когда армия проникнута сознанием долга настолько, что о нем не нужно напоминать, можно считать, что она обладает воинским духом. Благодаря воинскому духу здоровая армия сознает себя жизненной и способной к работе. Как бы ни было могущественно и авторитетно высшее командование, его недостаточно, если этим духом не проникнут каждый солдат. Нужно, чтобы часть, лишившаяся своих начальников, была способна к продолжению боя, чтобы воля каждого отдельного бойца была в согласии с остальными и чтобы эта как бы объединенная воля направлялась тем внутренним духом, который ее живит.

Наличность воинского духа, конечно, не может заменить командования, которое является как бы организованной волей армии. Воинский дух можно уподобить тем таинственным, инстинктивным силам, которые обеспечивают деятельность наших собственных органов, хотя мы о них и не думаем. Часть, воодушевленная воинским духом, все же не может обойтись без начальника. Всегда останется необходимость в направлениях стратегическом, тактическом и моральном.

Конечно, небольшая часть, скажем, рота или батальон в простейших случаях боевой обстановки обойдутся одним одухотворяющим их воинским духом, например, дружно отобьют атаку или энергично бросятся на подвернувшийся небольшой отряд противника, но в высших соединениях командование является неизбежным, ввиду необходимости управления всей совокупностью элементов, входящих в состав армии. К сожалению, всегда и везде находятся начальники, не только не способствующие развитию воинского духа, но прямо-таки его подавляющие. Обыкновенно это люди неразвитые, авантюристы, лишённые нравственных достоинств, достигшие высоких чинов или благодаря недостаткам системы выдвижения достойных начальников, или составившие себе репутацию в нетрудных войнах и экспедициях. Как выскочки, эти господа, естественно, стараются давить и угнетать всех, обладающих истинными воинскими достоинствами, но имеющими незадачу служить под таким начальством.

Упадку воинского духа могут способствовать и собственные воинские узаконения и распоряжения. Случается, что командный состав превращается в административный. Генералы перестают командовать вверенными им частями, занимаются перепиской, отчетностью, делаются главными начальниками своих штабов и управлений. Бывало у нас, что части только числились на бумаге, а в действительности по два месяца занимались вольными работами. Задавленное бумажной работой начальство, можно сказать, из-за деревьев не видит леса, т.е. упускает из своих рук дело командования, отклоняется от своего прямого назначения.

Тут конец развитию энергии, духа инициативы, преданности долгу, мужества. Нравственные качества не идут в счет и даже стесняются, ибо, как силы духовные, не поддаются воздействию администрации.

Проникая во все слои и подразделения армии, воинский дух специализируется по родам оружия, а также проявляется в чувстве принадлежности к одной части. Как то, так и другое приводят к большей сплоченности родов оружия и отдельных частей войск. В этом есть хорошие и дурные стороны. Хорошие, потому что вырабатываются известные традиции, которыми как род оружия, так и отдельные части справедливо гордятся, но есть и дурные, а именно: обособленность родов оружия и отдельных частей, недостаток общей связи. Забывается, что армия составляет единое целое и все элементы, ее составляющие, должны стремиться к совокупной, дружной работе, взаимно помогать друг другу в стремлении к достижению победы, в коей — высший смысл существования армии. Борьба с этой дурной стороной Дела, поскольку она проявляется в жизни армии, должна всецело лежать на обязанности высшего командного состава армии.

Чувство товарищества — это одна из форм того же воинского духа. Мы должны любить и уважать друг друга, потому что совместно служим одному делу, откуда и рождается солидарность и преданность друг другу. Товарищество проникает всю массу армии и может существовать между чи-

нами, стоящими на далеко не равных ступенях служебной иерархии, если, *lorsq u' iis ont le coeur bien place*¹, как говорит Гаве.

Но товарищество может быть вредно, если во имя его допускаются разные служебные послабления. Функционирование всей армии обеспечивается выполнением своих обязанностей целой массой отдельных лиц. Каждая из этих обязанностей, взятая отдельно, кажется не особенно важной по непосредственно достигаемому результату, но недобропорядочное уклонение от своего дела, хотя бы и небольшого, может внести в организм семени разрушения. Поэтому и относиться к службе товарищей надо, руководствуясь исключительно чувством долга.

Чувство сплоченности также проистекает из воинского духа. Люди сознают, что группировка их отдельных сил превращает их в новую, серьезную силу. Они понимают значение совокупных усилий, убеждаются, что эта совокупность действительна, проявляется рельефно, и доверяют ей. Не может быть сплоченности в части, собранной наскоро, отовсюду: люди не знакомы между собой и не доверяют друг другу. Такие импровизированные войска есть сброд, которым офицеры управляют с громадным трудом и который только и помышляет разбрестись, ибо каждый рассчитывает лишь сам на себя. Сплоченность есть дело воспитания войск и возникает под действием целого ряда внутренних сил. Тут и уважение к своей форме, к знамени и Начальнику, тут и самоотречение, начиная с борьбы с собственным, личным самолюбием, а далее — пренебрежение к утомлению, голоду, холоду, к ранам и самой смерти.

Но над всей совокупностью нравственных сил, составляющих жизненную сущность армии, господствуют две *главные воинские добродетели* — *дисциплина и воинская честь*, которые выше всего, ибо составляют основу нравственного существа армии. Профессиональная воинская честь основывается на чувстве чести вообще, свойственной не только воину, но и всякому человеку. Воинская честь, личная или корпоративная, есть высшее проявление нравственных качеств отдельного бойца или целого полка. Непоколебимая верность Царю и Отечеству, своему знамени, храбрость и дисциплина — вот главнейшие основы специальной воинской чести.

Назначение корпуса офицеров — быть очагом жизнеспособности армии

Как выше было сказано, офицер — это тот, для кого командование является профессией. Командовать — значит управлять, т.е. определять и обеспечивать успешность функционирования военного организма. Для командования офицеры привлекают всех к совокупной работе именем общего долга. Обладая авторитетом непоколебимым, офицер имеет в своих руках, в известной мере и в известных обстоятельствах, как бы полномочия Верховной власти.

Во всякое время относительно граждан, сделавшихся солдатами его части, офицер имеет право исключительное, право на абсолютное повиновение, право наложения наказания. В известных же случаях, в военное время, закон признает за ним право жизни и смерти.

Закон делает офицера особой священной. Поднять руку на офицера — не проступок, а тяжкое преступление.

Характерная черта звания офицера — это принятые им на себя обязанности, которыми он проникается, которым себя посвящает. Конечно, всякая и государственная, и частная служба сопряжена с принятием на себя служащим обязанностей, но громадная разница заключается в том, что лишь офицер обязывается нести службу не только в мирное время, но и в бою, невзирая на раны и самую смерть. Можно избирать какую угодно профессию, по части торговой, промышленной и проч., но профессию офицера нельзя избрать, ей надо себя посвятить. Прежний взгляд на офицера как на специалиста по части владения оружием ныне не применим, ибо в наши дни недостаточно уметь драться, чтобы командовать в рядах вооруженного народа. Военачальник является и начальником той части народа, которая вверена его командованию, а потому должен быть *руководителем своих людей во всех отношениях, являя им собой личный пример*.

Офицер — не только начальник той или другой части, он принадлежит профессионально всей армии и в смысле военного дела находится при исполнении служебных обязанностей всегда и везде. Каждый офицер ответствен за выполнение тех жизненных принципов, которые составляют силу армии; везде, где он находится: в своем ли полку или в другом, в общественном месте, на улице, — он обязан вмешаться и привести в порядок нарушителя. *Офицер — законный страж дисциплины и чести армии*. Так смотрит на офицера и лучшая, здоровая часть народа, а потому естественно, что народ

¹ У них лежит к тому сердце (*ред.*).

следит за нашими словами и поступками. *Народ вправе желать, чтобы офицеры, в полное подчинение коим поступают его дети, были безупречными.* Народ, охотно идущий на службу государству, вправе ожидать, что мы отнесемся к нему с полным вниманием и ревностью. Ясно, насколько мы должны следить сами за собой, за нашими словами и поступками, даже за нашей частной жизнью. Вокруг нас должны проявляться только чувства доверия и уважения.

Прошло то время, когда народ не интересовался армией, которая для него была пугалом, куда он мог ссылать все свои порочные элементы, а сдача человека в солдаты была мерой наказания. Теперь народ желает видеть в военачальнике сумму тех нравственных качеств, которые составляют основу достоинства человека. <...>

Офицер не только *не должен присоединяться лично к какой-либо политической партии*, но как начальник своих солдат не должен даже высказывать своих симпатий и антипатий тем или иным легальным партиям, общественным группам и религиям; тогда его люди все одинаково почувствуют к нему полное доверие. В силу тех же соображений офицер не должен подчеркивать свою принадлежность к тому или иному сословию; особенно надо быть осторожным в выказывании своего аристократического происхождения. Это нарушает дух товарищества, ибо ряды офицеров доступны всем сословиям. Надлежит помнить, что мы все одинаково добровольно приняли присягу на верность службы Царю и Отечеству и, получив известную подготовку, достигли офицерского звания исключительно одним способом — Монаршей милостью.

Офицер должен быть *осторожен и в своей частной жизни*, в смысле выбора знакомств. Самое лучшее — искать сближения с людьми, одинаково с нами воспитанными, скромными, честными тружениками. Надо избегать посещения сомнительных выскочек-богачей, так называемых растакуеров, которые добыли себе общественное положение и роскошь весьма сомнительными махинациями. Мало хорошего для офицера пристегиваться к свите богача только потому, что он держит открытый стол и задает блестящие балы и приемы. Делая это, офицер невольно попадает в число прихлебателей того, кто платит за все удовольствия.

Сила и достоинство армии — дело современного корпуса офицеров; этот корпус представляет нравственную среду, в которой зарождаются и развиваются принципы воинской силы: чувство солидарности, сознание долга, необходимость жертвовать своей личностью, самоотречение во имя долга службы. *Корпус офицеров — это очаг жизни армии. Если этот очаг деятелен, преисполнен духом инициативы, энергии, все элементы силы развертываются вокруг него под его влиянием.* Если же общество офицеров угнетено, если ему мешают думать и работать, если в мирное время воспрещают всякое проявление энергии, находчивости, — словом, если им оставляют только внешнюю форму корпуса живого и деятельного, чтобы превратить в группу лиц, живущих и действующих механически, армия теряет одновременно свою ценность интеллектуальную и своего двигателя нравственного. Офицер делается лицом без всякой привязанности к службе и к своей части, блуждает по всей армии из полка в полк, повышается в чинах и помаленьку привязывается к своим личным интересам и соображениям, которыми и наполняет свое существование.

Кроме того, если считать корпорацию офицеров ответственной за развитие силы армии, силы, основанной на нравственной энергии, надо признать незыблемым *право корпорации* контролировать своих членов и *удалять недостойных.*

Корпорация должна быть чуткой и уметь встрепенуться, как только ее профессиональная честь в опасности.

Чувство принадлежности к части, так понимаемое, является нравственной дисциплиной корпуса офицеров, этого органа, единственного способного пробуждать и культивировать живые силы армии. Если законоположения или приверженность к устаревшим традициям устранили офицеров от этого дела, то не следует забывать, что вместо них и за них уже никто этого не сделает.

Чтобы быть на должной высоте современных требований, офицер должен постоянно *заботиться о поддержании и укреплении своих физических сил, своих умственных и нравственных способностей.* Корпус офицеров, воспитываемый в этом направлении, распространяет не только в военной среде, но и в окружающем его населении воинский дух, уважение к армии, доверие, чувство силы. Надо твердо помнить, что всего этого нельзя достичь командованием, понимаемым в смысле механического отбывания служебных обязанностей. По приказанию не появятся: вкус к физическим упражнениям, желание учиться и основательно изучать свои обязанности, дух самоотречения. Эти чувства чаще всего развиваются сами собой в среде лучших людей, если эта среда не подавлена и не угнетена. Начальники частей могут много сделать для развития нравственных качеств офицеров, но при условии умения

говорить и действовать по-отечески и завоевать себе нравственное командование офицерами, что, к сожалению, иными никогда не практикуется. А между тем *ведение офицеров в нравственном отношении составляет существеннейшую обязанность начальника части.*

Если офицеры являются главным элементом силы армии, то надо принимать всевозможные *меры к их возвышению как в собственных глазах, так и в глазах окружающей среды.* Существование офицера должно быть достойно и соразмерено с его материальными средствами. Форма одежды должна быть проста, удобна, но не карикатурна. Его гордость должна быть неприкосновенна, а потому следует избегать унижительных наказаний. Власть начальника не должна над ним висеть постоянно, ему должна быть предоставлена свобода своей, частной жизни. Обращаясь к офицерам по службе, особенно при посторонних, начальник должен говорить с ними, как с верными сотрудниками в общей работе. Никто не должен думать, что офицер повинуетея из страха к власти начальника, напротив, все должны знать, что повиновение офицера основывается на добровольности принятых им на себя обязанностей.

Практические приемы командования

Для тех, кто признает исследованные здесь принципы командования правильными, практические приемы командования вытекают сами собой приложением этих принципов ко всевозможным случаям действительной жизни. Перечислить все эти приемы невозможно, но вот главнейшие из них:

1) *Надо начинать со своей собственной особы,* быть господином самого себя, уметь командовать собой; считать обязательными не только для подчиненных, но и для себя существующие принципы и законоположения.

Надо нести службу, потому что сознательно и добровольно принял на себя известные обязанности, забывая о своих личных выгодах, например, о желании понравиться начальнику и о боязни не понравиться, об искательстве наград и служебных повышений или популярности. Тогда и подчиненные почувствуют, что начальник обладает силой, так сказать, сверхчеловеческой, и его самые суровые приказания будут выполняться беспрекословно.

Если у начальника слова не идут рука об руку с действиями, то, хотя его приказания и принимаются, но исполнение идет спустя рукава. Совсем другое дело, когда в начальнике видят человека твердого, не только проповедующего принципы, но и считающего их обязательными прежде всего для себя лично. У такого начальника все будут работать не за страх, а за совесть.

2) *Начальник должен, так сказать, раздвоиться, т.е. на службе быть только начальником,* забывая свою личность, которую оставляет для своей частной жизни. Отсюда и явится авторитет непоколебимый, на который никто не будет покушаться.

3) *Начальник не должен выходить из себя, терять внешнего самообладания,* памятуя, что тем самым он нарушает порядок службы.

Самообладание необходимо и подчиненному относительно начальника, который забывается и позволяет себе делать оскорбительные замечания. Возражения начальнику недопустимы, но офицер, берегущий честь своего мундира, должен поступать корректно — почтительно слушать начальника, смотря ему прямо в глаза, с видом человека, который ждет приказаний, а на остальное не обращает внимание. Начальник должен обдумывать каждое слово.

Особенно необходимо сохранять самообладание при наложении взысканий. Тут надо постараться довести виновного до полного сознания своего поступка и затем наказать, разобравшись в причинах, поведших к проступку, т.е. обнаружить, была ли тут простая ошибка или злой умысел на колебание основ дисциплины.

4) *Не следует произносить подчиненным длинных речей.* Человеку серьезному, занятому некогда заниматься отделкой фраз. Говоря людям, надо избегать всяческой сентиментальности, а главное, воздерживаться от элоквенции, которая в нашем деле бессильна, беспомощна, а те высокие материи, которые будут развиваться, могут остаться непонятыми или оказаться смешными. Красноречие подготовленное зачастую скрывает ложность мысли. Оно почти неизбежно является подделкой тех чувств, которых оратор не испытывает в себе самом. Героизм не обнаруживается при обыкновенной обстановке, он не ощущается постоянно в нашем сердце. Только особые обстоятельства пробуждают его в натурах благородных и сильных. Ораторские приемы тут ни при чем. Красноречие офицера состоит в идеях, хорошо усвоенных и ясно выраженных. Он должен говорить языком человека, который учит и командует — точно, серьезно, твердо.

Это качество не приобретается изучением, а является результатом внутренних достоинств говорящего: его убежденности, чувства долга и отличного знания того предмета, которому он обучает. Если начальник не знает своих обязанностей, тщеславен, равнодушен, бессознательно занят своей особой, — напрасная трата времени отделять фразы, следить за своими манерами, ибо форма здесь никогда не будет в согласии с внутренним содержанием.

5) *Никогда не надо обманывать. Каждое донесение, подписанное начальником, должно быть образцом точности и правды.* Надо иметь достаточно гордости, чтобы показывать свою часть такой, как она есть на самом деле. Надо быть очень осторожным к рекомендациям даже благотворительным и исходящим свыше. Нельзя позволять подчиненным выискивать пути для обхода прямого начальника или по личной слабости и незаконному снисхождению соглашаться на повышение недостойных. Если приходится изучить и обсудить какой-либо вопрос, преступно руководствоваться только предполагаемым мнением высшего начальника, а не всесторонним изучением дела.

Словом, всегда и везде, при всех как важных, так и мелких обстоятельствах жизни и службы надо считать стыдом для себя нелояльность, лесть и низкопоклонство. Надо тщательно оберегать себя от зарождения этих качеств и держаться подальше от тех, кто ими обладает.

Невольно припоминается характеристика, данная подобным людям Суворовым: «лживка, лукавка, немогузнайка».

Начальник части должен принимать на себя всю ответственность за все, что в ней происходит, ибо он не только начальник, но и законный представитель части.

6) *Облеченный командной властью должен быть очень внимателен к своим людям, оберегать их от всяческих злоупотреблений и незаслуженных унижений.* Авторитет начальника должен быть отеческим, но не тираническим, т.е. основывающимся на личной фантазии. Надо постоянно помнить, что солдат — не раб, а человек, выполняющий долг службы. Чем больше ему внушается долг повиновения, тем больше становится и ответственность начальника, особенно за нравственность солдата как человека, оторванного от своей семьи и ее нравственного воздействия.

Ошибочно предполагать, что если авторитет начальника будет отеческим, то это явится равносильным слабости командования.

Это неверно, ибо, проявляя отеческий авторитет, обеспечивающий функционирование части с непоколебимой твердостью, мы одновременно проявляем заботливость отца семейства о нравственных и материальных нуждах людей, вверенных нашему попечению.

7) *Командование должно носить характер деятельности методической, выдержанной, неослабляющей.* Не надо повторять приказание. Следует отдавать его ясно и полностью, раз навсегда и для всех. Если приказание важно, оно должно быть письменным. По прошествии некоторого времени проверьте исполнение. Быть может, придется констатировать, что из данного приказания ничего не осталось. Что ж, надо пустить всю машину в ход заново, сделать это энергично, но — главное, научить подчиненных применять более верные способы исполнения вашего приказания. Командовать — значит достигать конечного результата при помощи нормального функционирования военного организма, а не личным, беспрестанным вмешательством не в свое дело. Результат же непосредственный, временный, имеет значение второстепенное в сравнении с принципами высшего порядка.

8) *Надо интересовывать подчиненных в результатах, которых начальник должен достигнуть.* Надо иногда спросить их мнения, объяснить, чего именно начальник хочет достигнуть и какой путь он для этого изберет.

В практическом деле командования, высокие идеи проявляются зачастую очень простыми приемами, каковы внешние знаки чинопочитания, знаменующие собою то действительное чувство уважения к начальнику, которое каждый должен в себе воспитывать. Возьмем жизнь роты. Хорошо, если ротный командир собственноручно вручит ружье каждому молодому солдату, если он перед всей ротой поздравит вновь произведенных унтер-офицеров, введет их лично в помещение их взводов или отделений и представит им их людей. При возвращении роты со стрельбы, не мешает лучших стрелков поставить в голове колонны.

В общем же, начальник должен основательно изучить свое дело, быть ему преданным, забывая о своих личных интересах, чувствах и вожделениях. Когда этот результат достигнут, остается действовать энергично и законно, не боясь показаться перед всеми тем, чем начальник есть на самом деле. Тогда не встретится надобности в подделке манер, наружности и речей.

Заключение

Все вышесказанное о принципах командования оставляет впечатление, что искусство командования одним как бы прирожденно, другим же достается лишь как результат серьезного изучения и продолжительного труда над самим собой. В среде командного состава можно встретить и тех, и других, но всем нужно посоветовать не оставлять привычки к анализованию всего относящегося к военной педагогике и к выработке собственного характера. Много между нами так называемых добрых малых, людей, наделенных отличными качествами, прекрасных товарищей, но несущих свой крест изо дня в день и не желающих слышать о принципах и методах. Таких жаль, потому что при всех своих симпатичных чертах, они никогда не смогут взять себя в руки, а потому никогда и не сделаются хорошими командирами.

Чтобы быть на верном пути совершенствования, надо иметь в виду тот идеал, к достижению которого человек решил стремиться. Для нас этим идеалом будет великое нравственное совершенство безупречного начальника. Только страстное желание достигнуть этой нравственной высоты приучает к постоянному самоизучению и самоусовершенствованию. Надо вступить в командование самим собой, чтобы ежедневной практикой достигнуть развития тех благородных сил, отвлеченный облик которых нам представляется. Ежедневно со страстной настойчивостью, не знающей слабости, будет совершаться дело командного воспитания.

Великое нравственное достоинство, которое будет в этом случае господствовать в человеке, заставит его ежедневно находить практическое ему применение. То он отвергнет несправедливость, то отступится от заведомой лжи, воздержится от излишней жестокости или без колебания примет на себя тяжкую ответственность. Служба и жизнь станут как бы постоянной практикой развития нравственных сил, а с помощью подобного режима выработается и характер.

Если подобный идеал трудно осуществить, то все же можно к нему стремиться при условии обладания хотя несколькими искорками священного огня. Люди, воспитанные в идеях личных интересов и эгоизма, не годятся для дела командования, если не произойдет в них оздоравливающая реакция до того возраста, когда человек сформирован окончательно.

Люди, хоть и недеморализованные эгоистическими тенденциями, но усвоившие себе нравственность податливую, уклончивую, да притом находящие себя уже устаревшими для тех сильных порывов, которых требует служба идеалу, — тоже не годятся для командования. Кроме того, следует не забывать и старую мудрость: чтобы уметь командовать, надо прежде всего научиться повиноваться.

Встречаются люди, способные к некоторого рода командованию, хотя и несовершенному, но очень могущественному. Это характеры благородные, рыцарские, которые не задумываются отдать всего себя на дело благородное. Обыкновенно им не хватает последовательности, организаторского таланта, необходимого военачальнику. Но они преисполнены лояльностью, храбростью, добротой, чувством воинской чести и товарищества, они готовы на подвиги мужества и благородства. Если им дать старые, боевые войска, привыкшие в воинской чести видеть достаточную побудительную причину для преданности своему долгу, то такие войска пойдут за ними повсюду и пожертвуют собой с охотой, чтобы загладить ошибки своего начальника. Но такое командование не всегда верно. Таким начальникам не хватает способности самоизучения и господства над собой. Горячность крови делает для них трудными обязанности продолжительные, требующие терпения. Чувство долга им присуще в качестве инстинкта, они никогда не дадут себе труда об этом поразмыслить. Войну они любят за благородную страсть, которую она будит в их груди, за опасности, возбуждающие в них радость сознания своей храбрости. Можно стремиться и к осуществлению подобного типа, если думать только о себе самом, дешево ценя остальное: результат командования, жизнь подчиненных, успех боя. Начальник не должен любить войну ради самого себя, ради добывания собственной славы и наград. Свои воинственные порывы надо держать на привязи, путем высшего самоотречения вытравлять из своего сердца всякую амбицию, заменять ее чувством долга, сознанием великой ответственности перед Родиной и сосредоточить все свои силы на помыслах о боевом успехе своей части при возможно меньшем количестве потерь. Не говорю, конечно, о тех случаях, когда потребуются всем лечь костями без рассуждения. Эти случаи могут быть, но они не поддаются исследованию.

Воинственные натуры, в общем, не умеют командовать. Они хотят все извлечь из собственного фонда, отказываясь исследовать, готовить, организовывать. Натуры, так сказать, менее возвышенные могут достигнуть несравненно большего могущества в деле командования путем размышления и силою воли. В этом-то самовоспитании и заключается тайна искусства командования.

* * *

Кончаю тем же вопросом, который поставил в начале: что нового требуется теперь от командного состава армии? Требуется повторение пройденного, требуется вспомнить хорошо забытые принципы, которые нам преподавались и в школе, и на службе. Конечно, для тех, кто уже все забыл, придется учить все наново, если хватит сил и способности. Беда наша не в недостатке принципов, которые нам должны быть хорошо известны, а в несчастной привычке жить и служить спустя рукава. Мы всегда были убеждены, что ничего, как-нибудь пройдет, но вот последняя война показала, что не все проходит. Мы встрепенулись, стали искать причины постигшего нас несчастья и в этом искательстве растерялись. А искать эти причины надо прежде всего в самих себе.

Теперь от нас требуются не на словах, а на деле самоотречение и полная преданность добровольно взятому на себя делу воспитания и обучения вверенных нам войск. Приходится затратить большой труд, но можно быть уверенным, что труд этот не пропадет бесследно, а принесет свою долю пользы одинаково для всех нас дорогой, родной армии.

Общество ревнителей военных знаний. — 1907. — Кн. 3.

Я. Червинка

ВОЕННАЯ КАРЬЕРА У НАС И ЗА ГРАНИЦЕЮ

Чтоб жизни смысл и цену придать, открыть ей цели великие, святые, долг ты основой всему поставь!

В России, а следовательно, и в ее армии, *национальная идея* сложилась, по моему мнению, более своеобразно, чем в других странах, вследствие *разнородности составных элементов российской интеллигенции*. На этой мысли я останавливаюсь более подробно. Поэтому национальный вопрос требует особенно внимательного и трезвого, но отнюдь не безразличного к себе отношения в наших войсках, ибо в будущих войнах положительно нельзя будет обойтись без этики, без готового на все жертвы патриотизма. Следует принять серьезные меры для того, чтобы заблаговременно запастись достаточным числом дельных в этом отношении офицеров.

Я не льщу себя надеждой, что у меня хватит дарования и подъема духа для создания стройного целого, достойного намеченной цели; но если не законченный, безыскусственный труд мой затронет в читателях чувства военного долга, чести и правды, то цель его будет достигнута.

Надеюсь, что молодых читателей не оттолкнет та мысль, что автор — отставной офицер, что далеко не всегда равносильно отсталости. Из отставки не раз возвращались еще на поля битв!.. Прошу также не смущаться моим не коренным русским, безусловно, чисто славянским происхождением и отчасти заграничной военной карьерой. Изучение славянских народностей убеждает меня в том, что, в сущности, типические особенности славянской расы более или менее присущи всем нам и что для зарубежного славянина понятна, близка и родственна русская натура и наоборот.

I

Насколько я могу судить, основываясь на опыте более чем 12-летней заграничной и затем 28-летней русской службы, разница между нашим и заграничным корпусом офицеров заключается главным образом в следующем.

Прежде всего в *подготовке молодежи к военной карьере* как в военных, так и в невоенных учебных заведениях у нас и за границею, не может не быть той разницы, которая здесь и там происходит от различий всего уклада жизни общества, своеобразной истории, племенных черт характера, первоначального воспитания, обычаев и традиций. Еще Пушкин сказал: «Климат, образ жизни, вера дают каждому народу особенную физиономию...»

Но если считать только с подготовкой специально военной, то, сравнивая наших вновь выпущенных офицеров с такими же молодыми военными наших западных соседей, я не наблюдал какой-либо особенно существенной разницы. Быть может, есть некоторое различие в самой системе воспитания и в приемах преподавания; возможно, что над воспитанием молодежи за границею трудятся более удачно, чем у нас, но вообще в лице начинающих свою военную карьеру офицеров, воинские части получают как здесь, так и там тот же ретивый, надежный, но не сформировавшийся еще окончательно офицерский материал, *дальнейшая обработка которого всецело зависит от совокупности всей обстановки и среды, которая будет влиять на него с самого начала и затем в продолжение всей службы*.

Но именно с момента прибытия молодых офицеров в свои части, по моему убеждению, *резко расходятся пути сравниваемых мною двух групп юных офицеров*.

Представим себе, что наш офицер попал бы сразу после выпуска в германскую, австро-венгерскую или другую западную армию. Нет сомнения, что в таком случае и он вполне применился бы к ним, проникся бы их духом, традициями и в особенности характеризующим их стремлением к самостоятельности, наблюдаемой там даже среди солдат и унтер-офицеров, а не только в корпусе офицеров. Но попади туда старый наш офицер, он сам чувствовал бы себя не только вне своей среды и не в курсе дела, а пришлось бы не по душе и тем, и другим. А причину сего пришлось бы искать уже не в одних национальных или бытовых различиях, но преимущественно в том обстоятельстве, что *молодой офицер за границею сразу после вступления в ряды армии и затем в течение всей службы подверга-*

ется более благотворному воздействию на него начальников и сослуживцев, что далеко не всегда можно встретить у нас.

Постараюсь это объяснить точнее.

В отношениях к молодому офицеру его товарищей старших и начальников у нас и у наших соседей громадная разница.

Там почти всегда он испытывает с первого шага участливое к себе обращение более выдающихся положительными качествами товарищей и авторитетных начальников. Участие это простирается, так сказать, на весь *нравственный, физический и служебный облик молодого товарища*, начиная с самых интимных сторон частной его жизни и кончая его начальной служебной деятельностью. В тесно сплоченной, не допускающей обособленности среде заграничных офицеров, товарищами быстро отмечаются все слабые стороны его воспитания и темперамента, недостатки характера и пробелы в его познаниях, но вместе с тем учитываются и ценятся также и его достоинства: служебное усердие, выдающиеся способности, солидные познания, стремление к общности и товарищескому сближению (не с одними только низами, а с целым, со всею военною семьей), как и все прочие симпатичные или несимпатичные черты молодого офицера. Общее воздействие на юного офицера окружающей его среды до того разнообразно и постоянно, что отрицательные стороны его формирующегося еще характера, дурные его склонности и привычки, недостатки воспитания подвергаются при каждом удобном случае безобидной товарищеской критике, тогда как, с другой стороны, лучшие его качества характера поощряются, выдвигаются на вид общие сословные военно-патриотические традиции и исторические предания части.

От подобного воздействия молодые офицеры, за редкими исключениями, много выигрывают в лучшем смысле этого слова. Каждый тянется по службе, а вместе с тем охотно трудится не только сам над собою, а в свою очередь и над другими. Товарищество понимается здесь в смысле сплочения всего корпуса офицеров не только для совместной жизни, дружбы и выручки ДРУГ друга, а прежде всего для единого, достойного служения родине. Ввиду сего, проступки офицеров никогда не покрываются ложными понятиями о товариществе.

В результате достигается лучшее, чего только достигнуть можно. Со временем молодые элементы очищаются, по крайней мере, от тех своих недостатков, которые вредят общему Делу службы и единству духа и закаляются в строгих требованиях общего «*е şrp1 йе согрз*», придающего армии великую силу.

Нет спора, что и здесь встречаются, особенно в последнее время, среди молодежи офицеры, не подходящие под общий уровень, неспособные идти по намеченному направлению даже по политическим своим убеждениям, но их явно обличают, а в крайности удаляют.

Бесполезно было бы указывать для опровержения выше мною изложенного на сочинения вроде известного рассказа «Из маленького гарнизона» или брошюры «Изнанка германской нравственности» и на разные отдельные факты, обнаруживающие и в армиях наших соседей скандальные стороны жизни и некоторые тени.

Нет семьи без уroda, и всюду на белом свете встречается пустота, разврат, карты, продажность, пошлые женщины и беспомощные, безнадежно задолженные офицеры, спорадически даже политическая неблагонадежность и т.д. Но *здесь все это неуклонно строго преследуется* и потому не достигает таких размеров, как в армиях некоторых других стран.

В силу поясненного выше воздействия в громадном большинстве германских и австрийских офицеров вырабатывается твердый, решительный характер, укрепляется преданность долгу службы, чести и порядку, дух соревнования и самоотвержения, безусловная исполнительность, готовность всегда быть полезным общему делу, стремительная энергия и товарищество как основы всей службы.

Общее корпоративное сближение, о котором я упомянул выше, является, по-моему, самым характерным различием заграничного и нашего корпусов офицеров. Оно приносит еще и ту пользу, что там вследствие близкого знакомства друг с другом офицеров более авторитетные из них, выдающиеся способностями и личными качествами характера сами собою, как будто с общего согласия, выступают на первый план, и никто не удивляется, если они выдвигаются быстрее других по службе, становясь начальниками своих товарищей. Их авторитет признавали еще тогда, когда они занимали одинаковое по службе положение.

Благодаря внедрившемуся в корпус офицеров понятию о необходимости подчинения личных интересов общим каждый сознает, что в высшие начальники годятся не все подряд, а лишь самые достойные из них, потому что качества, требуемые от высшего начальника, свойственны далеко не вся-

кому, и потому производство в высшие чины, начиная даже со штаб-офицерского, всех по старшинству, безусловно, невозможно без величайшего вреда для службы и для всего военного дела, как велико бы ни было усердие к службе менее способных.

Таким образом, там действительно во главе воинских частей стоят компетентные, отборные во всех отношениях начальники, с железной настойчивостью воспитывающие своих офицеров в духе военного товарищества и дисциплины, неослабного чувства долга и бескорыстного служения родине.
<...>

Именно благодаря такому подбору своих членов в армиях этих стран офицеры составляют корпорации с патриотическими традициями, опирающимися исключительно на национальность одного только коренного народа, основавшего это государство.

Констатируя же факт неполного преобладания в рядах нашей армии, и особенно в высших слоях ее, национального элемента, который сильно смешан с представителями нерусского происхождения, разве можно ожидать, чтобы у нас мог развиться тот дух пламенного патриотизма, который в армиях наших западных соседей в тяжелые времена защиты отечества играл такую важную роль.

У нас же вследствие упомянутых выше обстоятельств и разнородности офицерского состава корпоративного духа быть не может. А раз его нет, то не может быть и такого единства, как в армиях с корпоративным духом офицеров. Естественным последствием сего является сравнительная разрозненность, начиная с сослуживцев каждой отдельной части и кончая большими единицами наших войск. Офицеров одного полка у нас связывают большею частью только служебные обязанности и уставные требования, вне которых они предоставлены сами себе. А где нет прочной спайки малых единиц, там и большие не сближаются. У нас нередко обособлены духом даже полки одних и тех же бригад, дивизий, и как часто замечается разлад между самыми близкими частями. Что же сказать еще о взаимных отношениях больших единиц или различных родов войск?

Рознь эта усугубляется еще существованием отдельных офицерских собраний в каждой части, а не общих гарнизонных собраний, которые при условии надлежащего воздействия сверху могли бы способствовать сближению различных частей и родов войск.

Здесь я позволю себе оговорку по отношению к защищаемому мною корпоративному (но далеко не кастовому) духу офицерского общества — надеюсь, что не нужно доказывать полной совместности понятия о «национальных» армиях, заменяющих в XX веке прежние, своему народу чужие войска, с понятием о корпоративном духе офицеров, кульминирующем в культе высшего патриотического чувства самоотвержения.

II

Недостаточную сплоченностью нашей армии, как последствием отсутствия в ее частях корпоративного духа, объясняется также и недостаточное воздействие у нас на молодых офицеров со стороны их старших товарищей по службе и начальников. В нашем уставе, разъяснениях к нему и многих высших распоряжениях прекрасно выражена мысль об единстве корпуса офицеров и о взаимных отношениях сих последних друг ко другу. Однако сила обстоятельств не допускает положительного осуществления этой мысли на практике.

Представим себе общую картину прибытия на службу наших юных офицеров после выпуска их в офицеры.

Большею частью это цельные, золотые сердца, как их описывал поэт, полные природной дисциплины, желания служить и быть полезными.

Кроме официального, более или менее снисходительного со стороны начальников, а со стороны товарищей выжидательного приема, наш молодой офицер по прибытии в полк особенного к себе участия не замечает. Скорее он чувствует, что здесь каждый — сам по себе.

В каждой части существуют отдельные кружки, довольно чужие, а иногда даже недружелюбные между собою. Около командира части или его семьи группируются обыкновенно штабные и приближенные. Другие, более склонные привлекать к себе товарищей, штаб- или обер-офицеры имеют также свои кружки, а в противоположность им собираются где-либо отдельно офицеры не сходных с ними вкусов и направлений. Молодежь образует также свои отдельные товарищеские кружки. Выдающуюся же роль в этой разнообразной группировке офицеров как в хорошем, так и в дурном смысле слова чаще всего играют полковые дамы. Благодаря тому обстоятельству, что у нас, как ни в одной из европейских армий, поощряется семейная жизнь, число офицеров женатых, иногда без всяких средств, весьма значительно.

Это также одна из причин, почему влияние начальников на своих подчиненных и старших на своих сослуживцев падает до крайности. <...>

Неподготовленные в корпусах и военных училищах *к практической жизни*, наши молодые офицеры часто являются невероятно беспомощными новичками прежде всего в самостоятельном устройстве своей материальной жизни, в небольшом своем хозяйстве, что часто оканчивается неоплатными долгами. Исход же сердечных дел, в которые неизбежно заманит неопытных избранников Марса свободное обращение в обществе, бывает еще более неудачным — будь это интрига с разными осложнениями или же, по милости решительных, но недальновидных маменек, преждевременные брачные узы, в которых так часто гибнут две молодые жизни. Такими же новичками являются они также и в товарищеских делах, а в особенности в делах чести, вообще в обществе: в выборе знакомых, в направлении и развитии своих вкусов, в подражании модной, светской жизни и во всевозможных других делах.

Несомненно, и в заграничных армиях кипит молодость, увлекаясь шумихой жизни во всех ее направлениях, но в сплоченной корпоративно среде товарищей теряющийся офицер встречает силу, которая поддерживает и спасает его.

А у нас кто же удержит? *Пока ошибки молодого офицера не выступают наружу, никто их будто не замечает и редко кто касается их, А когда обнаруживаются воочию, немедленно принимаются строгие карательные меры.* Потому неудивительно, если молодежь исполняется недоверием к начальникам и старшим, обыкновенно замкнутым в чуждые молодежи сферы личных своих интересов. Но в этой-то розни состоит одно из самых отрицательных явлений офицерской жизни, которая, будучи лишена товарищеской опоры, перестает стремиться к главной своей цели — единству.

Конечно, при таких условиях лишь сравнительно небольшое количество офицеров развивается вполне нормально и удачно, остальные же если и избегают житейского крушения, то все-таки жизнь их исковеркана навсегда. А сколько от сего происходит вреда для службы, требующей непрерывной дружной, энергичной работы, не поддается и описанию.

Я отнюдь не утверждаю, что у нас нет частей, в которых подобные явления не были бы исключением или даже невозможны. Но много ли таких частей?

Может ли при таких условиях идти речь о развитии и культе в корпусе офицеров и среди нижних чинов патриотического духа в том значении слова и тех размерах, как это мы видим в германской и некоторых других армиях? Наконец, может ли при таких обстоятельствах прогрессировать развитие в офицерской среде самодеятельности, могут ли процветать науки и познания и всесторонне совершенствоваться специальное военное дело?

Одна из самых непривлекательных сторон подобной, предоставленной себе военной карьеры, не опирающейся на крепкий корпоративный дух всего офицерского общества, заключается, с одной стороны, в том затруднительном положении, в которое поставлен начальник, имеющий дело с отдельными, не подходящими под общий уровень личностями, над воспитанием которых он трудиться не может или не желает, ввиду чего он прибегает исключительно только к взысканиям, а с другой стороны, — в беспомощности и тяжелом положении таких подчиненных.

Задаваемое вечно самолюбие, непрерывные уколы и даже грубые понуждения в суতোлке служебных требований, унижение офицерского достоинства, неудовлетворенность, сознание неумения развить свои природные способности — вот грустные впечатления, которыми так богата служба и жизнь неудачников.

В жизни офицера лучшие годы молодости, столь обильные воодушевлением и горячей верой в правду и идеалы, проходят в маленьких чинах и должностях, в подчинении кипучей энергии молодости элементарным требованиям службы, не выходящим часто из рамок азбучной, мертвящей дух деятельности. Если нет близкого, искреннего участия к молодому офицеру и если вместо таковой допускаются ошибки под видом служебных внушений, обидное с ним обращение, строгие кары, когда достаточно было бы выговора или замечания, то что же может спасти офицера от отчаяния, пустоты и непоправимых с его стороны шагов, если не высшее сознание долга, сознание пользы, скрытой в скромной его деятельности и стремление к удовлетворению высших запросов жизни? Но откуда же взяться подобному сознанию в офицере, если для этого нет содействия извне?

То, что я сказал о разнохарактерности и нравственной пестроте нашего корпуса офицеров, о розни воззрений на службу и жизнь, можно нередко наблюдать даже и среди молодых еще офицеров. Мне случалось беседовать на тему о товариществе и патриотических чувствах с юными офицерами, поразившими меня признанием, что в честное, бескорыстное товарищество они не верят, что и на службе,

как вообще в жизни, каждый живет сам для себя, а не для других, что общность интересов — пустая мечта; кто имеет средства, не желает иметь общения с тем, у кого их нет; у каждого преобладают свои эгоистические интересы, ради которых он готов подставить ножку товарищу.

Мне доказывали, что в частях, где начальство навязывает офицерам товарищеские начала, обыкновенно господствует интрига и чаще выступают наружу дурные инстинкты; а напротив, там, где товарищеские традиции сданы в архив и где каждый живет собственным своим миром, там можно встретить больше взаимного уважения и, вообще, живется легче. Те же противники «традиций» меня уверяли, что даже во время последней войны такие части без «традиций» и товарищества отлично исполняли свой долг даже не под наплывом патриотического воодушевления, а так, из-за личной чести или самолюбия что ли? Выставляли на вид, что «нас, русских, де всегда учили в начале войны, а потом мы ничего, справились». Патриотизм эти господа считают выражением «казенным», ничего не значащим, «отсталым» понятием, граничащим с наивностью. Выводили далее, что для одержания побед не надо готовить какого-то патриотического воодушевления, что, например, под Бородином никакого патриотического подъема духа в массах не было, а напротив, перед тем народ бунтовал так же, как и в 1905 году, и это не мешало армии выказать лучшие боевые качества в борьбе с испытанными войсками Наполеона...

Не скрою, что офицеры, высказывавшиеся в этом смысле, не были коренного русского происхождения.

Напрасно я возражал им, что корпоративный товарищеский дух, который я защищаю, вовсе не может нарушать личных чьих-либо интересов или стеснять кого бы то ни было, а что, напротив, он одинаково поддерживает всех, богатых и бедных, не вызывая интриг, выставляя на первый план лишь дружное служение общей цели. Традиции традициям — рознь. Корпоративные же традиции настоящего времени, которыми недаром гордятся офицеры наших соседей, ничего решительно не имеют общего с феодальными традициями «ancien regime», с давними понятиями о «noblesse oblige» («знать» и «каналья»), которые так удачно громит в своих сочинениях, например профессор Трачевский.

Напрасно я доказывал, что патриотические начала, в смысле общительности, нравственного сближения и единодушия, как средства сплочения сил для защиты высших интересов каждой страны, сохраняют практический свой смысл так долго, пока не наступит «вечный мир», т.е. чуть ли не до конца наших стремлений... Я напрасно упоминал о том, что настроение народных масс сто лет тому назад отнюдь не могло иметь еще того важного значения для военного дела как в наши дни; что политическая спячка и безразличие, в которую тогда было погружено простонародье, сообщалось, конечно, и солдату, вследствие чего этот последний, проводя на службе десятки лет, всегда оставался беспрекословно послушным «пушечным мясом», бесчувственной машиной, и только между тем современный солдат — дело другое; что, наконец, нам трудно спорить о том, был ли в 1812 году в русском народе подъем патриотического духа или нет...

Никого, конечно, я не убедил...

Заканчивая этим сравнение корпоративного воздействия в самых войсковых частях на заграничный состав офицеров с тем, что можно наблюдать у нас, я прихожу к заключению, что *причина неодинакового преуспевания сравниваемого офицерского материала там и здесь коренится прежде всего в различном отношении к младшим офицерам старших их товарищей, представляющих из себя за границу строгую, тесно сплоченную корпорацию, озабоченную бдительным соблюдением высших интересов, между тем как у нас такой сплоченности нет. Это ведет там к крайнему развитию высшего явления военной этики — патриотическому чувству самоотвержения, которое и у нас не отвергают, но и мало культивируют.*

В противоположность упомянутому выше, о равной приблизительно ценности заграничных и наших офицеров в первом их чине я сказал бы в результате изложенного, что немецкие офицеры, начиная с чина капитана, в общем, уже значительно опережают в военном деле наших капитанов, каковое несоответствие не может сглаживаться, разумеется, и в высших чинах.

III

При изучении нашей армии после иностранной ничто так меня не поразило, как резкая разница, какую я нашел при сравнении между собою здесь и там *высших офицерских чинов*, начиная со штаб-офицерского.

Я не помню, чтобы за границу мне пришлось видеть в мирное или военное время штаб-офицера и тем более командира части, на которого смотрели бы его подчиненные с пренебрежением. <...>

Чему приписать столь частое тогда появление в роли высших начальников лиц, безусловно, неподходящих в армии, нескудной отличными во всех отношениях офицерами, я решить долго затруднялся. Впоследствии я понял, что *отдельные части и еще высшие должности давались протезированным*, но совершенно неподготовленным для высших назначений гвардейцам и другим богатым связями счастливым, между тем как более способные и достойные офицеры без движения пребывали в низших должностях. Уже в первый штаб-офицерский чин часто попадали неподходящие офицеры по тем же причинам, т.е. благодаря связям и протекции, а сверх того еще и благодаря практиковавшейся системе производства чуть ли не всех офицеров «по линии», без строгого разбора.

Если я беру на себя смелость подвергать нелестной критике часть офицерского состава нашей армии, не составляющую ее украшения, то само собою разумеется, что старая добрая слава этой армии, несомненно, преобладает над дурной или сомнительной репутацией единичных личностей, которые не в состоянии умалить положительных качеств доблестной русской армии, сулящих ей столь же славное будущее, каким было и ее прошлое.

Между тем *от выбора начальников, несомненно, зависит степень мирной подготовки армии и тем более боевая ее пригодность*. <...>

Аттестация заграничного офицера разрабатывается с самого начала его служебной карьеры крайне подробно и всесторонне. Она совершенно чужда того шаблона и неопределенных общих мест, какие, несмотря на постоянные о том напоминания, почти не удается вывести у нас.

Потому там вносят в так называемый «кондуитный список» офицера все известные факты из его служебной и частной жизни, могущие его охарактеризовать с хорошей или с дурной стороны. Во избежание пристрастных выводов все эти факты проверяются и обсуждаются корпоративно. Главная суть дела в том, что положительно ничего не скрывается, а все взвешивается не только с гуманной, но в особенности и с той корпоративно-деловой точки зрения, которая без величайшего вреда для службы на уступки и компромиссы идти не может.

Если при аттестации офицера в общем выводе не получается убедительное подтверждение полной его надежности, он, несмотря на безукоризненное поведение и аккуратное, с формальной стороны, исполнение служебных обязанностей, остается так долго в занимаемом им чине (хотя бы первом), пока не заслужит внушающей доверия аттестации.

За границу совершенно немисливо производство офицера в следующий чин за выслугу лет, несмотря на его характер, образ мыслей, неровное часто отношение его к службе и наложенные на него взыскания, между тем как у нас весьма часто приходится встречаться с фактом, что производству офицера в следующие чины за выслугу лет отнюдь не препятствует ни явно отрицательное отношение к нему ближайших его начальников, ни даже неоднократные серьезные взыскания, которым его подвергали за небрежное исполнение служебных обязанностей.

В итоге получается строгая, тщательная, добросовестная фильтрация в каждом чине офицерского состава за границу, тогда как у нас это явление слишком слабо развито. <...>

Чего же можно ожидать от начальников, выслуживающих без особенного труда обер-офицерские чины за выслугу лет и затем достигающих так или иначе и штаб-офицерских должностей без серьезной подготовки, часто лишь благодаря связям и протекции или снисходительности высших начальников? Могут ли при таких условиях способности и вообще положительные качества этих господ достигнуть такого развития, как это выше сказано о заграничных штаб-офицерах?

Неудивительно, если при таких условиях в старших чинах и должностях появятся люди, недостаточно подготовленные или неспособные занять подобные должности, притом безразличные к высшим интересам службы. Могут ли, наконец, оставаться на высоте своего призвания и все те начальники, подготовка которых в младших чинах и затем в академии хотя и вполне совпадала с подготовкой их заграничных коллег, но которые после академического курса в течение лет поотстали, так как на них не влияли такие же силы, о каких упоминалось выше? Что же получится, если чинопроизводство будет зависеть не от строгой, справедливой оценки способностей, знаний и прочих достоинств, а от выслуги лет, от старшинства в чинах, от связей и снисхождения или от умения так или иначе обойти других?

Это убьет энергию самых способных, взлелеет пустой карьеризм, вызовет отсталость от живого дела, инертность, даже интриги. Оно придаст смелости несоответствующим, но предприимчивым кандидатам на высшие должности подделываться под курс своих начальников выслуживанием и дру-

гими неблагоприятными путями. Когда затем такие карьеристы достигнут цели и сами займут высшие посты, они для прикрытия недостающей им подготовки, а часто и способностей, пустят в ход по отношению к низу всю свою самонадеянность и в особенности острастку, если не произвол вместе с жалким подобострастием кверху. Нередко они станут порицать распоряжения своих предместников, перевернут вверх дном все, что было сделано до них, быть может, не так в силу искренних убеждений, как оригинальности ради, или же для выслуги отличий за усердную службу. Все это еще больше понизит энергию и привязанность к истинным интересам службы среди одних подчиненных, вызовет безразличие к службе, застою, неуверенность в будущем, отвращение лучших элементов к неподходящим начальникам, даже оставление службы, а прислуживание, старание примениться к обстоятельствам и выдвинуться всякими правдами и неправдами — у других. Делают тогда карьеру не раз и громкие крикуны, импонирующие начальству тою строгостью, с которой умеют они не живое дело делать, а скорее подделываться под начальнические вкусы и методы.

Нетрудно представить себе, какова будет и боевая подготовка подобной части, и чего можно ожидать от нее на театре военных действий.

Может ли оставаться малейшее сомнение в том, чем должно окончиться столкновение двух армий, каждая из которых будет воспитывать своих офицеров на столь противоположных началах?

IV

В числе впечатлений, вынесенных мною из заграничной моей службы, я должен привести и то, что там я встретил, как мне показалось, сравнительно больше, чем у нас, офицеров, посвятивших себя военной службе «по призванию». Цифровых данных для проверки своего предположения, конечно, не имею. Мне показалось, что там в армии как будто больше военного духа, любви к своему делу, готовности переносить уроки дисциплины, военного долга и различные невзгоды службы.

Этот факт я объясняю себе следующим образом. За границею существует, кажется, сравнительно меньшее количество военных учебных заведений, чем у нас. Следовательно, в рядах заграничных офицеров служит больший, чем у нас, процент лиц, получивших образование в заведениях гражданского ведомства и избравших военную карьеру уже вполне сознательно. За границею на государственную службу определяется далеко не такой большой процент интеллигенции, как у нас. Большинство молодежи направляется там на самостоятельный интеллигентный труд, а кто хочет служить, делает это скорее по влечению своему к известному роду службы. У нас же, наоборот, вся почти интеллигенция по привычке или по неумению создать себе самостоятельную карьеру стремится на государственную службу.

У нас родители отдают своих детей в военные корпуса на казенный счет чаще всего по недостаточности средств для воспитания их в других учебных заведениях. Впоследствии же большая часть этих детей, не чувствуя никакого призвания к военной службе, все-таки выходит в офицеры по той же причине неимения средств для другого специального образования по окончании обучения в корпусах. *Главную причину этого явления следует искать, несомненно, в допущении среди наших офицеров огромного количества бедных браков, которым воспитание детей положительно не по силам.* Сколько способных, симпатичных молодых людей томятся в военной службе, к которой никакого влечения не чувствуют, принося ей мало пользы, между тем как для гражданской деятельности были бы очень полезны.

V

Военного, знакомящегося с Россией и ее армиею, поражает, между прочим, также и непривычное за границею явление, что у нас офицеры всех степеней, а в особенности высшие штаб-офицеры и генералитет, занимают всевозможные административные, гражданские и хозяйственные должности, не имеющие ничего общего с военным делом. Между тем как *за границею военные люди почти исключительно служат военному делу и в случае перехода в другие ведомства снимают военный мундир*; у нас военные встречаются не только во главе некоторых административных учреждений и в гражданских должностях, но военные сановники заведуют иногда и такими учреждениями, как курорты, благотворительные и даже родовспомогательные заведения и др.

Поражает иностранного офицера также и назначение у нас на всевозможные, не имеющие непосредственного отношения к военному делу должности офицеров Генерального штаба, пред-

назначенных для руководства военным делом во всех его отраслях, а впоследствии преимущественно для командования малыми и крупными единицами армии.

Военное хозяйство, заготовка предметов снабжения как отрасли военного дела, несомненно, подлежат контролю военных учреждений, в том числе и офицеров Генерального штаба. Однако в иностранных армиях не допускают, чтобы офицеры Генерального штаба на подобных поприщах составляли себе карьеру, совершенно чуждаясь строя и своего специального боевого назначения. У нас же офицеры Генерального штаба иногда подолгу прослуживают в различных канцеляриях и учреждениях, как например в интендантстве, и потом вдруг появляются в строю в роли руководителей более-менее крупных боевых единиц часто во вред делу.

Вообще, при сравнении нашей армии с другими европейскими армиями ничто так не нарушает установившиеся за границую понятия о прогрессе военного дела, как тяготеющее все еще на строевых частях нашей армии обременение хозяйством. Коммерческая деятельность начальников всех степеней и лежащие на них хозяйственные обязанности по продовольствию войск, по заготовке различных предметов снабжения и по заведованию всевозможными мастерскими, складами и даже строительными работами, отвлекает их от военного дела, отнимает у них массу времени и сил и соблазняет многих. Все это вносит в части рознь, вредно отзываясь на дисциплине. Хозяйство и отчетность тяжелым кошмаром ложатся на наши строевые части, которые не воспрянут к плодотворной службе родине, пока совершенно не будут освобождены от всех без исключения хозяйственных забот, как это давно установлено за границею, ограничиваясь лишь приемом предметов довольствия.

Естественно, что иностранцы при оценке нашей армии ставят нам громадный «минус» ввиду того факта, что у нас еще держится старая коммерческая система довольствия, давно отжившая свой век в других современных армиях.

VI

Иностранному офицеру покажется странным и то обстоятельство, что в России войска и военные, в общем, сравнительно с заграничными войсками на их родине, *не пользуются как-то особенными симпатиями* не только интеллигентных классов, но и простонародья. Мне известен даже случай, что один из уездных городов центральной России хлопотал о том, чтобы из города убрали стоявшую там воинскую часть.

За границею военная служба всегда служит для каждого лучшею рекомендациею. Там охотнее примут на службу, общественную или частную, военного, чем не служившего в войсках. Ему больше доверяют как человеку сравнительно развитому в смысле честности, порядочности, приученному к исполнительности, порядку. За границею большая часть населения явно сочувствует армии, следит за нуждами ее, охотно присутствует на маневрах, сближается с войсками, делает им манифестации; помещики и средние классы с удовольствием приглашают к себе офицеров, а простой народ — солдат. Население ничего не жалеет для пользы воинских частей и радуется их благополучию.

У нас не то. Напротив, выслужившим срок солдатам не доверяют. *Общее мнение скорее сходится в том, что на службе люди у нас портятся*, превращаются часто из хлебопашцев в пролетариев, привыкают к лени, своеволию, лжи и легкомыслию. Для перемещаемых воинских частей и у нас устраиваются официальные обеды, но это не то, что там: это делается как будто по чьему-либо личному распоряжению, а не по общему желанию.

Чем же объяснить подобное безразличие, если не расположением народных масс и большей части интеллигенции к цвету народа, к защитникам отечества?!

Очевидно, что у нас происходит что-то вроде отчуждения армии или, по крайней мере, военного режима от народа. *А может быть, общественное мнение относится отчасти отрицательно к нашему военному воспитанию, к нашим военным порядкам вообще?!* Или же, наконец, это явление имеет связь с тем, что выше было сказано о национальной бесцветности, а следовательно, и национальном безразличии значительной части нашей интеллигенции и о склонности ее к космополитизму, не сочувствующему ни милитаризму, ни военному делу?!

VII

Совершенно своеобразно сложился в России взгляд на *офицерские браки*. Между тем как в армиях наших западных соседей *вступление офицеров в брак до крайности затруднено* установлением там сравнительно высокого имущественного ценза и в особенности строгою разборчивостью при уделе-

нии согласия на брак, у нас чаще всего так или иначе обходят и те незначительные препятствия, какие здесь могут встретиться при заключении офицерских браков, и в результате громадное большинство наших офицеров оказывается женатыми чуть ли не с младших чинов, притом часто без всякого обеспечения... Это просто невероятно по понятиям, обычным в заграничных армиях. Множество поэтому офицерских детей вырастает в условиях весьма незавидных, умножая число интеллигентного пролетариата. А сколько служба теряет от таких браков — трудно и сказать. Стесненный такими обстоятельствами офицер уже не располагает собою так, как до брака. Исполнительность его по службе до некоторой степени зависит уже от семейных его дел. Полковые дамы разнообразно влияют не только на своих мужей, но и на прочих офицеров. А так как во многих воинских частях почти все старшие офицеры женаты и холостых (в младших чинах) сравнительно мало, то здесь процветает, если позволительно так выразиться, «женское царство» со всеми теми симпатичными, а еще несимпатичными и, с военной точки зрения, вредными атрибутами и последствиями, которые каждому известны. В числе вредных назову только неизбежную критику, какой часто подвергаются доходящие до семейных кружков служебные распоряжения, какие подобной критике во всяком случае не подлежат.

Прослужив продолжительное время за границу, я никогда не замечал там ни малейшего отрицательного влияния на службу и корпоративную жизнь офицерского общества тех немногих дам, которых там можно встретить в военных кругах, между тем как у нас решительное влияние многочисленных наших военных дам на службу, на взаимные отношения между собою офицеров и вообще на всю нравственную и физическую жизнь офицеров части, в особенности в глухих гарнизонах, не подлежит сомнению.

Хорошо ли это?

VIII

Выше я старался осветить те условия, которые так различно влияют на образование офицерского корпуса у нас и за границу, вследствие чего они так и различны между собою.

Не менее важным представляется при оценке боевой годности обеих армий еще и различный уровень развития и специальной военной подготовки нашего и заграничного кадра *унтер-офицеров*, от которого, несомненно, в значительной степени зависит успех воспитания и строевого обучения войск в мирное и успешность военных действий в военное время. А разве можно нашего унтер-офицера сравнить с заграничным? Может ли об этом быть два мнения? Предаваться в этом отношении сомнениям — значило бы, как полагаю, совершенно не знать иностранных армий.

Старшие и младшие унтер-офицеры в армиях наших соседей стоят несравненно выше наших как по своей интеллигентности, так и по военной подготовке. Можно сказать, что у нас почти нет вовсе унтер-офицеров в смысле требований, предъявляемых к ним за границу. Впрочем, об этом так много писалось, что вопрос можно было бы считать исчерпанным, если бы он, несмотря на это, до сих пор не оставался неразрешенным на практике. В сущности, он сводится к вопросу денежному. Располагая необходимыми суммами, нетрудно для обеспечения нашей армии вполне подходящими унтер-офицерами учредить необходимое количество унтер-офицерских школ (примерно по одной на каждую дивизию), хорошо обставленных и с достаточно продолжительным курсом, хотя бы учащиеся провели в школе весь срок действительной службы и потом в строю имелись одни только сверхсрочные унтер-офицеры, определенные по окончании курса сразу на пяти-шестилетнюю сверхсрочную службу, как за границу. В желающих поступить в такую школу из числа призывных, а сверх того и со стороны, не было бы недостатка, так как они получили бы образование на казенный счет и по окончании военной службы превратились бы в дельных чиновников разных ведомств, что опять-таки давно осуществлено на практике с прекрасным успехом за границу, и в особенности в Германии. Ведь учебные наши команды цели не достигают, и оставлять далее нижних чинов на том уровне воспитания, на котором они находятся в настоящее время, не будет ли рискованно?

Риск подобного состояния очевиден не только по результатам последней войны, но и по примерам мирного времени.

Весьма характерным примером нецелесообразного, неумелого воспитания наших солдат может служить та беспомощность, с которою, начиная с 1904-1905 годов, наши строевые нижние чины выступают в борьбе с террором. Повторяется всегда одно и то же явление: злоумышленники почти всегда застают наши команды врасплох и истребляют их почти без сопротивления. Так, например, для охраны денежных сумм наряжается с поездом целый вагон солдат. Когда поезд въезжает на станцию,

нападающие бросают бомбы под вагон и в самый вагон с солдатами, не успевающими защитить ни транспорт, ни самих себя, между тем как разбойники, ограбив почту, безнаказанно скрываются...

С военной точки зрения, подобное явление, несомненно, свидетельствует о *неподготовленности наших нижних чинов и к войне*, так как все эти нападения не что иное, как те же военные действия в миниатюре.

На моей памяти со времени Русско-турецкой войны умственная неразвитость наших нижних чинов удивительно мало изменилась к лучшему. В такой промежуток времени в других странах прогресс заметен на всех поприщах общественной жизни в значительной степени. В наших же войсках процент грамотных новобранцев хотя и повысился, но общий уровень их умственного развития остался прежним...

Все это находится, впрочем, в связи с унтер-офицерским вопросом и всем прочим, о чем упоминалось выше.

IX

Следовало бы сравнить еще и *воспитание нашей молодежи в военно-учебных заведениях с таким же воспитанием за границей*. Полагаю, что и в этом отношении мы отстаем от своих соседей, в особенности за последнее время. Не говоря уже о науках, мне кажется, что *там от нас уходит далеко вперед воспитательная часть*. Даже к самостоятельной, практической жизни там готовят своих воспитанников более основательно, не оставляя без внимания такие требования, как умение сообразоваться в жизни со скудными средствами офицерского содержания и устроить притом свою жизнь возможно рационально с точки зрения современных культурных требований. За границей воспитание и общеобразовательная часть обучения обдуманы так всесторонне, что там не забывают даже о систематическом ознакомлении воспитанников военно-учебных заведений, в общих чертах, с искусствами («Kunstunterricht» как отдельный предмет), так как и искусства также имеют свое значение в современной жизни культурного общества, между тем как выпускаемые прежде офицеры в этом и во многих других отношениях (практическое знание языков и т.д.) являлись совершенными профанами, что нередко ставило их в неловкое положение в обществе и оставляло важные пробелы в некоторых отраслях их умственного развития.

X

<...> Что же касается военного нашего могущества, то в этом отношении и армия наша — непочатый край природных ресурсов, и при надлежащем отношении к делу нам нечего опасаться за нее. Избитая, банальная с виду фраза о прекрасном нашем солдатском и офицерском материале имеет свой глубокий практический смысл.

Нужно только развить чувство патриотизма и военного долга да единство духа.

Единодушный корпус офицеров, сплоченный сознанием величия своего призвания, сознанием всемогущества военных своих познаний и также готовностью жертвовать собою за высшие интересы отечества вместе с превосходным нашим солдатским материалом, доведенным до надлежащего уровня умственного развития, составит силу, которая при известных всему миру редких боевых качествах нашего племени в состоянии одолеть врагов всего мира. <...>

Червинка Я. Военная карьера у нас и за границей. — Варшава. 1912.

Н. Корф

О ВОСПИТАНИИ ВОЛИ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ

Для того чтобы управлять другими, надо прежде научиться управлять собой.

Ж. Пейо

Мы давно и часто повторяем слова Наполеона о том, что успех на войне на три четверти зависит от духовной стороны дела. К сожалению, этим повторением мы в громадном большинстве случаев и ограничиваемся, совершенно забывая, что в таком живом деле, как наше военное, теоретическое положение без практического приложения, как бы справедливо оно ни было, остается совершенно мертвой истиной. Действительно, сознательно у нас почти ничего не делается в отношении духовной подготовки к бою войск; в деле воспитания мы возвращаемся лишь в области разных исторически сложившихся приемов, обратившихся в рутину, где добро перемешалось со злом до такой степени, что порой даже трудно признать за тем или другим первенствующее значение.

Правда, и в теории мы встречаем достаточную неясность. «Психология почему-то до сих пор крайне пренебрегает всеми теми явлениями, которые относятся к духовной деятельности человека на войне; военные же историки, имея до последнего времени весьма мало понятия о важности фактов духовного свойства, обыкновенно или вовсе опускают их или описывают лишь наиболее резко бросающиеся в глаза, ища тайну побед то «в сообщениях», то «в ногах», а не заглядывая в сердца и головы людей»¹.

Вдобавок, говоря о зависимости успеха от духовного элемента, мы почти всегда подразумеваем под этим элементом так называемый «дух войск», забывая или даже подчас и не подозревая, что этот самый «дух» есть явление весьма и весьма сложное, и совершенно игнорируя духовную деятельность начальствующих лиц.

Между тем печальный опыт минувшей войны наглядно показал, что в ряду наших недочетов, бесспорно, самым крупным являлась неподготовленность громадного процента начальников всяких степеней; притом не столько в смысле недостатка знаний, сколько в отношении недостатка самостоятельности, неумения *решать и решаться*. Отсутствие надлежащей воли — вот где главное зло, с которым необходимо бороться; и приступить к борьбе с этим злом надо немедленно, не теряя ни минуты, если мы хотим подготовиться для будущего и в следующую войну не переживать опять острой горечи поражений.

<...> Обратимся теперь к более детальному исследованию того, какие собственно эмоции, положительные и отрицательные, вторгаются в душу начальника и так или иначе властно влияют на него. При этом мы будем рассматривать их не столько с точки зрения получения положительного результата решения, сколько самого *процесса* решения (доведения акта воли до конца).

На войне все отрицательные эмоции, т.е. задерживающие окончание борьбы мотивов и наступление кризиса воли, могут быть сведены к страху: страху лично за себя, за своих подчиненных и за порученное дело, и, как следствие этого, к разновидностям нерешительности.

«Эмоция страха происходит при представлении *наступающего* (приближающегося) зла. Характер ее составляют: особая форма страдания или несчастья, упадок активной энергии и исключительное сосредоточение в уме относящихся сюда идей»². «Силы внезапно и в обширных размерах покидают органические процессы и сосредоточиваются на известных интеллектуальных процессах и на телесных движениях». «Если мы будем измерять его (страх) прекращением удовольствия, то увидим, что он составляет один из самых страшных видов человеческого страдания». Физиологические спутники страха вызывают чрезвычайно угнетенное состояние. Мышление в значительной мере подавляется, падает способность критики и оценки; одновременно получают силу произвольные сочетания идей и начинает действовать фантазия, направленная в сторону причин страха. Вообще, как и всякое страдание, страх крайне ослабляет деятельность и побуждает искать освобождения от него любыми

¹ См. мою статью «Связь военных наук с общественными», стр. 47.

² Бэн. Психология, стр. 251, 252.

средствами¹. Что касается воли, то «страх подчиняет себе и преодолевает до такой степени волю, что люди всегда считали героем того, кто имел достаточно силы побороть и овладеть им»².

Полное отсутствие *личного страха* в бою при *сознаваемой опасности*, полагаю, есть явление вряд ли возможное; но, как мы увидим ниже, есть средства для борьбы с этим гнетущим чувством и до такой степени успешной, что порой страх может стать незаметным даже для самого себя.

Страх за подчиненных, иначе говоря, чувство нравственной ответственности за их жизнь, порой является весьма тяжелым чувством, особенно в бою, и тогда, когда в голове начальника не достаточно ясна самая цель действий или важность ее достижения. Тут этот страх может служить очень сильным мотивом, удерживающим от принятия решения, следствием которого могли бы быть те или иные потери в людях. Весьма наглядно это сказывается, между прочим, при так называемых «усиленных рекогносцировках», особенно при производимых без достаточных оснований для их совершения.

Помню, как мне трудно было и как долго я не решался продвинуть вперед боевой порядок своей колонны во время рекогносцировки в январе 1905 г. к Вацзылинскому перевалу; и это только потому, что, достигнув первоначального успеха (разгрома японской заставы, взятия пленных) без потерь, я боялся их понести, получив донесение со своего правого фланга, что против него противник прочно засел. Зато, когда близко, из-за горы, появилась колонна наших главных сил, беспечно подставляя свою артиллерию под возможно близкий ружейный обстрел (она считала, что я уже значительно впереди), я тотчас же перешел в наступление: цель — прикрытие артиллерии — стала ясна, созрел другой мотив, и сразу явилось решение.

Двигаться вперед или нет, предпринимать ли операцию, рисковать ли людьми или же это будет бесцельным — вот вопросы, смущающие душу и создающие нерешительность. Психологически же это будет случай, когда, желая результата, мы страшимся средств и желание наше остается бесплодным, не переходя в действие.

Страх за успех дела, за результат начинаний, как страдание в идее, усиливает продолжительность борьбы мотивов уже потому, что мы невольно припоминаем из нашего опыта отрицательные результаты слишком поспешных действий. Страх неудачи сверх того имеет свои особенности, являясь чувством сложным, слагающимся из ожидания, сомнения, беспокойства и неуверенности в собственных силах.

В *ожидании* представление будущего успеха ограничивается противоположными представлениями, ослабляющими уверенность в этом успехе. Поэтому ожидание соединено с неприятным ощущением, тем более сильным, чем меньше уверенности в успехе, т.е. чем меньше является мысленных образов, обещающих успех, и чем больше таких, которые ослабляют уверенность. В случае несбывшегося ожидания душа может прийти в волнение настолько сильное, что нужно продолжительное время для ее успокоения. А так как на войне успех не достигается мгновенно, и каждая задержка и частичная неудача являются разочарованиями, то понятно, что волнение от ожидания может быть весьма сильным.

При *сомнении* мы сопоставляем внутренний ход наших мыслей и желаний с внешними естественными явлениями и поступками других людей, т.е. данными, не зависящими от нашей воли. Противоположные представления, служащие основанием для них, сталкиваясь и взаимно исключая себя в душе, возбуждают в ней чувство колебания, мучительного беспокойства, раздвоенность души, которое называется сомнением. На войне, и в частности в бою, наш внутренний мир сталкивается с такими крупными, независящими от нас факторами, как внутренний мир противника и своих войск; поэтому сомнению предоставляется обширное поле, особенно при обороне, при которой чужая воля (противника) играет такую большую роль.

Сомнение может значительно усилиться при *предчувствии несчастий вообще*, особой форме страха, свойственной некоторым пессимистически настроенным людям, а также при беспокойстве, как предчувствии безуспешности, являющемся следствием разочарования после ряда предшествовавших неудачных опытов.

Ожидание, сомнение и беспокойство, с близким спутником своим *нетерпеливостью*, превращаются то в надежду, то в страх и имеют бесчисленные степени и оттенки; чем возможно кажется дости-

¹ Трусость, собственно говоря, и есть удовлетворение всякими средствами стремления избежать самого чувства страха, путем устранения себя от действия вызывающих его причин.

² Angelo Mosso. Страх, стр. 222.

жение цели, тем более надежда превращается в уверенное ожидание, и чем менее цель кажется достижимой, тем более страх приближается к отчаянию.

Но есть и еще составная часть страха неудачи — это чувство *неуверенности в себе*, недоверия к собственным силам. Уже при всяком решении, когда противоположные мотивы многочисленны и особенно когда в них ярко сказываются чувства, даже для хладнокровного человека правильная оценка их представляет действительную трудность.

Следующей трудностью, влияющей на процесс обдумывания, является неспособность судить о неиспытанных до того положениях; то, «что абсолютно чуждо, требует заботливой построительной операции»; «во всех неиспробованных состояниях, в упражнении несовершенных сил и при начинании предприятий, где мы отчасти только видим нашу дорогу, мы бываем склонны к мучениям страха». «Что-либо новое, недостаточно еще определенное, служит особою причиною страха»¹. <...>

Наконец, к этой группе причин страха надо отнести еще *общественное мнение*; «будучи чем-то неизвестным и изменчивым, оно, столь же сильное как на добро, так и на зло, способствует отягчению суровости этого чувства»². Как разновидностью общественного мнения, хотя и более беспристрастного, следует признать также *суд истории*, страх которого подчас заставляет принимать решения, иначе трудно объяснимые.

Внимательно взглядываясь в сказанное о разных видах страха, нельзя не заметить, что если, с одной стороны, он вызывает слабость физическую и духовную, то, с другой стороны, представление об опасности или насилии обстоятельств или чужой воли над своею, вызывая сознание *бессилия*, одновременно вызывает и чувство страха. «Мало того, простое возникновение чувства слабости или бессилия в каком-нибудь отношении, при полном отсутствии всякой опасности, всегда почти сопровождается чувством страха, иногда в очень сильных степенях. Это чувство бессилия весьма часто, можно сказать, во всех сложных случаях, вызывается прямо ослаблением мыслительных операций и простою невозможностью приложить силу ума к оценке окружающих обстоятельств»³. «Слабость, — говорит Моссо, — порождает страх, который в свою очередь порождает слабость».

Таким образом, страх уже сам бывает *мотивом* для решения (самосохранение, опасение за жизнь подчиненных, подсказывание излишней осторожности из-за сомнения, опасения неиспытанного положения). Затем он является *данною, замедляющею борьбу мотивов*, которая всегда продолжительнее, когда одно из чувств имеется налицо, реально (страх), а другое идеально должно испытываться в более или менее отдаленном будущем (долг, спокойствие совести)⁴. Наконец, страх не только затрудняет созревание решения, влияя на процесс мыслительных способностей, но может и извратить таковое, затрудняя самую оценку мотивов. В результате получается *нерешительность*; причем при высоких степенях ее душа может, или прийти в чрезвычайно бурное состояние, или дойти до начальных фазисов душевной болезни абулии (безволия), во время которой простые действия до бесконечности взвешиваются. <...>

И физически, и духовно мы можем влиять на страх лишь в крайне малой мере, и все значение здесь принадлежит положительным эмоциям, которые, как и всякие эмоции, могут вытеснять, убивать им противоположные.

Из таких эмоций первое место следует отнести так называемому «мужеству», главную часть которого составляет *чувство мощи*. Последнее является, когда к приятному возбуждению от самого процесса деятельности присоединяется сознание возможности преодолеть трудности, лежащие на пути к достижению цели; оно как бы обратно страху, который есть следствие сознания нашего бессилия перед этими трудностями. Поэтому одни и те же предметы и явления могут действовать различно на разных людей в зависимости от того, вызывают ли они в них сознание бессилия (страх), или, наоборот, дают сознание и чувство мощи; и точно так же различно может быть их действие на одного и того же человека, но при различных обстоятельствах, внешних и душевных.

Чувство мощи, как справедливо замечает Снегирев⁵, «одно из самых приятных, имеет распространение во всех сферах человеческой жизни и весьма большое влияние, всюду возбуждая и повышая

¹ Бэн. Психология, стр. 395, 254, 216.

² Там же, стр. 256.

³ Снегирев. Психология, стр. 509.

⁴ Интересно отметить, что столь простое с виду сознание или вернее чувство ответственности, известное всякому, кто делал что-либо самостоятельное, при рассмотрении его с психологической точки зрения, оказывается подразумевающим в себе совместное присутствие чувства страха и долга и, следовательно, борьбу их при каждом ответственном решении.

⁵ Психология, стр. 455.

его деятельность и энергию». Часто оно является просто расширением органического чувства силы, ощущения жизненной энергии; но может возникнуть и независимо, обуславливаясь представлением о власти над внешними предметами. «Чувство мощи — это идейное, а не элементарное чувствование»¹. Засим, «изменение кровообращения, — говорит Моссо², — в мозгу того, кто готовится с твердой волею побороть препятствие, производит такое увеличение энергии нервных центров и в упругости мышц, что они получают большую силу и дают результаты, которых трудно было бы ожидать от трусов, как бы здоровы и сильны они ни были».

Чувство мощи «может занимать ум, контролировать мысли и поработать убеждения»³; с другой стороны, приятность сознания *силы воли*, как частного случая чувства мощи, поддерживает в значительной степени все проявления власти человека над собою. Наконец, внешним образом эта эмоция выражается в прямоте фигуры и в приливе физической энергии, порой сопровождаемых смехом.

Принимая во внимание, что противовесами страха являются физическая бодрость, энергичный темперамент и силы воли и ума, не дающие развиться чувству бессилия и содействующие устранению нерешительности, — необходимо признать, что чувство мощи, усиливая указанные данные или содействуя их работе, является одною из существенных эмоций, могущих успешно бороться со страхом. Но, к сожалению, «мы нелегко воспроизводим это удовольствие в идеальной форме при отсутствии действительного (наличного) стимула»⁴.

Чувство мощи, независимо от удовольствия при преодолении препятствий, т.е. как бы от измерения силы этим путем, в менее активной форме принимает вид *уверенности в себе*. Конечно, *безусловно*, полной уверенности никогда не может быть, но путем многих опытов, измеряя нашу силу, мы можем прийти до «практической веры в самих себя, опирающейся лишь на наш опыт и знание нашего характера»⁵. Если всякое сомнение является началом разложения энергии, то, наоборот, действие всегда идет легче, когда есть сильная уверенность в удаче, которая представляет, опять-таки, главным образом, уверенность в собственных силах. Полагаю, что значение уверенности в себе настолько ясно, что не нуждается в иллюстрации примерами. Замечу только, что громадным подспорьем в приобретении этой уверенности является наличие положительных знаний, последнее вдобавок может иметь и непосредственное влияние на уничтожение чувства страха, как следствия бессилия, поскольку это чувство является от недостатка знаний.

Другим видом соизмерения наших сил является чувство *соревнования*, которое может явиться весьма энергичным толчком к тому, чтобы мы посредством деятельности, приводящей к сравнению с деятельностью других, пытались доказать свое превосходство над ними и тем могли бы добыть удовольствие от чувства мощи. Военная история изобилует доказательствами значения соревнования как побудителя к самой энергичной работе; чтобы не ходить за ними далеко, вспомним лишь действия генералов Ренненкампа и Орлова в начале кампании 1900 года.

Чувство мощи как результат измерения (и превосходства) своей силы, тесно соприкасается с другим, с эмоцией *преследования цели*, достижения *успеха*. В деятельном стремлении к цели заложено известное удовольствие, которое может стать положительно опьяняющим по мере ее достижения (конная атака, удар в штыки) и даже дойти до экстаза (при победе). Эмоция эта характеризуется, кроме увеличения ее при приближении к цели, сосредоточением какого-либо из внешних чувств на предмете (например, говорят: «я весь обратился в зрение») и состоянием сосредоточения внимания на нем, соединенного с забвением о себе.

Последнее свойство весьма важно в смысле борьбы с личным чувством страха. Замечено, что чем больше имеешь личного дела в бою и чем оно самостоятельнее, ответственнее (преследование цели), тем меньше думаешь об опасности (забвение о себе); и это до такой степени, что в душе временами может как бы *вовсе не остаться места* для страха. <...>

Вообще, отвлечение *внимания* куда-либо на посторонние предметы является существенным подспорьем в борьбе со страхом, хотя и не как мера, направленная против существа его {чувства бессилия}, а только против идеи (отвлечение мыслей от причины страха). Так, в 1900 году генерал Анисимов (тогда полковник) при штурме Бейтана рекомендовал шедшему рядом с ним подполковнику «за-

¹ Гефдинг. Очерк психологии, стр. 239.

² Страх, стр. 223.

³ Бэн. Психология, стр. 280.

⁴ Там же, стр. 279.

⁵ Гефдинг. Очерки психологии, стр. 323.

курить», когда узнал из откровенного признания последнего, что он волнуется под сильным огнем.
<...>

В общем, чувство взаимной выручки, подвигая подчас на тяжелые и мучительные труды с забвением самого себя, даже на смерть за других, может оказать начальнику весьма энергичное содействие в борьбе со страхом и в принятии решения.

В числе эмоций мы не имеем, кажется, других, которые могли бы воздействовать на самое *чувство страха* по существу; но есть много таких, которые могут в значительной мере помочь бороться косвенно с ним или с его последствиями.

Самоуважение и гордость, заключая в себе постоянную мысль о наших достоинствах, «внушают чувство, как мотив к поведению. Создавши высокое мнение о себе в известных отношениях, мы воздерживаемся от того, чтобы унижить эту оценку посредством несоответственного поведения». Известно, например, что получение Георгиевского креста налагает *обязательство* быть храбрым. Поэтому чувства эти: а) сильно поддерживают в борьбе с чувством личного страха в бою, не давая ему по возможности ничем высказаться¹; б) после первого одержанного успеха они заставляют нас напрягать все наши силы, чтобы в следующем деле вновь добиться успеха, поддерживая свою репутацию хорошего начальника и т.п.

В этом гордость близко соприкасается с *любовью к одобрению*. Одобрение, согласие с нами другого лица, не только поддерживает и укрепляет нас в наших мнениях и чувствах, но может еще и значительно усилить напряженность этих чувств. Вот почему так важно наличие полного согласия между начальником и его начальником штаба. Значение одобрения еще больше сказывается в случае восхваления нас над другими; здесь примешивается также чувство соревнования, которое, как мы видели, может играть весьма важную роль в числе положительных эмоций. Наконец, всякое одобрение усиливается в своих результатах, если оно исходит от любимого начальника. Значение одобрения на войне всегда было известно и практически применялось. Прибавлю только, что если захваливание может иметь отрицательные результаты, когда похвала за всякий ничтожный поступок набивает нравственную оскомину и начинает уже приниматься как своего рода недоверие к возможности совершить что-либо более серьезное, то отсутствие похвалы, когда она действительно заслуженна, тоже не может рекомендоваться; это действует как чувство обиды и может повести к нелюбви подчиненными своего начальника.

Другой вид одобрения — *похвала общественного мнения*, и желание заслужить ее может стать как бы бичом, понуждающим нас напрячь все силы к борьбе со страхом и к достижению успеха. Но этот вид одобрения имеет тот крупный недостаток, что при сильном опасении не заслужить его может превратиться, как уже замечено раньше, в сковывающее чувство бессилия.

Любовь к одобрению, представляя возвышенную форму самодовольства, может, однако, вырождаться в *тщеславие*. Тем не менее и это чувство может быть использовано с успехом. Установление всюду спокон веков наград и всяких отличий служит тому наглядным доказательством. Замечу при этом, что только *награждение за действительные заслуги*, поддерживая ценность внешних знаков отличия, может сохранить за последними значение действительного побудителя; в противном же случае ордена постепенно приобретают характер котильонных и является погоня исключительно за этими *украшениями*, взамен стремления отличиться на самом деле. Большое спасибо в этом отношении Георгиевской думе за то, что она в минувшую войну круто поддерживала ценность белого крестика.

Другим отрицательным чувством, могущим иметь положительное значение, является страх, сравнительно в слабой форме² к *высшему начальнику*, как следствие стремления избежать будущего страдания — кары за неисполнение законных требований. Воздействие при известной системе воспитания во всяком случае может быть весьма существенным, особенно влияя на мотивы, борющиеся с чувством самосохранения. Так, я видел под Мукденом, как генерал Ренненкампф жестоко распек офицера Генерального штаба, доложившего ему о необходимости незначительного отступления войск с участка позиции, где он находился, — и участок был удержан. Я видел, как тот же генерал отнял батальон, находившийся в горячем бою, у его командира за то, что тот отступил на несколько

¹ Интересно заметить, что многие с первого же боя добиваются полного самообладания, за исключением власти над своим языком. Чувство страха сдержано, но не побеждено, и свойственное ему стремление проявиться в сильных мускульных движениях сказывается в такой области мышц, на которую мы не обращаем внимания. Я неоднократно видел людей, становившимися болтливыми со вступлением в сферу огня.

² При резкой форме он, наоборот, может лишь вызвать, как и всякий страх, нерешительность.

сот шагов, — и батальон этот более не отступал. Мера, правда, весьма решительная и требующая большой уверенности в себе; но именно эта-то уверенность и передавалась таким путем войскам и их частным начальникам, в то же время давая последним поддержку в виде спасительного страха к высшему начальнику.

То же значение поддержки имеет и обратное чувство — *симпатия, уважение к начальнику*. Стремясь, с одной стороны, доставить ему удовольствие, заслужить его одобрение, мы, с Другой стороны, невольно, в силу основных свойств всякой симпатии, стараемся подражать ему. В результате же мы напрягаем наши способности и получаем новый мотив для решения — в подражании. Мысленно поставив на свое место этого начальника, решить за него вопрос и затем стараться поступать так же, как поступил бы он, — вот прием поддержки, которую мы находим в подражании; и прием весьма действенный, как пришлось мне самому испытать.

Во всяком случае, влияние высшего начальника становится весьма осязательным при умении его *внушать* свою волю или идею. Внушение «усиливает чувства и стремления, поднимая до необычайной степени активность народных масс»¹. Без сомнения, «дисциплина и сознание долга создают из войск одно могучее колоссальное тело; но последнее, для того, чтобы проявить свою мощь, нуждается еще в одухотворяющей силе, и эта сила заключается во внушении той идеи, которая находит живой отклик в сердцах воюющих. Вот почему умение поддержать дух войск в решительную минуту составляет одну из величайших забот знаменитых полководцев. Этой же силой внушения объясняются геройские подвиги и самоотвержение войск под влиянием одного возбуждающего слова своего любимого военачальника, когда, казалось, не было уже никакой надежды на успех»². <...>

Заканчивая этот очерк, вместо сводки всего сказанного, я позволю себе бегло, вкратце набросать те теоретические требования, которые могут быть предъявлены психологию к военной системе с точки зрения воспитания и содействия самовоспитанию воли.

Прежде всего система эта не должна ставить *косвенных* препятствий, отнимая *время* непроизводительным образом. Из таких препятствий как на главные можно указать на существование «войскового» хозяйства и обилие переписки в войсках и управлениях. При этом, если хозяйство почему-либо не может быть совершенно изъято из ведения войск, то оно не должно, по крайней мере, являться воспитателем безволия, сковывая всякую самостоятельность то сметами, то отчетами, то предельными ценами, то разрешениями свыше, взамен требования строго ответственной самостоятельности, могущей оказать крупную поддержку воспитанию воли.

Способ комплектования армии офицерами обуславливает состав той товарищеской среды, в которой подготавливается будущий начальник, с ее влиянием в смысле общественного мнения, формирования привычки и снабжения многими идеями как источниками решений; поэтому нужно, чтобы товарищи были действительно *равны* между собой по тому умственному и нравственному багажу, с которым они являются на формирование офицерской среды³; иначе дурное влияние менее культурных из них неизбежно скажется.

Воспитательное значение системы прохождения службы обуславливается применением принципа справедливости; нравственный закон должен быть руководителем законодателя так же, как долг — руководителем деятеля. Вспомнив, однако, что добром в военном деле является все то, что ведет к победе, добро это не всегда будет таковым по отношению к отдельным личностям, жертвующим ради целого. Поэтому, относясь строго одинаково ко всем прочим, военная система необходимо должна выбрасывать лиц негодных и, наоборот, выдвигать тех, которые оказываются наиболее годными для занятия более высоких, т.е. более трудных и ответственных должностей.

Из сказанного истекают следствия:

1) Производство в чины, при прочих равных условиях, должно быть уравнено, хотя бы по родам оружия. Обход сверстников на десяток и более лет не вследствие проявленных способностей, усердия и т.п., а лишь благодаря службе в N-м, а не в NN-м полку, есть явление, развращающее армию, так как подрывает авторитет чина и уважение к закону (не соблюдающему принципа справедливости). Права гвардии поэтому тоже являются вредною аномалией и вдобавок давно уже анахронизмом.

¹ Бехтерев. Внушение, стр. 136. 142.

² Там же.

³ Полагаю, что прибавлением второго общего класса и сравнением выпускных программ юнкерских училищ с военными эта цель была бы вполне достигнута в нашей армии.

2) По крайней мере, хоть некоторые награды должны даваться не за выслугу лет, а только за действительные заслуги¹;

прочие — также по аттестациям².

3) Производство в чины и назначение на должности должно основываться на заслугах лица, а не на продолжительности службы, что попутно даст сильный толчок стремлению к самоусовершенствованию. Исключение может быть сделано для младших чинов, где главное значение имеет опыт. Но уже начиная с назначения ротных и эскадронных командиров необходимо делать *выбор*.

4) Выбор должен быть основан на строгой ответственности аттестующего; неправильная аттестация указывает или на неумение различать людей, или на пристрастие³. Ответственность за аттестации — единственная мера, могущая действительно обеспечить применение принципа справедливости при системе производства по избранию. Последствия ее недостатка — возможности ошибок — менее невыгодны, чем результаты применения других систем.

5) Тщательно и беспощадно должны быть исключаемы лица, неспособные к занятию высших должностей или к продолжению службы на прежних, по своей физической негодности, отсутствию самостоятельности (безволию) или другим причинам. Надо твердо помнить, что лица, не только не представляющие положительной величины, *даже безвредные*, несмотря на свою бесполезность в мирное время, во время войны могут принести огромный вред. Значительную помощь в деле необходимой выдачи таким лицам неудовлетворительных аттестаций будет система погодно прогрессирующих пенсий, выдаваемых уходящим со службы. Но система возрастного ценза, справедливая до известной степени в младших чинах, вряд ли является полезной в высших, особенно при отсутствии применения ее на нестроевых должностях, откуда многие идут в армию во время войны.

Обучение в отношении подготовки начальников имеет целью укреплять, пополнять и освежать их знания и снабжать их опытом.

Знания, увеличивая уверенность в себе, помогают воспитанию воли косвенно; главное же их значение — *направлять волю*, помогая ей при борьбе мотивов посредством предоставления в распоряжение главного — нравственного мотива — твердых, определенных понятий о «военном» добре и зле; т.е. указывая цели, к которым должны приходиться решения.

Опыт имеет тройное значение: а) он вырабатывает живые *принципы* деятельности; б) он создает *привычки вообще*; в) он дает практику в решениях, в результате которой является *привычка решаться*. Таким образом, опыт *непосредственно воспитывает* волю; надо только поставить его приобретение так, чтобы воспитание это было наиболее полным и в направлении, указываемом долгом.

В этом отношении единственной целесообразной системой, как замечено было раньше, является предоставление каждому возможно полной свободы в достижении поставленных ему целей при полной ответственности, т.е. проведение в жизнь самостоятельности. Таким путем не только вырабатываются принципы и привычка решаться в области военных явлений вообще, но еще достигается и *непосредственная* подготовка к принятию решений на войне, с помощью систематической борьбы со страхом, составною частью ответственности; ответственность же эта должна быть перед законом и его требованиями, а не перед лицом. В последнем же случае воспитательная система достигнет прямо противоположных результатов, так как вместо долга главным мотивом в ряде решений явится страх (начальства), т.е. данная, с которою именно надо всеми средствами бороться.

Из всего изложенного вытекает:

1) В систему обучения должны быть введены в возможно широком масштабе все те занятия, во время которых требуется принятие решений, как-то: маневры (особенно небольшими частями, где больше случаев для решений), двусторонние учения, военная игра, ответственные командировки и т.п.

2) Собственно строевым занятиям должен быть отведен необходимый минимум времени. Из уставов при этом следует выбросить неприменимые на войне построения... Пересмотром уставов одиночного обучения можно одновременно достигнуть сокращения срока, нужного для подготовки молодых солдат;

¹ Статус наших орденов давно требует тщательного пересмотра.

² Чтобы все же ограничить число их, можно было бы сохранить известные нормы, но не по полкам, а по военным округам или корпусам, чтобы могло быть сделанное более справедливое распределение их, в зависимости от аттестаций.

³ В виде помощи аттестующим могли бы являться комиссии из лиц старших, выбираемых, с гласным обсуждением достоинств последнего и тайной баллотировкой, результаты которой, однако, только принимались бы к сведению.

все же выигранное время следует обратить на обучение (воспитание воли) начальников, начиная с унтер-офицеров.

3) Инспекторские смотры в нынешнем виде их следовало бы отменить. Представляя в большинстве случаев явный дерзкий самообман, соединенный с узаконенным обманом, они являются развращающими, бесцельными и отнимают много времени для подготовки к ним.

4) Высший начальник в каждый свой приезд в часть должен быть инспектирующим последовательно всей отрасли обучения и подготовки к войне. Смотры же (как бы экзамены) должны проводиться только известным отраслям обучения, которые необходимо заканчивать к определенным срокам.

5) В прочее время высший начальник должен ограничиваться постановкою целей, предоставляя полную инициативу в способах их достижения. Свобода и ответственность здесь, как и везде.

6) Это не мешает, конечно, начальнику делиться с подчиненными своим опытом и познаниями, что не только желательно, но необходимо. Средства к тому — поучения, беседы, разбор маневров и т.п. Вдобавок такой прием, давая возможность выдвинуть незамеченные, быть может, подчиненными эмоциональные стороны разных вопросов и облекая конкретными подробностями важнейшие стороны последних, будет приучать к сосредоточенному размышлению, являясь важной данной в деле воспитания. Вспомним только знаменитые «поучения» Суворова!

7) Необходимо строго и неуклонно следить за тем, чтобы требования высших начальников оставались на строго законной почве. Подобная постановка дела не исключит возможности пользования разными приемами, не указанными в уставе; но именно — как приемами только воспитательными, не включаемыми в *смотровые* требования¹. Что бы мы ни делали, а все же — смотровые требования всегда останутся *главными* деятелями в отношении направления подготовки войск; но при указанной системе они, по крайней мере, будут *совпадать* с требованиями закона, долга, а не идти с ними вразрез.

Итак, *свобода, ответственность и законность*, т.е. психологически: необходимость принятия решений, борьба со страхом и долг — вот те три главные данные, на которых основано воспитание воли начальников. Приложение их у нас на практике потребует не только реформ, но подчас и коренной ломки установившихся взглядов. Но значение этих данных так велико, горечь минувших поражений так тяжела, что вряд ли кто не согласится, что каждому из нас, военных, стоит очень и очень подумать о том, как избежать этих поражений в будущем; и одним из главных средств к этому явится приложение на практике рациональных приемов воспитания и самовоспитания.

Общество ревнителей военных знаний. - 1906. - Кн. 1.

¹ Это налагает, между прочим, то нравственное обязательство, чтобы уставы или инструкции были всегда на высоте научных требований.

О КОМАНДНОМ СОСТАВЕ АРМИИ И СИСТЕМЕ ЕГО ПОДБОРА

Если бы человечество когда-нибудь создало себе *идеал человека*, то в нем слились бы все религии, все философии и все политические теории, но эту задачу, может быть, оно не исполнит никогда, потому что до сего времени все его попытки кончались ничем или вернее полной разголосицей.

Но определить *идеал военачальника*, каковыми были Наполеон и Суворов, человека свирепой борьбы и разрушения, гордого своей духовной, умственной и физической силой, всю жизнь, как одинокий орел, высматривающего с высоты свою жертву, чтобы в мгновение расправить над ней могучие крылья и дать волю железным когтям... определить характер такого человека можно. Он жил когда-то во всех нас частично и только теперь начинает вырождаться или в каторжника, или в дряблого гуманиста.

Чистейший тип русского военного человека дал великий Суворов, которого Россия не в состоянии забыть никогда уже потому, что он был в ней единственным по силе этого духа борьбы и победы и по любви к величию и славе России.

Не надо писать глубокомысленных трактатов по психологии военачальников для того, чтобы более или менее точно определить характер его личности; достаточно пристальнее всмотреться в характер такого человека, каким был Суворов, т.е. взять этот тип из действительной жизни, чтобы составить себе ясное представление о том, к какому именно типу должен приближаться всякий военачальник. Суворов стоит к нам ближе, чем Наполеон, и, кроме того, деятельность последнего далеко не ограничивалась только войнами; как у 1-го консула и Императора у него было много и другого дела, иногда влиявшего на военные операции. Между тем Суворов всю жизнь до 70 лет... только воевал. В промежутки мира он хандрил в стоячей воде обыденной жизни и из Астрахани, куда его послала Екатерина II для переговоров о торговых сношениях с Индией, жалобно взывал: «Боже мой, долго ли еще мне в таком тиранстве томиться».

Суворов был человек глубоко и всесторонне образованный, и для нас его личность в высшей степени поучительна именно потому, что он представляет тип военного, у которого теория войны ни в чем не расходится с ее практикой, у которого она, т.е. теория, была, так сказать, *частью его боевого характера*, а не чем-то посторонним, чуждым действительности, как это видно теперь у большинства и во всем. Его *теория и его личность были неотделимы друг от друга*. Этот вопрос меня всегда интересовал и, обобщая его, мне иногда казалось возможным доказать, что все существовавшие и существующие принципы военного искусства, изложенные, например, в стратегии и тактике Леера, суть, в сущности, не общие отвлеченные идеи, а исключительно *конкретные проявления характера единичных людей, особой породы людей*.

Во всяком случае, Суворов был именно таким, и в этом заключается его гениальность. И повторяю, нам сидящим постоянно между двух стульев *теории и практики*, надо обратить свое особое внимание на эту *гармоничность его природы*. Полагаю, что эта гармоничность, или цельность характера, и породила основную черту всей его боевой деятельности, именно *решительность и быстроту*. Человек, у которого на душе есть хоть какой-нибудь внутренний разлад между умом и сердцем, никогда не достигнет этой степени решительности и быстроты (этот разлад мы развиваем в себе сами и обстановкой службы, и излишним теоретизированием опыта, и системой обучения).

Гений Суворова заключался и в его *титанической силе духа*, равной которой мы не видим в военной истории последних столетий. Наполеон уже на пятом десятке утратил свою бывшую энергию и духовную мощь, между тем Суворов в 70 лет проявил ее еще в большей степени (переход через Рашток).

Гений его заключался еще и в *необычайной быстроте и остроте мысли*, т.е. то, что в общежитии называется *находчивостью*, способностью в мгновение понять обстановку и составить соответствующее решение. Эта черта у него была развита до гениальности. Поэтому *он был бог боя*.

Таким образом, в характере Суворова мы видим три основные черты: 1) *огромная сила духа*, 2) *быстрота мысли* и 3) *мгновенная решительность*. Как следствие предыдущего и его темперамента

— *необычайная стремительность действия*. Силу его духа всегда питали *честолюбие и любовь к славе* (отечества и собственной).

Суворов был мечтателен, это может показаться странным, но я прибавлю еще, что он был поэт в своем роде (в отрочестве писал стихи и любил уединение). Он сам в конце жизни говорил: «Я находился в непрерывном мечтании». Эта мечтательность являлась следствием его сильно развитого *воображения*, которое в военной практике ему приносило ту пользу, что по случайным приметам он легко рисовал себе всю действительность, скрывавшуюся за ними. Поэтому *он быстро разгадывал и противника*.

Природа всегда наделяет гений или талант *стремлением к независимости*. Это черта всех выдающихся людей, ибо они инстинктивно ищут свободы для проявления своего гения. Суворов имел это право и *всю жизнь стремился к независимости*, и если бы в нем не было этого стремления, он не сделал бы и половины того, что сделал.

Настоящий художник отличается от ремесленника *способностью к творчеству*. У Суворова эта способность была развита в высшей степени. Во-первых, ко всякому факту, даже общепризнанному, он относился критически. На веру, как мы, не брал ничего. Когда вся Европа после Семилетней войны была очарована военной системой Фридриха Великого и слепо заимствовала только ее внешнюю сторону, один Суворов видел, что вся эта система создана и живет только гением этого полководца, а сама по себе ничего не стоит и ничего не дает. И он не стал ей подражать, а создал свою — это вторых.

Гений никогда не подражает гению, как и самобытная, даровитая нация никогда не подражает слепо другой. *Они надеются на себя и веруют в себя*.

Стремление к независимости и творчеству всегда *порождает инициативу действия, личный почин*; этим Суворов сильно отличался и любил то же в других.

Гордость и сознание своей силы не позволяли ему бессознательно подчинять свою волю другому, и на это он имел нравственное право.

У Суворова была громадная *сила воли*. Силу воли я понимаю как преобладающее над всеми, почти исключительное стремление к чему-нибудь или хотение чего-либо (Спенсер), но не временное, а длящееся через всю жизнь или, по крайней мере, продолжительное. Вообще, сила воли может измеряться длительностью хотения. *Сильная воля есть следствие цельности характера*, который я понимаю как сумму всех духовных качеств. Некоторые понимают характер как постоянную манеру держать себя известным образом при всяких обстоятельствах (Кампеано). Это определение не сущности характера, а его внешнего проявления.

У Суворова сила воли была настолько велика, что, когда он совершенно больной 69-летний старик узнал о своем назначении командующим армиями в Италии, он в несколько дней выздоравливает и, «как влюбленный юноша на свидание», летит из Кончанского в Вену и затем к р. Адд.

Ум Суворова был исключительно *синтетический* (обобщающий), хотя, когда нужно было, он умел анализировать. В каждом деле и в массе разнородных явлений войны он всегда умел подметить общую, основную черту и никогда не отвлекался мелочами. Для этого примером служит вся эта боевая деятельность, начиная с лаконической, но в высшей степени содержательной речи.

Лучшей подготовкой для победы Суворов считал *высокий нравственный подъем, неожиданность нападения и стремительность атаки*. В этой тактике вылился весь его характер. Он знал, что в нем живет могучий дух, и гипнотизировал им других. Он понимал, что упадок этого духа или растерянность есть уже залог поражения, и так как растерянность является главным образом от неожиданности, он всегда нападал неожиданно, а чтобы продлить эту растерянность, он вел атаку со стремительностью своего темперамента. *Время он ценил выше силы противника*. Для того чтобы создать для противника неожиданность появления или удара, Суворов прибегал к разным способам, но чаще всего — к скрытому и быстрому маневру, для чего ходил по таким путям, по которым никто не ходил. Мне скажут, что это возможно лишь с небольшими отрядами, которыми командовал Суворов. Нет, потому что движения или маневры огромной японской армии были также скрыты для нас, и мы никогда не могли разгадать основной мысли их операции.

С нашей точки зрения, *Суворов рисковал всегда*. Желая как можно скорее и неожиданнее напасть на противника, он буквально бежал к нему с одним авангардом и часто атаковал, не ожидая подхода главных сил. Так было, например, на реке Тидоне, когда Суворов, сдав командование главными силами Великому Князю, летит на поддержку Отта с 4 казачьими полками и сейчас же атакует Макдональда. Потом пускает в атаку два прибежавших батальона гренадер — правило «вперед, голова хво-

ста не ждет». То ли мы видим у нас в Японскую войну, когда армии и корпуса «подтягивались» и «выравнивались» чуть не по несколько дней на глазах противника? Когда Багратион в этом сражении просил Суворова повременить, говоря, что в ротах нет и 40 человек, последний ему ответил: «У Макдональда нет и 20, атакуй с чем Бог послал».

Резче всего во всех операциях Суворова сказывается *невероятная быстрота переходов*. Он говорил, что пехота должна делать от 50 до 80 верст в день и всегда исполнял это даже в Пиренеях.

Кроме сказанного, Суворов был в высшей степени *смелый и лично храбрый человек*. *Смел был и в замысле, и в деле*. Это являлось следствием уверенности в своей духовной мощи и таланте. Самоуверенность людей, ни себе, ни другим не доказавших на фактах своей ценности, есть лучший признак их глупости. Но Суворов каждый день мог убедить себя и окружающих, насколько он выше среднего уровня и насколько он свои самые смелые, самые фантастические замыслы умел осуществлять. Иногда мне кажется, что он нарочно задавался почти неисполнимым; потому что его дух требовал себе гигантской работы. Он не любил легких побед. Под Кинбурном, когда на косу высаживались свирепые янычары, Суворов был в церкви, где ему и доложили о начавшейся высадке. «Пуускай все вылезут», — отвечал он, несмотря на то, что был вдвое слабее турок. Кинбур-нская победа досталась недешево, и сам он, находясь пешком в первой линии дравшихся, чуть не был убит. Такие победы его удовлетворяли.

Личная храбрость для высших начальников не так нужна, как низшим, ибо последние стоят ближе к сражающимся, *но смелость замысла и исполнения, презрение к личной ответственности нужны первым в особенности и характеризуют сильный и благородный дух*.

Из этой краткой характеристики Суворова видно, что он был военный гений самой чистой воды. Гений, которыми судьба редко дарит человечество, а нас — раз за всю историю. И тем не менее, мы забыли почти совсем его вечные заветы и его личность, которая была единственным источником его манеры воевать, той манеры, *которая годна во все времена и при всяком состоянии материальной техники*. Меня никогда не убедят наши близорукие исследования последней войны, сводящие все на материальную сторону дела. *Победа всегда зависела и зависит от искусства и от силы духа*. Изобретение дальнотойных орудий есть следствие общего духовного упадка, как у того римлянина, который просил меч подлиннее. Техника материальной части не была и не будет причиной побед, *ее дает техника воли, ума и характера*. Учителем вот этой последней техники и был великий Суворов.

Суворов дал нам своею личностью бессмертный идеал военачальника. Тот идеал, к которому должен стремиться каждый военачальник и те, кто подбирает и назначает. Конечно, «каждый молодец на своей образец», и так должно быть. Не может большинство военачальников походить на него характером, но, во-первых, они должны стремиться к этому, это не внешнее подражание, которое только стесняет проявление личной индивидуальности, нет, это лишь тонкое сходство души в ее основных качествах, которое дает полную свободу реальных действий. Суворов в этом случае так учил: «Возьми себе в образец героя древних веков, наблюдай его, иди за ним вслед, поравняйся, обгони — слава тебе. Я выбрал Цезаря. Орлы русские облетели римских». Вот что имеет конечной целью самобытный и сильный человек.

Во-вторых, надо уметь в подчиненных подметить хоть одну из этих черт универсального характера, дать ей возможность развиться и затем умело ею пользоваться. В этом — искусство подбора и командования.

Теперь создается высшая аттестационная комиссия. Эта прекрасная мера будет приносить пользу только тогда, когда в комиссию будут поступать аттестации беспристрастно, умно и точно характеризующие личность. Иначе весь командный состав наш будет опять делиться только на две категории: на «хороших знакомых» и «вовсе незнакомых».

Для того чтобы даже наилучшая система могла быть осуществлена и принесла хорошие результаты, *надо хороших исполнителей*. С этого и следует начать.

Прежде всего надо иметь таких командующих войсками, командиров корпусов и начальников дивизий, которые способны оценивать людей, им подчиненных, исключительно как военных вообще и военачальников в особенности.

Члены аттестационной комиссии будут первое время в большом затруднении, если при настоящем положении дел сразу зададутся целью «всесторонне рассмотреть» существующие «аттестации на генеральских чинов армии» и на основании этого «выяснить степень их пригодности к службе», потому что существующие аттестации им не дадут никакого основания для оценки. И при высоком служеб-

ном опыте членов комиссии, полагаю, что им будет трудно одним разобраться во всех генеральских чинах армии, а только при этом условии и возможен справедливый выбор.

Поэтому, во-первых, придется обратиться к людям, ближе стоящим к армии, т.е. к наличным командующим войсками, к командирам корпусов и к начальникам дивизий и, во-вторых, потребовать от них *самых беспристрастных и точных аттестаций и таких, которые бы хоть по возможности характеризовали личность как военачальника*. Это главное и на первую очередь. Постараюсь наметить вопросы этих аттестаций:

1) *Энергия и сила духа*, или продолжительность и сила положительных душевных эмоций, врожденная сила духа. Это важнейшее качество. Присутствие его — залог успеха во всяком деле и особенно в ответственном, требующем *инициативы и предприимчивости*. Качества эти уже включают в себя энергический дух.

2) *Ум самостоятельный, энергичный, синтетический и смелый*, умеющий в каждом деле сразу найти его гвоздь.

3) *Воля* как устойчивое стремление к поставленной цели. Сила, регулирующая деятельность.

Это, так сказать, общежитейские качества, годные во всяком деле. Затем качества, характеризующие военачальника:

1) *Находчивость*, т.е. быстрота соображения, зоркость мысли, способность мгновенной ориентировки. То, что Суворов называл глазомером, включая сюда и *чувство местности* (Клаузевиц), т.е. способность быстро понять значение данной местности в действиях данных войск.

2) *Решительность*, умение быстро, бесповоротно остановиться на одном решении.

3) *Темперамент* — холерический, т.е. с реакцией быстрой и сильной. Остальные виды темперамента: сангвинический, реагирующий быстро, но слабо, менее желательный, меланхолический и флегматический — не желательны совсем.

4) *Смелость и храбрость, в общем, мужество*. Умение побороть чувство самосохранения перед сознаваемой опасностью (Платон).

5) *Умение повелевать* и властвовать над массой.

6) *Присутствие духа*, т.е. способность свободно мыслить и желать при всяких обстоятельствах.

7) *Честолюбие, славолюбие, самолюбие, гордость, патриотизм, чувство долга* как *главные стимулы* энергической деятельности.

8) Оно же и первое — *любовь к военному делу*.

Вот главные черты, в сумме составляющие характер военачальника. Естественно, что ко всему этому необходимо *физическое здоровье*. Но возраст сам по себе играет последнюю роль и модное слово «омоложение армии» — тоже.

В форме аттестации они могут быть изложены и иначе, но, во всяком случае, на все эти вопросы должны быть ответы, положительные или отрицательные. <...>

В основание аттестационной системы должны быть положены следующие принципы:

1) Аттестация должна ясно определять характер человека как военнослужащего, т.е. совокупность всех духовных качеств с точки зрения военной службы.

2) *Основание аттестации военнослужащего должно быть положено в течение первых 5-10 лет его службы*, когда характер его высказывается во всей природной чистоте.

3) *Эта основная аттестация должна постепенно развиваться и дополняться* по мере того, как служащий при новых условиях службы проявляет новые черты характера.

4) *Аттестация не может изменяться в сущности своего содержания*, т.е. в определении основных черт характера служащего. Она может и должна изменяться лишь в определении того, как данный характер реагирует на явления жизни вообще и военной службы в особенности. Это последнее важно для того, чтобы знать, в каких условиях данный характер наиболее проявляет свою энергию.

5) *Аттестации обер-офицеров должны быть коллегиальные*. Дальнейшие аттестации военнослужащих, начиная со штаб-офицеров, могут быть единоличными, потому что, во-первых, число штаб-офицеров в каждой части невелико, их может и должен знать непосредственный начальник; во-вторых, на них уже будут составлены аттестации за их предыдущие службы и изменить их в основе будет невозможно.

6) *Аттестации обер-офицерам до чина штабс-капитана (штабс-ротмистра) составляют постоянные комитеты под председательством одного из штаб-офицеров*. <...>

7) *Аттестации на командиров рот (эскадронов) и штабс-капитанов (штабс-ротмистров)* рассматриваются и дополняются всеми наличными штаб-офицерами под председательством командира полка через каждые 2 года. <...>

Форма аттестаций до чина штабс-капитана (штабс-ротмистра) должна обрисовывать по преимуществу врожденные черты характера не как военачальника, а как человека вообще.

Вопросные пункты в ней могут быть, например, такие:

- 1) Темперамент (энергический, флегматический).
- 2) Ум (сильный, слабый, быстрый, обобщающий и проч.).
- 3) Воля (сильная, посредственная, слабая), умение владеть собой.
- 4) Находчивость (способность быстро найтись).
- 5) Решительность (способность быстро принимать решения).
- 6) Настойчивость (в достижении поставленных целей).
- 7) Смелость (замысла и дела).
- 8) Храбрость.

В чине штабс-капитана (штабс-ротмистра) офицеры чаще могут получать самостоятельные поручения (и к этому должны стремиться их непосредственные начальники), вследствие чего характер их, как будущих военачальников, сказывается рельефнее. Но и тут следует быть осторожным в оценке, потому что многие, получая самостоятельность или власть на непродолжительное время и без полной ответственности, не проявляют той энергии, которую могут проявить. Во всяком случае, в этот период аттестации могут быть дополнены следующими вопросами:

9) Способность исполнять самостоятельные и ответственные поручения.

10) Способность к командованию (умение поддержать свой престиж как начальника, умение повелевать).

11) Решительность не личная, а как начальника части. Аттестации командиров рот, эскадронов и батарей могут быть дополнены следующим:

- 12) Умение самостоятельно распорядиться частью в поле и дома.
- 13) Умение быстро найтись и принять решение в поле (на маневрах).
- 14) Быстрота и энергия при исполнении принятого решения.
- 15) Умение оценивать условия местности при решении тактических задач в поле своею частью.
- 16) Умение обучать и воспитывать подчиненных.
- 17) Практическое знание строевой службы.

На штаб-офицеров эти аттестации могут быть дополнены так:

- 18) Умение командовать отдельной частью в поле (полком).
- 19) Умение пользоваться способностями подчиненных начальников.
- 20) Энергия духовная и физическая (по сравнению с предыдущей деятельностью).
- 21) Способность брать ответственность на себя в решительные минуты.

На командиров полков:

22) Умение командовать отдельным отрядом из двух родов оружия (пехота или кавалерия с их артиллерией).

- 23) Умение оценивать военную обстановку тактически и стратегически.
- 24) Знание подчиненных военачальников.
- 25) Способности административные и хозяйственные. На генералов:
- 26) Энергия духовная, умственная и физическая, по сравнению с предыдущими аттестациями.
- 27) Умение самостоятельно командовать большими отрядами всех родов оружия.

Ответы на все эти вопросы должны быть точны, но не стеснены определенными выражениями. <...>

Я только хотел указать на то, как следовало бы выработать эту систему, и прежде всего на то, что аттестация каждого военнослужащего не должна быть каким-то случайным экспромтом одного лица; она должна представлять *краткую историю духовной и умственной жизни каждого и вполне обрисовывать его личность, его индивидуальный характер*. Только тогда она может иметь ценность сама по себе и давать солидный материал для определения годности военнослужащего. <...>

О РАЗВИТИИ ВОЕННЫХ ПОЗНАНИЙ И ОБЩИХ ПРИНЦИПОВ В СРЕДЕ ОФИЦЕРОВ АРМИИ

Военное сословие разделяется на две части: одна — специально отдавшаяся военной службе по призванию, другая — переходящая масса, обязательно проходящая через ряды армии и периодически изменяющаяся в составе. Успех деятельности армии в достижении ею боевых качеств вполне зависит от первой половины — офицеров. Лица, специально отдавшие военному делу, во-первых, развивают и совершенствуют начала военного искусства и способы ведения боя, во-вторых, обучают и ведут в дело подчиненные массы. Как то, так и другое требует с их стороны много знаний и много труда. Труд этот увеличивается с развитием военного дела и в настоящее время должен быть направлен к развитию в массе нижних чинов сознательного отношения к военному делу и дисциплины, основанной не на чувстве страха, а на сознании долга и необходимости повиновения начальникам, «как основе силы и значения армии», и к изучению каждым из начальников детальной стороны боя.

Чтобы развить в массе нижних чинов необходимые им в современном бою качества, вселить в них понятие о долге, пробудить любовь к военному делу и сознание чести знамени, нужна кроме желания и труда со стороны офицеров общая их преданность военному делу. *Надо, чтобы эта часть военного сословия была вполне проникнута любовью к избранному занятию, ценила военное звание выше других, встречающихся на жизненном пути, стремилась к усовершенствованию военного дела и развитию общих начал, выработанных практикой.* «Для того, чтобы внушить сознание о необходимости повиновения, надо самому служить к тому наглядным примером, надо хорошо знать дело, которому посвящаешь свои лучшие силы». <...>

Теория военного дела основана на практике войны и дает только общие начала ведения боя, основываясь на которых офицер должен по возможности решить наибольшее число частных случаев, чтобы выработать в себе способность решаться в бою мгновенно, не теряя времени, так сказать, на квалификацию данной обстановки. Решения эти, отвечая каждой отдельной обстановке, в общем направлении должны согласоваться с теоретическими началами, которые в свою очередь изменяются на основании указаний практики войны. Каждая кампания вносит новые элементы в теорию военного дела; поэтому необходимо постоянно следить за изменениями и развитием теоретических воззрений, подкрепляя выводы науки собственными впечатлениями, основанными на изучении тактической стороны последних войн. Такое изучение даст возможность присмотреться к массе отдельных случаев, положений, обстановок и к применению к ним существующих теоретических воззрений. Пренебрежение к такого рода исследованиям может повести к рутинному отношению к делу, к педантической преданности уставным формам, к безжизненному формализму. Время уставных боевых порядков прошло, и в настоящем бое формы уставных построений имеют значение только при умении выбрать из них наиболее соответствующую в данном случае. Внешняя сторона устава теряется перед его внутренней стороной; в бою нужна не форма, а требуемый уставом порядок, даже в самой беспорядочной обстановке. Если офицеры привыкнут смотреть на устав с этой точки зрения, то сумеют, подобно пруссакам в 1866 году, вовремя отказаться от устаревших форм строя и, не нарушая основных принципов порядка, ввести новые необходимые формы.

Одно внешнее изучение военного дела не приведет к хорошим результатам, а заучивание боевых форм того или другого сражения бесполезно. Нужно помнить, что две совершенно тождественные обстановки на войне встретиться не могут и что каждое решение должно быть следствием размышления над свойствами данного случая и приложения к нему известных тактических соображений; прикладная тактика не даст ни одного готового решения, и изучение сражений должно быть направлено не к заучиванию отдельных задач, а к исследованию *общих свойств* ряда встречающихся обстановок и тактических решений.

Таким образом, как в отношении образования солдат, так и в отношении развития собственных военных познаний, офицеру необходимо постоянно трудиться и следить за прогрессивным движением военного дела. Вопросы, над которыми приходится останавливаться офицеру в своей *педагогической деятельности*, так же как и чисто боевые, не могут быть решаемы каждой личностью единственно

на основании своего опыта; иначе попытки и неудачи одних не служили бы уроком для других, и каждый, начиная сначала и додумываясь, может быть, до верных, но уже известных истин, приносил бы весьма мало пользы общему делу. Понятно, что в этом случае необходимо обратиться к выводам, приобретенным исследованиями других — к литературе изучаемого вопроса. <...>

* * *

Стремление к самообразованию и усиленному труду для общего дела уже проявилось в среде офицеров нашей армии. Но для того чтобы армия преуспевала и достигала хороших результатов, недостаточно труда отдельных лиц, необходимо, чтобы все офицеры были заинтересованы развитием и процветанием военного дела, чтобы все относились к своей деятельности с любовью и преданностью и чтобы эта деятельность не ограничивалась пассивным исполнением требований службы, а чтобы каждый чувствовал себя активным деятелем в известной сфере. Для того чтобы армия стояла на высоте своего призвания, необходимо, чтобы вся масса офицеров деятельно занялась как в отношении подготовки нижних чинов, так и в отношении собственного самообразования, чтобы это усердие неразрывно было связано с понятием о долге и воинской чести, перешло от личности во все военное сословие и исходило из общих принципов военного сословия.

Честный человек всегда добросовестно исполнит принятые на себя обязательства. Если он ремесленник, он с усердием и аккуратностью выполнит заказ; если он учитель, он постарается принести действительную пользу своим ученикам; если он литератор, он тщательно обработает выбранную задачу... Словом, за какое бы дело он ни взялся, он выполнит его с полным вниманием, прикладывая к нему все свои познания и стараясь своевременно пополнить пробелы в своих познаниях. От всякой небрежности и неаккуратности в исполнении принятых на себя известным лицом обязательств всегда страдает другое лицо; но есть обязательства, небрежное исполнение которых может принести вред целому обществу. Такой характер имеют обязательства военного человека. Если военное сословие забудет свои обязанности, если, предавшись рутине, не будет обращать должного внимания на прогрессивное усовершенствование военного дела, то в результате окажется общая несостоятельность войска в деле защиты страны... Каждый военный должен помнить о той доблести, которая необходима во всех сферах государственной жизни и состоит в принесении в жертву своих личных интересов на пользу общего блага. Без этой доблести никакие учреждения не могут процветать. Личный эгоизм людей, призванных для общественной деятельности — преступление. Нигде не может быть полного контроля за исполнением законов, и на всех ступенях общественной деятельности абсолютно многое доверяется исполнителям, от честности которых и сознания в них долга зависят интересы как отдельных лиц, так и целого общества.

В армии идея долга неразрывно связана с понятием о воинской чести. Честь издревле была самым дорогим сокровищем для военного, а понятие о ней всегда было неразрывно связано с источником действительной силы армии. В древности источник силы войска заключался в возможно большем развитии мускул; затем эта грубая сила заменилась искусством и ловкостью владения постепенно усовершенствующегося оружия, далее искусным маневрированием больших сомкнутых масс. *В настоящее время источник силы находится в умственном развитии каждого военнослужащего, полном изучении каждым своих обязанностей, готовности исполнить их свято, независимо от внешних побудительных причин, а для начальников — во всестороннем изучении как теоретической, так и практической сторон военного дела.* В стремлении к обладанию этой силой состоит честь как всякого военнослужащего лично, так и целого военного сословия.

* * *

Таким образом, честное отношение к службе указывает офицерам необходимость возможно полного изучения военного дела. Но изучение это не может быть предоставлено личным желаниям каждого военного; оно представляет слишком много интереса для армии и неизбежно должно перейти в обязанность.

Успех войны, главным образом, зависит от степени военного образования начальников. Стойкость, храбрость и знание своего дела солдатом не приведут к успеху, если в среде офицеров будут господствовать рутинные, формально-уставные воззрения на военное дело. Знание прикладной тактики, умение распорядиться, ясно и кратко формулировать свои решения, навык в устранении разных мелких затруднений, хладнокровие в обсуждении неожиданностей — вот качества, необходимые для начальника. Высокая степень военного образования прусских офицеров и пренебрежение к приобре-

тению военных познаний со стороны французов — вот одна из причин результатов Франко-прусской войны. *Победа есть результат долгого труда мирного времени; прямой путь к ней — внимательное изучение практической стороны военного дела.*

Понятно, следовательно, почему наше военное министерство так усердно печется об образовании хорошего корпуса офицеров. Развитие военных познаний в среде офицеров нашей армии — насущная потребность, и заботы об этом, естественно, следуют тотчас же после ряда мер к пополнению комплекта офицеров в полках лицами с достаточной школьной подготовкой. Старания об улучшении быта офицеров, увеличение их содержания, устройство общих столовых, образование военных собраний и обеспечение будущности военнослужащих и их семейств не могут не влиять на привлечение в военную службу лиц с желаемым образованием. Меры эти, способствуя пополнению некомплекта офицеров, логически ведут за собою требование, чтобы служба их в мирное время состояла в практической подготовке к требованиям военного времени. Еще недавно у нас господствовал взгляд не только на офицеров, но даже на унтер-офицеров, состоящий в том, что это суть люди, уже закончившие свое образование и приобретшие необходимые военные познания, а потому требования, предъявляемые им в мирное время, должны ограничиваться лишь единственно обучением других.

Между тем военное дело, основанное преимущественно на практических началах, требует постоянных упражнений самих учителей. С теоретическими познаниями, приобретенными в школе, ничего не сделаешь, если вслед за этой теорией не последует навык в практическом ее применении. Даже самая легкая часть нашего дела, непосредственное применение уставных команд, требует многих практических упражнений, и часто случается видеть, как офицер отлично помнит все параграфы устава наизусть, а на учениях делает ошибки при самых легких построениях; что же говорить о переходе от теории к практике в более сложном деле приложения тактических истин, в деле отдачи разных предварительных распоряжений, оценки представляющейся обстановки и проч., и проч.

Практические упражнения в этом деле необходимы; они должны быть непрерывными во все время службы офицера для того, чтобы всякие мелочи, могущие встретиться на практике, не поражали его новизной. Нужно помнить, что от умения начальника распорядиться и правильно оценить случайности зависит успех его команды; без этих качеств не помогут самые обширные теоретические соображения.

Таким образом, постоянные занятия прикладной тактикой необходимы. Занятия эти должны быть для всех обязательны и составлять требование службы в мирное время.

Вкоренить в массе офицеров убеждение, что служба их в мирное время состоит главным образом в постоянном развитии в себе боевых качеств — дело первостепенной важности. А такое убеждение может быть вкоренено только тогда, когда требования самообразования, не ограничиваясь одними словами, перейдут в жизнь армии, когда успехи занятий офицеров будут полагаться начальником наравне с другими служебными занятиями, когда каждый офицер будет знать, что во всякое время его могут поставить в обстановку, весьма близкую к боевой, и заставить проделать все нужные распоряжения без предварительной подготовки, без репетиций, в известное, определенное время, когда, наконец, по результатам этой проверки будут заключать о способностях офицера. Такая постановка занятий офицеров дана приказом по военному ведомству от 28 января 1875 г. за № 27; остается провести ее в жизнь армии. Но для того чтобы требовать известных познаний, нужно дать средства приобрести их. Образование, получаемое офицерами, с каждым годом увеличивается; но наше школьное воспитание представляет столь мало залогов для самостоятельного труда, что надеяться на самостоятельное изучение военного дела со стороны молодых офицеров невозможно, и неизбежно приходится вести таковые занятия под руководством опытных и знающих лиц. Эта необходимость становится еще очевиднее, принимая во внимание чисто практический характер нашего дела. <...>

* * *

Занятия офицеров кроме своей прямой пользы принесут еще ту выгоду, что внесут в жизнь военного общества интерес к военному делу, сблизят их духовный мир, определят общие стремления и, наконец, нравственно свяжут военнослужащих между собой, так как дадут им возможность постоянно сходиться для разумного времяпрепровождения.

<...> Между тем сплочение общества, создание прочных общественных отношений и поддержание нравственной связи, основанной на взаимной солидарности в стремлении к общим целям, необходимо для процветания военного дела, а отсутствие таковых отношений порождает легкое отношение к военному званию и доморощенный либерализм. Только в тесно сплоченном обществе может явиться

общая любовь и преданность к военному делу, выработаться общее понятие о чести и достоинстве военного звания и явиться солидарность между отдельными членами. Отдельные лица будут тогда помнить не только о своем личном достоинстве, но и о достоинстве всего военного общества, а достоинство это будет основано на серьезном и разумном отношении к званию военного. *Только прочная корпорация может связать прибывающую молодежь со старослужащими; без существования корпоративного начала каждый из молодых офицеров, не видя перед собой определенных общих взглядов на личные отношения каждого военного ко всему военному обществу, вырабатывает свои собственные понятия о доблести военного звания и чести мундира и, руководствуясь только личными воззрениями, часто делает промахи.*

Понятно, какую важность представляют для военного сословия такие учреждения, которые связали бы общество в одно целое, в которых были бы заинтересованы все военные и которые дали бы возможность сгруппировать духовные интересы военнослужащих. Такими учреждениями, бесспорно, являются военные собрания и суды общества офицеров. <...>

Приведем здесь выдержку из «Предисловия к сборнику инструкций», данных войскам прусского гвардейского корпуса бывшим командиром его герцогом Карлом Макленбург-Стрелицким. Вот что говорится в главе «О чести в звании офицера»: «Честь не терпит и не выносит никакого пятна. Она требует серьезного, строгого и внимательного охранения как в индивидуальном отношении, так и в отношении товарищей по званию, чтобы она ни в каком случае и никем не была задета. Но забота об этом не должна доходить до раздражительного, мучительного состояния легкой обидчивости, порождающей ложный *point d'honneur*, который затрудняет, портит и даже делает невыносимым всякое общение между собою и с другими сословиями, подозревает оскорбление там, где едва существует какое-либо недоразумение, вызывает без малейшего повода ссоры и дуэли и ведет к высокомерию и надменности. *Истинная честь не допускает страстной торопливости в поступках; она взвешивает и обдумывает, прежде чем признать что-либо за оскорбление.* Честь наша может претерпеть оскорбление не только извне, от других, но и от нас самих; поэтому каждый обязан более всего наблюдать за самим собой, чтобы не сделаться оскорбителем своей чести».

«Грубость нрава и неприличность поступков суть самооскорбление рыцарской чести. Они не должны быть терпимы даже в тесном товарищеском кружке, а тем менее в обращении с другими условиями или в обществе. Всеобщее уважение каждого звания, личная скромность и деликатное обращение с женщинами — вот всегдашние признаки рыцарского духа. Строжайшее и живейшее исполнение долга и служебных обязанностей есть дело чести каждой личности, и малейшей небрежностью в этом отношении человек причиняет оскорбление своей собственной чести. Всякое ослабление рвения есть ослабление чести, потому что она не допускает регресса. Она ведет человека вперед и возбуждает к подвигам, которые приобщают ее к славе. Не всегда представляется случай к подобным подвигам; но когда он наступает, честь сама становится славою, обнаруживаясь в безукоризненном исполнении долга»¹.

* * *

Офицерские суды чести и офицерские собрания, без сомнения, весьма много способствуют развитию общего единого духа в среде военнослужащих. Принципы, вырабатываемые этими учреждениями, сводятся к вопросу о достоинстве и чести военного звания, а вопрос этот в свою очередь неразрывно связан с понятием о долге, «с добросовестным и усердным исполнением лежащих на офицере обязанностей». «Верность до последней капли крови, непоколебимое мужество, непреклонная решительность, повиновение, доведенное до самоотречения, безупречная правдивость, безусловное сохранение служебной тайны, полная готовность жертвовать собою для исполнения своего долга — вот доблести офицерского звания»².

Стремление к распространению этих доблестей в массе офицеров составляет цель военного общества; это стремление должно отличаться настойчивостью, не зависеть от времени и лиц, а безусловно исходить из самого понятия о достоинстве военного. Армия составляет основу и мощь государства; она представляет живое тело, постоянно обновляющееся притоком живых народных элементов; она не представляет кастовой замкнутости, и интересы ее неразрывно связаны с интересами государства.

¹ Военная библиотека. Т. III. - 1871 г. - С. 455.

² Военный Сборник. 1875 г. - № 1. - С. 91. «Иностранное военное обозрение».

Все сословия равно призваны нести бремя военной службы, всем же равно открыта дорога подвизаться на поприще этой службы в сфере ее специальности; но коль скоро кто-либо решился отдаться этой специальности и вступил в число ее членов, тот должен проникнуться духом военного общества и быть готовым на всевозможные жертвы для возвышения военного звания, олицетворяющего собой честь и славу народа.

Военное сословие не имеет ничего враждебного гражданскому обществу, и корпоративная связь военнослужащих не должна выражаться в пренебрежении к прочим сословиям. Напротив, офицер должен оказывать уважение всякому званию и вести себя с одинаковым достоинством со всеми классами общества, причем в отношении людей, стоящих ниже его по образованию, не должен опускаться до уровня их нравов, а напротив, стараться поднять их до собственной высоты.

«Чувство чести требует, чтобы офицер во всех случаях умел поддержать достоинство своего звания на той высоте, на которой должно находиться достоинство этого класса общества, несущего на себе священную обязанность защищать престол и отечество. Офицер должен посещать только такие общества, в которых господствуют добрые нравы; он никогда не должен забывать, особенно в публичных местах, что он не только образованный человек, но что сверх того на нем лежит обязанность поддерживать достоинство своего звания. Поэтому он должен воздерживаться от всяких увлечений и вообще от всех действий, могущих набросить хотя малейшую тень даже не на него лично, а тем более на весь корпус офицеров; он не должен предаваться ни вину, ни азартным играм, ни принимать на себя никаких обязательств, могущих его скомпрометировать, как, например, не играть на бирже и не принимать участия в коммерческих предприятиях сомнительной честности. Вообще, в заботах об улучшении своего материального положения офицер должен прибегать лишь к таким средствам, законность которых не подлежит ни малейшему сомнению. Наконец, офицер не должен легко давать свое честное слово»¹.

Слово офицера должно быть залогом правды, и потому ложь, хвастовство, неисполнение обязательства — пороки, подрывающие веру в правдивость офицера, вообще бесчестят офицерское звание и не могут быть терпимы. Офицер должен отличаться уважением к законам государства и к личным правам каждого гражданина; ему должны быть известны законные средства для ограждения этих прав, и он же, не вдаваясь в донкихотство, должен быть всегда готов помочь слабому. Малодушие и трусость должны быть чужды офицеру; при всех случайностях жизни он должен мужественно преодолевать встречающиеся препятствия и твердо держаться раз выработанных убеждений, чтобы всякий видел в нем человека, на которого можно положиться, которому можно довериться и на защиту которого можно рассчитывать. Повиновение законам и дисциплине должно доходить до самоотречения; в ком нет такого повиновения, тот не достоин не только звания офицера, но и вообще звания военного.

Свидзинский Э. Заметки о развитии военных познаний и общих принципов в среде офицеров армии //Военный Сборник. — 1875. — № 10.

¹ Приказ императора Вильгельма. Военный Сборник, январь 1875 года.

ЧТО НУЖНО ОФИЦЕРУ В НРАВСТВЕННОМ ОТНОШЕНИИ, ЧТОБЫ СФОРМИРОВАТЬ СОЛДАТА?

Чтобы в том и другом достигнуть удовлетворительного успеха, выпускаемый из училища офицер должен:

I. *Быть твердым в тех основах, на которых зиждется воспитание солдата.* Если припомнить, эти основы были: а) преданность Государю и Родине до самоотвержения;

б) дисциплина; в) вера в нерушимость (святость) приказа; г) храбрость (решительность, неустрашимость); д) решимость безропотно переносить труды, холод, голод и все нужды солдатские; е) чувство взаимной выручки.

Эти основы должны быть свойственны всем без исключения выпускаемым из училищ и производимым по экзамену офицерам. Лица, которые призваны сказать про предоставляемых к производству последнее слово: «достоин» или «не достоин» производства в первый офицерский чин, берут на себя большую нравственную ответственность за каждого произведенного в офицеры с заведомо неустойчивыми нравственными основами.

Вышеприведенные основы резко подразделяются на две группы.

Основы первой группы, каковы: преданность Государю и Родине, дисциплина, вера в нерушимость приказа — должны и могут окончательно утвердиться в выпускаемых из училищ; при малейшем колебании в одной из этих основ молодой человек вовсе не может быть допущен до офицерского звания; пребывание такого офицера в войсковой части с первых же дней может оказаться пагубным и для него самого, и для вверенных ему солдат; никаких добрых надежд в будущем нет основания возлагать на такого офицера.

Основы второй группы, каковы: храбрость, решимость переносить тягости службы, чувство взаимной выручки — не всегда могут развиться на школьной скамье; поэтому лучше, если их проявление уже наблюдается у выпускаемых из училищ, но и при отсутствии этого проявления молодой человек не погиб еще для военной службы, потому что работой над собою он может выработать эти качества впоследствии; да кроме того, боевая обстановка столь сильно разнится от мирной, что для предрешения — кто будет храбр в бою и кто не будет, кто окажется выносливым и кто нет, кто проявит чувство взаимной выручки и кто его не проявит — едва ли найдутся заранее достаточно убедительные основания. <...>

II. *Обладать искреннею преданностью и любовью к военному делу.*

Добросовестно исполнять его может только тот, у кого есть любовь к нему, кто посвятил себя этому делу и решился служить ему не только за страх, но и за совесть; если всего этого нет, то лучше бросьте это дело и снимите военный мундир.

III. *Помнить, что люди, которые будут вверены его попечению, не в состоянии применяться к нему, а он к ним должен применяться.* В этом смысле от офицера потребуется бесконечная терпимость и снисходительность.

Чем больше со стороны офицера будет теплоты, участия, терпения, тем легче он найдет доступ к сердцу и сознанию молодого солдата; в таком случае лучше пойдет его воспитание и образование, ибо солдат уверует в офицера и, уверовавши, во всем послушает.

IV. *В мере возможной для младшего офицера быть внимательным к малейшим нуждам подчиненных.* <...>

Нельзя себе представить, до какой степени солдат это понимает. Люди, с которыми вы дадите себе труд так поработать, будут ваши в самые трудные минуты военной жизни и — не выдадут.

V. *Выработать в себе правильное отношение к приказанию.* Офицер должен добиваться совершенно точного исполнения всего по правилам уставов, не требуя на первых порах быстрого и ловкого исполнения: это приходит только со временем. Для того чтобы добиться исполнения по уставу, офицер должен следить за самим собою, чтобы его требования и приказания не носили характер каприза: то, что он потребовал известным образом раз, должно требовать таким же точно образом постоянно. Выработав, таким образом, законность в самом себе, офицер будет чуток к незаконности и

не даст развиваться ей в своих подчиненных, т.е. уберезет их от того, что составляет основу самых разнообразных и ужасных преступлений.

Основанием законности требований является твердое знание и понимание офицером сущности присяги, уставов и инструкций. <...>

VI. *Обратить особое внимание на то, чтобы прежде и тверже всего внушить солдату обязанности и только после того — обряд.* <...>

VII. *Делить с солдатом тягости службы.* <...>

VIII. *Уметь держать себя по отношению к солдату*, т.е. уметь установить свои отношения к солдату так, чтобы эти отношения способствовали делу воспитания и образования солдата, не обращая ни в стремление к излишней популярности, ни в излишнюю суетливость, ни в излишнюю доступность и т.п.

* * *

Все только что перечисленные основы, хотя бы в задатке, должны быть свойственны молодому, начинающему службу офицеру. Вложить задатки этих основ в будущего офицера может только семья и военная школа; перевоспитать же офицера — задача крайне сложная и едва ли разрешимая. Ввиду этого лица, стоящие у дела подготовки будущих офицеров, должны особенно внимательно продумать свои обязанности, а вся система военно-учебных заведений должна заключать в себе такие положения, которые являлись бы контролем деятельности этих лиц, контролем, выясняющим пригодность их к столь высокому делу, каким является подготовка офицеров армии.

Офицер, подготовленный в духе здесь изложенного, будет близок солдату, и солдат будет верить такому офицеру безгранично. В мирное время эта близость офицера к солдату обеспечит правильное воспитание последнего и оградит его от вредных влияний злонамеренных лиц, стремящихся внести разлад в отношения солдата к офицеру и развратит армию увеличением числа случаев неповиновения солдат начальникам. В военное время эта близость послужит той внутренней спайкой в армии, которая сделает самоотвержение ее безграничным; армия, в которой офицер пользуется доверием солдата, имеет на своей стороне такое преимущество, которое не может быть приобретено ни численностью, ни совершенством техники, ни чем-либо иным; это высшая степень совершенства армейского организма.

Для того чтобы воспитать и образовать солдата, офицер, конечно, должен твердо знать все, что от солдата требуется.

Но одного этого мало.

Необходимо, чтобы офицер умел хотя бы приступить к делу воспитания и образования солдата.

Совершенно законченного в этом отношении офицера, разумеется, военно-учебные заведения не приготовят; воспитателя и учителя солдата в офицере окончательно выработает действительная практика.

Однако возложить все надежды в этом вопросе на практику — значит до известной степени отдать в руки случайностей и, в лучшем случае, породить большое разнообразие в методах и понимании основных задач военного воспитания и образования.

Если допустить, что методы могут быть различны, то все же приходится признать, что задачи, к достижению которых стремятся эти методы, различными быть ни в коем случае не могут.

При существовании раскола во взглядах на задачи воспитания и образования солдата, армия будет неустойчива в нравственном отношении и пестра в военно-техническом; так, например, неправильно поставленные основные задачи воспитания, будучи привиты хотя бы в некоторых частях армии, послужат в будущем благоприятной почвой для развития каких угодно кривотолков, богатых печальными последствиями.

Итак, единство и единообразие в понимании и толковании основных задач воспитания и образования солдата для дела положительно необходимы.

Достигнуть такого единства возможно лишь в том случае, когда будущим офицерам еще на школьной скамье будут преподаны общие основания подготовки (воспитания и образования) солдата.

В надежде, что опыт минувшей войны побудит наконец обратить внимание на «подготовку войск», мы сосредоточили в настоящем отделе необходимые указания по этому вопросу. По нашему убеждению, этот отдел, сделавшись обязательным в курсе училищ, мог бы послужить подготовке будущих офицеров к делу воспитания и образования солдата в духе единства понимания основных задач, положительно необходимого в настоящее время для правильного развития армии.

Программы военно-учебных заведений должны быть разработаны в объеме, необходимом для того, чтобы офицер, окончив курс, мог приступить к подготовке солдата и был бы знающим руководителем вверенной ему части во всех случаях боевой обстановки. <...>

Подготовка войск в мирное время (воспитание и образование) Сост. М. Драгомиров. — Киев, 1906. — С. 89-97.

А. Деникин

НАЧАЛЬНИКИ И ПОДЧИНЕННЫЕ

Существовавший в начале 90-х годов командный состав, начиная от полкового командира и выше, воспитан был по преимуществу в традициях крепостного права. В позднейшие годы преобладание начальников этого типа естественным образом падало, уступая место новым людям и новым веяниям. Ушло время, овеянное романтическим блеском славы и веселья и вместе с тем омраченное свистом розги и шпицрутена. Не отдельные люди создают быт армии, как и быт народа, а общие условия жизни страны. Но влияние личности в военном быту огромно, и оно проводит нередко глубокие борозды в быт массы, светлые или темные, тем более глубокие, чем выше положение и власть человека. И в самый расцвет крепостного права, в суровое время, когда жизнь «холопа» ценилась в копейку, появился полководец Суворов — отец-командир — простой, доступный и рачительный о своем воинстве, сроднившийся с ним и им боготворимый. А через полвека появился другой полководец — герой Эривани, Эрзерума и Варшавы — кн. Паскевич, прославленный, но нелюбимый подчиненными, обоготворявший себя и только себе приписывающий заслуги побед, презирающий все нижестоящее. В одном из своих многочисленных писем к нему, увещаний, император Николай I, высоко ценивший боевые заслуги Паскевича, говорил: «Не надо угнетать и быть несправедливу... Прощать — великодушно; притеснять же без причины — неблагородно... Да украсит Вас и последняя слава — скромность. Воздайте Богу и оставьте Нам славить Вас и дела Ваши...» Два антипода: Паскевич и великий французский полководец XVII столетия Тюренн, который говорил: «Мы победили» или «Я был разбит».

В сумерки царствования Александра Благословенного, в разгар аракчеевских поселений, удушавших жизнь своею нелепостью и жестокостью, было ведь немало молодежи, идеалистов, гуманистов, столь печально и исторически нецелесообразно закончивших свою деятельность «Северным» и «Южным» союзами. Были такие и в старшем поколении. Один из них гр. М.С. Воронцов за полвека до эмансипации в качестве начальника дивизии своим приказом ограничил применение в отношении солдат телесных наказаний на том основании, что «солдат, который еще никогда наказан не был, гораздо способнее к чувствам амбиции, достойным настоящего воина и истинного сына отечества, и скорее можно ожидать от него хорошей службы и примера другим». Полная антитеза излюбленной поговорке николаевских времен «за битого двух небитых дают».

То, что проводилось долгое время усилиями отдельных лиц, получило наконец санкцию в годы великих реформ императора Александра II. Военные реформы, связанные с именем генерала Милютина (впоследствии фельдмаршала), в общей системе преобразования армии заложили в ее жизнь и быт начала законности и человечности. В частности, Высочайшим повелением 63 г. были уничтожены оскорбляющие человеческое достоинство телесные наказания¹, «чтобы явить новый пример отеческой заботливости о благосостоянии армии и флота и ввиду возвышения нравственного духа нижних чинов».

Последнее полу столетие перед Мировой войной и прошло в борьбе этих начал с прочно сложившимся старым патриархальным бытом, причудливо сочетавшим законность и самодурство, отеческое попечение и неуважение к человеческому достоинству, сентиментализм и «в зубы!» — солдатские, конечно... Во времена милютинского либерализма борьба шла довольно успешно, приведя к результатам поистине изумительным. Статистика военно-судебного производства показывала, что между 71 и 79 годами число заключенных в военно-исправительных и дисциплинарных частях уменьшилось в 3 1/2 раза; число рецидивистов за десятилетие с 69 по 79 год уменьшилось более чем в 27 раз². Но позднее, под влиянием затруднений, сопряженных с краткими сроками службы, боязни революционного брожения в казарме и распространенного убеждения, что при неразвитости нашего простолыдина иначе, как мерами сурового воздействия, хорошего солдата из него не сделаешь — борьба за-

¹ Телесные наказания остались для «штрафованных» по суду. В 1905 г. в войсках они были отменены окончательно. Но во время Мировой войны введены опять с 1915 г. на том основании, что во время войны всякое наказание, сопряженное с уходом из рядов, являлось только поощрением, а правошшения не оказывали воздействия.

² Исследование историка Семевского.

тихла. И опять законность и человечность проводились не в порядке общей системы и властного указания свыше, а по инициативе частных начальников.

В числе лиц, потрудившихся на этой заросшей чертополохом почве, наибольшая заслуга принадлежит М.И. Драгомирову. Сорок лет и с академической кафедры, и в качестве начальника дивизии, потом командующего Киевским округом и словом, и делом проводил он взгляд, что век муштры и плац-парада, бездушной дисциплины и механизированного строя прошел безвозвратно... Что важнейший элемент на войне есть человек, с духовным обликом которого нужно считаться... Что успех на войне зависит от сознательности и воспитания солдата в духе бесстрашия, инициативы и уверенности в себе, в том, что «с ним на службе поступают по правде, а не по капризу или раздражению»... Что «нужно, наконец, решиться жить по закону»... «Господа офицеры! — поучал Драгомиров. — Приложите все ваше усердие к воспитанию солдата в духе истинной воинской дисциплины, вежливости и сдержанности; тогда не нужны будут несообразные с почетным званием солдата ограничения, тогда звание солдата делается почетным в действительной жизни».

В 89 г. раздался властный окрик Драгомирова по округу: «В некоторых частях дерутся!..»

А через шестнадцать лет упорной борьбы с этим злом, и небезуспешной, уходя со сцены, он в своих «Делах и делишках» писал все же с горечью:

«Дело не в том, как говорят солдату — «ты» или «вы», а в том, что солдат водят оборванцами и не прекращается «мордобой»... Как не приходит в голову этим господам, что их морда слеплена из той же самой глины, что и солдатская, и что если солдат об этом догадается, то нехорошо будет».

Нужно, однако, сказать, что ко времени Мировой войны рукоприкладство как система было изжито безусловно. Это было уже не показной чертой быта, а изнанкой его, не характерным явлением, а уродством. Оно не чванилось открыто своим озорством и безнаказанностью, а таилось под спудом, встречая не только законное преследование, но и общественное осуждение».

<...> Возможно, что М.И. Драгомиров и его последователи отдавали преимущественное внимание борьбе с большим злом, заслонявшим в их глазах меньшее. В огромном калейдоскопе военных начальников, которых или о которых я знал за первую четверть века службы, выделяется один исключительно требовательностью, но вместе с тем и исключительным уважением к офицерскому званию. Это был командир 20 корпуса, генерал Мевес, умерший за три года перед Японской войной. Человек высокой честности, прямой, суровый, он стремился провести и поддержать в офицерской среде рыцарское понятие об ее предназначении и моральном облике. Едва ли не единственный из крупных начальников, он не допускал столь излюбленного и, в сущности, позорного способа воздействия, не применявшегося в отношении служилых людей прочих ведомств, — ареста офицеров. В этом наказании он видел «высшую обиду личности, обиду званию нашему». Мевес признавал только внушение и выговор начальника и воздействие полковых товарищей. «Если же эти меры не действуют, офицер не годен, и его нужно удалить».

Любопытно, что в суровое время русского средневековья суровый царь-воин Петр Великий наказывал армии: «Всех офицеров без воинского суда не арестовать, кроме изменных дел, а за малые вины наказывать штрафами».

Быть может, М.И. Драгомиров чувствовал некий изъян в своей системе, когда писал на смерть Мевеса: «Не только сам Ты службу по чести и правде правил, но умел налаживать на оную и других; не одних солдат, но и гг. офицеров. Ты понимал, что они не только Твои товарищи, но и подчиненные, и что воспитывать их в служебном долге много нужнее, нежели солдат. Солону им иногда от Тебя приходилось, но в конце концов награждали Тебя они признательностью нелицемерною».

<...> Характер взаимоотношений между начальниками и подчиненными имеет особенно серьезное, иногда решающее значение во время войны.

Был доступен и заботился о подчиненных Куропаткин. Оттого, вероятно, несмотря на тяжкие неудачи, оставил о себе в народе добрую память. И в годы великой смуты жил покойно в своем псковском селе Шешурине, в своем доме, сохранив до смерти библиотеку, архив и большой исторической ценности дневники.

Ренненкампф смотрел на людской элемент своих частей как на орудие боя и личной славы. Но его личная лихость и храбрость привлекали к нему сердца подчиненных. По мере повышения и, следовательно, удаления от массы, это обаяние падало.

Деникин А. Старая армия. — Париж, 1929. — С. 32–39.

А. Свечин

ОФИЦЕРЫ ПОЛКА В БОЕВОЙ ОБСТАНОВКЕ

Успешность боевых действий зависит от многих факторов, не всегда лежащих в центре внимания тактики. Эти факторы в особенности обязан иметь в виду командир полка — инстанция, переводящая замыслы высшего командования на язык жизни; немалый скачок от бумаги к живым людям; от писанины к приведению в движение мыслей, чувств, костей и мускулов, и особое искусство командира полка — ежедневно этот скачок осуществлять.

Теория освещает искусство командира полка только частично, на своей периферии. Для работы командира полка решающее значение имеют разнообразные политические и психологические данные, лишь с трудом улавливаемые при абстрактном исследовании этой области. Поэтому мы решили очертить искусство командира полка на конкретном случае. Таковой взят из мировой войны. <...>

Оригинальная форма настоящего труда требует некоторых пояснений. С августа 1915 г. по февраль 1917 г. я командовал 6-м Финляндским стрелковым полком, и события, коих я был свидетелем, ложатся в основу моего изложения. Теперь, через промежуток в 11 лет мне кажется, я способен довольно объективно разбираться в условиях своего командования. <...>

Несколько слов о 2-й Финляндской стрелковой дивизии. Эта прекрасная дивизия выступила на войну в составе четырех 2-батальонных полков и одного 3-батареинного дивизиона; одна батарея была горная. На батальон приходилось нормальное в русской армии количество орудий — 3. Но затем полки дивизии развернулись сначала в 3-батальонный, а затем в 4-батальонный состав, батареи же перешли к 6-орудийному составу; фактически осенью 1915 г. в батареях имелось только по 5, даже по 4 орудия. Горная батарея бралась иногда в отдел от дивизии, например, в период 9-25 сентября 1915 г., излагаемый во второй части настоящего труда. Таким образом, в лучшем случае дивизия при мне была обеспечена полутора, орудиями на батальон, а иногда всего одним орудием, что являлось совершенно недопустимым в условиях мировой войны. Мы с завистью смотрели на нормальные дивизии, располагавшие 6 батареями, а о германской норме — 12 батарей — и мечтать не могли. За недостаток артиллерии приходилось расплачиваться дорогой ценой пехоте.

Приходилось быть очень строгим в требованиях к пехоте, она должна была проявлять свое искусство в полной мере, малейшее упущение строго наказывалось. Еще Наполеон отметил по опыту польской кампании конца 1806 г., что пехота, вынужденная сражаться против сильнейшей артиллерии, быстро портится. Во 2-й Финляндской дивизии эта порча в особенности сказалась на более слабых полках. <...>

Несомненно, лучшим в дивизии был 6-й полк. Воспитателем 6-го полка был полковник Кареев, вышедший с ним на войну. Кареев был в свое время петербургской знаменитостью как командир батальона Павловского военного училища. Бесконечная требовательность, безжалостная строгость, соблюдение всех статей устава на 100%, жесточайшая муштра, энергия и настойчивость при ведении строевых занятий и обучении стрельбе, отсутствие каких-либо личных интересов вне службы характеризовали Кареева. В полку он стремился добиться в подготовке своих стрелков такой же отчетливости, какой он достигал при обучении павловских юнкеров. При этом он проявлял и большую заботу о развитии спорта среди солдат. Особенно велики были достижения в лыжном деле. Но если в училище Кареев получил репутацию истязателя юнкеров, то в полку он явился истязателем одних офицеров; его бесцеремонные замечания производили "такое впечатление, что офицер, которому приходилось идти к Карееву со служебным докладом, задумывался над вопросом — не лучше ли подать в отставку и идти хотя бы на самую черную работу, но быть избавленным от столь требовательного и резкого начальства. Солдаты же не имели злого чувства к Карееву, ощущали его непрерывную заботу о них, мирились с его суровостью, так как справедливость была налицо¹. К начальникам Кареев был еще требовательнее. Подготовка унтер-офицеров в полку была идеальная. Мне пришлось иметь дело уже со вторым поколением учеников-воспитанников Кареева; трудно было себе пред-

¹ Офицеры, бывшие на лучшем счету у Кареева, зарекомендовали себя на войне плохо: характерным для них было отсутствие инициативы и морального импульса. очковтирательство и бюрократический подход к делу. Напротив, офицеры, для которых режим Кареева казался невыносимым, показали себя много лучше.

ставить в полку, чтобы унтер-офицер отправил солдата в наряд или на работу, не прорепетировав с ним все обязанности, выпадающие на него в данном случае. После тяжелого перехода в ненастную погоду я обходил окопы или бивак полка, опрашивал часовых, дневальных, старших в секрете, наблюдателей, разведчиков — и всегда получал четкие, уверенные ответы. Только добившись полного уяснения солдатом его обязанностей, унтер-офицер ставил его на работу. Неоценимое достижение. Рукоприкладство преследовалось Кареевым жесточайшим образом и встречалось в полку только как редкое исключение. Тем не менее, муштра в полку была жесточайшая; она поддерживалась и в течение всей войны, но в сильно смягченной форме. Несомненно, блестящие результаты подготовки достигались полком только ценой мучительно напряженной работы.

В боевой обстановке Кареев разбирался не слишком искусно. Крепко спаянный суровой дисциплиной, богатый индивидуальной подготовкой каждого бойца, полк мог бы достигнуть и более крупных результатов. Такие командиры, как Кареев, сами обычно не достигают крупных боевых успехов. Им не хватает той легкости, увлекательности, энтузиазма, умения добиваться добровольного подчинения, которые так важны в числе прочих способностей вождя. Но они оставляют своим преемникам богатейший клад. После их грузного прижима каждый начальник будет казаться очаровательным и сможет жить на накопленный капитал дисциплины.

Преемником Кареева и моим непосредственным предшественником был полковник Генштаба Кельчевский, преподаватель тактики артиллерии Академии Генерального штаба. Он представлял само воплощение деликатности и мягкости. Все внимание Кареева было обращено на строевые требования, а Кельчевский как будто не замечал людей и весь ушел в тактику. Он мог, упершись взором в карту, анализировать и мечтать по 4-5 часов подряд. Это был его способ отдыхать; с этой стороны он представляется мне немного звездочетом. В дивизии он пользовался репутацией большого тактика, и под его командованием штаб дивизии охотно объединял управление всей боевой частью дивизии. На Карпатах в первую зиму войны Кельчевский утратил последние кадры полка. Состав полка был разжижен пополнениями и включением 3-го батальона, составленного из рот пограничников.

4 июня 1915 г. дивизия отходила сверхфорсированным маршем к с. Журавно на Днестре. «Люди стремительно устали от жары, позиция никуда не годится и растянута», — доносил Кельчевский. С 4 ч. 30 м. утра 5 июня начался обстрел, а в 16 ч. 10 м. австрийцы повели решительную атаку. В 17 ч. 45 м. наступила катастрофа для большей части фронта дивизии. В 19 ч. 40 м. Кельчевский доносил: «Мой 1-й батальон и 2-й горная батарея (4-го Сиб. горного дивизиона) погибли». В действительности, полностью были уничтожены или взяты в плен 8 рот 6-го Финляндского полка и все пулеметы. Связь работала, и телефонисты из взятых австрийцами окопов еще доносили, что делают австрийцы, кто из офицеров убит, а кто взят раненым в плен. Иностранцев бежал, но Кельчевский продолжал организовывать действия остатков дивизии на фронте и удостоился ответной записки начальника дивизии Нотбека: «Ваши действия признаются блестящими». От 6-го полка осталось 300 человек. Но закваска сохранилась. Через несколько дней учебная команда с прапорщиком Даниловым захватила австрийскую батарею, и Кельчевский получил орден Георгия.

28 июня 6-й полк с прибывшими пополнениями насчитывал 612 штыков, 412 безоружных. 1 июля полк потерял еще 300 человек. 7 июля остатки дивизии были выведены с фронта. В это время произошла полная перемена начальства. Ушли, получив повышение, Нотбек, Кельчевский, начальник штаба дивизии Марушевский; отправился преподавать военные науки Иностранцев. 25 июля дивизия была посажена в Гарнополе в вагоны, 29 июля — высажена в Вильне и направлена в Виль-комир, где имела ряд стычек с германцами. 10 августа в бою со спешенной частью 6-й немецкой кавалерийской дивизии особенно отличился 1-й батальон 6-го полка под командой подполковника Патрикеева, произведший внезапно довольно значительный прорыв и захвативший до 70 пленных. Таким образом известная боеспособность еще сохранилась; но все же мне предстояло вступить в командование очень обессиленным 6-м Финляндским полком. Однако в августе 1915 г. положение Других полков Русской армии было не лучшим. На мое счастье почти в течение целого года бои 6-го Финляндского полка складывались так, что он имел возможность подбирать и эвакуировать в тыл своих раненых; сдались 5 июня роты, состоявшие главным образом из пополнений; в лазаретах дальнего тыла полк располагал весьма ценным в будущем кадровым пополнением. Отчаиваться не приходилось.

Теперь несколько слов о лице, вступившем в командование 6-м Финляндским полком 18 августа 1915 года, являющемся и автором этого труда. Первой предпосылкой успешного командования является наличие чувства ответственности, проникающего все действия — ответственности перед собой, перед общественностью и государством, а не только перед начальством. Без этого чувства ответст-

венности командование непременно пойдет по руслу отбытия номера, формального исполнения, неудач, более или менее искусно затушеванных. Мало тактически развитый командир полка, ощущающий, что на войне он делает свое дело, связывающий полностью свою судьбу с конечным успехом или поражением, стоит много дороже способнейших людей, видящих на войне только эпизод своей служебной карьеры, внимающих равнодушно добру и злу, скользящих по поверхности событий и стремящихся лишь не обострять отношений.

Такое чувство ответственности у меня имелось налицо. 6 лет я работал в Главном управлении Генерального штаба над различными крепостными, техническими, разведывательными вопросами; в то же время это был период моей особенно напряженной военно-литературной деятельности. Подготовка к войне протекала, конечно, далеко не в полном соответствии с моими взглядами; мне пришлось быть творцом лишь нескольких компромиссов — небольших винтиков того гигантского механизма, который начал функционировать с началом войны. Но я отчетливо сознавал, что являюсь участником коллективного творчества; моя роль была скромной в бюрократической области и довольно заметной в идейной; многое делалось вопреки мне, многое оставалось тайной для меня, и все же я живо ощущал свою ответственность за целое.

Первый год войны я провел в спокойных условиях Ставки. Я являлся докладчиком по вопросам прессы, крепостей, тяжелой артиллерии, выступал, часто непрошенно, в роли оперативного критика, через мои руки проходил тактический опыт союзников. Эта оторванная от войск работа перестала меня удовлетворять уже на четвертый месяц войны; мне пришлось съездить на фронт и ознакомиться с печальным состоянием истощенных войск, с жалким состоянием наших укрепленных позиций, с хаосом в армейских тылах. Войска на фронте выглядели совершенно иначе, чем это рисовалось в Ставке. Между сокрушительными стремлениями верховного командования и объективными возможностями развернулась пропасть. Работа Ставки получила уклон к построению воздушных замков; мне захотелось отречься от нее; я, в сущности, с началом войны продолжал ту же научно-литературную работу, которой занимался и в мирное время. Мне захотелось держать настоящий ответ, перенесясь непосредственно к войскам. Полгода меня не отпускали. Но я все резче расходился с господствовавшим течением и все более желчно и пессимистично критиковал предпринимаемые операции. Наконец Ю.Н. Данилов, генерал-квартирмейстер, относившийся ко мне всегда чрезвычайно благожелательно¹, признал, что без меня будет спокойнее; он не согласился на назначение меня командиром двухбатальонного Туркестанского полка, первого сделавшегося вакантным («на командование двумя батальонами жалко расходовать полковников Генерального штаба»); следующий трехбатальонный 6-й Финляндский стрелковый полк уже не вызвал возражений.

Я не преуменьшал всей трудности предстоящей мне задачи. Я помнил свою службу в 22-м Восточно-Сибирском полку в Русско-японскую войну, в котором два опытных командира один за другим быстро и бесповоротно себя скомпрометировали. Меня не обманывало молчаливое послушание русского строя. Легкомысленному французскому наблюдателю перед мировой войной казалось, что русский солдат столь нетребовательный, что русскими солдатами бесконечно легче командовать, чем французскими. Это абсолютно неверно. Войсковые организмы царской России являлись очень нежными и чувствительными, и весьма восприимчивыми к началам разложения. Я убедился в этом еще весной 1904 г. под Тюренченом, когда наблюдал почти мгновенный переход от ура-патриотического настроения к грабежу денежных ящиков и офицерских чемоданов, к самой бесшабашной панике. Бессловесной и безропотной Русская армия казалась только на поверхностный взгляд; русский офицер не имел дисциплинированного мышления; политическая подготовка его имела крупные пробелы; начальству он мало верил и мало его уважал; а солдаты являлись в конечном счете представителями крестьянского анархизма, сомнения и восприимчивости. Русские полки успешно работали только в атмосфере порядка и авторитета; а обстановка современного боя сковывала возможности проявления личности начальников и создавала хаос. Это противоречие нужно было перекрыть энергичной и целеустремленной работой командования. В немецкой армии существовал определенный «стандарт» боеспособности полевой, ландверной, ландштурменной частей; в русской же армии существовал удивительный разнобой: иные второочередные полки дрались превосходно, а другие первоочередные при малейшем активном усилии сразу переходили в полное расстройство. Контроль сверху совер-

¹ В 1917 г., будучи командиром 5-й армии, он пригласил меня начальником штаба армии и впоследствии, когда Корнилов предложил мне должность ген.квартирмейстера Ставки, уговорил меня остаться в 5-й армии.

шенно отсутствовал, критика снизу оставалась тайной, и командование в каждом полку получало самые причудливые, разнообразные формы.

Моя строевая компетентность была невысока. Я так и не одолел премудрости несложных команд для церемониального марша и всегда нуждался в подсказке. Хотя я сидел в Ставке над французскими тактическими выводами, но они вовсе не были применимы в наших маневренных условиях; а от русского тактического опыта я отстал на весь первый год войны.

Последнее меня впрочем не пугало. Непосредственный тактический опыт дается такой затратой моральных сил, что свежесть нервов и мускулов стоит его. В Русско-японскую войну для меня обстановка сложилась наоборот: мне пришлось уже 12 раз отступить под обстрелом японцев, когда мои товарищи, заведомо более слабые, чем я, приезжали из России в Маньчжурию. И что же? Они смотрелись орлами в сравнении со мной, несмотря на то, что я был весьма умудрен опытом поля боя XX века. С моей наблюдательностью, умением владеть пером, физической выносливостью, незаурядными знаниями, знакомством с особенностями Маньчжурии, с горной тактикой, я был отброшен на второй план. Меня забивали работники 12-го часа, являющиеся в мастерскую за несколько минут до перерыва и приступающие к работе темпом, совершенно отличным от тянущего лямку с рассвета.

Такова жизнь, таково вечное практическое превосходство юного, свежего поколения над сработавшимся поколением отцов. В мировой войне козыри свежести находились на моей стороне, и я решил их использовать полностью. Я знал, что застаю людей, которые не слишком будут гордиться приобретенной ими тактической мудростью, ведь последняя далась им слишком дорого, ценой тяжелых испытаний и разочарований, отступлений, моральных и физических ударов, унижений, необходимости скрывать и переваривать внутри себя многие жалкие явления, неизбежно связанные с поражениями; как отзывается, например, одна потеря товарищей, с которыми сжились, сражались рядом! Много остроумия вызывало положение плацпарадной тактики, что войска на войне забывают свое обучение. Конечно, оно неверно; конечно, обстрелянные войска постигают тактику много глубже, чем это доступно хорошему профессору тактики; бой — несравненная школа по сравнению с наилучше организованными маневрами; какой посредник может заменить свист пуль или гром разрыва бомбы? Но войска в обстановке империалистической войны морально расходуются, и мировая война могла продолжаться лишь благодаря непрерывному притоку свежего человеческого материала. Как быстро свернулась германская армия во второй половине 1918 г., когда тыл перестал поставлять ей новую кровь...

Год относительно спокойной, регулярной работы в Ставке давал мне в отношении нервов огромное преимущество по сравнению с людьми, у которых ночью при грохоте проехавшей телеги рождалось сновидение с участием пулеметного огня. Я знал, что встречу больных людей. Я описываю порой совершенно негодные войска и начальников; но для оценки старой Русской армии надо помнить, что на войне день на день не приходится; если дать тем же войскам спокойно отдохнуть три-четыре ночи, окунуть их в атмосферу известного распорядка и справедливости, боеспособность их изменяется радикально. Я тогда был еще молод — мне шел 37-й год. Молодость — крупный плюс, но при неприменном условии успеха. Старому начальнику солдат и командир всегда охотнее простят ошибки и упущения; у крестьянских парней седина всегда легко заслужит снисхождение. Молодой начальник нравится, но горе ему, если он не окажется на уровне более строгих требований, предъявляемых ему.

Наконец командование полком отнюдь не являлось для меня отбыванием определенного ценза, ступенью к дальнейшей карьере. Я готов был закончить свою жизнь на посту командира полка. 7 раз я отказывался от предлагаемых мне генеральских должностей и пробыв командиром полка полтора года. Во главе 6-го полка я чувствовал себя сильнее, чем во главе другой дивизии. Это отсутствие какого-либо стремления к дальнейшему повышению и наградам придавало мне большую независимость. Начальство часто было мной недоволено: штаб дивизии устраивал мне неприятности, но меня побивался; я получил десяток выговоров, но сохранил доброе имя. <...>

Из других командиров полков яркую личность представлял Марушевский. Очень способный офицер Генерального штаба, он в первый год войны был начальником штаба нашей дивизии и в качестве такового стяжал себе редкую популярность. Всегда о всем осведомленный, он каждому в нужный момент давал правильную ориентировку, напоминал, объяснял — всегда с редким тактом, предвидел развитие действий и всегда заблаговременно подготавливал все нужное.

Командиром полка он приехал на 3 недели позже меня. Он был умен и дальновиден по-прежнему, но нервы ему изменяли; он, правда, вступил в командование изрядно развращенным 7-м полком; он умел ладить с людьми, но не приказывать и не перевоспитывать их. Блестящий советник, но отнюдь

не вождь. В момент начала Луцкого прорыва в 1916 г. ему предложили бригаду во Франции, он ухватился за это назначение и уехал, даже не простясь с полком, который каждую минуту мог быть брошен в штурм¹.

Офицерский состав в моем полку был чрезвычайно удачен. У меня было несколько прекрасных помощников в лице командиров батальонов. Лучшим из них был подполковник Патрикеев, офицер пограничной стражи, командовавший сначала 1-м, затем 4-м батальоном. Он был чужд другим кадровым офицерам и особенно хорошо умел ладить с прапорщиками, которые отвечали ему большой любовью и преданностью. Порядочный, горячий, он мало был пригоден для сложного маневрирования; но можно было быть уверенным, что батальон, выпущенный с ним во главе, понесется вперед, как стрела. Патрикеев сам бежал вперед, пока это допускало его большое, расширенное сердце, затем можно было видеть его бледную, шатающуюся фигуру, которую поддерживали с двух сторон под руки, волочили вперед его стрелки связи. В трудных же тактических случаях он консультировал своего начальника штаба, коим являлся командир 14-й роты прапорщик Триандафиллов.

Другим видным командиром являлся подполковник Гроте де Буко. Это был бесхитростный старик, перед войной лидский исправник, по своей доброй воле променявший свою спокойную полицейскую должность на тяжелую профессию сначала командира роты, затем батальона. Добрая воля, благожелательность, достаточно крепкие нервы, а затем седина — производили на стрелков неотразимое впечатление. Солдаты еще не освободились от оков патриархальных представлений, для них дедушка Гроте являлся несомненным вождем-старейшиной;

повиновались они ему с глубоким почтением и любовью, и после штурма офицеры 1-го батальона рассказывали, как они наблюдали стрелков, хватающих дедушку в критическую минуту за фалды, прячущих его в воронку, закрывающих его своими телами. Молодость — сила, но в известной обстановке седая борода, приставленная к доброй голове, также является крупной моральной силой, при условии непосредственного соприкосновения с солдатско-крестьянской массой.

Вторым батальоном командовал сначала Чернышенко — черный, широкий, приземистый. Ему не везло. В начале войны ему прострелили грудь, при мне — спину поперек, с некоторым повреждением спинного хребта. Вначале очень храбрый, он стал затем осторожным. Любимым его делом была маскировка. Сколько художества затрачивал он, чтобы стоящие рядом со штабом батальона патронные двуколки и лошади были укрыты от наблюдения с аэроплана! Не всегда он был достаточно находчив, хотя прекрасно знал детали пехотного ремесла. Его легко запугивало соседнее начальство. Он не всегда проявлял нужную жестокость к подчиненным. Все же он не был плох в иные критические минуты, когда все начинало бежать. Однако я испытал значительное удовлетворение, когда получил известие, что этот заслуженный офицер назначен командиром нашего запасного батальона, что избавляло меня от многих хлопот.

Его преемником был Васильев² — порт-артурский георгиевский кавалер, человек с очень острой тактической сметкой, очень неглупый, но любитель посидеть за столом и выпить, и притом растративший уже часть своих нервов. В тактических вопросах в трудных случаях я часто обращался к его консультации, и раскаиваться мне не приходилось.

Третьим батальоном командовал Борисенко. Полтора года он стоически подставлял свой лоб под пули, вынашивая идеал получить должность заведующего хозяйством полка. Прекрасный хозяин, любовно относившийся к каждой повозке и лошади, разумный и строгий администратор, он на линии фронта видел одну Голгофу; бой его не интересовал, он плохо ориентировался, старался укрыть свою землянку и всегда ее устраивал тылом к немцам, на самом расстреле; в тактике он был решительно неудачник, но всегда стремился с достоинством выполнять свои нелюбимые обязанности. Между прочим, в его представлении твердо улеглась мысль, что место командира батальона — посередине расстояния между ротными командирами и командиром полка. В бою подойти к нему для меня было истинное мучение. Весной 1916 г. в лице его я получил образцового, заботливейшего заведующего хозяйством.

Его заместил подполковник Древинг, не раз временно командовавший полком, порядочный и во всех отношениях прекрасный офицер. Древинг оказывал мне существенную помощь в организационных вопросах и в вопросах строевого обучения, в которых он был выдающимся специалистом. Несчастье Древинга заключалось в том, что он вышел на войну заведующим хозяйством полка. А на

¹ В гражданскую войну Марушевский явился главнокомандующим Архангельским фронтом белых.

² Служил впоследствии инспектором пехоты одной из красных армий, умер в 1919 г. от тифа.

этой должности нельзя быть произведенным за боевое отличие в следующий чин. Я предоставил на его усмотрение, когда он захочет, променять свое спокойное место на трудную роль командира батальона. А у Древинга были нехорошие предчувствия. Он 7 месяцев колебался, наконец взял батальон и в первом же бою под Красным, при форсировании р. Иквы, был сначала ранен в ногу, а когда начал перевязывать рану — убит. По крайней мере, и ему улыбнулось боевое счастье, так как он пал в десятке шагов по ту сторону взятых им австрийских окопов.

В лучшие дни, когда было много выздоровевших от ранений, я располагал 17 кадровыми офицерами — благополучие совершенно исключительное по сравнению с другими полками. Некоторые из них были прекрасны, например Сережа Тимофеев, тонкий, стройный, красивый, которого всегда надо было удерживать от какой-нибудь глупости: например, прикинувшись дезертиром, он хочет идти на австрийский пост, чтобы неожиданно выхватить ручную гранату и увести австрийцев в плен. Тяжело раненный в начале войны, он был убит в один день с Древингом в ближнем бою, в селе Красном, где стреляли из каждого угла, окна, ямы и где он, вооруженный легкой тросточкой, прогуливался, посмеиваясь, вдоль своей роты.

Пулеметной командой начальствовал штабс-капитан Колтышев, большой специалист своего дела, всегда державший меня в неведении, сколько в полку пулеметов: пулеметная команда при моем вступлении в командование имела на вооружении австрийские пулеметы, за утратой своих; у Колтышева всегда был по крайней мере один пулемет, разобранный на составные части, чтобы тайно от меня собрать его взамен утерянного. Летом 1916 г. в полку было уже 32 известных мне и неопределенное количество неофициальных пулеметов. Пулеметные двуколки Колтышева при наступлении подбирали ценные трофеи, вроде кожаного товара и прочие. Колтышев был очень хозяйственный человек, и на него все смотрели как на будущего преемника Борисенко по заведованию хозяйством.

Полковым адъютантом вначале был поручик П., хороший офицер, но истрепавший себя физически и нервно за первый год войны. Он прекрасно выполнял свои функции, но своей нервностью производил на меня неприятное впечатление. Я решил избавиться от затраты дополнительных усилий внутри своего штаба; поручик П. отправился курсовым офицером в какую-то школу прапорщиков, а я взял вместо него офицера пограничной стражи — поручика Козинцева — кровь с молоком, бычачьи нервы, волчий аппетит, немного загребастые руки;

но зато его присутствие веселило и подбодряло, он был тактически сообразителен, я мог лечь спать, предоставив ему решение второстепенных вопросов; путал, но редко.

Наряду с этими работоспособными кадровыми офицерами попадались и никуда не годные. <...>

Другую категорию офицеров составляли прапорщики. Как ни ценны были для поддержания на высоте строевого обучения и сохранения традиций полка кадровые офицеры, на какие жертвы ни шли многие из них, раненые по нескольку раз, но все же главную массу боевых начальников — командиров рот и взводов — представляли прапорщики. Они же давали главную цифру убитых и раненых офицеров. А потери в офицерах в 6-м полку всегда были колоссальными.

В других полках офицеры группировались в тылу, и с ротами наступали только ротные командиры — очередные жертвы. В 6-м полку деление на очереди для офицеров не существовало, и все шли в бой на своих местах. Бывали только случаи, что перед штурмом заботливый ротный командир ушел под каким-нибудь предлогом фельдфебеля в тыл, чтобы было кому-нибудь собрать и привести в порядок после боя остатки роты.

31 декабря 1915 г. после двух первых дней зимней атаки австрийских позиций я получил выговор от командующего 11-й армией Щербачева за то, что мой полк потерял на 600 солдат 13 офицеров, в том числе 3 убитых. Командующий армией указывал, что ресурсы государства в офицерах, даже прапорщиках, ограничены и что нельзя швыряться офицерами так, как делаю я: в 6-м полку процент бывших офицеров по сравнению с солдатами значительно превосходит общий уровень, что Щербачев приписывал моей чрезвычайной требовательности.

Я не мог с этим согласиться. Мне самому очень тяжело было в течение трех суток наблюдать тела двух прапорщиков, висевшие на австрийской проволоке, но посылку солдат в бой без офицеров или с минимальным их числом я считал верхом безобразия. Выговор командующего армией не заставил меня изменить моей точки зрения на необходимость присутствия обильного количества офицеров в цепях, и через 3 дня после него, в результате неуспешной атаки 1 батальона 6-го полка на высоту 370, оборонявшуюся хорошим австрийским полком, в соседнюю со мной комнату принесли 10 раненых офицеров — весь офицерский состав трех атаковавших рот 1 батальона.

Чтобы уменьшить потери в офицерах, я принял лишь одну меру: чрезвычайно велики потери молодых прапорщиков, только что прибывших, незнакомых с условиями поля сражения, с необходимостью применяться к местности; масса их гибнет в первом же бою; насколько допускали условия, я решил выдерживать молодых прапорщиков в тылу, при учебной команде или при ротах пополнения в течение одного-двух месяцев, чтобы они освоились с требованиями боя, с традициями полка, и только затем вводил их в бой. Такая роскошь стала доступна мне только в 1916 г., когда фабрикация прапорщиков шла полным ходом. В конце концов удалось поставить дело так, что молодые прапорщики считали за большую честь быть поставленными в строй полка. Двух неподходящих из массы в полторы-две сотни прапорщиков, поступивших в полк, я даже изгнал в тыл.

При широком расходовании офицерского состава мне, конечно, приходилось делать ставку на прапорщика по преимуществу, и этим определилась моя линия в офицерском вопросе. Прапорщик в 6-м Финляндском полку пользовался полным равноправием. Прапорщик командовал конными разведчиками, прапорщик был помощником полкового адъютанта, прапорщик командовал обозом II разряда. Прапорщик, успешно командующий ротой, мог быть спокоен, что он не будет смещен на должность взводного командира в случае прибытия из тыла кадрового офицера. В наградах прапорщикам отдавалось даже преимущество.

Прапорщика Козлова, получившего орден Георгия, и другого, еще более достойного прапорщика Косолапова, идеально спокойного командира 8-й роты, получившего в Германии высшее образование по химии красящих веществ, меня лишила мобилизация промышленности. Мне было бы очень легко задержать в полку этих надежных помощников; мне было очень тяжело расставаться с ними; уход их не мог произвести на их товарищей благоприятного впечатления; сами они инициативы не проявляли; и все же я не считал вправе эгоистические интересы полка поставить поперек интересам мобилизации промышленности и командировал их по их специальности в тыл. Но, конечно, было бы несравненно лучше, если бы лица, нужные промышленности, вовсе не привлекались в армию, чем отрывать их потом от нее с болью.

9-й ротой командовал студент Лесного института, прапорщик Ходский, серьезный, худой, высокий, пользовавшийся общим уважением, имевший громадное влияние на своих стрелков. Первое мое знакомство с ним было в бою 30 августа 1915 г., когда я верхом догонял его роту, оторвавшуюся при атаке вперед на 3 км от своего батальона. В д. Шавлишки я наткнулся на раненого его роты; на вопрос, здоров ли его командир, раненый стрелок объяснил мне, что Ходский на его глазах первым вскочил в 3 избы этой деревни, занятые немцами: «Выстрелит в дверь из револьвера, шибанет ее ногой, крикнет что-то по-немецки, двух-трех немцев выволочит и бежит дальше». О подвигах Ходского мне еще много придется рассказать во II томе настоящего труда. Ему все удавалось, ни разу он не был ранен, пока 23 июня при неудачном штурме пуля не уложила наповал этого удивительного бойца в 20 шагах перед австрийским окопом.

Высокий красавец-весельчак, родом из Тифлиса, прапорщик Нижницкий всегда имел в запасе уморительный кавказский анекдот. Один из них, передававший речь гласного тифлисской думы о пользе намордников для собак для защиты от укусов малолетних учащихся, нам особенно памятен, так как во время одного ночного наступления в Галиции, в конце декабря 1915 г., когда под австрийским огнем в батальоне воцарилась сумятица, всех отрезвил звонкий голос Нижницкого, произнесший фразу из известного в полку анекдота: «Куда мы идем, куда заворачиваем?» Одна рана Нижницкого прошла благополучно; вторая оказалась смертельной.

Другой прапорщик Роотс, деликатный, глубоко порядочный эстонец, вносил удивительную серьезность в исполнение своих обязанностей. Можно было быть уверенным, что отданный ему приказ будет выполнен до конца. 20 сентября 1915 г. он лежал тяжелораненый перед г. дв. Дровеники, который он unsuccessfully атаковал. Ему удалось растянуться в небольшой впадине, а германский пулемет с удаления в 50 шагов старался его добить. Торчавший на животе Роотса футляр от бинокля был пробит 4 пулями. Ночью его удалось унести. В Бродах, глубокой осенью 1916 г., Роотс имел несчастье заболеть легкой, но малопочтенной болезнью. Он был слишком застенчив, чтобы посоветоваться с кем-либо, слишком подавлен, считал себя тяжелым преступником, нарушившим свой долг, и застрелился. Смерть этого бесконечно славного и порядочного мальчика тяжело сказалась даже на наших закаленных нервах.

Самым молодым, из 18-летних гимназистов, был прапорщик Зноско, высокий, худой, с ярким туберкулезным румянцем на щеках. В окопе чахотка стубила бы его в несколько недель, об эвакуации он и слышать не хотел. Я взял его в пулеметную команду и держал больше при штабе полка под опе-

кой старшего врача. В день боя под Красным, 10 июня, у него процесс обострился, температура поднялась до 39,5. Велико было мое удивление, когда я увидел во главе 4 пулеметов «Максима», наступавших с резервным батальоном на Красное, прапорщика Зноско. Он сбежал от старшего врача и прятался не от австрийцев, а от меня, чтобы я не воротил его назад. Трясаясь от лихорадки, он успел вскочить в Красное и выставить два пулемета вдоль главной улицы села, по которой шла контратака венгерского батальона, только что переколовшего до последнего нашу пулеметную команду Кольта и взвод 6-й роты. Пулеметы Зноско покончили с этой контратакой мгновенно.

Двух прекрасных прапорщиков я переманил из гвардейского егерского полка. Один из них, Ющенко, пришел ко мне тем более охотно, что ему с его студенчески-социалистическими убеждениями атмосфера гвардейского полка казалась непривлекательной. Он был искусным и разумным командиром 6-й роты. Он очень отважно бросался в атаку, но, захватив у неприятеля удобный для обороны пункт, немедленно устраивался в нем и образовывал устой боевого порядка, выдерживал самые яростные контратаки. В бою 10 июня он вброд, вдоль берега Стыри, обошел австрийскую проволоку, взял во фланг австрийскую позицию, пробежал вдоль окопов трех австрийских рот, уничтожая их защитников, вскочил в г. дв. Красное и защищался в помещицьем доме, пока не подошли наши резервы. А когда я приезжал в отпуск в Петроград, ко мне заходили его отец, профессор медицины, специалист по сердцу, и его мать;

последняя очень просила меня беречь ее сына и не пускать туда, где летают пули и снаряды и где витает смерть. Как будто прапорщика Ющенко можно было бы запереть в обозе! Я ее успокаивал, что, конечно, все будет сделано. Потом в 1917г. я предлагал Ющенко перейти ко мне в штаб 5-й армии. Он ответил отказом — он в дивизионном комитете, он не может прекратить борьбу с разложением дивизии. В конце наступления Керенского, когда дивизия отказалась сражаться, а нужно было произвести разведку, Ющенко с тремя другими прапорщиками и двумя стрелками пошли вперед; все они были перебиты австрийцами.

Его товарищ, прапорщик Красовский, начальник команды конных разведчиков, мой телохранитель, отличался личной- мне преданностью; свою массивную фигуру он в бою все время стремился держать как бруствер, защищающий меня от неприятельских пуль. Конная разведка работала прекрасно; когда при позиционном сидении штаб дивизии приставал с контрольным пленным, а роты такового не давали, Красовский спешивал 5-6 своих молодых, уходил ночью и притаскивал австрийского дозорного. Когда я шел в опасное место, Красовский наряжал ко мне гиганта Чистякова, известного тем, что в снегах Карпат, глубиной выше пояса, он спасал раненых, оставшихся между нашими и неприятельскими окопами: санитары не могли работать на таком глубоком снегу, а Чистяков, схватив под мышку, как перышко, раненого, протаптывал себе путь. Пулемет, который ранил меня 14 июня 1916 г. в шею, одновременно пробил и фуражку Красовского¹.

Когда осенью 1915 г. полк отошел на отдых в Херсон, в него прибыло одновременно свыше 20 прапорщиков — воспитанников учительских семинарий или народных учителей; типичным для этой партии был Эланский, очень надежный и серьезный человек, лидер социалистически настроенных прапорщиков, и Триандафиллов. Это были очень хорошие офицеры, лучшие, чем прапорщики из студентов, более избалованные городской жизнью и более оторванные от крестьянства. Эланскому для пробы я немедленно предоставил командование ротой. Он сразу вошел во все детали солдатского обихода, сам раздавал сахар стрелкам, выучил мгновенно весь состав своей роты назубок, приобрел огромный авторитет. Прекрасный командир, он был убит вместе с Ющенко при разведке дивизионного комитета летом 1917 г. Триандафиллов вскоре был дважды ранен, с большим успехом командовал ротой, оставил мне свой любопытный дневник, был сначала начальником штаба (тактическим советником) командира 4-го батальона Патрикеева, а затем заместителем начальника штаба РККА.

Все эти учителя были социалисты разных направлений; в этом я себя не обманывал. Хотя в эту эпоху я сам был далеко не сторонником социализма, но мне не оставалось ничего другого, как примириться с фактом, что я буду опираться преимущественно на социалистически настроенных офицеров. Как я, тогда либерал-индивидуалист, мог недурно ладить со своими прапорщиками? У меня была одна политическая цель — оказание немцам возможно более сильного отпора, и все подчинялось ей. Поглядывая на свою молодежь, на чрезвычайно по-крестьянски настроенных стрелков, я повторял себе, что еще Генрих VI заметил, что Париж стоит того, чтобы отстоять обедню. Социальная база царской России — помещики и буржуазия — была очень узка; она не охватывала полностью даже

¹ Красовский — впоследствии адъютант политического отделения штаба 5-й армии — вел переговоры от имени командующего армией у Болдырева с главкомверхом Крыленко.

зажиточные верхи крестьянства. На такой социальной базе невозможно было вести затянувшуюся мировую войну. Необходимость расширения этой социальной базы за счет мелкой буржуазии и крестьянства может быть инстинктивно, но достаточно остро ощущалась многими командирами на фронте затянувшейся войны. Как показал опыт, полк, взяв новый курс, стал сражаться не хуже, а лучше. Той вспышке своей боеспособности, которую проявила царская армия в 1916 г., она обязана почти исключительно этому новому слою русской интеллигенции, влившейся в ее ряды¹.

Если при расположении рот в резерве прапорщики значительно уступали в технике обучения кадровым офицерам, то у них было и преимущество: они часто беседовали со стрелками и вбивали им оборонческую точку зрения. Я вспоминаю, что, прибыв в Севастополь формировать Черноморскую десантную дивизию, я в начале февраля 1917 г. производил смотр полку, составленному из черноморских матросов, долженствовавшему войти в мою дивизию. Морские офицеры этого полка тщательно готовились к смотру, к их ужасу я отказался считать и смотреть белье и содержимое вещевых мешков, а подходил поочередно к нескольким матросам каждой роты и задавал такие вопросы: «с кем мы воюем?», «за что воюем?», «какие цели ставим себе?», «какой интерес у русского крестьянства в этой войне?» и т.д. Ни одного отдаленно вразумительного ответа я не получил. Морские офицеры остолбенели и мямлили, что они этого со своими подчиненными не проходили. Они были совершенно оторваны от своих матросов; все это были офицеры кадровые или приближающиеся к кадровым, никого похожего на моих прапорщиков не было. Я прогнал полк, заявив, что если через три года войны они еще не знают, с кем и за что воюют, то дальше мне смотреть их не приходится. В 6-м Финляндском полку такой анекдот был совершенно невозможен. <...>

Помимо перечисленных прапорщиков, я мог бы остановиться еще и на десятках других, очень достойных и ценных, выдающихся командирах. Но и сказанного достаточно, чтобы подчеркнуть, что прапорщики отнюдь не представляли собою какой-то серой, малоценной, второсортной массы; наоборот, среди этой молодежи было удивительно много сильных, красочных личностей, готовых к большим усилиям и полному самопожертвованию при наличии сколько-нибудь толкового руководства, малейшего внимания и элементарной справедливости к ним.

В полку имела еще третья категория офицеров, произведенных из фельдфебелей и сверхсрочных унтер-офицеров. Пешими разведчиками заведовал прапорщик Сметанка. Лет двадцать он прослужил фельдфебелем гвардейской батареи, прекрасно знал артиллерийскую стрельбу, вел себя в боях блестяще, был лично известен многим высоким особам мира сего. Все к нему благоволили, но этика не только гвардейской, но и армейской артиллерии почему-то исключала возможность производства в артиллерийские офицеры этого очень достойного, но лишенного «манер» и внешнего культурного лоска бойца. В результате мне предложили, не возьму ли я Сметанку в свой полк, с производством в прапорщики. Я согласился; потеряла только артиллерия, в которой многие командиры батареи были значительно слабее Сметанки. Однажды, глубокой осенью 1916 г., он с моими разведчиками выследил идеально замаскированную австрийскую батарею, стоявшую почти в линии пехотных окопов, соединился по телефону с нашей батареей, попросил выполнять его команду и вдребезги разбил австрийскую батарею. Когда этот разгром совершился и остатки разбитой батареи стали ясны и нашим артиллеристам, они поражались искусству офицеров 6-го полка даже в артиллерийской стрельбе.

Был прапорщик Иванов, произведенный по моему представлению из фельдфебелей. В бою за Красное он бросился со взводом на австрийскую полуроту, выскочившую в контратаку, лично убил австрийского офицера, после чего полурота сдалась. Через несколько дней, 23 июня, мимо меня несли его с раздробленной пулей ногой, тяжелой навесной шрапнели. Он под огнем показывал австрийцам кулак, кричал, что они от него так легко не отделаются, что он скоро вернется, и призывал стрелков «нажимать».

Но самым выдающимся был Данилов, дослужившийся при мне уже до штабс-капитана и имевший офицерский орден Георгия за взятие весной 1915 г. австрийской батареи. Из псковского крестьянина выработался удивительный боевой организм. Имея перед фронтом неприятеля, Данилов не знал ни минуты покоя: его окопы были всегда в блестящем виде, блиндажи в чистоте, выметены, в мокрых местах в ходах сообщения был устроен дощатый тротуар. А все свободные минуты он проводил на избранном им наблюдательном пункте; когда я видел его, застывшего с биноклем у глаз, не моргая

¹ Отношение ко мне прапорщиков видим из следующей записи дневника В.К. Триандафиллова от 10 февраля 1917 г. «Вчера провожал Свечина. Грустно. Эланский сказал, что провожаем человека, который ценил не гг. офицеров и гг. прапорщиков, а защитников родины».

высматривающего часами слабое место в расположении неприятеля, не обращающего внимания на падающие «чемоданы» и тяжелые мины, мне так и напрашивалось сравнение Данилова с хищником, подстерегающим у водопоя свою жертву. Ни один кадровый офицер не мог так подробно и толково доложить о недостатках нашей и неприятельской позиции, как этот прирожденный боец. <...>

Характеризуя в общем три категории офицеров, я должен отметить прекрасные качества кадровых офицеров; но лучшие из них уже были перебиты в первый год войны, а у остальных мысли вертелись на тему о будущем полка после окончания войны; они наводили на войне экономию, чтобы у полка «потом» были средства. Их волновало расхищение запасным батальоном в Фридрихсгаме оставленного полкового имущества; они хотели бы, чтобы имевшиеся в полку большие денежные средства были спасены от присвоения казной или от обесценивания закупкой второго или третьего комплекта музыкальных инструментов для хора, разного оборудования и пр. Их мысли невольно тянулись к будущему миру. При нахождении полка в резерве кадровые офицеры являлись, несомненно, более ценными по своему умению организовать занятия с солдатами. Прапорщики, напротив, на фронте жили полной жизнью; в сравнении с кадровыми они были много свежее и отдавали свою кровь с большим рвением. Наконец прапорщики из унтер-офицеров представляли прекрасный боевой материал, но не находили в условиях царского строя того общего языка с солдатами, который так легко давался учителям, статистикам, студентам. Для них дорога в офицеры шла через резкий разрыв со своим классом. Что-то, что должна была опрокинуть Октябрьская революция, мешало развертыванию богатых имевшихся среди них сил. Мой общий вывод: людей способных, преданных, с доброй волей, готовых на жертвы вокруг нас гораздо больше, чем мы это обыкновенно думали. Но любой талант нуждается в создании условий, где он мог бы развернуться.

При расположении в резерве изредка, в меру, я устраивал занятия с офицерами. Однажды это было занятие в комнате, где мы обсуждали французские данные о новых приемах тактики пехоты при атаке укрепленных позиций. Другой раз это было показное учение взвода с боевой стрельбой. Прапорщик с наибольшей тактической сметкой Триандафиллов командовал взводом под наблюдением сотни офицеров.

В Маначине была устроена специальная укрепленная позиция, которую сначала тоже штурмовали показным образом в присутствии всех офицеров. Позиция была вырыта только коленной профили, но на ней были устроены все способы фланкирования; занятие должно было подчеркнуть опасность фланкирующего огня для наступающего и необходимость направления всех усилий на борьбу с кинжальными пулеметами всех сортов. Такие показательные занятия были полезны не только прапорщикам, но и всем кадровым офицерам — потом они повторялись во всех ротах, и каждый стрелок имел ясное представление о необходимости сосредоточения всех усилий против пулеметов и против фланкирующих фокусов.

Но в основном тактическая работа связывалась с работой на фронте; позиционная жизнь давала ежедневно богатый тактический материал. При ежедневном обмене мнений с офицерами мне приходилось не только учить, но и учиться. <...>

Свечин А. Искусство вождения полка по опыту войны 1914–18 гг. Т. 1. — М.-Л. 1930. — С. 7–18, 30–44.

ВЫСШИЙ КОМАНДНЫЙ СОСТАВ

Есть два ходячих представления о сущности войны, рассматриваемой с субъективной точки зрения. По одному из них она приравнивается к прикладной науке, почему погрешности в ее ведении приписываются несовершенному усвоению ее положений и приемов, подобно тому как, например, астроному, решающему задачу на вычисление влияния одной планеты на пертурбации другой, было бы поставлено в вину в случае несовпадения его вычислений с наблюдениями недостаточное знакомство с математикой, или с механикой, или с законами движения планет и т.п.

С другой точки зрения, ведение войны рассматривается как приложение не теоретических знаний, а практического умения, более или менее совершенное владение которым приписывается частью прирожденным способностям, частью опыту, приобретенному на войне и в упражнениях мирного времени. Понятие «опыта» включает и прежние войны (военную историю), знакомство с которыми может быть обобщено в некую «теорию военного искусства». Но данная точка зрения, в противоположность предыдущей, безусловно отвергает, чтобы такая теория могла служить *руководством* в каждом отдельном случае и допускает значение ее только как *средства для расширения умственного кругозора* исполнителя и для облегчения ему возможности обобщить результаты своей и чужой практики и таким образом выработать свое собственное определенное суждение.

По этому взгляду, ведение войны приблизительно приравнивается творчеству в изящных искусствах, например в музыке, которое, будь то творчество композитора или виртуоза, требует прежде всего природного таланта, затем достаточной практики и, наконец, в качестве не безусловно обязательного, но полезного свойства — знания истории и теории своего искусства.

Однако подобно тому как нельзя изучить по книгам музыку, живопись и пр., так данная точка зрения на войну, безусловно, отвергает, чтобы военное искусство могло быть усвоено книжным путем.

Из двух приведенных взглядов на войну второй, несомненно, ближе к действительности, чем первый, который не заслуживал бы даже и упоминания, если бы ненормальные условия жизни не выдвигали от времени до времени его претензий на право существования, и именно у нас в России чаще, чем где бы то ни было. Подобно тому как человек, возмнивший себя живописцем, но почему-либо лишенный красок, кистей, полотна и прочих принадлежностей своего искусства, вдруг вообразил бы, что он способен осуществить свое призвание посредством чтения руководств по живописи и изучением теорий перспективы и теней, точно так же и военный деятель, в течение многих лет лишенный практики войны или хотя бы мирных маневров, впадает иногда в иллюзию, что он свое военное искусство может изучить по учебникам стратегии и тактики.

«Это обычное извращение ума, — говорит современный французский военный писатель, генерал Серриньи, — всякий раз, когда мы удаляемся от войны, стараться сделать из нее науку и ее приемы воздвигать в принципы». Напитанные таким способом военной наукой офицеры «неспособны в нужную минуту удовлетворить требованиям войны. Их ум не обладает должной гибкостью, чтобы применяться к обстановке. Там, где им следовало бы размышлять, они грубо применяют готовые формулы. Они бывают биты и только одни этому удивляются».

По справедливому, хотя и не новому мнению генерала Серриньи, наукой можно считать только подготовку к войне, ведение же ее принадлежит к искусствам. «Это искусство, как и все прочие, содержит несколько общих правил, которые вечны... Вне этих правил имеются только приемы действий, по существу своему изменчивые, в зависимости от условий времени и места, вооружения, морального состояния войск»... Между тем у нас часто смешивали общие правила с приемами действий. Перед войной наши офицеры всех рангов «слишком часто думали только об одном — найти такие формулы действий, которые обеспечивали бы победу. Как будто война укладывается в формулы! Как будто приемы не меняются каждую минуту, каждое мгновение!»

Другой французский писатель также подтверждает это направление ума, существующее в армиях наших бывших союзников. Он пишет: «По-видимому, французская военная мысль питает отвращение к признанию за актом войны того, по существу, эмпирического характера, который ему присущ. Она непрестанно старается построить универсальную доктрину».

Приписываемый цитированными авторами некоторой части французского офицерства превратный взгляд на войну, по-моему, был в такой же, если не в большей, степени присущ нашему ВКС и даже, случалось, господствовал в нашей военной академии в разные периоды ее существования, что и побудило меня остановиться на этом взгляде на ведение войны, представляющем давно осужденную величайшими военными умами ересь, но обладающую упорной способностью возрождаться в недрах нашей Армии и на ее верхах. Этой ересью была также сильно заражена русская военная литература. В лучшем случае, если на войну смотрели не как на науку в строгом смысле слова, то все-таки как на дело, главным образом, ума и знаний, а не искусства и воли.

Литература этого направления проявляла и до сих пор проявляет неискоренимую тенденцию к исканию побед в военной «науке», а причин неудач — в нарушении «вековых принципов». Мне кажется, что в этой тенденции кроется до некоторой степени то самое направление ума, которое в свое время было осмеяно Потемкиным в его известном суждении: «Когда вводилось в России регулярство, многие, не зная цены воинского снаряда, почитали все священным и как бы таинственным...»

Что касается второй из двух отмеченных нами точек зрения на ведение войны, то про нее можно сказать, что она содержит часть истины, но не всю истину, нуждаясь в существенной поправке, о которой обыкновенно забывают. Сущность этой поправки усматривается из того определения войны, которое дается ей *Клаузевицем*.

По мнению этого великого мыслителя, недостаточно оцененного у нас в России, война от науки и искусства отличается тем, что она, во-первых, ведется в области *неизвестности и случайностей*, в которых исполнителю приходится разбираться на основании *расчета вероятностей*, во-вторых, что неизменный спутник войны, опасность, налагает свой отпечаток на всю военную деятельность; в-третьих, что война имеет дело не с мертвым или пассивным объектом, как другие искусства, а с предметом активным и самостоятельно *реагирующим*. Клаузевиц полагает, что из всех областей человеческой деятельности война, рассматриваемая в своем субъективном аспекте, ближе всего подходит к *игре в карты*, но, прибавляю от себя, только качественно, а не количественно, т.е. устраняя вопрос об объеме и напряжении этих двух родов деятельности. <...>

Итак, для войны необходимо знание и еще больше — умение, но ни то, ни другое не помогут, если у исполнителя нет достаточного запаса перечисленных качеств, относящихся к области не ума, а того, что на обыкновенном языке принято называть «характером» или «волей».

В том виде, в каком эти качества приходится применять на войне, они все родственны «мужеству», и для простоты их можно бы было обобщить под этим названием, что я и буду изредка делать, но обыкновенно, во избежание смешения с понятием личной храбрости, я предпочитаю давать им общее название *силы духа* или *военной энергии*.

В своем простейшем виде, например у солдата, эти качества выражаются в форме храбрости, которая является низшей ступенью лестницы, выраженной Суворовым в афоризме «храбрость солдату, бодрость офицеру, мужество генералу». <...>

Таким образом, военная энергия представляет совокупность следующих душевных сил, которые могут входить в ее состав в различной степени и пропорции.

Мужество, непреклонная воля к победе, самоуверенность, решительность, смелость, находчивость, предприимчивость, дух почина, настойчивость, упорство, самообладание (спокойствие¹), способность увлекать других и пр. Военная энергия обыкновенную энергию (настойчивость, силу воли) охватывает, как одно из своих частных свойств. Просто «энергичный» человек может под влиянием опасности оплошать настолько, что не в состоянии будет приложить свою энергию, если он не обладает в то же время и мужеством. Я знал многих генералов, в мирное время обнаруживавших недюжинную энергию и совершенно терявших ее в обстановке войны. *Только начальник, обладающий силой духа вообще*, а следовательно, и мужеством, как первым из составляющих ее качеств, свою энергию сохранит во всякой обстановке.

Итак, для возможности противодействовать вредным влияниям, свойственным обстановке вооруженной борьбы, в войне должен иметься налицо несравненно больший запас силы духа, чем у работников на всех иных поприщах государственной, общественной и приватной деятельности. Переиначивая евангельское изречение о вере и делах, можно сказать, что «на войне ум без духа мертв есть».

Несмотря на самоочевидность этой истины, умы схоластического направления упорно стремятся выдвинуть на первое место исключительно умственную сторону военных явлений, игнорируя ту их

¹ Спокойствие, хладнокровие, относится, строго говоря, к свойствам не характера в тесном смысле слова, а природного темперамента, но может и при беспокойном нраве быть приобретено в результате настойчивых усилий воли.

сущность, которая коренится в области воли. Такие умы склонны впадать в экстаз от устраиваемой ими в делах великих полководцев «гениальности» стратегических и тактических замыслов, не замечая того, что гениальность заключается вовсе не в самих замыслах, обыкновенно крайне простых и не выходящих за пределы способностей обыкновенного здравого смысла, а в той огромной силе духа, которая была приложена для проведения замыслов в жизнь. <...>

Итак, к воину должно предъявляться требование о наличии в нем крупного запаса сил, которые мы объединили под названием военной энергии, и тем большего, и тем более дифференцированного, чем выше его положение на иерархической лестнице.

Наличие в данном субъекте военной энергии в большем или меньшем количестве является результатом его духовного склада, унаследованного при рождении и обработанного воспитанием, но, кроме того, запас ее может быть увеличен и *работой над самим собой* под влиянием моральных и иных факторов, каковы, например, патриотизм, религиозное чувство, честолюбие и др.

Установив наличие военной энергии или силы духа в качестве важнейшего требования к вождю, без которого нельзя ожидать, чтобы он мог с успехом применять свои остальные свойства, внесем теперь в определение понятия *ведения войны* ту поправку, без которой, как было выше объяснено, оно является неполным. По внесении такого дополнения оно может быть сформулировано следующим образом.

Ведение войны — искусство, которое от других искусств отличается тем, что выполняется в обстановке неизвестности и опасности над самостоятельно реагирующим объектом, а потому от исполнителя, кроме природных дарований и специальной подготовки, требует особых качеств характера, обеспечивающих возможность применения подготовки и творчества.

Эта истина, если она, может быть, формально у нас и не отвергалась, не составляла, однако, предмета глубокого убеждения, а потому и не оказывала влияния на практические мероприятия, направленные к улучшению ВКС. На военного начальника на войне смотрели главным образом не как на деятеля, которому необходимо *сделать огромное напряжение воли*, чтобы совладать с теми чрезвычайными препятствиями морального характера, которые обстановка войны ставит на каждом шагу его работе, а как на лицо, которому приходится приложить особые интеллектуальные силы для решения предъявляемых ему войной, будто бы головоломных материальных задач.

Этот ложный взгляд и явился со времени Крымской войны первопричиной неуспеха всех начинающих военного ведомства, направленных к подъему на должную высоту ВКС нашей Армии.

Имея в виду наметить основные пути для разрешения этого вопроса в будущем, я признаю необходимым, прежде всего основываясь на фактах войны, как я их понимаю, и на некоторых общих соображениях о свойствах русского национального характера, дать возможно полную характеристику нашего ВКС.

Установив ее, мы приблизимся и к вопросу о мерах, которые могли бы быть приняты с целью возможного устранения отрицательных черт этой характеристики при будущем устройстве национальной Российской Армии.

Характеристика русского высшего командного состава

Командному составу нашей старой Армии, как производной русского народа, прежде всего были свойственны те черты, которые присущи вообще русскому национальному характеру. Из этих черт нас, ввиду цели нашего исследования, интересуют, главным образом, черты отрицательного свойства.

В моем труде я подвергаю особенности русского национального характера довольно подробному разбору, опираясь на данные литературы (в том числе на мнения таких авторитетов, как Пушкин, Ключевский, М.И. Драгомиров и др.), а также на свой многолетний опыт, но здесь, ввиду необходимости сокращения своего доклада, я ограничусь только их перечислением:

1) Пассивность и умственная апатия, наше пресловутое «ни-чаво». 2) Неспособность к продолжительному напряжению воли, физическая и умственная лень. 3) Беспечность и небрежность, русское «авось». 4) Отсутствие солидарности и взаимное недоверие. 5) Отсутствие гражданской дисциплины. 6) Нервность, которая на войне выражалась в частых паниках, «отскоках», крайней чувствительности флангов и т.д.

Кроме перечисленных недостатков, свойственных массе русского народа, наш интеллигентный класс обладает, в частности, еще некоторыми специальными чертами характера отрицательного свойства. Перечислю важнейшие из них:

1. Слабое развитие чувства долга.

2. Способность быстро падать духом.

3. Боязнь риска и ответственности как результат недостатка мужества. Эти дефекты характера влекли за собой отсутствие решительности, самоуверенности и предприимчивости. Дух почина, а тем более — дерзания, чужд современному русскому интеллигенту.

4. Болтливость.

5. Сильно развитая способность к анализу, к критике. Это предпочтение аналитической формы мышления синтетической умаляет способность образованного русского человека к созидательной работе и к «смотрению на дело в целом».

При таком «органическом» характере перечисленных недостатков неудивительно, как говорит один из наших зарубежных военных писателей, что в русском КС их «нельзя было ничем искоренить: ни обучением, ни опытом войны, ни маневрами, ни военной игрой»¹. Правда, что в большом числе субъектов, принадлежащих к одному виду, имеются всегда и значительные отклонения от среднего типа этого вида, так что, говоря теоретически, должно бы представиться возможным на старшие командные должности избирать лиц, которые именно являются отклонениями от среднего типа в лучшую сторону. Но на практике такой подбор нелегок, и та система его, которая действовала у нас, цели «отбора лучших» не достигала. Не было также принято и надлежащих мер, чтобы путем воспитания смягчить в командном составе отрицательные черты русского национального характера, не говоря уже о мерах по перевоспитанию всего народа. <...>

На войне *пассивность* КС выражалась во множестве самых разнообразных форм, которые сводились, более или менее, не только к отсутствию предприимчивости, но и к медленности или отсутствию реакции на «обращения неприятельские». Нашим начальникам был в большинстве чужд дух «рипоста», который темпераментного фехтовальщика побуждает немедленно использовать неудачный выпад противника, чтобы подставить ему шпагу, пока тот еще не вернулся в положение *en garde*. Так, например, отбив атаку, русские войска обыкновенно медлили с переходом в контратаку, что приводило к упущению благоприятных минут. Этот недостаток в Великую войну удалось отчасти устранить только на третьем году, благодаря продолжительной практике позиционной войны и настойчивым усилиям старшего командования.

В мирное время пассивность при значительной доле участия *лени* неблагоприятно влияла на любознательность и стремление к самоусовершенствованию. Только наличием этих отрицательных качеств можно объяснить факт, что многие начальники (в том числе и из офицеров Генерального штаба) достигали высоких командных должностей, не прочтя со времени окончания последнего учебного заведения ни одной книги по своей специальности. Те, которые следили за военной литературой, часто делали это «постольку поскольку» для того, чтобы не прослыть невеждами во мнении своего начальства (если последнее придавало значение этому виду подготовки), для практических целей службы (например, для руководства тактическими занятиями) и по другим подобным соображениям. Доклады по военным вопросам посещались тогда, когда начальство этого требовало (например, в полках) или когда было основание предполагать, что это может оказать влияние на аттестацию. <...>

В противоположность генералу В. Драгомирову, который полагает, что «вместе с охотой к постоянному совершенствованию пропадает и воля»², я уверен, что, наоборот, при отсутствии воли не может быть охоты к совершенствованию, так как самый процесс усовершенствования требует значительных усилий воли. Лень есть недостаток не ума, а характера. Поэтому, чтобы поднять образование нашего ВКС, необходимо развить в нем волю. Без этого условия не помогут ни насаждение новых учебных заведений, ни расширение их программ, к чему у нас всегда была преувеличенная склонность.

Тому же свойству лени можно приписать, что наши начальствующие лица часто имели тенденцию свое внимание посвящать преимущественно мелочам службы, упуская главное. Привыкнув к этим мелочам на невысоких должностях, начальник при дальнейшем повышении по службе оказывался неспособным применить к новым требованиям, которые предъявляла к нему служба на более высоких постах. Ведь, к примеру сказать, гораздо легче оценку служебной пригодности подчиненного произвести посредством привычной поверки во вверенной ему части веса солдатских «порций», или чистоты портянок, или исправности несения внутренней службы, чем по его способности управлять частью в поле или руководить тактическими занятиями офицеров. Эта мелочность, которая, коренясь

¹ А. Р. П. Военный Сборник, № 4, стр. 155.

² Военный Сборник, № 4, стр. 99.

первоначально в лени, а потом развивавшаяся самостоятельно в силу национального склада ума, чуждого синтетическому мышлению, являлась одной из характерных черт наших старших начальников, особенно вышедших из строя. <...>

В числе наших национальных недостатков мною было еще установлено чрезмерное развитие у русского интеллигента духа анализа. При наличии такого направления ума, исходившие от начальства оперативные и тактические распоряжения в подчиненных инстанциях обыкновенно принимались с большой дозой критики, чему способствовало также отсутствие единства военной мысли. Но возможно, что и самое отсутствие такого единства являлось результатом природного предрасположения к критике, приводившего к отсутствию дисциплины мысли в высшей военной среде. Это могло быть одной из причин, почему у нас не установилась единая военная доктрина.

Отсутствию чувства солидарности можно отчасти приписать довольно распространенный недостаток нашего ВКС — *грубое обращение с подчиненными*. У нас были генералы, пользовавшиеся громкой известностью... не одержанными ими победами над врагами Родины, а своею легендарной грубостью, граничившей с хамством. Хотя этот недостаток и коренился в более глубоких бытовых и культурных условиях русского народа, все-таки можно думать, что, если бы военное начальство было глубже проникнуто сознанием своей солидарности с прочими чинами Армии, независимо от их рангов, оно относилось бы более бережно к личному достоинству своих подчиненных. Тогда и в подчиненных не убивалось бы, как часто случалось, сознание своего единства с начальником и не создавалось бы отношение к нему, как к какой-то враждебной силе. Отсутствие солидарности в нашей Армии выражалось еще в той тугости, с которою в ней прививалось установленное законом взаимное приветствие воинских чинов.

Как уже было сказано, я воздерживаюсь вообще от разбора положительных качеств русского национального характера, ввиду ненужности такого разбора для целей моего исследования, однако не могу не коснуться здесь одной из таких положительных черт потому, что в применении к военным вождям она теряет отчасти свое положительное значение, обращаясь в недостаток. Черта эта — *мягкосердечие — сердобольность*. Ее можно бы было только приветствовать в представителях КС, если бы она проявлялась в заботливости и в попечении о своих подчиненных, но она становится крупным недостатком, когда этой заботливости приносится в жертву достижение цели боя или операции или когда вид понесенных войсками в бою потерь подавляет волю начальника к энергичному продолжению трудной боевой задачи, или когда сердобольность мешает ему предъявить крайние требования к выносливости войск для совершения форсированного марша... В этих и им подобных случаях начальник, подавляя свои личные чувства, должен быть способен проявить даже некоторую долю жестокости.

Таков был Наполеон, когда под Йеной в 1806 г. он приказывает своим войскам, для которых, по его мнению, не должно было быть ничего невозможного, поднять полевую артиллерию на руках на неприступные кручи Ландграфенберга; таков был фельдмаршал Гурко, когда он, не боясь заморозить свои плохо одетые войска, приказал им в зимнюю стужу перейти Балканы.

Не думаю, чтобы у нас в последнюю войну было много таких «жестоких» начальников, но таких, которые проливали слезы над боевыми потерями своих частей и при виде их теряли энергию для продолжения своей задачи, мне приходилось видеть.

Этой же сердобольности следует, вероятно, приписать отчасти тот факт, что наши вожди почти никогда не умели заставить утомленные боем войска преследовать отступившего неприятеля, и она же была причиной, почему на службе терпелись сплошь и рядом негодные для нее элементы.

Установившийся в России около ста лет тому назад государственный и общественный строй, сковавший личную инициативу, взявший в опеку не только деятельность, но и образ мыслей граждан, — словом, установившийся во всех сферах жизни бюрократический порядок, в связи с падением значения дворянства как передового сословия, оказались, вероятно, главными факторами, которые лишили русский образованный класс сильных и самостоятельных характеров, подведя его под общий уровень безволия, нерешительности и пассивности. Ярким представителем такого направления в военном ведомстве был всемогущий Аракчеев, систематически вытравлявший волю из строевых начальников.

«Без протекции, — говорит про эту эпоху А.Н. Куропаткин, — пробирались вперед только офицеры наиболее послушные воле начальства, в каких бы диких формах эта воля ни проявлялась»¹.

¹ Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1909, стр. 29.

Служба обратилась в рутину, в мертвечину. Нигде влияние бюрократизма не оказалось столь пагубным, как именно в Армии, что и не замедлило сказаться в понесенных ею в Крымскую войну неудачах. Гражданское мужество, которое еще в допетровскую эпоху нередко проявляли царские воеводы, которым в такой высокой степени обладал сам великий Петр, писавший с Прута в Москву, чтобы «буде он окажется в плену, никаких его приказов не исполняли», это качество, которым в советах Петра блистал князь Яков Долгорукий, которое мы видим у Суворова, Кутузова, Ермолова и многих других из их современников, в последующие эпохи исчезает у нас из обращения. Начинает утверждаться доктрина «слушаюсь!». Не рискуя ошибиться, можно сказать, что едва ли лицо, обладавшее гражданским мужеством, могло сделать карьеру при управлении таких министров, как Ванновский, Куропаткин и Сухомлинов.

Отсутствие у нашего ВКС гражданского мужества во время войны выразилось, между прочим, в том, что начальники боялись сознаться в своих неудачах или в слабости достигнутых успехов, что приводило к крайне вредному пороку — искажению истины в донесениях, который Ю.Н. Данилов называет «старой язвой» нашей Армии¹. Случалось, что этот недостаток принимал отвратительную форму, когда начальник пытался вину в понесенной неудаче свалить на подчиненного или на соседей. К счастью, это было редким явлением, и подвержен этому был КС не одной только нашей Армии. <...>

Именно резкий контраст между той эпохой, когда в нашем Отечестве раздавался непрерывный гром победы, и современным мне мрачным периодом нашей истории, окончившимся небывалым позором 1917 и 1918 годов, властно побуждает меня, не заботясь о своей «патриотической» репутации, повинувшись единственно голосу совести, постараться обнаружить те язвы, которые, по моему мнению, привели нас к крушению с тем, чтобы наметить пути исцеления, в возможность которого я непоколебимо верю. <...>

Данная мною характеристика относится к КС, и преимущественно к высшему, и только отчасти, где это особо оговорено, применена мною и к офицерскому составу. Но было бы большой ошибкой из моего изложения сделать такой вывод, что офицеры русской Армии были свободны от тех недостатков, которые были приписаны мною младшему и старшему командному персоналу. Эти недостатки, как коренящиеся в особенностях национального характера, присущи безразлично всем чинам Армии, но у младших чинов, ввиду их сравнительно ограниченного круга деятельности, они могут не проявляться с той рельефностью, с которой они выражаются у старших чинов.

Итак, недостатки у всех общие, и ничего не может быть ошибочнее, вреднее и опаснее, как утверждать, что наш офицерский состав в последнюю войну был безупречен, а командный состав никуда не годен. Генералы «плоть от плоти и кость от кости» офицеров — и разницы по существу между ними быть не может. Для суждения о недостатках, обнаружившихся в деятельности офицеров на войне, привожу следующую выдержку из моей статьи «В защиту нашего командного состава»:

«Офицерский состав мирного времени был дисциплинирован, достаточно предан служебному долгу, в бою самоотвержен, умел безропотно умирать, но в массе... не обладал, по крайней мере, в главном роде войск качествами, присущими воину по призванию: авторитетом, инициативой, предприимчивостью, неукротимой волей к победе. Его храбрость имела вообще определенно пассивный характер». «Даже взаимная выручка не находилась на должной высоте». «Активные воинские качества встречались чаще у молодежи, младших офицеров, начальников команд разведчиков и пр., между которыми герои были нередки; реже те же качества можно было встретить между ротными командирами и в виде исключения — между батальонными. Состав последних в армейских пехотных полках, говоря вообще, был, безусловно, неудовлетворителен. Поддерживать строгую дисциплину в условиях военного времени офицеры в массе, по недостатку авторитета, не умели»².

Меры для привития населению государства вообще и его образованному слою в особенности духа патриотизма, предприимчивости, энергии и пр., при всей их важности не обеспечивают, однако, сами по себе удовлетворительного качества ВКС Армии. Они только готовят почву, к которой могут быть приложены некоторые специальные, направленные к этой цели меры, а именно: воспитание офицерского и командного составов и система подбора лиц на высшие командные должности.

¹ Данилов, стр. 143.

² Рукопись В. Флуга, имеющаяся в Белградской военной библиотеке, стр. 39-40.

Но прежде чем перейти к исследованию этих мер, я постараюсь начертать идеал, к которому желательно приблизить ВКС, т.к. только при наличии такого определенного идеала меры по воспитанию и подбору не уклонятся от строго правильного пути.

Каким должен быть военный вождь

«Решение разбить неприятеля должно быть бесповоротно и доведено до конца. Стремление к победе должно быть в голове и сердце каждого начальника; они должны внушить эту решимость всем своим подчиненным»¹.

Такое требование к вождю предъявлял наш старый Полевой устав, содержащий вообще немало глубоких истин, на практике, к сожалению, остававшихся мертвой буквой. Но, конечно, этим требованием устава не исчерпывается вопрос об идеальном вожде. Одного желания, даже самого страстного, «разбить неприятеля», мало: необходим крупный запас нравственных и умственных сил, для того чтобы «волну к победе» претворить в «одержание победы». Представляется интересным исследовать, какой ответ дают современные военные писатели и деятели на вопрос о том, какие именно силы ума и духа нужны современному вождю.

Вот что было высказано по этому поводу во время Мировой войны бывшим французским главнокомандующим маршалом Жофром:

«На войне одного ума и организаторской способности недостаточно. Начальнику сверх того необходимы особенно высокий нравственный дух и безусловное господство над собою, которые позволили бы ему с помощью этих самых качеств внушить своим подчиненным свое собственное спокойствие среди всех превратностей боя»².

Кроме этого мнения авторитетного и маститого воина в моей работе приведены многочисленные отзывы по вопросу других авторов, казавшиеся мне меткими и убедительными. В своем докладе я принужден их опустить, перейдя непосредственно к моим собственным соображениям и выводам. В применении к нашему КС, ввиду его национальных свойств, я нахожу необходимым особенно подчеркнуть некоторые требования к вождю, на которые в отзывах иностранцев не обращено особого внимания.

Если еще можно мириться с небольшой долей физической и умственной лени в представителе ВКС, тем более что и возраст, в котором будет обыкновенно состоять такое лицо, сам по себе не позволяет рассчитывать на юношескую свежесть его организма, то *умственную апатию нельзя считать для него допустимой*. Военный вождь должен, безусловно, обладать *умом, чутко откликающимся* на все явления внешнего мира, полным интереса к этому миру, и не только в узких пределах своей специальности.

Такая способность чутко реагировать на внешние явления не должна, однако, влечь за собой мелочности и суетливости, которые будут ее обычными спутниками, когда она не уравновешена наличием в начальнике доверия к подчиненным и непоколебимого спокойствия. Без доверия командование на -войне крупной единицей обращается в фикцию. Те из подчиненных, которым начальник не считает возможным доверять, должны быть удаляемы, но тем, которые остаются, должно быть оказано полное доверие. Способность доверять и спокойствие являются настолько необходимыми для представителя ВКС качествами, что начальники средних рангов, хотя бы горячо преданные своему делу, но выказавшие неспособность воздерживаться от мелочной опеки над своими подчиненными, суетящие самих себя и других, вечно волнующиеся из-за пустяков, — словом, начальники того типа, который был распространен в нашей Армии последнего столетия, должны а priori исключаться из числа возможных кандидатов на занятие старшей командной должности.

Наличие в характере спокойствия и хладнокровия, которые, не будучи сами по себе действенными импульсами, являются, однако, необходимым условием для возможности применения на войне активных душевных сил, следует признать одним из существенных составных элементов идеального типа вождя, и чем выше должность, тем в высшей степени должны быть развиты эти качества, являющиеся результатом не только прирожденного темперамента, *но и упорной работы над самим собою*.

¹ Рукопись В. Флуга, имеющаяся в Белградской военной библиотеке, стр. 39-40.

² Joffre стр. 41-42.

Настойчивость в стремлении к поставленной цели является признаком сильного характера и является одним из важнейших для старшего военного начальника качеств, т.к. никто не подвергается такой массе ослабляющих волю влияний, как вождь в обстановке войны.

Кроме того, он должен быть *чужд боязни ответственности¹ и страха перед потерей своей популярности или боевой репутации*, т.е. быть в состоянии забыть о своих личных интересах, когда ясное сознание требований обстановки данной минуты и пользы дела подсказывает принятие важного решения, сопряженного с риском, или идущего вразрез с полученными свыше распоряжениями, с «установившимися взглядами», с параграфами устава или такого, которое способно не угодить общественному мнению, всполошить его и т.п.

Вождь должен обладать *дерзновением*, т.е. быть способным на крупный риск в такую минуту, когда этот риск оправдывается ожидаемыми результатами, когда применение его соответствует общей цели действий и когда он *не безрассуден*, т.е. представляет некоторую вероятность успеха. Чем выше должность, тем разумнее должен быть риск, который начальник может себе позволить.

Однако, с другой стороны, опыт войны показывает, что часто очень рискованные, по-видимому, предприятия, и не только тактические, но и стратегические, накоротке, — остаются безнаказанными и сопровождаются успехом, т.к. отважные действия имеют вообще способность ошеломлять врага, который за смелостью всегда склонен подозревать действительную силу, а в суматохе от неожиданного удара теряет способность настолько разобраться в обстановке, чтобы воспользоваться предоставляемыми ею выгодами. Это обстоятельство надо тоже учитывать при обсуждении степени рискованности задуманного предприятия. Вообще, исключительно математический расчет к военным предприятиям неприменим, а потому начальники со слишком математическим складом ума не дают гарантий, что они используют на войне все представляющиеся возможности для нанесения противнику поражения. <...>

Нельзя достаточно подчеркнуть, что в будущей русской Армии дух почина должен быть поставлен на подобающее ему высокое место в числе требований к ВКС

Переходя теперь к качествам этического порядка, отметим, что вождь должен быть проникнут *преданностью долгу службы* и служить своим подчиненным примером в педантичном исполнении этого долга и вообще всех предписаний закона. Это относится, разумеется, не к одним только чинам ВКС, а ко всякому начальнику, какого ранга он бы ни был.

Проникнутый чувством общевоинской *солидарности*, начальник должен относиться с уважением к воинскому званию своих подчиненных, отнюдь не позволяя себе пренебрежительного с ними обращения. Будучи *заботливым и доброжелательным* ко всем чинам вверенной ему войсковой единицы, он должен уметь *подавлять в себе чувство сострадания* к ним, когда они подвергаются лишениям и мукам во имя достижения высоких целей войны, насколько возможно деля с ними в этом случае все лишения и опасности.

В личных обращениях к подчиненным войскам старший начальник должен оставаться *естественным*, строго соблюдать свое *достоинство* и свой *авторитет*, не играть на дурных инстинктах и низменных вкусах толпы, *гнушаться популярничанья*, а подавно — *демагогии*.

Хотя генерал Серриньи в даваемой им в его «Размышлениях о военном искусстве» вообще удачной характеристике вождя и утверждает, что будто удачливость и самоуверенность могут быть проверены только в подлинной обстановке войны, однако обнаруживающийся и в обыкновенных явлениях жизни *темперамент* начальника является в значительной степени показателем того, насколько можно ожидать проявления им названных качеств на войне.

Очевидно, что субъект, по натуре своей склонный к меланхолии и пессимизму, не будет ни удачливым, ни уверенным в своих предприятиях. Вождю, безусловно, необходима известная доля здорового *оптимизма*, и притом оптимизма устойчивого, нелегко поддающегося явлению превратностей судьбы.

Веселость не всегда является признаком устойчивого оптимизма, т.к. между веселыми много таких, которые при неудачах быстро сдают и падают духом. Это так называемые «сангвиники». Наиболее соответствующим для высокого военного начальника темпераментом является *глубокий, сосредоточенный в себе*, не впадающий ни в необузданную веселость, ни в мрачную озабоченность, — словом, такой, который в прежнее время назывался «холерическим» и которым в высокой степени

¹ Отсутствие боязни ответственности родственно тому качеству, которое принято называть гражданским мужеством.

обладали Аннибал, Наполеон и другие великие полководцы. Это темперамент крупного, но серьезного игрока.

Менее чем холерики и даже сангвиники пригодны на роли вождей «флегматики», которые, хотя и обладают очень ценным качеством, спокойствием, но зато по своей малой чуткости к внешним раздражениям не дают уверенности в том, что ими в нужную минуту будут проявлены находчивость и почин. Они могут быть полезны только на самых младших ролях. Совсем не годятся на командные должности «меланхолики».

В мирное время к старшему начальнику предъявляются еще два серьезных требования: 1) чтобы он *умел изучать характеры своих подчиненных* для того, чтобы знать, чего он может потребовать от каждого из них в мирное и военное время с тем, чтобы своевременно удалять тех, которые для войны непригодны и выдвигать особо одаренных; 2) *чтобы он был учителем и воспитателем* вверенных ему войск.

Для того чтобы удовлетворить первому требованию, необходим развитый ум и хорошее знание людей, знание людских характеров; для второго потребно, чтобы начальник понимал значение воспитания войск как *подготовки их к войне*, чтобы он обладал *организаторским талантом*, был настойчив в своих требованиях, чтобы он проникся девизом «тяжело на ученьи, легко на войне», а главное, чтобы он сумел *передать войскам свою непреклонную волю к победе*.

Не входя в дальнейший разбор качеств, соответствующих идеальному типу военного начальника, из коих я пока остановился лишь на немногих, которых считал необходимым особенно подчеркнуть, ввиду обычного отсутствия их у представителей нашего ВКС, попытаюсь теперь сделать общую сводку всех качеств, приписываемых мною вождю, расположив их в порядке, в котором мне представляется их относительная важность. Вперед оговариваюсь, что в этом порядке я сам признаю лишь весьма приблизительную достоверность, зависящую от крайней трудности такой разверстки главным образом вследствие того, что по самому своему существу многие из перечисленных мною качеств являются величинами *разнородными*.

Из перечисленных психических качеств большинство не представляет чего-либо резко отграниченного. Все они, более или менее, сливаются между собою, что также является одной из причин трудности определения их относительной важности.

Так, например, дерзновение, отвага, решимость и т.п. — только определенные выражения мужества; с другой стороны, та же решимость, т.е. способность быстро останавливать свой выбор на одном из двух или нескольких равноценных решений, требует известного внутреннего убеждения во вред колебаний и стало быть относится отчасти и к области ума. Изобретательность (творчество) ума, тесно связанная со способностью воображения должна быть, между прочим, направлена на то, чтобы всегда поражать врага внезапностью; ясно, насколько эта способность, чтобы быть плодотворной, должна опираться на отвагу, решимость и находчивость. Самоуверенность зависит от имеющейся налицо доли оптимизма, который в свою очередь коренится не столько в уме, сколько в темпераменте. Положительные знания принадлежат к качествам ума, но могут в то же время явиться плюсом к военной энергии их обладателя, усиливая в нем самоуверенность и создавая ему обаяние в глазах подчиненных; физическое развитие организма также усиливает уверенность в себе. Дух почина является отчасти производной чуткости ума, а находчивость есть не что иное, как свойство ума быстро разбираться в обстановке, соединенное с решительностью. Отсутствие в уме суетливости является частью результатом спокойного темперамента и т.д.

Обыкновенно признается значительная трудность установления относительной важности для вождя свойства ума и воли и указанная тесная зависимость, существующая между этими свойствами, является, вероятно, одной из причин, усложняющих решение этого вопроса. Тем не менее я лично без всяких колебаний ставлю *волю на первое место*, что явствует из данного мною определения понятия «военной энергии» как *универсального* для начальников всех рангов качества, которое только одно может обеспечить применение ими на войне всех своих остальных положительных свойств.

Но было бы совершенно ошибочно из этого выводить заключение, что я будто бы допускаю замену недостатка ума избытком воли. По моему мнению, такая замена, в крайнем случае, возможна для начальника в чине поручика или капитана;

но она недопустима для генерала и немислима для полководца. Для старших командных должностей, безусловно, необходимо *равновесие между умом и волей*. Начальник, у которого чересчур преобладает ум, будет изошрять его для лучшего уразумения обстановки или для выработки более целесообразного решения и за этим занятием не найдет в себе достаточно решимости от размышлений

перейти к действию; вождь, у которого преобладает воля, будет либо торопиться действовать, не сумев как следует разобраться в обстановке, либо будет упорствовать в выполнении раз принятого решения, хотя бы оно перестало соответствовать действительному положению дел, если по недостатку ума он не в состоянии установить этого несоответствия. Упрямыцы представляют такого рода тип субъектов с преобладанием воли над умом.

Личное *честолюбие* обыкновенно является фактором, усиливающим потенциальную энергию вождя, а потому отнюдь не может быть признано отрицательным качеством, как оно иногда характеризуется писателями, составившими себе идеал вождя по образцу героев древнего Рима. Но честолюбие следует отличать от мелкого самолюбия, которое для большого начальника является крупным недостатком, т.к. оно лишает его беспристрастия, необходимого для лица в его положении, чтобы производить выбор между своим и чужим мнением. Оно же исключает возможность доверчивых и непринужденных отношений между начальником и окружающей его средой.

Как видно из предыдущего, я не проводил резкой грани между требованиями к характеру лиц ВКС и теми, которые должны предъявляться к начальникам низших степеней. Но т.к. нельзя рассчитывать все требуемые качества найти или развить во всем командном и офицерском составе в максимальных дозах, то является необходимостью в установлении такого порядка, при котором на высшие строевые должности избирались лица, обладающие этими качествами в наивысшей степени, в порядке их относительной важности.

Качества, соответствующие идеальному типу вождя, расположенные в порядке их относительной важности:

А. *Мужество* (храбрость, неустрашимость), непреклонная воля к победе, самоуверенность (удачливость), решимость (отвага, дерзновение), предприимчивость, находчивость, дух почина, настойчивость (энергия), упорство (постоянство), самообладание (присутствие духа).

Б. *Обширный творческий ум*, чуткий, трезвый, несуетливый, способный быстро оценивать настоящую обстановку (глазомер) и предвидеть будущую (воображение), а также просвещенный разносторонним образованием, знанием жизни и людей; полное владение техникой военного дела (практическая подготовка), опирающееся на сознательное усвоение его теоретических основ.

В. Спокойный, глубокий и чуждый экспансивности *темперамент*.

Г. *Способность влиять на других* и подчинять их своей воле (личное обаяние), способность поддерживать свой авторитет и не подчиняться чужим влияниям (самостоятельность характера).

(Примечание. Все качества п. Г. относятся к бессознательным или полусознательным функциям воли.)

Д. Педантическая *преданность долгу*, строгость к себе и к другим, доброжелательность к подчиненным, отсутствие сентиментальности, мелочности, преувеличенной недоверчивости и мелкого самолюбия.

Е. *Физическая выносливость*, неутомимость.

* * *

Итак, требования, по существу, одни и те же для начальников всех степеней, и только чем выше должность, тем эти требования становятся строже. Изменяется также до некоторой степени порядок, определяющий их относительную важность.

Пренебрегая промежуточными формами и объединяя насколько возможно однородные качества в более общие понятия, мы могли бы требования к младшему и к старшему начальникам выразить схематически перечнями.

Качества, потребные для военных начальников, расположенные в порядке их относительной важности:

Для офицера: неустрашимость (как высшее выражение военной энергии); физическая бодрость; здравый смысл; знание (преимущественно практическое) своего дела; преданность долгу.

Для генерала: мужество (как высшее выражение военной энергии); развитой ум и обширное образование; практическое и теоретическое знание военного дела; преданность долгу; физическая бодрость.

Сопоставление двух перечней приводит... к чрезвычайно важному выводу. А именно, исходя из того, что качества, перечисленные в генеральской таблице, являются, в сущности, только дальнейшим развитием качеств, значащихся в офицерской таблице, необходимо прийти к заключению, что

строевой офицерский состав Армии является естественным источником комплектования высшего командного состава.

Действовавшая в лучшую эпоху Римской республики система замещения высших командных должностей, безразлично военными или гражданскими сановниками, система, которой Юлий Цезарь был обязан своим появлением на исторической арене на 40-м году жизни в роли полководца, могла давать удовлетворительные результаты в этом совершенно особого типа государстве, все устройство которого было подчинено идее войны и военного могущества, а также при условии простоты тогдашнего военного искусства. В наше время такой порядок не мог бы нигде претендовать на признание, за исключением разве общественных групп, живущих вне реальной жизни, каковы наши социалисты типа Керенского и ему подобных.

Теперь обнаруживается скорее тенденция к иному способу выработки вождей, а именно к системе проведения кандидатов на высшие командные посты через особые учебные заведения, с большим или меньшим сокращением прохождения ими службы в рядах Армии. Эта система в последние войны показала, по крайней мере у нас, свою непригодность, что и понятно, т.к. школа, как бы совершенна она ни была, может у взрослых людей развить ум и дать знания, но не в состоянии выработать необходимые для вождей характеры или помочь выбрать такие характеры из общей массы своих учащихся.

Для этой цели годится только *служба в строю войск*, главным образом, конечно, на войне, но за неимением войны также и в мирное время, *при условии правильной ее постановки*.

Таким образом, мы подходим к вопросу о том, какими именно способами достигнуть на практике, чтобы ВКС пополнялся лицами, удовлетворяющими основным требованиям, нами для него установленным.

Для этой цели имеются два уже известных нам способа, которые могут дать удовлетворительные результаты только при одновременном и согласованном их применении. Способы эти — *воспитание и подбор*.

Воспитание высшего командного состава

<...> Я считаю необходимым, главным образом, по причинам, о которых я скажу позднее в отделе о Подборе, *учреждение для воспитания будущих строевых, офицеров специальных закрытых учебных заведений*, через которые могли бы быть пропущены если не все, то возможно большая часть молодых людей, избравших военную строевую карьеру.

Специальность этих учебных заведений, которых я по традиции полагал бы сохранить наименование «кадетских корпусов», должна выражаться не в их учебных программах, а в особых методах воспитания, методах, имеющих задачей во что бы то ни стало искоренить в молодежи природные свойства апатии, пассивности, нерешительности, медлительности, небрежности, развить вместо предприимчивость, смелость, находчивость, инициативу, вообще активность во всех видах, а также самоуверенность, настойчивость и привычку к пунктуальности.

Само собой разумеется, что в такие кадетские корпуса будут приниматься только вполне здоровые, не имеющие никаких телесных недостатков и обещающие нормальное физическое развитие в будущем отроки и юноши. *Никакие соображения благотворительности и т.п. не должны играть роли в вопросе приема в кадетские корпуса*; хилые и болезненные субъекты, чьи бы сыновья они ни были, должны без всякой жалости устраняться как при приеме, так и во время прохождения курса, если по недосмотру они оказались принятыми. Это является *первым условием* для успешного воспитания кадет в том духе, как выше намечено.

Положительными средствами этого воспитания должны служить: 1) *Спорт* во всех видах, которому должно быть отведено вполне подобающее этому средству место, не как веселому препровождению времени «между делом», а как совершенно самостоятельному воспитательному средству, развивающему смелость, находчивость, изворотливость, чувство солидарности и т.п. Я не буду входить здесь в подробное перечисление видов спорта, годных для целей военного воспитания, их и теперь достаточно, но представится еще гораздо больше, когда кадетские корпуса из душной атмосферы городов *будут перенесены на деревенский простор, на берега морей или больших рек, в дремучие леса или в дикие горы*, что я считаю совершенно необходимым условием для выполнения ими той роли, которая им предназначается; 2) *Борьба с природой* является естественной школой для закалки характера, а атмосфера опасности, которой не должна быть чужда также и практика спорта, развивает активные силы души. <...>

Второй этап в воспитании молодежи, готовящейся к офицерской карьере, составляют учебные заведения типа «военных училищ». Их можно представить себе в виде отдельных учебных заведений, каково было большинство наших прежних военных училищ. <...>

Не вдаваясь в подробности их устройства, скажу только, что они должны иметь целью дать своим питомцам основательные *специальные знания* и возможно полную *практическую подготовку* к службе строевого офицера, но опять-таки в курсах их предпочтение должно даваться методам, развивающим синтетическую сторону ума, а потому применяющим прикладной способ преподавания. <...>

Необходимо также установить правилом, чтобы по окончании кадетских корпусов (или «общих классов» этих корпусов) и до поступления в военное училище (перехода в «специальные классы») молодые люди поступали *на один год в войска...* Эта мера придала бы практическую основу многим теоретическим отделам курса военных училищ и обеспечила бы более сознательное отношение к ним со стороны учащихся.

Покончив на этом с вопросом о военно-учебных заведениях как органах для воспитания будущих вождей, перейдем теперь к вопросу о воспитании уже готовых офицеров, состоящих на действительной *строевой службе*.

Каковы должны быть меры для воспитания этого обширного класса в желаемом направлении, т.е. таком, чтобы при удовлетворении всем требованиям, предъявляемым к офицеру по его настоящему служебному положению, в нем в то же время развивались качества, необходимые для будущего вождя. <...>

В результате действовавшей у нас системы наши армейские офицеры ко времени достижения ими первого штаб-офицерского чина оказывались добросовестными, дисциплинированными, исполнительными, удовлетворительно знающими свои непосредственные обязанности «служаками», но в то же время — боящимися ответственности, пассивными, лишенными инициативы, самостоятельности и самоуверенности начальниками, часто с пониженным сознанием своих офицерского и личного достоинств и вообще близкими к тому состоянию, которое называется «забитостью».

Из офицеров того типа, к которому принадлежала главная масса нашего армейского офицерства, вожди, вообще, не вырабатываются, что и заставляло обращаться к особым источникам комплектования ВКС, каковыми являлись у нас гвардия и Генеральный штаб. О ненормальности такого порядка я еще буду иметь случай говорить в отделе о Подборе, здесь же замечу, что *организация новой Армии должна во что бы то ни стало поставить себе задачей вывести главную массу офицерства из того недопустимого положения, в котором оно в большинстве находилось в старой Армии*.

Должны быть приняты серьезные меры, которыми раз навсегда была бы уничтожена прежняя беспросветность карьеры и быта армейского пехотного офицера. Решительная реформа в этом направлении воспитает офицерский корпус в духе подъема в нем корпоративного самосознания и развития в его представителях необходимых для будущего вождя качеств воли. <...>

Достижение того, чтобы и в нашей будущей Армии был офицерский состав такого типа, потребует принятия целого ряда мер, которые по своей обширности и радикальности могли бы составить предмет особого исследования, почему я здесь намечу только следующие главные основания будущей реформы нашего офицерского корпуса: 1) Постановка офицера с первых шагов его службы в положение самостоятельного и ответственного начальника-командира строевого взвода; 2) Отмена дисциплинарных взысканий, сопряженных с ущербом для достоинства и авторитета, каковы арест на гауптвахте или домашний с приставлением часового; 3) Восстановление офицерских корпораций на началах, которые были установлены при Петре Великом, с предоставлением им широких прав по подбору членов в свою среду¹; 4) Вменение старшим начальникам в строжайшую обязанность уважительного обращения с офицерами; недопущение «разносов» офицеров в присутствии их подчиненных и нижних чинов; 5) Повышение общественного и служебного положений офицеров и установление мер, гарантирующих их от произвола начальников.

Таков должен быть общий характер воспитания офицеров в пределах строевых частей войск и всей офицерской корпорации.

<...> Одной из мер для поднятия авторитета ВКС могло бы быть прекращение «перепроизводства» генералов в Армии. Очевидно, что чем их больше, тем меньше престижа в глазах общества и воинских чинов имеет генеральское звание. Я полагал бы желательным, чтобы этим званием облакались только начальники, принадлежащие к ВКС, т.е. начиная с начальника дивизии. В Генеральном штабе

¹ Единственное сведение, которое имеется у меня об офицерских корпорациях Петровской эпохи, заимствовано из статьи г. В. Драгомирова. Военный Сборник, № 5, стр. 191.

в чине генерала должны бы быть положены должности не ниже начальника штаба армии или военного округа. Число административных генеральских должностей необходимо сократить до минимума. Таким путем было бы упразднено большое число генералов, вовсе не пользующихся тем авторитетом, который должен быть свойственен высокому военному вождю.

Подбор высшего командного состава

Задачи подбора в деле комплектования ВКС сводятся к тому, чтобы из общей массы офицерского и младшего командного состава сначала намечать, а затем выбирать тех лиц, у которых можно предполагать высокое развитие качеств, признаваемых необходимыми для занятия высшей командной должности, продвигая таких лиц вперед на эти посты и устраняя тех, которые необходимыми данными для высшего командования не обладают.

В нашей старой Армии такой подбор практиковался в виде производства в чины «по избранию» и «за отличие», назначения на должности по «кандидатским спискам», увольнения от службы в административном и аттестационном порядках, а также по предельному возрасту (возрастному цензу) и пр. Вообще, целям подбора должна была служить вся аттестационная система.

Подобное же значение имели конкурсные вступительные и выпускные экзамены в военно-учебных заведениях.

Итак, подбор у нас практиковался в различных видах, но несомненный факт, что высших командных должностей достигали лица, вообще мало удовлетворявшие этому назначению, дает основание предполагать, что действовавшая система подбора обладала значительными дефектами.

В моем исследовании эти дефекты подвергнуты подробному разбору, в который я в своем докладе, к сожалению, вдаваться не могу, почему перехожу прямо к тому порядку подбора, который я считал бы необходимым установить.

В своих рассуждениях я буду исходить от следующих двух постулатов: 1) Качества, требуемые от лица ВКС, принадлежат к числу *редко встречающиеся* у русского племени, почему лиц, ими обладающих, следует *тщательно искать* в общей массе людей, составляющих Армию или могущих быть привлеченными к службе в ней; 2) *Воспитание и подбор*, стремясь к одной цели — созданию удовлетворительного командного состава, — должны быть согласованы и связаны между собой самым тесным образом.

Если качества, требуемые от вождя, принадлежат к числу редких, то, как сказано, искать их необходимо в возможно большей массе индивидуумов. Для практического решения этого вопроса, поставим его в такой плоскости: нет ли в составе всей русской нации особых сословных или племенных групп, которые по своим качествам более приближались бы к идеалу вождя, чем вся остальная масса? Если такие группы существуют, то не могли ли бы они быть использованы как преимущественные источники комплектования офицерского (а, следовательно, и командного) состава, так сказать, для цели его грубого, «валового», подбора, что могло бы значительно облегчить последующий... тонкий... подбор? Если таких групп нет, не могут ли они быть специально созданы?

Идеальным разрешением этого вопроса было бы существование в народе особой касты «воинов», по примеру, скажем, прежних японских «самураев». Не столь идеальным, но все же удовлетворительным решением было бы наличие особого «служилого» сословия, вроде того, которое существовало у нас в Московский период нашей истории и в измененном виде при Петре Великом и его ближайших преемниках.

Нельзя отрицать огромного значения наследственности в передаче из поколения в поколение качеств, отличающих воина и вождя. Но кроме законов наследственности, которому подчинены все живущие, обособленные группы населения заключают в себе еще другой сильный фактор развития — сословные традиции.

«Непобедимость» нашей Армии в век Екатерины II и Александра I была в значительной степени результатом высокого национального самосознания тогдашнего правящего класса, самосознания, передававшегося по традиции от отца к сыну и которое его представители умели сообщать и остальной массе народа. «Слава Богу, я Русский и вы Русские!» — в устах Суворова и его современников эта фраза не была трескучей фанфаронадой, а выражением искреннего убеждения.

Этот гордый и патриотический дух нашего старого дворянства был вытравлен Аракчеевым и современными ему реформами, лишившими офицерство его корпоративной сплоченности и открывшими доступ в его среду «разночинцу». Офицерский корпус постепенно терял свои «служилые» дворянские традиции, которые сохранялись в нем до того времени, несмотря на значительный процент в

армейских полках офицеров, выслужившихся из солдат. Последний удар старому порядку нанес в царствование Императора Александра II Милютин, который под влиянием своих просветительских идей упразднил уцелевшие еще хранилища старых служилых традиций — кадетские корпуса.

Правда, что в наш век едва ли возможен совершенно замкнутый сословно корпус офицеров даже в мирное время, а в военное — подавно. *Однако, впитывая в себя посторонние элементы, он должен растворять их в себе, а не растворяться в них сам.* <...>

Не то было у нас. Офицерский состав большинства наших пехотных полков к 1917 году приобрел определенно крестьянс-ко-мещанскую физиономию (т.е. обратился в элемент не обособляющий, а напротив, отождествляющий себя с остальной массой Армии, вместо того, чтобы сознавать себя ее мозгом, ее нервной системой, ее аристократией. Единственным результатом этого (конечно, в связи и с другими причинами) было непротивление революционным тенденциям массы и разложение Армии.

По мысли Ардана дю Пик, офицер должен быть «своего рода аристократом». В демократическом обществе, полагает этот писатель, офицер может приобрести свойства, которые должны быть присущи ему, не иначе, как непрерывно поддерживаемым усилием воли, направленным к его *дифференциации* от своих подчиненных, тем, что он воспитывает в себе более возвышенную и более чистую идею о своих обязанностях и своей ответственности. Эта идея вырабатывается в нем только при условии *абсолютной уверенности в своем праве начальствования, когда он проникнут гордостью командования.*

Таково мнение выдающегося офицера демократической французской Армии. Достоинно внимания, что именно в этой Армии, в которой даже в мирное время около трети офицеров происходит из нижних чинов, раздаются подобные голоса о необходимости «аристократизировать», если так можно выразиться, офицерский корпус. <...>

Итак, подбор в Армии на командные должности должен начинаться по признаку *наследственности*. Я не мечтаю, однако, чтобы было возможно восстановить в России дворянство как «служилое» сословие, а следовательно, и как единственный или главный источник комплектования офицерского состава, каким оно было в старые времена. Но зато я верю в возможность создания... наследственного военно-служилого сословия, способного заменить старое дворянство в одной из его функций — военной службе государству на офицерских и командных должностях.

Для этого представляется необходимым рядом поощрительных мер и льгот материального и морального характера побуждать офицеров будущей Армии избирать для своих сыновей военную карьеру предпочтительно перед всякой другой. <...>

Очерченному мною здесь лишь в немногих словах элементарному воспитательному подбору я придаю чрезвычайно важное значение, т.к. убежден, что в течение всей будущей карьеры кадета, за исключением разве службы в боевой обстановке, ни разу не представится таких благоприятных условий для оценки его воинских качеств, как в обстановке учебного заведения, учрежденного на предложенных мною началах, т.е. такого, в котором культивируется прежде всего молодечество при солидном спросе на моральные начала и на умственное развитие. Исходя из такого соображения, я и счел нужным придать этому подбору значительную долю строгости. Конечно, реальные условия жизни могут принудить к допущению в нем некоторых компромиссов. Но следует безусловно остерегаться безграничных уступок так называемому «общественному мнению», с его обычной псевдолиберальной приправой, а также господствующему у нас обывательскому идеалу житейского благополучия, лишь бы во что бы то ни стало набрать в Армию нужное число офицеров.

«Числом побольше, качеством похуже» — этот исповедовавшийся у нас лозунг был одной из причин гибели русской Армии. По-моему, лучше иметь мало офицеров, но зато превосходного качества, и вообще, — небольшую, проникнутую патриотическим духом, подвижную, активную, полную самоуверенности и дерзновения Армию, чем огромные, равнодушные, пассивные, лишенные веры в себя и в успех полчища. <...>

Вестник Общества Русских Ветеранов Великой войны в Сан-Франциско. — 1937. — № 128–136; 1938. — № 140–142.

ВОЕННЫЙ РЕНЕССАНС

П. Махров

СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА И ВЫСШЕЕ КОМАНДОВАНИЕ

Было много причин, которые привели нас к Мукдену, но в числе их в самой армии наиболее ярко выступает полная неподготовленность высшего командного состава. «Среди недостатков управления резко выделяется русский солдат — он заслуживает полнейшей похвалы. Как и японцы, он штурмом брал и деревни, и сопки, с неукротимой энергией он отбивал атаки, не падал духом в безнадежных положениях, мужественно и самоотверженно переносил труды и лишения»¹.

«Части войск, за немногим исключением, вели себя геройски и с честью поддержали исторически славное имя русского солдата. Он "японца" не боялся и причины наших неудач по-прежнему видел в том, что «приказали отступить»². «Самые строгие ценители службы офицеров не могут не признать, что со времени Русско-турецкой войны уровень наших штабов и обер-офицеров значительно приподнялся»³, а «огромный, сравнительно с нижними чинами, процент убитых и раненых офицеров показывает, что в бою наши офицеры вели себя, как и в прежние войны, доблестно»⁴.

«Главным свойством нашего высшего командного элемента, особенно в первый период кампании, было отсутствие инициативы, неумение вести наступательный бой и недостаток настойчивости. Результатом этого всегда являлось несогласование действий крупных единиц, равнодушие к положению соседа и преждевременное признание боя проигранным».

«Неудовлетворительность управления я считаю одной из главнейших причин наших неудач и во избежание этого в будущем прошу серьезно подумать над этим», — вот что писал генерал Линевич в одном из своих циркуляров еще в июне 1905 года.

Итак, не нижние чины, не офицерский состав были виновниками того, что мы не выиграли ни одной операции...

Литература о Русско-японской войне вот уже в течение 6 лет, отыскивая причины наших поражений, подчеркивает неумение высшего командного состава управлять большими войсковыми соединениями.

Кто же такие были наши полководцы, и как создалось такое ужасное положение? Кого только не перебывало в минувшую войну во главе больших войсковых соединений! Были и военные инженеры, которые, по выражению М.И. Драгомирова, до конца своей служебной карьеры никак не могли «рассапериться»; были и генералы из управляющих имениями, агрономический опыт которых оказался неприменимым на войне; были и лица более известные миру изящных искусств, чем глубокой армии, мечту которой о «белом генерале» скоро разбила ужасная действительность; перебывали и «получившие общее образование дома, а военное — на службе», рыцарское происхождение которых не помешало преждевременно покинуть поля сражений; нашел приют на командной ответственной должности и генерал, который «своими преступными распоряжениями привел в расстройство прекрасные войска, обнаружив вместе с тем удивительное мастерство в управлении «массовой поркой» отступающих нижних чинов»⁵. Было много престарелых кавалеров ордена Св. Георгия, личная храбрость которых никак не могла возместить отсутствия военного образования, и победа ни разу им не улыбнулась; во главе войск стояло и очень почтенное лицо, не лишенное административных способностей на губернаторском посту, которому, однако, никак не

¹ Die Schlacht am Schache.

² Русско-японская война в сообщениях Николаевский Академии Генерального штаба, стр. 304.

³ Куропаткин. Итоги войны. Том IV, стр. 302.

⁴ Там же.

⁵ Мартынов Е. Воспоминания о Японской войне, стр. 235.

удавалось управление войсками в борьбе даже и против более слабого противника, который, по собственному откровенному признанию этого благороднейшего человека, «превосходил нас только в умении действовать и в искусстве пользоваться артиллерией»¹. Наконец, на командных и ответственных должностях было много таких особ, общественное положение которых в мирные дни не давало времени специализироваться в грубом солдатском деле, а на войне до конца кампании самые хитроумные «комбинации из баронов» так и не дали нам ни одной победы...

Словом, на командных должностях в минувшую войну, за очень малым исключением, находились, так сказать, случайные люди, которым чуждо было умение вести современную войну.

Громадная численность армии, большие пространства, на которых приходилось действовать, широкое применение технических средств, разрешающих вопросы разведки, связи и снабжения, прошли мимо этих удивительных полководцев, занимавшихся до войны либо посторонним делом, либо военным, не выходящим за пределы точного исполнения гарнизонной службы и плацпарадных упражнений. Достаточно вспомнить случай, как генерал, прибывший на театр войны, на первом смотре дивизии занялся проверкой линейных в умении делать ружейные приемы².

Инициатива, без которой немислимо ведение войны нашего времени, в высшем командном составе отсутствовала, причем «чем начальники были старше, тем менее они проявляли инициативы, боясь принять на себя самостоятельное решение», и это было прямым следствием особого подбора людей. «Люди с сильным характером, люди самостоятельные, к сожалению, во многих случаях в России не выдвигались вперед, а преследовались: в мирное время такие люди для многих начальников казались беспокойными, казались людьми с тяжелым характером и таковыми аттестовывались. В результате такие люди часто оставляли службу. Наоборот, люди без характера, без убеждений, но покладистые, всегда готовые во всем соглашаться с мнением своих начальников, выдвигались вперед...»³ Наконец, среди лиц высшего командования почти не было понимающих психологию войны и боя; скажем проще, даже не все понимали душу русского солдата. По единогласному отзыву многих писателей о Русско-японской войне в моральном отношении наша армия была вне упрека: «дух был хороший. Правда, цель войны не могла вызвать особого воодушевления, но в солдатах было много молодого задора, веры в русскую непобедимость и желания отомстить японцам за неудачи нашего флота», и все это было растрчено робостью управления высшего командования, пассивного, лишённого инициативы, не понимавшего и не умевшего воспользоваться этой могучей силой, которая, по существу, решает вопрос победы и поражения.

Война доказала, что «там, где командование было удовлетворительно и задача ясно поставлена, русские войска обнаружили огромное упорство в обороне и беззаветное мужество в атаке, выносливость и приспособляемость ко всякого рода обстановке и поддержали, несмотря на крайне неблагоприятные условия похода, боевую славу своих предков. Война убеждает, что там, где были начальники, понимавшие психологию русского солдата, они знали приемы, как водить своих людей в бой, и русский солдат с такими начальниками выполнил честно свой долг. <...>

Было бы исторически неверным, если бы мы не упомянули, что среди лиц, занимавших командные должности, были и генералы, имена которых столь популярны в нашей армии и не сходят с уст народных масс. Но часто, связанные в своих действиях указаниями, данными свыше, они не имели возможности сделать то, что могли бы, благодаря своим дарованиям и удивительной обаятельности.

Итак, изучая Русско-японскую войну, нельзя не прийти к выводу, что наш офицерский состав, всегда близко стоявший к солдату, понимал душу русского простолюдина и был близок его сердцу. Их пульс одинаково бился в минуты счастья и месяцы невзгод нашей печальной войны. Однако, к сожалению, этого нельзя сказать про высший командный персонал, который, за малым исключением, не всегда понимал солдата. <...>

Впрочем, для того, чтобы понимать психологию солдата и войскового организма, прежде всего с ними следует быть органически связанным. Мы же видели, что в армии на высших должностях были, за немногим исключением, случайные люди, порывавшие на более или менее продолжительное

¹ Куропаткин. Итоги войны. Том IV. стр. 222.

² Мартынов Г. Воспоминания о Японской войне, стр. 117.

³ Куропаткин. Итоги войны. Том IV, стр. 334.

время связь с войсками, работая до войны на другом поприще. Чтобы уметь понимать психологию войны и боя, надо их знать, и в мирное время в этом отношении можно указать только один путь — быть ближе к военной науке.

Чтобы иметь право власти в боевой обстановке, неизбежно нужно быть для войсковых масс *авторитетом воли и ума*, а дар внушать к себе доверие в войсках является не случайно:

он вырабатывается продолжительной жизнью с войсками и непрестанной совместной работой, в которой превосходство воли и ума начальника для подчиненных становится очевидным. Между тем в долгий период мира весь уклад жизни имел характер, мало этому благоприятствовавший.

В большинстве высшие начальники в духовном смысле стояли далеко от войск. Отношение к офицерскому составу часто было презирательное. Хамство и грубость в обращении иногда переходили всякие границы. Считалось в порядке вещей «прогнать войсковую часть с плаца», «разнести» с мерами взыскания полной властью за то, например, что не так были пришиты крылья на мундире барабанщика. Есть еще живые свидетели, как в одном из полков N-й пехотной дивизии умер в казарме от разрыва сердца ротный командир, встречавший командуемого войсками. <...>

Какое же духовное общение и близость могли быть между высшими начальниками и офицерским корпусом армии? Забитые презрительным, грубым отношением и постоянным страхом, подчиненные с ужасом ждали смотров и поистине больше боялись начальников, чем пули неприятеля. <...>

Тот, кто хочет владеть каким-либо оружием и быть вполне уверенным в нем, должен хорошо изучить устройство его составных частей, не забывая, конечно, что практика в военном деле играет первенствующую роль. Отсюда естественный вывод — насколько опасно ставить во главе корпусов лиц, не командовавших полками, бригадами, не говоря уже о назначении на эти должности губернаторов, военных инженеров, начальников больших канцелярий и проч.

Лица, не прошедшие всех командных должностей, не только никогда не справятся с корпусом на войне, но даже в мирное время не смогут подготовить его в боевом отношении. Опыт смотров мирного времени показывает, что такие начальники до конца своей службы смотрят только роты, эскадроны и батальоны и, главным образом, «молодцеватость стойки», «твердость ноги», «манежную езду», и это вполне естественно: они психологически остались сами ротными, эскадронными и батальонными командирами, но только в генеральском мундире. Им непонятно, как смотреть полк, бригаду, дивизию, потому что в их представлении не умещается боевая работа и сила этих тактических единиц. Кроме того, у них сложился взгляд, что нужно учить и воспитывать только солдата, и вся тягость этой работы ложится на ротных, эскадронных и батарейных командиров — их все контролируют и предъявляют самые разнообразные требования. <...>

Подготовка офицерского корпуса в младших чинах начала мало-помалу устанавливаться, но совершенствование командиров полков, бригадных и начальников дивизий, где требуется несомненное высокоавторитетное руководство, до сих пор является вопросом неразрешенным и, думается, что вследствие того, это назначение на высшие командные должности на практике определяется случайными требованиями, не всегда считаясь с командным цензом, который только и может дать знания, опыт, а главное, — *авторитет*...

Раз мы остановились на важности подбора высшего командования, что вызывается особыми условиями устройства армии и ведения современной войны, в которой *ответственность за неудачу несут не войска, а управление*, то было бы ошибочным, если бы мы наряду, так сказать, с материальной стороной дел, не подчеркнули всю важность вопроса *психологии командования*.

Уже безвозвратно миновали те времена, когда, выражаясь языком Валишевского, армия представляла из себя организацию, в которой «толпа бурбонов держала под кнутом толпу рабов». Теперь корпус офицеров относится сознательно к явлениям государственной жизни и критически — к окружающей среде; теперь для того чтобы быть на высоте своего командного положения, высшему начальнику уже недостаточно только носить генеральский мундир: ему нужно иметь за собой *авторитет боевого опыта или командный ценз на всех предыдущих ступенях иерархической лестницы и широкое военное образование*. <...>

Мы знаем, каким обаянием пользовался Наполеон: достаточно было ему показаться на каком-либо участке поля сражения, как раздавался крик: «Да здравствует Император!» — и все чувствовали, что сейчас произойдет катастрофа...

Этим обаянием, помимо авторитета воли и ума, он обязан был тому, что «всегда был доступен и добр к маленьким людям и боевым товарищам».

Однако в наши дни даже и гениальнейший полководец не обладает возможностью иметь всюду непосредственное моральное воздействие на войска, разбросанные на сотни верст. Это осуществимо только при помощи корпуса офицеров, которые, являясь как бы нервными узлами громадного войскового организма, разрешают задачу психологии командования в современной войне. Эти нервные центры становятся более чуткими и реагируют тем энергичнее, чем авторитетнее и обаятельнее высшее командование.

Разведчик. — 1912. — № 1155, 1156.

А. Розеншильд-Паулин

СТРОЕВАЯ АРМИЯ

Офицеры — это зеркало части. По ним можно судить о ее достоинствах и недостатках. В настоящее время при сокращенных сроках службы вся армия держится только на офицерском составе. Поэтому значение корпуса офицеров в бытии армии громадно, и это вызывает настоятельную необходимость обратить серьезнейшее внимание на их подготовку и индивидуализацию. Достигнуть этого можно, главным образом, путем создания однородного твердого кадра с хорошим знанием своих обязанностей. Военная служба — это тяжелая профессия, требующая особой подготовки, постоянной тренировки и специальных знаний. Поэтому нужно, чтобы офицерское сословие было сплоченной, профессиональной кастой, в которую трудно было бы проникнуть извне, так как со стороны к нам вносят только либеральные мысли и вольные взгляды на службу и жизнь, расшатывающие дисциплину, вносящие поклонение роскоши и влекущие растление армии.

В истинно военном духе надо воспитывать уже с малолетства в корпусах, приучая к простоте жизни, к труду, лишениям, развивая физически путем постоянных занятий спортом, а умственные занятия вывести из теперешней мертвой рутины и поставить на практическую почву, а то живой ум детей систематически атрофируется и застывает в зубрении страниц и привычке постоянно вращаться в ограниченной области квадратиков и клеточек. Какой порыв мысли, какое гениальное развитие возможно там, где вечно давит и душит бессмысленное зубрение настолько, что окончившему корпус кадету остается только сознаться, что он ничего не знает. Нам нужны в строю здоровые и здравые люди. А посему физическое воспитание не должно отставать от умственного. Сие же последнее основывается не на количестве пройденных страниц, а на ясном усвоении идей и здравом понимании сущности дела. Не на хронологию, например, должны садиться наши педагоги, а на разъяснение житейского значения исторических эпох. Что касается физического развития, то за редкими исключениями все мальчики любят спорт, и этим надо пользоваться. Бег на коньках, на лыжах, на ходулях, верховая езда, фехтование, стрельба, плавание, большие переходы по горам, в лесах и т.п. — все это для детей одно удовольствие. А какая это богатая подготовка.

Все офицеры должны иметь одинаковый ценз: кадетский корпус — 6 классов и военное училище — 3 класса. Принимать в корпуса следует всех, за исключением, конечно, евреев, но все преимущества отдавать детям служилого класса и особенно офицерского, дабы создать преемственно-профессиональное военное сословие. Брать мальчиков исключительно крепкого здоровья и без всяких физических недостатков. Всех принимать на казенный счет. Из корпусов же выпускать только в военные училища, на сторону исключительно в случае развившихся физических недостатков. За казенное обучение в корпусе и в училище в течение 9 лет ввести обязательную девятилетнюю службу в войсках офицером год за год. В военных училищах первые два класса должны быть общие для всех, третий же специальный по родам оружия. Мера эта способствовала бы развитию товарищества и дружбы между родами оружия, чего в настоящее время, к сожалению, нет. Корпусов и училищ должно быть такое количество, чтобы покрыть всю потребность офицеров в армии. Когда наш кадр офицеров составит твердую, однообразную военную касту, тогда мы будем непобедимы.

В течение дальнейшей службы офицера должны производиться постоянные специальные занятия и упражнения с целью поддержания военных познаний и физической крепости тела. Все офицерские занятия должны вестись под руководством своих непосредственных начальников, в зависимости от важности — командирами частей, батальонными и ротными. Все без изъятий должны принимать в них участие и совершенствоваться. На особенно же высоком уровне должна находиться стрелковая подготовка, в коей офицеры должны быть истинными специалистами. Чтобы сделать занятия более осмысленными, ежегодно перед началом ротных сборов надо производить полевые поездки с ротными командирами, перед батальонными сборами — с батальонными командирами, перед началом полковых сборов — с командирами полков и бригад. Перед принятием роты все штабс-капитаны должны освежиться на стрелковых курсах, уже ныне установленных для окончательной специализации в стрелковом деле и для практического ознакомления со всеми новейшими

техническими изобретениями, принятыми в армии. Равным образом право на производство в подполковники должны получать только те, которые успешно пройдут штаб-офицерские курсы (нынешняя Офицерская стрелковая школа). Сделавшиеся неспособными к строю офицеры должны быть обеспечены в получении мест на административной службе, и хотя небольшие пенсии должны выдаваться уже за 10 лет, иначе нельзя требовать тех лишений, иногда опасных для здоровья, которые неизбежны при правильной строевой работе.

В строевой армии все преимущества должны быть даны строевым и потому нельзя допускать, чтобы строевым офицерам сажали на шею нестроевых. Каждый должен идти своею специальностью, в ней совершенствоваться и получать дальнейшее движение, ибо при нынешней сложности знаний нельзя быть специалистом по всем частям. Не сделавшись же таковым в избранной отрасли, нельзя претендовать на возвращение в строй, пригодный будто бы для принятия всякого неудачника. В строю необходимы таланты, тогда только будет желанный успех.

При нынешней системе занятий офицеры бегут из армии, потому что занятия поставлены непоучительно и безыдейно. При повсеместном некомплекте офицер вертится как белка в колесе на инструкторской работе, обучая ружейным приемам, маршировке, сборке, разборке винтовки и т.п. Понятно, что такая работа низшего порядка не может удовлетворить офицера, и поэтому мало-мальски развитой, энергичный и мыслящий человек, не видя исхода впереди, не выдерживает и уходит в другие профессии. Но если, как это должно быть, эту инструкторскую работу передать всецело подпрапорщикам и сверхсрочным взводным, тогда на офицера можно возложить приличествующую ему роль воспитателя солдата и руководителя специально боевой подготовкой. Когда офицер не будет замучен мелочным обучением и увидит идейность своей работы, тогда он отдастся ей всею душою, потому что труд этот увлекателен. Освобождение офицеров от мелочной работы, приучая их с первых же шагов службы предоставлять долю самостоятельности своим подчиненным, каковая по мере восхождения по иерархической лестнице будет все увеличиваться, окажет армии услугу и в другом смысле, развивая инициативу и выводя типы старших начальников, которые только и занимаются мелочами.

Унтер-офицеры. Нам для строя нужны унтер-офицеры. При современных требованиях по обучению нижних чинов и по управлению боевыми порядками, обойтись без твердо знающих свое дело помощников офицеров невозможно. При кратких сроках службы без многочисленного, хорошего состава унтер-офицеров наши кадры мирного времени совсем шатки, а с объявлением мобилизации безнадежно немощны (у немцев на 500 т. рядовых — 85 т. сверхсрочных унтер-офицеров). Все это мы видим, чувствуем на каждом шагу и с горестью уже испытали. А на практике даже того не можем добиться, чтобы взводные отвечали за свои взводы. И это будет продолжаться до тех пор, пока законом не будет точно установлено, за какие именно отрасли подготовки рядовых отвечают именно взводные, и пока на этой важной должности не будут находиться исключительно люди опытные, вполне подготовленные, т.е. подпрапорщики и сверхсрочные, прошедшие хороший практический курс.

Всецело и безраздельно, с полной ответственностью за успех на взводных унтер-офицеров надо возложить всю инструкторскую работу по обучению нижних чинов их взводов. А именно: внутренний порядок и внутреннюю службу, одиночное обучение, шереножное и взводное учения, уход за винтовкой и т.п. По всем этим отделам за офицерами должно сохраниться лишь общее руководство, наблюдение и поверка. Таким порядком мы освободим офицеров от мелочной работы, как указано выше, и выработаем отличный и многочисленный кадр самостоятельных унтер-офицеров.

Пока в таком смысле не будет решен унтер-офицерский вопрос, до тех пор нельзя и помышлять о целесообразной постановке вопроса о боевой подготовке войск. <...>

Н. Морозов

К ВОПРОСУ ОБНОВЛЕНИЯ АРМИИ

Прежде всего обратите внимание на офицера», — вот та мысль, которая неотступно преследует меня при чтении проектов обновления армии, когда это обновление видят исключительно в изменении устава или системы обучения и воспитания солдата. «Смотрите в корень, — хочется сказать авторам, — помните, что сила армии не в солдате, а в офицере». И как больно видеть, что эта аксиома нами все время забывается. Среди массы приказов, указаний, положений и инструкций, посвященных солдату, нет и намека, что в деле обучения армии первое место и особое внимание должны быть уделены офицеру, от достоинств которого только и зависит успешное обучение солдата и правильное его употребление в бою. Война одинаково выяснила недочеты в подготовке нашего офицера и солдата, но не научила нас поставить на надлежащее место подготовку офицера.

И теперь, когда о солдате говорят и пишут все, кому не лень, об офицере упоминают лишь мимоходом, причем ограничиваются обыкновенно тем, что устанавливают его равнодушие к службе, отсутствие интереса и охоты к изучению военного дела, сочувствуют его материальному невероятно тяжелому положению и затем зачастую заключают:

«При теперешней скудости офицерского содержания, плохой карьере строевого офицера трудно привлечь на службу людей хорошо образованных, которые смотрели бы на свое дело как на призвание, поэтому ряды офицеров пополняются лишь теми, кому больше некуда деваться, кто не может выгоднее устроиться. Неудивительно, что от таких офицеров трудно ожидать влечения к делу». Таким образом, нынешний офицерский состав многими признается совершенно негодным и неспособным к обновлению, которое должно быть произведено другими лицами, привлеченными на службу новым повышенным окладом содержания и карьерой.

Подобное мнение слишком распространено (если не в печати, то в частных разговорах), слишком несправедливо и обидно для настоящего корпуса офицеров, чтобы оставить его без возражения.

Вполне признавая самый факт равнодушия офицера к своему делу, признавая, что материальная необеспеченность и плохая карьера, конечно, играют роль в развитии этого равнодушия, тем более следует указать, что не в них главная причина бедствия.

Не раз приходилось мне да, вероятно, и многим другим видеть вполне обеспеченных, хорошо образованных, любящих военное дело офицеров, которые по прослужении в строю нескольких лет говорили:

«Нет, больше не могу, прямо тошно становится при одной мысли о службе, хочу устраиваться куда-нибудь подальше от строя». То же приходилось слышать и от боевых офицеров, поехавших на войну добровольцами, вернувшихся в бодром и приподнятом настроении, с искренним желанием трудиться на благо любимой ими армии и уже через 2–3 месяца совершенно разочаровавшихся в своих надеждах. Приходится и самому зачастую переживать тяжелые минуты горького отчаяния, когда готов все бросить и бежать со службы куда глаза глядят.

И вот на основании этих фактов, на основании собственного опыта решаюсь сказать, что не материальные условия и не плохая карьера являются главными причинами равнодушия и даже отвращения строевого офицера к своему делу. Главная причина заключается в самой постановке нашей службы, являющейся и для настоящего военного человека истинным бременем, благодаря существующей ненормальности условий жизни и работы строевого офицера.

Имейте терпение присмотреться к обстановке и условиям, в которых проходит служба офицера, войдите в его положение, загляните в его душу, и вы согласитесь со мною.

Чтобы лучше выяснить и указать условия ненормальности службы, так вредно влияющие на корпус строевых офицеров армии, сначала остановлюсь на том, что должна давать офицеру служба, каково его место и значение в рядах армии и каковы должны быть условия его работы, чтобы служба являлась для него настоящим живым делом, влекла бы к себе, а не отталкивала.

Сообразно двоякому назначению армии, 1) вести войну и 2) поддерживать и охранять порядок и спокойствие в государстве, служба наша неизбежно распадается на 2 вида деятельности: 1) подготовка к бою и 2) служба мирного времени (гарнизонная и внутренняя).

Нечего и говорить, что в мирное время для искреннего любителя военного дела настоящей сферой его деятельности, его истинным призванием, всегда была и будет подготовка к войне.

Служба мирного времени, какова бы она ни была, будет для настоящего офицера лишь неизбежной обязанностью, с которой можно мириться лишь ввиду ее общегосударственной важности (гарнизонная служба) или необходимости для самих войск (внутренняя служба). С этим фактом, конечно, всегда надо считаться, если хотим видеть в офицере не одну машину, а живого человека с его склонностями и желаниями. Нечего говорить, что и для армии главным делом следует признать ее прямое назначение — именно подготовку к войне.

Так же совершенно ясно, что в деле подготовки к войне армии кадру ее, офицерскому составу, должно быть отведено первое место, на него должно быть обращено главнейшее внимание.

При этом, сообразно положению офицера в рядах армии, его подготовка распадается на следующие отделы: 1) подготовка офицера к роли начальника порученной ему войсковой части, 2) подготовка офицера к командованию высшими войсковыми единицами, так как корпус офицеров является источником для замещения высших командных должностей. Кроме того, работа офицера в мирное время должна выражаться в подготовке своей части: 1) к бою и 2) к несению службы мирного времени.

Этими двумя видами деятельности офицера, т.е. личной подготовкой и подготовкой подчиненных, и наполняется его мирная служба.

Условия успешного хода обоих видов деятельности сильно различаются между собою.

Как начальник известной части, вполне ответственный за ее состояние и подготовку, офицер, прежде всего, должен быть самостоятельным; это положение слишком хорошо известно, чтобы на нем останавливаться.

Зато ничего подобного нельзя сказать относительно личной подготовки офицера. Всякий, кто пробовал заниматься своим образованием самостоятельно, самоучкой, хорошо знает всю трудность, а зачастую и безнадежность подобного предприятия; не ошибусь, если скажу, что подобная задача по плечу лишь исключительно даровитым натурам; особенно же трудно работать самоучкой в нашем деле, где невозможно ограничиться одной теорией, а нужно основательно и под хорошим руководством пройти ряд практических занятий. Таким образом, личная подготовка офицера не может быть предоставлена его усмотрению и, ввиду ее важности, должна быть главной заботой и делом начальства. Строгая система и постоянное руководство только и могут служить залогом успеха этих занятий. Всегда следует помнить, что только подготовив в лице ближайших подчиненных надежных и знающих помощников, может быть начальник спокоен за свою часть.

Личная подготовка и подготовка своей части к бою и является настоящей сферой деятельности, которая действительно может увлечь и заинтересовать настоящего военного человека; ради них можно мириться со службой мирного времени как неизбежной необходимостью.

Само дело личной подготовки офицера должно заключаться: 1) в приобретении знаний, в выработке умения прилагать их на практике и 2) в воспитании офицера.

Вряд ли кто станет отрицать, что звание офицера требует выработки и развития известных сторон его характера, вряд ли кто станет отрицать, что воспитание офицера не может кончаться в училище, а между тем для воспитания офицера нами ровно ничего не сделано, не осознана на деле даже его необходимость.

Много говоря о воспитании солдата, о внушении ему чувства долга, гордости своим званием, возбуждении в нем самолюбия и соревнования, развитии военных качеств, мы совершенно забываем об офицере. Ласковое обращение, развитие чувства чести и долга, заботливость считаются лучшими способами воздействия на нижних чинов, выговоры и арест — единственными по отношению к офицеру, причем обыкновенно промах и проступок, неопытность и небрежность караются одинаково; с самолюбием офицера мало кто считается, зачастую даже предлагают спрятать его в карман и забыть о нем. Без преувеличения скажу, что в этом отношении мы далеко ушли назад.

Еще в 1822 г. гр. Витгенштейн в своем замечательном приказе от 7 июля писал следующие золотые слова:

«Всякий начальник имеет тысячу средств заставить своих подчиненных прилежать к службе, не оскорбляя в них чувства чести, которое должно быть главнейшею пружиною, руководствующею всяким вольным человеком.

Ежели, напротив того, сие чувство не будет существовать, то нельзя ничего от такового офицера ожидать: посему и должны господа полковые командиры стараться до того довести своих офицеров,

чтобы *малейший* знак неодобрения начальства был для них чувствителен; тогда будут полки украшаться хорошим корпусом офицеров, а начальники находить в подчиненных своих надежнейших сотрудников, *без коих не могут они довести полков своих до желаемого благоустройства*; худым же обращением достигнут они совсем противной цели. Всякий благородный человек, опасаясь быть таким образом обижен, будет стараться удалиться от службы и вовсе ее оставит; следовательно, все хорошие офицеры выйдут в отставку и останутся те, которые дурным обращением не будут считать себя обиженными, т.е. именно те, которые недостойны носить военного звания и в которых служба не потеряла бы, когда они и вовсе оную оставили».

Вот тот правильный путь, по которому должно вестись воспитание офицера, чтобы он был истинным помощником начальника в деле подготовки армии. Без подобного воспитания офицер является только чиновником в военной форме.

Вот, следовательно, и все условия, в которых при нормальном порядке вещей должна проходить служба, могущая дать удовлетворение офицеру, а главное, соответствующая нуждам армии как боевой силы.

Именно на первом месте — боевая подготовка; в ней особое внимание — офицеру, его подготовке. Каковы же условия нашей действительности?

Первое, что резко всего бросается в глаза в службе строевого офицера, это полное отсутствие занятий для подготовки офицера к предстоящей боевой деятельности. Жалкий намек на них, правда, имеется в виде пресловутых тактических занятий, но бесполезность и постановка их хорошо и давно уже выяснены, я же добавлю, что решения тактических задач на плане в деле подготовки офицера не имеют большего значения, чем изучение букв, без складывания слогов, при обучении грамотности. Цель обучения офицера должна заключаться в выработке умения действовать и принимать решения в поле при различной обстановке, сообразно поставленной задаче и в связи с другими частями; мы же приучаемся действовать в безвоздушном пространстве, без всякой обстановки, кроме местности плана; вряд ли кого может заинтересовать подобная работа.

Больше никакого места боевой подготовке офицеров у нас не отведено, и лишь кое-кто говорит, что он сам должен заниматься своим военным образованием; невозможность такой самостоятельной работы мною достаточно выяснена, и о несостоятельности этого взгляда больше распространяться не стоит. Совершенно забросив, таким образом, военное образование офицера, ничего не давая его уму, мы всю офицерскую работу ограничили только обучением подчиненных нижних чинов да хозяйственными заботами — и это на всех командных должностях. Вглядитесь внимательно: странное положение получилось в нашей армии, все начальники, начиная с младшего офицера и кончая командующим войсками, имеют одну и ту же сферу деятельности — обучение нижних чинов. Нечего и удивляться, что в этом деле мы не получаем никакой самостоятельности.

Итак, отрекшись от всякого содействия офицеру в деле его боевой подготовки, предоставив ему в этом отношении полную свободу блуждать в потемках, мы в сравнительно нехитром деле обучения и воспитания солдата шагу не даем младшему ступить без посторонней указки; здесь предписано и предусмотрено по неделям и часам все обучение и даже самые его способы, вся же работа офицера при всем его желании дальше исполнения свыше предписанного не идет. <...>

Считаю, что положение строевого офицера, а вместе и условия его службы, мною выяснены, и выводы можно резюмировать следующим образом:

1) В деле подготовки нашей армии к бою отсутствует самый важный отдел этой подготовки — воспитание и обучение офицера, благодаря чему отсутствует то настоящее и живое дело, которое должно составлять истинное наше призвание.

2) Служба мирного времени решительно доминирует над боевой подготовкой армии.

3) Вся деятельность офицера, таким образом, сводится к обучению нижних чинов (при крайне ненормальной постановке этого дела) и к несению службы мирного времени.

Теперь, сопоставив с этими заключениями, что поистине призвание и дело строевого офицера могут заключаться только в боевой подготовке, что дело обучения нижних чинов требует самостоятельного начальника, я думаю, будут понятны причины отвращения нашего офицера от службы. Именно служба наша лишена той самой стороны, которая только и может увлечь и заинтересовать настоящего офицера. <...>

А если это так, то вместо искания новых людей обратите внимание на теперешнего офицера, отведите ему настоящее место в деле подготовки армии и поверьте, что этот офицер, хотя и поневоле

избравший военную службу, окажется не хуже тех, кто будет избирать впоследствии эту службу как выгодную и хлебную карьеру.

Помните, что служба наша в конце концов идейная, потому что нет таких денег, которыми бы можно купить жизнь человека, и не за деньги отдает офицер свою жизнь для блага родины. Надо, очень надо улучшить материальную обстановку строевого офицера, но нельзя думать, что этим улучшается корпус офицеров, возбуждается его любовь к делу. Дело офицерское, настоящее живое дело, настолько интересное, что оно одно может увлечь офицера, надо только вынуть его из-под спуда и поставить на надлежащую высоту; в этом-то и должна заключаться теперешняя наша задача, в этом и состоит настоящее обновление армии.

Русский Инвалид. — 1907. — № 105.

А. Куропаткин

МЕРЫ ПО УЛУЧШЕНИЮ КОМАНДНОГО СОСТАВА АРМИИ

Три войны, веденные Россией в течение последних 50 лет, выяснили недостатки офицерского состава нашей армии. Несомненно, что это явление находится в непосредственной связи с культурною отсталостью России и с теми общими условиями жизни и деятельности, которые сложились в нашей родине не для одних военных, но для всего населения. Поэтому серьезное улучшение офицерского состава нашей армии может последовать только с улучшением общего строя жизни в России.

Тем не менее уже и ныне, одновременно с проводимыми по воле Государя Императора коренными реформами по увеличению прав населения во всех сферах деятельности: частной, общественной и государственной, необходимы и реформы по офицерскому составу нашей армии. Эти реформы в особенности должны иметь целью *улучшение командного состава армии*.

Прежде всего необходимо сделать попытку разобраться в вопросе: почему при обилии способных, энергичных и знающих офицеров в младших чинах и на относительно низших должностях мы были бедны самостоятельными, энергичными, опытными начальниками крупных частей войск?

Командный состав армии зависит от общего уровня духовных сил нации. С ростом этих духовных сил растут эти силы в армии. Нельзя полагать возможным, чтобы при отсутствии сильных характеров, людей знания, опыта в других сферах деятельности, вдруг, независимо от духовной стоимости всей нации, армия представляла бы исключение. Но если бы военный мундир привлекал лучшие, энергичные силы нации, то, очевидно, многомиллионный народ и при самых неблагоприятных условиях своего развития мог бы выделять десятки и сотни наиболее богато одаренных в духовном отношении лиц, способных с успехом командовать войсками в военное время. Поэтому казалось бы необходимым: 1) сделать военный мундир заманчивым для цвета русской молодежи и затем 2) настойчиво добиваться, чтобы наиболее энергичные из носителей военного мундира проходили службу именно в рядах армии, развивая свои знания и духовные силы в непрерывной мысли о том, что армия предназначается для войны.

Мы и достигли первой из этих целей: военный мундир действительно уже давно стал особо почетным в русской земле, но мы совершенно не достигли второй цели, ибо масса наиболее способных и энергичных людей, носивших военный мундир, не только не служила в рядах армии, но даже не имела к ней никакого отношения. Еще в XVIII столетии начали давать военный мундир детям знатных вельмож, которые могли подвигаться в чинах, гарцуя в комнатах на деревянных лошадаках. Затем понемногу военный мундир и даже звание генерала перестали обозначать непрременную принадлежность к армии и занятие военным делом. Военные мундиры появились во всех сферах деятельности (кроме духовенства). Члены Государственного Совета, послы, сенаторы, почетные опекуны, министры разных ведомств, их товарищи, генерал-губернаторы, губернаторы, градоначальники, полицмейстеры, масса лиц, состоящих по разным ведомствам, масса лиц военно-народного управления на окраинах — все это носит военный мундир, числится в списках разных чинов, но, за малым исключением, никакого отношения к армии не имеет, лишь обессиливая армию. В весьма толстой книжке генералов нашей армии только очень небольшое число несет строевую службу в армии. Хуже всего то, что те, которые несут строевую службу, отстают в чинах и особенно в окладах от тех, которые строевой службы не несут. При таком положении очевидно, что наиболее сильные, энергичные, способные элементы стремились уйти из строя.

Генералы и адмиралы занимали посты министров внутренних дел, финансов, путей сообщения, народного просвещения, государственного контролера. Посты послов в Константинополе, Париже, Лондоне, Берлине также занимались генералами. На каждом собрании высших сановников государства выделялись многочисленные военные мундиры военного и морского ведомств.

Военный мундир имел притягательную силу и для других ведомств. Многие из них стремились провести такие формы одежды, которые возможно ближе напоминали бы офицерскую. В этом отношении дальше всех пошло министерство внутренних дел, проведя форму для своих исправников, станковых, околоточных и даже городских, мало чем отличную от офицерской. Нижние чины были

совершенно сбиты с толку этими формами и не знали, кому отдавать честь. Офицерские шинели и фуражки с кокардами окончательно могли смутить даже и развитого нижнего чина.

Необходимо признать, что такое, по-видимому, непонятное стремление к военной форме имеет свое основание в малой культурности нашего населения. Еще недавно каждый носитель даже одной фуражки с кокардой уже считался в деревне властью имеющим. Носителю кокарды снимались в деревне шапки, при встрече зимою сворачивались тяжело нагруженные возы в сугробы снега, выслушивалась молча площадная брань и пр.

Необходимо офицерскому мундиру вернуть его настоящее значение и особо высоко поднять звание *именно служащих в рядах армии*.

В этих видах прежде всего необходимо продолжать заботы о материальном положении нашего корпуса офицеров. Необходимо, чтобы служба в штабах, управлениях, учреждениях военного ведомства не была выгоднее службы в строю. Я много работал в этом направлении, но не достиг достаточного результата. Массы офицеров в управлениях и учреждениях можно заменить чиновниками. Необходимо затем, чтобы нашему строевому офицеру не представлялось выгодным переходить в пограничную стражу, акцизное ведомство, податные инспектора, в полицию, военное народное управление, жандармы, на железнодорожную службу и пр., и пр., только бы уйти из строя.

Удержав рядом мер по возможности лучшие элементы в рядах армии, необходимо, чтобы старшие чины по мере движения вперед не забывали того, что знали ранее, как это происходит ныне. Необходимо, чтобы и в мирное время наши старшие начальники действительно практиковались в командовании войсками, а не были только кабинетными деятелями, заведывающими хозяйством, инспекторами, зрителями, посредниками.

<...> При нашей военной системе командование войсками находится, за малым исключением, в руках пяти начальствующих инстанций: командира полка, командира бригады, начальника дивизии, командира корпуса, командующего войсками в округе. Над нашим пехотным и кавалерийским полками, таким образом, стоит пять няnek. Но по пословице «у семи няnek дитя без глаза» и в наших полках на войне не всегда все оказывалось благополучно. Чаше, впрочем, дитя сохраняло оба глаза, но неясно видели, что надо делать, сами няньки мирного времени. Чем же объяснить такое явление? Конечно, можно ответить, что выбор начальствующих лиц был не всегда удачен. Это верно, но верно и то, что приходилось выбирать из лиц, имевших на то право по существующим правилам и узаконениям, что выборы производились по аттестациям, данным соответствующими начальствующими лицами до командующего войсками включительно, и весьма многие назначения сделаны были из тех лиц, которые признавались достойными быть выдвинутыми из общей линии старшинства. Старались, таким образом, брать наилучшие силы, которыми мы располагали, но и эти силы оказались недостаточными. В числе причин тому укажем следующие. Все начальствующие лица нашей пятистепенной военной иерархии, прежде всего, так заняты текущею службою, текущею перепискою, многие из них так обременены хозяйственными заботами, что им остается мало времени следить за военным делом и, двигаясь вперед по службе, не опускаться в знании воинского дела, а подниматься. Сама строевая служба наша с коротким летним сбором и лишь несколькими днями высокопоучительных занятий на две стороны дает мало практики в командовании войсками в поле. Обилие ответственных занятий по хозяйственной части часто ставит эти занятия на более важное место, чем занятие строем. Но особенно важно то, что *вся служба и жизнь построены у нас так, что не способствуют выработке твердых, самостоятельных характеров*.

Из пяти вышепоименованных должностных лиц только два — начальник дивизии и командир корпуса — составляют по преимуществу самостоятельные строевые инстанции, но и они сильно обременены текущею перепискою. Командир полка по распределению времени, посвящаемого им командованию полком в поле и на дела хозяйственные, является скорее заведующим хозяйством, чем строевым начальником. Командир неотдельной бригады лишен всякой самостоятельности и так поставлен, что его отсутствие мало заметно. Он скорее отдыхает, чем служит. Наконец, высшие чины строевой лестницы — командующие войсками в округах — в большей мере являются начальниками военно-окружных управлений, чем вождями войск, вверенных их командованию. Прибавим к сему, что по мере движения вперед наши начальствующие лица все менее и менее практикуются в непосредственном командовании войсками в поле. Можно привести примеры, что командовавшие продолжительное время войсками в округах ни разу не командовали частями войск на маневрах, по нескольку лет не садились верхом на лошадь. Как же выйти из этого ненормального положения и создать контингент начальствующих лиц, непрерывно практикующихся в исполнении тех

обязанностей по командованию войсками, которые будут возложены на них с объявлением войны?
<...>

Для улучшения командного состава нашей армии требуется: 1) Улучшение общего строя жизни всего населения России, причем возрастут и духовные силы нации во всех сферах ее деятельности; 2) Сделать военную службу привлекательной для лучшей части русской молодежи; 3) Настойчиво добиваться, чтобы наиболее способные и энергичные носители военного мундира проходили службу в рядах армии; 4) Снять военный мундир со всех лиц, не служащих в армии, заменив его совершенно отличными от носимого в армии; 5) Сократить в возможной степени службу офицеров вне рядов армии: в управлениях, учреждениях и заведениях военного ведомства; 6) Принять энергичные меры, чтобы наши старшие начальники могли уделять главную часть своего времени не канцелярской работе, а работе с войсками в поле и в казармах. Принять меры, чтобы начальствующие лица, совершенствуя в боевом отношении вверенные им части, могли совершенствоваться и сами; 7) Улучшить и приподнять положение командиров полков, освободив их в возможной степени от обширных лежащих на них обязанностей по хозяйственной части; 8) Приподнять значение командиров бригад, предоставив им права, коими ныне пользуются командиры отдельных бригад; 9) Сделать дивизии и корпуса более сильными, чем то было в прошлую войну, и принять меры к возможному увеличению времени у старших строевых начальников для практики в непосредственном командовании войсками; 10) Освободить офицеров Генерального штаба, кои будут состоять в бригадах, дивизиях и корпусах, от канцелярской работы по другим отделам, кроме работ по специальности Генерального штаба; 11) Освободить командующих войсками в округах от непосредственного руководства деятельностью военно-окружных управлений. Прекратить совмещение должности командующего войсками с должностью генерал-губернатора. <...>

Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. Т. III. Задачи России и русской армии в XX столетии. — СПб., 1910. — С. 363-372.

Е. Мартынов

НАЗРЕВШИЕ РЕФОРМЫ

При современных армиях, представляющих вооруженные народы, когда каждая мобилизованная войсковая часть состоит наполовину и даже на три четверти из людей только что призванных из запаса, корпус офицеров приобретает несравненно большее значение, чем прежде. При быстрой и непрерывной смене нижних чинов одни только офицеры являются настоящим кадром армии, хранителями ее вековых традиций и боевых преданий. Посреди массы граждан, отбывающих воинскую повинность лишь по обязанности, корпус офицеров должен составлять как бы рыцарское братство, служащее по призванию. Только такие офицеры, увлекающиеся своей специальностью, фанатически преданные ей, могут быть полезными для дела.

Особенно важны хорошие офицеры для русской армии вследствие того, что наш солдат гораздо менее развит и менее способен к самостоятельной деятельности, чем солдат других, более культурных наций.

Откуда же получает русская армия своих офицеров? Большая часть их выходит из юнкерских училищ, куда стекаются обыкновенно неудачники всех профессий. Неокончивший реалист, выгнанный классик, полуграмотный семинарист, недотянувший до конца ученик земледельческого, технического или коммерческого училища — вот обычный контингент, которым пополняются юнкерские училища. Все эти люди в огромном большинстве случаев идут на военную службу, не чувствуя к ней ни малейшего призвания, только потому, что им некуда деться. Откровенные родители так и объясняют: «Ваня глуп или Ваня не хочет учиться — придется отдать в юнкера».

Другую, значительно меньшую часть своих офицеров русская армия получает из воспитанников кадетских корпусов и военных училищ. Эти офицеры имеют законченное общее (7 лет корпуса) и достаточное специальное (2-3 года училища) образование. Однако между ними мало встречается людей, чувствующих призвание к военному делу.

Этот факт объясняется очень просто. Десяти лет отдают мальчика в кадетский корпус и тем наперед предопределяют его будущую карьеру. Положим, каждый окончивший семь классов корпуса имеет право наравне с реалистами держать конкурсный экзамен в любое из высших технических учебных заведений. Однако для семнадцатилетнего мальчика, семь лет выдержанного в стенах кадетского монастыря, оставить верную проторенную дорогу и избрать себе самостоятельный, рискованный путь не так-то легко, особенно при полном отсутствии денежных средств, как это обыкновенно бывает. В результате вся масса кадет, за редкими исключениями, идет в военные училища и оттуда производится в офицеры.

Незадолго до войны, с целью еще более затруднить выход на сторону, в военном министерстве было даже проектировано такое понижение курса кадетских корпусов, которое сделало бы для их питомцев невозможным поступление в высшие гражданские учебные заведения (?!).

Первые годы после производства в офицеры проходят в наслаждении непривычной свободой, но затем для очень многих наступает разочарование, они чувствуют, что попали не на свою дорогу. Применяемая в корпусе военная дрессировка (притом весьма слабая) не в состоянии возместить отсутствие призвания, подобно тому как воспитание в гражданском учебном заведении не смогло заглушить в Скобелеве и Тотлебене вложенного в них самой природой влечения к военному делу.

Итак, большинство офицеров русской армии поступает на военную службу, не имея никакого призвания к ней.

Дальнейшая деятельность строевого офицера обставлена так, что она не только не может развить в нем любовь к военной специальности, но, наоборот, неизбежно должна внушить отвращение. Живое, интересное дело воспитания солдата и подготовки войск к войне сведено у нас к формалистике и мертвечине.

Весь порядок занятий точно, в подробностях регламентирован уставами, наставлениями, инструкциями, приказами, расписаниями и т.п. Мало того, желая в чем-нибудь проявить свою деятельность, все старшие начальники, помимо указанных подробных правил, предъявляют еще свои личные требования. При этом так как командный состав нашей армии в значительной мере состоит из

людей невежественных, не только не знающих современного военного дела, но по малому общему развитию даже и неспособных его понять, то все их требования носят чисто внешний, детальный характер. Даже в способах достижения поставленных целей строевому офицеру не предоставляется никакой свободы. Седовласый ротный командир в конце своей карьеры слышит наставление о том, как нужно учить новобранцев, и получает выговоры за то, что опоздал на занятия на четверть часа.

Одним словом, в продолжение всей своей службы в полку наш строевой офицер находится под постоянной опекой; его деятельность лишена всякой самостоятельности, малейшей доли творчества и инициативы.

При подобных условиях интерес к военному делу исчезает даже у тех немногих, у коих он был перед поступлением на службу. Большинство наших офицеров служит лишь по принуждению, апатично, иногда даже с отвращением, выполняя постылое, противное дело. За единичными исключениями военной наукой никто не занимается, никто ничего не читает, ни за чем не следит... Этим русское воинство резко отличается от других культурных армий, где офицеры увлекаются своей специальностью, а воспитание и обучение солдата возведены в своего рода культ.

Система служебного возвышения, которая в других армиях является могучим средством для возбуждения соревнования между офицерами и для выделения более достойных, у нас зачастую приводит к обратным результатам.

Вся карьера нашего строевого офицера находится в руках командира полка и начальника дивизии. От их усмотрения зависит: провести ли капитана в подполковники сравнительно быстро, «вне правил», или же замариновать его в капитанском чине до предельного возраста. Практика жизни показывает, что при этом выборе зачастую руководствуются не столько пользой службы, сколько совершенно посторонними соображениями:

скорее всего проходят в штаб-офицеры не самые способные и самостоятельные, а наиболее проницательные и искательные. Бывали даже случаи (некоторые факты установлены официально), когда, желая избавиться от плохого ротного командира, начальство представляло его к производству в подполковники, дабы скорее сплавить в другую часть.

Должность батальонного командира и чин подполковника составляют обыкновенно венец карьеры армейского пехотного офицера. Далее в командиры полков и даже отдельных батальонов попадают лишь единичные личности, так как эти должности почти исключительно замещаются офицерами гвардии, Генерального штаба и разных центральных учреждений.

Как общее правило, все преимущества имеют те офицеры, которые на некоторое время выходят из строя, поступая в воспитатели кадетских корпусов, делопроизводители воинских начальников и т.п., а затем снова возвращаются в ряды войск. Приведу следующий случай. Из военных училищ в 1883 году было выпущено много портупей-юнкеров (лучших учеников) в разные армейские полки. В начале этой войны огромное большинство их было еще капитанами; затем во время военных действий некоторые из уцелевших были произведены в подполковники, а другие и до сих пор еще сидят в капитанском чине. В том же году из военного училища вышел в армию один юнкер, не особенно сильный в науках. Прослужив три года в строю, он поступил воспитателем в кадетский корпус, за выслугу лет быстро попал в подполковники, возвратился обратно в строй, получил отдельный батальон, был произведен в полковники, а во время войны в виде простой очередной награды получил генеральский чин и бригаду. Другой пример:

из одного армейского полка ушел очень плохой штабс-капитан на должность начальника тюрьмы. Там он был произведен в капитаны и, вернувшись обратно в строй, принял роту, обогнав всех своих даже самых выдающихся сверстников. Спрашивается, как должны влиять подобные порядки на строевых офицеров?!

Говоря об условиях службы главной массы нашего офицерского корпуса — армейской пехоты, нельзя не упомянуть о том хамстве, которое проявляется в отношениях начальников к подчиненным. Крик, грубые, обидные выражения, иногда даже ругательства — явление обычное. Иной раз во время какого-нибудь учения на городской площади в присутствии толпы народа начальник дивизии или командир полка позволяют себе по ничтожному поводу с грязью мешать старого заслуженного капитана. Такое пренебрежительное отношение к офицеру роняет в глазах общества достоинство офицерского звания.

В самом дисциплинарном уставе проведены унижительные взгляды. Например, каждый офицер, начиная от молодого подпоручика и кончая старым полковником (если только последний не пользуется правами начальника отдельной части), может быть подвергнут аресту на гауптвахте в

дисциплинарном порядке, то есть по простому усмотрению начальства. Такая средневековая мера совершенно не соответствует современным воззрениям. Для офицера не может быть других наказаний, кроме замечаний и выговоров; тот же, на которого эти меры не действуют, должен быть удален из армии.

К описанным выше тяжелым условиям службы армейского офицера присоединяется чрезвычайно стесненное материальное положение. Кроме мизерных квартирных окладов, на которые нигде хоть сколько-нибудь подходящей квартиры нанять нельзя, наши офицеры получают: подпоручик — 600 р., ротный командир — 1.200 р. и батальонный командир — 1.740 р. в год. Возможность существовать на эти средства, особенно в большом городе, для человека семейного, да еще при необходимости поддерживать некоторую представительность, составляет неразрешимую математическую задачу.

Более четверти века тому назад в одной из своих реляций генерал Скобелев указывал на офицерский вопрос как на самую слабую сторону русской армии. С того времени, если не считать небольшой прибавки жалованья, совершенно поглощенной вздорожанием жизни, в этой сфере ничто не изменилось.

Положение офицера в обществе даже ухудшилось. Наш век есть время самого грубого материализма, откровенного преклонения перед золотым тельцом. Положение в широких общественных кругах дают почти исключительно деньги, причем никто не интересуется способом их приобретения. Добыты ли они воровством при постройке железных дорог, грязными адвокатскими делами или темными коммерческими спекуляциями — это безразлично, лишь бы деньги были. При таком мировоззрении военная служба с ее скудным материальным вознаграждением, с ее странными для современных дельцов идеалами патриотизма и самоотвержения представляется каким-то донкихотством. Уважением в этих кругах пользуются лишь офицеры нескольких гвардейских полков, так как большинство их принадлежит к богатому дворянству, и офицеры Генерального штаба, потому что в них видят будущих военных и гражданских сановников. <...>

Ни в одном из слоев русского общества наша офицерская корпорация не находит себе симпатий.

Итак, мы разобрали всю обстановку жизни армейского офицера: тяжелые условия службы, гнет материальной нужды, приниженное положение в обществе.

Что же удивительного, что при такой обстановке офицеры (к тому же в большинстве не чувствующие ни малейшего призвания к военному делу) стремятся уйти из строя. Те из них, которым не удалось попасть в одну из военных академий, уходят в воспитатели, в интенданты, в акциз, в полицию, в пограничную стражу, в жандармы, на разные административные должности — всюду, где лучше платят или где легче дышится.

В результате, если бы России пришлось мобилизовать все ее вооруженные силы, то она сразу натолкнулась бы на огромный некомплект офицеров, то есть оказалась бы к войне неготовой.

Из числа строевых офицеров все более способное, самостоятельное и предприимчивое постепенно находит себе выход на сторону. Остаются в рядах войск, кроме редких любителей военного дела, по преимуществу самые неразвитые и инертные. Вследствие этого средний уровень младших офицеров всегда бывает выше ротных командиров, а этих последних выше, чем батальонных командиров. Таким образом, в то время как в иностранных армиях по мере служебного возвышения производится постепенное процеживание офицеров, причем все неспособное удаляется, у нас подобный же отбор производит сама жизнь, но только в обратную сторону.

Однако справедливость требует признать, что во время последней войны, несмотря на всю совокупность перечисленных выше неблагоприятных условий, наши строевые офицеры в общей своей массе проявили немало самоотвержения. Во многих случаях им не хватало умения, но доблести было достаточно, что, бесспорно, доказывается огромным процентом убитых офицеров, значительно превосходящим относительные потери нижних чинов.

Некомплект офицеров в строевых частях и огромный недостаток их в запасе заставили в военное время прибегнуть к суррогату офицеров в виде прапорщиков запаса и зауряд-прапорщиков.

Первая категория, набранная из вольноопределяющихся первого разряда, оказалась совершенно непригодной для дела. Часть прапорщиков запаса сумела еще в России разными темными способами уклониться от исполнения своего гражданского долга, другие уже по прибытии на театр войны предусмотрительно устроились в тылу, и лишь немногие попали в строй, где они, за единичными исключениями, обнаружили не только полное незнание дела (что, конечно, неудивительно), но и

совершенное нежелание рисковать своей жизнью, что оказывало на простых солдат развращающее влияние.

Наоборот, зауряд-прапорщики, произведенные из фельдфебелей и унтер-офицеров, гордые полученным отличием, вели себя с замечательной доблестью и самоотвержением.

Из сделанного очерка видно, в каком плачевном состоянии находится в русской армии офицерский вопрос.

Для правильного разрешения его, на мой взгляд, необходимо принять следующие меры:

1. Закрыть теперешние юнкерские училища, через которые в армию проникают неудачники всех профессий. Упразднить кадетские корпуса, представляющие из себя ловушки, куда увлекают детей в том возрасте, когда они еще не в состоянии относиться сознательно к выбору профессии. Взамен этого создать военные училища с трехгодичным курсом, в которые принимать всех имеющих диплом какого-либо среднего или высшего учебного заведения. Так как при соблюдении указанных ниже условий желающих будет, несомненно, больше, чем вакансий, то при приеме следует установить конкурс.

2. Дать военным приличное содержание, дабы сделать карьеру обыкновенного строевого офицера не менее выгодной, чем карьера инженера, врача, юриста и т.п. Хотя последние и затрачивают на свою научную подготовку два лишних года, но зато они не несут того риска, который выпадает на долю офицера во время войны. Иногда приводят в пример Японию, которая платит своим офицерам меньше, чем Россия, а между тем имеет хороший офицерский корпус. Однако при этом упускают из вида, что важна не абсолютная, а относительная величина вознаграждения. Японские офицеры получают мало, но столько же, если не больше, получают японские инженеры, юристы и т.д. Нигде не существует такого огромного несоответствия между содержанием офицеров и представителей других профессий, как в России. В Северо-Американских Штатах старший инженер самой крупной железной дороги (длиною в пятнадцать тысяч верст) получает содержания всего 11.500 руб. в год, а между тем наши путейцы сплошь да рядом вознаграждаются десятками тысяч.

3. Нужно дать армии хороший пенсионный устав, вроде того, который принят теперь в Германии. Выслуга пенсии должна начинаться уже после десяти лет службы и затем за каждый последующий год следует прибавлять известную долю до тех пор, пока не будет выслужен полный оклад. Такой пенсионный устав даст возможность в каждый данный момент, без всякого сострадания, удалять из армии непригодных для нее офицеров. При теперешнем же порядке, когда выслуга пенсии начинается лишь после 25 лет, поневоле приходится терпеть на службе и неподходящий элемент.

4. Рядом строго обдуманых мер необходимо гарантировать, насколько возможно, справедливость оценки служебных достоинств офицера, ограничив теперешнее единоличное усмотрение начальства.

5. Дать достойным строевым офицерам возможно быстрое служебное движение, для чего уничтожить привилегии гвардии, ограничить преимущества Генерального штаба и постановить, чтобы лица, раз ушедшие из строя на какие-либо иные должности, затем уже обратно в строй возвращаться не могли.

6. Урегулировать скорость производства строевых и нестроевых офицеров таким образом, чтобы первые всегда имели преимущество. Установить положительным законом, что никогда, нигде и ни при каких условиях нестроевой офицер не может обогнать своих сверстников, оставшихся в строю.

7. Необходимо установить строгое соответствие между чином и должностью. В настоящее время все нестроевые должности занимаются лицами в несообразно высоких чинах. Недавно еще мы видели генерал-лейтенанта смотрителем музея, другого генерал-лейтенанта — учителем черчения, генерал-майора — библиотекарем и т.п. В прямое нарушение закона начальники отделений разных главных управлений военного министерства производятся в генералы; казначей — генерал; смотритель зданий — тоже генерал; в последнее время инспектора классов в кадетских корпусах тоже повышены в генералы и так далее в этом роде. Подобные порядки должны быть изменены, причем для каждой должности определен известный чин подобно тому, как это существует в строю.

8. Вывести столь глубоко укоренившееся в русской армии хамство, преследуя не только дерзость младшего по отношению к старшему, но также и всякую грубость начальника относительно подчиненного.

9. С возможною точностью определить те результаты, кои желательно получить при обучении роты, батальона, полка и других строевых частей. В деле достижения поставленных целей, т.е. в способах и приемах обучения, предоставить строевым начальникам полную свободу. Контролю

должны подлежать лишь результаты, причем начальники не имеют права устанавливать какие-либо личные требования.

10. Снять военный мундир с полиции и жандармов, которые по роду своей службы ничего общего с армией не имеют. Переименовать в гражданские чины тех офицеров и генералов, которые занимают должности в других ведомствах, например, в министерстве двора, министерстве внутренних дел, в государственном коннозаводстве, ведомстве учреждений императрицы Марии и т.п.

11. Лишить отставных офицеров права ношения военной формы, ибо многие из них своим неопрятным видом, несоответственным родом занятий, а иногда даже и неприличным поведением подрывают уважение к мундиру; серьезный же контроль над ними на практике невозможен. Нигде нет того, чтобы лица, ушедшие со службы, носили форму. Даже германские офицеры, у которых корпоративное чувство развито гораздо сильнее, чем у наших, при выходе в отставку снимают мундир. Кроме того, необходимо сократить число отставных генералов. В настоящее время почти каждый воинский начальник и смотритель провиантского магазина увольняется в отставку с производством в генерал-майоры. На 1.400 генералов, состоящих в России на действительной службе, приходится чуть ли не 10 тыс. отставных. Подобный маскарад подрывает значение генеральского чина. Полковников, прослуживших известное число лет, можно увольнять с генеральскими пенсиями, но без производства в генералы.

12. Ввести суды общества офицеров во всех тех корпорациях и учреждениях военного ведомства, где служащие носят военный мундир.

13. Следует значительно усилить для гражданских лиц судебную репрессию за оскорбление офицера или нижнего чина в тех случаях, когда будет доказано, что оно было направлено не против личности, а против звания военнослужащего. При нахождении оскорбленного в строю и вообще при исполнении обязанностей службы наказание должно еще более повышаться. Нужно установить тот взгляд, что в указанных случаях оскорбление наносится не известному лицу, а правительственной власти. С другой стороны, следует беспощадно карать офицеров и солдат за всякое самоуправство по отношению к мирным гражданам, особенно если оно сопряжено с употреблением оружия.

14. Необходимо до самого крайнего предела ограничить случаи употребления войск против граждан. По самой идее армия, комплектуемая на началах всеобщей воинской повинности, есть учреждение государственное, а не орудие господствующей политической партии. Вследствие этого, рассуждая отвлеченно, вооруженную силу можно употреблять лишь против врагов государства, а не против врагов известного режима. На практике осуществление этого принципа в полной мере, конечно, трудно; но во всяком случае нужно избавить армию от исполнения обязанностей полиции. Войска следует вызывать не для того, чтобы они были зрителями разных демонстраций и уличных беспорядков, подвергаясь при этом совершенно незаслуженным оскорблениям, а лишь при открытом восстании, когда правительство решило действовать оружием. Применяемый в настоящее время способ употребления вооруженной силы приносит неисчислимый вред: он порождает антагонизм между народом и армией, приучает толпу не бояться войск, а в этих последних подрывает дисциплину и чувство воинского достоинства.

Из перечисленных выше мер 2-я и 3-я вызовут крупные расходы. Однако средства для них найдутся в пределах самого военного министерства. Для этого прежде всего можно сократить срок службы в войсках на один год, увеличив в то же время на год срок пребывания в запасе. Вследствие этого военная численность армии не изменится, мирная же численность уменьшится на целый контингент (т.е. в пехоте — на одну четверть), что даст огромное уменьшение расходов.

Кроме того, значительная экономия получится от указанного выше закрытия кадетских корпусов.

Затем следует уничтожить разные ненужные учреждения вроде фельдъегерского корпуса, всевозможных комитетов и комиссий; упразднить многочисленных генералов, состоящих в распоряжении высших военных сановников (при одном главном артиллерийском управлении их несколько десятков); уничтожить должности бригадного командира в пехоте и кавалерии, дивизионера в артиллерии и т.п.

Сокращение срока действительной службы на один год несколько не отразится на обучении и воспитании войск, если только в связи с этим армия получит хороший корпус офицеров и не менее как по шести надежных, хорошо оплачиваемых сверхсрочных унтер-офицеров на роту.

В случае проведения указанных реформ, в состав нашего офицерского корпуса будут попадать люди, получившие не только законченное общее и прекрасное специальное образование, но — что

еще важнее — чувствующие призвание к военному делу, свободно избравшие его своей специальностью в таком возрасте, когда наклонности человека уже вполне определились.

При таком составе офицеров все дело подготовки войск в мирное время и управления ими на войне примет совсем другой характер.

Мартынов Е.И. Из печального опыта Русско-японской войны. Издание 2-е. — СПб. — 1907. — С. 39–62.

А. Мариюшкин

ПО ВОПРОСУ ОБ ОФИЦЕРСКИХ ЗАНЯТИЯХ

Одним из наиболее действительных приемов теоретической подготовки командного элемента армии являются, как известно, офицерские занятия.

Целесообразно поставленные занятия при наличии опытных руководителей, способствуя повышению общеобразовательного уровня, имеют притом и чисто воспитательное значение, развивая самостоятельность, находчивость и способность принимать решения при самых неожиданных положениях. Несмотря, однако, на громадную роль теоретической подготовки, вопрос о постановке занятий до сих пор не получил еще положительного решения.

Как бы ни была горька действительность, тем не менее нельзя не сознаться, что еще и до сих пор часы, например, тактических занятий носят крайне томительный и нудный характер.

Очень немного счастливых частей, где этот вопрос поставлен на должную высоту; где благоприятный подбор руководителей, направляемый уверенной рукой начальника, вносит живой интерес и сообщает делу характер увлекательного спорта.

При исследовании причин наших неудач в минувшую кампанию неоднократно раздавались голоса, что доминирующей причиной следует признать слабую тактическую подготовку нашего строевого элемента.

Если бы даже при более глубоком исследовании и обнаружались более действительные причины, то все-таки нельзя не согласиться, что и подобное заявление имеет свой *raison d'être*.

Там, где, не покладая рук, совершается плодотворная работа мирного времени, где царит уверенность, что обстановка при всем своем бесконечном разнообразии не застанет врасплох, где всякое действие повлечет немедленное противодействие, где, наконец, находчивость и личный почин доведены до понятия обязанностей, — там никогда не будет растерянности.

Война — это высший экзамен офицерской работе, и государство вправе рассчитывать, чтобы на этот экзамен мы явились во всеоружии и чтобы для нас не было неожиданных вопросов, которые окупаются кровью.

Жизнь с каждым годом становится сложней, а с ней вместе усложняются и условия, характеризующие жизнь во всех ее проявлениях.

Ни одна область сложного механизма не испытывает такого быстрого роста, как область ратного дела. Каждый новый год в военном деле обогащается новыми средствами: совершенствуется оружие, видоизменяется техника, повышаются требования и усложняются задачи...

Если раньше все достоинства офицера воплощались в понятии храбрости, то в настоящее время одного этого качества уже недостаточно. Теперь храбрость, при неуклонном порыве вперед, должна быть неотъемлемым свойством каждого нижнего чина, да и от него требуется понимание маневра своего.

От офицера же, помимо храбрости, требуется еще и уменье.

Государство, чуткое к нуждам и личным интересам своей армии, вправе потребовать от нее высокого проявления мужества, исполнения своего долга, а от командного элемента — еще понимания исторических задач и полного сознания обстановки.

В настоящее время и на Юге, и на Западе, и на Востоке идет лихорадочная работа, и нам неуклонно надо стремиться, следуя постоянно вперед, *увеличивать дистанцию*.

Армия — вечный часовой, который никогда не покидает своего поста. Постоянная бдительность и совершенствование на славу Великой Родины — вот ее обязанности; безопасность, величие и слава отечества — вот ее права!..

При том громадном значении, которое принадлежит уменью, весьма естественны требования, предъявляемые к офицеру в смысле постоянного совершенствования. «Только в могиле отдых» — вот лозунг военнослужащих.

Училище только подготавливает офицера к дальнейшей работе, указывает ему курс, которого следует держаться...

Если не изменяются основные начала военного дела, то меняется и совершенствуется техника, а следовательно, и приложение этих начал тоже неминуемо подвергается колебанию.

Вечная неутомимая работа, постоянная готовность ответить на вопросы времени — вот центр стремлений современного офицера. «Непрерывное образование себя науками с помощью чтения», постоянный учет приемов и средств своих, а пуще всего соседей — вот данные, при которых опасное «немогузнайство», а с ним и громадная ответственность перед родиной не будут иметь места.

Одного знания устава теперь далеко не достаточно; помимо того, что жизнь и действительность обгоняют его, следует не забывать, что «в уставах порядки писаны, а времен и случаев нет».

Немцы выиграла блестящую кампанию в 1870 году, имея Фридриховский устав. Несмотря на несвоевременность устава, тем не менее война не застала Пруссию врасплох. Ясно, что подготовка армии, выдержавшей такое славное испытание, базировалась не на уставах, а на стройной системе, отвечающей духу времени и данным оружия. Только постоянная упорная подготовка и планомерность работы могли создать такой прекрасный корпус командного состава с высокоразвитым чувством самостоятельности и взаимной выручки...

К сожалению, у нас иногда замечаются поразительные взгляды на военное дело.

Не так давно даже в печати проводилась мысль, что вся военная наука не движется дальше устава и что только знание уставных требований и форм необходимо современному офицеру.

Отсюда ведь недалеко и до требований дать устав с годными на все случаи формами. Чего легче — дать рецепты на 5-10 случаев, изучить их и пригонять, не мудрствуя лукаво.

Но вот в том-то и беда, что одиннадцатый случай как раз может оказаться непредусмотренным.

Не хочется верить, что изгоняемая Суворовым в свое время «Повариха» находит спрос и в XX веке...

Возвращаясь к затронутому вопросу, нетрудно согласиться, что постоянная теоретическая подготовка, постоянное пребывание в курсе дела, доведенная до обязанностей находчивость при бесконечно разнообразных положениях — вот пути, по которым неуклонно «следовать надлежит» каждому, кто имеет честь носить военный мундир.

Правильно поставленные тактические занятия наиболее отвечают условию успеха подготовки. <...>

Здесь должна совершаться работа другого характера: работа мысли, работа творчества и умения разбираться в самых сложных деталях обстановки...

Современные сражения раскинулись на сотни верст. Никакие уставы, как бы они совершенны ни были, не могут предвидеть тех разнообразных положений, в которых может очутиться каждая часть.

Каждое дело, как бы оно мелко ни было, всегда носит отпечаток индивидуальности и как бы ни были разнообразны решения, но если они отвечают духу обстановки и принципам военного искусства, они всегда приводят к единому результату.

Ясно, что прогресс военного дела теперь требует от начальников всех степеней не только умения выполнять уставные требования, но и знания тактики, знания современных приемов.

Постигать тайну этих приемов на опыте поздно и опасно. Если наука мирного времени требует только желаний и часов, то в военное время она уже вызывает жертвы. Нет ничего бессмысленнее бесцельно утраченной жизни!

Победа окупается не числом жертв, а сознанием идти в бой «не для борьбы, а только для победы»...

Современный бой построен на самостоятельности частных начальников. Недаром минувшую кампанию называют войной капитанов, а тактику настоящего — тактикой директив и разумной инициативы. Отсюда ясно, насколько приобретает значение ориентировка всех начальников от мала до велика в основной идее операции.

Теперь для того чтобы каждый понимал свой маневр, недостаточно распределить роли и поставить задачи каждому. Обстановка на войне капризна, «Его Величество случай» — неуловим...

Может статься, что поставленная час тому назад задача окажется несоответствующей; может статься, что целый ряд данных потребует иного выполнения, от которого выиграет общая цель, решится участь боя. <...>

В силу высказанных условий, теперь от офицера требуется при безусловном понимании своих обязанностей «смотреть дальше своей роты и батальона»...

Почему необходимо, чтобы и тактические занятия получили более широкий масштаб.

Мне скажут, какая польза решать младшему офицеру задачи на отряды больше батальона, когда его деятельность ограничена полуротой. Но ведь в каждом деле работа будет продуктивна тогда, когда понят весь сложный механизм его.

Лучшим из способов тактических занятий следует безусловно признать военную игру. Дабы привлечь к работе всех, отряды в заданиях должны быть силой не менее дивизий, так как только тогда станет понят весь сложный механизм современного боя. <...>

Сущность высказанных суждений слишком велика для нашего дела, чтобы его игнорировать, и если бы мне даже и не удалось положительно разрешить затронутый вопрос, все же я уверен, что осуществление его принадлежит недалекому будущему. Высказанные по этому поводу мнения более компетентных лиц, испытанных опытом, помогут разобраться в сложности его, и чем скорее это будет, тем лучше.

В военном деле все должно быть ясно и прочно.

В горячем стремлении современной офицерской массы к совершенствованию сомневаться нельзя... Жизнь предъявляет слишком огромные требования, чтобы оставаться инертным; мировые события слишком сложны и непредвиденны, чтобы не прислушиваться к ним...

Неудержимое стремление во всем вперед и постоянная готовность — вот единственно надежный щит вечно бодрствующей неожиданности!

Офицерская Жизнь. — 1912. — № 11 (311).

Д. Аничков

ОФИЦЕРСКИЙ ВОПРОС В СОВРЕМЕННОЙ АРМИИ

Значение офицера в современной армии более чем ясно: хорош корпус офицеров — и армия непобедима плохи офицеры — впереди новые Мукдены и Цусимы...

И вот для создания этого необходимого для армии доблестного офицерского корпуса государство не должно жалеть средств, ибо затраты эти окупятся сторицею. Наоборот, экономия тут недопустима и приведет лишь к новой катастрофе. Но как наилучшим путем использовать средства? Как и куда направить их, дабы на затраченный капитал получить наивысший процент?

Для достижения наилучших результатов, нам кажется, необходимо придерживаться следующего.

Прежде всего корпус офицеров должен быть *однороден*, дабы каждый офицер, гвардейский и армейский, служащий в строю, имел одинаковые шансы на повышение в чинах. Разделение офицеров на будущих генералов и заранее обреченных дотянуть лямку лишь до первого штаб-офицерского чина, да и то «с увольнением», в сущности, неправильно и даже теорией осуждается как система нежелательная. С постепенным переформированием юнкерских училищ в военные однородность эта, впрочем, мало-помалу достигается естественным путем.

Уменьшение числа офицеров путем расширения института подпрапорщиков, которым с успехом и могут быть переданы некоторые функции офицера без ущерба для дела (напр., гимнастика, маршировка, ружейные приемы) при обязательном условии высшего наблюдения и контроля со стороны офицера. Подпрапорщики не являются суррогатом офицерства вроде, напр., прапорщиков запаса, ибо они продолжают числиться нижними чинами и дальше фельдфебеля или взводного не могут подняться (что совершенно правильно и должно быть сохранено как необходимое условие существования этого института). Они просто «помощники офицера» и как таковые весьма полезны.

Подъем умственного и нравственного уровня офицерской среды, создание типа офицера-идеалиста, офицера-фанатика своего дела, но не узкого специалиста, а широко и всесторонне образованного офицера-гражданина в высоком смысле этого слова. Такой тип должен вырабатываться школой, в которую должны поступать исключительно «охотники», любители военного дела, серьезно им интересующиеся, способные отдать ему все свои силы, умственные и физические. Но кроме «охоты», необходимо еще нечто, а именно значительное умственное развитие, при наличии коего только и возможно идейное отношение к делу, вера в принцип и высокое чувство гражданского долга. Оба эти условия, — и любовь к военному ремеслу, и умственное развитие будущего офицера, — достижимы лишь при соблюдении третьего условия, столь же необходимого, по нашему глубокому убеждению, как и первые два. Это третье условие — поступление в военную школу не в детские годы, когда наклонности ребенка еще не определились, а в более или менее зрелом возрасте, когда среднее образование уже вполне закончено и умственное развитие юноши доведено до достаточной высоты.

Существует вполне правильное мнение, что задача средней школы — общее, отнюдь не специальное образование, развитие ума, подготовка к дальнейшему высшему или специальному образованию. Так смотрят на гимназию в министерстве народного просвещения, такая точка зрения существует и за границей. Это принцип совершенно правильный, всеми специалистами признанный за незыблемый закон, и отступать от него по меньшей мере неблагоприятно. В «эпоху великих реформ» мысль эта была понятна и отчасти осуществлена гениальным Милютиным, переименовавшим общие классы корпусов в «военные гимназии». Эти новые средние военно-учебные заведения явились тогда новыми не только по названию: в них изменена была программа, приравненная к курсу реальных училищ, в них уничтожена была та кадетская закваска, которая вместе с традиционной шагистикой должна была отойти в область преданий; в них совершенно изменился взгляд на воспитание, и мертвая поверхностная «муштра» уступила место более вдумчивому отношению воспитательского персонала к учащимся, в основу коего легли совершенно иные принципы. Словом, из казармы, с ее специфическим запахом, какой был тогдашний кадетский корпус, выработался тип учебного заведения, прекрасно обставленного и направленного на совершенно новый путь, главной целью коего было воспитание, а не вколачивание, образование,

а не бурсацкая долбня. Лучшие педагогические силы того времени привлечены были к осуществлению гениальной мысли одного из величайших сотрудников незабвенного Царя-реформатора, и плоды этого огромного труда не заставили долго себя ждать: во-первых, военные гимназии по составу преподавателей и педагогов очень скоро оказались одними из лучших в России учебными заведениями, а во-вторых, как ближайшее следствие, в армии, обновленной духом и мыслью, совершенно исчез исторический тип Скалозуба.

Но неправильная для дела воспитания и образования точка зрения, что будущих офицеров необходимо воспитывать в исключительно военном режиме с детских лет, скоро вновь возторжествовала и в конце концов привела к уничтожению детища графа Милютина, военных гимназий, и к возвращению, если не совсем к прежнему типу кадетских корпусов, то, во всяком случае, к типу, близко с ним схожему. В новых корпусах, сохранивших, правда, свою программу средней школы, гражданский элемент специалистов воспитателей-педагогов снова был вытеснен и заменен строевыми офицерами без всякой педагогической подготовки. Снова усилена строевая муштра в ущерб умственному и духовному развитию и воспитанию. Грубость, чересчур высокий тон заступили место добрых, гуманных отношений, существовавших в гимназиях между воспитанниками и их руководителями. Подтянуть военно-учебные заведения, якобы до того чересчур распущенные, стало ближайшей целью нового времени. Общая реакционная волна тогдашней политики коснулась и ведомства военно-учебных заведений. Гуманный Милютин, широко образованный и дальновидный государственный деятель, сошел со сцены, и плоды трудов его завяли...

Прошло около четверти века, первый экзамен новой системы, только что пережитая нами маньчжурская эпопея, сдан неудовлетворительно. Русский офицер, как будто бы подтянутый (только как будто бы), но в действительности неподтянутый, военный по внешности, но не по внутреннему содержанию, не выдержал этого экзамена, еще раз доказав всему свету глубокое значение исторического «школьного учителя», т.е. умственного развития солдата вообще, а офицера, его воспитателя и руководителя, в особенности.

Вполне сочувствуя стремлению привести все военные училища к одному типу и уничтожению юнкерских училищ, мы все же не можем считать эту реформу окончательной. По нашему глубокому убеждению, контингент молодежи, поступающей в военные училища, тогда только будет вполне соответствовать своему назначению, когда средняя школа, их подготовляющая, будет на высоте своего призвания, выпуская своих питомцев не только с известным багажом положенных по программе знаний, но и со значительным умственным развитием и, главное, *с любовью к книге*. А это умственное развитие, эта любовь к книге, в стенах кадетского корпуса обособленного, увы, возможны лишь с большим трудом. Там, где мало уважения к книге, мало стремления читать запоем, там не может быть широкого развития, и развитие, интеллигентные мальчики являются в такой среде в меньшинстве. Вымуштрованный по-солдатски кадет в настоящее время анахронизм. Теперь нужно нечто иное: пусть в задумчивых глазах юноши, будущего офицера, светится светлая мысль, пусть сверкает в них твердая, непоколебимая решимость посвятить себя служению Родине, всей душой и сердцем отдаться высокой идее самопожертвования на пользу и славу Отчизны!

Вера в идею, в принцип, высокоразвитое чувство долга — вот те гражданские доблести, которые предъявляются современному офицеру. Твердое знание службы, твердая дисциплина, справедливость к подчиненным и *постоянное изучение военного искусства* — его обязанности как офицера-воина. Первое достигается путем *гражданского* воспитания в средней школе, *которая должна быть единая, общая, не исключительно военная*. Второе — назначение специально-военной школы, военного училища. Это второе, т.е. техническое образование, должно начинаться лишь в зрелом возрасте, по окончании средней школы, и должно продолжаться не менее трех лет, срока вполне достаточного не только для образования, но и для воспитания будущего офицера в духе строгой дисциплины и преданности своему долгу до самозабвения.

Отсюда вывод: *кадетские корпуса как среднеучебные заведения должны быть реформированы*, и все внимание государства должно быть обращено на создание рациональной общегражданской средней школы с правильно поставленной системой нравственного и физического воспитания.

В заключение настоящей заметки не могу не привести высокопоучительных слов, высказанных князем де Линь:

«Если ты не мечтаешь о военных обязанностях, если ты не поглощаешь книг о войне и карт полей сражений, если ты не целуешь следов старых солдат, не плачешь, слушая повествования об их борьбе, не умираешь от томления, чтобы увидеть что-нибудь

подобное, и от стыда, что ты этого не видел, хотя это не твоя вина, то поскорее сбрось с себя мундир, который ты позоришь. Если мысль участвовать хотя бы в одном сражении не восхищает тебя, если ты не чувствуешь влечения участвовать повсюду, где разгорается бой, если ты рассеян, если ты не дрожишь при мысли о том, что дождь может помешать маневрам твоего полка, — так уступи свое место другому молодому человеку, который именно таков, каким я его хотел видеть».

Если ты не любишь военного дела до фанатизма, прибавим мы от себя, если ты можешь каждую данную минуту переменить свою службу на любую другую, лишь бы получить больше жалованья, то уходи скорее: ты не должен быть офицером.

Офицерская Жизнь. — 1908. — № 141.

Я. Краснов

ЧЕГО ВОЙСКА ОЖИДАЮТ И ЧЕГО ЖЕЛАЮТ ОТ МОЛОДЫХ ОФИЦЕРОВ

Чего желает, чего хочет армия от своей офицерской молодежи?

Прежде всего — *любви к тяжелому, однообразному труду военной службы, любви к своему делу, любви и понимания*. Любовь к солдату, понимание военного дела уничтожат все преграды. Любящий военное ремесло офицер быстро изучит его, быстро отыщет то, чего не дала или не успела дать ему школа. Ремесло... Я нарочно сказал военное ремесло, потому что нашу доблестную молодежь и упрекают именно в том, что она не знает своего ремесла. Любовь к строевому военному делу? Но откуда получишь ее, откуда, из какой книги, какого учебника почерпнешь ее?

Живой пример офицера-воспитателя, командира роты, батальона или эскадрона, его смелая, вдохновенная речь, его обожание военного дела — вот откуда — если почва для этого благодарная — зародиться может эта любовь к тяжелому ремеслу солдата. Если офицер-воспитатель будет хныкать, будет жаловаться на судьбу, на тяжесть службы, на то, что все ему надоело, что все это ни к чему, то и юнкер научится тому же. Я уже писал относительно казаков, а теперь повторю вообще для всех училищ, что подбор в них офицеров и особенно командиров должен быть особенный — это лучшие из лучших. Бодростью, жизнерадостною энергией, победною любовью к полю и полевому военному делу они должны дышать. Нечего и говорить, что все они должны быть из числа прошедших великую школу войны (без этого у них не будет необходимого авторитета), но это должны быть отличные стрелки, ходоки, наездники, прекрасные ораторы, обладающие священным огнем красноречия. Они должны быть благоговейно преданы Государю и Его Семье, быть влюблены в Россию и действительно готовы за них каждую минуту отдать жизнь... Они, только такие офицеры, способны зажечь любовь к военному ремеслу и дать в строй не офицеров-нытиков, говорящих о том, что правительство плохо оплачивает труд офицера, что военная служба невыгодна, что в строю нет карьеры и т.п., но честных и усердных работников.

Итак, первое, что нужно, это то, чтобы там, где готовят мастеров военного дела, их готовили самые лучшие, одаренные свыше, талантливые офицеры. Талант, как Божий дар, тем и дорог, что он способен заражать окружающих, влиять на них, как бы крупинками передаваться им.

Самое важное — *люди*, потом — *программа и учебники*. Жалуются на молодых офицеров, что у них сердце не затронуто воинским воспитанием, а между тем наше дело пахнет не только кровью, но требует особой моральной стойкости. Эту стойкость могут передать только люди, отмеченные особенной искрой Божией; таких людей нужно выискивать и находить для училищ.

Теперь посмотрим, чему должен быть научен молодой офицер. Уже из предпочтения в армии офицеров из юнкерских училищ офицерам, окончившим курс военных училищ, мы видим, что войска предпочитают, чтобы офицеры меньшему обучались, но зато знали бы назубок и умели передать в простой форме то, чему их научили. Знали всегда. Сколько раз приходилось видеть, что молодой офицер, только что с апломбом оспаривавший старшего в собрании, краснел и мялся перед строем солдат, не зная, что делать, с чего начать, как приступить к занятиям. Как часто мы месяцами маршируем под барабан или делаем ружейные приемы только потому, что такие занятия не обременяют голову, между тем как занятия сторожевой и особенно разведывательной службой требуют выбрать место, обдумать толково задачу и умело провести ее, а для молодого офицера часто легче решить задачу на плане на наступление целого корпуса, нежели на местности руководить взводом.

Для того чтобы этого не было, в училище должны быть обстоятельно пройдены: 1. Полевой и гарнизонный уставы. Не только выучены, но усвоены практически, для чего юнкера должны в течение прохождения курса быть по несколько раз начальниками постов и застав, а по гарнизонному уставу — караульным начальником, караульным унтер-офицером и разводящим. Служба юнкерской заставы должна быть доведена до 2-х суток и состоять не из лежания на траве, а из интенсивной работы (съёмка местности кругом заставы, выбор оборонительной позиции, пути отступления, посылка дозоров, объяснение дозорам их обязанностей и так далее; корм лошадей, водопой, варка

пищи и пр.). Я не буду останавливаться на подробностях — они сами выяснятся, раз полевая служба не будет поставлена, как пикник на солнышке; 2. Войска желают иметь офицеров, знающих телеграфное, гелиографное и т.п. дело до полевого беспроволочного телеграфа и телефона включительно и знающих хорошо подрывное дело на практике; 3. Войска недовольны тем, что редкий офицер может скоро и ясно составить простое донесение, в котором толково ответит на вопросы: *кто* (сколько рот, эскадронов, орудий), *где* и *что делает* (движется, стоит на позиции, на биваке), приложив к этому ясные кроки и перспективный вид; 4. Войска недовольны тем, что молодому офицеру (особенно в кавалерии и у казаков) нельзя поручить повести стрелковое дело. Были случаи, когда офицер совсем не знал постепенности приготовительных к стрельбе упражнений, не знал сборки и разборки винтовки, не умел объяснить назначения той или другой части винтовки, мало того — цинично уверял, что «все это — ерунда» и что для того, чтобы хорошо стрелять, надо иметь способности с детства. Один молодой драгун, офицер полка, бывшего раньше гусарским, говорил нижним чинам, что чем кавалерия хуже стреляет — тем лучше, потому что «мы де — гусары...» Это уже упрек серьезный; 5. Войска жалуются на то, что редкий молодой офицер умеет произвести дознание. Служба его в этом отношении начинается с урока старшего офицера; между тем, казалось бы, училище могло бы научить этому несложному делу и вывести молодого офицера на первых же шагах службы из необходимости обращаться за помощью и советом; 6. Слышал я заявления, что многие молодые офицеры неискусны разбираться по трехверстной карте и даже не могут по ней ориентироваться. Это объясняется тем, что в училищах вообще мало карт, а если на маневрах юнкера и видят карту, то это знаменитую «зеленку», годную только для Петербургской губернии; 7. Кавалерия и, что странно, казаки не раз говорили мне, что молодежь предпочитает класс полю, а в поле теряется. Как мало у нас среди молодежи охотников! На состязаниях в Михайловском манеже и на ипподромах Красного Села и Тяглина уже лет пять совершенно отсутствуют казаки... Когда-то они были первыми инициаторами скачек; 8. Старые командиры полков говорили мне, что на планах молодой офицер умеет ворочать корпусом, но не знает, как повести разезд; 9. Молодой офицер не умеет ковать лошадь, чистить ее, не знает, как помочь в простейших случаях заболевания (колики, наминки, ушиб, растяжения, засечка), не умеет собрать и уложить солдатское или казачье седло и вьюк; 10. Редкий молодой офицер умеет ясно и картинно рассказать нижним чинам о явлениях природы, о громе и молнии, о виде земли, о том, что такое электричество, как устраиваются железные дороги, — словом, ответить на те простые вопросы, которые постоянно возникают в солдатском мозгу и ответом на которые офицер поднял бы себя в солдатской среде, стал бы выше их, заинтересовал бы, словом, показал бы — что он начальник по праву; 11. В некоторых отделах обучения молодые офицеры грешат неправильной выучкой. Например, один офицер при обучении фехтованию учит наносить удары с кисти, другой — с локтя, третий — с плеча. При обучении езде один вводит жокейство: ногу, забранную в стремя, короткие стремяна, согнутую поясницу; другой выламывает людям поясницу, требует преувеличенной оттяжки в каблуке — какой сумбур появится в голове у нижних чинов при таком обучении, когда сегодня их учат одному, завтра другому и всякий требует свое; 12. Казаки говорили мне, что молодые офицеры совершенно не ознакомлены с тем, чему учить молодого казака, чему — старослужащего, разведчика, конносапера и казака учебной команды, а потому всякое обучение молодым офицером сводится, в зависимости от темперамента, или к манежной езде (справа по одному на две лошади дистанции шагом), или к проскачке с рубкой и джигитовкой.

Все это приводит к тому, что молодому офицеру иногда целый год приходится расспрашивать, ко всему приравниваться, учиться, а не учить.

Между тем теперь, при разброске эскадронов и сотен по деревням, часто молодому офицеру, оставшемуся в единственном числе, не у кого учиться. И приходится вести занятия кое-как.

Я пишу все это не в упрек молодежи или училищам — Боже сохрани, но для того чтобы показать, чего ожидают войска от училищ.

И заканчивая беглый обзор всего слышанного и подмеченного мною в годы скитаний моих, я снова повторяю, что самое важное для успеха нашего святого военного дела — это любовь к нему, любовь до самозабвения, до самоотречения. Будет эта любовь, и молодой офицер всему научится, все преодолет.

Русский Инвалид. — 1907. — № 101.

Н. Португалов

ЭТИКА ОФИЦЕРА

В моей Империи должны бодрствовать:
священник, доктор и Я.

Николай I

Если принято считать, что половина или даже три четверти успеха военной или военно-морской силы зависит от личного состава, то нет никакого сомнения в том, что суть силы и успеха личного состава более чем на три четверти заключается в офицерах от самых низших до наивысших рангов. Поэтому ясно, что они должны составлять для нации самую дорогую и почитаемую часть армии или флота, если, конечно, они заслуживают уважения не только своим отличным знанием службы, но и поведением как в военное, так и в мирное время. И если они действительно мастера своего дела, равно носители настоящих рыцарских традиций, то все остальные граждане должны их особенно почитать как людей, каждую минуту готовых принести в жертву свою жизнь за родину, иначе говоря, — для защиты тех же граждан.

Имя офицера так же высоко, как доктора или священника, так как его обязанности для государства, да и для отдельных граждан, не менее важны, чем обязанности врачей, телесного и духовного. Вследствие этого офицеры всегда и везде должны себя держать с достоинством, но без заносчивости, памятуя, что они служат не только Государю, но и народу, главою которого является Государь.

Офицер должен помнить, что не только перед нижними чинами или его начальством, но в присутствии кого бы то ни было, он ни в каком случае не может себе позволить быть в нетрезвом, даже слегка, виде, в неряшливо содержащейся одежде, в ажитированном состоянии.

Высота занимаемого им поста и святость присяги обязывают офицера вести такую жизнь, чтобы он мог до самого своего ухода в отставку быть пригодным и морально, и физически исполнить свое назначение. Поэтому он не имеет права предаваться страстям, в большинстве случаев действующим пагубно. Этим мы вовсе не хотим сказать, что офицер не должен иметь все те потребности, которые имеют остальные граждане. Нет, это было бы и насилием, да и не было бы исполнимым. Наоборот. Офицер — не отшельник, не мальчик и не институтка, а взрослый и полноправный человек. Значит, следует только знать границу.

Так, если он пьет, то не должен пить до неприличия; если играет в карты, то не должен зарываться в игру настолько, чтобы это могло вредно отзываться на его бюджете, в виде долгов; если позволяет себе некоторые удовольствия неплатонического характера, то должен делать это так, чтобы оно не имело формы разврата, а лишь удовлетворения присущей каждому человеку естественной потребности.

Мы не думаем, чтобы вести себя так было очень трудно, так как ведь это не более чем общепринятые правила с тем лишь, что офицеры их должны соблюдать более точно, чем кто-либо другой. Даже если допустить, что исполнение этих правил все же представляет собою нечто не столь уж легкое, то, повторяем, это компенсируется тем почетом, которым должно пользоваться звание офицера среди остальных. Мало того, если офицер ведет себя так, то он становится неприкосновенным, и каждое покушение не только на его жизнь или честь, но и, вообще, на оскорбление его должно караться особенно строгим образом. Такой офицер, если бы ему пришлось защищать свою честь оружием, не только не должен подвергаться наказанию за это, но, наоборот, должен быть награжден. И если такой закон будет издан, то он многих штатских людей удержит от покушений на оскорбление офицера, так как эти люди будут знать, что на такое покушение со стороны офицера немедленно последует отпор, до убийства оскорбителя включительно.

Если же офицер ведет себя не так, как следует, то он должен быть беспощадно уволен от службы, так как предосудительное его поведение в мирное время есть верный залог того, что в военное, то есть тогда именно, когда понадобится полное напряжение его сил, он будет не пригоден к службе. Действительно, бывающий в нетрезвом виде, в ажитированном состоянии (скандалист),

поглощенный картежной игрой, растративший здоровье в бессонных ночах пьянства и разврата, куда он будет годен в военное время, как не в госпиталь?

Нам кажется, что император Николай I в своем изречении, поставленном эпитафией к настоящей статье, в словах «и Я» подразумевал «и армия с ее верховным вождем, то есть офицерство», так как ведь каждый государь есть первый офицер русской армии.

Из всех армий мира офицерский корпус поставлен во всех отношениях лучше в германской, где офицеры не только являются великими мастерами своего дела, но и примерными гражданами, ведущими себя в большинстве безукоризненно.

Наше офицерство, и сухопутное и морское, ведет себя тоже хорошо, но все-таки славянская экспансивность часто мешает безукоризненному поведению даже весьма знающим свое дело офицерам. Пусть наша статья им напомнит, что отечество готово глубоко уважать и любить своих офицеров, но требует, чтобы они заслужили такую любовь. И мы верим, что так и будет.

Офицерская Жизнь. — 1909. — № 209.

А. Толстой

ЖИЗНЕННЫЕ ЗАДАЧИ РУССКОГО ОФИЦЕРА

Жизнь людей и народов на земле — никак не любовь и не самопожертвование, никак не служение друг другу, а вечное состязание, и ни с какой точки зрения ее нельзя принимать иначе. Раз это так, важно уяснить, какой же должна быть борьба людей и государств на земном шаре, для того чтобы она была плодотворной, и какой ее конечный смысл. Прежде всего всякая борьба должна быть разумной. Разумные существа, люди, борясь за все лучшее для себя как в социальной, так и в государственной форме, должны и могут бороться за него только тогда, когда уверены в своей правоте, уверены в том, что они борются за благое, правое и лучшее, а не за злое, ложное и худшее.

Отсюда возникает вечный вопрос, что же добро и что зло, и что считать их критерием.

У человека и народа есть только один критерий этого — это их разум. Поэтому только один разум как отдаленного человека, так и государства, может правильно разрешать вопрос, что добро и что зло в их жизни и сообразно с этим бороться за благое против злого.

За последнее время спутанный, взволнованный множеством влияний разум русского человека и русского государства помрачился. Он уже не мыслит ясно, справедливо и едино. Он полон противоречий и заблуждений, он весь под влиянием страстей, он болен. Только часть русского общества и народа еще сохранила здоровье разума. По всем признакам, этого здоровья осталось больше всего у половины русского неиспорченного крестьянства и русской армии, представительницы силы государства. Русское деревенское крестьянство и русская армия еще ясно понимают, что разумно для их блага и существования, и сознательно борются за это. Но даже если в этой борьбе русская армия останется одна, то и в этом случае она может и должна выйти победительницей из настоящей смуты и снова поставить страну на надлежащий ей путь.

Важное значение русского воинства вообще и русского офицерства в частности отсюда очевидно. Они призваны охранять как интересы русского общества, так и русского государства. В социальной борьбе военное сословие призвано защищать то, что благо, что разумно для развития общества, в государственной — то, что благо и разумно для развития государства. Во всех культурных странах армия сознательно исполняет это свое великое назначение, и чем выше и сознательнее эта армия, тем легче и правильнее она обеспечивает своему государству естественное и спокойное развитие.

Из этого само собой вытекает определение призвания офицерства. Офицерство призвано защищать благо известной страны и народа через служение армии.

Оно должно быть на своем посту сознательным слугой и должно пользоваться уважением и доверием своей страны и своего народа.

Несмотря на то, что это аксиома, вытекающая из самой правды жизни, у нас, в России, она еще не признана таковой, и хотя одной только своей армии обязан русский народ своим существованием и спасением, он не только не понимает этого, но, как истинный невежда и варвар, не уважает и не доверяет своей армии и даже иногда обвиняет ее за все свои несчастья.

При таких условиях понятно, что русской армии, всему русскому воинству и, в частности, русскому офицерству труднее, чем где-либо, радостно и легко исполнять свой долг.

Но приходит время, когда русское общество и русский народ должны будут переменить свой взгляд на эти вопросы и сознание того, что военные — самые важные, самые почетные, самые нужные в стране люди, должно будет сделаться всеобщим. И для того чтобы они действительно стали такими, русскому солдату и русскому офицеру надо самим приложить все усилия к тому, чтобы заслужить необходимое доверие и уважение своего общества и своего народа.

Не нужно говорить в наше время, какими средствами и путями человек может достичь всякого развития, необходимого для того, чтобы стать сильным и уважаемым. Всякий знает, что мешает этому и что этому способствует.

Прописная мораль скучна, и потому я не буду долго останавливаться на справедливости того, что всякие добродетели необходимы офицеру. Эти добродетели, как, например, трезвость, умеренность в пище, доброе расположение духа, любовь к труду, работоспособность, энергия и здоровье как

следствие их и так далее, не суть добродетели в наши дни, а только необходимые условия поведения всякого культурного человека, желающего плодотворно работать и прожить свою жизнь.

Офицер как образец для солдата, как его учитель и воспитатель, понятно, не может иначе вести себя, если он хочет стоять на высоте своего призвания.

Чтобы быть кратким, скажу, что самосовершенствование или самовоспитание офицера, как и всякого человека, должно выражаться в трех главных областях: физической, умственной и духовной, одинаково необходимых для его движения вперед.

Офицер должен быть примером не только физического здоровья, ловкости, выносливости и силы, не только умственного развития и знаний, но и духовных *качеств*, и офицерский мундир должен быть синонимом не человека грубого, бесшабашного, невежественного, невоспитанного, а синонимом порядочности во всех отношениях: воспитанности, просвещенности, чистоты, утонченности и вместе с тем всяческой силы и мужества.

Вот основы. Они ясны, и без них офицер не может ни сам плодотворно исполнять свои обязанности, ни быть образцом для солдата, ни снискать его уважения. Это уважение должно быть естественным со стороны солдата, а не исходить только из долга дисциплины. Без него не получится в армии того единого, мощного духа, о котором так хлопчут на войне и в мире, без чего в свою очередь не явится истинного уважения и доверия народа к войску.

Если в высшей степени важно, чтобы сам офицер стал культурным, сильным человеком и был, таким образом, уже одним своим примером руководителем солдата, то еще гораздо важнее призвание и деятельность офицера как учителя и воспитателя армии. Солдату надо прежде всего узнать, что он такое, зачем он призван; сначала надо выучиться обладать стойким, *мужественным характером, сильной волей и собственной инициативой*, а потом уже учиться той науке и тем знаниям, какие ему необходимы. Этому выучить солдата может и обязан только офицер... Поэтому солдатское воспитание должно быть всей жизнью офицера. Он должен не только вникать подробно и внимательно в солдатский обиход, не только стремиться всячески одухотворять и осмысливать казарменную обстановку, но и сделать ее радостной и счастливой. Он должен не только тесно общаться с солдатом, но и искренно его любить.

Солдат и офицер — члены одного и того же великого тела — армии, и хотя солдат стоит ниже офицера по своему служебному положению, но как люди и граждане, они равны, и это должен чувствовать офицер и давать это чувствовать солдату.

Тот плохой офицер, кто ставит себя на недосыгаемую для солдата высоту и всячески его чуждает. Такого офицера солдаты любить не могут и никогда не будут. Напротив, тот офицер, кто с первых же дней своего вступления в часть прежде всего думает о том, как бы войти в доброе, сердечное и близкое отношение со всеми, как с товарищами, так особенно с подчиненными, тот сразу ставит себя в настоящее, самое счастливое положение.

Важно помнить об этих простых вещах, говоря об офицере как о воспитателе армии. Дорого помнить мелочи жизни, из которых составляется важное.

Без любви, без истинной порядочности, правды в мелочах, офицер не может быть хорошим офицером в делах крупных. Офицер, не сознающий своих первейших жизненных задач, — не слуга армии, а ее злейший враг. Напротив, тот, кто любит подчиненных, служит им всеми силами, может и должен сделать из них мужественных и просвещенных граждан и людей.

Сам совершенствуясь, он непременно будет улучшать других; сам уважая и любя людей, он заставит и других делать то же; сам двигаясь вперед, он поведет других за собой. Если офицер сознательно и с любовью будет развивать свои и солдатские способности, веря важности своего назначения, бесконечное поприще радостного труда откроется перед ним, потому что это поприще захватывает чуть ли не все области человеческой жизни.

Просвещенный офицер отлично понимает, что лучших, более разумных форм жизни на земле можно достигнуть не уничтожением культуры, не отрицанием ее, а ее утверждением и совершенствованием, как бы ни была бедна и молода эта культура, как, например, русская. Он знает, что лучшее, разумнейшее на земле достигается не апатией и неделанием, не отдачей себя под власть первого попавшегося врага, а энергией и деятельностью, борьбой и победой сильнейших и разумнейших над слабейшими и неразумнейшими. Он знает, что сила и счастье на земле достигаются постепенным выяснением того, что составляет эту высшую силу и это высшее счастье, путем борьбы и мужества, а не смерти, уничтожения или малодушия отдельного человека или целого народа; что

жизнь людей может быть доведена путем победы доброго над злым, сильного над слабым, разумного над безумным до бесконечного развития и счастья.

Он понимает потому, что тот народ принесет человечеству высшую сумму блага, который выкажет наибольшую силу, стойкость, мужество и жизнеспособность, духовно, умственно и физически. Тот же народ, который выкажет бессилие, погибнет, не оставив в мире следа.

Я не верю в то, что русскому народу и России суждено погибнуть. Я верю в обратное, несмотря ни на что...

Заканчивая эту статью, кратко повторю русскому офицеру, искренно и правдиво, то, что мне хотелось сказать ему от души:

Верьте, русский офицер, в великое ваше призвание. Не сомневайтесь в его величии, потому что всякое сомнение — начало гибели. Вы призваны служить благу России через армию и через служение и воспитание ее, благу всего мира, если вы любите вашу страну и верите в нее и в себя. Вы, как и всякий другой человек, — борец со злом, насколько разум ваш отличает доброе от злого, и поэтому боритесь, а не прозябайте в бездействии. Ваша деятельность как учителя и воспитателя солдата полна глубокого смысла и радостного значения. Поэтому живите радостно, мужественно и напряженно, развивая себя и других, помня всегда конечную вашу высокую цель — благо России и через нее мира.

Будьте сильны духом, умом и телом, развивайте вашу волю, развивайте дух и волю всей русской армии, выразительницы силы народной.

Пусть будет разумная, честная борьба людей на земле. Пусть будут войны, великие кровопролитные войны, если они будут борьбой лучшего с худшим, добра со злом, разума с безумием! Боритесь в этих войнах за высшее, за разумнейшее, сильнейшее, лучшее, за все святое, русское, за русские богатейшие земли, подобных которым нет на свете, за русского даровитого человека, за русские нравы, за русскую литературу, искусство, торговлю, промышленность, науку, музыку, за светлое будущее всей русской культуры и не уступайте ее никому! Победят вас, снова беритесь за оружие, пока не победите!

Ради всяческих побед, ради счастья, ради силы, ради России стоит жить, стоит работать, стоит служить, стоит совершенствоваться и совершенствовать, и только ради этого. Все остальное — не реальные жизненные цели, а заоблачные мечты.

Русский Инвалид. — 1907. — № 13.

М. Меньшиков

ОФИЦЕРЫ — ДУША АРМИИ

Бегство офицеров из армии необходимо остановить: сказать страшно, до какой степени увеличились местами некомплекты. В то время как в адской войне последней офицеры гибли тысячами — и не бежали — сейчас, в мирное время, они бегут от каких-то условий хуже шимоз и пулеметов. Вытаскивает из армии не физическая, а нравственная сила, как и притягивает — она же. Измените *психологические* условия офицерской службы — и бегство остановится. Сделайте службу интересной — и бегство остановится. Отодвиньте позор войны и верните почет, сделайте так, чтобы офицер не краснел в обществе и не чувствовал себя неловко даже в своем кругу — и бегство остановится. Как это сделать? Конечно, панацеей всех военных бед была бы блестящая, победоносная война, но о ней не станем говорить. Будем, если можем, втайне готовиться к ней всеми силами, всей жаждой духа, сделаем ее мечтой хотя бы нескольких поколений, но пока не станем говорить о ней. Есть средства не столь волшебные, как победа, но все же очень серьезные, чтобы удержать армию от развала. Ибо бегство офицеров — ведь это мирная паника, дезорганизация, деморализация всей колоссальной народной силы, что называется армией.

Первое, нужно поставить во главе армии, на посту министра героя, военного генерала, а не штатского. Тут решительно необходимо знаменитое имя, уважаемое, если не обожаемое, всей армией. Явись сейчас Скобелев (допустим чудо), с ним вернулась бы потерянная надежда, с ним взойшло бы закатившееся солнце веры в себя. Увы, не сумели уберечь великого человека. Но хоть и несчастная война — все-таки она выдвинула ряд блестящих талантов или, по крайней мере, блестящих кандидатур на славу. В растерянном, злосчастном обществе нашем все время идут слухи и толки: «Слышали? Говорят, Зарубаева назначают в министры». Или: «Есть слухи, что Гершельман приехал». Или: «Что же Мищенко? Ничего не слышать о нем?» и пр. В бессвязных толках и спорах здесь, внизу, под олимпийскими тучами, чувствуется верный инстинкт народный, *vox populi*. Народ и общество *хотят* большого человека на большом месте. Хотят такого, которому каждый солдат от всего сердца отдал бы военную честь. Хотят представителя *славы* народной — *героя*.

Невидимое и неведомое, но какое чудесное это могущество — слава! Как тяготение, влекущее темные тела к солнцам, слава немногих притягивает к себе бесчисленные массы. Не только военные, но и все люди во все времена требуют авторитета, моральной власти, требуют блестящих точек, которые повергали бы в гипноз. На чем же основано самое существо власти, как не на очаровании? Чем иным может быть связана буйная воля народов, как не добровольным подчинением некоторым исключительным людям, над челом которых вспыхнул огненный язык славы? <...>

Итак, появление какого-нибудь знаменитого генерала во главе войск есть первая спасительная мера, чтобы остановить расстройство армии. Г-н Редигер, как говорят, почтенный человек, но во всех отношениях незначительный. Никогда, ни при каких условиях он не обещает быть знаменитым, ибо вся карьера его в его возрасте выяснилась. Не боевой генерал, как он может быть вождем героев? Почти «не нюхавший пороха», не переиспытывавший великих страстей под громом и хохотом смерти, что такое г. Редигер со своими профессорскими лекциями, ведомостями, штатами, квитанциями etc, etc? У него, мне кажется, не может быть *военной души*, как не может быть у моряка морской души, если он не плавал достаточное время в морях, не переживал океанской трепки. Все почтенные познания г. Редигера книжны. Как свеча на солнце, они мгновенно обращаются из света в тень, они бледнеют перед образованностью боевого опыта, совсем особого. Кому, скажите по правде, *интересны* ведомости и штаты г. Редигера? Пусть они совершенно необходимы, и кто-то, какой-то чиновник, должен этим заниматься. Но сила армии, сила духа — в интересном, а интересное есть талант, героизм, легенда, слава! Именно в мирное время, когда слагается сила войск, необходимо, чтобы первое место в армии занимал *интересный* человек. Ибо только такой в состоянии всех заинтересовать своим призванием, притянуть и вовлечь в службу обширный круг подчиненных лиц. <...>

Чтобы остановить бегство офицеров из армии, необходима целая система мер, настойчиво проведенная. Но прежде всего из армии следует изгнать тот нейтралитет к России. Равнодушная

армия умирает как армия. Как равнодушный оркестр уже не есть оркестр, заслуживающий этого имени, так и дружина воинов, утратившая интерес к войне: ни в каком случае это не войско. Для восстановления нашей поникшей армии — как и флота — нужно выдвинуть одушевленных Русских людей, людей-патриотов, которые сумели бы внести с собой утерянное теперь чувство любви к отечеству и народной гордости. <...>

* * *

Знавал я до войны одного героя еще китайской войны, артиллериста. Милый и храбрый был человек, немножко философ. На войне он выдержал всю осаду в Порт-Артуре, стрелял с Золотой горы, таскал пушки на Ляотешань и затем высидел мучительный японский плен. Вернулся — решил в отставку выйти. Я ему говорю: «Вы — преступник, вы уходите из армии, когда она так нуждается в боевых людях. У вас огромный опыт, у вас сложилась психология современного вояки. Вы обстреляны, обкурены дымом, вот как трубка из пенки, хорошо обкуренная. На что же другое вы годитесь? Решительно ни на что. Вы офицер и только офицер, и хотеть быть чем-то другим в ваши годы — измена себе и отечеству». На это мой капитан упорно махал головой, горько усмехался и долбил одно: «Не могу, уйду. Какой я офицер? Какие мы офицеры?» и затем очень плохо пересказывал те несообразные вещи о войне, что хорошо сказаны у Толстого. Из экономии, в расчете на грошовую пенсию (что-то 15 руб. в месяц) капитан стал приучать себя к какому-то изобретенному им пищевому режиму. Ел одно молоко или одни яйца. Собирался ехать в деревню, наконец остановился... на чулочной машинке. Да, представьте. Защитник Порт-Артура кончил тем, что вяжет на машине чулки, отбивая хлеб у несчастных старух-богаделенок. А может быть уж и машинку бросил — я потерял его из вида.

Великой армии допустить разбить себя без отмщения, без победы — это такая психологическая катастрофа, последствия которой оценить невозможно. Почти двести лет со времен Петра мы наводили трепет на два материка, разрушали царства и вдруг всей громадой шлепнулись об отдаленный, столь незначительный народ... Вот когда наступила паника в армии — после Портсмутского мира. Пока мир еще не был заключен, держалась вера в себя. Смертельная необходимость обязывала тянуться из всех сил и идти в огонь. А страшны люди, идущие умирать! Нашей армии, изумленной поражениями, оставалось еще будущее — мир его отнял. Мир обрек армию на одно прошлое, от которого некуда уйти и которое нельзя забыть. Какую самоубийственную ошибку, хуже всякого преступления, делает большой народ, не исчерпав сил для борьбы! В какое жалкое разложение духа и тела он впадает, в какое низкое сумасшествие страха!

Чтобы остановить бегство из армии ее души — офицерского состава — я уже писал, что нужно сделать. Нужен голос героя, чтобы остановить бегущих. Необходим во главе армии боевой, знаменитый генерал, в которого, как в знамя, верили бы, не рассуждая. Нужен человек-символ. Затем нужна геркулесова работа в конюшнях царя Авгия. Нужна строгая, тщательная чистка военных учреждений, вероятно, такая же, как и в морском, насквозь прогнившем ведомстве. И из всех учреждений прежде всего следует преобразовать два: Генеральный штаб (с его источником на Суворовской улице) и гвардию. Глубоко несправедливые привилегии офицеров этих частей давно вносят нарастающее недовольство, скажу точнее, глухое озлобление в офицерство остальной армии, и заставляют его бежать из службы. Не одна, конечно, эта причина, но она одна из главных. <...>

Военная школа у нас выше гражданской, но и она до такой степени ужасающе плоха, что одною ею можно было бы объяснить разгром армии и государства... Буква книги засушила дух, заморозила его, заморила, и нигде это жалкое книжничество не наделало столько бед, как в источнике военной власти — высшей военной школе.

Не будем говорить об исключениях — важно правило. Жестокое же для армии и для всего государства правило в том, что у нас нет военной академии, совершенствующей военное дело. Есть военная академия, портящая это дело, прививающая офицерству не военное образование, а военную отсталость. Всего опаснее то, что вот таких отвыкших от строя книжников, нервнослабых, неуравновешенных, разучившихся военному искусству, вынесенному даже из средних школ, назначают начальниками их товарищей, сажают на головы строевикам, которые обречены в мирное время оплачивать невежество военных карьеристов своею судьбой, а во время войны — своею кровью.

Вот одна из главных причин бегства офицеров из армии. Когда все перестроилось наоборот, когда худшие ставятся выше лучших, — может ли примириться с этим живая часть офицерства? Не будучи в силах изменить тяжелые условия, бегут от них.

<...> О народном пьянстве гремят речи с парламентской трибуны. Правительство вносит новые ограничительные законы против пьянства. Но есть еще круг общества, прикосновенный к этой государственной язве нашей, и круг самый ответственный. Это аристократия и лучший цвет ее — петербургское офицерство. Напрасно думают люди высшего круга, что их частная жизнь есть только частная жизнь. К сожалению, вообще нет сословий негосударственных и нет поступков, которые не имели бы влияния на жизнь общества. Что бы ни кричали о равенстве, и теперь, как в древности, наверху общества стоит аристократия, как бы она ни называлась; у нас, как и везде, есть класс общества, роль которого представлять народ, предводительствовать ему, давать пример. Просвещение народу дает вовсе не школа, а лишь непосредственное созерцание того, как живут и что думают лучшие люди. Народ совершенствуется подражанием тому сословию, в котором предполагает благородство. Народ хочет быть лучше, но не знает, что лучше и что хуже. Аристократизм служит живым образцом, как бы палатою мер и весов, и в области не только вкуса, но и вообще всех моральных ценностей. Великая аристократия непременно делает великим и весь народ. Герои создают героическое настроение. Но горе тем, через которых приходит соблазн! Горе аристократии, если она забывает свое высокое призвание — быть светом миру и солью земли...

В высшем классе наиболее ответственный пост занимает офицерство. Сколько бы, повторяю, ни кричали о гражданском равенстве, все понимают, что офицер в каком-то важном отношении выше обыкновенного гражданина. Офицер ведь тоже гражданин, но сверх того избранный, облеченный особым, мистически-страшным долгом. Разве всякий обыватель готов умереть за отечество? Далеко нет. Военное ремесло считается нынче повинностью, которая для большинства тяжела. Но вот найдутся молодые люди, которые добровольно идут защищать родину, защищать кровью и своею жизнью. Тут психология, согласитесь, особая, чрезвычайно мало схожая с вульгарной логикой. Заурядный обыватель цинически говорит: зачем я буду жертвовать собою? Моя хата с краю, ничего не знаю. Офицер не может и помыслить об этом, иначе презреннее его нет на свете. Офицерство носит титулы и заветы рыцарства, оно дает государству особые клятвы, каких не дает, например, ни сапожник, ни портной. В наводнении новых условий жизни мы многое позабыли, священное и дорогое, но все, что было вечно в нем, то осталось. Остался неизменным долг самопожертвования, долг охранения чести народной. Он лежит, конечно, на всей нации, но несут его по преимуществу офицеры. На них ведь, а не на кого иного, опирается армия. Офицеры, а не кто другой, обучают солдат и ведут их в бой. Офицеры в страшные дни, когда измеряется мужество народное, являются носителями духа нации.

Все правительства, кроме разве очень глупых, понимают чрезвычайную высоту офицерского долга и стараются поддерживать сознание этой высоты — в народе. Блестящий мундир, знамена, строй, дисциплина, сословные привилегии — все это охраняет нравственный авторитет военного сословия. Но правительство не может сделать в этом отношении все. Безусловно необходимо, чтобы офицерство само старалось оберечь почтительное отношение к нему общества. Для этого есть вполне определенные средства. Первое из них — это, конечно, победоносные войны как реальное доказательство того, что армия на высоте своей роли. Великие войны Петра, Екатерины, Александра создали мировую славу нашей армии и подняли офицерское сословие на степень чрезвычайного почета. К глубокому прискорбию, Россия не удержала традиции своих побед, вместе с армией потерпел тяжелый нравственный урон и офицерский корпус. Отношение к офицерству в обществе сделалось разборчивым, придирчивым, пренебрежительным. <...>

В крайне трудные для России времена офицерству русскому необходимо великое терпение и великая решимость. Верховным заветом должна быть ближайшая, непременно победоносная война. Только война, только бесспорная победа может вернуть армии ее старое обаяние. Но для счастливой войны необходимо хорошо использовать мир. Нужна крайне тщательная, утомительная и страстная по увлечению подготовка войск. Скажите, господа, время ли теперь вести разгульную жизнь? Я не принадлежу к проповедникам абсолютной трезвости уже потому, что проповедь ее была бы напрасной. Опыание начинается вовсе не с первого и не со второго бокала, — с них начинается то радостное оживление, которого искали в вине греки. Но тут же чрезвычайно близко находится и момент опьянения, за которым следует не греческое, а скифское, точнее — скотское пьянство. Опыневший человек носит в себе все признаки помешательства. Он падает и умственно, и нравственно чрезвычайно низко. Он становится способен на поступки, которые для трезвого будут

источником бесконечного раскаяния. Такое пьянство для всех постыдно; в десять раз постыднее оно для людей правящего круга, для офицерства, *обязанного* быть уважаемым. Стрельбой из пистолета и маханьем шашки можно терроризировать публику, но заставить ее уважать себя есть один способ — безукоризненное поведение. Пока судьба пошлет нам победы, — необходимо, чтобы офицерство внушило публике, что оно серьезно готовится к победам. Для этого нужен упорный, ежедневный, для всех беспорный труд и сверх труда те качества, которых требует мирное благородство; нужны сдержанность, вежливость, трезвость, воздержание от роскоши и уважение к закону. <...>

Пора трезветь. Пора трезветь разоренному крестьянству русскому, купечеству, спивающемуся с круга, духовенству. Пора трезветь всей России — и прежде всего ее командующему классу. Сколько бы мы ни затягивали мир, мы находимся накануне большой войны и, может быть, целого цикла войн, как при Наполеоне. Вся надежда России — на ее армию, и эту армию нужно готовить к бою день и ночь. Вся надежда отечества на вождей армии, на благородный корпус офицеров, на их умение внушить солдатам непоколебимое мужество и страсть к войне. Великая задача эта требует трезвого к ней отношения и отнюдь не пьяного. Пора взглянуть на это серьезно.

* * *

<...> В деле Коваленских борются два разных взгляда — военный и штатский. Это совсем две разные веры, две как бы перепутавшиеся цивилизации. Я не знаю братьев Коваленских, но из дела они представляются мне типически военными людьми. У них души или от самой природы военные, или глубоко замороженные военным гипнозом. Корнет Коваленский еще юнкером выпросился на войну. Он был в сражениях, получил Георгия. Очевидно, это был не штатский юнкер, каких, к большому несчастью, так много у нас среди одетой в мундирчики молодежи. Как известно, в начале прошлой войны немалое число офицеров отказались идти на войну, даже штаб-офицеры, даже некоторые генералы. Они, видите ли, всем сердцем стремились на поле брани и считали счастьем умереть за Царя и Отечество, но, к величайшему их прискорбию, им помешали:

одному — острый ревматизм, другому — подагра, третьему — неврастения, четвертому — какая-нибудь семейная драма. Были такие добрые люди, что считали невеликодушным перебивать места в действующей армии у своих младших товарищей. Отнюдь не страдая тщеславием и видя стольких жаждущих отличиться, они предоставляли им этот редкий случай. Словом, последняя война обнаружила в нашей армии присутствие, с одной стороны, небольшой группы истинно военных людей, с другой — довольно заметной группы истинно штатских офицеров. Последние прокрались в военные мундиры с той же хитрой целью, с какой пробирается моль в мундиры — для пропитания. <...>

Подумайте: офицеры — душа армии. В действительности на них одних лежит оборона государства. Если сложилась как в Китае затаенная антипатия к военным, то это признак зловещей судьбы народной. «Будет некогда день, и погибнет священная Троя». Подойдут — и, может быть, скоро — черные дни. Необозримый народ увидит нашествие врагов, вооруженных и беспощадных. Растерянная толпа станет искать вождей — и, может быть, не найдет их. У великого Китая недостает не солдат: простонародье китайское почти равнодушно к смерти. Недостает только корпуса офицеров, действительно военных, таких, как в Японии, охваченных энтузиазмом войны и военной страстью. Недостает не трех миллионов солдат, а всего лишь каких-нибудь тридцати тысяч вождей солдатских.

Скажите, господа штатские, возмущающиеся слишком мягким приговором над корнетом Коваленским, нужна России армия? Нужна пружина армии — офицерский героизм? Если все это необходимо, то постарайтесь в данном случае «все понять и все простить». С вашей штатской точки зрения офицер должен быть офицером только на поле битвы. Там, когда он подставляет за вас и за детей ваших грудь под неприятельские пулеметы, вы разрешаете ему обнажить шашку и спустить курок. Вне сражения офицер в ваших глазах должен сейчас же превращаться в штатского, который не смеет прикоснуться к сабле, что висит у него сбоку. Но в таком случае зачем же закон обязывает офицера не выходить из дома без сабли? Вы, штатские, можете быть безоружными; полиция даже преследует вас за ношение кинжалов и пистолетов. Почему же от военных требуется обратное?

Мне кажется, если военные обязаны носить оружие, то не для того, чтобы не делать из него никакого употребления. Сабля — не позумент и не брелок к часам. Ничего бессмысленного в костюме офицера не должно быть допущено. Оружие дано офицерам и в мирное время для того, чтобы пускать его в ход — в известных, правда, строго определенных случаях. Если штатские люди

забыли это, то они непременно должны вспомнить, иначе столкновения с офицерами будут разрешаться самыми тяжелыми катастрофами. Как известно, *всем* гражданам дано право крайней защиты. Не могут быть исключены из этого права военные. Но если прочим гражданам позволительно защищаться кулаками, палками, бутылками, камнями, поленьями, то для офицеров это штатское оружие предосудительно. У офицеров есть свое, присвоенное государством, узаконенное оружие. Они обучаются им владеть, и оно именно дано им для необходимой самообороны. Военный человек рассматривается как артист боя. Каждый артист играет на своем лишь инструменте — обращаться к первым попавшимся составляет оскорбление искусства. Офицер, специалист сражения, обязан быть победителем на войне. Ту же обязанность государство не прерывает в нем и в мирное время. В столкновении со штатским, защищая жизнь или честь, офицер *не может быть побежден*. Охраняя победоносные качества вождей армии, закон предоставляет им право быть вооруженными среди безоружных граждан.

<...> Разум и совесть всех народов обязывает часть нации быть готовой к смерти и наносить смерть. Оборона жизни народной вручена мужеству и чести войска. В силу этого и вне войны ни одна власть не дерзает отнять у военных их оружие. Предполагается — и совершенно правильно — что из всех классов общества наименее злоупотребить оружием может военное сословие, как наиболее связанное дисциплиной, наиболее воспитанное в обращении с оружием. Если офицер выстрелил или обнажил шашку — это бросается в глаза. Но дайте-ка господам штатским то же оружие! Случаи смертельных столкновений считались бы ежедневно десятками, как на Кавказе, где все обыватели вооружены. <...>

Теперь при анархии мысли даже армия теряет военный дух, и требуются невероятные усилия, чтобы сословие рыцарей не разбежалось. Вам известен ужасный бухгалтерский баланс нашей армии? За последние годы *приход* офицерских чинов ежегодно около 2.500 человек, *расход* 4.000 чел. Бегут. Неудержимо бегут из армии, и бегут не худшие, а лучшие элементы. Остаются лишь те, у которых нет ни достаточного образования, ни таланта, чтобы найти себе хлеб в отставке. Бегут самые энергичные и трудоспособные. Вы можете с часами в руках проследить, когда наконец это бегство офицеров опустошит русскую армию и превратит ее в милицию. Уже теперь на офицерские места приходится назначать не офицеров!

В ряде статей «Остановите бегство!» я писал о причинах этого страшного явления. Офицерские столкновения с публикой дают повод отметить еще одну, может быть, главную причину. Офицеры бегут из армии от унижительных нравственных условий, которые сложились в последние годы. В течение ряда лет на военное дело, на военных людей, на культ военной чести идет открытая травля в литературе, в печати, на сцене, в школах, в обществе. Штатской стихии дан простор заливать собою и гасить огни военного героизма. Правительство наше, давно потерявшее военный дух и сделавшееся буржуазным, охладело к армии. Старинные попечения о культе войны признаны излишними. Сословно-военные привилегии сравнены с гражданскими. На военных само правительство смотрит как на чиновников по найму. Если не разрешено военным носить гражданское платье (хотя сколько раз порывались это сделать), зато целые сословия штатских людей — юристов, учителей, акцизников, податных, земских и пр. одели в военные мундиры. Нацепили им погоны, навесили даже оружие! Рыцарей крови густо перемешали с ремесленниками чернил, — неуважение к крапивному семени в народе распространили и на офицерский корпус. Устанавливая казенные оклады, многие штатские должности поставили по содержанию и чинопроизводству выше военной службы. Какой-нибудь врач или следователь движется по лестнице рангов вдвое скорее офицера. Какой-нибудь горный инженер или путеец шагает втрое скорее по лестнице окладов. Какой-нибудь учитель достигает заветного титула «превосходительства» втрое скорее офицера. Военное сословие, создавшее империю, двести лет громившее ее врагов, постепенно отошло в глазах власти на второй план, даже на третий. Министр финансов с водочной монополией гораздо влиятельнее военного министра. Задолго до маньчжурского разгрома военный министр требовал на восстановление армии три четверти миллиарда — министр финансов отпустил ему лишь четверть. Даже пути сообщения ставятся выше обороны. На верхах правительства как будто утратилось уважение к войне. Ее стали считать не подвигом, не долгом нации перед потомством, а «необходимым злом», от которого начали открещиваться, как от чумы. Вместо того чтобы вооружаться день и ночь, вообразили, что дипломатия сильнее войны и что стоит лишь заявить свое отвращение к войне, как ее не будет. Отвращение к войне было за границей понято как неготовность к ней, а в умах русского общества прибавилось только неуважение к военным.

Многообразный упадок военного духа вышел из самого сердца армии — военной школы. Реформатор либеральной эпохи Милютин кадетские корпуса переделал в почти штатские гимназии. Он завел штатских воспитателей вместо военных, ввел вместо древних традиций — гражданские обычаи. Военные науки были отодвинуты на второй план, военное искусство — на третий план. Воспитанников военных гимназий принялись усиленно пичкать «общеобразовательными» предметами, гордясь тем, что по окончании курса «воспитанник» мог поступить в Технологический институт. Такие предметы, как военная гимнастика, строй, маршировка, фехтование, стрельба, признавались почти ненужными. Выходили в офицеры, не умея сесть на лошадь, не зная устава, не будучи в состоянии разобрать ружье. Чем образовательное считалось военное учебное заведение, тем почетнее. Всю старую религию войны вытеснила математика, всю военную этику — литература. Начальство восхищалось, видя, как кадеты бойко пишут стихи, как они занимаются музыкой и живописью. Увлечение лишь военным делом встречалось кисло. Уже в 70-х годах в армии даже в генеральских чинах появились длинные волосы и синие очки. Сколько ученых, писателей, актеров, музыкантов дала военная среда! Цезарь Кюи четверть века учил, как строить крепости, и имел счастье дожить до Порт-Артура... Высшее начальство считало вполне нормальным держать такую военную школу, которая, прививая штатские вкусы, заставляет офицеров разбредаться по штатским профессиям. Все привыкли к тому, что некоторые военные академии сделались поставщиками революционеров. От Лаврова и Кропоткина до Гершуни держалась эта традиция — и никого не тревожила. Самая главная из военных академий была до того общеобразовательной, что поставляла администраторов на все превосходительные места. Задолго до войны, с благосклонного содействия начальства, армия была *демилитаризована* и деморализована этим в высшей степени. <...>

Как не бежать офицерам из армии? По всей стране сложилась удушливая атмосфера, единственным разрядителем которой считается армия. Не чиновничество — почти сплошь кадетское (1-го и 2-го сорта), не жалкое духовенство, — исключительно ведь одна армия, как Атлас небо, держит на себе государственный порядок. И за эту службу родине — какое проявление штатской ненависти! <...>

«Мне отмщение — и Аз воздам!» — говорит библейский Бог. Смотрите, как бы, пренебрегая армией, не затронуть основного корня народного существования. Великий народ был некогда в состоянии скопить в себе энергию, которая наводит страх на соседние народы. Прежде чем удастся размотать эту драгоценную силу, растворить ее в мещанских инстинктах, — глядите, как бы электричество ее не сложилось в бурю. Не все недовольные офицеры могут бежать из армии — многим бежать некуда. Не все офицеры тверды, как Гибралтар. Все, что случается в данных условиях у других народов, может повториться и у нас.

По особым обстоятельствам нашего государственного расстройств колебание армии было бы прямо гибельным. Пора обратить на это тщательное внимание! Пора укреплять военный дух рядом мер, поднимающих мужество и гордость армии. Прибавка к жалованью... Разве в хлебе едином нуждается наше героическое сословие? Далеко не в одном хлебе!

* * *

В день рыцарского праздника нашей армии мне приходится коснуться новшества, которое, несомненно, понизит наш военный дух и крайне неблагоприятно отразится на офицерском составе. Я говорю о предстоящем, как утверждают, переименовании военных врачей в офицерские чины. <...>

Неужели хотят облагодетельствовать армию введением нового рода оружия, допустим, весьма почтенного, как, например, ланцет, которым вскрываются нарывы? Что касается военных врачей, то, опросив некоторых из них, я убедился, что и среди них далеко нет общего сочувствия предполагаемой реформе. И врачи военные в большинстве изумлены реформой. Правда, среди военных врачей могут найтись легкомысленные господа, равнодушные к своей специальности, но которым хочется пройтись по Невскому «этаким, черт возьми, настоящим генералом» с лихо закрученными усами, но ведь это едва ли серьезный довод в пользу реформы. Во всех существенных отношениях военные врачи поставлены уже на военную ногу. Что касается воинской дисциплины, то они носят военный мундир, для нижних чинов почти неотличимый от офицерского. Им так же солдаты отдают честь, как и офицерам, и в офицерских собраниях военные врачи, как люди ученые, пользуются ничуть не меньшим, скорее большим уважением, чем соответствующие офицерские чины. Получая письма со всевозможными жалобами на язвы, терзающие армию, ежедневно встречаясь с военными чинами, мне не приходилось слышать о сколько-нибудь заметных

неудобствах теперешнего положения военных врачей. Правда, в глубокой армии врачи жалуются на чрезмерное подчинение полковым командирам, которые ничего будто бы не понимают в медицине и прямо игнорируют иные требования военно-медицинского персонала. Допустим это. Но что же изменит в данном случае переименование врача из коллежских советников в подполковники? Едва ли полковые командиры сделаются от этого сведущее в медицине. <...>

Есть еще важное неудобство для врачей — быть офицерами. Как же быть тогда с частной практикой? Ведь все военные врачи, пока они чиновники, без всякого стеснения ездят с визитами к купцам, священникам, дворянам, мещанам, поднимаются иной раз на чердаки, опускаются в подвалы, и везде в благодарность за посещение получают посильный гонорар. Прилично ли *офицеру*, хотя бы и врачу, собирать полтинники и трехрублевки и этим способом поддерживать свое благородное состояние? Может быть, с философской точки зрения, это прилично, но, мне кажется, пройдет еще немало времени, прежде чем традиции старого офицерства примирятся с этим. В теперешнем демократическом обществе все терпимо. Прирожденные князья служат актерами под предлогом искусства, снисходя иногда до весьма унижительных ролей. Дворянин Дуров приобрел знаменитость на ампула клоуна. Но во всей невообразимой смеси сословий и профессий до сих пор держится, как некий Гибралтар, замкнутый и неприступный класс — офицерский корпус. Нужды нет, что он пополняется теперь лицами всех сословий, — все же до самого последнего времени тут действует как бы орденский цикл понятий, предания далекого рыцарства, которые погасить опасно. Ничего не стоит дунуть и загасить огонек этого передаваемого из рода в род благородства, но вот вопрос: не погасла бы с ним и та чудотворная сила, которая заставляет людей идти на смерть? Величие духа зависит не только от бесспорных истин. Оно в сильнейшей степени зависит от *спорных* истин, называемых предрассудками. Казалось бы, что дурного, если офицер женится на крестьянке, или пашет землю, или показывает фокусы в цирке? Ничего дурного, но это не принято и считается неприличным. Слово «неприличие», как все чувствуют, далеко не бессмысленно. В корне почти так называемого общественного предрассудка лежит глубоко уважительная потребность. <...>

За долголетнее стояние за прилавком купец получает дворянский герб, но офицер, которого заметили за прилавком, рискует потерять службу. Нужно ли уважать эти предрассудки? Следует ли их поддерживать? Мне кажется, если мы уважаем акустику в концертных залах и освещение для картин, то нужно уважать и условия, сложившиеся в офицерском корпусе. Это те психологические основы, на которых он развился. Упраздняя их, вы покушаетесь более чем на тело — на самую душу рыцарства... Разрешите монаху заниматься некоторыми почтенными занятиями, например, хотя бы той же торговлей или актерством — и посмотрите, много ли останется от духовного престижа.

Донельзя странный проект превращения врачей в офицеры ничем не объясним иным, кроме повальной демократической волны, смывающей понемногу все древние органические различия и смешивающей все принципы в одну кашу. Говорят: почему не быть врачам офицерами, если есть офицеры — инженеры или морские инженер-механики? На это замечу, что военные инженеры ведут крепостную оборону, они работают на позициях, иногда под огнем неприятеля, они командуют солдатами в трагический момент, когда и солдаты, и они сами каждую минуту могут быть убитыми. Морские инженер-механики командуют матросами в разгар боя и вместе с кораблем рискуют быть взорванными или убитыми. Офицеры-инженеры и инженеры-механики, как и военные судьи, получают *военное* воспитание, они проходили когда-то солдатский курс. Спрашивается, проходят ли военное обучение медицинские студенты и с кем когда-нибудь сражаются военные врачи? По самой природе их занятий медики должны быть вне боя. Обыкновенно под покровительством Красного Креста врачи находятся в полосе, нейтралитет которой признается неприятелем. Какие же это офицеры, если они никогда не сражаются и даже не берутся в плен? Ведь если врачей назвать офицерами, то по тем же основаниям и военных священников следует производить в полковники и генералы. Священники (а равно и военные капельмейстеры) даже предпочтительнее, чем врачи, имеют на это право, ибо иногда участвуют в сражениях, как было, например, под Тюренченом.

Не составляет ли вообще фальсификации эта претензия покрыть офицерским мундиром то, что безусловно несовместимо с офицерским призванием? Говорят: лет пятьдесят назад у нас были офицеры-лесничие, офицеры-путейцы, и ничего худого от этого не вышло. Очень худого, конечно, не вышло, однако ничего и хорошего, иначе с этих штатских должностей не сняли бы офицерского звания. Ничего хорошего не вышло от привлечения офицеров на интендантские должности, как вообще смешение стилей никогда еще не давало сколько-нибудь сносного результата. Говорят: офицерский корпус выдвинул множество блестящих деятелей на всех ступенях государственной и

общественной службы, и до сих пор наши лучшие администраторы — из военных. Совершенно верно, но, может быть, у нас оттого и упала армия, что все талантливое и сильное расхищается на гражданские должности.

Да и вопрос не в том, к чему способны офицеры, а способны ли врачи быть офицерами. Офицерское звание, бесспорно, пригодно для множества штатских служб, где требуется дисциплина, строгое сознание долга, мужество и порядочность. Достаточно ли, однако, быть врачом, чтобы быть и офицером? Офицерство как рыцарство: оно воспитывается культурой профессии и культурой рода. Как нельзя переименовать лошадь в корову, так нельзя произвольно переименовывать органические, в веках сложившиеся типы. Священник должен осуществить свое звание, врач — свое, офицер — свое. Бумага, конечно, все стерпит, но спрашивается, кому полезна бессмыслица, продвигаемая нашей канцелярской бумагой в жизнь?

В прошлом году в статьях «Маниловщина в армии» я писал о крайне вредном антивоенном течении в наших военных сферах. Некоторые почтенные генералы стараются привить солдатам гражданские профессии, земледелие, сельское хозяйство, отнимая для этого даже часть драгоценной краткосрочной службы. Те же генералы пишут «памятки» солдатам, стараясь внушить не память о военном призвании и военном долге, а сведения о том, как возить навоз и копать картофель. Великое военное искусство настолько теперь не в почете у нас, что им, видимо, тяготеют даже некоторые полководцы, всей мечтой своей живущие в идиллии мирной жизни. Безотчетно и с разных сторон идет рассолдачивание солдата, обмещивание армии. Мне кажется, проект о переименовании врачей в офицеры принадлежит тому же течению. Первым следствием реформы собственно для офицерского корпуса явится наплыв в офицерство штатских товарищей, не прошедших ни военной школы, ни военного воспитания. Под офицерским мундиром в значительной части офицерства явится вполне гражданская психология, гражданская душа. Это не может действовать на дух остального офицерства иначе, как разлагающе. Ведь навсегда, на веки вечные, останется пропасть между *военным* героизмом и мирною заслугой. Офицер всегда должен чувствовать, что он герой, *или он ничто*, — врач же этого не чувствует, как не чувствуют интендант или капельмейстер. Офицер только тогда и офицер, когда он рыцарь — без страха и упрека, человек сильнее смерти. Гражданские же люди — врачи, музыканты, техники и пр. — этого мистического освящения смертью не имеют. Офицер должен знать, что он есть жертва, приносимая за отечество, и первая жертва среди предводимых солдат. Врачи же и другие штатские служащие никакой личной жертвы не приносят. А именно в ней — центр всего военного очарования, всей поэмы войны.

Меньшиков М.О. Письма к ближним. — СПб., 1908. — С. 102–106, 173–177, 679–682. 776–781; 1910. — С. 841–845.

А. Дрозд-Бонячевский

«ПОЕДИНОК» КУПРИНА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СТРОЕВОГО ОФИЦЕРА

Каждый из нас, военных, наблюдая общественную жизнь, прислушиваясь к разносторонним мнениям, следя за литературой и прессой, к величайшему огорчению должен был убедиться, что между нацией и армией, безусловно, существует рознь, которая подчас переходит даже в глухую вражду и взаимное недоверие. *Ужаснее всего, что эта враждебность к армии замечается не только со стороны каких-нибудь крайних левых, которым на руку этот симптом государственного разложения, но зачастую проявляется и со стороны вполне умеренных элементов.*

Доказывать наличие этого грустного факта примерами нахожу излишним, так как, повторяю, что каждый, при самой скромной доле наблюдательности, мог убедиться в этом; кроме того, в дальнейшем изложении я буду принужден обращаться к этим примерам. Причину этого безотрадного явления в жизни нашего отечества, мне кажется, прежде всего надо искать в упадке общественной дисциплины вообще, символом которой является всякая благоустроенная армия. Вполне понятно, эта армия в своей непоколебимой мощи озлобила своевольных «прогрессистов», достаточно зарекомендовавших себя полной разнузданностью и некультурностью. Как следствие этого против ненавистной силы было выдвинуто *оружие в лице подпольной пропаганды, в которой простой народ натравливается на войско, солдаты на офицеров, а последние на правительство.* <...>

Враги целостности армии, понимая все значение подобного настроения общества, не преминули воспользоваться им, чтобы еще больше обострить это озлобление, не гнушаясь никакими средствами, чтобы возможно сильнее дискредитировать офицера в глазах народа и общества. <...>

Отчасти причина отчужденности офицера от общества кроется и в том, что он по своему положению не может примкнуть к той или другой политической партии, *а должен твердо держаться основных принципов службы.* Такое изолированное, как бы безразличное положение к жизненным вопросам народа возмущает и озлобляет известную часть общества, не понимающую глубокого смысла *внепартийности офицеров,* и награждает их нелестными эпитетами тупых рутинеров, бессмысленных исполнителей мертвых параграфов службы и т.п.

Ко всему этому надо прибавить, что по истари вкоренившемуся представлению нашего темного простолюдина, военная служба не только портит народ, но «рекрутчина» является какой-то каторгой, суровой, беспощадной тираниею!.. Ясно, что при таких условиях, народ легко реагирует на агитацию, направленную против армии и особенно офицеров-мучителей.

Из всего сказанного легко можно заключить, что примирение общества с армией, если не всецело, то в громадной степени зависит от корпуса офицеров. Перевоспитать общество и народ — дело сложное и трудное, требующее продолжительного срока и, быть может, даже грандиозных государственных реформ; более легкое и безусловно неотложное дело — это перевоспитать самих себя, сделаться тем, чем каждый офицер должен быть.

Ответственность офицера перед страной в данном случае слишком велика, чтобы окружающая атмосфера озлобления и недоброжелательства могла парализовать его энергию. *Священный долг наш всеми мерами подавить губительную рознь между народом и армией, заставить эти две силы протянуть друг другу руку мира с тем, чтобы, соединясь, явиться могучим оплотом Государству.* Офицер как член общества своим безукоризненным поведением, воспитанием, неустанной работой над собой, должен везде и всегда оправдывать свое исключительно почетное положение. *Как начальник он должен явиться образцовым учителем и воспитателем, чтобы по всем весям России разносилась о нем молва не как о мучителе, а как о старшем, любящем брате солдата!* Только при таких условиях все нападки, все гнусные наветы врагов армии и их клеветов будут разбиваться о нравственность и служебные качества офицера, как о стальные латы «рыцаря без страха и упрека».

Безусловно, миссия, возлагаемая в данном деле на офицера, велика и тяжела, но вместе с тем именно в ней заключается его священный и непреложный долг. *Пусть каждый офицер будет глубоко проникнут сознанием, что, одевая на свои плечи погоны, он этим самым берет на себя бремя нравственной ответственности перед родиной за себя и за своих подчиненных!*

Но, ставши на точку полного беспристрастия, к величайшему огорчению, мы должны будем признаться, что далеко не все офицеры удовлетворяют вышеизложенным условиям. Зачастую они являются не примиряющим элементом между армией и обществом, а, наоборот, элементом, еще более обостряющим роковую рознь! <...>

Великий грех падает на нас, если нам не хватит мужества признаться в наших ошибках, если мы, ослепленные нашим ложным благополучием, не откроем вовремя глаза! Тяжело признаться в своих грехах, но что же делать?! Нельзя забывать, что скрытые раны загнивают и загнивают быстро!

В силу всего вышеизложенного я приступаю к разбору «Поединка» Куприна с точки зрения строевого офицера. <...>

Не подлежит сомнению, что автор, между прочим, задался целью своим произведением дискредитировать офицера в глазах общества, усилить рознь между ними и, кстати, высказаться за превосходство народной милиции и общего разоружения. Вследствие этого вполне понятно, что вся жизнь и служба офицеров изображены в самом неприглядном виде; почти все действующие лица, которыми исключительно являются офицеры, охарактеризованы какими-то нравственными уродами. По тенденции романа, симпатичными и честными людьми являются только совершенно непригодные к военной службе офицеры: Назанский, алкоголик и эсер по убеждениям, и его достойный ученик Ромашов; кстати сказать, словами которых в большинстве случаев говорит сам автор. <...>

Казалось бы вполне логичным, что благодаря такому «выдающемуся» офицерскому составу, «офицеры несли службу, как принудительную, опротивевшую барщину, томясь ею и не любя ее...». Но оказывается как раз наоборот: военная служба именно и действует так губительно на умственные и нравственные качества человека, она-то и является виновницей растления офицерской среды! По словам Назанского, «все, что есть талантливого, способного, спивается... Для людей чутких, с сердцем, служба — это сплошное отвращение, обуза, ненавидимое ярмо».

Дальше говорится, что даже самые лучшие люди под влиянием службы превращаются в низменных, трусливых, злых и глупых и только потому, что «никто из них в службу не верит и разумной цели этой службы не видит». Штабс-капитана Пловского автор заставляет давать товарищам деньги в рост под зверские проценты! И как вы думаете, с какой целью?! «Спрятаться от тяжелой и непонятной бессмыслицы военной службы».

Идти дальше этого по дебрям подобных абсурдов — некуда!

<...> Признаюсь, мне сделалось как-то неловко за автора, когда штатский подпоручик, не обладающий ни особенным образованием, ни развитием, восклицает: «Что же такое все это хитро сложенное здание военного ремесла? Ничто, нуф, здание, висящее на воздухе». В другом месте тот же Ромашов додумался до народной милиции: «Например, Северо-амери-канская война или тоже буры... Дрались же когда приходилась надобность! Простые землянички, пастухи». Конечно, жаль, что у Ромашова оказался такой слабый оппонент, как поручик Веткин, который только и мог ответить: «То буры... эх вы приравняли... это дело десятое». Но большое спасибо Веткину за то, что он тут же прибавил: «Если так думать, то уж лучше не служить», с чем, впрочем, соглашается и сам философ Ромашов.

Но самая решительная и страстная агитация против армии ведется через посредство Назанского, когда он, катаясь в лодке с Ромашовым, высказывает ему свои взгляды. Назанский начинает с того, что дает самую грязную аттестацию всему контингенту армейских офицеров — «этого главного ядра славного и храброго русского войска». Затем переходит к доказательству, что война — отжиток старого времени, что теперь бесстрашные полководцы сделались авантюристами и шулерами (?!), начальники «обратились в чиновников, трусливо живущих на нищенское жалованье. Их доблесть — подмоченная доблесть» (вероятно водкой ?!). Для большей колоритности делается игривое сравнение армии с монашеством: «там смирение, лицемерные вздохи, слащавая речь, здесь — наигранное (?) мужество, гордая честь... Но и те, и другие живут паразитами» (????!). <...>

Из всего сказанного мы видим, что выбор военной профессии не по призванию, отсутствие должного образования, недостаток общего и военного воспитания, отсутствие необходимых моральных качеств являются главными причинами служебных и общественных дефектов в офицерской среде, которые помимо того, что наносят значительный ущерб самой службе, являются помехой в восстановлении престижа офицера.

Постараемся разобрать главнейшие способы к устранению этих крупных недостатков.

Этот вопрос в своем основании неразрывно связан со способом воспитания и обучения в корпусах и училищах, зависит от нормального взгляда на вольноопределяющихся и, наконец, от воспитательной роли отдельной воинской части.

Как я уже говорил, для получения звания юриста, инженера, врача и т.п. требуется значительно больше труда и времени по сравнению с получением первого офицерского чина. Но со всем этим можно смело сказать, что ни одна из этих профессий не предъявляет к духовным силам человека столь серьезных и разносторонних требований, как к скромному строевому офицеру. *Твердость воли, дисциплинированность духа, высшее понимание долга и чести, готовность в любую минуту пожертвовать своей жизнью за честь родины и мундира должны быть присущи одевшему на свои плечи офицерские погоны!* Эти качества души должны быть или врожденны, или воспитаны в каждом истинно военном человеке.

Воспитатели в корпусах и офицеры в училищах несут громадную ответственность не только перед своими питомцами, но и перед Царем, Отечеством и армиею! Ни в одной почти интеллигентной профессии человек не становится самостоятельно на жизненный путь со всеми его превратностями в таком раннем возрасте, как офицер. К тому же требования, как я только что упомянул, предъявляемые к этим молодым людям, несравненно серьезнее, чем во всех прочих общественных положениях. Свойственные молодым натурам горячность, заносчивость и ложное самомнение рациональным воспитанием и умственным развитием должны быть умно и толково использованы.

Из сказанного вытекает, что *воспитание, а отчасти и обучение, в корпусах должны быть поставлены на самых строгих воинских принципах.* Способ воспитания и программа обучения должны сводиться к тому, чтобы помимо общего солидного развития своих питомцев развить и укрепить в них любовь к избранной профессии, глубокий патриотизм, осмысленную дисциплину, высшую степень воинского духа и вообще все те нравственные элементы, которые неразрывно связаны с ролью будущего офицера и начальника.

Совершенно не в моей компетенции указывать детально на *реформу военной педагогики*, но мне кажется, она должна была бы заключаться, между прочим, из класса в класс прогрессирующих требованиях дисциплины; в ознакомлении с самых ранних лет, конечно, в доступной и увлекательной форме, с военной историей в подвигах отечественных героев; в широком развитии общего образования, уделив в программе обучения видное место начаткам главнейших военных наук и, наконец, в самом широком и систематическом применении всевозможных физических упражнений, увлекая этим молодежь, укрепляя и закаляя их тело и дух.

Очевидно, что доминирующий порядок в деле воспитания и обучения должен уступить место глубоко продуманному, чисто военному режиму. Преступно допускать, чтобы роль офицера-воспитателя и преподавателя сводилась только к тому, чтобы выводить средний балл за тот или другой предмет, составлять сухую, казенную аттестацию благонравия своих питомцев, а степени развития психики, соответствие индивидуальных качеств намеченной карьере оставлять без должного внимания.

<...> Быть может, мое мнение на первый взгляд покажется слишком рискованным, но скажу вообще, что тип кабинетного труженика по своему характеру и складу ума не может представить из себя желательного элемента для военной службы. Для подтверждения этого смелого мнения предоставляю противникам его обратиться к характеристикам героев, украсивших своими именами военную историю, или со вниманием присмотреться к военачальникам мирного времени, стоящим на различных ступенях военно-иерархической лестницы.

Спешу прибавить, будет совершенно ошибочно из сказанного выводить заключение, что молодых людей, серьезных и трудолюбивых, надо гнать из военно-учебных заведений. Не может быть и речи, что они так же нужны в военной среде, как и во всякой другой, к тому же из всего изложенного явствует настоятельная необходимость предъявлять более строгие требования к образовательному цензу офицера. Я говорю только о том, если любовь к науке, трудолюбие и способности юноши мешают ему проникнуться морально и физически военными началами, то ему не место в заведении, готовящем *исключительно* военных людей.

Но тут является очень существенный вопрос: куда же деваться всем тем питомцам военно-учебных заведений, которые при отличном поведении и успехах в науках не удовлетворяют качествам будущих офицеров?! Этот вопрос после всесторонней разработки должен свестись к тому,

чтобы своевременный переход из корпусов и училищ в гражданские школы производился беспрепятственно, по вполне определенным правилам.

Полагаю, нельзя не согласиться с высказанным взглядом на воспитание и обучение в военных школах и со степенью важности соответствующих преобразований... Но горе наше, как и всегда, заключается в том, что, несмотря на очевидную необходимость реформ, *у нас не хватает смелости отказаться от «драгоценной» рутины!* Нам кажется чем-то невероятным, чем-то неосуществимым по своей сложности радикальная ломка старого порядка! В большинстве случаев перевес остается на стороне консерваторов, «неопровержимо» доказывающих всю невозможность и даже нелепость предлагаемого новшества.

К сожалению, значительный процент офицерского состава пополняется офицерами из вольноопределяющихся, т.е. людьми, в большинстве случаев не получившими основательного и систематического военного воспитания и образования. Немалый контингент вольноопределяющихся комплектуется из «неудачников», выброшенных за дверь различных учебных заведений, руководствуясь в данном случае оскорбительной для всей армии формулой: «Коли из балбеса ничего путного не может выйти, так остается последнее — офицерство!» К тому же ни для кого не составляет секрета, что нередко молодые люди, тяготясь стеснительными для них порядками военных училищ, опасаясь репетиций и экзаменов, наконец, прямо-таки исключенные из этих училищ, поступают вольноопределяющимися, а затем уже «с воли» держат офицерский экзамен.

Эти печальные факты доказывают, что требования, предъявляемые к вольноопределяющимся по отношению офицерского экзамена, военного воспитания, нравственности и службы, безмерно снисходительны. Подобное положение дела помимо того, что наносит существеннейший вред офицерскому составу, но это *легкое приобретение офицерского звания* умаляет и, как мы видели, оскорбляет его значение! Во избежание всего этого необходимо: или радикально переработать положение о вольноопределяющихся, или же, еще лучше, совершенно прекратить их производство в офицеры. *Пусть лучше некомплект офицеров, чем комплект с такими личностями, каковы офицеры «Поединка»!*

Теперь остановимся на роли отдельной части как воспитательном элементе корпуса офицеров.

Эту важную и неотъемлемую роль может легко выполнить та часть, которая крепка корпоративным духом и нравственными началами; та часть, где традиции ее и интересы мундира стоят выше всякой дружбы и родства, где каждый из сочленов, стоя на страже достоинства своей части, может быть уверен, что он всегда и везде находится под самой надежной защитой своих товарищей и одновременно является ответственным лицом за свои поступки перед их справедливым, но строгим судом.

Наоборот, та часть, где офицеры, ставящие свою дружбу, покой и популярность выше чести мундира, смотрят сквозь пальцы на те или другие дефекты своего товарища; где из-за вредоносной сверхгуманности игнорируя достоинство мундира, провинившийся остается без надлежащего возмездия, та часть не может выполнять роль воспитателя в совершенстве. Отдельным членам подобной корпорации могут быть свойственны воззрения, подобные воззрению Ромашова: он видит, как поручик Арчаковский передернул карту, «хотел было вмешаться, сделать замечание, но тотчас же остановился и равнодушно подумал: "Эх, все равно. Ничего этим не поправлю"»!

Иллюстрировать все сказанное примерами не стану, скажу только, что амнистия, вынесенная «великодушной» корпорацией одному из своих сочленов, в большинстве случаев никакой пользы для провинившегося, в смысле нравственного улучшения, не приносит, а на окружающих действует всегда растлевающим образом. Разве никому не приходилось слышать от согрешившего такого рода фразу: «Я поступил дурно. Но за что судить меня так строго? Поручику Икс за аналогичный проступок было сделано лишь замечание!»

Во всяком случае, к какой бы из вышеописанных категорий ни приближалась та или другая воинская часть, священная обязанность старших товарищей — обращать всестороннее внимание на молодежь, пополняющую «снизу» офицерский состав. *Громадный вред не только для части, но и для армии приносят те старшие офицеры, которые свое нравственное влияние на военное и общественное воспитание своих младших товарищей отодвигают на задний план и ограничиваются исключительно ролью сухих строевиков-руководителей!* <...>

Но что особенно успешно содействует офицеру потерять интерес к службе, так это *рутина*. Когда сердце и все помыслы рвутся вперед на разумную, продуктивную работу и вместо того видишь, что способ и цель обучения не отвечают современным потребностям и все благие стремления тормозятся

отжившими, рутинными взглядами и требованиями, тогда неизбежно любовь к делу постепенно парализуется. Можно добросовестно заниматься только делом, приносящим очевидную пользу, а не каторжным трудом толчения воды в ступе!! Хотя бы ради того, чтобы избежать развития в офицере такого пагубного чувства к службе, нам следует отрешиться от преступной инертности и энергичнее реагировать на все то, что вызывается теми или другими современными требованиями и приводит их в жизнь безотлагательно.

Ко всему этому прибавлю, что вполне понятное стремление к необходимым преобразованиям, не получая удовлетворения в лице вновь выработанных положений, может отразиться, как это ни странно, отрицательно на дисциплинированности внутренней жизни офицерской корпорации: с одной стороны, молодежь по преимуществу рвется к новшествам и самовольно применяет их на деле; с другой — умеренный элемент в лице старших поставлен в необходимость сдерживать в должных границах эти увлечения. И вот, если вдуматься посерьезнее в такое положение вещей, подрывающее в глазах младших авторитет старших, как «вынужденных рутинеров», то окажется, что такое разногласие исключительно на почве обучения совершенно незаметно может перейти на другие вопросы, касающиеся офицерской корпорации, вся сила которой зиждется на безапелляционном авторитете старших.

Теперь остановлюсь на отношениях офицера к нижнему чину, этому простолюдину, призванному на военную службу.

Назанский в своих рассуждениях, между прочим, говорит, что солдата на службу «влекут на аркане за шею, а он упирается, проклинает и плачет». Что же тут удивительного, когда «товарищи» г. Куприна, в том числе и сельские учителя-семинаристы, по своей «интеллигентности» и «передовому мировоззрению», считают совершенно излишним, быть может, даже низменным, развивать в деревенской молодежи любовь к Богу, Царю и Родине!! Наконец, очень легко представить себе, что эти «культуртрегеры», начитавшись «Поединка», поспешили демонстрировать перед мужиками, а может быть, и перед школьниками, яркие картины всех ужасов, которыми переполнена солдатская «каторга». Поневоле деревенский парень упирается от нее, проклинает и плачет!

Устранить это грустное положение не входит в круг нашей компетенции, но *наша неперемнная обязанность заключается в том, чтобы офицеры своим «правильным» отношением к нижним чинам влияли благотворно на народ, рассеивая в нем ложные и пагубные взгляды на армию, на эту школу духа, ума и тела простолюдина.* Надо сознаться, что в данном случае на офицера возлагается нелегкая, но с тем вместе почетная и высоконравственная миссия. *Назначение офицера в ней — своего рода апостольство.* Я позволю высказать свое решительное мнение: в этой миссии заключается главнейшая роль современного офицера.

Какой наивностью после только что сказанного звучит фраза Ромашова: *«Каким образом может существовать сословие... которое в мирное время не приносит ни одной крошечки пользы?!»* Подобный взгляд может исходить от разума, не понимающего образовательного значения армии, и от сердца, не преданного родине, а переполненного пропагандой разоружения! Не буду затрагивать эту пресловутую тему, ограничусь только тем, что приведу слова представителя страны свободы Рузвельта: *«Та раса, которая теряет твердые воинские доблести, напрасно будет преуспевать в торговле и финансах, в науках и искусствах, и в чем бы то ни было: она уже потеряла свое первое место».*

Для выполнения роли примиряющего элемента между армией и народом офицер должен совмещать в себе все нравственные качества, необходимые для начальника, воспитателя и учителя: непреклонность воли, разумную строгость, справедливость, авторитет, отеческую заботливость и терпение. <...>

Из всего вышеизложенного мы видим настоятельную необходимость тех или других преобразований и самого внимательного и строгого отношения начальников к самим себе и к служебным и общественным функциям офицера. Соответствующие мероприятия не могут немедленно принести желанных плодов, для этого нужны года, а потому надо приняться за дело безотлагательно. Чувство истинной любви к Царю и Родине требует самой энергичной и продуктивной работы; решительные и строго отвечающие переживаемому тяжелому времени меры поднимут достоинство армии и прекратят выпады всех этих *«новых, смелых и гордых людей!»*

М. Галкин

НОВЫЙ ПУТЬ СОВРЕМЕННОГО ОФИЦЕРА

Офицеры и нижние чины

Если руководитель прежних времен являлся только специалистом своего дела, то с введением всеобщей воинской повинности он превратился в чернорабочего. Трехлетний срок службы предъявил к нему новые требования, и ныне он — «подвижник», он *не только учитель, он воспитатель армии, он принял участие в великом деле воспитания народа.* <...> *Отсюда понятно, сколько величия духа, труда, знания, энергии и, наконец, любви к своим младшим братьям требуется ныне от современного руководителя.*

Каков должен быть нравственный облик офицера-воспитателя?¹

Офицер, чтобы оправдать выдающееся свое положение, должен выдвигаться из толпы. До установления сословного равенства, одна принадлежность к высшему сословию и блеск его положения уже доставляли ему почет и уважение. Ныне он может занять то же положение только в силу редкого *благородства своих побуждений и возвышенности нравственной натуры.* Офицеру необходимо выделяться теми нравственными качествами, на которых основывается личное величие бойца, ибо с ним связано обаяние над массой, столь желательное и необходимое руководителю.

Твердость воли и неустрашимость — эти два требования остались неизменны. Воля, характер офицера сделались более необходимыми, чем прежде, так как новые требования от руководителя тесно связаны с самостоятельностью, инициативой, на что слабовольный, бесхарактерный претендовать не может.

Верность слову, не только клятва, всегда отличала офицера. Измена слову, фальшь, низость недостойны звания его. Нигде *жажда славы и истинное честолюбие*, а не тщеславие, так не важны, как в офицерском кадре. Служба военная в денежном отношении, безусловно, невыгодна и вознаграждает лишь того, кто увлечен военной славой и для кого роль руководителя кажется заманчивой и соединенной с ореолом величия.

Маршал Бель-Иль, напутствуя сына перед вступлением его на службу, говорит: «Люби славу, желание достичь ее должно всегда пламенеть в твоём сердце. Эта любовь к славе поддерживала меня на трудном пути, мною пройденном; она заставила меня забывать, что я родился со слабым здоровьем... Слава ведет передовых людей, которые указывают путь вселенной. Слава — жизнь армии».

Любящий славу не может быть не самолюбив, но его самолюбие не мелкое, не то, которое вызывает в нас зависть и заставляет нас раздражаться возвышением даже ближайшего товарища. *Начальник же, не щадящий самолюбия своих подчиненных, подавляет в них благородное желание прославиться и тем, без сомнения, роняет их нравственную мощь.*

Обладать *честью* во все времена было признано необходимостью для офицерского кадра. При всех остальных хороших служебных качествах, офицер не может быть терпим, если он неразборчив в добывании средств для жизни и марает мундир. *Кто не может возвыситься до истинного понимания чести, тот пусть лучше откажется от звания офицера, необходимейшему и первому требованию которого он не удовлетворяет.*

Честь — святыня офицера, она высшее благо, которое он обязан хранить и держать в чистоте. Честь — его награда в счастье и утешение в горе.

Честь закаляет мужество и облагораживает храбрость.

Честь не знает ни тягостей, ни опасностей; делает лишения легкими и ведет к славным подвигам.

Честь не терпит и не выносит никакого пятна.

Офицер должен уважать человеческие права своего собрата, нижнего чина, опорой его достойного поведения должна быть справедливость, она сдерживает зависть, ведущую нас на низшие поступки.

¹ Более подробно по этому вопросу см.: «Научные исследования по тактике», часть 2-я (анализ нравственных сил бойца), генерального штаба генерал-лейтенанта И. Маслова.

Кроме перечисленных нравственных качеств, требуемых от офицерства, последнему необходимо сознательное, любовное отношение ко всем солдатским добродетелям. Ему, как специалисту военного ремесла, легче понять, зачем необходимы и строгая дисциплина, и взаимная субординация, и прочный войсковой порядок, стройность и т.д., и потому хороший офицер не только являет пример исполнительности во всем, что требуется солдатским режимом, но и вкладывает всего себя в это дело.

Только при таких условиях офицер может расположить к солдатскому режиму нижних чинов, несмотря на короткий срок службы их под знаменами. Ныне на кадр унтер-офицеров положиться нельзя: они часто сменяются, притом недостаточно развиты. И так как чрез ряды армии проходят теперь все возрастные классы населения, то влияние офицерского корпуса, как было уже выше указано, распространяется на весь народ.

Горе стране, если уходя со службы, солдат выносит отвращение к солдатским рядам вместо возбуждения или закрепления здорового, героического духа и с ужасом думает о том времени, когда ему снова придется вступить в эти ряды. Проявление в войсковых частях общего духа, стремящегося к увеличению благосостояния части и к подавлению низких стремлений отдельных лиц, всецело зависит от духа и стремления офицерского состава.

Всегда и везде следует помнить, что в организме армии роль сердца выполняет офицерский корпус¹.

Проанализируем чувства офицера в наши дни. На первом месте стоит *неудовлетворенность*, которая рельефно проглядывает в армии. Откуда она явилась, и какие причины содействовали появлению и развитию этой нежелательной данной, дошедшей до болезненно-острой формы?

До Русско-японской войны армия находилась в состоянии покоя 26 лет, т.е. другими словами, целое поколение успело пройти и оставить ряды вооруженных сил.

В этот долгий период мира армия исполняла свое назначение и подготовку к войне. Она училась, она истратила силы и средства, она готовилась к бою. Вооруженный мир рассматриваемой эпохи требовал, чтобы в каждую минуту наша военная сила могла стать в ружье. Сколько энергии и труда было потрачено на боевую правоспособность!

Первый выстрел на полях Маньчжурии был неудачен, второй и последующие — еще хуже, а затем с головокружительной быстротой промелькнули Ляоян, Шахе, Сандепу, Мукден и, наконец, роковой день Цусимы.

Армия оцепенела от неожиданности.

Катастрофы не ждали, но она наступила. Офицерам стало ясно, что вся их работа мирного времени бесплодна, скажем более, — отрицательна. *Армия шла по ложному пути, и теперь настала расплата.* <...>

При таких ужасных условиях у офицера неминуемо должно было возникнуть *чувство нравственной отчужденности* от своих сограждан, известный разлад с ними.

Мир изолирует офицера от общества, которое ненавидит войну. Но он — человек войны — не только не может, но даже не должен ее ненавидеть.

Чем сильнее офицер любит свое дело, тем более представляется он своим глубоко мирным согражданам каким-то пережитком средних веков. Офицер видит, что общество начинает его понимать все менее и менее. Его собратья начинают презирать высокие воинские доблести, составляющие сущность военного дела и которыми офицер так гордится. Мы не преувеличиваем, сказав, что многие офицеры, и даже наилучшие из них, понемногу начинают себя чувствовать чужими среди своих столь мирно настроенных граждан, благодаря стремлению общества к новому строю.

Полная гармония между армией, постоянной, сильной, дисциплинированной, и нацией наступит тогда, когда наш корпус офицеров проникнется следующими идеями.

Подготовка к войне остается главной, но не единственной обязанностью офицера; кроме своих обязанностей специальных, офицер должен взять на себя роль воспитателя.

<...> Помимо подготовки к войне необходимо служить и целям прогресса, подъемом умственного и нравственного уровня вступающих в ряды армии. Если этого нет, армия — тормоз, отрывающий сотни тысяч людей от общей культурной жизни. Ныне для создания истинно военной силы необходимо солдата очистить от моральной грязи, дабы она не задерживала правильного

¹ Гольц. Вооруженный народ, стр. 59.

духовного развития. Нечего говорить о том, что шумные пиры наших дедов, служившие будто бы выражением необходимого воину удалства, должны отойти в область преданий и уступить место непрерывному и напряженному труду.

Таковы две данные нравственного бытия руководителя армии, которые явились как последствия Русско-японской войны, с одной стороны, так и изменения политической и общественной жизни — с другой. Эти условия временные, они сгладятся, пройдут как только притупится боль от проигранной кампании, как только жизнь войдет снова в спокойную, разумную колею.

Но есть еще обстоятельство, смущающее покой офицера, не позволяющее ему спокойно и с пользой работать, а именно:

материальная необеспеченность (я говорю о подавляющем большинстве армейских офицеров), в особенности обремененных семьей.

Если современная армия требует, как было выяснено, от руководителей *апостольского труда*, то справедливость требует, чтобы с нее были сняты заботы о насущном куске хлеба. Дороговизна жизни прогрессирует, оклады жалования на долгое время обречены на состояние покоя. Над этим вопросом следует подумать серьезно, кому этим делом надлежит вестись.

Далее необходимо отметить трудность дальнейшего повышения. Я говорю о чинопроизводстве. В силу многих причин в нашей вооруженной силе офицеры различных категорий имеют все шансы на движение по службе, кроме главной массы, т.е. армейских офицеров, для коих капитанский чин в большинстве случаев мертвая точка их дальнейшей служебной деятельности. Это ненормально.

Производства в следующий чин жаждут главным образом из-за увеличения командных прав, т.е. права власти, а вовсе не из-за сравнительно ничтожной прибавки содержания.

Нет другой отрасли деятельности, в которой при данных требованиях от офицеров относительно образования и внешней обстановки, которая бы так скудно оплачивалась, как в профессии военной. Со служебным повышением связано не только увеличение числа подчиненных, но, что важнее, уменьшение числа начальников, что чрезвычайно ценно для строевых офицеров.

Безнадежная медленность производства навеивает офицеру невеселые мысли, подрывает в нем энергию, заставляет сомневаться в своих силах и способностях, не отмечаемых и не поощряемых начальством. Это вредно для блага армии. Вредно потому, что именно теперь напряжение силы руководителей должно быть использовано полностью; ясно, что эти силы надо поддерживать и укреплять. Путь для этого — поощрение, одним из видов которого является чинопроизводство. Бесконечный мир страшно замедляет движение по службе, но Русско-японская война только что кончилась, и в этом смысле ее необходимо использовать, двинув вперед по иерархической лестнице нужные армии достойные силы. <...>

Дюрри собрал отличный материал, превосходно иллюстрирующий требования, предъявляемые ныне к современному офицеру. Вот его мысли: 1) *Военное воспитание — прежде всего воспитание нравственное. Назначение офицера — своего рода апостольство... Он несет ответственность за души;*

2) *Культурный человек имеет свои личные обязанности, они запрещают ему накапливать знания и ничего с ними не делать, они возлагают на каждого роль обучающего пропорционально размерам его культурности и количеству знаний;* 3) *Монотонность казарм сделала душу солдата пустой. Никто не заботится им руководить, ограничиваются лишь одними наказаниями;* 4) *Нижний чин, находясь на военной службе и уходя домой, несет с собой отпечаток от тех начальников, которые им руководили;* 5) *Современный нам офицер должен стать воспитателем армии*¹. Но для этого ему необходимо проникнуться любовью к низшим, сознанием своих обязанностей, возлагаемых на всех общественных деятелей. Он должен быть убежден в необходимости своей роли воспитателя и полон решимости и энергии, строго исполняя закон, одухотворить его живительной струей своего призвания. Наконец, заканчивает автор, офицер *ныне имеет слабое влияние на душу армии*².

¹ § 4 французского пехотного строевого устава: «...офицер не только учитель подчиненных ему людей, но и прежде всего их воспитатель. Эта последняя роль воспитателя утверждает его превосходство и создает то доверие и ту добровольную подчиненность, которые создают такую связь, что слова начальника «за мной» — не безрезультатный звук и что там, куда он пойдет, за ним последует и французский солдат». Та же мысль выражена в строевом уставе германской армии (см. русский перевод § 266).

² См. «L'officier educateur». George Duruy. С.40-46. Дюрри собрал эти выводы, пользуясь следующими сочинениями: 1) «Мой брат Ив» — Жюлена Вио; 2) «Пен-го и я» — Ар Рое; 3) «Офицер и солдат» — Жоржа де Лис; 4) «О социальной роли офицера при всеобщей воинской повинности», статья генерала Лиотея. В русском переводе этих источников не имеется.

Как некогда покойный генерал Драгомиров требовал, чтобы последняя страница полевого устава «Поучение воину перед боем» была написана на стенах казарм большими буквами, чтобы каждый нижний чин имел их постоянно перед глазами, так ныне остается пожелать, чтобы приведенный выше офицерский катехизис украсил собою стены офицерских собраний и был бы постоянно на глазах тех, которым предстоит гигантский труд перевоспитания армии. Слова эти врежутся в память молодого офицера, и поневоле порой он задумается над ними и, быть может, придет к твердому, неуклонному решению принять участие в новой, духовной, отрядной для армии работе.

Подготовлен ли офицер к роли воспитателя армии?

Тридцать два года назад М.И. Драгомиров в «Военном Сборнике» писал следующее¹: «С введением общеобязательной воинской повинности весьма излишне думать о том, приготовлены ли мы, офицеры, к тому положению, которое эта повинность создаст нам? То золотое время, когда офицер служил за фельдфебелями, унтер-офицерами, рядовыми, считавшими время своей службы в этих должностях десятки лет, когда пяти-ше-стилетний солдат считался чуть ли не молокососом, — прошло безвозвратно. Как часто случается на вопрос о причине какого-либо упущения получить в ответ: «Я приказывал». Подобный ответ обнаруживает убеждение, будто обязанность офицера только приказывать, а воспитывать в исполнительности — не его дело».

«Прежде для солдата офицер был «барин»; этим определялись их отношения и сфера деятельности, слагавшиеся во многом совершенно помимо и даже вопреки закону писанного... Теперь бытовые условия нашего общества изменились, да и в воинском организме — переворот полный: весьма мало учителей, весьма много учеников. Выход из подобного положения один: офицеру нужно непрерывно и постоянно работать...»

«В наше время офицер должен много, непрерывно и без усталости работать, если хочет быть достоин своего звания; в наше время он не только военный чин, но нечто большее: он — общественный деятель в гражданском смысле слова, потому что призван играть не последнюю роль в народном воспитании».

«...Велика и почетна роль офицера, понимаемая таким образом, и тягость ее не всякому под силу. Много души нужно положить в свое дело для того, чтобы с чистой совестью сказать: «Много людей прошло через мои руки и весьма мало было между ними таких, которые оттого не стали лучше, развитее, пригоднее для всякого дела. Ни одного я не сделал негодяем; ни одного не заморил бестолковой работой или невниманием к его нуждам; ни в одном не подорвал доверия к собственным силам. Все привыкли подчинять свою волю достижению одной общей цели по сознанию долга, а не из-под палки; из неграмотных столько-то сделал грамотными, из незнающих никакого мастерства — столько-то портными и сапожниками...»

Так определял маститый писатель социальную роль офицера более тридцати лет назад. Ныне чрез ряды армии успело пройти целое поколение руководителей. Изменился ли за этот громадный промежуток времени офицерский корпус? Несомненно, потому что тридцать лет умственная и нравственная жизнь не переставала развиваться и совершенствоваться.

Шла ли армия по пути, указанному Драгомировым в 1874 году? Да, но крайне медленно, вяло, ошупью, частью бессознательно, встречая на пути одно препятствие за другим, как неминуемый результат рутины, которую нелегко было преодолеть. Подвигался вперед и по тому же пути офицер-ремесленник, вводя постепенно, нехотя и как бы уплачивая дань требованиям времени, новую недостающую данную в армии — воспитательные начала.

Духовная работа руководителей получила начала, но была рассеяна по нашей вооруженной силе как бы спорадически, скрытая, поглощенная обилием солдатской муштры. Это была уступка данной эпохе, но военная педагогика, как догмат, не получила права на открытую жизнь, она не была введена в систему при превращении пахаря в воина, ее снисходительно допустили, но, повторяю, крайне вяло и неуверенно развивали, не сознавая вполне, что в ближайшем будущем это составит краеугольный камень при перерождении части народа в армию, и это ближайшее будущее наступило. Ныне оно властно требует иного плана, иной системы, и, следовательно, и иных приемов при работе в армии.

И если Драгомиров более тридцати лет назад доказывал, что появление в армии офицера-воспитателя, исполняющего социальную роль, неизбежно, то ныне приходится сказать, что указанная

¹ См. Сборник статей Драгомирова 1856-1881 гг.. том II, стр. 1-3. или «Военный сборник», 1874 г. №№3, 4 и 5, статьи его же под названием «Армейские заметки».

деятельность — единственная, и офицерам-ремесленникам современный мундир не по плечу, и лучше снять его и отойти в сторону <...>

Вложить зачатки основ нравственного воспитания будущего офицера должна семья и военная школа. *Лица, стоящие у дела подготовки будущих офицеров, должны особенно внимательно продумать свои обязанности, а вся система военно-учебных заведений должна заключать в себе такие положения, которые явились бы контролем деятельности этих лиц*¹.

В военно-учебных заведениях подготовка нравственной стороны обязанностей офицера занимает очень мало места. Все внимание обращено на ремесло, на техническую сторону (т.е. на солдатскую муштру), на науки. До последних дней даже идея о необходимости готовить военную молодежь к роли воспитателя отсутствовала.

Будущий офицер, не зная, что часть его обязанностей состоит в развитии ума и сердца подчиненных, сам не приготавливался к исполнению задачи, к которой не был подготовлен своими начальниками и учителями. Молодой офицер даже не подозревал важности этой обязанности и потому не исполнял ее, считаясь лишь с технической частью образования армии. Если же, прибыв в полк, он и отдавал себе отчет в исполнении новой для себя роли, то не знал, как взяться за дело, действовал неуверенно, ошупью, убеждаясь подчас с грустью, что вследствие недостатка специальной подготовки его добрая воля бессильна².

Галкин М. Новый путь современного офицера. Составлено по книге L'officier eduncateur. G. Duruy.) — СПб. 1907. — С. 18–33, 53–65.

¹ См.: Подготовка войск в мирное время. (Воспитание и образование), составил М. Драгомиров. Киев. Издано по смерти автора в 1906 году.

² «L'officier eduncateur», G. Duruy., стр. 97-98.

А. Дмитриевский

ИДЕАЛ ОФИЦЕРА

Нация может существовать некоторое время без идеала, но история нам показывает, что при таких условиях жизнь ее недолговечна.

Лебон

Тем более это можно сказать про армию, скелет нации, и еще более — про офицерский состав, душу армии. Идеал нации — счастье, благополучие, процветание ее и всех ее членов. Идеал армии — сила, могущество, способные защитить свою нацию, свою родину, ее спокойное существование, культурное развитие, возможное благополучие, счастье.

Идеал офицера ныне должен бы быть несравненно выше идеала средневекового рыцаря. Нынешний офицер не может ограничиться ролью и качествами рыцаря: личным участием в боях и сражениях, личной храбростью и бесстрашием, самообладанием, презрением к смерти, благородством, защитой слабых и отречением от личного счастья и личных удобств во имя тех идей, которым он служит.

Идеал нынешнего офицера не только самому быть таким рыцарем «без страха и упрека», но, что, без всякого сравнения, труднее и выше, иметь силу и умение перерабатывать в таких же рыцарей и в верных защитников Престола и Родины свой народ в лице его сынов, вверяемых на несколько лет офицеру для создания армии. Вполне понятно, что не только достижение такого идеала, но одна мысль и стремление к достижению служили бы залогом счастливой будущности, давали бы величайший смысл офицерской службе и подняли бы престиж офицера на недостижимую высоту.

Сознание необходимости такого идеала вполне выяснило бы и определило, чего можно и надо требовать от офицера в конечном результате. Ясное понимание этого идеала определенно указало бы тем, кто взял на себя высокую миссию подготовки будущих офицеров, направление, куда следует обратить духовный и умственный взоры их питомцев, указало бы на обязанность воспитателей научить будущих офицеров сознательно держаться этого идеала, как держится путник в пустыне полярной звезды. <...>

Я глубоко уверен в том, что если бы будущие офицеры проникались и сознавали все величие своей задачи как *воспитателей народа, сеятелей в нем культуры, прогресса и нравственности, как создателей армии-охранительницы процветания и благополучия народа*, то многим грустным драмам в период их молодости не было бы места.

Обращаясь к хронике самоубийств, можно прийти к логическому выводу, что присущая русским национальная черта характера — чувство долга, доходящее подчас до самопожертвования — не только не развивается воспитанием, но как будто глушится... *Ни в кадетских корпусах, ни в военных училищах не видно той воспитательной работы, которая создавала бы идеал офицера на началах национального самосознания и национальной гордости.*

Мне не привелось ни видеть, ни слышать, чтобы в названных заведениях имело место что-либо похожее на то, чему я был свидетелем еще в 70-х годах, наблюдая за играми учеников приходского народного училища в одном из самых захолустных уездных городов наших западных губерний. В этих играх, где принимали участие разношерстные по национальности мальчуганы, «русский» был синонимом победителя и поэтому никогда не должен был сдаваться, какими бы суровыми мерами его ни принуждали к этому. Дети необычайно интересовались всем военным, и я помню, как офицер представлялся им по званию выше других чинов в любой профессии и рисовался их воображению особенно увлекательным идеалом.

Далеко не такой бодростью и свежестью во взглядах на жизнь, на будущую деятельность офицера, на национальное самолюбие веет в кадетских корпусах и военных училищах: чтение и даже обязательное изучение Печориных, Базаровых, Марков, Левиных, Пьеров Безуховых и прочих «типов» *духа праздности, уныния, сомнения, неверия, апатии, безволия и шатания, а главное, всеобщего отрицания*, изучение не для психологии, а вместо психологии, изучение якобы для познания жизни, в лучшем случае, «литературы для литературы», — все это мало благоприятствует

зарождению и развитию истинных идеалов, истинной цели, истинного смысла ее в будущем офицерском звании. Да и вне книг никто не заботится о внушении идеалов национального геройства, идеалов службы офицеров... *Нет заботы о складывающемся мировоззрении; вместо этого лишь для настоящего момента показные стороны:*

послушание, дисциплина, зубрежка; зубрежка даже подвигов, теряющих для юнцов свою прелесть именно благодаря обязательному заучиванию.

Взгляните на обучение потешных, на программы обучения: там все есть для того, чтобы можно было поскорее хвастнуть обучением потешных как «настоящих солдат»; одного только нет — внушения национального и воинского идеалов, не видно и понимания психологии русского народа и детской... И уже много юношей и детей охладело и даже получило отвращение к «потешной организации» из-за неразумного, «не рассчитывающего будущих последствий усердия гимназического и училищного начальства, насильно обязывающего поступать в «потешные» под угрозой «воздействия»... Вторым симптомом отсутствия идеала русского офицера можно считать нелестное мнение о корпусе офицеров в среде самих же офицеров, а также недостаток солидарности среди офицеров.

Тоже грозный симптом, особенно если сравнить «век нынешний и век минувший». 20-25 лет тому назад офицеры уступали современным во всех отношениях, но прежде более дорожили высотой своего офицерского звания, нежели теперь. В доказательство я приведу то, что слышал лично сам раньше и теперь. Более 20 лет тому назад мне пришлось быть с одним старым офицером в одном из ресторанов; вдруг мы слышим слова лакея: «Вот так офицер, ушел, не заплативши!» Перед этим действительно вышел один офицер. Мой компаньон, точно ужаленный, накинулся на лакея, говоря, что офицер не может не заплатить; забыл сегодня, уплатит завтра. Но, чтобы не было разговора, мой компаньон сам уплатил за забывшего офицера. И вообще, прежде я часто слышал фразу: «Таких (скверных) вещей офицер сделать не может», хотя, повторяю, прежде нравственный уровень офицеров был не выше нынешнего. В настоящее же время сами офицеры не стесняются говорить где бы то ни было: «Э, и среди офицеров, всякие бывают!» — и любезно учат кредиторов офицера через кого понажать на него.

Именно в таких, к несчастью, нередких отзывах самих офицеров об офицерах же и заключается ужас потери идеала офицера и пагубность последствий этой потери, допущение мысли, что «всякие» среди них — не исключение, не ошибка, не преступники, а как будто обыкновенное явление в большой семье офицеров; что надо быть осторожным, имея дело и с офицером.

Эта пагубная мысль за последние десятка два лет все более и более распространяется, как и мысль, что офицер — это тот же цеховой ремесленник, занявшийся ремеслом только ради куска хлеба; что деятельность офицера нисколько не выше, напротив, стала ниже деятельности любой невоенной. Поэтому, если офицер находит местечко, например, в частном банке с содержанием, превышающим офицерское, то говорят, что он счастливец, не говоря уже про должности гражданского ведомства с будущностью и положением... Но что особенно характеризует неважное мнение об офицерах — это наставления, напоминания, инструкции, просьбы о том, как... должен вести себя офицер. Так, в одном из очень больших городов, я был свидетелем, как офицеры (в том числе полковники и подполковники — сами командиры частей), выстроившись в шеренгу, слушали «просьбу» коменданта о соблюдении формы, о том, чтобы не заводить фуражек с большими днищами и маленькими козырьками, «которые носят только мастеровые и революционеры» (здесь, конечно, — повышение голоса), «просьбу» о приветствии между собою и «просьбу» о непосещении некоторых мест. Вполне понятно, что эти офицеры, в том числе полковники и подполковники, как требующие подтверждения или «просьбы» о соблюдении формы, правил отдания чести, приветствия и общего благонравия, не удостоились подания руки...

О том, насколько это недальновидно в деле воспитания офицерства, объяснений не надо. Хотя, конечно, для комендантов невыгодно, но пусть лучше было бы несколько отдельных нарушений в форме и благонравии (и тогда легче избавиться от уклонений от идеала офицера), чем унижать достоинство и самое звание офицера обидным и незаслуженным наставлением, даже полковникам, о соблюдении формы и благонравия...

* * *

Переходя к вопросу об отсутствии солидарности, надо отметить, что необходимость таковой среди всех офицеров русской армии ныне очень мало или, вернее, почти совсем не создается даже официально. Все более и более говорят вместо «я — русский офицер»: «я — гвардеец», «я — кавалерист», «я — артиллерист», «я — гусар, улан, кирасир», «я — инженер», «я — такого-то славного полка». То есть офицеры — не строители одной армии, не воспитатели одного русского народа в лице ежегодно призываемых его сынов, а как будто просто представители разных специальностей, разных даже служб, полков, обязанные солидарностью только со своими однополчанами.

Особенно блестящим доказательством отсутствия солидарности во всем корпусе офицеров русской армии и признания необходимости такой солидарности только для отдельных частей и только для разных специальностей может служить выраженное не так давно в печати недовольство апостолов преимущественного возвеличения «пехоты и негодование, что пехотный (?) мундир дается «всякому». Не до солидарности тут, когда допускают мысль и даже говорят и пишут, что русский офицер может быть «всяким» (я не привожу других эпитетов, еще более недопустимых). Эти апостолы дошли до апогея и стали утверждать, что офицеры пехоты должны быть «в нравственном и умственном отношении выше, чем во всех других родах войск...» Когда же я в своем возражении выразил удивление, почему в одной пехоте, а не во всей армии, офицеры должны быть одинаково высоки в умственном и нравственном отношении и привел пример из одной басни, как опасно считаться частями одного организма (руки, ноги, глаза, уши и пр.) между собой, то, несмотря на то, что в той и в предыдущих моих статьях проводился взгляд о единстве армии и о вреде «удельных княжеств», на меня обрушился г. Морозов, доказывая, что пехота, как голова организма, и должна главенствовать. Эти выпады с требованием покорности пехоте интересны как образчик уродливого искажения принципа солидарности в действиях всех частей армии вообще и в деятельности корпуса офицеров в частности, принципа, основанного на выводах психологии боя, как это выражено Арданом дю Пик: «Чувства солидарности, доверия, не могут возникать вдруг, они зарождаются в людях только путем близкого ознакомления друг с другом. Такое ознакомление приводит людей к сознанию ими своей чести, придает их действиям характер единодушия. Единодушные в свою очередь создают у них веру в свою мощь, а эта вера придает им мужество, т.е. временно заставляет их руководствоваться больше волей, чем инстинктом... Итак, *только солидарность может создать бойцов...*»

Этот-то необходимый принцип солидарности действий всех частей армии у нас переделали в принцип действия неравноправных актеров, исполняющих свои роли с абсолютным требованием ансамбля, т.е. полной зависимости ролей друг от друга; руководящими поставлены лишь действия пехоты, которой «второстепенные» роды войск только «помогают».

Боясь очень отклониться от темы, я не буду входить в рассмотрение разницы между настоящим принципом и его искажением; замечу только в развитие темы, что именно этим, показанным мною искажением принципа солидарности и вызвана новейшая ересь, будто настоящий офицер — только пехотный офицер, остальные же — техники...

Третий симптом отсутствия идеала офицера — бегство офицеров из армии. Это бегство объясняли прежде всего материальной необеспеченностью офицеров: потому мол последние и бегут куда угодно, где только примут и больше дадут. Но это-то и показывает, что не звание и не высокая задача деятельности офицера прельщают последнего, а только нажива, комфорт жизни или просто материальная выгода деятельности. Иначе говоря, еще раз подтверждается отсутствие идеала офицера.

Здесь необходимо коснуться психологии этого явления: наши воспитатели юношества, боясь прослыть отсталыми, не хотят твердо, определенно и громко говорить о необходимости иметь армию как защитницу отечества, а следовательно, и о необходимости военной службы. Вместо того они томно роняют: «необходимое зло» (а то и просто «зло»), «пушечное мясо» и тому подобные ужасные по последствиям и притом глубоко несправедливые слова. Такие слова действуют удручающим образом, зарождая мысль, что военная служба есть орудие необходимого зла и т.д.

Если мы все молчим об идеале офицера, молчат и воспитатели юношества, то что же делать молодому человеку, еще не дошедшему до сознания, что через тех солдат, которых он учит, распространяются в городах и селах его мысли, его нравственные взгляды, что он автор и творец духовного склада русского народа и его культуртрегер? Откуда ему взять умение отстоять, защитить высокую миссию офицера от нападений, иногда со стороны милых губок, с утверждением, что не

следует быть представителем якобы «грубой силы», якобы орудием не «созидания и прогресса», а «разрушения» и т.п.?

И, конечно, если нет веры в высоту офицерской миссии, а следовательно, нет и идеала, то только материальное обеспечение, чины, награды и форма могут удержать офицера на военной службе; представится что-нибудь повыгоднее — и офицер без идеала, конечно, сбежит, так как «рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше...». *Будущее такой армии, где офицеры не верят в высоту своей миссии, а удерживаются только формами, чинами и орденами, очевидно, не обеспечено, ибо у таких офицеров на первом плане будет не будущее армии и народа, не польза дела, а достижение приманки.*

Напрасно забыта Кантовская философия о воспитании чувства долга — ради долга; наградами же можно поощрять, но нельзя, чтобы награды обращались в содержание (как это в действительности установилось — награждение за выслугу определенного числа лет)... Хотя еще есть не один симптом, указывающий на отсутствие у нас идеалов, но я кончу на этом, так как имею целью лишь осветить, насколько можно, мысль, выраженную в эпитафии, и показать некоторые признаки грозного для будущности целого народа отсутствия идеалов и отчасти выяснить последствия. Но я считаю необходимым добавить, что можно и не мечтать о достижении всеми офицерами идеала, как христиане не мечтают о достижении божественного совершенства Христа, но необходимо его иметь и не забывать, как не забывают христиане примера христианского совершенства. *Идеал, как религия, дает цель и смысл службы офицера, показывает направление.* Идеал же дает истинный критерий о всей службе офицера и даже о всем корпусе офицеров; так, если солдаты уходят со службы развращенными, без понятий о нравственности, спившимися, то, конечно, это надо отнести к вине всего корпуса офицеров, не сознающих, что они являются примером, являются воспитателями нижних чинов... Идеал заставляет думать о будущем, о последствиях; отсутствие идеала дает лишь заботу о настоящем. Идеал устраняет обман для минутного настоящего. Идеал дает правильное направление требованиям начальства, выясняя, что требуется для пользы службы и что — для одобрения, похвалы высшего начальства. Идеал регулирует отношения и создает полную солидарность в достижении этого идеала.

Итак, без идеала — нация, армия, корпус офицеров недолговечны. Нам необходим идеал. *Да будет же идеалом русского офицера умение дать нашему народу могущественную армию, умение вложить в подчиненных ту силу духа, бодрость, бесстрашие, самообладание, твердость характера, ту любовь к Царю и родине, наконец, то «рыцарство без страха и упрека», которыми офицер и сам старается обладать.* Но для полной солидарной деятельности всех офицеров одной русской армии необходимо, чтобы этот идеал был общим. Этим установится и полная солидарность службы и всех полков, и частей войск. И идеал, и даже «традиции» должны быть одни и те же для всей русской армии, так как ненормально, чтобы то, что считается хорошим для одного полка или части войск, было бы нехорошим и безразличным для другого полка или части войск, особенно по вопросам «нравственного элемента» и службы.

Военный Сборник. — 1912. — № 7.

СЛУЖЕНИЕ РОССИИ

А. Сурнин

РОЛЬ ОФИЦЕРСТВА В ВОЕННОМ ВОСПИТАНИИ

Прежде, когда солдат служил почти всю жизнь, вопросы воспитания решались, так сказать, сами собой: военная семья, в лице ветеранов, сама воспитывала молодежь.

Теперь воспитание стало работой исключительно офицерской, т.к. офицеры одни только составляют постоянную часть армии, ее кадр. Унтер-офицеров, даже сверхсрочных, можно считать их помощниками в деле воспитания только в самом узком, формальном смысле.

Роль офицеров в армии чрезвычайно поднимается в своем значении и усложняется тем обстоятельством, что, будучи воспитателями, они в то же время являются для нижних чинов тем образцом, идеалом воина, к какому они сами обязаны побуждать стремиться своих воспитанников. Отсюда видно, что «качество армии зависит от качества офицерского корпуса». В этом смысле офицеры являются краеугольным (основным) камнем всего военного строя, они составляют душу армии, хранилище ее преданий и традиций. Чем качество офицерского состава выше, чем больше они отвечают своему назначению, тем и вся армия явится более подготовленной к бою, тем более она будет отвечать и в мирное время государственным требованиям народа. Для того чтобы офицер удовлетворял своему назначению, от него требуется здоровье, твердость в основах воспитания, требуемых вообще от каждого солдата, свойства характера, необходимые для воспитания подчиненных, твердое знание всего того, что от подчиненных требуется, проявление во всем примера, сила воли, ум, общее и военное образование, военное дарование, искренняя преданность военному делу, бескорыстие, способность руководить *чувствами* массы. Словом, качества военного духа: нравственные, умственные и физические... <...> Он должен понимать, что военная служба не есть средство к блестящей карьере, а заключается в том, что офицер, кроме военного дела, является воспитателем всего народа, который проходит через его руки. Но подобное воспитание не должно заключаться в речах и бесконечных беседах, оно должно проводиться незаметно. Раз офицеры будут проникнуты сознанием своего положения, связанным с определенными обязанностями, раз они будут непреклонно проводить эти принципы в своей служебной деятельности, то этого будет вполне достаточно для сказанного воспитания. Социалисты, антимилитаристы, интернационалисты и представители прочих крайних политических партий делают успехи и борются с ними — долг каждого гражданина, любящего свое отечество. А сказанным воспитанием офицер исполняет свой гражданский долг.

Офицер должен быть способен горячо любить своих подчиненных; любовь эту он должен показывать на деле справедливым и человеческим отношением к солдату.

Нравственное влияние офицера должно быть непрерывно на службе, на учениях; вдумчивый офицер всегда найдет способы благотворно влиять на своего подчиненного. Пример со стороны офицера обязателен, и потому поведение офицера всегда должно быть безупречно.

Армия должна быть национальной и в то же время народной (демократической), поэтому задача офицера-воспитателя заключается в таком воспитании, чтобы под каждым военным мундиром оставался бы гражданин-патриот, а под каждой рабочей рубашкой и штатским сюртуком оставался бы солдат.

Сила армии в народе — армия тогда только будет сильна, когда ее сердце будет биться в унисон (в один тон) с сердцем народа. Подобная гармония отношений между армией и народом вполне возможна, не вовлекая армию в политику. Самое тесное слияние армии с народом дает ту нравственную силу, которая нужна Отечеству для обеспечения мира, а в случае войны — для достижения победы.

Воспитание бойца, воина есть искусство, обнимающее собой широкую программу деятельности офицерского состава, а в настоящее время при развитии утопических (беспочвенных), противогосу-

дарственных разрушительных учений вопросы воспитания получают новую окраску, новое освещение.

У нас в России так же, как и во всех остальных государствах, где введена всеобщая воинская повинность, народился новый тип воина — воин-гражданин. Поэтому нравственные силы бойца зависят от нравственных сил народа, которые служат базой (складом), основанием, на котором будут взращиваться воинские добродетели. Мы знаем, что народ наш в массе непросвещен. В настоящее же тяжелое время его природные гражданские добродетели расшатаны гибельными, чуждыми ему учениями. Мы знаем, что ни в семье, ни в школе, ни в обществе нет и следов подготовки к воинскому воспитанию.

Память о былой славе, былых подвигах могучего русского народа заслоняется невежеством и тлетворными влияниями различных социалистических учений.

При нормальных условиях народного образования и воспитания, при должном развитии гражданственности и общественности, очевидно, центр тяжести внимания офицера-воспитателя ляжет почти исключительно по отношению к воинскому воспитанию; остальные стороны (воспитание гражданина-патриота) надо только поддержать на должном уровне. Но при настоящих сумбурных (перепутанных, неясных, беспорядочных) условиях русской гражданской и общественной жизни дело наше осложняется, и силой вещей на офицера налагается сложная задача. Ждать, пока народ и общество начнут нормальную жизнь и станут способными к должному воспитанию подрастающего поколения, долженствующего вступить в войска, нельзя, т.к. это значило бы отказаться от самой мысли прочного военного воспитания, которым должна увенчиваться вся наша офицерская воспитательная деятельность. <...>

Если бы мы оставались на прежней точке зрения на вопросы воинского воспитания, которые заключались только в муштре (из-под палки), способе непригодном для современного солдата-гражданина, то, конечно, ничего не остается делать, как сказать, что офицер-воспитатель не должен задаваться непосильными задачами и должен все данное время сосредоточить исключительно на узковоенном воспитании. Но это противоречило бы первому положению, которое определяло роль современного офицера как воспитателя не только военного, но и народного, тем более, что цели воспитания и воина, и гражданина почти одни и те же. А раз это так, то на нас, офицеров-воспитателей, силою неумолимых обстоятельств накладывается тяжелое, огромное бремя воспитания солдата-гражданина.

В переживаемый Россией момент русский офицер-воспитатель стоит одиноко перед этой огромной задачей среди своих многочисленных сограждан, большинство которых пока бессильны ему помочь и часть которых к нему прямо враждебны.

Никто ему не поможет, никто не разделит его труда — он должен искать поддержки в своих начальниках, сослуживцах и в сознании своего высокого и тяжелого долга.

Чем серьезнее задача, чем она обширнее, тем мы должны приложить больше нравственных сил. Мы ведь находимся не в области материальных представлений, где каждый данный человек может выполнить строго определенный максимум (наибольшее) работы; дело воспитания нравственных сил относится к области человеческого духа, а в этой области только бесконечность не может быть нами достигнута, все же остальное доступно нашему завоеванию. Перед сложностью и трудностью останавливаться нельзя, т.к. это значит сознаться в своей полной несостоятельности и предоставить дело государственной обороны и чести на произвол судьбы. Равнодушное отношение к своему делу несовместимо с нашим высоким призванием, а потому и недопустимо. Конечно, на выполнение намеченного нужны особенно развитые нравственные и умственные силы, нужна выдающаяся энергия. Но разве понятие об офицере не включает само по себе требование самоотверженной и выдающейся деятельности? Прежде на силу армии не могли ослабевающе влиять те барчуки и недоросли, которые устремлялись в военную службу только для того, чтобы носить мундир той или другой части; теперь этот элемент не только лишний, но и вредный и, как яд, способный отравить здоровый организм, должен быть удален и впредь недопускаем. Средние люди, посредственности, не должны быть в нашей среде. По смыслу всех военных законоположений под понятием «офицер» подразумевается человек с высокоразвитой нравственностью и волей; поэтому задача военного строя, задача офицерской корпорации — удалить все негодное, слабое, способное внести растление, и тогда никакие задачи для нас не будут казаться невыполнимыми. Поэтому здесь неуместны усиленные уверения и ссылки на неспособность, на средние способности корпуса офицеров, а является только вопрос, как лучше и целесообразнее выполнить возложенную на нас задачу. Тем, которых эти офицерские возвышенные

задания смутят, должно сказать:

почему вы считаете офицеров какими-то средними, слабыми и жалкими, неспособными к подвигу? Ведь вы клевете на русского офицера! Вы развенчиваете его! Вы срываете с его головы лавровый венок, переплетенный терниями, который увенчивал его голову более двухсот лет!

Если русский офицер всегда на поле битвы умирал героем, то почему вы не считаете его способным быть героем, подвижником, не только перед лицом смерти, но и перед лицом жизни?

Да, наконец, разве русский офицер теперь за воссоздание России не умирал и не умирает на своем посту как герой, как мученик, как исповедник понимания своего гражданского и воинского долга? Ведь дело воспитания, которое для нас должно быть залогом возрождения, — дело очень трудное, и вести его можно только людям, воодушевленным высшими идеалами. Напрасно думают, что офицером может быть всякий средний, слабый человек; если допустить это, то армия умрет, т.к. ее основа, офицер, перестанет ее одухотворять. Поэтому офицер на свою деятельность и в мирное время должен смотреть как на подвижничество, иначе он не выполнит своего назначения и своего долга. Да не пугает вас, офицеры, предстоящая трудная работа мирного времени. Вы девятый год исполняете свой долг перед Россией: сражались лицом к лицу с противником, несмотря на то, что многие из вас уже неоднократно были ранены; когда началось разложение армии, вы бросились, сознавая, что только в дисциплинированной армии спасение страны, к своим популярнейшим генералам для уничтожения язвы России — большевизма — и боретесь и посейчас за возрождение Родины, за правое дело.

Борьба вас укрепила и нравственно, и волей. Вы узнали глубину горя. Открылись горизонты, ранее незаметные и непонятные. Горе — лучший учитель. Школа жестокая, но верная. Да будет благословенно очищающее и вдохновляющее горнило несчастья. Это как первая гроза после зимнего сна. Ждут ее поля, где в черных глыбах притаились ростки свежей травы, ждут ее леса, в почках которых уже зреет зеленый лист, как младенец в колыбели, пока с высоты небесной не разбудит его призыв к жизни, теплу и свету.

То же и вам, офицеры, надо сделать в мирное время со всеми молодыми солдатами, кои будут проходить через ваши руки, — воспитать истого воина-гражданина. А для этого одного приобретенного вами опыта мало, надо и знания. Поработайте и потрудитесь сознательно для приобретения его. Выражения «не могу» быть не может. Было бы желание и воля. Те же, кто этого сделать «не захочет», пусть по честному убеждению, как недостаточно сильные духом, оставят наши крепкие ряды. Без них, слабых энергиею, мы станем еще дружнее, еще крепче и вновь прославим отечественные знамена нашей стальной русской выносливостью, нашим русским мужеством, нашим военным патриотизмом!

Воин (Владивосток). — 1922. — № 2.

Л. Комеровский

ЛУЧШИЕ ЛЮДИ

В глубине истекших тысячелетий человеческого существования затерялось начало истории офицерства. Вожди племен, военачальники в войсках более крупных государственных образований были пращурами офицерства, предводительствуя походами, оружием завоевывавшими право на существование. Лучшим людям вверялась охрана страны и нации от покушения воинственных соседей. В те далекие времена не было армий: вся мужская часть нации была воинами, и лучшие из них — сильнейшие, разумнейшие и храбрейшие — по праву личных достоинств руководили военной защитой страны.

В течение ряда веков в каждой нации накапливался живой запас воинов по призванию, наследовавших от отцов, дедов и прадедов именно те личные качества, какими должны обладать военачальники, защитники страны и народа. Постепенно эти люди выделяются в особый класс, класс «лучших», естественным путем получивший привилегию занятия командных должностей в войсках. Представители этого класса добровольно несли тяжелую повинность крови, служили всю жизнь, не получая за это никакого вознаграждения, следуя сословному принципу. При возникновении крупных государственных образований на смену вооруженному народу является постоянная армия. На последнюю возлагается защита территории страны и суверенных прав нации, ее населяющей. Ярким национальным характером армии, ядро которой составляли лучшие люди страны, дал римлянам возможность не только защищаться, но и наступать, распространив свое владычество почти на весь тогда известный мир. Постепенно с расширением территории, когда римские легионы стали пополняться чужеземцами, наемниками, рабами и преступниками, когда военная служба, служба чести, превратилась в ремесло, государство погибло под ударами более стойкой, спаянной национальным духом армии варваров.

В средние века преемственно от военачальников древности хранителями заветов предков, носителями национального достоинства страны явились рыцари. Они заменили армии, предводительствуя небольшими отрядами приближенных. Носить оружие для защиты страны становится величайшей честью, доступной далеко не всем — естественная предосторожность после неудачного опыта римлян. Действуя на свой страх и риск, отдельные рыцари постоянно втягивали страну в подчас бессмысленные войны, и силой исторической необходимости сюзеренным владетелям-королям пришлось подчинить рыцарство своей воле оружием.

Так возникла армия наемников, просуществовавшая до второй половины XVI века, когда система вербовки сменила наем. К этому периоду относится и образование корпуса офицеров как особого класса в войске. Тогда же появляется иерархия офицерских чинов. Порядок замещения должностей был вначале выборный (солдатами или вербовщиком), затем покупной (продажа государством офицерских патентов) и, наконец, по назначению короля. Безотносительно к способу замещения важно отметить самый факт обособления известной категории лиц по свойству их обязанностей. Этим лицам, как и в древние времена, вручались честь и достоинство нации — ее вооруженная сила — фактор первостепенной важности международных отношений не только того, но и нынешнего времени.

В дальнейшей своей истории корпус офицеров обособился еще более, когда с половины XVII века занятие офицерских должностей стало исключительной привилегией дворянства. История повторилась — воскресло сословие римских всадников. Сословный принцип, укрепившись, сыграл огромную роль в смысле тесного сплочения офицерства, состоявшего из однородных элементов. С течением времени, когда эволюция политической жизни государств ослабила, а затем свела почти на нет сословный строй, корпус офицеров пополняется притоком молодых, свежих сил, по призванию, добровольно предлагавших родине свои жизни.

Эти новые люди принесли в корпус офицеров новые веяния — жажду знаний в первую очередь. К этому времени и военное искусство стало требовать от командного состава не только отваги, сообразительности и физической выносливости, но и специальных знаний. Знаменитое «пуля дура — штык молодец» отчасти отходит в область преданий о славном прошлом. Появляются средние военные училища, зарождаются высшие военные школы. Офицерство подтягивается, кристаллизуется, непригодные и негодные элементы отпадают сами собой. Цельность же и сплоченность корпуса офицеров

не ослабевает. На смену сословного единения приходят славные традиции, бережно передаваемые от поколения к поколению.

Комплектование армии от вербовки переходит к повинности — общей обязанности, составляющей право гражданина, способного носить оружие, право, которого порочные элементы лишаются. До сих пор в армию вербовались элементы самые разнообразные, часто порочные — в солдаты сдавали провинившихся крестьян и преступников в виде наказания. После введения воинской повинности все это исчезает. Военная служба является высокой честью. Нравственный уровень войска резко повышается. Повышается и роль, и значение офицера, служащего по призванию, добровольно в течение всей жизни. Офицер — по-прежнему носитель идей военной чести, но теперь еще и представитель армии как особого почетного сословия страны. Офицер — духовный воспитатель этой армии, а не только руководитель ее физической силы. Отсюда — значительное поднятие образовательного ценза офицерства, более тщательный отбор и весьма заметное поднятие престижа офицерства в общественном мнении страны. «Каковы офицеры — такова и армия», — замечает барон фон дер Гольц в своей книге «Вооруженный народ». На корпус офицеров возлагается огромной важности задача: создать живую силу страны, которая обеспечивала бы государству возможность спокойного, мирного труда нации; воспитать армию, взрастить в душе неграмотного, темного мужика цветы патриотизма и национальной идеи, сделать его не просто мертвой машиной, а сознательной единицей национальной силы.

В России эта задача была особенно трудной. Еще первая часть ее сравнительно легка, но вторая выполнима с громадным трудом из-за чудовищного процента русской неграмотности, из-за народного невежества, темноты и почти анекдотической лени. Слишком мало времени прошло с момента введения всеобщей повинности (1874 г.). Сорок лет (до начала войны) — более чем малый срок, принимая во внимание еще более позднюю реформу корпуса офицеров. Несмотря на это, русское офицерство с честью справилось с задачей — первые два года войны яркое тому доказательство. Кадровая армия и ее молодые пополнения были предметом восхищения самих наших врагов. А похвала врага есть лучшая из похвал. На третьем году войны, когда выбыло из строя до 80% кадровых офицеров и солдат, когда армия пополнялась призывами старых годов, а в корпус офицеров попадал случайный элемент, когда офицеры и солдаты не знали друг друга, когда, по выражению покойного Государя, «войну повели прапорщики», — тогда крах был очевиден, но в нем русское офицерство неповинно.

Тыл предал русское офицерство, бросив его, как кость, распропагандированным, потерявшим облик человеческий, солдатам. Тыл, принеся в жертву офицерство, выигрывал время. Политические шептуны и крикуны, пользуясь временем, пока озверевшие люди с винтовками избивали офицеров, убегали, спасая свои никудышные жизни.

Но и в тупике, куда убежавшие «правители» завели русское офицерство, оно не потерялось. Предводимое любимыми вождями, оно совершило через объятую пожаром Россию легендарный поход. Оно стянулось на Кубань и оттуда, не отдохнув, пошло выполнять новое, великое, историческое задание — освободить Россию от насильников, снова строить разрушенное здание русской государственности.

Много еще сил и жизней надо потратить, чтобы довести начатый подвиг до конца, но начало этому концу положено твердое и незыблемое. С верою в успех, с молитвою о Божьей помощи, с гордым сознанием своего подвига идет по великому историческому пути русское офицерство, осененное эмблемой Великой, Единой и Неделимой России.

Пути России. (Ростов-на-Дону). — 1919. — № 1.

А. Круговской

РУССКИЙ ОФИЦЕР

Жизнь нации поддерживается любовью и уважением к тому, что она создает, чем живет. Все ее порывы, колебания, все ее стремления строятся на живом отзвуке в душе каждого участника нации, на его вере, уверенности и любви к лучшему для своей страны. Такая любовь к своему родному в тяжелые моменты для народа не имеет границ, если участники нации верят в свою страну. В такие моменты ничто не может заставить отказаться от своего родного, близкого. В такие моменты создается экстаз борьбы, люди умирают с молитвой за свои дорогие имена: родина, вера, нация. Проявляют свой долг не как обязательство, а как любовь к лучшему для своей страны.

Так было всегда, так будет.

Последние годы над Россией имя Родины не сходит с уст тех, кто ведет сейчас борьбу за ее существование, за ее целостность, за будущее для нее.

И только любовь к Родине, ко всему, что рождено и хранилось в ней, могла создать тот экстаз борьбы, только любовь к Родине поддерживает ее борцов за освобождение в этой титанической борьбе.

И лучшими сынами России, своей Родины, в этой борьбе оказались те, кого лишили Родины, кому не было возвращения к родной земле после тяжелой войны с железной Германией. Русское офицерство было изгнано из пределов родной земли.

Русский офицер был лишен своей Родины за то, что любил ее беззаветно, за то, что не хотел отдать ее на поругание. Миллионы людей оставляли фронт, уверенные, что «немец не придет в нашу Уфимскую губернию». Они забыли Россию. Забыла имя Родины и русская интеллигенция, занятая политическими раздорами между собой, слабая в своих начинаниях. Бездеятельная интеллигенция ушла в область метафизических изысканий, неуверенная ни в небе, ни в земле, расшатанная самокритикой. Родина для нее исчезла уже давно. Имела Родину и не видела ее. Единственный, кто остался верным своей Родине, был русский офицер. Тяжелое чувство утраты родины было ближе всех ему. И когда над Россией сменилось трехцветное знамя знаменем кровавой борьбы за космополитические начала, за уничтожение России, первый, кто встал за родную землю, был русский офицер. И только вера в свою страну, только любовь к ней могли заставить пойти горсть людей против волны разрушения, и только вера и любовь сделали то, что Россия начинает выздоравливать.

Умиряли вожди этой горсти героев любви к Родине, но за их именами крепло чувство этой любви, возрождалась армия в лице офицеров, стекаясь по одиночке к своим вождям, несмотря на все ужасы пути, несмотря на то, что многие гибли за свою попытку пройти к своим вождям. *Россия крепла офицерской армией*. За Корниловым, Алексеевым, за Марковым, за Дроздовским, этими героями любви к Родине, принявшими терновый венец, пришли целые полки, десятки тысяч офицеров пришли принять венец своих вождей, переносят все ужасы мучительной борьбы и как всегда забывают о своих страданиях. Ничто не могло заставить их забыть Россию. Чем больше гибли любящих свою родную землю, тем больше их стекалось на зов вождей. Вожди сменяли вождей, но любовь к Родине крепла и крепнет сильнее. И на зов вождей спасения России, адмирала Колчака и генерала Деникина, пришли и приходят те же изгнанники из своей родной земли, встают в ряды под знамя любви к Родине. Никакие неудачи, никакие ужасы борьбы, невзгоды не могли сломать чувства веры в то, что Россия не умерла, что Россия будет сильной, как была.

Вожди армии, адмирал Колчак и генерал Деникин, несмотря на все утраты, тяжелые потери, гибель массы лучших сынов России, несмотря на то, что сами перенесли все ужасы под красными знаменами, только сильнее звали всех, кто любит Родину, встать на защиту ее. И армия была создана. Армия стала страшной для разрушителей Родины. Армия оживила Россию, офицерство создало армию, крепкую своей любовью к Родине. Горсть людей-героев сохранила Россию.

За политической борьбой всех направлений было забыто всеми ее участниками имя Родины. Не забыл ее только русский офицер. Сохранить мир своей родной земле — это единственное начало программы офицеров. Офицер забыл все дикое издевательство над ним на фронте и в тылу, забыл про свою личную жизнь, не забыл только Россию. Перед величием России преклонился только офи-

цер, и только он сознал всю тяжесть последствий революции. Офицер понял, что Россию продают, что от него отнимают все, за что он перенес тяжесть борьбы с Германией, за ее существование, мир. Загнанный, забитый за свою любовь к Родине офицер не смирился перед игом всех терзающих его Родину, не стал сомневаться в возможности ее возрождения. Потеряв все, отдает самого себя на общее дело за освобождение России. Для него не существовало политических партий в эти минуты, не было узких форм жизни по формулам, программам. Беззаветно отдавая себя, он думал только об одном — Родине, дорогим для него имени. От первого дня борьбы до настоящего времени он в этом же экстазе любви к Родине идет бороться за нее.

Имя Великая Россия поддерживает его в этой кошмарной по своей жесткости борьбе. И слепая масса, и философствующая интеллигенция там, за гранью этой борьбы, поняли, кто был прав в день развала армии, поняли теперь, что есть вещи, которых нельзя разрушать, без которых жизнь становится ненужной, пустой; поняли, что спасение только в тех, кто умеет верить в свою Родину, любить ее. И для такой любви нет меры, она неисчерпаема, и что только тогда будет возможно жить.

И там, за этой гранью борьбы, ждут освободителей, встречают их с именем Христа, встречают то, что утратили: свою Родину, ее лучших сынов, пострадавших русских офицеров. Там, за гранью борьбы, поняли, что вера, любовь к своей Родине — лучшее начало жизни в своей стране, что никакие формы жизни без этой любви не создадут мира. Там поняли, кто сделал ошибку, когда стали умирать в конвульсиях от голода, от всевозможных программ, всевозможных политических деятелей во имя «братства». Но прежде всех сумел почувствовать и оценить это русский офицер.

Он разбудил забытое русскими людьми имя Родины, забытое чувство долга, любви. И русский народ понял, что он воскресает, воскресает его Родина, жизнь России.

Пути России. (Ростов-на-Дону). — 1919. — № 1.

Н. Колесников

ВОЙНА И ОФИЦЕРЫ

Они были огнями! Они были лампадами Великого Духа, горевшими в серых темных рядах солдат. Это они в забрызганных кровью окопах, в землянках, полных дыма, грязи и паразитов. Это они на полях перед проволокой заплетшегося врага. Это они в снежных вершинах Карпат и Кавказа, в болотах среди озер Восточной Пруссии. Это — они!

Вы слышите, как они своей огненной речью будят спящие души солдат. Это они говорят им о ней — о Родине, о Великой России. Они — среди пляшущих огней шрапнели и осколков стали, среди кусков человеческого мяса, поднятого к небу землей. Когда притихнет в ужасе душа человека, они одни зовут и говорят. Они выходят вперед. Со сверкающими глазами зовут солдат. Они слышат, как Родина, рыдая, ведет за собой: *«Вперед! Господа офицеры!»*

Они забыли, как их травили до войны, как на эстрадах, среди расписанных кулис, опошляли великое служение Родине. Они простили все улюлюканье прессы, слепую ненависть к армии и мундиру. Они забыли насмешки «Поединков» и раскаты «Красного смеха». Они были лампадами Духа. Они слышали только Россию: *«Вперед! Господа офицеры!»*

Впереди легли, широко размахнув руки и сдвинув седые брови, старые командиры, и на их места встали залитые кровью юноши, молодые, полные огня. Они подняли высоко знамена дедов и молча ложились впереди с наивно удивленными глазами и красной струйкой резвой крови. А там, в глуби дали, в тылу, в самом сердце страны, остались те, кто был мозгом, кто был душой нации. Они, сытые, довольные, они, державшие нити мысли и слова, — интеллигенция великой страны. Им скоро надоел первый экстаз подъема. Спрятав национальные флаги первых дней, они зевали над телеграммами и скучали от затянувшейся войны. Их не коснулось великое горе России. Они не слышали команды. Лениво брела, шатаясь, праздная потаскуха-жизнь. Среди залитых светом улиц больших городов, в стильных фойе театров, среди взвизгивающих оркестров кабаков и шантанов, дымя ароматными сигарами за столами ресторанов, они спорили, говорили и мечтали о великом братстве народов, о призрачном сне потрясений, и их осоловевшие глаза и жирно обрюзгшие фигуры импотентов духа кутались в тоги Рима и Эллады и грезили о взрывах революции. Они качались в качалках, и перед ними витали образы Робеспьера, Дантона и Марата. Они не видели Родины! Скучно!

Их жены, развалившись в колясках, не видели идущих в глубоком трауре женщин, ни девушек с грустными глазами в белых передниках с красным крестом. В объятиях белобрысых, прыщеватых, с зачесанными усами лейтенантов, в объятиях смуглых стройных мажор, среди сверкающих бриллиантов, изысканных вин и в изящных туалетах, пили они радость жизни.

Мимо них шла облитая кровью война.

А молодые чопорные денди, сыновья скучающих отцов и Мессалин матерей, не слышали призыва Родины, затыкали уши от криков раненых и призраков смерти. Они, чтобы не стыдно было встречать взгляды девушек и калек в серых шинелях на костылях, тоже одели шинели. Они устроили маскарад Великой Войны. Они нарядились в фантастические формы, одели сабли, погоны и вензеля.

Веселые «Земгусары». Блестящие «Уланы Красного Креста».

Они появились в глубоком тылу в банных летучках, питательных пунктах, перевязочных отрядах и сберегли свое гнусное, похотливо жалкое тело кретина, раба и труса...

А мимо них шли другие, светлые юноши в студенческих фуражках, в гимназических шинелях, в кадетских мундирах в школы, на смену тем, кто умирал. Они слышали команду: *«Вперед! Господа офицеры!»*

Шумела жизнь! Гремели окопы! Росли могилы! Умирали они!

<...> А в кулуарах Думы вожди народа изучают истории революций и приготавливаются к ролям Мирабо, Дантона, Марата и Робеспьера. Внимательно разглядывают карту и обдумывают план люди с блеклыми стальными глазами, с зачесанными белокуроыми усами, старающиеся смокингами и визитками скрыть осанку солдата. Они руководители. Они вожди.

Внимательно слушают колена Израиля, когда бросит «Свобода» свой красный клич. И им бросили этот клич.

Вы слышите, как вспыхивают улицы огнями выстрелов, вы слышите крики людей. Это они. Безумные люди убивают на улицах, срывают погоны с плеч тех, на которых всю страшную тяжестью легла война, отнимают трусы то оружие, которое защищало честь и славу России.

Не смотрите. Я вижу, вам стыдно глядеть на это громадное здание гостиницы «Армия и Флот», вам стыдно за тунеядцев, изменников, трусов и предателей, которые с лозунгами «Свобода, Равенство и Братство» выбрасывают на улицу маленьких детей и беззащитных испуганных женщин в то время, когда бледные от оскорблений и негодования, на костылях, с покрасневшими повязками раскрывшихся ран, они молчат, стиснув зубы, с горящими глазами.

Не смотрите. Стыдно смотреть.

«Углубляйте и расширяйте революцию».

С красным кумачом и дикими лозунгами идет пьяная толпа. На памятниках, тумбах, взобравшись, цепляясь, как спрут, висят взлохмаченные нерусские люди.

«Долой войну». «Без аннексий и контрибуций».

Так шумел гнусный, похотливый, грязный тыл. В казармах спали, ели, пили, торговали, лутили семечки бородатые, одурелые от войны, одетые в шинели мужики. Среди них ходили таинственные незнакомцы и проповедовали новую веру «разрушения, злобы и крови».

А там к портфелям министров, к кабинетам губернаторов, к креслам сановников тянулись жадные руки адвокатов, мелких чиновников, учителей, журналистов, всех, в ком проснулся дух Хлестакова и Рудина, в ком текла кровь Молчалина и Смердякова, в ком цвела глупость Манилова.

Вот она, с завязанными глазами, с громадным рогом изобилия, на бешено несущемся крылатом колесе, стоит капризная богиня счастья Фортуна. Она сыплет деньги, почет, славу, карьеру, должности, роскошь и изобилие, она сверкает огнями страстей и наслаждения. Кругом нее гудит толпа. Она кричит о своих правах, она требует, она угрожает, она вырывает насильно лакомые куски. «Дай мне! Дай! Дай еще и еще, ибо я — власть, ибо я — народ! Дай! Это мое право!»

И в это время, когда все набивали карманы, когда все жадно открывали крышку общественного сундука, садились в седла честолюбия и брали барьеры должностей, когда все кричали только: «Дай!», они одни, только они, офицеры, сказали: «Мы должны».

Когда во главе военного дела, заменив старых боевых вождей и славных генералов, встал Макс Линдер революции, Петрушка в сюртуке и треуголке Бонапарта, и перед ним махала красными флагами толпа, забыв святые знамена дедов, они не отклонили от уст своих страшной чаши и спокойно выпили ее до дна. **Они**, стиснув зубы, окаменев от горя, под шелест красных тряпок, встали впереди и с горстью верных вестовых, молодых и старых солдат пошли на проволоку и окопы врага. Прощальную тризну им пели немецкие пулеметы, и плясали снаряды среди их гордых рядов, а сзади жужжали им в спину свои же русские... русские пули позорных трусов, залегших в окопах шкурников-солдат.

Так заносила железная рука истории резцом вечности и буквами огня в скрижали истории позорные часы Тарнополя... Так пела прощальные песни революция, провожая в могилы славных солдат старой армии. И они легли.

И совершилось чудо! Наверх своих окопов, среди утихшего боя, с рыдающими оркестрами трубачей, вышли враги России и подняли тела угасших за Родину, и на глазах безмолвных трусов похоронили с великою честью тех, кто не продал чести Родины, кто бился, как лев, до конца.

Но не опомнились безумные, не проснулись спящие, ибо не выпит был до конца весь позор, и не кончился гнев Божий. Святотатственно хуля, злословя, с затуманенными очами, пьяная и хмельная, в разодранном сарафане, с тернием в распущенных поседевших волосах шла в безмолвии кровавой тьмы на муки Русь.

И вот снова огласили улицы раскаты выстрелов, и снова полилась красная, липкая кровь. Из тюрем и каторги явились вожди. Они пожалы руки шпионам и предателям и повели легионы дезертиров, шкурников и рабов. Они срывали ордена, политые кровью, и грязными каблуками топтали кресты, они забивали гвозди в плечи и кромсали ножами просветы и лампы. Они радостно, как самых лютых врагов, душили, топтали, вешали, кололи штыками тех, кто продолжал звать, любить Родину, сражаться за честь и славу России.

Так умирали они, офицеры. Они не могли изменить тому, кому отдали все свои мечты, кому вверили все свои надежды, кто носил великое имя Россия! Перед ними стояла опять Она, но поруганная, ограбленная, уничтоженная, замученная, но все так же великая Родина. И когда не стало их старых полков, когда малодушно побежал жидкий, растаявший фронт и славу Империи заменили шайки

«красной гвардии» и пьяной «матросни», на землю пала жуткая темная ночь. Лишь, как улыбки дьяволов, плясали огни пожарищ, и доносились к безмолвному равнодушному небу крики выстрелов, плачь и вопли из мрачных люков подземелий чека.

Но они не спали. Перед их глазами все еще стояла Она. Это была их Родина. И они, малочисленные, усталые, голодные, затравленные, потерявшие в жизни все, решительно все, чутко прислушивались к мрачной тишине нависшей ночи. Они ждали русских, старых, бывших национальных вождей, водивших когда-то дружины чудо-богатырей.

Молчала ночь.

И вдруг глухую безмолвную тьму прорезали хорошо знакомые звуки команды: *«Вперед, господа офицеры!»*

Они немедленно встали, перекрестились и пошли.

Воин. — 1922. — № 3, 4.

А. Мариюшкин

ТРАГЕДИЯ РУССКОГО ОФИЦЕРСТВА

Предлагаемый очерк только в общих чертах охватывает те страданные этапы, через которые прошло русское офицерство на протяжении, главным образом, 1917-1923 годов (а с ним вместе и лучшая часть здоровой российской интеллигенции) и, конечно, не может считаться исчерпывающим... Толпа, чернь, может быть, даже и многомиллионная, может быть, даже чему-нибудь и учившаяся — вот тот злой вихрь, который пронесся над Русской землей и не пощадил ни ее величия, ни ее вековых святынь, ни чести, ни Армии, ни Царя, ни Бога. <...>

Если бы мы не были сами отчасти свидетелями, а отчасти участниками тех событий, которые развернулись перед нами на протяжении последних шести лет, если бы эти события до нас докатились как отражение прошлого или как исторический материал, то мы ужаснулись бы тому наваждению, в котором и теперь еще пребывает некогда великая и славная Русь.

Если бы отыскался такой большой талант, который написал бы действительно трагедию русского офицерства для сцены, то можно с уверенностью сказать, что ни один зритель не дослушал бы до конца, ибо не выдержали бы никакие нервы...

Опыты всех минувших войн в одинаковой мере подтверждают то громадное значение, которое в жизни народов и армий принадлежало и принадлежит командному составу.

Если дисциплина есть душа армии, то командный состав по справедливости можно назвать ее сердцем.

Вот почему все антигосударственные партии при всех попытках внутреннего переворота старались прежде всего внести раскол между народом и солдатом, с одной стороны, и офицером — с другой и подорвать его авторитет; вот почему и французская, и русская революции первой своей целью ставили неистовое уничтожение старого командного состава, выросшего на традициях государственности, усматривая в нем опасную силу.

Боевая упругость армии, помимо подготовки и материальной обеспеченности, целиком зависит от командного состава, а на упругости армии покоится незыблемость государств.

Русский офицер в последнюю войну явил собой светлый образ мученика за Родину и дал беспримерный героизм, но будет вполне справедливым оговориться, что нация своим прежним отношением к офицеру этого не заслужила.

И как неосмотрительно и легкомысленно было эту самую надежнейшую из ценностей растратить так непроизводительно в первые месяцы войны, когда легло более 50% лучшего офицерского состава.

Его уже не мог заменить тот суррогат, зачастую буквально безграмотного прапорщика, который наскоро фабриковался во время войны и который, кстати сказать, рукоплесканиями встретил позорнейшую и подлейшую из революций.

Но пусть это было неизбежной и неумолимой жертвой войны, все же, если бы старое, уцелевшее офицерство не было брошено своими вождями в 1917 году, а сплотилось бы в первые дни революции, судьба нынешней России пошла бы по иному пути. Но оно оказалось растерянно-одиноким, а если и сплотилось отчасти на юге России, было уже поздно: противник выиграл время.

Кажется, ни один социальный класс со времен существования мира не испытал на себе такой несправедливости и не пережил такой трагедии, которая выпала на долю русского офицерства на протяжении 1917-1923 гг.

Государственные и народные потрясения, именуемые смутой или революцией, переживала каждая страна, каждый народ. Классовая и партийная вражда принимала формы кровавых актов и во времена глубокой древности, и в период античной цивилизации, и в эпоху мрачного средневековья, и даже в века самой гуманнейшей философии, но никогда ни в одной стране никто не подвергался такому беззумному преследованию, такой ничем не оправдываемой озлобленности со стороны своих же, как многострадальное российское офицерство. Русского офицера травил не только чернь, его травил и так называемая передовая интеллигенция, если только можно назвать интеллигенцией ту среду неудачников жизни, которая способна была только ныть, все критиковать и брызгать ядом озлобления.

Еще задолго до мировой войны, а следовательно, задолго и до русской смуты, в нашей литературе, за которую щедро бросали золото инородцы, можно было уловить планомерный, скрытый поход против офицерства. Выброшенные волной безвременья наши писатели, затрагивая быт армии, неуклонно и тенденциозно вели кампанию против офицера. Если взглянуть в нашу беллетристику последних лет, то станет жутко и стыдно за русское общество, которое вольно или невольно повинно в скорбном пути своего офицерства, а вместе с тем и в скорбном пути своей Родины, ибо если одни делали предложение, то другие являли спрос.

В то время, когда за границей офицерский класс являл собой украшение нации, в то время, когда, например, в Германии даже высшие сановники считали честью надевать в парадные дни мундир прапорщика своих старых полков, — у нас отношение общества к офицеру было или нетерпимое, или, в лучшем случае, безразличное.

Оттого и литература наша, за некоторым небольшим отклонением, являла собой какое-то кликушество юродивых и незаслуженных наветов. Ведь ни одного светлого тона, ни одного правдивого штриха.

В то время, когда действительность, не говоря уже о таких мастерах ратного дела, как Суворов, Румянцев, Скобелев, в то время, повторяю, когда действительность дарила русской истории такие имена, как Милютин, Обручев, Ростовцев (одни из первых активных деятелей по отмене крепостного права), как Пржевальский, гр. Канкрин, Лорис-Меликов, Черняев, Ванновский, кн. Хилков, Кюи и, наконец, Витковский (современный всемирный математик) и много, много других светлых образов, скромно ковавших своей Родине славу, наша продажная литература из подполья выбрасывала на рынок уродливые фигуры пошлых, пьяных, ограниченных людей, с пороками и несложной моралью.

<...>

Так подготовлялась та Голгофа, на которую молча и спокойно взошел русский офицер, принявший на себя грехи и беззакония многих поколений.

Но почему же не протестовало офицерство против этой организованной травли? Почему допускало государство эту тихую сапу, которая впоследствии взорвала всю страну? Ведь ни одна армия не допускала такого издевательства, ибо если кто помнит скандальные записки Бильзе «Жизнь маленького гарнизона», то и они получали распространение только в России и, кажется, для нее и были сфабрикованы. И литература, и общество, вернее праздная обывательщина, особенно распоясались после Русско-японской войны.

Неудачная вслед за войной «революция 1906 г.», о которой утопически мечтало подполье и незрелая интеллигенция, отчетливо подтвердила, что сила государства заключается в командном составе его армии. Надо было во что бы то ни стало расшатать этот состав, поколебать его моральный авторитет.

Когда подводились итоги проигранной Русско-японской кампании, когда измышлялись причины наших поражений, то находились безумцы, которые бросали упрек по адресу офицера. Они не хотели принять во внимание, что театр войны был связан с питающим русским центром однокорейной железнодорожной ниткой, которая нарушала все стратегические и боевые расчеты командования. Они не знали и не хотели знать, как погибал русский офицер на фронтах Порт-Артура и в окопах Ляояна и Мукдена.

Они забыли, как русский офицер предпочитал смерть позору и взрывал, и топил себя на «Варяге».

Они, наконец, не хотели знать о тех забытых могилах, которые разбросаны в чужой Маньчжурии и над которыми теперь шумит и плачет стройный гаолян, единственный свидетель скромной доблести и величия духа русского богатыря... Но это был, так сказать, подготовительный период, который начиная с 1917 г. вылился в звериную жестокость солдатской и рабочей массы, натравливаемой нерусской рукой.

Начиная с 1917 г. эта травля превратилась буквально в неслыханную охоту за офицерскими скальпами.

Где же скрыты те причины, по которым русский офицер, являющийся частью своего народа и притом частью далеко не последней, был лишен всех человеческих прав и объявлен вне закона своей Родины?

Пользовался ли он незаслуженными привилегиями? Не оправдал ли надежд своего народа? Был ли он жесток к солдату, что заслужил гнев и отмщение его отцов, братьев и детей? Конечно же, нет.

Причины эти скрыты не в офицере и, может быть, даже не в народе — обе эти собирательные фигуры никогда не имели между собой никаких счетов, накапливающих вражду. Можно с уверенно-

стью сказать, что 90% начальников еще и до сих пор сохранили те незатейливые, но дорогие сувениры, которыми благословляла их часть, когда они расставались с подчиненными. Ведь это же делалось не по заказу и не по принуждению. Здесь участвовала некупленная любовь и непринужденное чувство.

Весь вопрос в том, что композиторам русской смуты, когда они увидели полную несостоятельность осуществить те щедрые обещания, которые они сулили многомиллионной массе, надо было прикрыть свою непригодность, надо было изыскать причину, чтобы не видна была эта хвастливая ложь. Надо было выдумать врага, который якобы тормозит ускоренный бег событий к народному счастью.

Таким врагом, на которого были отвлечены взоры отупевшей толпы, оказался русский офицер, благо почва была уже подготовлена.

Это ему нужна была война, чтобы получать награды... Это он не хочет мира «без аннексий» и защищает каждую пядь земли, которой у нас и без того много...

Это он требует на фронт снарядов и продовольствия, когда тыл голодает и изнемогает в очередях...

Это он не пускает солдат с фронта делить землю. Он расстроил транспорт, испортил паровозы, менял пушки за бутылку вонючего рому и продался немцам.

Это, наконец, он, который триста лет пил рабоче-крестьянскую кровь. Освободись от него сам, ибо мы бессильны, и тогда тебя ожидает рай, земля и воля!

И охваченный безумием народ штыками своих детей начал освобождаться...

Под пьяный хохот анонимного зверя, именуемого толпой, по всей широкой Руси началось каиново дело, и полилась, задымилась мученическая кровь... Она лилась в окопах, где вчера еще в грязи у пулемета рядом спали офицер и солдат. Она полилась на улицах, в тюрьмах и подвалах.

Офицера отрывали от матерей, от жены и детей и на их глазах убивали, как величайшую заразу.

Его пытали, жгли, истязали орудиями, перед которыми побледнел бы Нерон и Святейшая инквизиция. <...> А зверь-толпа хохотала... Она хохотала... «Были плохие времена, но не было подлей!» Стоит только удивляться, как мог позволить офицер, который держал в своих руках судьбу государства, так безропотно, так покорно себя убивать.

Мне довелось по этому поводу слышать мнение одного англичанина, который с негодованием говорил: «Нам, англичанам, непонятно, как мог допустить русский офицер такое непотребство, чтобы безропотно позволять себя арестовывать и уничтожать? Почему он не разряжал своего «браунинга»? Сколько бы таким образом было истреблено его палачей?»

Но наша психология непонятна иностранцам. Мы исстари привыкли бороться с нашими врагами открыто, в честном бою, а не из-за угла, хотя бы в целях самозащиты. Офицер знал, что та чернь, которая его арестовывала и убивала, «не ведала, что творила».

И даже теперь, после всех пережитых потрясений, после бездны выпитого горя, изломавшего личную жизнь, русский офицер готов простить своему народу его лукавые заблуждения и не вменить ему его беззаконий. Только не простится ему материнская скорбь по своим замученным детям, никогда не простятся ему святые слезы детей, потерявших своих отцов. Они не смогут простить, ибо выше человеческих сил их страдания, бездонна глубина их горя.

Пусть эта толпа, эта чернь была введена в заблуждение, но это заблуждение помимо всего посягнуло на наши святыни, оно обагрило свои руки в крови своего мученика Царя, да и теперь эти руки терзают и бесчестят свою Родину.

Ведь это ты, русский народ, опозорил себя предательством и изменой.

Ведь это ты выбросил на поругание гробницы святых твоих мучеников, которых чтити деда и отцы.

Ты жег офицеров вместо угля в раскаленной топке «Алмаза» и пускал их под лед в прорубь. Ты прошел из конца в конец с огнем пожаров и сжег, и разрушил те памятники, которые создавались усилиями твоих предков. Это сделал ты, «народ-богоносец», ибо ты допустил это. <...>

За что же, спросим мы теперь, с такой ненавистью и жестокостью восстал на тебя, русский офицер, свой же народ и излил всю накипь одичания и озверения, которой не подвергались даже враги? Почему и теперь еще не кончен твой крестный путь?

Неужели за то, что заброшенный зачастую в неудобную глушь, ты годами влачил полуголодное существование и незаметно делал великое дело, отдавая тому же народу весь запас твоих сил, а с ними и лучшие годы, с которыми угасали твои личные чаяния и надежды? Неужели за то, что ты, бесшумно стоя на страже, никогда и никому не заявлял о своих желаниях и нуждах и верил, что тот на-

род, которого ты научил понимать Бога и гордиться своей Родиной, не покинет и не продаст тебя в минуту испытаний? Не за то ли, что тебя рвали неприятельская сталь и чугун и что ты тысячами повисал на колючей проволоке?

<...> Неужели за то, что, когда все было охвачено хаосом безумия, ты один не потерял своего сердца и не отчаялся в спасении Родины? Не за то ли, что, когда Одесса, Новороссийск и Крым переживали кошмарные дни, ты своей израненной грудью прикрывал бегство охваченной паникой толпы гнилой обывательщины, которая в лучших случаях к тебе была только обидно снисходительна и по обстоятельствам меняла «распни» на «осанна»? Они уезжали, забирая с собой англоязычных фокс-терьеров, а для твоих детей, да зачастую и для тебя, не хватало места даже на палубах пароходов. Разбросанная по чужим странам, эта обывательщина, одетая в модно сшитые смокинги, уже отвернулась от тебя, как она отворачивалась всегда, когда опасность была позади.

Помните ли, как в дни, когда создавалась Добровольческая армия, в Ростове и других городах эта обывательщина, эта буржуазия на предложения пожертвовать на нужды армии брезгливо отвечала: «Ах, опять эта Добровольческая армия!» или в лучших случаях раскошеливалась двадцатью рублями «керенской валюты». А когда большевики занимали эти города и накладывали многомиллионную контрибуцию, эта буржуазия ночами простаивала в очередях, чтобы не опоздать и внести свою долю.

<...> Было бы большой несправедливостью, очерчивая скорбный путь офицера, не отметить, что по этому пути прошла также и здоровая русская интеллигенция, патриотически-настроенная, и особенно безупречное наше православное духовенство, но все же для них этот путь был значительно короче: он кончался или сразу за воротами чрезвычайки, или за гранью большевизма.

Уже с марта 1917 г., со дня опубликования знаменитого приказа ¹ 1, стало определенно ясно, что «русская революция наметила искупительной жертвой офицерскую среду. Нельзя перечислить тех оскорбительных способов и измышлений, чрез которые прошел русский офицер в терпеливой сосредоточенности. Ограничив, а впоследствии совершенно лишив его прав, уже балаганная керенщина усложнила его обязанности и свела его личность до положения пария. Было время, когда понятие офицер являлось синонимом позора, и случаи, когда офицеры подавали рапорта о разжаловании их в солдаты, — не легенда.

Над ним издевались и буквально «куражились» всяких наименований комитеты. Имя его трепали на митингах. Его обезволили, сорвали погоны и, по меткому выражению генерала Деникина, «плюнули в душу».

А когда тому же трусливому шути Керенскому понадобились козыри для рекламы, он под Калушем в 1917 году послал того же офицера на сознательный убой во имя «завоеваний революции».

Какая ирония!

И офицер пошел. Пошел, чтобы быть преданным своим же солдатом и никогда уже больше не вернуться...

История военного искусства имеет много примеров, когда во главе армий стояли великие полководцы. На протяжении многих столетий можно проследить, что армиями командовали посредственности, как французский генерал Шерер, бездарности, как австрийский генерал Макк, были авантюристы, как Валенштейн, были патриоты, были неудачники, но никогда ни одна армия не опускалась до того, чтобы во главе ее стоял шут или бандит. Пробел этот суждено было заполнить бедной Русской армии: в 1917 г. она получила и того, и другого в лице Керенского, а потом Крыленко...

Разве это не трагедия, которая ждет своего Шекспира?

Если русский офицер, брошенный всеми на распутии, по счастливой случайности избегал чрезвычайки, его встречала пьяная петлюровщина или махновщина.

На Днестре его расстреливал румынский пулемет, а в Польше стерегла проволока концентрационного лагеря. И даже в период успехов Добровольческой армии, куда он нес огонь своих желаний и лучшие движения души, в Таганроге, Ростове и проч., и проч. — его травили усердные не по разуму контрразведки и «неудачные копии» чрезвычайки, вроде особых реабилитационных и следственных комиссий и судов, которые изматывали душу и нервы, лишали Государем дарованных чинов и приговаривали к каторге.

В то время, когда в 1919 году при наступлении на Москву фронт Добровольческой армии таял, когда армия являла собой типичную мозаику среди океана земли, в тылу десятки тысяч офицеров без денег и белья месяцами ждали решения своей участи, ходили опозоренными и теряли веру и огонь, а их семьи голодали. Ко всему следует прибавить алчную и безответственную королеву тыла — спекуляцию, которая сторожила офицера и была его самым неотступным спутником всегда и везде. Прави-

тельство будто умышленно платило ему гроши, сознательно обрекая на нищету или толкая на мародерство, а спекуляция, этот неизменный союзник большевизма, росла и крепче стягивала узел.

Даже в период расцвета Добровольческой армии уже предчувствовалась какая-то жуткая атмосфера, которая зарождала в сердце офицера тревогу за ее судьбу. Тревога эта создавалась и тем, что старые полковники, опытные командиры частей назначались рядовыми в обидное подчинение вчерашним прапорщикам, может быть, даже и храбрым, но со странной военной психологией. Тревога, наконец, усиливалась и тем, что когда одни разжаловывались в рядовые, другие делали головокружительную карьеру, которой позавидовал бы Наполеон, и вокруг которой расцветали анекдоты.

Оптовое производство в генералы (и кто только не производил?), фабрикация полковников носили характер несерьезного бутафорского акта.

Они разрушали красоту авторитета долголетних опыта и знаний, породили какую-то хлестаковщину и в довершение всего создали самозванство. «Вундеркинд» вытеснял ветерана...

Кому это было нужно?

И как часто потом эти «стратегические мальчики» внезапно померкали: одни из них делались скандальной сказкой тыла, другие попадали под суд, а третьи просто изгонялись...

Чтобы исчерпать полностью хождение по мукам русского офицерства, следует остановиться еще на одном серьезном этапе. Российская, именуемая «бескровной» революция расколола русское офицерство на два враждебных лагеря. Одни оказались по тем или иным причинам с врагами человеческой культуры — большевиками. Потеряли ли они сердце, соблазнились ли они полуголодным пайком, озлобились ли, продались ли или просто смалодушничили — Господь им Судья! Другая часть офицерства создала белую армию. И вот вчерашние друзья, а иногда и братья, люди одного мышления, одного измерения, сегодня стали врагами не на жизнь, а на смерть... Началось какое-то самоистребление, которое ужаснет наших потомков...

И вот в таких сумерках протекло мучительных шесть лет. Русский офицер потерял Родину и стал изгнанником и пришельцем на чужбине. Перенес все унижения, вплоть до вероломства и оскорбления союзников, выросших на его мученической крови, офицерство, которое никогда никому не изменяло, оказалось за бортом.

Разъединенное и разбросанное по всем материкам земного шара, придавленное и бесправное, потерявшее зачастую своих детей и зачастую же искалеченное, оно тем не менее не утратило красоты духа и не растеряло своих сил, которые приводят в изумление и друзей, и врагов.

Куда только не бросила судьба офицера!

В далекой знойной Аргентине и Бразилии, в рудниках Калифорнии и в Канаде, в Китае и джунглях Индии, на Филиппинских и изнурительных Зондских островах, в Абиссинии и даже в иностранном легионе Туниса и Мадагаскара — везде слышится русская речь...

Казалось бы, все испытано и все исчерпано до дна, пройдены все этапы... Болгарские злодеяния, казалось бы, явились последней точкой в трагедии русского офицерства. А между тем она еще не изжита, ибо чувствуют враги, что еще не сломлена наша упругость, не смята еще наша воля.

И вот то культивируя и разжигая среди нас, людей единой веры, раскол, то сея рознь, то пугая или заманивая слабых чарующими обещаниями всяких организаций, репатриаций или просто провокаций — наши враги не останавливают своей работы по ослаблению или уничтожению командного состава той единственно русской армии, которая сохранила свою душу и которая одна только и опасна красному владычеству...

Но если сдают и уходят слабые, то сильные остаются, и не смутят их дух никакие обещания и угрозы. И мы имеем все данные, чтобы всем нашим врагам ответить словами одного патриотического стихотворения:

...Вы, которые попрали Престол, царивший триста лет, Над нами вы не одержали Своих решительных побед!

Как железо, пройдя через огонь, становится сталью, так и русский офицер из горнила бедствий вырастает в того великана, который понесет одним освобождение, другим — кару.

Там, в России, поруганы все святыни, повержены все идеалы. Но мы храним их в глубине души и бережно вынесем на родной простор...

А пока целы эти идеалы, цела еще и Россия...

А если мы умрем, то мы завещаем эти идеалы нашему юношеству, нашим детям, которые сохранят их непорочность.

Пусть идут годы, пусть торгующая Европа совершает свои сделки, пусть еще торжествует порок и

беззаконие, — будет день — от четырех ветров слетятся русские витязи, они оживят свою Родину и покажут всему миру Правду, ибо есть только одна Правда и она — *наша...*

И тогда, может быть, будет многим стыдно: одним за то, что толкнули Россию в бездну и бросили ее в минуту скорби, другим за то, что допустили поругание над человеческой правдой и не подали руки миллионам умирающих детей, а третьим — за конвенции, конференции и прочие лукавые тенденции...

Но как бы ни были тяжки наши испытания, как бы ни была велика наша горечь пережитых обид, мы должны пройти еще через один самый трудный этап: это *победить себя*, победить в себе чувство гнева и чувство, может быть и справедливого, отмщения.

Только проникнутые великой жалостью, с крестом всепрощения, мы сможем поднять наш упавший и обманутый народ, и все забыв и все простив, будем опять чистыми руками строить нашей Родине славу на веки веков...

Над Европой со времени минувшей войны повисли тяжелые тучи, разрядить которые, может быть, придется мечу. И, может быть, никогда еще человек не был так близко к войне, как теперь. Где бы ни началась эта война, она неизбежно захлестнет и нас.

Если наша цель — освобождение Родины, то наша первая задача — это сохранение себя, сохранение своих сил, как бы ни была трудна жизнь. Вот почему теперь, как никогда, нам необходимы — *всем русским людям*, временно лишенным своей Родины, — спайка, единение и братство.

Вот почему всем тем, кто сеет между нами рознь, кто плетет паутину интриг, кто пытается вкравчиво смутить нашу душу, мы должны сказать, кто бы они ни были: довольно, уйдите от нас и не удлинняйте той трагедии, которая приближается к концу!

Мариюшкин А. Трагедия русского офицерства. — Новый Сад, 1923.

А. Керсновский

НАШ БУДУЩИЙ ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС

Всякая армия стоит того, чего стоят ее кадры и в первую очередь ее офицерский корпус, являющийся носителем идеалов армии и представляющий ее душу.

Вот почему, создавая, вернее, воссоздавая вооруженную силу освобожденной от большевиков России, нам надлежит обратить главное внимание на отбор офицерского кадра, достаточно многочисленного, безупречного в моральном отношении и представляющего солидные гарантии достаточно высокой подготовки и профессиональных познаний. *Побеждают не числом и не техникой, а командованием и умением.*

<...> Для создания хорошего офицерского корпуса необходим отбор. Для отбора же необходим выбор. Чем больше кандидатов в военные училища, тем строже выбор, тем выше качество отбора. Для этого нужно сделать военную службу вообще, а офицерскую в частности, возможно более привлекательной.

Материальное обеспечение играет, бесспорно, большую роль, однако центр тяжести кроется не в денежной стороне вопроса (величина окладов). Офицера на базаре все равно ни за какие деньги не купишь, желающие поступить в орден «нищих рыцарей» всегда были и будут. Главное — не высокие оклады, а поднятие престижа офицера в обществе и в стране. Нам кажется, что, *когда отставной капитан будет занимать почетное положение в обществе и пользоваться всеобщим уважением, «офицерский вопрос» будет разрешен.* Отдавая Царю и Отечеству лучшие годы своей жизни, свои силы и здоровье, офицер не должен задавать себе с тоской вопрос: «А что будет после?» Для отставного офицера всегда должна быть возможность устроиться на гражданской службе, где ему должно отдаваться предпочтение перед остальными кандидатами. Ряд должностей (и в первую очередь по Министерству Внутренних Дел) должен вообще быть монополизирован в пользу отставных офицеров. Этим, кроме всего, легче будет достигнуть военизации страны, ее планомерной подготовки к войне во всех отраслях государственной жизни. Полиция, весь аппарат путей сообщения, заводская промышленность (должности, не требующие специально-инженерной подготовки), народное просвещение (школьные учителя, готовящие будущих солдат, гимназические воспитатели и преподаватели, готовящие будущих офицеров запаса) — все это будет воссоздаваться и функционировать при самом широком участии офицеров и вышедших в отставку сверхсрочных унтер-офицеров (вспомним лишь немецкого школьного учителя, который до того чтобы учить детей — учил солдат!). Да ведь сама жизнь потребует этого — остатки нашей затравленной большевиками, измороженной и обезличенной интеллигенции не в состоянии будут дать достаточно высокого и твердого в духовном отношении кадра воспитателей народа.

Тут-то и скажется вся высота миссии Русского Офицерства, — и мы можем заранее сказать, что оно со своей сложной и многогранной задачей справится, лишь бы ему не мешали.

* * *

Служебные преимущества Гвардии и Генерального штаба, в ущерб главной массе офицерства, составляли одну из самых злостных язв старой Императорской Армии. Конечно, о восстановлении их не может быть и речи. Служба в Гвардии должна считаться почетом, отнюдь не средством делать карьеру. Что же касается офицеров Генерального штаба, то они должны служить совершенно на равных основаниях с другими (тут уж сама жизнь произведет отбор, ведь офицеру Генерального штаба и так дано несколько очков вперед) и периодически обновлять свои познания (военные игры всего выпуска, например, на 5-й, 10-й и 15-й год по окончании Академии). Принадлежность к Генеральному штабу у нас считалась своего рода талисманом, ковром-самолетом, на котором можно было долететь до генеральского чина без всякого усилия и совершенно не зная войск. Безнравственность подобного рода порядка отягчалась еще тем, что монополия на высшие командные должности чинов Гвардии и Генерального штаба делала безнадежной службу главной массы офицерства. Сколько талантов, сколько твердых и энергичных характеров пропадало для Армии таким образом! Академия Генерального штаба — это рассадник просвещения армии, отнюдь не какая-то «фабрика генералов». Нам

выгодно, чтобы военные знания проникли в самые недра Армии и чтоб значок Академии носило возможно большее число ротных, батальонных и батарейных командиров (настоящих командиров, а не случайных гастролеров, «отбывающих ценз»). Офицер Генерального штаба должен как правило служить в строю и лишь «отбывать ценз» в штабах. Так было и во Франции, и в Германии, где, например, фон Клук семь лет командовал батальоном, а Шлиффен — шесть лет эскадронам. Держась в стороне от строя и от войск вообще, офицер Генерального штаба у нас попросту «зарывал талант в землю».

Теперь перейдем к Гвардии. Гвардейские войска должны быть все собраны в районе столицы и иметь характер учебных частей, куда периодически прикомандировывались бы офицеры других полков (имеющие, например, «плохие» гарнизоны на границе). Таким образом довольно значительная часть офицерства сможет года на два отдохнуть от жидовских местечек и пожить столичной жизнью, что очень важно. Аналогично должно обстоять дело и с Гренадерскими частями в Москве. Мы будем иметь, таким образом, 6 учебных дивизий.

Но кроме Гвардии и Гренадер у нас будут еще части другого рода. Это Добровольческие полки: Корниловцы, Марковцы, Алексеевцы, Дроздовцы. Это та Гвардия Великой России, куда пошло все лучшее, что было в нашей нации. Своего последнего слова полки эти еще не сказали, но в грядущей борьбе за освобождение России им, как и в «первую» гражданскую войну, бесспорно, отведено первое место.

Какова же будет роль этих полков в будущей Русской Армии? Роль эта прежде всего воспитательная. Стоять они будут на Юге России и пополняться кадетами и юнкерами, которые в их рядах будут получать практическую подготовку и проходить курс строевой службы. Здесь же получают свое воинское воспитание студенты и гимназисты, кандидаты на офицера запаса.

* * *

Говоря об офицере, нельзя не упомянуть о его помощнике — сверхсрочном унтер-офицере — и о его заместителе — офицере запаса. Сверхсрочному унтер-офицеру надлежит обеспечить по окончании службы достойное и почетное существование (места во всевозможных администрациях, воспитание детей на казенный счет во всех учебных заведениях, отставка с правом ношения мундира, земельные наделы, доступ к некоторым орденам). Наиболее развитым и достойным следует дать возможность получения офицерского чина... Идеалом было бы на первых порах иметь 10-12 сверхсрочных на роту, эскадрон или батарею, а впоследствии и больше. Количество офицеров запаса должно приблизительно равняться численности кадровых офицеров и сверхсрочных унтер-офицеров. Корпус офицеров запаса должен играть роль регулятора в расходе наших кадров и предохранить их от почти поголовного истребления в первые же месяцы войны. Урок 1914 года не должен пропасть даром. Кадровый офицерский корпус надо беречь и расходовать не сразу, а по частям. Поэтому с объявлением мобилизации надлежит перевести в полковые запасные (учебные) батальоны не менее трети кадровых офицеров и сверхсрочных унтер-офицеров данного полка, а на их место поставить офицеров запаса, надлежащим образом отобранных. Этим достигается, во-первых, лучшая обученность прибывающих в полки пополнений, во-вторых, сбережение ценных кадров, которые потом будут вливаться в полк понемногу во главе обученных ими маршевых рот. Конечно, для этого теоретическая и практическая подготовка офицера запаса должна быть очень высокой.

Прежде всего это должен быть человек с высшим либо законченным средним образованием. Теорию он должен пройти под руководством опытных инструкторов на военных курсах гимназий и университетов. Затем, поступив вольноопределяющимся в один из Добровольческих полков, получает там воинское воспитание, проходит курс строевой подготовки и по истечении года держит экзамен на первый офицерский чин. Выдержав экзамен, он переводится подпоручиком запаса в «регулярные» полки (имея право на ношение значка воспитавшего их Добровольческого полка). Здесь, в полку, он служит год подпоручиком, занимая должность командира взвода. Затем, увольняясь в запас, он в течение первых пяти лет состояния в запасе призывается еще на месяц ежегодно на повторительные учения (лагерные сборы), после чего желающие могут держать при особой комиссии экзамен на ротного командира (капитана запаса). Само собою разумеется, офицеры запаса, предназначающиеся при мобилизации к укомплектованию частей 1-ой очереди (взамен части кадровых офицеров), должны назначаться в тот же полк, более того, в ту же роту, где они проходили действительную службу и отбывали лагерные сборы.

Наша работа уподобится работе птенцов гнезда Петрова, на развалинах старой стрелечно-

поместной армии строивших в 1698-1701 гг. ту силу, которую нам теперь придется воссоздать. Нас, эмигрантов, можно будет сравнить в этой работе с потешными, а наших подсоветских соратников — с жильцами и даточными.

И, подобно петровским солдатам, нам придется служить бессрочно — до «бесчеловечия», то есть до утраты человеческого облика. До чего тяжелая работа, но и до чего почетная!

При воссоздании дорогих наших полков и батарей, каждый старый офицер незаменим. Семья полковых старейшин будет той закваской, которая превратит безличное сборище 70-80 молодых, друг друга не знающих и друг другу не доверяющих офицеров в один монолит. Эти старики обеспечат главное:

преемственность. Они и сохраненные знамена сделают то, что полки, которые мы будем воссоздавать, будут полками Полтавы, Треббии, Бородина и Мировой войны — а мы не будем Иванами Непомнящими. Голоса стариков не будут раздаваться на плацу, либо в ротах, но будут звучать по вечерам в полковом собрании. Их будет внимательно слушать строевая молодежь и, слушая, отшлифовываться, превращаться в настоящих Апшеронцев, Ширванцев, Одесских улан, Изюмских гусар, артиллеристов несравненных наших бригад и батарей.

Если старик-генерал зарабатывает свой горький хлеб изгнания службой ночного сторожа, то неужели по возвращении на Родину он не сможет стать хранителем полкового музея, хозяином собрания того полка, которому он отдал лучшие годы своей жизни?

Эти должности, а также должность полкового библиотекаря-историографа, заведующего хозяйством, казначея, могут и должны заниматься неспособными уже к строевой службе генералами (в отставке с мундиром полка) и штаб-офицерами. Полковой священник, по возможности из офицеров полка (в изгнании многие офицеры сподобились священства). Следует дальше учредить должность «заведующего молодыми офицерами» (в современной Германской армии офицер, несущий эту обязанность, именуется *Fähnrichvater* — отец прапорщиков).

«Совет полковых старейшин» должен руководить всей жизнью полкового собрания. В случае необходимости из его состава назначается суд чести. В непрерывном общении с молодыми офицерами он прививает им начала офицерской этики, которой главная масса нашей молодежи (этого ни на минуту забывать нельзя) сейчас ведь совершенно лишена.

<...> Без полковой семьи не может быть жизнеспособной армии, как без семьи вообще не может быть жизнеспособного государства. Механическое соединение замкнутых в себя, не доверяющих друг другу людей, потенциальных провокаторов — это не полк и это — не армия.

Нам, эмигрантам, следует проявлять предельную заботливость и совершенно исключительное внимание и понимание к нашим подсоветским братьям по оружию. Надо все время помнить, что они перенесли больше нашего. И лишь когда они перестанут смотреть на нас и друг друга исподлобья, только тогда внутренняя жизнь нашей Армии сможет считаться налаженной.

* * *

Мы видим, что в самой дефицитной из профессий освобожденной России — офицерской — лишних людей не будет и не может быть.

Единственным критерием при воссоздании души Русской Армии — ее офицерского корпуса — должно быть наличие *призвания*, без которого невозможно никакое творчество. Если часть нашего зарубежного офицерства вполне искренне ощутила призвание к журналистике, педагогике, землеустройству, куроводству — было бы преступлением тащить их в Армию, или на Флот и не дать возможности приложить свои силы и способности в тех областях, где они будут всего продуктивнее. Конечно, все эти журналисты и землемеры обязаны будут, в качестве офицеров запаса, отбывать возможно более частые лагерные сборы, но это уже — другое дело.

Первым нашим делом — «приказом номер первый» возрожденной Русской Армии — должно быть *восстановление всех кадетских корпусов*. Ступив на родную землю, мы сразу же должны обеспечить себе смену, привлечь и воспитать молодое поколение, овладеть юными сердцами.

И вот здесь эмигрант-офицер окажется *незаменимым*: откуда мы возьмем иначе офицеров-воспитателей? Советские могут дать самое большее — инструкторов физкультуры.

Ясно, что тех офицеров-эмигрантов, что избрали себе педагогическое поприще, надо направить в первую очередь на удовлетворение кадетских корпусов. Как поступить теперь с теми категориями офицеров-эмигрантов (их будет большинство), которые пожелают служить в строю и в войсковых штабах?

Рискнем предположить нижеследующую схемку, само собой разумеется не претендующую ни на какую непогрешимость.

1. *Офицеры Генерального штаба.* Эта категория офицеров, как правило, внимательно следила в изгнании за военным делом и все время находилась в курсе идей и событий. Наши офицеры Ген. Штаба, пожалуй, сейчас лучше разбираются в капитальных военных вопросах, чем разбирались бы в России, где самоусовершенствование не поощрялось, а все время уходило на бумагопроизводство.

Трехмесячный цикл военных игр и полевых поездок и трехмесячный стаж при штабах крупных соединений Авиации (рода вооруженной силы, им еще недостаточно известного практически) дали бы возможность нашим офицерам Ген. Штаба занять строевые и штабные должности, соответствующие их чину...

2. Офицеры несравненной нашей *Артиллерии*, на добрую четверть века опередившей Европу. По свидетельству югославянских артиллеристов, беседа с русскими артиллеристами-эмигрантами и стрельба с их участием приносят гораздо больше пользы, чем командировка за границу. Все то, чем гордятся сейчас французские артиллеристы, все то, что сейчас хранят в строгой тайне немцы, — все это (и многое другое) было уже у нас отчасти проработано до Мировой войны, отчасти найдено во время нее. Для нас, Русских, нового в Артиллерии за весь послевоенный период не было сказано ничего, за исключением, конечно, зенитной стрельбы (где впрочем требуются не столько «мастера», сколько «подмастерья»).

3. То же относится и к *Техническим Войскам* — саперам и железнодорожникам. Офицеры их обладают высокой квалификацией. Не говоря уже о кадровых, и офицеры военного времени имеют выдающуюся сноровку и огромный опыт...

4. *Пехота и Конница.* В противоположность сплоченной семье Артиллеристов и офицеров Технических войск офицеры Пехоты и Конницы сразу отнюдь не смогут стать в строй. Организация и тактика их родов оружия подверглась существенным изменениям.

По нашему скромному мнению, довольно сносным выходом из положения была бы командировка возвратившихся эмигрантов в офицерские школы родов оружия (3 месяца на поправку здоровья, «физкультуру» и теорию, 3 месяца практических занятий и маневров). По истечении шестимесячного курса сорокалетние пехотные поручики производятся в капитаны (в чин «зауряд-капитана») и через год строевой службы окончательно утверждаются в этом чине.

5. *Авиация.* Тут все зависит от того, что скажет врач. А врач очевидно скажет, что если пехотинец в 40-45 лет свободно может командовать ротой, либо батальоном, то летчику этого возраста, да еще так долго не имевшему тренировки, заниматься акробатикой на скоростных (600 км/час) самолетах и на высоте смежной со стратосферой нечего и думать.

Летать наши эмигранты смогут лишь для своего удовольствия. Их высокая квалификация, опыт, а у многих и связи в заграничных авиационных кругах дадут им первостепенные посты в имперской авиационной сети и авиационной промышленности. В военной Авиации желающие могли бы пройти по инспекторской части, лекторами в летных школах, командирами парков и авиабаз...

Таковы, в общем, мысли о близящемся нашем служении Родине. Мы изложили их здесь без всякой претензии на непогрешимость суждений — в надежде, что эти посредственные идейки наведут кого-либо на мысли более удачные.

Керсновский А. Наш будущий офицерский корпус // Царский Вестник (Белград) — 1930. — № 100, 101. Керсновский А. О нашем близком служении // Часовой. — 1939. — № 240/241.

Е. Месснер

СОВРЕМЕННЫЕ ОФИЦЕРЫ

Командиры хаоса

Человеку цивилизация подарила войну с ее тактикой и стратегией, с войсковой организацией и с систематизацией военных замыслов и действий. Удалство, храбрость стали в таком почете, что только отборному слою населения досталось право на владение оружием, право на храбрость. Создатель рыцарство и создавался кодекс военной морали. От первобытной борьбы против слабейших (захват женщин и рабов) перешли к борьбе против равных: рыцарь против рыцаря, воин против воина. Цивилизованность войны повышалась и снижалась вместе с переломами линии подъема общей цивилизации. Появились армии из простолюдинов, рыцаря сменил офицер-дворянин, а потом — офицер-разночинец, но кодекс военной морали оставался, вообще говоря, неизменным: борьба против сильных, против равных: воина против воина, армии против армии. Исключение допускалось в колониальных войнах: здесь захватнический интерес устранял кодекс. «Идеологическое» обоснование такой борьбе против слабейших (почти безоружных туземцев колоний) дал в 1516 году англичанин Т. Мор.

Англичане же низвели войны между культурными народами на уровень столкновений примитивных племен: блокадой Германии в Первую Всемирную войну было положено начало войнам против слабейших: против женщин, детей, стариков. Вторая война изорвала в клочья офицерский кодекс. Офицер стал командиром хаоса, ибо вместо борьбы армии против армии война стала столкновением воинов и партизан, рыцарей и подпольщиков. Война стала борьбой стратегии, дипломатии, политики в государствах, в партиях, борьбой промышленности, торговли, финансов, социальных проблем и всевозможных идеологий. Глядя на этот «лик современной войны», нельзя не предсказать, что «мятеж — имя Третьей Всемирной».

Командиры хаоса должны готовиться к такой именно войне. Естественно, что они не «русские офицеры», не офицеры такого типа, какой был в нашей Императорской Армии, в армии Рейха, в армии Французской Республики. Подражаниями этому типу в разнообразнейших и не всегда удачных вариациях были офицерские корпуса всех цивилизованных народов. Эти офицеры-рыцари сохранились только в мемуарных описаниях: очень непохожи на них нынешние командиры хаоса.

Последние делятся на несколько видов вследствие национальных особенностей народов, специфических свойств политических режимов, различия военных доктрин и пр. Не детализируя классификации, можно установить наличие нижеперечисленных шести видов.

Вид партийный. Офицер дисциплинирован, втянут в суровую учебу и службу; ремесло свое любит, но зажат в своей духовной жизни бдительной партийной опекой и сыском; изолирован от граждан и его привилегированность побуждает гражданство чуждаться его; в нем проявляется «катастрофическое падение уровня общего интеллигентного развития» по сравнению с «той невероятной для современного общества эрудицией, которая присуща интеллигенции дореволюционной формации» (Предтеченский). Таков советский офицер и таковы, в менее рельефных отпечатках, офицеры коммунистических стран. Офицеры партийного типа нередко в своей ненависти к врагу безудержны и беспощадны...

Вид демократический. При слабой дисциплине поведения дисциплина духа крепка; выносливость ослаблена привычкой к удобствам и комфорту даже в военных обстоятельствах; офицер служит с интересом и широко пользуется правом проявления инициативы, а это право основывается на достаточно высоком уровне умственного и духовного развития; живет в гражданской среде и мало чем отличается от нее своим мышлением и чувствованием. Основным импульсом боевой энергии является чувство долга, а моральные свойства составляют причудливую смесь гуманизма и варварства: совесть во всех отношениях гуманного офицерства США не очень отягощена ни «ковровыми бомбежками» населения неприятельской стороны, ни вступлением в эру атомного воевания. От кодекса офицерской морали осталось мало, и сознание демократического офицера уже не противится войне против слабых с ее такими вершинами, как Хиросима и Дрезден. Опять-таки и демократический вид офицера имеет подвиды сообразно особенностям отдельных государств.

Вид традиционный. Этот вымирающий вид сохранился в государствах, в которых Всемирная Ре-

волюция не весьма углублена. Однако такого вида офицеры не могли удержать в себе свойств, какими отличались российские офицеры и им подобные. Не могли потому, что политические и социальные сдвиги повсюду поколебали основу офицерского кодекса — аристократизм духа, всюду принудили пиджаком прикрывать свою офицерскую сущность, раздражающую пацифистское сознание граждан. А современная военная теория примиряла с мыслью, что война против равных — это пережиток старины и что воевать надо против слабейших.

Вид преторианский. У некоторых народов с буйным политическим темпераментом офицерство, подобно преторианцам Рима, возводит если не цезарей на трон, то диктаторов на пьедестал. В других армиях это преторианство не имеет столь авантюристического характера: там офицерство втянуто или втянулось в политику и даже в партийность, и оно, считая себя носителем национального идеала, берет в критические моменты власть в свои руки или вручает ее тому, кого считает достойным. И партийность, и авантюризм дробят офицерство в государстве, лишая его той монолитности, которая служит основой стратегии, оперативки и тактики, беспомощных при отсутствии или недостатке единства духа и единства мышления офицерского корпуса.

Вид конъюнктурный. Качества офицера, вообще говоря, слагаются из наследственности, воспитания, образования, служебного опыта, но в чрезвычайных обстоятельствах — а ныне обстоятельства часто бывают чрезвычайными — государство не может или не хочет офицерства с вышеперечисленными качествами: ему нужны «скороофицеры», люди решительные и существующему режиму преданные, нужны атаманы наподобие партизанских возглавителей. В Конго Касаубу напялил мундир генерал-лейтенанта, фельдфебель Лундула стал генерал-майором и главнокомандующим, партиец Мобуту сделался полковником и начальником Генерального штаба, а сержант Мпо-ла получил генеральский чин, так как был назначен министром спорта. Это не смешно. Это трагично, потому что военное искусство страдает от таких Касаубу не меньше, чем живопись — от Пикассо. Американский генерал Стилвел, посланный в сороковых годах для обучения армии Гоминданского Китая, писал: «Недостаточно дать армии оружие — надо ее научить сражаться; но научиться стрелять или пилотировать — это не значит научиться сражаться: чтобы уметь сражаться, офицеру надо перестать быть трусом, перестать красть и перестать солдатам резать уши за провинности». Такие требования трудно выполнимы офицерством конъюнктурного вида.

Гражданский вид. В милиционной армии Швейцарии офицеры, даже и профессионалы, столь же милиционны, как и граждане «клятвенного товарищества», то есть государства. Это — граждане в мундире. Но теперь и в армии регулярного образца, в германской, создается новый тип кадрового офицера: гражданин в мундире. В Швейцарии вышло естественным образом. В Германии (из опасения возрождения «прусского духа») хотят, чтобы вышло принудительно, то есть противоестественно. Естественные свойства народов весьма различны: таблички на рамах окон железнодорожных вагонов во Франции вежливо просили не высовываться в окно, в Италии объясняли, что высовываться опасно, в Германии же лаконично приказывали не высовываться. А нынешнему германскому офицеру приказывают не приказывать, но склонять солдата к выполнению обязанностей и долга. Конечно, войско должно быть без битья, без брани, без ученья-вымучивания, но оно не может быть без четкого приказа и точного послушания. И офицерствовать гражданским образом так же трудно, как трудно было бы игумену монастыря превратиться в председателя монастырского коллектива. Можно предвидеть, что гражданский вид офицера — неустойчивая форма и что она претерпит изменение: или в прусскую или в американскую сторону.

Ограничивая вышесказанный беглый, поверхностный и неполный обзор существующих офицерских видов, надо подчеркнуть, что все это — *нынешние* офицеры, но не *современные* офицеры. Нынешние офицеры еще не узрели лика современной войны во всей его «страховидности» и не уразумели полностью, что мятеж — имя Третьей Всемирной. Современного офицера еще нет, но его облик (так сказать, идеальный облик) можно попытаться обрисовать. Этому и посвящен настоящий труд.

Конечно, портрет этого идеального современного офицера претерпит при проецировании на экран каждого отдельного государства большие изменения и искажения в зависимости от обстоятельств данного места и данного времени. Но ведь и идеальный тип полководца национально разнообразен: «бесперывное изощрение взгляда сделает великим полководцем» — это Суворов, изощрявший свой «взгляд» накоплением опыта и «наукой из чтений»; «принципы военного искусства светят, как солнце на небе» — это Наполеон, сын вдохновения; «гений — это прилежание» — это Мольтке, требовавший от своих подчиненных не столько дарования, сколько трудолюбия.

В уверенности, что на полях Третьей Всемирной советскому офицеру предстоит переучивание,

как пришлось на полях Второй войны переучиваться красному командиру — коммунистическая военная доктрина не выдерживает тяжести войны — и в уверенности, что не коммунизм с его тиранией дает подходящую почву для взращивания идеального офицера, но Свободный мир, рассмотрим, каким может и должен стать идеальный офицер этого мира.

Сто лет назад слово офицер было обозначением особой категории людей — тех, которые посвятили свою жизнь вооруженной борьбе за государство. Сейчас понятие офицер охватывает и идейный кадр профессионалов, и массу молодежи, которая во время войны воодушевленно спешит в краткосрочные военные школы, чтобы отдать себя отечеству, и принудительно мобилизованных граждан с достаточным общим и недостаточным военным образованием, но все же получающих обер- и даже штаб-офицерские погоны, и, наконец, авантюристов (в худом или хорошем значении этого слова), проникающих в офицерский корпус через партизанские и диверсантские ряды.

Но мы сосредоточим свое внимание на профессиональном офицере. Во-первых, он сохраняет свое значение остова армии даже при ее милиционности и всенародности. Во-вторых, он возрастает теперь в своем значении: технические средства войны требуют образования в воинстве, сильной прослойки профессионалов: солдат, унтер-офицеров и в особенности офицеров, а потому становится очевидным, что ни волонтерные младо-офицеры, ни мобилизованные зауряд-офицеры не могут так легко заменить кадровых офицеров, как это было в минувшие полвека. Поэтому в современном воинстве дух и ум концентрируются в кадровом офицерском корпусе. Вопреки обманчивой видимости роль кадрового офицера увеличивается.

Галопирующая эволюция военного дела

Марс оказался вынужденным отказаться от качественного отбора, от выделения лучших из народа в воюющий организм, как-то: дружина, рыцарский орден — и пришел к убеждению, что «всеобщая воинская повинность — это истинное дитя демократии» (Theodor Heuss). Но государства,веряющие только квалифицированным специалистам такие отрасли, как медицина, юриспруденция, горнопромышленность и т.д., сочли возможным в воинстве на базе всеобщей воинской повинности пренебречь не только качеством материала, но и качеством инженеров: со времени Первой Всемирной войны непосредственное руководство солдатской массой переходит в руки непрофессиональных офицеров. Но инженеры военного дела, профессиональные офицеры, не придумали, как приспособиться и приспособить к этой новизне тактику, психику и этику воинства (поэтому в годы Первой Всемирной войны на Западе воинства обеих сторон не умели одолеть фортификацию, а на Востоке воинства обеих сторон дали небывало высокий в военной истории процент потерь пленными). А между тем военное дело сделало новый эволюционный скачок: во Вторую Всемирную войну и в локальных войнах после нее система «вооруженного народа» превратилась в систему «тотально воюющего народа»: народ уже воюет не только теми военнообязанными из его среды, которых он вооружил, но и всей своей массой;

воюет партизанством, диверсией, террором, вредительством, саботажем, пропагандой. Эта новизна опрокидывает традицию в тактике, психике, этике воинства. Вдумчивые офицеры растерялись, а менее вдумчивые делают вид, что не замечают катастрофического новшества.

Консерватизм — одно из основных свойств военного сословия, офицерства. Но консерватизм не должен превращаться в реакционность, в стремление вопреки эволюции втискивать новшества в старые понятия. В 10-х годах этого века французское офицерство было под влиянием одаренного капитана Grandmaison'a, отрицавшего значение военной техники и утверждавшего, что «моральные факторы являются не только важнейшими, но единственными важными на войне»; в результате — разгром Франции в 1914 году. Затем французская армия подпала под влияние мысли Benaret'a: «Силу нации составляют не люди в казарме, а сверхдеятельность промышленности»; в результате — разгром Франции в 1940 году. Мы вышли в поход 1914 года с Драгомировским пренебрежением к «огнеупоклонникам» (хотя сильно обожглись на японском огне), и результатом было истребление нашей кадровой армии в первые месяцы войны. Офицер Первой войны оставался при убеждении, что армия есть государство в государстве, не считаясь с тем, что повторные мобилизации разорвали духовную обособленность и административную самостоятельность армии. Офицер Второй войны оставался в убеждении, что воюет мобилизованное воинство, и не обратил внимания на то, что и народ активно воюет, сопротивляясь врагу и даже нападая на него... И нынешний офицер не уяснил еще, какие коренные изменения внесла Всемирная Революция в военное дело. Современный офицер должен это понять.

Техническое воевание. Взвод из 30 стрелков шел в атаку всем своим составом. 30 человек на аэродроме в безопасности обслуживают одного летчика, и он один летит на врага, подвергая свою жизнь опасности. Понятно, что все воины с невоенной душой предпочитают авиационное воевание пехотному... И все граждане требуют, чтобы воинство воевало не людьми из народа, а техникой, добытой от промышленности. <...>

Офицерская этика нелегко мирится с навязанной воинству обязанностью не воевать, а истреблять. Летчик Роберт Люис, сбросивший первую атомную бомбу (на Хиросиму), пошел в монахи. Может быть, офицерская этика ограничит применение народоистребительных приемов воевания; может быть, народы, испугавшись народоистребительного возмездия, скажут воинствам не применять средства массового уничтожения населения врага. Но немыслимо себе представить, чтобы в эпоху всеобщей и всесторонней технизации войско не пользовалось бы наиусовершенствованной техникой для способов воевания, допущенных воинской этикой.

Французская Академия заменила старое толкование слова кавалерия («войска, которые выполняют свою службу на конях») новым: кавалерия есть «род войска более быстрого, нежели иные войска; оно выполняет следующие задачи: разведывать, маневрировать и преследовать; она передвигается с помощью машин». Пусть некоторые государства для некоторых театров войны содержат некоторое количество кавалерии на конях, но, в принципе, кавалерия теперь — моторизованный род войска. И пехотинец из «серой скотинки» превращается в мастера военной техники. В скором времени американский стрелок будет защищен броней, прикрывающей от ружейного, пулеметного и артиллерийского огня, от взрывов ядерных бомб и их автономной радиации, и снабжен шлемом с биноклем, позволяющим при помощи инфракрасных лучей видеть в самую темную ночь; в шлеме находится кратковолновый радиоаппарат для приема и передачи, то есть для связи с командиром и с соседними бойцами; пояс солдата снабжен зарядом, который может его перебросить через проволочное заграждение, ров или речушку; к поясу прикреплены взрывчатые цилиндры для разрушения окопов; лицо бойца прикрыто маской, предохраняющей от боевых газов и радиации; вооружен он автоматической винтовкой; все снаряжение (включая и патроны) весит 22 фунта. Это кажется невероятным. Но всадникам Ганнибала тоже показалось невероятным, что можно драться, с ног до головы заковавшись в железо.

В старину требовались чуть ли не столетия для перевооружения новинками военной техники. Сейчас на это требуются годы: то опустошение, которое в 1945 году производил налет 900 самолетов, в 1955 году могло быть достигнуто одним средним бомбардировщиком. Сохраняет свою силу старое изречение «новое оружие — новая тактика», но теперь изменения оружия и изменения тактики и весьма часты, и подчас весьма радикальны. Это держит современного офицера в состоянии напряженного умственного бодрствования, устранивающего рутинность и «немогузнайство».

Считая полезным пользоваться всем наилучшим, что может дать военная техника, надо, однако, избегать трех ошибок.

Первая: мысль, что людскими телами можно возместить нехватку техники. Прославленные советские маршалы гнали в атаку дивизии, не снабдив их надлежащим количеством пушек и танков — «всех ведь немец не перебьет» — и штрафными батальонами протаптывали минные поля — «штрафные должны смертью искупить свои вины». (Раймонд Л. Гартхофф в книге «Как Россия ведет войну» говорит, что Иван — отличный военный материал, что Иван неустрашим и что варварское командование расходовало его чудовищным образом.) Машине должна быть в бою противопоставлена машина, но не храбрость и самопожертвование воинов, если они против этой машины беспомощны, если они не вооружены машиной для борьбы против вражеской машины.

Вторая ошибка: чем больше военной техники, тем лучше. Не говоря о военных расходах, о прикреплении к военной промышленности огромного процента людей призывных возрастов, о перенатяжке транспорта доставкой громоздкого и тяжелого технического снаряжения и снабжения, нельзя упускать из вида, что война — в наступлении и в обороне — требует подвижности. Подвижности же может препятствовать военная техника как чрезмерной своей тяжестью, так и чрезмерной сложностью. «Заряжание» ракеты, действующей на базе жидкого горючего, требует часов, а поэтому ракетометам не вытеснить артиллерийское орудие: хотя оно и менее совершенно технически, но оно быстро становится на позицию и незамедлительно открывает огонь по появившейся цели. Некоторое ограничение технизации воинства ставит и степень подготовленности людей данного народа к овладению техникой: техничность английского войска была бы непосильна для армии республики Гхана. Степень технизации войска должна определяться не военно-технической «модой», а стратегическим,

оперативным и тактическим благоразумием.

Третья ошибка: воюют машины, а человек руководит ими и обслуживает их. Разве сердце танка в его моторе? Разве сердце его водителя, его пушкаря и других чинов его команды не является сердцем танка? Кто ведет самолет В-36 к цели: его моторные и ракетные двигатели в 40.000 лошадиных сил или маленькое, но бесстрашное сердце его пилота? Ответ ясен: воюют бойцы, а машины усиливают действие храбрых воинов с отважными сердцами и искусными умами. Чем усовершенствованнее военные машины, тем совершеннее должны быть воины, чтобы, с одной стороны, полностью использовать машину, а с другой стороны, быть в состоянии выносить удары, наносимые вражеской машиной. Если наша машина не столь совершенна, как неприятельская, то большее совершенство нашего воина уравнивает шансы в борьбе; если машины обеих сторон одинакового качества, то преимущественное качество нашего воина даст нам успех в бою. Война машин — пустая выдумка романистов: какими бы ни стали военные машины, война останется борьбой людей. <...>

Иррегулярное воевание. Офицер соприкасается с иррегулярным воеванием, когда вражеские иррегулярные воюют против его воинства. <...>

Всем офицерам придется наступательно или оборонительно участвовать в борьбе против вражеских иррегулярных сил. Ни в глубоком резерве, ни в поезде вдали от фронта, ни в высоком штабе, ни раненым, лежа в лазарете, воин не будет в безопасности от нападения или террористического акта, от лукавого яда или коварного кинжала. Не только на оккупированной территории, но и на своей придется бороться против вездесущего и обычно невидимого врага. Еще не найдены такие средства борьбы против него, которые не навлекли бы на офицера упреков в бесчеловечности со стороны гуманистов и осуждения как военного преступника со стороны какого-либо незаконного международного трибунала. Однако, если таких средств нет и если нельзя добиться пересмотра понятия «военный преступник» (понятия уже потому преступного, что в результате его применения карают побежденного за вынужденные действия и не карают победителя за произвольные жестокости), то офицер в дополнение к своим обязанностям перед Родиной должен взять на себя и ответственность за свои действия в борьбе против иррегулярных, то есть тех, кому все дозволено. Предел суровости противоямер должен быть установлен офицерским сознанием и в каждом отдельном случае — военной потребностью. Офицеру надо знать и накрепко запомнить написанное Наполеоном на о. Святой Елены: «...в политике, как и на войне, всякое зло только тогда извинительно, если оно абсолютно необходимо; все, что сверх этого — преступление».

И еще один вид борьбы ложится на плечи офицера — борьба против принципиального внутреннего разложения воинства. Поветрие пацифизма рождает в душах людей отвращение к военным обязанностям и даже стремление вредить воинству.

<...> Независимо от этого болезненно-идейного поветрия в воинствах существует и безыдейное. «Нынешняя молодежь, — пишет Рильке, — не признает удивления и почтения, не хочет, чтобы ей импонировали, и она лишена дара коленопреклоненно восторгаться». Такая молодежь, заполняя ряды воинства, не осознает своего воинского долга, не признает авторитета офицера и противится наложению на нее уз дисциплины. <...>

Если все эти явления сейчас только в западной Германии весьма интенсивны, то можно быть уверенным, что в случае войны они станут повсеместными. А потому на офицере лежат обязанности: 1) чрезвычайно внимательным наблюдением за подчиненными предупреждать шпионаж, вредительство и дезертирство и 2) моральному разложению солдатской души противиться ее моральным вооружением: офицер должен уметь дать солдату исчерпывающее и крепкое национально-политическое воспитание... Воинство во главе с офицерами защищает государство, а офицер защищает воинство от аморального воздействия как со стороны вражеского иррегулярства, так и со стороны вредоносного антинационализма.

Регулярное воевание. По сравнению с первым десятилетием века, сейчас во всех регулярных воинствах снизился градус регулярства. Власть офицера и его авторитет урезаны. Если в прежние времена рекрут естественным образом становился под дисциплинарную власть и под авторитетность офицера, то теперь этому последнему приходится своим духовным воздействием, профессиональным знанием, достойным поведением приобретать и потом непрестанно поддерживать свою авторитетность в глазах солдат и свое моральное (а не только формальное) право на власть. Войско было: красотой духовной и внешней; щеголеватостью на параде и в бою; благородством в собственной среде и вонне и в отношении врага; порядком в боевом построении, в поле (поход, бивак), в казарме; дисциплиной (дисциплиной залпа, конной атаки, артиллерийского огня, дисциплиной часового у амбразуры и у

батареиного сенника, дисциплиной в строю, на учении, на обеде, на улице, в театре, в гостях). *Ныне* же общественная атмосфера, окружающая воинство, психическое состояние солдатской массы, сокращение сроков военной службы и, с другой стороны, увеличение учебной программы во всех родах войск побудили офицера от прежнего высокого идеала воинства обратиться к значительно упрощенному, реально достижимому. Но офицер должен помнить: если нет возможности приобрести «Роллс-Ройс» и надо довольствоваться «Фордом», то и этот «Форд» надо держать в полнейшем порядке, не беря примера с политики, общественности, обывательщины, ездящих на небрежно отрегулированных, расхлябанных автомобилях.

Войско изменением тактики приноравливается к совершенствуемой технике. Воевание регулярно воинства требует ныне от офицерского интеллекта способности своевременно приспосабливаться к новым тактическим требованиям, предъявляемым частыми и подчас весьма значительными новшествами вооружения. Со времен Корейской войны Краснокутай отвечает на военно-технические новшества возможного противника тактической системой, называемой «наступление океаном». Это значит — наступать ночью несчетными массами солдат, приобретая успех ценой огромных потерь, но для шестисотмиллионного народа неприметных. Такие методы годны лишь для коммунистических армий с их «заградительными отрядами», «СМЕРШ-ами» и ленинским хладнокровием в приношении в жертву десятков миллионов человек. Воинства Свободного Мира умно приноравливают свою тактику к требованиям, предъявленным появлением новых военно-технических средств: «базука», артиллерийский и пехотный «радар», ракетный самолет, управляемая ракета, ядерное оружие. Изменяются тактические приемы, производится ломка организационных форм; «Наш полк, наш полк — заветное, чарующее слово» (из стихотворения К.Р.) — становится анахронизмом. Прежде войсковая организация не терпела импровизации. Теперь организация войсковых соединений приспособлена для импровизации боевых построений. Вследствие этого офицер должен быть точным, как хронометр, чтобы к моменту нанесения удара командование могло на широком пространстве дислоцированные войсковые соединения и подразделения почти мгновенно собрать в кулак. И в то же время офицер должен быть тактически творческим, чтобы после полученного атомного удара уцелевшие клочки войскового соединения или подразделения продолжали борьбу инициативностью возмещали гибель организационных связей.

Однако недостаточно приспособления к новой военно-технической форме войны — надо приноравливаться офицеру к характерной для эпохи военно-политической сущности войны. Атомная бомба перевернула многое в военном деле. Но политика перевернула все: политика поднимает против воинства миллионные массы иррегулярно воюющих врагов, поднимает в тылу воинства часть собственного народа, иррегулярно борющуюся против власти и воинства, поднимает в самом воинстве идеологическое дезертирство, измену, неповиновение. Оперативные «котлы» и «ежи» ничто по сравнению с тем состоянием окружения физического, в котором могут теперь оказываться регулярные войска на территории, кишашей иррегулярством, и окружения морального, в собственном народе бушующем политическими страстями. И воинство, борясь против «комаров» иррегулярства, должно в то же время беречься от «паразитов» политики, проникающих в его организм. Беречься от пропаганды врага и от духовного расслоения в своей стране. Некоторая часть офицеров-непрофессионалов может не иметь в себе надлежащей «антибиотики», а поэтому на профессиональном офицере лежит тяжелая обязанность, руководя военной силой воинства, беречь и его политическое здоровье.

Психологическое воевание. Испанец Antonio A. Perez считает, что так называемая «холодная война» требует употребления всех духовных, хозяйственных и военных средств. Редкостью является сейчас постановка духовного перед материальным (хозяйственным). Офицер всегда понимал, что на войне, то есть в борьбе двух народных, государственных волей, надо признавать первенствующее значение духовных факторов. И тем не менее в Русско-японскую войну, по мнению полковника П.Н. Краснова (впоследствии генерала), «все было сделано для тела солдата и ничего для души». То же можно сказать и о Первой Всемирной войне. Вторая Всемирная была идеологической, то есть такой, в которой воля воюющего народа могла стать либо молотом, либо наковальней (выражение Шиллера). И тем не менее стратег Гитлер совершенно пренебрег своим восточным врагом как психологической силой. В идеологическую войну в Корее американская армия пошла без духовного, политического багажа. Война требует не только от стратегов, но и от каждого офицера в каждый момент его деятельности психологического подхода к решению каждой проблемы, перед ним возникающей. Офицер должен непрестанно следить за психикой вверенного ему соединения или подразделения. Российские офицеры действующей армии были 28 февраля уверены в преданности и послушании им

их солдат, а 1 марта вышел приказ № 1, и оказалось, что под внешним благополучием крылось буйство и кое-где ненависть. Война является перманентным плебисцитом, выявляющим солдатскую и народную готовность бороться и жертвовать собой: это выявляется в числе легкораненых и в строю не остающихся, в числе дезертиров, перебежчиков, в числе сдающихся в плен. Слова Andre Gide'a «я ставлю на дезертиров, на дезертиров долга» говорят о том, каково в идеологических войнах значение опасности отпадения от долга. Устрашения и кары удерживают от такого отпадения, но в нынешнюю эпоху к этим мерам прибегать или воспрещено или не рекомендуется. И офицер должен, держа в резерве устрашения и кары, пользоваться психологическими мерами для обращения худых подчиненных в исполнительных, а исполнительных в отличных. Школа военная и школа военной жизни делает офицеров психологами-практиками, психоаналитиками и психоцелителями. <...>

Политик-демагог следит за психическим состоянием народной массы, чтобы иметь возможность держаться над потоками настроений. Стратег же следит за психическим состоянием своего народа и воинства, чтобы, учитывая настроения, подчинять волю воинства своей воле. И каждый офицер в рамках своей деятельности ищет способы сделать для подчиненных охотно-исполнимым полученный сверху приказ. И этот способ состоит в психологическом анализе настроений, чувствований и в психологическом же воздействии на них с целью их выправления, в смысле желательном для вящей пользы дела, офицеру порученного. В книге «Социальные войны» Рудольф Штайнметц писал: «От силы сопротивления, а не от силы оружия зависит кровопролитие и размер военной жертвы». Переводя на военный язык: предел моральной упругости войскового соединения или подразделения зависит не от качества его оружия, а от крепости воли к победе, то есть от психического состояния бойцов и от психологического офицерского водительства.

Психологическое воевание требует и психологического подхода к воинству противника (в оперативе и тактике) и к вражескому народу (в стратегии). По словам генерала Хольмстона, 80% германских офицеров, ведших разведку на Восточном театре, не имели понятия о русской истории, политике, психике.

И сейчас штаб НАТО, насчитывающий в своем нынешнем составе 14.028 человек, не имеет такого отдела психологической разведки, который изучал бы российский народ и коммунизм с иных точек зрения, кроме военных. В результате маниакальности Гитлера и неправильного подбора адмиралом Кана-рисом руководителей разведки на Востоке, были Германией допущены в стратегии такие психологические промахи, которые сдававшуюся Красную Армию превратили в фанатически борющуюся национальную армию. Можно задать вопрос, что получится в результате непредусмотрительности Верховных Главнокомандующих НАТО, начиная от генерала Эйзенхауэра и кончая генералом Норстэдом, не постигших, что, воюя против сильного противника, надо знать не только его вооруженные силы, но и его культуру в прошлом и настоящем, его государственность, его социальную структуру. Надо знать не столько хронологически, статистически и т.п., сколько психологически. Только такое знание даст возможность предвидеть, поскольку на войне можно предвидеть реакции вражеского воинства и народа на наши военные действия.

И это касается не только стратегов. Каждый офицер в боевой зоне и в тыловой должен не только чувствовать психологические процессы в ему подчиненных воинах, но и присматриваться к психологическому состоянию окружающего населения: первое необходимо, чтобы водить своей регулярной единицей, второе — чтобы обезопасить ее от иррегулярных козней. Командовать — это не значить уметь приказывать. Это значит ощущать, что надо приказать, что можно приказать и каким образом следует приказать.

Военная техника и офицерское образование

Еще полвека тому назад офицерское звание украшало, возвеличивало человека, а теперь человеку приходится украшать, возвеличивать офицерское звание. Ношение офицерского мундира было гарантией наличия и подобающих качеств, и надлежащих званий. Ныне же мундир — не гарантия. Во-первых, его надевают всякие проходимцы... Во-вторых, офицеры нередко оказываются вынужденными с национальной высоты спуститься в низину партийности... В-третьих, гражданин не мог конкурировать с офицером в тактических познаниях, а теперь от офицера требуются и технические познания, чтобы импонировать действительным знанием дела, чтобы быть авторитетным в глазах граждан... Офицер должен быть высокообразованным человеком, чтобы импонировать гражданам вне воинства и чтобы доминировать над гражданами, призванными в воинство.

Общее образование. Широте общего образования офицеров надо поставить разумный предел. По

этому поводу Лиддель Харт пишет, что германские генералы во Вторую войну были бы еще лучше, «если бы имели более широкие горизонты и более глубокое понимание. Но если бы они стали философами, они перестали бы быть солдатами».

Специальное образование. Специализация означает увеличение глубины познаний на уменьшающемся пространстве знания: чем совершеннее специалист, тем он уже. К техническому оборудованию войска предъявляется требование: заменяемость частей. Поэтому желательно иметь, скажем, пулеметы одного образца, чтобы пулеметчик при поломке бойка мог взять у другого пулеметчика запасной боек. То же требование предъявляется и к офицерству: каждый офицер в роте, независимо от специальности, должен по своим познаниям быть в состоянии заменить ушедшего командира роты. Здесь не может быть разобщения специальностей.

Но по мере удаления от наименьшей тактической единицы, роты, в сложную систему командования специальности разделяются непроницаемыми переборками: чтобы в большом штабе быть специалистом по разведке, нельзя загромождать свой ум познаниями по передвижению войск. <...>

Одной лишь категории офицеров не должно быть — политруков, комиссаров. За командиром идут, идут в бой, идут на смерть, если он командир. Но не идут за сочетанием двух полукомандиров: тактически-строевого и психологически-политического. Современный офицер должен быть и офицером, и психологом, и пропагандистом. <...>

Образовательный уровень обер-офицеров должен быть таков, чтобы в обществе ни в коем случае не считали их ниже инженеров, получающих образование в полувывших учебных заведениях типа «техникум». Как это ни курьезно, но присвоенное в России военным школам наименование «училища» снижало интеллигентный ранг офицеров, потому что существование ремесленных, сельскохозяйственных, коммерческих и реальных училищ вызывало по ассоциации представление у граждан, что окончивший артиллерийское училище такой же «недоучка», как счетовод, бухгалтер, ограничившийся прохождением коммерческого училища. Роль офицера в казарме и роль офицера в обществе, в государстве не может иметь должного значения, если удельный вес чина подпоручика не будет равен весу звания инженера: общественность не сомневается, что инженеры достаточно подготовлены, чтобы развивать промышленную мощь страны — она должна не иметь сомнения, что офицерство имеет подобающее образование для развития военной мощи государства.

Высшее образование. Офицерство — это инженеры, а руководящий слой в нем — дипломированные инженеры, то есть люди с законченным высшим образованием. В обществе признавали офицера с академическим значком — артиллерийским, инженерным, юридическим и, конечно, военно-академическим (Генерального штаба) — равным по образованию с юристами, докторами, инженерами. <...>

В начале XIX века офицеры России по своему образованию были цветом тогдашнего малообразованного общества; к началу XX века на всех руководящих постах в государственной власти, в судебном мире, в промышленности, в торговле и т.д. стояли люди с законченным высшим образованием, а офицерство, хотя и значительно поднявшее за сто лет свой образовательный уровень, оказалось отставшим от общего прогресса просвещения: большинство штаб-офицерских и генеральских должностей предоставлялось офицерам без законченного высшего образования, потому что число таковых возрастало медленно — в России менее 200 офицеров в год получало академический значок.

Военное дело сложнее медицины, юриспруденции, технологии и т.д., и им должны руководить офицеры с неменьшим, с таким же высоким образовательным цензом, как медики, судьи или адвокаты, технические директора фабрик и т.п. Это необходимо для авторитетности командного состава воинства в глазах общественности, народа. И это нужно для служебной пользы офицерства. Подполковник, командующий трансокеанскими ракетными установками, должен быть высокообразованным офицером, чтобы уметь использовать такое сложное оружие и, во-вторых, чтобы импонировать своим подчиненным, среди которых, кроме караульной команды и хозяйственного персонала, нет людей без очень большого технического образования и стажа. Подполковник, командующий гренадерским батальоном, должен иметь высшее образование не только для понимания всей многосложности движений и боя моторизованных частей, но и для того, чтобы быть авторитетным в глазах подчиненных ему мобилизованных офицеров из адвокатов или студентов, из инженеров или техников. Прежде любой строевой обер-офицер мог заведовать разведкой в полку и в штабе дивизии, а любой офицер Генерального штаба — в высших штабах и в наивысшем. Теперь войсковая разведка включила в себя знание телефонного и радиотелефонного подслушивания, технические познания для быстрого обнаружения мельчайших новинок вражеского вооружения и снаряжения, навыки в психологическом раз-

ведовании неприятеля, собственных воинов и окружающего населения. Поэтому уже на низшей ступени разведки нужны квалифицированные разведчики. А на высших нужны столь разносторонние знания, что руководить разведкой могут лишь высокообразованные специалисты при помощи высококвалифицированных экспертов во всех видах техники, технологии, знатоков экономики, политики, социальных вопросов, психологии масс и так далее. Существует мнение, что ныне все офицеры должны быть инженерами, физиками, натуралистами и, во всяком случае, математиками, потому что математика научает логично и точно мыслить, а без привычки к такому мышлению не может быть ни надлежащего использования военной техники, ни правильного приложения тактики, базирующейся на технике. Идея технократии не привилась в политике, не привьется и в военном деле, потому что офицер должен быть больше психолог, чем математик, больше властелин солдатских душ, чем знаток военных машин. Однако необходимо, чтобы мышление всех офицеров формировалось под действием математических наук; чтобы, во-вторых, значительный процент офицеров имел техническое образование ранга инженера; чтобы, в-третьих, кроме оперативного Генерального штаба существовал и технический Генеральный штаб из офицеров с техническим образованием ранга дипломированного инженера. Технический Генеральный штаб имел бы своим назначением: из общей техники отбирать для нужд военной техники все идеи, конструкции, методы, средства, которые могут быть полезны воинству; следить, чтобы типы и количество военной техники воинства соответствовали способностям промышленности страны (в мирное и военное время); чтобы тактические и оперативные идеи в воинстве находили себе поддержку в военно-техническом изобретательстве; чтобы воинство наилучшим образом использовало технику, поставленную в его распоряжение.

Война перестала быть искусством, основывавшимся на специальном военном знании: теперь оно базируется на всестороннем знании. В развивавшейся усложнившейся науке исчезли энциклопедисты, не может быть энциклопедистов и на высших ступенях военно-иерархической лестницы. Теперь Ломоносов не мог бы равняться целой Академией наук, а Суворов не мог бы с тактических должностей перейти в фортификаторы и строить в Финляндии укрепления: невозможно сочетание в одном лице специализаций при их нынешней сложности и объеме.

В прошлом веке гусар мог петь: «Я верю в славное призванье, я верю в храбрый эскадрон», но и тогда офицеру нужна была не только вера в эскадрон, но и умение вести его. Теперь же и вера эта стала не столь простой и естественной, как встарь:

эскадроны сделались психологически гораздо более сложными, и познания требуются в размере, какого нельзя было представить себе полвека тому назад. Артиллерия и саперы считались «учеными» родами войск — сейчас все роды войск стали учеными и высоко учеными. Образованным и высокообразованным поэтому должно быть кадровое офицерство как остов воинства.

Дух офицера в материалистическую эпоху

Генерал М.И. Драгомиров писал, что война вызывает напряжение всех духовных свойств человека и показывает меру его воли, как никакая другая деятельность. То же выразил и штатский писатель Штайнмитц в книге «Социологические войны»: «Ничто не могло больше развить дарование человека, как борьба с себе подобными». Это относится прежде всего к тем, кто, посвятив себя военной службе, унаследовал через воинское воспитание дарование предшествовавших офицерских поколений и развил их в себе военной боевой деятельностью и подготовкой к этой деятельности.

Это не относится к тем, кто получает ныне офицерское звание, не воспринявши офицерской духовной наследственности. Хрущев стал без всяких к тому оснований кавалерийским генералом, а аргентинский анархист Гевара (д-р Че) сам себя на Кубе наименовал майором. Такие паразиты офицерского корпуса могут обладать командными способностями и тактическим чутьем, но не могут быть обладателями истинно воинского духа беззаветного самопожертвования во имя долга. «Жизни тот один достоин, кто на смерть всегда готов» — эти слова солдатской песни были нерушимым «верую» для офицеров. И остались, как бы ни врывались машины в военное дело, как бы ни принижал военное искусство материалистический подход к пониманию войны.

Если в конце прошлого века такой почитатель военного разума, как генерал Мольтке, мог утверждать, что «на войне особенности характера имеют больший вес, нежели особенности разумения», то и сейчас при воевании ракетами, джетами, радарными и электронными мозгами свойства офицерского духа доминируют над техникой и техническим знанием. В минувшем веке офицер не нуждался в обширных технических познаниях; в начале этого века он, не желая стать «огнепоклонником» (по Драгомировскому выражению), осторожно расширял свой технический кругозор, но теперь он

должен быть во всеоружии военно-технического знания, сохраняя в то же время военно-духовное сознание.

Офицерский дух. Американский генерал Брэдли утверждает, что солдат Соединенных Штатов — наисовершеннейший индивидуалист в мире, то есть что он отвечает современному требованию, предъявляемому к каждому воину: быть самостоятельным бойцом. Германский солдат в конце своего обучения проводит 7 дней в лесу, где учится ориентироваться без компаса, маскироваться и бесследно передвигаться, питаться тем, что есть в лесу годного в пищу; затем его высаживают в незнакомой местности километрах в 100 от казармы, и он, выполняя в пути тактические задания, должен за трое суток достичь казармы. Так развиваются индивидуальные военные способности. А склонность к их развитию не исчезла в народах. Хотя и кажется, что ее больше нет, но 10.000 молодых немцев ежегодно поступают во французский Иностраный легион, повинувшись охоте к военной жизни.

Если каждый солдат должен быть самостоятелен и инициативен, то офицер и подавно. «Активность, деятельность есть важнейшее из достоинств воинских», — писал Суворов. Офицеру нужна деятельность и самодеятельность, то есть активность и инициативность для командования и выполнения задания, во-первых, и, во-вторых, для указания примера подчиненным. «Идя за офицером, Иван неустрашим», — пишет о советском солдате Гарткопф. А генерал Маннштейн требует и от генералов, включая и корпусных командиров, чтобы они в бою были со своими войсками — тогда боец не будет о них говорить презрительно: «Те, там позади...».

Офицер не должен бояться ответственности, должен любить ответственность. Бессмертны для офицеров слова, которые сказал генерал Зейдлиц в Цорндорфском бою, получив от Фридриха суровый окрик: «Пусть король располагает моей головой после битвы, а в битве пусть мне позволит пользоваться ею». Ответственность и инициатива ходят в паре. В офицере они неразделимы. И современному офицеру они в большей мере необходимы, нежели в прежних войнах с их сомкнутыми строями и в недавних войнах с регламентированными боевыми порядками: в мятеже-войне, полной беспорядка, импровизация боевых построений и действий будет законом.

Однако как ни огромна разница между прежним выполнением приказа и нынешним творчеством в рамках приказа, остается и сейчас в силе Суворовский завет офицеру: «Отвага, мужество, проникаемость, предусмотрительность, порядок, умеренность, правило, глазомер, быстрота, натиск, гуманность, умиротворение, забвение». Последние три слова включены великим полководцем и психологом на основании опыта, добытого им в двух гражданских войнах и одной революционной (против Пугачева, против поляков, против революционных французов в Италии). И эта часть его завета весьма годится для мятежа-войны. А что касается инициативности, то Суворов был революционером в глазах генералов того времени, поучая: «Местный в его близости по обстоятельствам лучше судит, нежели отдаленный». В современной войне каждый местный командир будет часто иметь случай лучше судить, нежели его высокий, но отдаленный начальник.

Вождение поучений Суворова не означает, что офицер должен возвратиться к духу XVIII века, — оно лишь означает, что Суворов на два столетия опередил свой век.

Без риска впасть в ретроградство офицер должен блюсти завет еще более отдаленных времен и иметь, как учил Петр Великий, «любление чести». Честь — драгоценнейшее свойство офицерского духа.

8 января 1943 года генерал-полковник Рокоссовский предложил окруженному у Сталинграда генералу Паулюсу «прекратить бессмысленное сопротивление и капитулировать». Немецкий генерал отказался, и по этому поводу генерал-фельдмаршал Маннштейн пишет: «Армия не смеет капитулировать, пока она еще как-нибудь в состоянии бороться. Отказ от этого взгляда значил бы конец воинского сознания вообще... Пока будут солдаты, должно быть сохранено это сознание воинской чести».

Полвека тому назад честь, как и встарь, была синонимом достоинства и гордости. Достоинство требовало соответствующего поведения в бою, в службе, в жизни. Гордость побуждала к дуэли при малейшем умалении чести. Бутафорские дуэли политиков перед объективами фоторепортеров сделали дуэли смешными, а гражданские законы воспретили и военным лицам дуэлировать. И гордость офицера стала в условиях нынешней общественной жизни менее вызывающей, сдержаннее реагирующей: за невозможностью надлежаче реагировать на непочтение приходится, чтобы не дать повода к непочтению, вести себя с безукоризненным достоинством. Достоинно жить, достойно служить и достойно умереть. Припоминаются слова философа Сенеки: «Достоинно умереть — это значит избежать опасности недостойно жить». Офицер избегает опасности недостойно жить своею постоянною

готовностью достойно умереть, повинуюсь своему священному долгу. На памятнике спартам, погибшим в неравном бою у Фермопил, стояло: «Путник, коли придешь в Спарту, оповести там, что видел ты нас здесь полеглими, как того требует Закон». Закон долга от времен Спарты и до сего дня остался неизменным для воина-офицера.

Гражданский дух в офицере. Консервация традиционного офицерского духа необходима и в условиях современности. Но эти условия требуют и воспитания в офицере гражданского духа. «Войско есть средство, а не самоцель, оно подчинено государству, из него взято», — говорит Штайнмитц, исследуя социологию войны. Кастовое офицерство давно исчезло, исчезло и сословное офицерства, а внесословное офицерство перестало быть изолированным организмом в обществе, в народе.

Перестало по двум причинам: во-первых, профессиональный офицер перестал быть существом особенным, предназначенным для геройства и смерти ради родины; теперь такими же защитниками родины становятся сотни тысяч обывателей, мобилизованных для выполнения офицерских обязанностей; во-вторых, воинство перестало быть государством в государстве, и офицерство перестало быть абсолютным властелином воинства, ответственным только перед главою государства; воинство — в особенности во время войны — всенародно и поэтому живет и действует, мыслит и чувствует вместе с народом, находясь под наблюдением ведущего слоя народа, общественности, а поэтому и корпус кадровых офицеров погрузился до известной степени в общественность.

Священник, офицер, педагог, литератор, политик формируют душу народа. Отличие офицера от прочих четырех воспитателей состоит лишь в том, что те учат, как достойно жить для родины, а он учит, как достойно умирать за родину. Борьба с себе подобными, то есть война и подготовка духа народа к войне развивает не только воинские качества, но и многие социальные добродетели: например, самопожертвование, подчинение своего «я» национальному «мы», бескорыстное сотрудничество ради государственной пользы. Общество может этого не сознавать или не признавать, а если признает, то не позволяет офицеру выделяться выше среднего общественного уровня. Не позволяет ему даже выделяться внешне и воспрещает ношение военной формы вне службы. Это причиняет огорчение офицерам старого закала, считающим, что внешний вид воина влияет на его мораль и что прежнее обязательное ношение формы побуждало офицера всегда быть на высокой моральной высоте. Однако объективные условия службы и жизни современного офицера побуждают считать естественным принятием офицером гражданской внешности во внеслужебное время: форма выделяет его из среды граждан, препятствует гражданам считать офицерство всенародным и затрудняет офицерству чувствовать всенародность своего призвания. <...>

Однако, не отмежевываясь от различных социальных слоев, офицерство должно среди этих слоев составлять образцово-этичную группу: если иные группы граждан могут в своей среде терпеть своекорыстие, шкурничество, беспринципную изворотливость, циничный эгоизм, то в офицерском корпусе такие болезненные явления не могут быть терпимы: офицерство должно быть доблестным, а «истинная доблесть проистекает только из чистого источника» (генерал Головин). Генерал Омер Брэдли считает большим счастьем для американского воинства, что в нем, как и во всех прочих деятельности, каждый гражданин имеет возможность стать ведущей личностью. Таково сознание демократического полководца демократической страны: офицер — не какое-то особенное существо: офицер — особенный вид гражданина.

Офицер, ставши гражданином, лишился своей традиционной привилегии: не участвовать в политической жизни народа, не пользоваться избирательными правами. Эта привилегия давала ему возможность и возлагала на него обязанность стоять на страже только основных национальных интересов, не снижаясь до участия в борьбе временных, или частных, или антинациональных интересов. Отсюда проистекала возможность для офицера брать на себя роль арбитра при обострении в стране партийной борьбы, при опасности нарушения основных законов государства или ломки национального единства народа. Политическим партиям мерещился призрак бонапартизма, макмагонизма, и они всеми силами боролись за снижение роли офицерства в государстве. Самым действительным средством в этой борьбе было предоставление офицерству избирательных прав: кто голосует и тем самым втягивается в партийность, тот не может быть надпартийным арбитром. Однако жизнь оказывается сильнее политического фантазирования, и в последние годы во многих землях — Франция, Аргентина, Египет, Иордания, Судан, Пакистан, Турция, Индонезия, Сиам, Лаос, Южная Корея и т.д. — офицерство увидало себя вынужденным взять власть в свои руки или своей мощью поддержать власть. И людям, приходящим в отчаяние от всеобщей неустойчивости властей в наше время, перестает казаться недопустимым прекращение «военщиною» партийной распри в народе. В июне 1960

года заседавший в Берлине «Международный Конгресс Культурной Свободы» продебатировал тему «Интеллигенция и военные в современном государстве», причем докладчиками были колумбийский дипломат Г. Арсиньега, американский профессор социологии М. Бергер, пакистанский высокий комиссар Брохи;

была принята резолюция о совместимости власти военных со свободолобивыми принципами демократии. «Такое властвование, — сказано в резолюции, — должно вести к социальным реформам, наряду желательным, к отмене тоталитарных методов и к установлению работоспособной парламентской демократии».

Здесь спорны понятия «демократия», «работоспособный парламент», «тоталитарные методы», «желательные народу социальные реформы», но бесспорно и разумно признание, что бывают случаи, когда военные должны подпереть государство и когда государство вынуждено опереться на военных. Известна фраза Кавура: «Штыки кое для чего годятся, но только не для сидения на них». Но Кавур глубоко заблуждался, думая, что власть, нашедшая опору в войске, сидит на штыках, — нет, она стоит на моральном основании, на верности офицерства государственной идее. Офицер, перестав быть обособленным существом, приблизившись к иным группам граждан, даже (есть и такие государства) ставши гражданином-военным-специалистом, остается гражданином образцовым в смысле сознания своего долга перед государством и только перед государством, но не перед какой-либо социальной, партийной, племенной и т.д. частью его. Как бы демократична ни была структура государства и общества в нем, как бы современно и демократично ни было его офицерство, оно остается наиболее ярким, по сравнению с иными группами, выражением государственного мышления и служения.

Этическая база офицерского духа. На пушках Фридриха Великого стояли слова «Ultima ratio regis» — последний довод королей в международных спорах. Последним доводом государственной идеи бывали и будут офицеры. Но не преторианцы, по своему буйному хотению низвергающие и возносящие правителей, не авантюристы, пытающиеся во главе одного полка или только батальона совершить переворот в свою пользу, не офицеры-политиканы, ставящие себя в распоряжение партии, рвущейся к власти. Только такие офицеры имеют право в революционной обстановке нынешнего времени вступить за державу, которые исполнены державного сознания и рыцарской этики.

Вот облик офицера-рыцаря: «...в нем не было фальши. Скромн, доброжелателен, всегда готовый помочь; серьезен в своих понятиях, но в то же время весел; без эгоизма, но с чувством товарищества и более того — любви к людям. Его ум и его душа открыты всему доброму и красивому. В нем было наследие многих поколений солдат; но потому именно, что он был воодушевленный солдат, он был в то же время и носителем благородства в полном смысле этого слова, был человеком и христианином» (Ф. Маннштейн, «Проигранные победы»). Было время, когда все или, во всяком случае, многое благоприятствовало выработке рыцарства в офицерах. Сейчас если не все, то многое не благопретвует этому: Всемирная Революция нивелирует всех по уровню средних и ниже средних, старается упразднить духовно высших. Поэтому культивирование рыцарства, не требовавшее прежде больших усилий, стало теперь требовать от каждого рыцаря большой и непрестанной работы над собой, а от рыцарства в целом — заботливого и скрытного сбережения рыцарского духа. Скрытного потому, что массу ныне раздражает чье-либо духовное превосходство: его надо влагать в дело, не выставляя его напоказ. «*Больше быть, чем казаться*» было лозунгом офицеров Генерального штаба. Быть рыцарем, не нося знаков рыцарского достоинства, — лозунг современного офицерства. В этом — одна из трудностей офицерской профессии в современных условиях. <...>

В те времена, когда меч казался единственным оружием, Суворов мог возгласить принцип: благородством побеждают. В нынешнюю эпоху, когда идея стала мощным оружием, офицер не должен пренебрегать благородством как средством достижения победы. Если даже такое абсолютное учение, как христианское, не могло уберечь христианский дух от колебаний (были века подъемов и века снижений), то рыцарский дух и подавно не может быть абсолютным: как бы высок или низок ни был моральный уровень данного народа в данную эпоху, рыцари этого народа, офицеры, должны стоять на более высоком моральном уровне, нежели лучшие группы или слои народа. Платон сказал в древности: «Существуют более красивые безумства, нежели мудрость». Нет сомнения (во всяком случае, для офицеров нет сомнения), что краше мудрости, краше всех прочих «безумств» рыцарское «безумство» — честь. <...>

Заключение: приказ и совесть

Генерал М.И. Драгомиров с предельной ясностью указал солдату, где лежит граница между под-

чинением приказа и выполнением велений совести: «делай, что начальник прикажет, а против Государя ничего не делай». Устав дисциплинарный предписывал: если приказание незаконно, доложи об этом приказавшему, но коль скоро приказание будет тем не менее повторено, оно подлежит выполнению, причем ответственность ложится на приказавшего. Но если приказ преступен, его исполнять нельзя. 12 августа 1945 года японский император повелел капитулировать перед врагом; группа офицеров в Токио сочла приказ преступным, убила командира гвардии, сожгла дом премьер-министра и пыталась арестовать божественного Тено, но императору удалось избежать ареста; тогда восставшие пошли на холм Атагояма и совершили харакири; их примеру последовал генерал Танака, военный министр Анами и множество высших офицеров, не могших подчиниться приказу. Шведский полковник, получивший приказ насильственно посадить на советский пароход беженцев из Прибалтики, выдачи которых потребовала Москва, выполнил приказание (хотя люди перерезали себе вены и ослепляли себя, чтобы избежать отправки в СССР), а после этого подал в отставку. Панцирный генерал фон Мантофель велел в 1944 году расстрелять дезертира:

приказ фюрера требовал расстрела каждого солдата, покинувшего свою позицию; 15 лет спустя германский суд приговорил генерала к 18 месяцам ареста за выполнение незаконного приказа, то есть признал его «военным преступником».

Понятию «военный преступник» было дано самое широкое толкование в подлейшем Нюрнбергском трибунале: адмирала Денница засудили за то, что он в мирное время готовил германский военный флот к нападательным операциям. 10 лет спустя перед американским военным судом в том же городе предстало 13 германских полководцев по обвинению во всемирном заговоре (организация германских вооруженных сил для войны) и в ведении злодейской войны. Военные судьи оправдали генералов, потому что при нынешнем состоянии цивилизации война не может быть признана злодеянием и всемирным заговором, а, во-вторых, воинство является законной принадлежностью государства, и поэтому возглавление воинства не есть наказуемое деяние.

Если бы поступки военных подвергались рассмотрению в военных судах, то, как во втором Нюрнберге, приговоры были бы согласованы с законами и жизненной реальностью, но ничто не дает гарантии, что не повторится первый Нюрнберг, где за спиной судей стояли не юстиция, а месть или пацифический, фантастический антимиитаризм. Но и опасность предстать перед судом мести ни в каком случае не должна побуждать офицера нарушать закон долга, чтобы избежать закона мести:

в современных условиях разрушения здравых понятий и господства болезненных эмоций офицер должен мужественно предвидеть, что он может стать либо геройской жертвой боя, либо невинной жертвой палача.

Но, с другой стороны, установление понятия «военный преступник» способствует более строгому, чем встарь, выполнению законов войны и велений рыцарской этики. Ныне не могут остаться безнаказанными (во всяком случае, для офицеров побежденной стороны) такие действия в отношении вражеского воинства или населения, какие иногда имели место на войне в результате непродуманности, самодурства или кровожадности. Когда разыгрывается стихия войны, не может не быть некоторого произвола в действиях, но и должна быть граница произвола — за нею лежит военное преступление.

Приказ, выполнение приказа — это краеугольные камни существования воинства и выполнения им своего государственного назначения. Вышеупомянутые генерал Мантойфель поступил воински-законно, а шведский полковник — воински-корректно (к сожалению, не было слышно, чтобы подали в отставку английские офицеры по выполнению ими приказа о выдаче казаков в Лиенце). Японские же офицеры не подчинили свои рыцарские чувства воинскому приказу и только самоубийством искупили свою вину — в легенду войдут, наравне с «камикадзе» оружия, эти «камикадзе» самурайского духа.

Во все времена строгому выполнению военного приказа противились небрежность, строптивость, малодушие, сейчас же антимиитаристы, гуманные идеалисты и партийные спекулянты стараются противопоставить военному приказу совесть воина. Если рассуждать в либеральном стиле, что государство — это власть и что свобода граждан есть источник государственной власти, то можно додуматься до абсурдного вывода, что свобода совести гражданина-воина есть источник власти в воинстве. Вывод абсурден потому, что вступление в воинство — добровольное для кадрового офицера и для волонтера либо принудительное для военнообязанного — непременно сочетается с обязанностью к послушанию своих действий действиям вышестоящего, своей воли — его воле, своей совести — его совести.

<...> Сейчас, в эпоху всеобщей бессовестности (политической, партийной, общественной, юриди-

ческой и т.д.), носятся с совестью гражданина-воина как дурень с писаной торбой. Легализуют дезертирство тех, кто из побуждений совести или якобы из побуждений совести отказываются от военной службы; поощряют неповиновение в воинстве разрешением противопоставлять совесть приказу; запугивают воина угрозой счесть его «военным преступником», коль скоро он выполнит воинский приказ, противоречащий его гражданской совести. Со всем этим не может мириться офицерство. Для него должно быть незыблемым правило: *совесть воина — в выполнении приказа, а иная совестливость преступна.* <...>

Мы, офицеры прошлого времени, шли особым путем, путем выполнения воинского долга и по нему вели тех, кого народ вверял нам для воспитания и в дни войны — для вождения. Современный офицер не может идти нашим обособленным путем: его путь соприкасается, перекрещивается с путями гражданскими. С этим офицер обязан считаться в своем поведении, в обращении с подчиненными ему воинами, в методах их воспитания, обучения и втягивания в воинские навыки, в приемах командования солдатами и властвования их душами, в применении тактических, оперативных и стратегических форм воевания, в установлении организационной структуры воинства, в своей установке относительно общественности, партийности, политики. Со всем этим современный офицер обязан считаться и поэтому осторожно отступать от устаревшего в традиционном, делать разумные уступки требованиям времени. Но он обязан быть неуступчивым в вопросах рыцарской чести, офицерского долга. И в нем не должно быть ни малейшего сомнения в величественности его офицерского призвания, в высоком значении его милитаризма. Японский поэт Ногучи писал Рабиндранату Тагору: «Пусть милитаризм — преступление, но если подумать о жизни, из которой гуманизм вынет все кости и создаст из нее мягкотелое животное, то невольно скажешь: нет, гуманизм — еще большее преступление!»

Месснер Е. Современные офицеры. — Буэнос-Айрес, 1961.

УРОКИ ИСТОРИИ

А. Каменев

ОФИЦЕР — ПРОФЕССИЯ ИДЕЙНАЯ

Офицер — это надежда нации. Без него армии нет. Без армии нет государства. Без государства нет свободы граждан, нет достойной жизни, нет будущего ни у живущих, ни у потомков...

То, что произошло с российским офицерским корпусом в 1917–1918 гг., — весьма трагично: служилый класс, верой и правдой защищавший интересы Отечества, оказался разбитым, деморализованным, потерявшим опору в стране и внутренний духовный стержень в самом себе.

Офицерство лишилось поддержки правительства, да и сама власть вольно или невольно развязала руки подлым силам для атаки на офицерский корпус. Офицеров втянули в гражданскую войну, в непримиримый конфликт с солдатами и матросами. Были подорваны основы единоначалия.

Офицерство стало гонимым, преследуемым сословием, оно понесло большие физические потери, резко размежевалось на белых и красных — бывшие сотоварищи пошли друг против друга войной.

Офицеры утратили веру в свое государственное предназначение. Как организованная, дисциплинированная сила, опора государственной власти, гарант независимости государства и спокойствия в обществе офицерский корпус России перестал существовать.

Что может быть хуже такой участи? Как произошло то, что имело место в 1917–1918 гг.? Не ожидает ли нас повторение ошибок прошлого?

История нашего Отечества оставила нам в наследство много нерешенных вопросов, касающихся армии и ее стового хребта — офицерского корпуса.

«Скажите, господа штатские... нужна России армия? — писал еще в декабре 1908 г. известный в России публицист и патриот М. Меньшиков. — Нужна пружина армии — офицерский героизм?» И далее, взывая к здравому смыслу нации, предупреждал: «Подумайте: офицеры — душа армии. В действительности на них *одних*¹ лежит оборона государства»².

Был ли услышан этот вопрос, прислушались ли к предостережению М. Меньшикова? Отнюдь нет.

«Отчего так быстро и внезапно разрушилась мощь той армии, выдающуюся силу и упорство которой в начале века признал даже наш достойный противник. В чем же причина этого печального явления? В чем корень зла?» — писал двумя годами позже Н. Морозов³, анализируя причины резкого спада боевой готовности русской армии в середине и конце XIX века.

За два года до Первой мировой войны Я. Червинка, обращаясь к офицерской теме, задавал не менее важный вопрос: «Чем же объяснить... безразличие, если не нерасположением народных масс и большей части интеллигенции к цвету народа, к защитникам отечества?!»⁴

Обращая внимание на факт отчуждения народа от армии, отрицательного отношения общественного мнения к военной службе и воинским порядкам, он видел причину подобного явления в «национальном безразличии значительной части нашей интеллигенции к военному делу»⁵.

Не менее тревожной проблемой в первое десятилетие XX века для армии России стал исход из нее молодых офицеров. Со страниц военной печати тревожно звучали мысли по этому поводу:

«Почему нынешняя молодежь хандрит? Почему некоторая часть ее, прослужив обязательный срок, с таким легким сердцем покидает военное дело?» — спрашивал известный военный публицист Н. Бутовский⁶.

«Отчего так охотно уходят из армии? Почему это явление не прекращается до сего времени?» — с настойчивостью повторял свой вопрос генерал М. Грулев⁷.

«Как сделать военный мундир привлекательным для цвета русской молодежи?»⁸ — спрашивал бывший военный министр и в недавнем прошлом командующий русскими войсками в войне с Японией (1904–1905 гг.) А. Куропаткин.

«Чего желает, чего хочет армия от своей офицерской молодежи?» — вопрошал П. Краснов и, не ожидая ответа со стороны, отвечал сам:

«Прежде всего, — любви к тяжелому, однообразному труду военной службы, любви к своему делу, любви и понимания»⁹.

«Как обновить основу, душу армии — корпус офицеров? — вот основной вопрос, от решения которого зависит успех необходимых и безотлагательных для армии реформ»¹⁰ (Н. Рыскин).

Много вопросов обращено в адрес военной школы, прежде всего требовалась ясность в главном ее целевом назначении: «Разве школа не должна ставить одной из главных своих задач — развить в юношестве привязанность к своей военной корпорации, заставить его настолько гордиться своей принадлежностью к избранному обществу, чтобы ему и в голову не приходило искать другой службы, хотя бы и более выгодной?» — спрашивал Н. Бутовский¹¹.

В этой плоскости прозвучал и вопрос Пригоровского: «Что важнее для государства: чтобы молодой человек, поступивший в армию, умел решать уравнения с двумя неизвестными или чтобы он был предан родине до последней капли крови, каждым своим дыханием, каждой своей мыслью. Разве нас воспитывают в училищах в духе патриотизма? Разве при приеме нас на военную службу интересуются вопросом: любим ли мы родину и хотим ли мы от сердца служить ей?»¹²

Не менее настойчиво вопросы обращены и в сторону начальствующего состава. Тот же А. Куропаткин, испивший сполна чашу горечи за поражение руководимых им войск в Русско-японской войне, спрашивал: «Почему при обилии способных, энергичных и знающих офицеров в младших чинах и на относительно низших должностях мы были бедны самостоятельными, энергичными, опытными начальниками крупных частей войск?»¹³

Трагедия России, имевшая место в результате революции 1917 года, вызвала к постановке и такие вопросы:

«Где же скрыты те причины, по которым русский офицер, являющийся частью русского народа и притом частью далеко не последней, был лишен всех человеческих прав и объявлен вне закона своей Родины? Пользовался ли он незаслуженными привилегиями? Не оправдал ли надежд своего народа? Был ли он жесток к солдату? Чем заслужил гнев и мщение его отцов, братьев и детей?»¹⁴

«Почему государство не прекратило организованной травли офицерского корпуса, почему не остановило силу, впоследствии взорвавшую страну?»¹⁵ (А. Мариюшкин).

Если мы любим свою страну и свой народ, если понимаем, что без сильной армии России не быть независимой и самостоятельной; если осознаем, что без надежного офицерского корпуса не может быть сильной армии; если признаем важность исторического опыта, необходимость извлекать из него полезные уроки, — то наш долг ответить на все эти вопросы.

Обратившись к произведениям военных историков и писателей, изучавших развитие военного дела и требования к офицерским кадрам российской армии, мы обнаружим истоки трагедии русского офицерства, а заодно и ответы на многие вопросы.

В России офицер чаще всего так и оставался солдатом (хотя бы в широком смысле этого слова), ратным человеком, исполнителем чужой воли. Ему катастрофически не хватало политической культуры, идейного кругозора, государственных и военных знаний, чувства сопричастности к отечественной истории. Военный специалист преобладал над гражданином, воин — над государственным человеком, политически ответственной личностью.

Постоянно игнорировался тот факт, что в России офицерство — не только душа армии, но и стеной хребет государства, что при постоянных наших неурядицах требуется офицерская корпоративность высочайшего уровня (не полкового только офицерского собрания), а следовательно, единое офицерское мировоззрение, образ жизни и действий, чтобы противостоять им и при этом надежно защищать Отчизну, добываясь военных побед. Офицерская профессия в условиях российской действительности должна быть особого идейного закала, отождествляться со служением, подвижничеством, определяться испытанным кодексом традиционных установок и идей.

Офицерское призвание, апостольство и подвижничество

Офицер — профессия особая, и эта особенность проявляется в своеобразных требованиях к его качествам. Суть проблемы выразил в кратком изречении генерал М. Драгомиров: «...велика и почетна роль офицера... и тягость ее не всякому под силу»¹⁶.

Офицерская профессия более чем любая другая требует призвания. Эта профессия трудна (физически, морально и психологически), опасна даже в мирное время, требует высокой самоотверженно-

сти, доходящей до самозабвения. Ряды офицерского корпуса покинуть значительно сложнее, чем порвать с какой-либо другой специальностью. Офицерская служба сопряжена со многими лишениями, неудобствами, которые не испытывают представители других профессий. Денежное вознаграждение за офицерский труд как правило не соответствует той высокой его «стоимости», которой по справедливости этот труд должен бы оцениваться. Высокая степень ответственности, ограниченность гражданских и личных прав и свобод тяжелым бременем ложатся на душу офицера и требуют высочайшего уровня сознательности и самоограничения. Не каждый человек в состоянии нести по жизни такой «крест».

Все сказанное и определяет высокую значимость призвания в офицерской профессии, ибо, по словам М. Меншикова, «...в военном деле это безумное условие возведено в закон»¹⁷.

Рассмотрим в связи с этим сущность офицерского призвания и те проблемы, которые имеют место в жизни. Прежде всего, призвание — это предрасположенность, склонность и преданность данной профессии¹⁸.

В свою очередь *предрасположенность* находит свое проявление в особых:

- а) задатках (физических, психологических и др.);
- б) способностях (духовных, психологических, интеллектуальных, коммуникативных, организаторских, физических);
- в) качествах личности (особенностях характера). *Склонность к профессии* проявляется в:
 - а) любви к ней;
 - б) желании овладеть данной профессией. *Преданность профессии* проявляется в:
 - а) предпочтении данной профессии другим в силу идейных соображений, а не служение ей из-за необходимости, корысти и расчета;
 - б) отсутствии побуждения изменить ей или променять на более выгодную и доходную;
 - в) активном и инициативном исполнении своего профессионального долга.

Вряд ли вызывает сомнение тот факт, что для офицерской профессии необходимы такие физические задатки, как сила, ловкость, хорошее здоровье и телосложение. Не менее очевидным для знающих людей является и то, что более всего для профессии офицера подходят два вида темперамента: холерический и сангвинический¹⁹.

Если задатки человека зависят от природы, то способности — результат развития самим человеком тех данных, которые в нем от природы заложены: можно иметь хорошие задатки, но не реализовать их в виде способностей и, напротив, без задатков не могут быть и способности.

Способности человека находятся в сложной взаимозависимости, и не всегда «в здоровом теле — здоровый дух». Скорее, дух, духовность, духовные качества оказывают сильнейшее влияние на формирование и развитие всех остальных. Вот почему именно группе духовных способностей офицера принадлежит приоритетная роль.

Россия всегда была духовно богатой страной. «Наши деды пред лицом общей опасности, пред мыслью о чести России умели забыть свои личные дела, отлагали свою рознь до другого времени; сословия, партии между собою не препирались, никто не злорадствовал ошибкам власти»²⁰.

Нужно ли говорить о том, что враги России, пытаясь обессилить ее, не находили наилучшего способа, «чтоб обезвредить ее природную силу», как «поработить ее духовно и нравственно»²¹. Вот почему не менее бдительно, чем государственные границы страны, надо оборонять наш национальный дух. Но для этого следует понять, что же лежало и лежит в его основе.

В основе нашего национального духа лежит патриотизм. Историки (Н. Карамзин, В. Ключевский, С. Соловьев и др.) нередко отмечали слабость русского патриотизма, недостаточность его в будничной обстановке, искаженное понимание его смысла и т.п., но и они не могли скрыть удивления от вроде бы спонтанного его проявления в минуты смертельной опасности для страны и государства.

Все дело в тех особенностях, о которых И. Аксаков говорил:

«Мало быть Русским только при больших исторических okazиях, но надо им быть и в будничное время истории, в ежедневной действительности... На упреки в недостатке народного самосознания в нашем обществе нам не раз приходилось слышать возражения такого рода: «а вот посмотрите-ка, какие мы Русские, какие мы патриоты в минуты опасности: суньтесь-ка на нас чужестранцы войною, мы все, как один человек, станем грудью за Русскую землю»... Это действительно так, в этом нет сомнения, и этим свойством нашим мы можем по праву гордиться, но этот похвальный патриотизм не мешает нам выдавать ту же русскую землю тем же иностранцам, как скоро они идут на нас не вой-

ною, а мирным набегом, и скоро, не видя вражеского стана и не слыша воинственных кликов, мы считаем возможным отложить в сторону патриотическое напряжение»²².

Патриотизм в числе духовных качеств офицера занимает центральное место. «Хороший гражданин может оказаться плохим офицером (без соответствующей специальной подготовки), в том нет ничего удивительного; но горе той стране, где офицеры — плохие граждане...»²³.

П. Измestьев, подчеркивая значение патриотизма в военном деле и роль офицера в его развитии, указывает: «Только глубокое понимание принятого на себя национального долга, только проведение в массу воспитываемых нами бойцов чувства здорового, а не квасного патриотизма поможет нам в будущих войнах добиться успеха во что бы то ни стало»²⁴.

На страницах военной печати отмечалось, что «у нас слишком мало обращают внимания на развитие патриотизма в армии и в народе. В народе это дело народных учителей и духовенства, а в армии — дело офицерского корпуса»²⁵.

«Для того же чтобы внушать солдатам идеи патриотизма, надо самим проникнуться ими настолько, чтобы эти идеи были выражением нашего внутреннего «я». Это только возможно тогда, когда в службе видишь не одну неприятную необходимость из-за куска хлеба, а высший, нравственный долг. Для этого требуется или полное перерождение в духе и смысле патриотизма или... оставление службы и предоставление места другим, более способным воспринять идею любви к родине. Вся ошибка наша состоит в том, что широко открыв двери для желающих поступить в армию, мы установили мериллом приема в полки только научную подготовку и упустили из виду, что дух корпоративности и идеи патриотизма не добываются изучением латинского языка и алгебры, а даются воспитанием»²⁶.

Для развития истинного патриотизма необходимо *пробудить* сознание народное²⁷ и приобщить его к животворному источнику, из которого следует черпать мысли о величии нации, примеры истинной гордости предками, надежду на преодоление трудностей и лишений, веру в будущее нации. В этих условиях «идея великого отечества попирает саму тень измены. Равнодушие к родине кажется черной неблагодарностью. Неповиновение державной власти — подлостью»²⁸.

Духовное богатство нации необходимо извлечь из архива и обратить в арсенал воспитания российских офицеров.

В структуре духовных качеств офицера видное место занимает воинский дух. Чтобы стать офицером, недостаточно надеть военный мундир и даже окончить военно-учебное заведение. Надо сродниться с профессией, нужно приобрести тысячи сноровок, необходимых в военном деле. Этого невозможно добиться без высокого воинского духа.

Офицер должен пропитаться чувством дисциплины, то есть сознанием того, что он обязан подчиняться старшим и обязан повелевать младшими, он должен быстро схватывать смысл приказа и научиться сам отдавать приказания твердо, кратко и ясно. Как подчиненный он должен быть почтителен, сдержан, но в то же время обязан мужественно докладывать начальнику и то, что тому может быть неприятно. Как начальник он должен заботиться о подчиненных, быть человечным в общении с ними, но в то же время не допускать заигрывания и панибратства.

Где начинается формирование воинского духа офицеров? Конечно же, в военно-учебном заведении. Но как удержать в армии огромное большинство тех переодетых в офицерские мундиры штатских юношей, пишет М. Меньшиков, что выпускают наши будто бы военные, а на самом деле давно сделавшиеся штатскими училища?²⁹ Насколько остро стояла проблема формирования воинского духа офицеров в военно-учебных заведениях и войсках, можно судить по большому числу статей на эту тему А. Дмитриевского³⁰.

Воспитание в военном духе, как показывает исторический опыт, надо начинать как можно раньше. «В истинно военном духе надо воспитывать уже с малолетства в корпусах, приучая к простоте жизни, к труду, лишениям, развивая физически путем постоянных занятий спортом, а умственные занятия вывести из теперешней мертвой рутины и поставить на практическую почву»³¹.

*В этой связи актуальной сегодня является задача воссоздания кадетских корпусов как военно-учебных заведений, осуществляющих более раннюю, чем обычные военные школы, подготовку военной элиты*³².

На памятнике спартамцам, погибшим в неравном бою у Фермопил, было написано: «Путник, коли придешь в Спарту, оповести там, что видел ты нас здесь polegшими, как того требует закон». Закон от времен Спарты и до сего дня остался священным для воина-офицера. Его суть прекрасно выражают слова философа Сенеки: «Достойно умереть — это значит избежать опасности недостойно жить».

Честь, лежащая в основе офицерского долга, — важнейшее духовное качество офицера.

Незыблемое правило «*служить верно*» входило в кодекс чести офицера и имело статус этической ценности, нравственного закона. Этот закон безоговорочно признавался многими поколениями офицеров, принадлежавшими к разным кругам общества. Показателен в этом отношении эпизод, запечатленный А.С. Пушкиным в его «Капитанской дочке», когда дворянин Андрей Петрович Гринев дает наставление сыну: «Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их ласкою не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду»³³.

Воспитанное с детства чувство собственного достоинства четко проводило грань между государственной службой и лакейским прислуживанием³⁴. Одним из принципов офицерской идеологии было убеждение, что высокое положение офицера в обществе обязывает его быть образцом высоких нравственных качеств. Решающая установка в воспитании кадета состояла в том, что его ориентировали не на успех, а на идеал. Быть храбрым, честным, образованным ему следовало не для того, чтобы достичь славы, богатства, высокого чина, а потому что он офицер, потому что ему многое дано, потому что он должен быть именно таким, ибо таково было требование офицерской чести.

Честь не дает офицеру никаких привилегий, а напротив, делает его более уязвимым, чем другие. В идеале честь являлась основным законом поведения офицера, безусловно и безоговорочно преобладающим над любыми другими соображениями, будь это выгода, успех, безопасность или просто рассудительность. Готовность рисковать жизнью для того, чтобы не быть обесчещенным, требовала немалой храбрости, а также честности, выработки привычки отвечать за свои слова. Демонстрировать обиду и не предпринимать ничего, чтобы одернуть обидчика или просто выяснить с ним отношения, считалось признаком дурного воспитания и сомнительных нравственных принципов³⁵.

Постоянно присутствующая угроза смертельного поединка очень повышала цену слов и, в особенности, «честного слова». Публичное оскорбление неизбежно влекло за собой дуэль. Нарушить данное слово — значит раз и навсегда погубить свою репутацию. Дуэль как способ защиты чести несла еще и особую функцию: утверждала некое офицерское равенство, не зависящее от служебной иерархии. Если стимулом всей жизни является честь, совершенно очевидно, что ориентиром в поведении человека становились не результаты, а принципы. Думать об этическом значении поступка, а не о его практических результатах — традиционная установка российского офицерства, отличающая его от западных офицеров.

Офицерский долг считают основным «импульсом боевой энергии» (Е. Месснер)³⁶. Его считают величайшей добродетелью в глазах государства. Признавая важность наличия чувства долга в каждом гражданине, отметим, что только у офицера исполнение долга ведет к самопожертвованию. Оно не может идти вразрез или в обход закона, не допускает ловчения, небрежного исполнения своих обязанностей.

Мотивы исполнения человеком своего долга таковы:

- а) страх (боязнь наказания, преследования, санкции, потери обретенного положения, статуса, осуждения общественным мнением и т.п.);
- б) совесть (сознательность);
- в) корысть (обогащение);
- г) расчет (карьеризм);
- д) крайняя необходимость (ситуация, когда у человека нет иного выбора, как исполнять возложенные на него обязанности).

Для офицерского долга приемлемым является только одно — исполнение долга «не за страх, а за совесть». Недаром настоящего офицера называют «рыцарем без страха и упрека».

Внешними регуляторами служебного поведения выступают:

- а) предупреждения, выражаемые советом и наставлением;
- б) наказание и возмездие за содеянное;
- в) награды и поощрения.

Затрагивая чувство собственного достоинства и самолюбие, они побуждают человека изменить свое отношение к исполнению своего долга.

Исходя из сказанного следует подчеркнуть, что развитие совестливости, чувства собственного достоинства, самолюбия и честолюбия позволяют воспитать в офицере верное чувство долга.

Совесть — это внутренний закон, живущий в человеке и удерживающий его от дурных поступков, зла и соблазнов. Люди с чистой совестью — это те, которые не запятнали ее чем-либо достойным

осуждения как личным, так и общественным мнением. Приведем несколько авторитетных суждений по поводу совести:

- Не делай того, что осуждает твоя совесть, и не говори того, что не согласуется с правдой. Соблюдай самое важное, и ты выполнишь всю задачу своей жизни (Марк Аврелий, император древнего Рима, воин и философ).

- Велико могущество совести: оно дает одинаково чувствовать, отнимая у невинного всякую боль и беспрестанно рисуя воображению виновника все заслуженные им наказания (Цицерон, древнеримский оратор).

- Наша совесть — судья непогрешимый, пока мы ее не убили (О. Бальзак, французский писатель).

Совесть постоянно напоминает человеку о его обязанностях и карает постоянными мучениями в случае их невыполнения. По словам И. Маслова, закон обрел верного помощника в совести, контролирующей поведение человека³⁷. Насколько это важно для военного дела, говорить не приходится.

Понятие совести, особенно применительно к военному делу и воинскому долгу, издавна было предметом спекуляции, с вполне определенными целями. В частности, под лозунгом «совести» предпринимались попытки подвести «мину замедленного действия» под основы военной дисциплины. Суть проблемы и отношение к вопросу совести воина и офицера выразил Е. Месснер:

«Сейчас, в эпоху всеобщей бессовестности (политической, партийной, общественной, юридической и т.д.) носятся с совестью гражданина-воина, как дурень с писаной торбой. Легализуют дезертирство тех, кто из побуждений совести... отказывается от военной службы; поощряют неповиновение в воинстве разрешением противопоставлять совесть приказу; запугивают воина угрозой счесть его «военным преступником», коль скоро он выполнит воинский приказ, противоречащий его гражданской совести. Со всем этим не может мириться офицерство. Для него должно быть неизменным правило: *совесть воина — в выполнении приказа, а иная совесть преступна*»³⁸.

Думается, что и сегодня такая постановка вопроса вполне правомерна. Граница между подчинением приказу и выполнением велений совести проходит по полю закона: «делай, что закон приказывает, а против закона не поступай».

Порядочный военный, по мнению Д. Баланина, немыслим без чувства собственного достоинства и гордости, с этим надо очень считаться и с особым вниманием и деликатностью разбираться в служебных правах офицеров³⁹.

П. Бобровский, анализируя состояние воспитания в юнкерских училищах, отмечает неразвитость сознания собственного достоинства у юнкеров, недостаток самолюбия, наличие у них таких качеств, как изворотливость, неоткровенность и т.п.⁴⁰.

Явление это стало настолько серьезным, что вызвало издание особого приказа Главного начальника военно-учебных заведений от 24 февраля 1901 г. о воспитании у кадет чувства собственного достоинства⁴¹, который заключал в себе следующие знаменательные строки:

«Поддерживая все свои требования с принципиальной строгостью и устраивая над вновь поступающими самый бдительный надзор, закрытое заведение обязано по мере нравственного роста своих воспитанников постепенно поднимать в них сознание их человеческого достоинства и бережно устранивать все то, что может унижить или оскорбить это достоинство. Только при этом условии воспитанники старших классов могут стать тем, чем они должны быть, — цветом и гордостью своих заведений, друзьями своих воспитателей и разумными направителями общественного мнения всей массы воспитанников в добрую сторону»⁴².

Непременным условием чувства собственного достоинства является умение офицера постоять за себя, не прибегая ни к чьему покровительству (П. Измestьев)⁴³.

Самолюбие принадлежит к числу духовных качеств, значение которого расценивалось не всегда однозначно. К примеру, Вольтер характеризовал его так: «Самолюбие есть надутый воздухом шар, из которого вырываются бури, когда его прокалывают»⁴⁴.

Столь нелестная характеристика самолюбия, конечно же, относится к тому, что мы называем «болезненным самолюбием»⁴⁵. Но представить себе человека без самолюбия, т.е. известной доли самоуважения и гордости за себя, свой род, свою профессию и т.п. невозможно. В сочинении генерала И. Маслова «Анализ нравственных сил бойца» автор указывает: «С потерей уважения к себе воин, несмотря на свое безропотное подчинение начальникам, перестает быть способным к бою, так как у него нет доброй воли и необходимой энергии, чтобы отстаивать не только интересы своего государства, но и лично самого себя»⁴⁶.

Все изложенное по этому вопросу подводит нас к выводу о необходимости развития самолюбия офицеров, руководствуясь при этом и следующими идеями⁴⁷:

«Истинное и благородное самолюбие должно поддерживаться командиром части» (П. Карцов).

«Следует руководить, не задевая самолюбия и не роняя служебного положения подчиненных; тот, кто не щадит самолюбия младшего, вредит собственному достоинству» (И. Маслов).

«Давление на самолюбие есть сильный рычаг для поднятия нравственного уровня молодежи; этим приемом должно широко пользоваться и им можно многое сделать» (Ф. Гершельман).

«Самолюбие — Архимедов рычаг, которым землю с места можно сдвинуть» (И. Тургенев).

Не менее видную роль в военном призвании занимает честолюбие, если только оно происходит от желания выказать свое умение исполнить поручаемое возможно лучше, а не из эгоистического стремления затмить заслуги товарища. Правильное честолюбие (в благородном значении этого слова) не допускает личных расчетов во вред другому:

«Нигде жажда славы и истинное честолюбие, а не тщеславие, так не важны, как в офицерском звании» (И. Маслов)⁴⁸.

В «Инструкции ротным командирам» графа С. Воронцова от 17 января 1774 г. говорится: «Если положение военного человека в государстве считается сравнительно с другими людьми беспокойным, трудным и опасным, то в то же время оно отличается от них неоспоримою честью и славою, ибо воин преодолевает труды часто несносные и, не щадя своей жизни, обеспечивает своих сограждан, защищает их от врагов, обороняет отечество и святую церковь от порабощения неверных и этим заслуживает признательность и милость государя, благодарность земляков, благодарность и молитвы чинов духовных; все это должно возможно чаще повторять и твердить солдатам; следует прилежно стараться вкоренять в них возможно более честолюбия, которое одно может возбуждать к преодолению трудов и опасностей и подвигнуть на всякие славные подвиги. Честолюбивый солдат все делает из амбиции и, следовательно, все делает лучше»⁴⁹.

Честолюбие играет видную роль на войне, когда каждый рассчитывает, что поступок его будет замечен, пересказан и подхвачен соотечественниками, жадно следящими за всеми перипетиями войны. Особенность русского честолюбия показана в поговорке, гласящей, что «на людях и смерть красна». Так как поступки, наиболее поражающие воображение, чаще всего имеют место в сражениях, то понятно, что *бой является настоящим праздником честолюбия*. Оттого-то Шекспир и говорил про «гордые сражения, участвовать в которых считается за доблесть, честолюбие».

Для удовлетворения честолюбия имеется целый арсенал средств, начиная от соревнования и кончая орденами и наградами, которыми все великие полководцы умели разумно пользоваться⁵⁰.

Плутарх, признавая важность развития честолюбия в людях, тем не менее предупреждает об опасностях: «Что до честолюбия, оно, конечно, повыше полетом, чем любостяжание, но на государственную жизнь имеет действие не менее бедственное; притом оно сопряжено с большой дерзостью, ибо укореняется по большей части не в робких и вялых, но решительных и пылких душах, да еще волнение толпы часто распаляет его и подхлестывает похвалами, делая вовсе уж безудержным и необорным»⁵¹.

Платон советует с детства внушать молодым людям, что им не пристало обвешивать себя извне золотом или приобретать его, ибо внутри них есть золото, примешенное к составу их душ. Продолжая далее мысль Платона, Плутарх заключает: «Так мы будем умиротворять и наше честолюбие, внушая себе, что в нас самих заключено золото нетленное и неразрушимое, честь истинная, недоступная и недостижимая для зависти и хулы, возрастающая от помышлений и воспоминаний о содеянном нами на гражданском поприще»⁵².

Славолюбие издавна отмечалось в ряду тех, без которых немислим истинный военный человек. Говорят, одному спартанцу предлагали на Олимпийских играх большую сумму с условием, чтобы он уступил честь победы. Он не принял ее и после трудной борьбы одолел своего противника. «Что пользы тебе, спартанец, в твоей победе?» — спросили его. «В сражении я пойду с царем впереди войска», — отвечал он, улыбаясь.

Честолюбие побуждало спартанца принять предложение, а славолюбие отвергло его. А. Зыков так проводит грань между этими двумя качествами: «Славолюбие значительно глубже и возвышеннее честолюбия, потому что требует значительно большего. Честолюбец тут же получает награду — почет. Славолюбец не может ее получить, он может в нее лишь верить, так как его награды начинаются только после его смерти. Честолюбец разочаровывается, не получая удовлетворения, славолюбец —

никогда от этого. Славолюбие более стойко, а так как стойкость — одна из величайших житейских и военных добродетелей, то славолюбие в военном деле выгоднее честолюбия»⁵³.

Учитывая особенности нашего национального характера, в воспитании будущих офицеров и солдат необходимо проводить мысль о том, что слава — это не счастливый подарок судьбы, не везение, а кропотливый и тяжкий труд, высочайшая самоотдача и преданность делу. Слава не посещает людей нетерпеливых. Она не любит людей поверхностных и неосновательных. Она, как капризная барышня, отворачивается и уходит безвозвратно от гордецов, неблагодарных и заносчивых. Она любит неожиданно награждать скромных и незаметных тружеников. Лентяев и мечтателей она обходит стороной.

Чувство реализма составляет также одно из важнейших духовных качеств офицера. Реализм — это ясное понимание действительности и учет ее основных факторов в практической деятельности. Основу реализма составляют следующие факторы.

1) Опыт и уроки истории⁵⁴, изучение которой дает много ценного, избавляет от увлечений, ошибок и тяжелых неудач. Г. Леер говорил:

«Одно только глубокое изучение военной истории может спасти от измышлений и шаблонов в нашем деле и поселить уважение к принципам».

Вот почему часто военную историю называют мудростью веков и самым лучшим арсеналом стратегии⁵⁵. Она до некоторой степени восполняет недостаток личного опыта.

2) Знание и понимание реальных факторов военного дела (своих войск и противника, оружия, боевой техники, людей, принципов и способов ведения войны и боя и т.п.).

3) Предвидение и расчет⁵⁶.

4) Реальные и выполнимые решения.

5) Умение расставить исполнителей в соответствии с их возможностями и способностями.

6) Умение вводить разумные коррективы по ходу выполнения поставленной задачи с учетом меняющейся обстановки.

7) Объективность оценки сделанного, включая самооценку затраченных усилий, использованных сил и средств и полученных результатов.

Нужно ли доказывать то, что знания, указанные в данном перечне, офицеру необходимо иметь, а умениями — владеть? Видимо, никто не будет оспаривать очевидного. В то же время есть ряд вопросов, которые и в историческом плане оказались нерешенными. Среди них:

– Что и как изучать из военной и общей истории?

– Как обеспечить разумное и практичное изучение особенностей и характерных черт своего народа и вероятного противника?

– Каким образом добиться познания будущими офицерами военного дела с «фундаменту», как того требовал Петр Великий?

– Как в условиях военных училищ следует формировать у обучаемых качества лидера, способности руководить людьми?

– Как правильно развивать воображение, мышление, понимание, умение пользоваться научными знаниями в решении типичных практических задач?

– Как учить принимать нешаблонные и в то же время разумные и выполнимые решения при остром недостатке практики и опыта?

– Как развивать самокритичность, здоровую неудовлетворенность достигнутым, желание постепенно раздвигать умственный горизонт и углублять познания самостоятельно?

Учитывая то, что раскрытие этих вопросов или даже простое комментирование выходит далеко за рамки возможного, подчеркнем, что они (эти вопросы) не надуманы и не являются праздными. Они давно поставлены в повестку дня, но так и не рассмотрены и не решены до настоящего времени.

* * *

Перейдем к следующему вопросу. Война как стихия опасности и управление людьми как борьба характеров, мнений, интересов, мотивов — все это требует от офицера твердой и непреклонной воли. Принимая также во внимание, что противовесами страха являются физическая бодрость, энергичный темперамент, сила воли и ума, не дающие развиться чувству бессилия и содействующие устранению нерешительности, — необходимо признать, что воспитание воли (чувства мощи по Н. Корфу)⁵⁷ является важной задачей.

«Воспитание воли, вообще, — считает он, — может достигаться одновременно двумя путями: исходя из самого человека, из работы его духа (внутренние способы), воздействием окружающей среды и специальной обстановки, приуроченной для целей воспитания»⁵⁸.

М. Драгомиров, полемизируя с рядом военных писателей по вопросу о соотношении умственных и волевых качеств, замечает: «Характером, а не умом создаются общества, религии, империи. Характер дает народам направления для чувствований и действий; никогда они много не выигрывали от наклонности много рассуждать и думать»⁵⁹.

Эту мысль подтверждает и Н. Головин: «...победителем является тот, кто более хотел победы, т.е. тот, у кого сильнее воля»⁶⁰.

Воля — это способность человека поставить под контроль:

а) свои эмоции и чувства в условиях опасности, риска или же эмоциональной возбудимости, вызванной конфликтом, внезапностью, неприятным или горестным известием;

б) волю других людей и заставить их исполнять приказания и предписания беспрекословно.

Власть над собой — первейшая и необходимая ступенька для управления другими людьми. Это есть не что иное, как обуздание своих эмоций, чувств, потребностей и умение противостоять соблазнам и искушениям.

Века не изменили основ эмоциональной природы человека. Его чувства, страсти, инстинкты (и между ними наиболее могущественный инстинкт самосохранения) свойственны человеку настоящего времени так же, как во времена самые древние. Чувства любви, страха, гнева, ненависти, радости, печали, стыда остались неизменными спутниками его жизни. Власть над нами эмоций безгранична. Эмоция всесильна: повинувшись ей, человек, не колеблясь, идет на смерть и страдания.

Если чувства играют выдающуюся роль в деятельности человека вообще, то в боевой деятельности они получают еще более преобладающее значение, а в профессии офицера — исключительное.

«По смыслу всех военных законоположений под понятием «офицер» подразумевается человек с высокоразвитой нравственностью и волей; поэтому задача военного строя, задача офицерской корпорации удалить все негодное, слабое, способное внести растление, и тогда никакие задачи для нас не будут казаться невыполнимыми»⁶¹.

Требование от офицера высокой волевой подготовки вполне естественно, но, чтобы завоевать право вести людей в бой, надо обладать «авторитетом воли»⁶².

Обеспечение армии волевыми офицерами достигается следующими мерами:

а) отбором молодых людей с сильным характером и устойчивой психикой;

б) умелым направлением волевой подготовки обучаемых в военных школах;

в) эффективной работой воспитанников военных школ над собой;

г) совершенствованием волевой подготовки офицеров в войсковых частях.

Центральным местом воспитания воли офицера является развитие в нем умения управлять собой, что обеспечивается:

1) осознанием им необходимости самосовершенствования и воспитания воли;

2) знанием своих духовных и психологических способностей и возможностей;

3) пониманием направлений, путей, методов и средств самовоспитания воли;

4) регулярной тренировкой способностей и умений управлять своими эмоциями и чувствами;

5) испытанием волевых качеств в условиях опасности, риска, стресса и т.п.;

6) накоплением опыта волевого поведения в обычной и экстремальной ситуациях.

Стартовое начало всему этому процессу призвано дать *преподавание практической психологии*, прежде всего, раздела психологии личности. Самопознание, нацеленное на понимание сильных и слабых сторон человека, особенностей национального характера, возрастной специфики и мужской психологии, создаст необходимую научно-практическую основу для работы воспитанников военных школ над собой⁶³.

Исходя из сказанного представляется целесообразным *изменение системы психологической подготовки в военных школах*: переход от познавательной-образовательной системы к практически-целесообразной, отвечающей потребностям данного возраста, пола, национальности и профессии. Практическая нравственная психология⁶⁴ должна стать для офицера столь же профессионально-значимой, как и самый важный предмет специализации.

Заканчивая раскрытие составных частей призвания офицера, следует отметить большую роль военной школы в формировании любви к профессии офицера и преданности ей. Если предрасположенность (как составная часть призвания) — исходная данная, привносимая в военную школу извне и

почти независимая от ее деятельности, то любовь и преданность профессии офицера — составная часть призвания офицера — всецело зависит от деятельности военной школы.

Сформировать стойкие позитивные мотивы можно только с учетом интересов, идеалов и потребностей данного возраста (возрастной фактор); понимания движущих сил и особенностей мужской психики (фактор пола); характерных проявлений национального характера, менталитета, особенностей национального воспитания, образования и культуры, политического и экономического положения данного общества (национальный фактор).

Не подчинять своей воле воспитанников военной школы, не заставлять их ходить по струнке, не шлифовать массы, а обрабатывать личности призвана военная школа.

* * *

Офицерская профессия — это своего рода апостольство и подвижничество. В обычном понимании слова «апостольство» — это деятельность, направленная на служение и распространение какой-либо идеи, а «подвижничество» — добровольное принятие на себя человеком тяжелого труда и лишений ради достижения высокой цели⁶⁵.

В связи с данным определением нам следует ответить на такие вопросы:

- Является ли вообще мысль об апостольстве и подвижничестве приемлемой для офицера?
- Какой идее служит офицер?
- Среди кого он призван распространять эту идею?

• Какими особыми качествам он должен в связи с этим обладать? В определенной степени ответ на первый вопрос имел место при раскрытии темы призвания офицера. Начиная с самых давних времен неоднократно утверждалась и подтверждалась мысль об *идейной стороне военного искусства*. Суть вопроса состоит в том, что при всем огромном значении оружия и техники, количества и качества личного состава «*значение работ высших живых элементов* — командного состава, начиная с младших офицеров и до главнокомандующего всеми вооруженными силами государства, не только не уменьшается, а, напротив того, *увеличивается*, и чем выше лицо в команд

ной иерархии, тем значение его работы больше, и это потому, что тем больше в его работе играют роль идеи, принципы, законы»⁶⁶.

Офицер — профессия идейная. Настоящий офицер служит не ради денег и наживы⁶⁷, а ради высокой идеи защиты Отечества, понимая, что кто-то должен жертвовать своим земным благополучием ради того, чтобы остальные чувствовали себя спокойно и уверенно. С полным правом такой офицер мог бы сказать всем сомневающимся в его миссии словами Петра Великого: «Не должны вы помышлять, что корысти ради избрал я воинскую службу, а несу я мою нелегкую обязанность, сражаясь за благо государства, защита которого мне вверена, за род свой, за отечество, за православную веру и церковь... А обо мне ведайте, что жизнь мне не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего»⁶⁸.

Имеется ряд важных условий успешного функционирования идей:

1) идея должна быть сформулирована (а не витать в воздухе), являться естественным отражением насущной потребности дня и быть созвучной национальной вере (в широком и узком смысле слова), культуре и традициям⁶⁹;

2) идея должна быть понятна, осмыслена, принята в качестве главного мотива поведения и деятельности (принятие идеи в качестве высшей духовной ценности);

3) она должна быть признана и оценена по достоинству в обществе, а также в группе людей, с мнением которой человек считается и учитывает его (подкрепление идеи извне);

4) идея не должна принижаться, опошляться, искажаться, подменяться ни теми, кто ее сформулировал, ни теми, кто ее проводит в жизнь (требование чистоты идеи и чистоты рук, в которые она отдана);

5) правители, начальники, старшие и авторитетные люди должны показывать пример добросовестного служения идее или же положительного отношения к ней (позитивный пример как наглядный образец и дополнительный мотив для других).

Идеи обладают колоссальной силой: они могут вызвать всеобщий подъем воодушевления и явиться причиной общей апатии; они в состоянии буквально в считанные минуты «перевернуть» сознание. Обратимся к одному историческому примеру.

Гладиаторы древнего Рима привыкли ассоциировать мысль о своей смерти с идеей забавы римлян и, умирая на арене цирка, находили это вполне нормальным. Наградой за удачную борьбу для них

были аплодисменты зрителей и так у них создавалось своеобразное самолюбие. Но вот между ними является один, по имени Спартак⁷⁰, и говорит: «Если нам суждено умирать, то лучше умирать, добывая себе свободу, чем на потеху надменным римлянам». Эти слова изменили весь ход ассоциации идей в мозгу его товарищей, произвели в силу этого переворот их внутреннего мира и вызвали известный в истории бунт гладиаторов⁷¹.

Надо иметь в виду следующую особенность функционирования и изменения идей: как правило, спонтанного и резкого изменения в сознании людей не происходит; изменения готовятся исподволь, по средством накопления, откладываясь в памяти до той поры, пока не созреет необходимая «критическая масса». Как результат в сознании происходит «переворот», который завершается победой новой и поражением старой идеи. Подобное накопление новых идей происходит в ходе работы самого человека, так и под влиянием пропаганды, воздействия поведения, поступков и мыслей других людей на человека. Другими словами, круг общения человека, воздействующая на него пропаганда⁷² (навязывание идей) в достаточно большой степени влияют на сознание людей и формирование у них определенных идей как ценностных ориентации в жизни. Чем менее опытен человек, чем он невежественнее и слабее духом, тем больше шансов он имеет подпасть под влияние других людей.

Учитывая то, что в военных школах (исключая академии) учатся молодые люди с малым жизненным опытом, открытой душой и уязвимой психикой⁷³, надо отдавать себе отчет в том, насколько *важен подбор для военно-учебных заведений преподавательского и командного состава*.

В истории русской военной школы отмечен факт проникновения в число учителей масонов. Так, когда в 1822 году было предписано отобрать от преподавателей подписки о непринадлежности к масонским ложам, оказалось, что свыше 40 учителей петербургских заведений принадлежали к последним⁷⁴.

Известно, что масонство с его идеей космополитизма, отрицанием патриотизма, а также некоторыми активными действиями по разращению наций и национальных чувств не может быть признано безобидным учением, а его представители — лояльными к задачам государства.

Если мы сегодня не имеем данных о целенаправленном проникновении в преподавательскую и командирскую среду военно-учебных заведений чуждых элементов, то это вовсе не означает отсутствия проблемы. Проблема есть. И название ей то, что *в среде преподавателей и командиров военных школ есть много людей весьма равнодушных к военному делу*, «наемников от педагогики». Становится заметным явление, о котором еще в октябре 1868 г. писал И. Аксаков: «Глумиться над слабостью русских общественных сил, над непроизводительностью русской почвы, над робостью русской общественной инициативы — вошло у нас, как известно, в обычай... Такое отношение к русской жизни считается неперменным отличительным признаком истинно европейской образованности — широтой и свободой взгляда, чуждого узких национальных предрассудков»⁷⁵.

Все сказанное ставит в повестку дня необходимость решения трех проблем:

- 1) создание для военно-учебных заведений системы подготовки педагогических кадров⁷⁶;
- 2) очищение педагогических и командных кадров от людей равнодушных, малопригодных и вредных для воспитания патриотического и воинского духа;
- 3) нахождение достойных стимулов для привлечения в военные школы лучших кадров.

При соблюдении ранее указанных условий и при решении названных проблем можно рассчитывать на эффективное осуществление офицерами своего апостольского предназначения.

Мы не останавливаемся на проблеме воспитания в обществе уважения к армии, роли интеллигенции. Приведем лишь два примера, достойные подражания.

На уроке словесности в Японии перед войной 1904—1905 гг. учитель задавал ученикам такие вопросы:

- Кто твой начальник?
- Император...
- Что такое воинский дух?
- Подчинение и самопожертвование...
- Что ты называешь храбростью?
- Никогда не считать числа (врагов) и идти вперед...
- Чье это пятно крови на нашем знамени?
- Того, кто нес его в сражении...
- На какую мысль оно наводит?
- На мысль о счастье знаменщика...

— Но человек умер... Что же осталось от него?

— Слава...⁷⁷

Второй пример касается Франции. Французская школьная хрестоматия начала нашего века включала ряд поучительных материалов.

Так, первый раздел, посвященный рассказу о гражданских обязанностях, содержит описание шестивия французских войск. Когда солдаты проходили мимо пожилого француза, он сказал своим детям: «Обнажите головы, это знамя — эмблема отечества!»⁷⁸

Интеллигенция в большом долгу перед армией. В ее рядах нет ясного понимания важности обороны страны, развития патриотизма, любви к Родине. Руководящий «духовный двигатель» должен заработать на благо России. Но тут невольно напрашивается булгаковский вопрос: «получит ли Россия столь нужный ей образованный класс с русской душой, просвещенным разумом, твердой волей?»⁷⁹

Интеллигент такого склада нужен армии, требуется делу воспитания офицерского корпуса. Не герои-интеллигенты, а интеллигенты-подвижники необходимы для России.

Подвижничество — особая черта нашего национального характера. Наш любимый национальный герой — подвижник. Он верит в Бога, свободен от героической позы и притязаний. Его внимание сосредоточивается на конкретном деле, действительных обязанностях и их строгом, неукоснительном исполнении; в своей деятельности он видит прежде всего исполнение своего долга.

Подвижничество есть непрерывный самоконтроль, борьба с низшими, греховными сторонами своего «я», аскеза духа. Нормой поведения является ровность течения, «мерность», выдержка, неослабная самодисциплина, терпение и выносливость, верность, безропотное несение каждым своего «креста»⁸⁰. Всякого рода театральные эффекты, поза, лицемерие, тщеславие — противны духу подвижничества. Лучшие начальные люди земли Русской всегда были подвижниками.

Лучшие русские полководцы и военачальники — в их числе. *Подвижником был и должен быть офицер России.*

Подвижничество невозможно без веры. Вера — это признание чего-либо без доказательств как существующего или имеющего место быть. Без веры человек не смог бы существовать по следующим причинам:

а) не все, что его окружает, он может постигнуть силой своего разума; значит, во многое он должен просто верить;

б) духовные и физические силы человека ограничены, но он не должен терять веры в себя, надежду на благополучный исход дела;

в) он (человек) не в состоянии предвидеть ход развития событий, не в состоянии предсказать свою судьбу, но разум человека, который не хочет мириться с неизвестностью и неопределенностью положения, заставляет его искать дополнительную опору в вере;

г) «сверх того вера производит еще теснейшую связь между согражданами; чтя одного Бога и служа Ему единообразно, они сближаются сердцем и духом»⁸¹.

По своему содержанию вера подразделяется на следующие виды:

1) вера в себя (в свое предназначение, силы, способности и т.п.);

2) вера в свое призвание, правильность выбора жизненного пути;

3) вера в людей (доверие к ним);

4) вера в успех (задуманного предприятия, дела, акции; для военных — вера в победу над врагом);

5) вера в свой род, племя, народ;

6) вера в правителей, начальников, их способности, прозорливость, мудрость и справедливость;

7) вера в Высший разум, Высшую справедливость, в Бога.

Каждый из перечисленных видов веры значим сам по себе и, имея свои исторические корни, значительно отличается по содержанию у людей других национальностей. Вера в себя, к примеру, имеет разное значение для русского, американца, японца или француза. По-разному она и укрепляется. В. Ключевский дает такую характеристику великороссу: «Он вообще замкнут и осторожен, даже робок, вечно себе на уме, необщителен, лучше сам с собой, чем на людях, лучше в начале дела, когда еще не уверен в себе и в успехе, и хуже в конце, когда добьется некоторого успеха и привлечет внимание: неуверенность к себе возбуждает его силы, а успех роняет их. Ему легче одолеть препятствие, опасность, неудачу, чем с тактом выдержать успех;

легче сделать великое, чем освоиться с мыслью о своем величии. Он принадлежит к тому типу умных людей, которые глупеют от признания своего ума»⁸².

Из такой характеристики видно, где, на каких этапах и почему надо помогать укреплять веру в себя.

Точно так же обстоит дело и с другими составляющими, характеристику которых мы не будем давать. Тем не менее есть смысл остановиться на *религии* как основе веры в Бога. Укажем на четыре непреложные истины:

- 1) объединять людей может только единоверие, ибо нельзя одновременно служить двум богам⁸³;
- 2) отречься от отечественной веры все равно, что отречься от своих родителей;
- 3) искать духовной мудрости надо не на стороне, а в отеческом доме;
- 4) следует «признать веру крупной и высокой силой в военном деле и культивировать ее наиболее широко...»⁸⁴.

Изначально наше «христоролюбивое воинство» российское не носило в своей душе мести врагу, угнетения и эксплуатации других народов и руководствовалось в глубине души высокими заветами Христа, нередко и бессознательно. Если в мирное время кое-кто и считал себя атеистом, то *в окопах, атеистов уже не было*.

В дополнение к сказанному укажем, что первый российский орден — Святого Андрея Первозванного, учрежденный Петром Великим в 1699 г., имел девиз «За веру и верность».

Другой важнейшей составляющей подвижничества является благородство побуждений. М. Галкин в своей работе «Новый путь современного офицера» ставит вопрос о том, каков должен быть нравственный облик офицера и приходит к выводу, что офицер, «чтобы оправдать свое выдающееся положение, должен выдвигаться из толпы» прежде всего «*благородством своих, побуждений и возвышенностью нравственной натуры*»[^].

Готовность умереть за Россию составляет важное качество офицерского подвижничества. Это качество было так развито в офицерстве, что при составлении мобилизационного плана в полку офицеры просили не назначать их на должности в тылу, в запасных полках, во второстепенных дивизиях, которые, «может быть, не успеют сформироваться, как разыграется генеральное сражение»⁸⁶.

Заканчивая раскрытие вопросов апостольства и подвижничества русского офицерства, еще раз подчеркнем мысль о том высочайшем значении, которое в формировании и развитии названных качеств играет военная школа. *Будущее армии и флота куется в стенах, военно-учебных, заведений*. А раз так, то они должны быть на высоте современных требований.

Офицерская корпорация и традиции офицерского корпуса

Офицерская корпорация как особый тип сообщества требует от офицера наличия также особых качеств, не умаляя значения всех указанных ранее.

Интересы сильной армии выдвигают следующие требования к офицерской корпорации:

1) она должна быть сплоченной и монолитной, что достигается посредством особого, корпоративного духа (Э. Свидзинский)⁸⁷;

2) в ней должен быть здоровый дух и здоровые отношения, позволяющие исправить заблуждающегося члена корпорации и удалить негодного (А. Сурнин)⁸⁸;

3) отношения в ней должны быть справедливыми, разумными, уважительными, при которых каждый вправе считать себя полноправным ее членом, имеющим свои права и обязанности (Ф. Юзефович)⁸⁹;

4) товарищество, как особый род доверительности, взыскательности друг к другу, должно главенствовать во взаимоотношениях офицеров (Л. Толстой и др.)⁹⁰;

5) офицерская среда должна быть резервуаром жизненной силы и мощи офицерского корпуса (П. Измestьев)⁹¹;

6) офицерская среда должна бережно относиться к каждому новому офицеру, особенно из числа окончивших военно-учебные заведения, помогая им адаптироваться в новой среде и уберечься от типичных ошибок начального периода офицерской службы (К. Варяжский и др.)⁹².

Корпоративный дух есть нравственная солидарность, вытекающая из тождественности компетенции и функций (П. Измestьев)⁹³. Корпоративность в офицерской среде требует соблюдения следующих правил:

- признания обществом офицеров ответственности за поступки каждого своего офицера, что, конечно же, не умаляет ответственности и самого офицера за совершенное им;
- требование к офицерам согласовывать свои действия, поступки, поведение и образ жизни с требованиями офицерской этики и кодексом офицерской чести;

- солидарность в отстаивании чести мундира, достоинства офицерского звания и требований справедливости в отношении членов корпорации;
- недопустимость разглашения фактов, имевших место в офицерской среде⁹⁴;
- исключение злословия, злорадства в оценке поведения других офицеров, различных проявлений непорядочности и т.п.;
- верность слову, обещанию, устному заявлению, готовность исполнить обещанное и безусловное выполнение принятых на себя обязательств;
- соблюдение внешних знаков приличия, товарищества и чинопочитания, особенно в гражданском обществе, общественных местах;
- готовность каждого члена корпорации прийти на помощь товарищу, нуждающемуся в ней, даже без формальной на то просьбы;
- проявление искреннего сочувствия тем, кого постигло горе, несчастье, неудача и т.п.

Девиз «Один — за всех, все — за одного» как нельзя лучше отражает суть корпоративности.

Какие качества требуются для общения в офицерской среде? Среди особых свойств выделяются:

- а) коммуникативность («способность к товарищескому общению»);
- б) самокритичность;
- в) порядочность.

Умение входить в контакт с незнакомыми людьми, развивать контакты с людьми достойными и прекращать их с недостойными;

умение «притягивать» к себе людей силой обаяния; умение чувствовать опасность, исходящую от людей непорядочных, коварных и расчетливых, — все это обнимает искусство общения, столь необходимое офицеру.

Самокритичность как специфическое качество, необходимое в офицерской среде, требуется в силу того факта, что многие люди чаще замечают недостатки других и не видят их у себя⁹⁵. Такой перекокс, естественно, создает благодатную почву для конфликтов, ссор и недоразумений.

Закон порядочности гласит: «Не выставляй бесчестным образом слабостей твоего ближнего, дабы возвысить самого себя. Не открывай его проступков и заблуждений с тем, чтобы блеснуть за его счет собственным преимуществом» (А. Книгге, немецкий писатель XVIII века)⁹⁶. О чувстве порядочности в офицерской среде достаточно четко высказались Н. Бутовский⁹⁷, Ф. Гершельман⁹⁸ и др.

В совокупности эти три специфических качества, как показывает войсковая практика, «работают» на сплочение офицерского коллектива и каждого члена офицерской корпорации.

* * *

Традиции — это духовный кодекс, передающийся из поколения в поколение, оберегаемый и поддерживаемый неукоснительным соблюдением требований, изложенных в нем⁹⁹.

С точки зрения социальной роли — это «социальный клей» (по А. Макаренко)¹⁰⁰, который соединяет воедино разрозненные территориально, но однородные по своему составу и социальному назначению единицы. Это соединение осуществляется посредством следующего инструментария традиций:

- 1) идеалов, культивируемых в данной среде;
- 2) взглядов по принципиально важным вопросам;
- 3) привития соответствующих вкусов;
- 4) соблюдения общепринятых норм поведения и действий;
- 5) приверженности к соответствующим обычаям;
- 6) соблюдения наиболее важных профессиональных (клановых, кастовых) ритуалов.

Значение традиций огромно:

— во-первых, они способствуют формированию единства и сплоченности людей;

— во-вторых, они заставляют людей, вливающих в данную корпорацию, подчиняться установленным там правилам и нормам поведения;

— в-третьих, они требуют очищения рядов от тех лиц, которые не соблюдают или нарушают традиции, и этим самым традиции способствуют соблюдению чистоты рядов данной корпорации;

— в-четвертых, высокий дух традиций рождает в душе членов корпорации чувство гордости за принадлежность к данной группе людей, побуждает их к самосовершенствованию, достижению идеала, ибо традиции, как правило, являются синтезом всего лучшего, что имеется в данной корпорации (хотя известны и случаи иного рода:

отсталость взглядов и устаревшие традиции).

Основу традиций, т.е. ту питательную почву, на которой они произрастают, составляют:

а) реальные позитивные факты, имевшие место как нечто повторяющееся, устойчивое, безусловно необходимое и выгодно представляющее данную группу людей (корпорацию);

б) легенды и домыслы, которые трудно опровергнуть, но также и трудно доказать; иногда сюда можно приписать единичные факты выдающегося поведения, действия или поступка, но выдаваемые за некую закономерность.

Если первое базисное основание (п. «а») есть прочная основа традиций, то второе (п. «б») — основание шаткое, легко поддающееся разрушению.

Следовательно, в интересах развития традиций нужно осуществлять поиск положительных исторических фактов и примеров, приводить их в систему, воспитывать на этих примерах новые поколения, умножать позитивный потенциал реально действующими лицами. Это и есть пути укрепления единства и согласованности людей, обеспечение преемственности поколений.

Поучительным историческим примером пропаганды боевых традиций является «Наставление господам пехотным офицерам в день сражения», в котором говорится: «Несколько лет почти беспрестанной на разных границах войны сделали всю российскую армию привычной к оной, и большая часть офицеров знают совершенно долг свой как в продолжении кампании, так и в решительные дни сражения; но так как между прочим есть и новые полки, да и в старых некоторые малоопытные еще офицеры, то не излишне считается преподать следующие простые и легкие правила.

Не нужно почти упоминать, сколь необходимо, чтобы всякий офицер по мере власти своей заботился о здоровье солдат, о доставлении им по возможности хорошей пищи и всех выгод и о исправности оружия. Кольми паче все сие пред сражением нужно; ибо человек тем охотнее дерется и тем больше от него можно требовать, чем больше он видит, что начальники пекутся о его благосостоянии; без исправного оружия, с другой стороны, при всем усердии мало он может принести пользы»¹⁰¹.

Из первых строк этого «Наставления» видно, что побудило прибегнуть к составлению этого документа (появление в войсках малоопытных офицеров). В последующих же строках дается изложение весьма важных правил, которые надо знать этим офицерам.

Предпримем и мы попытку определить традиции офицерского корпуса России, полагая за основу тот инструментарий, которыми они (традиции) располагают.

Основные идеи, культивируемые в офицерской среде¹⁰²

Круг идей, традиционно важных для офицера, охватывает ряд понятий, таких как: Родина, война, армия, офицер, солдат, доблесть, закон, власть, общество, враг и др.

- Родина — святое понятие для офицера. Все самое важное сосредоточено в нем, все готов он отдать для ее благополучия, процветания и независимости. Нет больше чести, как положить душу за други своя...¹⁰³

- «Корпус офицеров, стоящий на высоте своего призвания, в котором сочетаются гармонично ум, деятельность и выдержка вместе с рыцарским духом, который ради чувства чести и долга готов жертвовать всеми благами жизни, даже самой жизнью, — такой корпус офицеров будет самой верной порукой доблести и надежности войска»¹⁰⁴.

" Закон для офицера свят и нерушим. А его исполнение — высочайший долг офицера¹⁰⁵.

- «Войско, крепко спаянное дисциплиной, на войне сливается в одну компактную массу, девиз которой: «победим или умрем. Мертвым нет срама»¹⁰⁶.

- «...Все то, что ведет к победе и только к победе, есть добро на войне, а все то, что ее ограничивает или ведет к поражению, есть зло»¹⁰⁷.

- «...Главное орудие и важнейшее средство на войне — человек, а не машина; однако без машин человек недостаточно силен»¹⁰⁸.

- «Сущность воинского духа состоит в том, чтобы человек привык к той мысли, что он есть воин и прямое назначение его — война и что за время пребывания его на действительной службе или в запасе армии он может быть призван для настоящего своего дела, для войны. Чем чаще солдат будет об этом вспоминать, тем больше будет он проникнут воинским духом, т.е. быть военным в истинном смысле этого слова, а не только по наружному виду»¹⁰⁹.

- «Хочешь мира — готовься к войне. Хочешь побед — учись в мирное время!.. Воспитывать себя для войны поздно на самом поле сражения!»¹¹⁰

• «Важно не уничтожить врага, а подорвать его уверенность в силах, заставить его прекратить борьбу, подчиниться нашей воле»¹¹¹.

• «Не последуем примеру врагов наших в их буйстве и неистовстве, унижающих солдат»¹¹².

• «Мы должны все время помнить, что окружены врагами и завистниками, что друзей у нас нет... Да нам их и не надо при условии стоять друг за друга. Не надо и союзников: лучшие из них предадут нас. У России только два союзника: ее Армия и Флот»...¹¹³

• «Подвиг заключается не в том, чтобы не падать в борьбе со своим врагом, а в том, чтобы, упавши, вновь вскочить на ноги и снова броситься на врага»¹¹⁴.

«Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, справедливу, благочестиву! Молись Богу! от него победа! Чудо-богатыри! Бог нас водит — он нам Генерал!...»¹¹⁵

«Лица, которые призваны сказать про предоставляемых производству последнее слово «достойн» или «не достойн» производства в первый офицерский чин, берут на себя большую нравственную ответственность за каждого произведенного в офицеры с заведомо неустойчивыми нравственными основами. Две группы требований. Основы первой группы таковы: преданность Государю и Родине, дисциплина, вера в нерушимость приказания — должны и могут окончательно утвердиться в выпускаемых из училищ. Основы второй группы, каковы: храбрость, решимость переносить тягости службы, чувство взаимной выручки — не всегда могут развиваться на школьной скамье»¹¹⁶.

*Единство взглядов офицеров по принципиально важным вопросам*¹¹⁷

Эти взгляды, по нашему мнению, должны касаться: а) вопросов чести, долга и достоинства офицерского звания; б) отношений к товарищам по службе и старшим в офицерской среде; в) позиции офицеров по отношению к подчиненным; г) отношения офицеров к обществу, народу, слоям и классам; д) позиции офицеров относительно политической и классовой борьбы в обществе и механизма смены власти. Поясним сказанное некоторыми важными положениями.

• Офицером может быть только честный, добросовестный и достойный уважения человек. Все остальные лица, не отвечающие этим требованиям, должны быть удалены из офицерского корпуса.

• Товарищество — это не попустительство, круговая порука и покровительство, а высокая требовательность друг к другу, основанная на доверии, порядочности, взаимной поддержке и взаимной выручке.

• Старший по званию или по должности начальник — такой же офицер, лишь обладающий большими полномочиями и ответственностью. Он не должен ждать инициативы снизу, а полагать ее уместной и необходимой. В свою очередь, его обязанность — отдавать должное своим подчиненным, не сковывать их инициативы, самостоятельности и творчества.

• Для офицера все слои общества одинаковы. Он не служит ни одному из классов или групп, а стоит на страже общенациональных интересов. Благо Отечества для него прежде всего. Вступающий в офицерский корпус должен забыть о своей социальной принадлежности. Офицер — не слуга, а воин, которому доверено самое ценное — безопасность и покой сограждан. Все, что угрожает безопасности и покою граждан, должно побуждать его к адекватным действиям, направленным на устранение опасности, восстановление безопасности и покоя граждан. Любые призывы классов, групп и лиц к офицеру занять выгодную только для них позицию — одно из действий, направленных на дестабилизацию обстановки в стране, следовательно, они не могут быть восприняты офицерским корпусом как благие для нации и их следует категорически отвергнуть.

• Офицер не имеет права участвовать в политической или классовой борьбе, ибо это ставит его в положение противоборства с существующей властью, что является недопустимым для него. Основная политическая линия офицера — безусловная поддержка законной власти.

• Единственно приемлемый механизм смены государственной власти — мирное разрешение кризиса власти. Дворцовые перевороты, тайный сговор, насильственное свержение правительства и захват власти — средства негодные, порочные, недостойные и вредные, участие в которых офицеру категорически запрещает его офицерский долг и служебное положение.

• Для офицера подчиненные — это его ближайшие соратники, которые нуждаются в наставлении, помощи, поддержке, понимании. Если офицера не понимают его подчиненные, то ему следует прислушаться к словам М. Драгомирова: «Не торопитесь заключать, что если вас не понимают, то потому, что неразвиты; проверьте лучше себя, доразвиты ли вы сами до того, чтобы всякий вас понимал»¹¹⁸.

Традиционные нормы поведения офицеров России

Всю совокупность традиционных норм поведения офицеров можно подразделить на две группы: а) боевые и б) нормы мирного времени, бытовые.

Боевые традиции офицеров

• Без колебаний идти в бой, не дрогнув перед опасностью и смертью. (Д. Дохтуров¹¹⁹ с радостью, совершенно больной, несется защищать Смоленск, говоря: «Лучше умирать в поле, чем в постели»¹²⁰.)

• Воевать достойно и достойно умирать. (Я. Кульневу¹²¹ в сражении под Клястицами ядро оторвало обе ноги; он упал и сорвал с шеи своей крест Св. Георгия, бросил окружившим его, сказав им: «Возьмите! Пусть неприятель, когда найдет труп мой, примет его за труп простого, рядового солдата, и не тешеславится убиением русского генерала»¹²².)

• Установка на бой и победу в бою; не бежать от врага, а искать его. (Екатерина Великая писала П. Румянцеву на его донесение о превосходстве сил турок: «Римляне никогда не считали врагов, а только спрашивали, — где они?» И результатом этой мысли явилась блестящая Кагульская победа, одержанная 17-ю тысячами русских против полтора десятка турок¹²³.)

• Постоянная бдительность. (Владимир Мономах в своем «Поучении» говорит: «На войну выходя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не потворствуйте, ни сну; сторожевую охрану сами наряжайте, и ночью, расставив воинов со всех сторон, ложитесь, а рано вставайте; а оружия снимать с себя не торопитесь, не оглядевшись, из-за лености внезапно ведь человек погибает»¹²⁴.)

• Необыкновенное благородство, умение подавить в себе честолюбие в минуты опасности для Родины. (В 1813 г., после смерти Кутузова, Главнокомандующим назначается гр. Витгенштейн. Три старших генерала обойдены этим назначением, но беспрекословно, без единого звука недовольствия подчиняются младшему¹²⁵.)

• Частная инициатива, стремление к взаимной поддержке в бою. (Нельзя не упомянуть о выдающемся поступке Дохтурова, который 4 декабря¹²⁶, имея категорическое приказание корпусного командира отступить, сам вернул уже с марша дивизию и, никого не спрашивая, вступил в жестокий бой с двойными силами французов, при одном только известии, что вблизи отряд другого корпуса находится в опасности¹²⁷.)

• Верность присяге, отсутствие всякой мысли об измене, плене и т.п. (Примеров тому множество. Один из них касается майора Юрлова, начальника инвалидной команды, которого Пугачев хотел переманить на свою сторону, а за категорический отказ повесил его¹²⁸.)

• Отсутствие боязни перед вышестоящим начальником. (Так, например, кн. Голицын, дважды отбитый при штурме Шлиссельбурга, получив категорическое приказание Царя немедленно отступить от стен крепости, иначе голова его завтра же слетит с плеч, не убоился ответить, что завтра его голова во власти царской, а сегодня она ему еще сослужит службу, и третьим приступом взял крепость»¹²⁹.)

Служебные и бытовые традиции

• «Бога бояться и Царя чтить, любить ближнего не словом или языком, но делом и истиною, повиноваться наставникам, покоряться властям и быть готовым на всякое доброе дело»¹³⁰.

• Служить честно Отечеству, а не прислуживать кому бы то ни было. («Когда занемогший офицер подавал установленной формы рапорт: «Заболев сего числа, службу Его Императорского Величества нести не могу», то он действительно ощущал, что его служба есть служба Его Императорского Величества»¹³¹.)

• Верность своему слову. («Слово офицера должно быть залогом правды, и потому ложь, хвастовство, неисполнение обязательства — пороки, подрывающие веру в правдивость офицера, вообще бесчестят офицерское звание и не могут быть терпимы»¹³².)

• Уважение законов государства. («Офицер должен отличаться уважением к законам государства и к личным правам каждого гражданина; ему должны быть известны законные средства для ограждения этих прав, и он же, не вдаваясь в донкихотство, должен быть всегда готов помочь слабому»¹³³.)

• Мужественное преодоление всех трудностей и препятствий в службе и жизни. («Малодушие и трусость должны быть чужды офицеру; при всех случайностях жизни он должен мужественно преодолевать встречающиеся препятствия и твердо держаться раз выработанных убеждений, чтобы вся-

кий видел в нем человека, на которого можно положиться, которому можно довериться и на защиту которого можно рассчитывать»¹³⁴.)

- Самоотречение. («Повиновение законам и дисциплине должно доходить до самоотречения; в ком нет такого повиновения, тот недостойн не только звания офицера, но и вообще звания военного»¹³⁵.)

- Разборчивость в выборе друзей, знакомых, определении круга общения. («Офицер должен посещать только такие общества, в которых господствуют добрые нравы; он никогда не должен забывать, особенно в публичных местах, что он не только образованный человек, но что сверх того на нем лежит обязанность поддерживать достоинство своего звания. Поэтому он должен воздерживаться от всяких увлечений и вообще от всех действий, могущих набросить хотя малейшую тень даже не на него лично, а тем более на весь корпус офицеров...»¹³⁶.)

- Преданность военной форме. («Офицеры носили форму на службе, вне службы, дома, в отпуску, и это постоянное пребывание в мундире было непрестанным напоминанием офицеру, что он всегда находится на службе Его Величества. Офицер всегда был при оружии, и это свидетельствовало о том, что он всегда был готов обнажить это оружие для чести и славы Родины»¹³⁷.)

- Публичная вежливость. («В ресторане, при входе старшего в чине, полагалось просить разрешения продолжать сидеть за столом; в театрах требовалось стоять во время антрактов; в присутствии старшего воспрещалось курить без специального разрешения; при встрече на улице с генералами, начиная от командира корпуса, офицер (пеший или конный) становился во фронт, нарушая движение пешеходов и экипажей»¹³⁸.)

- Отцовская заботливость о солдате: «Офицеры суть солдатам, яко отцы детям» (Петр I); «Слуга Царю, отец солдатам» (А.С. Пушкин).

- Забота о пристойности брака. (Нельзя было жениться, не испросив разрешения командира полка и согласия общества офицеров полка. А это разрешение и согласие давалось по рассмотрении вопроса о пристойности брака¹³⁹.)

- Офицеры обязаны вести образ жизни, соответствующий их офицерскому достоинству. (Правила, которые всегда соблюдались: офицер не имел права ходить в трактиры и рестораны 2 и 3 классов, занимать места в театрах далее 5 ряда кресел; требовалось, чтобы офицер не скупился на раздачу чаевых; к знакомым офицер обязан был приехать в пролетке, но не идти пешком и т.п.¹⁴⁰.)

Воспитание в духе офицерских традиций требует не цикла лекций для обучаемых в военных школах и офицеров частей. Весь уклад жизни военно-учебных заведений и войсковых частей должен строиться с учетом данных традиций. И в этой работе пример остается за старшим начальником, который должен быть сам безупречен в соблюдении офицерских традиций.

Заключение

Духовное наследие Армии России — кладезь благоразумных мыслей и идей, обращенных к потомкам. Вот почему в заключение укажем на некоторые из них, рассчитывая на то, что это своеобразное завещание к разуму российских патриотов будет услышано.

Не будем усыплять себя спокойной внешностью политического горизонта. История показала нам наглядно, как мгновенно возникают современные войны и как тяжело расплачивается та из сторон, которая в мирное время не сумела приготовиться к войне (В. Самонов)¹⁴¹.

Быть России или не быть — это главным образом зависит от ее армии. Укреплять армию следует с героической поспешностью (М. Меньшиков)¹⁴². Смотрите, как бы, пренебрегая армией, не затронуть основного корня народного существования (М. Меньшиков)¹⁴³.

Но пока не восстановлена вера страны в свое могущество, нужно ждать печальных неурядиц. Все низкое, что есть во всяком народе, поднимает голову (М. Меньшиков)¹⁴⁴. Вот почему нет высшей заботы для нации, как возможное развитие нравственных добродетелей в своих членах и затем охранение этих добродетелей от разложения. Обычаи, нравы, правовые положения и сама религия должны идти навстречу этим заботам (И. Маслов)¹⁴⁵.

Все правительства, кроме разве очень глупых, понимают чрезвычайную высоту офицерского долга и стараются поддерживать сознание этой высоты в народе (М. Меньшиков)¹⁴⁶. У всех народов армия признается учреждением государственным, комплектуемым людьми, для которых военное дело, в виде защиты родины, считается либо священной обязанностью, либо делом призвания по преимуществу. Со своей стороны и государство бережно обходится со всеми льготами и преимуществами воен-

ного сословия, сознавая невозможность оплачивать все только жалованьем и покупать защитников родины ценою звонкой монеты (М. Грулев)¹⁴⁷.

С чего начать? Прежде всего из армии следует изгнать тот нейтралитет к России, который имеет место. Равнодушная армия умирает как армия (М. Меньшиков)¹⁴⁸. Но мало одного духа солдат и офицеров, мало их горячего, святого желания победы, нужны еще твердые, умелые руки вождей, чтобы привести армию к победам (Н. Морозов)¹⁴⁹. Высшему начальнику уже недостаточно только носить генеральский мундир: ему нужно иметь за собой авторитет боевого опыта, командный ценз на всех предыдущих ступенях иерархической лестницы и широкое военное образование (П. Махров)¹⁵⁰.

Следует помнить, что настоящая, истинная сила армии заключается в воспитании такой общей самоотверженной рядовой массы командного состава, которая бы не гонялась за блестящими эффектами, не искала красивых лавров, а смело и твердо шла в бой, гордая своим высоким призванием и крепкая своими понятиями о долге и истинном благородстве (Н. Морозов)¹⁵¹.

При подготовке офицерского состава на первое место следует поставить подготовку высшего командного состава (Н. Головин)¹⁵². «Пусть выступят вперед честные люди» (М. Меньшиков)¹⁵³ ибо горе той армии, где карьеризм и эгоизм безнаказанно царят среди вождей, где большинство генералов думают лишь о своем благополучии, служат из-за наград и отличий, ведут лишь свою линию (Н. Морозов)¹⁵⁴.

Следует помнить, что военное искусство не может и не должно у всех народов выливаться в одни и те же формы, быть всегда и везде одинаковым, вне зависимости от духа и особенностей народа. Спасение наше и возрождение может заключаться только в отрешении от иноземных устоев и возвращении к заветам славных вождей Российской армии (Н. Морозов)¹⁵⁵.

«Прежде всего обратите внимание на офицера». Вот эта мысль, которая неотступно должна преследовать нас при чтении проектов обновления армии. «Смотрите в корень, — хочется сказать авторам, — помните, что сила армии не в солдатах, а в офицере» (Н. Морозов)¹⁵⁶.

Пора отказаться от опасного заблуждения, будто хорошим офицером может быть всякий образованный человек (В. Рычков)¹⁵⁷. Пусть лучше некомплект офицеров, чем комплект с такими личностями, как офицеры «Поединка» (А. Дрозд-Бонячевский)¹⁵⁸. Будущее за такой армией, где офицеры верят в высоту своей миссии, а не удерживаются только формами, чинами и орденами (А. Дмитриевский)¹⁵⁹.

Офицерство — камень прочный, но при недостаточной заботливости, при презрении к его нуждам и потребностям и его можно превратить в сыпучий песок (В. Максудов)¹⁶⁰.

Выталкивает из армии не физическая, а нравственная сила, как и притягивает — она же. Измените *психологические* условия офицерской службы — бегство остановится (М. Меньшиков)¹⁶¹.

Самые благодетельные реформы армии останутся втуне, доколе не будет радикально преобразована вся наша военно-учебная система (В. Рычков)¹⁶².

Система воинского воспитания непременно должна покоиться на идейных началах. Высокая идея офицерского дела, прочно вложенная в душу юнкера, поднимет его собственное достоинство и не позволит ему, выйдя на службу, кое-как относиться к своим обязанностям¹⁶³. Но если наша военная школа не умеет вселить в своих питомцев любовь к своему делу, если впоследствии и армия оказывается бессильной пригреть юную душу молодых офицеров, то ясно, что причина переживаемого недуга кроется в самих этих учреждениях — в их, так сказать, постоянном составе, придающем окраску всей их жизнедеятельности, а не в том переменном составе офицерства, которое приливает и отлиывает из армии. Рекомендовать в подобных случаях прибавку жалованья, как панацею от всех зол, — все равно, что, принимая гостей в холодной руине, надевать для этого случая лишнюю шубу. Да вы лучше протопите ваш дом и сделайте его жилым и уютным...¹⁶⁴

* * *

Надо отдать должное русским офицерам: они умели относиться бережно к отечественной военной истории. В трудах военных писателей находится масса любопытного и интересного материала по разным сторонам офицерского вопроса.

Достоинство представлена история деятельности военно-учебных заведений в работах: П.О. Бобровского «Юнкерские училища. В 3-х т.» (СПб., 1881); Ф. Веселаго «Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет» (СПб., 1852);

П.А. Галенковского «Воспитание юношества в прошлом. Исторический очерк педагогических средств при воспитании в военно-учебных заведениях в период 1700–1856 гг.» (СПб., 1904); Н. Гли-

ноецко-го «Исторический очерк Николаевской академии генерального штаба» (СПб., 1882); Ф.В. Грекова «Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. 1700–1910» (М., 1910); В.Ф. Делликова «Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов 1855–1880» (СПб., 1880); Н.П. Жервэ и В.Н. Строева «Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. 1712–1912 г. В 2-х т.» (СПб., 1912);

А. Кедрина «Александровское военное училище. 1863–1901» (СПб., 1901); М.С. Лалаева «Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их Управлению. От основания в России военных школ до исхода первого двадцатипятилетия благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича. 1700–1880» (СПб., 1880); М. Максимовского «Исторический очерк развития Главного инженерного училища. 1819–1869» (СПб., 1869);

Н. Мельничко «Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России. В 4-х т., 6-ти ч.» (СПб., 1857).

Аналитической работой дореволюционного периода по военной школе России следует считать труд «Столетие Военного министерства. 1802–1902, т. X, ч. 1–111. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк (составители П.В. Петров и Н.А. Соколов)» (СПб., 1902). Глубокие мысли о реформе военной школы высказал Н.Н. Головин в своей работе «Высшая военная школа» (СПб., 1911). М. Соколовский всесторонне проанализировал деятельность журнала для кадет в своей работе «Кадетский журнал полвека назад. Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений, как повременное издание. 1836–1863» (СПб., 1904). Курс законоведения для кадетских корпусов представлен отдельным изданием «Основные понятия о нравственности, праве и общежитии» (СПб., 1889).

В названных работах содержатся интересные исторические документы, в частности: «Высочайший Указ об основании школы математических и навигацких наук» от 14 января 1701 г.; «Письмо Директора Морской Академии Сент-Илера к графу Андрею Артамоновичу Матвееву от 1 марта 1717 года», «План об учреждении при артиллерии шляхетного кадетского корпуса» графа П.И. Шувалова; «Положение для постоянного определения или оценки успехов в науках, Высочайше утвержденное 8 декабря 1834 года»; «Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений» 1848 г., разработанное Я.И. Ростовцовым; инструкции для юнкеров, командного и педагогического состава, учебные программы и т.п.

Большой интерес для изучения истории офицерского вопроса представляют работы: «Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1738–1760» (СПб., 1871); П.О. Бобровского «Обзор военного законодательства о главнейших обязанностях младших офицеров в войсках» (СПб., 1881); Н. Вишнякова «Суд общества офицеров в русской армии (исторический очерк)» (Военный сборник, 1909, № 12); В. Драгомирова «Подготовка Русской Армии к Великой войне, ч. I. Подготовка командного состава» (Военный сборник, Белград, т. IV, 1923); А.А. Керсновского «История Русской Армии», ч. I–IV (Белград, 1933–1938); А. Мариюшкина «Трагедия русского офицерства» (Новый Сад, 1923); Н.А. Морозова «Прусская армия эпохи Йенского погрома. Ее возрождение. Значение для нас этого поучения» (СПб., 1912); А.З. Мышлаевского «Офицерский вопрос в XVII веке. Очерк из истории военного дела в России» (СПб., 1899); П. Симанского «Передвойной 1812 года. Характеристика французских и русских генералов» (СПб., 1906) и др.

Назовем также ряд трудов, содержащих конструктивные мысли об упрочении офицерского корпуса России. Это работы: А.Н. Апухтина «Командный состав армии» (Общество ревнителей военных знаний, кн. 3, 1907); И.Н. Блотникова «Опыт настольной книги для гг. офицеров» (СПб., 1910); А. Деникина «Путь русского офицера» (М., 1990); «Армейские заметки генерала М.И. Драгомирова» (СПб., 1881); П. Измьстева «Искусство командования» (Варшава, 1908); П. Карцева «Командование отдельной частью. Практические заметки из служебного опыта» (СПб., 1883); его же «Командование ротой и эскадром» (СПб., 1881); Б. Панаева «Офицерская аттестация» (СПб., 1908) и другие.

Практический интерес представляют также работы Н. Бирюкова «Записки по военной педагогике» (Орел, 1909); Д.Н. Трескина «Курс военно-прикладной педагогики. Дух реформы Русского Военного Дела» (Киев, 1909) и И.Г. Энгельмана «Воспитание современного солдата и матроса» (СПб., 1908).

Из числа работ, выполненных после 1917 года по настоящее время, следует назвать труды: Л.Г. Бескровного «Русская армия и флот в XIX в. Военно-экономический потенциал России» (М., 1973); его же «Армия и флот России в начале XX века: Очерки военно-экономического потенциала» (М., 1986); М.Д. Бонч-Бруевича «Конец царской армии» (Военно-исторический журнал, 1989, № 6); А.И. Верховского «Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914–1918 гг.)» (Пг., 1918); П.Краснова «На

внутреннем фронте» (Л., 1925); С. Е. Рабиновича «Борьба за армию в 1917 г.» (М.-Л., 1930); П.А. Зайончковского «Самодержавие и русская армия на рубеже XIX и XX вв.» (М., 1973); его же «Русский офицерский корпус на рубеже двух столетий (1811–1903)» (Военно-исторический журнал, 1971, № 8); А. Кривицкого «Традиции русского офицерства» (М., 1947); С. В. Волкова «Русский офицерский корпус» (М., 1993); Е. Месснера «Современные офицеры» (Буэнос-Айрес, 1961); Н.А. Машкина «Высшая военная школа Российской империи XIX — начала XX века» (М., 1997); А.Г. Кавтарадзе «Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг.» (М., 1988); А.И. Каменева «История подготовки офицеров в России». (М., 1990); его же «История подготовки офицеров в СССР» (Новосибирск, 1991); его же «Трагедия русского офицерства (уроки истории и современность)» (М., 1999); его же «Военная школа России (уроки истории и стратегия развития)» (М., 1999); «О долге и чести воинской в российской Армии:

Собр. материалов, документов и статей /Сост. Ю.А. Галушко, А.А. Колесников; Под ред. В.Н. Лобова» (М., 1990); А.И. Панова «Офицеры в революции 1905–1907 гг.» (М., 1996); В. Рогозы «Офицерский корпус России: история и традиции» (Армейский сборник, 1997, № 9); «Российские офицеры» Е. Месснера, С. Вакара, В. Гранитова, С. Каширина, А. Петрашевича, М. Рожченко, В. Цишке, В. Шайдицкого и И. Эйхенбаума, (Буэнос-Айрес, 1959); В.Б. Станкевича «Воспоминания. 1914–1919 гг.» (Л., 1926); О.Ф. Сувенирова «Трагедия РККА. 1937–1938» (М., 1998); В. Сухомлинова «Воспоминания» (Берлин, 1924); В. Флуга «Высший командный состав» (Вестник общества Русских Ветеранов Великой войны, 1937, № 128–129); Р.П. Эйдмана и В.А. Машкова «Армия в 1917 году» (М.-Л., 1927) и др.

Всем названным и не упомянутым в этом списке авторам следует принести глубочайшую благодарность за труд во благо познания и укрепления офицерского корпуса России. Являясь истинными патриотами, болея за будущее своей Родины, каждый из них старался передать живущим и потомкам свое видение решения офицерского вопроса в нашей стране.

Примечания

1. *Здесь и далее курсив автора. - А.К.*
2. Меньшиков М.О. Письма к ближним. - СПб., 1908. - С. 778.
3. Морозов Н.А. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений. (Исторический очерк из жизни русской армии эпохи наполеоновских войн и времен плац-парада.) - Вильна, 1909. - С. 10.
4. Червинка Я.В. Военная карьера у нас и за границей. (Профессиональные беседы в современном духе.) - Варшава, 1912. - С. 84.
5. Там же. - С. 85.
6. Бутовский Н.Д. Наш офицерский корпус, его жизнь, научное развитие и воспитание. Сообщение, читанное на Общем Собрании членов Общества ревнителей военных знаний. 7 января 1911 года //Общество ревнителей военных знаний. - 1911. - Кн. 4. - С. 1.
7. Грулев М.В. Злобы дня в жизни армии. - Брест-Литовск, 1910. - С. 33.
8. Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. Т. III. Задачи русской армии и флота в XX столетии. - СПб., 1910. - С. 364.
9. Краснов П.А. Чего войска ожидают и чего желают от молодых офицеров // Русский Инвалид. - 1907. - № 101. - 6 мая.
10. Рыскин Н. Об обновлении командного состава // Русский Инвалид. - 1907. - № 56. - 11 марта.
11. Бутовский Н.Д. Наш офицерский корпус, его жизнь, научное развитие и воспитание. - С. 2.
12. Пригоровский. Офицеры по необходимости //Разведчик. - 1912. - 4 (304). -С. 52.
13. Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. Т. III. Задачи русской армии и флота в XX столетии. - СПб., 1910. - С. 364.
14. Мариюшкин А. Трагедия русского офицерства. - Новый Сад, 1923. - С. 9.
15. Там же. - С. 8.
16. Драгомиров М.И. Избранные труды. - М., 1956. - С. 190.
17. Меньшиков М.О. Выше свободы. Статьи о России. - М., 1998. - С. 208.
18. См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. - М., 1988. - С. 479.

19. См.: Клаузевиц К. О войне. - М., 1998. - С. 87; Блюме В. Сущность командования //Военный Сборник. - 1914. - № 12. - С. 21–22; Головин Н. Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. - СПб., 1907. - С. 94.
20. Волгин А.М. Об армии. - СПб., 1907. - С. 40.
21. См.: Аксаков И.С. Славянофильство и западничество. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича», «Руси». - М., 1886. - Т. II. - С. 691.
22. Там же. - С. 221, 222.
23. Юрьев Л. К. реформе нашей военной школы //Офицерская Жизнь. - 1907. -№ 60. - С. 155.
24. Измьстев П. Искусство командования. Извлечение из труда А. Гавэ. - Варшава, 1908. - С. 85.
25. Пригоровский. Офицеры по необходимости //Разведчик. - 1912. - 4 (304). -С. 52.
26. Там же.
27. Клич «Вставай, страна народная!» уместен и сегодня.
28. Меньшиков М.О. Выше свободы. Статьи о России. - С. 206.
29. Там же. - С. 214.
30. См.: Дмитриевский А. Развитие духа штатских в сынах Марса // Военный Сборник. - 1914. - № 7. - С. 109–115; Дмитриевский А. Сохрани нас Бог оказаться гасильниками любви к военному делу //Военный Сборник. - 1914. - № 11. - С. 93–100; Дмитриевский А. Влияние академического образования на нравственный элемент (силу духа) // Военный Сборник. - 1914. - № 5. -С. 59–66; Баланин Д. Дух и инициатива — выше всего //Военный Сборник. - 1914. - № 11. - С. 88–91.
31. Розеншильд-Паулин А. Строевая армия //Русский Инвалид. - 1909. - № 172.
32. Сложившийся ныне порядок военного образования целесообразен лишь для подготовки основной массы офицерства, а для его элитарной части нужны особые условия и более длительные сроки обучения, что и обеспечивается воспитанием кадет.
33. Пушкин А.С. Романы и повести. - Петрозаводск, 1967. - С. 240.
34. В истории военного дела зафиксирована клятва эфеба, в которой есть такие поучительные слова: «Я не оскверню этого священного оружия и не покину в рядах моего товарища. Я буду защищать не только то, что свято, но и то, что не свято, как один, так и вместе с другими. Я передам потомкам отечество не униженным или уменьшенным, но возросшим и в положении улучшенном сравнительно с тем, в каком я его наследовал. Я буду почитать решения мудрых. Я буду повиноваться законам, которые были или будут народом приняты, и если кто вздумает нарушить их, я не должен того допускать, и стану защищать их, все равно придется ли мне делать это одному или будут со мною другие. Я буду чтить верования». - См.: Уссинг. Воспитание и обучение у греков и римлян. - СПб., 1878. - С. 141.
35. См.: Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. - М., 1995. -С. 27–56.
36. См.: Месснер Е. Современные офицеры. - Буэнос-Айрес, 1961. - С. 5.
37. См.: Маслов И. Научные исследования по тактике. Выпуск II. Анализ нравственных сил бойца. - СПб., 1896. - С. 459.
38. Месснер Е. Современные офицеры. - С. 36–37.
39. Баланин Д. Подготовка и выбор начальников // Военный Сборник. - 1911. - № 1. - С. 8.
40. См.: Бобровский П.О. Военное воспитание юнкеров в училищах. Юнкерские училища. В 3-х т. - СПб., 1881. - Т. 2. - С. 531.
41. Приказ по военно-учебным заведениям 1901 г., № 30.
42. Соколов Н.А. Военно-учебные заведения в царствование императора Николая II //Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк. Сост. Н.А. Соколов. - СПб., 1914. - Т. X, ч. III. - с. 175.
43. См.: Измьстев П. Искусство командования. - С. 69.
44. См.: Великие мысли великих людей. Антология афоризма. - М., 1998. - Т. 2. -С. 134.
45. Болезненное самолюбие — это самолюбие легко ранимое, это обида на совершенно незначительное нерасположение к человеку, проявляемое в легком укор, замечании, повышении тона, отказе во внимании и т.п. Оно обращается в щепетильность и принимает всякое служебное замечание или взыскание за личную обиду.
46. Маслов И. Научные исследования по тактике. Вып. II. - С. 421.
47. См.: Гершельман Ф. Воспитание будущих офицеров //Военный Сборник. - 1915. - № 1. - С. 34; Карцов П.П. Командование отдельной частью. Практические заметки из служебного опыта. - СПб., 1883. - С. 5; Маслов И. Научные исследования по тактике. Вып. II. - С. 421.

48. Маслов И. Научные исследования по тактике. Вып. II. - С. 420–421.
49. Инструкция ротным командирам за подписанием полковника графа Воронцова 1774 г., января 17 дня, в 17 пунктах состоящая на 13 листах // Бескровный Л.Г. Хрестоматия по русской военной истории. - М., 1947. - С. 237.
50. К примеру, Наполеон I, настаивая на необходимости учреждения ордена Почетного легиона, говорил: «Неужели вы думаете, что философскими рассуждениями убедите людей сражаться: это годно только для ученого в кабинете. Солдат же дерется из-за славы, отличий и наград» (Военная библиотека. - Т. 4. - С. 279). В другой раз он еще проще выразил ту же мысль: «дайте человеку почетную пуговицу, и он за нее пойдет на смерть». В своей армии Наполеон принимал все меры, чтобы влиять на самолюбие солдат, проявляя, когда нужно, именно царскую щедрость, а в других случаях ограничиваясь мелочами в служебных правах, мундирных отличиях и почетных названиях. Выдвигая даровитых людей из солдатских рядов на самые высшие командные посты в армии, он не оставлял без поощрения их заслуженных, но не выдающихся сверстников. Средствами для этого были: награждение орденом Почетного легиона, крест которого одинаково давался и солдатам, и офицерам; переводы в молодую и старую гвардии и т.п. Декретом 18 февраля 1808 года были учреждены в каждом полку должности трех знаменщиков; из них первый, носивший знамя, должен иметь чин поручика или подпоручика, прослужить не менее 10 лет, т.е. *выслужиться из нижних чинов* и участвовать в 4 кампаниях; второй и третий знаменщики назначались из числа храбрых ветеранов, прослуживших также не менее 10 лет и не умеющих читать и писать, а поэтому *не способных к производству в офицеры*; все трое назначались и сменялись самим императором. - См.: Уваров М. О воинском звании и знании // Военный Сборник. - 1906. - № 2. - С. 17.
51. Плутарх. Наставление о государственной деятельности // Сравнительные жизнеописания. Трактаты и диалоги. - М., 1997. - С. 594.
52. Там же.
53. Зыков А. Как и чем управляются люди. Опыт военной психологии. - СПб., 1898. - С. 123.
54. См.: Кедрин С. Военная история как один из главных источников прогресса военного дела // Братская помощь. - 1908. - № 4. - С. 40–58; № 5. - С. 40–56.
55. В военных архивах и исторических книгах содержатся многие ценные данные для новейшей стратегии. Но это достояние не станет арсеналом само по себе. Превращение архива в арсенал возможно лишь посредством кропотливой работы специалистов многих областей военного дела, а не только историков, как иногда ошибочно думают.
56. См.: Измestьев П. Значение расчета при разработке и при ведении военных операций // Военный Сборник. - 1915. - № 3. - С. 19–28; № 4. - С. 17–30; № 5. - С. 17–32.
57. Корф Н.А. О воспитании воли военачальников // Общество ревнителей военных знаний. - 1906. - Кн. I. - С. 17.
58. Там же. - С. 29.
59. Драгомиров М. Значение воли в жизни народов // Изборник «Разведчика». - 1897. - № V. - С. 6.
60. Головин Н.Н. Исследование боя. - С. 186.
61. Сурнин А. Роль офицерства в военном воспитании // Воин. Владивосток. - 1922. - № 2. - С. 16.
62. См.: Махров П. Современная война и высшее командование // Разведчик. - 1912. - № 1155. - С. 855.
63. См.: Дюра-Ласаль Л. О звании генерала или о воспитании, образовании, познании и достоинствах, нужных главнокомандующему и прочим офицерам для командования армией. Основано на правилах великих полководцев, ученых и знаменитых писателей древнего и настоящего // Военная библиотека. - Т. 1. - СПб., 1871. - С. 359–360.
64. Практическая нравственная психология — это та часть психологического знания, которая позволяет: 1) использовать выводное психологическое знание, содержащее важнейшие идеи, принципиальные установки, которые могут быть практически освоены и применены в жизни каждым человеком; 2) применять проверенные жизнью рекомендации психологической науки, не требующие дорогостоящего оборудования, специальных средств, а базирующиеся на естественных факторах развития и жизнедеятельности человека; 3) ориентировать человека на добро и созидание, а не на зло и разрушение. - См.: Каменев А.И. Азбука благоразумия. - М., 1998. - С. 12; Каменев А.И. Практическая психология для курсантов. - Балашиха, 1999.
65. См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. - С. 26, 431.

66. Баиов А.К. Несколько мыслей по вопросу о военной доктрине // Военный Сборник. Белград. - 1924. - № 5. - С. 50.
67. В данном случае речь не идет об умалении значения денежного содержания офицера, а лишь подчеркивается то, что ведущим и определяющим мотивом его профессии является идея служения государству.
68. Да простят нас читатели за вольное обращение со словами приказа Петра Великого, произнесенными им перед Полтавской битвой 1709 г. Но как лучше выразить суть бескорыстного служения Отчизне?
69. «Идеи вообще рождаются не в хаосе, а в созерцании; и не авантюристами, а верными патриотами». - См.: Ильин И.А. Творческая идея нашего будущего. Об основах нашего характера: Публичная речь, произнесенная в 1934 г. в Риге, Берлине, Белграде и Праге. - СПб., 1993. - С. 5.
70. Спартак (Spartacus), вождь крупнейшего восстания рабов 73 (или 74) — 71 до н.э. в Древнем Риме. Уроженец Фракии. Бежал с товарищами из школы гладиаторов в Капуе. Восстание охватило фактически всю Италию; армия восставших насчитывала около 70 тыс. человек. В 71 г. Спартак был разбит римской армией под руководством Красса и погиб в бою.
71. См.: Зыков А. Как и чем управляются люди. - С. 31.
72. Пропаганда в широком смысле слова понимается как специально организованное воздействие средств массовой информации, печати, созданных специально заказных публицистических и художественных произведений на отдельные группы людей с целью формирования у них требуемых взглядов, установок, оценок, отношений, стереотипов и т.п.
73. Уязвимость молодых людей заключается прежде всего в духовной доверчивости и психологической незащищенности.
74. Дело архива главного управления военно-учебных заведений. 1822 г. № 199/ 20. - Цит. по: Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. X, ч.1. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк. Сост. П.В. Петров. - СПб., 1902. - С. 131.
75. Аксаков И.С. Славянофильство и западничество. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича», «Руси». - М., 1886. - Т. II. - С. 415.
76. Суть проблемы в том, что военно-учебные заведения нуждаются в педагогических кадрах, понимающих назначение офицерской профессии, разделяющих идеи защиты отечества, признающих важность патриотизма для обучаемых.
77. См.: Богданович Е.В. Школа патриотизма. - СПб., 1908. - С. 19–20.
78. См.: Дмитриев Н. Национальная школа. - СПб., 1913. - С. 78.
79. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество. (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Интеллигенция в России. Сб. статей. 1909–1910 гг. - М., 1991.
80. Там же. - С. 14.
81. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12-ти т. - М., 1993. -Т. I-IV. - С. 48.
82. Ключевский В.О. Соч. в 8-ми т. - М.: 1956. - Т.1. - С. 314.
83. «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть». - Библия (Матф. 6, 24).
84. Яковлев П.П. Влияние веры на военное дело в нашей и иностранных армиях. Очерк. - М., 1900. - С. 68.
85. См.: Галкин М.С. Новый путь современного офицера. - СПб., 1907. - С. 20.
86. Российские офицеры. - М., 1995. - С. 32. (Коллективный труд. Авторы: Е. Месснер, С. Вакар, В. Гранитов, С. Каширин, А. Петрашевич, М. Рожченко, В. Цишке, В. Шайдицкий и И. Эйхенбаум. Они обобщили и систематизировали свои воспоминания об офицерской службе в виде обширного очерка. Впервые работа была издана в Буэнос-Айресе.)
87. См.: Свидзинский Э. О развитии военных познаний и общих принципов в среде офицеров армии // Военный Сборник. - 1875. - № 10. - С. 235.
88. См.: Сурнин А. Роль офицерства в военном воспитании // Воин. Владивосток. - 1922. - № 2. - С. 16.
89. См.: Юзефович Ф. Прежние и настоящие военные аттестации // Военный Сборник. - 1911. - № 2. - С. 76–77.
90. См.: Толстой Л.Л. Жизненные задачи русского офицера // Русский Инвалид. - 1907. - № 13. - 17 января; Угнетающее зло // Разведчик. - 1912. - № 1129. - С. 402–407.
91. См.: Измestьев П. Искусство командования. - С. 54.

92. См.: Варяжский К. Младший офицер //Офицерская Жизнь. - 1907. - № 66. -С. 250–251.
93. См.: Измestьев П. Искусство командования. - С. 65.
94. Показателен в этом отношении пример, описанный Плутархом в рассказе о жизни и нравах спартанцев. Сисситии (общие столы), которые по определенным дням посещали все взрослые спартанцы, имели свои правила. Здесь слушали разговоры о политике, шутили, но никого не оскорбляли. Кто не желал, чтобы над ним смеялись, должен был попросить другого перестать, и насмешник отступал. Старший в собрании спартанцев показывал каждому новому товарищу на дверь и говорил: «За эту дверь не должно выйти ни одно слово!» — См.: Плутарх. Избранные жизнеописания. Т. I. - М., 1987. - С. 103.
95. «Мы склонны к критиканству во всем». - См.: Доманевский В.Н. Аттестации //Военный Сборник. - 1911. - № 3. - С. 78.
96. Великие мысли великих людей. Антология афоризма. - М., 1998. - Т. 2. -С. 277–278.
97. См.: Бутовский Н. Чувство порядочности в офицерской среде. (Очерк военного быта) //Военный Сборник. - 1898. - № 11. - С. 117–141.
98. См.: Гершельман Ф. Воспитание будущих офицеров //Военный Сборник. -1914. - № 12. - С. 27–42.
99. Мы с искренним уважением относимся к работе А. Кривицкого «Традиции русского офицерства» (М., 1946) и рассматриваем свою работу как продолжение и развитие этой темы.
- 100.См.: Макаренко А.С. Коллектив и воспитание личности. - М., 1972. - С. 222.
- 101.Наставление господам пехотным офицерам в день сражения //Военный Сборник. - 1902. - № 7. - С. 238.
- 102.Приводя нижеследующие идеи, мы полагаем, что даем лишь направление для собиpания воедино комплекса таких идей-установок, которые должны развиваться, обсуждаться, дополняться и конкретизироваться в офицерской среде.
- 103.См.: Яковлев П.П. Влияние веры на военное дело в нашей и иностранных армиях. Очерк. - М., 1900. - С. 32.
- 104.К вопросу о подготовке офицеров //Офицерская Жизнь. - 1907. - № 52. -С. 19.
- 105.См.: Волгин А.М. Об армии. - СПб., 1907. - С. 53.
- 106.Шалапутин Н. Катехизис русского солдата. - М., 1913. - С. 32.
- 107.Корф Н.А. О воспитании воли военачальников //Общество ревнителей военных знаний. - 1906. - Кн. I - С. 27.
- 108.Баиов А.К. Несколько мыслей по вопросу о военной доктрине // Военный Сборник (Белград). - 1924. - № 5. - С. 64.
- 109.Трескин Д.Н. Курс военно-прикладной педагогики. Дух реформы Русского Военного Дела. - Киев, 1909. - С. 73.
110. Воронецкий В. К реформам в армии. - Варшава, 1906. - С. 17.
111. Никулищев Б. Моральный элемент в области военного искусства (Опыт психологического исследования) //Военный Сборник. - 1912. - № 1. - С. 17.
112. Приказ генерал-фельдмаршала Кутузова 21 декабря 1812г. // Бескровный Л.Г. Хрестоматия по русской военной истории. - М., 1947. - С. 395.
113. Керсновский А.А. История Русской Армии. Ч. IV. - Белград, 1938. - С. 1003.
114. Шалапутин Н. Катехизис русского солдата. - С. 37.
115. Суворов А.В. Наука побеждать //Хрестоматия по русской военной истории. - С. 278.
- 116.Драгомиров М.И. Подготовка войск в мирное время. Воспитание и образование. - Киев, 1906. - С. 90.
- 117.Поднимая этот вопрос, мы всего лишь делаем попытку указать на реально существующую проблему: необходимость единства и согласованности взглядов офицеров по тем вопросам общегосударственной жизни, внутренней политики, армейской среды и офицерского корпуса, по которым чаще всего наблюдается резкое «разночтение», которое в конечном итоге приводит к формированию разных позиций, что в офицерской среде недопустимо, ибо ослабляет те внутренние связи, важные для прочности офицерского корпуса.
- 118.Драгомиров М.И. Избранные труды. - М., 1956. - С. 25.
- 119.Дохтуров Дмитрий Сергеевич (1756–1816), генерал от инфантерии (1810). В Отечественную войну 1812 г. командир пехотного корпуса, который участвовал в Смоленском и Бородинском сражениях и сыграл решающую роль в бою под Малоярославцем.

120. Морозов Н. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений. - С. 28.
121. Кульнев Яков Петрович (1763–1812), генерал-майор (1808). В русско-шведскую войну 1808–09 гг. во главе отряда перешел по льду Ботнический залив. В Отечественную войну 1812 г. — командир кавалерийского отряда, отличившегося при победе над французским корпусом маршала Н. Ш. Уди-но (N. Ch. Oudinot) при Клястицах. Смертельно ранен в бою.
122. Давыдов Д. Воспоминания о Кульневе // Давыдов Д. Сочинения. - СПб., 1848. - С. 351.
123. Морозов Н. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений. - С. 15.
124. Цит. по кн.: Школа и педагогика в культуре Древней Руси. Историческая хрестоматия. - М., 1992. - 4.1. - С. 98–99.
125. Там же. - С. 30.
126. 1812 г.
127. Морозов Н. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений. - С. 41–42.
128. См.: Кедрин С.Е. Русский воин. - М., 1989. - С. 147.
129. Морозов Н.А. Прусская армия эпохи Йенского погрома. Ее возрождение. Значение для нас этого поучения. - СПб., 1912. - С. 48.
130. Лалаев М. Исторический обзор регламентации воспитания и обучения в наших военно-учебных заведениях от основания первых школ до последнего времени // Военный Сборник. - 1900. - № 2. - С. 408.
131. Российские офицеры. - М., 1995. - С. 20.
132. Свидзинский Э. О развитии военных познаний и общих принципов в среде офицеров армии // Военный Сборник. - 1875. - № 10. - С. 242.
133. Свидзинский Э. О развитии военных познаний и общих принципов в среде офицеров армии. - С. 242–243.
134. Там же. - С. 243.
135. Там же.
136. Там же. - С. 242.
137. Российские офицеры. - М., 1995. - С. 32–33.
138. Там же. - С. 37.
139. Там же. - С. 15.
140. Там же. - С. 29.
141. См.: Самонов В.А. Мысли современного офицера. В 4-х вып. - Тифлис, 1907. - Вып. I. - С. 3.
142. См.: Меньшиков М.О. Из писем к ближним. - М., 1991. - С. 105.
143. См.: Меньшиков М.О. Письма к ближним. - СПб., 1908. - С. 781.
144. См.: Меньшиков М.О. Выше свободы. Статьи о России. - М., 1998. - С. 206.
145. См.: Маслов И. Научные исследования по тактике. Вып. II. Анализ нравственных сил бойца. - СПб., 1896. - С. 84.
146. См.: Меньшиков М.О. Письма к ближним. - СПб., 1908. - С. 681.
147. См.: Грулев М.В. Злобы дня в жизни армии. - Брест-Литовск, 1910. - С. 34.
148. См.: Меньшиков М.О. Письма к ближним. - СПб., 1908. - С. 102.
149. См.: Морозов Н.А. Прусская армия эпохи Йенского погрома. - С. 16.
150. См.: Махров П. Современная война и высшее командование // Разведчик. - 1912. - № 1156. - С. 868.
151. См.: Морозов Н. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений. - Вильна, 1909. - С. 56.
152. См.: Головин Н.Н. Высшая военная школа. - СПб., 1911. - С. 107.
153. См.: Меньшиков М.О. Выше свободы. Статьи о России. - М., 1998. - С. 197.
154. См.: Морозов Н.А. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений. - С. 47.
155. См.: Там же.
156. См.: Морозов Н. К вопросу обновления армии // Русский Инвалид. - 1907. - № 105 (12 мая).
157. См.: Рычков В. Чего не хватает нашим кадетским корпусам? // Военный Сборник. - 1911. - № 4. - С. 52.
158. См.: Дрозд-Бонячевский. «Поединок» Куприна с точки зрения строевого офицера. (Опыт критического обзора) // Военный Сборник. - 1910. - № 2. - С. 178–179.
159. См.: Дмитревский А. Идеал офицера // Военный Сборник. - 1912. - № 7. - С. 8.

160. См.: Максutow В.П. История древнего Востока, культурно-политическая и военная. С отдаленных времен до эпохи македонского завоевания. Египет и Финикия. Т. I. К I-IV. - С. 368.
161. См.: Меньшиков М.О. Письма к ближним. - СПб., 1908. - С. 102.
162. См.: Рычков В. Чего не хватает нашим кадетским корпусам? //Военный Сборник. - 1911. - № 4. - С. 51.
163. См.: Л.Д. К вопросу о подготовке офицеров // Офицерская Жизнь. - 1907. - № 52. - С. 18.
164. См.: Грулев М.В. Злобы дня в жизни армии. - Брест-Литовск, 1910. - С. 34.

И. Домнин

ГРЕХИ И ДОСТОИНСТВА ОФИЦЕРСТВА В САМОСОЗНАНИИ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ

Суть в том, чтобы подготовить успех своей армии в будущем. А этого можно достигнуть только при правильном знании действительного положения вещей и сопоставлении его с идеалом.

Петр Залесский

Корпус офицеров в зарубежном рассеянии

В 1917 году Россия лишилась главной опоры своей государственности — офицерского корпуса. И для страны, и для самого офицерства последствия были катастрофичны.

Вынужденная эмиграция свыше *пятидесяти тысяч* офицеров¹ в ходе и после Гражданской войны 1918–1922 гг., их многолетнее пребывание и самоотверженная деятельность в Зарубежье есть беспрецедентный факт истории Российского государства, заключительный акт трагедии офицерства Русской Императорской Армии. Этот потрясающий феномен до сих пор должным образом не осознан, не изучен и не осмыслен.

Контингент изгнанников, количественно превышавший полный комплект офицеров старой армии мирного времени, составляли несколько категорий: кадровые офицеры; офицеры производства периода Первой мировой (Великой) войны; лица, получившие офицерский чин в ходе Гражданской войны, а также более 2 тысяч человек, окончивших в эмиграции русские военные училища (существовавшие до 1923 г.), кадетские корпуса и военно-училищные курсы (весь межвоенный период).

Абсолютное большинство покинувших Родину — это участники контрреволюционной борьбы. Среди них — вожди и видные деятели Белого движения: генералы А. Деникин, П. Врангель, Е. Миллер, Н. Юденич, П. Краснов, А. Кутепов, М. Дитерихс, А. Богаевский, Г. Семенов и др. (все — также активные участники Великой войны).

Всего на чужбине обрели пристанище не менее *трех тысяч* русских генералов². В том числе бывший Верховный Главнокомандующий Российской армией (1914–1915) Великий Князь Николай Николаевич, крупные военачальники, занимавшие ранее высшие военные посты. Назовем лишь ряд полных генералов, т.е. имевших звание «генерал от кавалерии», «генерал от инфантерии», «генерал от артиллерии»: Д. Абациев, И. Багвут, Н. Баратов, В. Гурко, Ю. Данилов, А. Драгомиров, Н. Епанчин, А. Зегелов, В. Ирманов, А. Кауфман, Н. Крузенштерн, К. Крылов, Н. Мартос, кн. В. Масальский, П. Ольховский, Ф. Палицын (быв. начальник Генштаба), В. Сухомлинов (быв. военный министр), Н.П. Сухотин, В. Флуг, Н. Ходорович, Ф. Шкинский, Д. Щерба-чев, Э. Экк, И. Эрделли, Н. Юденич и др.

В изгнание ушли и видные военачальники, яркие военные ученые и писатели генералы А. Андогский, А. Баиов, В. Баскаков, В. Борисов, А. Виноградский, А. Геруа, Б. Геруа, Н. Головин, А. Гулевич, В. Доманевский, В. Драгомиров, В. Ипатьев, А. Келчевский, П. Краснов, И. Майдель, А. Нилус, Е. Новицкий, П. Симанский, А. Шварц и многие другие.

За рубежом оказалось около *семисот* офицеров русского Генерального Штаба³, по праву принадлежавших к военной элите России, составлявших «мозг армии». Это — большая часть генштабистов, оставшихся в живых после лихолетья Гражданской войны (на службе «Республике Советов» таковых находилось вдвое меньше)⁴.

Таким образом едва ли будет преувеличением сказать, что вне Родины оказался цвет офицерского корпуса. Это был подлинный отбор: кадры, закаленные в огне мировой войны, испытанные добровольной трехгодичной борьбой против большевизма за национальную Россию, за то, что было для них традиционно, дорого и свято.

Жизнь на чужбине была томительным испытанием, а нередко — нравственной пыткой. Часть изгнанников предпочла остаться «профессионалами», пусть даже под чужими знаменами. Многие свя-

зали судьбу с французским Иностраным легионом. «В раскаленных песках Марокко и Сахары, на каменистых кряжах Сирии и Ливана, в душных ущельях Индокитая — повсюду рассеяны кости русских легионеров, самоотверженно и бескорыстно дравшихся за честь французских знамен», — повествовал историк эмиграции полковник В. Абданк-Коссовский. Надо сказать, что, конечно, не все русские дрались «самоотверженно и бескорыстно». Тяжелейшие условия службы, непривычный климат, «недружеское» отношение со стороны командования вынуждали целые группы наемников оставлять (чаще попросту дезертировать) ряды легиона⁵.

В 1924 г. русские сыграли заметную роль в политической жизни Албании, когда отряд из эмигрантов во главе с полковником В. Бере-стовским решил исход борьбы за власть в этой стране в пользу Ахмет Зогу. В благодарность несколько русских офицеров были назначены на видные должности в албанской армии. Похожая ситуация сложилась и в Абиссинии, где в 1928 г. русские офицеры А. Фермор и В. Дитерихс, служившие в гвардии наследника престола Тафари, спасли ему жизнь во время мятежа и обеспечили трон.

В Китае, в 1925–1927 гг. русский отряд генерала Нечаева (несколько тысяч человек пехоты и кавалерии, с артиллерией и авиацией) действовал на стороне шаньдунской армии в ее борьбе против коммунистов. В те же беспокойные годы в Шанхае для защиты международной концессии и проживавших и работавших там европейцев был создан Волонтерский корпус. В его составе имелось и русское формирование под командой капитана 1 ранга Фомина, развернутое позже в Русский полк, которым командовал гв. полковник Тиме. Подобные отряды действовали и в Пекине (командир — полковник Слизанов), и в Тяньцзине (командир — полковник Теляковский).

Русские офицеры, нашедшие пристанище в Парагвае, преподавали в военной школе, руководили строительством дорог, налаживали работу в арсенале и т.п. Они приняли самое активное участие в войне этого государства против Боливии (1933–1935 гг.), и многие сложили головы, отстаивая территориальную целостность своей второй родины⁶. В ранг национального героя страны был возведен генерал И. Беляев, который не только сыграл большую роль в мобилизации русских для отпора боливийцам, но лично провел комплекс геодезических и картографических работ на театре военных действий. Много лет он исследовал жизнь парагвайских индейцев, возглавлял правительственную комиссию по землеустройству их племен. После его смерти (1957 г.) в знак заслуг перед страной в Асунсьоне ему был установлен памятник.

Десятки «белых» русских эмигрантов сражались на стороне Франко в годы гражданской войны в Испании (1936–1938 гг.), рассматривая борьбу с «коммунистическим интернационалом» как свой прямой долг. Среди них были генералы Н. Шинкаренко, А. Фок, другие офицеры.

Русские состояли также на службе в армиях Югославии, Чехословакии, Соединенных Штатов Америки и других государств...

Но подавляющее большинство бывших военных вынужденно превратились в фабричных рабочих и сторожей, шахтеров и таксистов, мелких служащих и торговцев. Их глубокую социальную и душевную драму ярко отражают пронзительные строки замечательного поэта «белой» эмиграции Ивана Савина:

Не больно ли, не странно ли —
У нас России нет!..
Мы все в бездомье канули,
Где жизнь — как мутный бред.

Где — брызги дней отравленных,
Где — неумолчный стон
Нежданных, окровавленных,
Бессчетных похорон...

Упавшие стремительно
В снега чужих земель,
Мы видим, как мучительно
Заносит нас метель...

И все-таки Зарубежное офицерство не желало быть занесенным метелью обывательщины и мещанства. *Изгнанники продолжали сознавать себя офицерами*, чувствуя объективную угрозу своего перерождения. «Под влиянием многих лет труда, поставившего нас на низшие ступени социальной лестницы, мы постепенно перестали предъявлять к себе те требования кастовой (армия всегда немногочисленна) чести и морали, без которых нельзя сознавать себя воином и рыцарем...» — с тревогой говорил известный военный писатель Н. Белогорский (генерал Н. Шинкаренко)⁷. Известный военный поэт, полковник князь Ф. Касаткин-Ростовский в стихотворении «Молитва офицера» писал:

Великий Боже... дай нам силы
В изгнании душу сохраняя,
Увидеть близкие могилы
В рассвете радостного дня.

Пусть тучи темные нависли,
Не дай упасть в холодной мгле.
Все силы наши, чувства, мысли
Дай нам отдать родной земле.

Мечту изгнанников о служении «освобожденной» России питала вкорененная офицерская психология. Свое эмигрантское рассеяние они изначально воспринимали не иначе, как «переход Армии к новым формам своего существования». Ответом на вызов судьбы стало создание генералом П. Врангелем Русского Общевоинского Союза (1924 г.), в который добровольно и естественным порядком вошли многочисленные общества и объединения зарубежного воинства, *инициативно* созданные офицерами по признаку принадлежности к полкам и корпорациям старой армии, частям и соединениям белых фронтов и по другим основаниям. Среди сотен таковых было немало сугубо офицерских. К примеру: Общество Офицеров Генерального Штаба, Союз Офицеров Участников Войны, Союз Офицеров Кавказской Армии, Общество Русских Офицеров в Королевстве Югославии (и одноименные общества в других странах), Общество Ревнителей Военных Знаний, Офицерский Союз (Харбин), Русский Офицерский Союз в Бразилии и т.п. Имелись объединения выпускников практически всех дореволюционных военных академий, училищ и кадетских корпусов. Все они возникали не только как ячейки взаимопомощи для облегчения тягот жизни в чужеземье, но главное — как «идейные военные братства».

Многолетнее функционирование этой разветвленной организационной структуры явилось базовым элементом *военной культуры* эмиграции, другими составляющими которой были: военное просвещение и образование, военно-периодическая печать, историко-мемориальная работа, военная мысль. Вдали от Родины офицеры учредили Высшие Военно-Научные Курсы (Париж, Белград), десятки Кружков высшего военного самообразования, несколько военно-училищных и повторительных (по специальностям) курсов, офицерские лектории, военные секции при гражданских институтах. Смену уходящему поколению офицеров готовили кадетские корпуса. Огромную роль в сохранении офицерского самосознания, поддержании и развитии военных знаний, укреплении связи между воинскими организациями, разбросанными по всем континентам, играла военная периодическая печать Зарубежья. Более 150 (!) изданий, таких как «Военный Сборник» (Белград), «Русский Инвалид» (Париж), «Часовой» (Париж — Брюссель), «Вестник Военных Знаний» (Сараево), «Русский Голос» (Белград), «Армия и Флот» (Шанхай), «Вестник Общества Русских Ветеранов Великой войны в Сан-Франциско», «Морской журнал» (Прага) и др. осуществляли эту миссию. Сотни офицеров поздними вечерами работали над вопросами военной истории и теории, фиксировали свой богатый боевой опыт в мемуарах. Свыше тысячи книг и десятки тысяч статей, архивных источников несут в себе наследие военной мысли эмиграции. В них нашел отражение исторический путь старой армии, богатейший военный опыт — от Русско-японской войны до локальных конфликтов 50–х–60-х годов, в них содержится анализ военно-политической картины мира, развития военных систем и прогноз их эволюции, утверждение духовной сущности русского военного дела. «Очерки Русской Смуты» и «Путь русского офицера» А. Деникина, «История Русской Армии» А. Керсновского, «Из истории кампании 1914 года на Русском фронте» и «Военные усилия России в Мировой войне» Н. Головина, «Полчища» А. Геруа, «Душа Армии» П. Краснова, «1918 год» А. Зайцева, «Мировая война на Кавказском фронте» Е. Масловского, «Высший командный состав» В. Флуга, «Лик современной войны» Е.

Месснера и другие труды правомерно считать классикой отечественной военной литературы. (Это наследие частично представлено в 6, 13, 16, а также других выпусках «Российского военного сборника».)

Военная культура, выявлявшая направленность личности, истинные помыслы и устремления, идейную стойкость и силу характера изгнанников, есть главное свидетельство сохранения ими своей офицерской сущности.

Помыслы об офицерском служении

В творческом наследии военной эмиграции значительное место занимают размышления о национальной России, ее будущей армии и офицерском корпусе, о предназначении русского офицера и его социальной роли, о жизни и службе офицерства в Императорской Армии, подготовке офицерских кадров и их качествах, о действиях командного состава в боевой обстановке Великой и Гражданской войн и т.д. Среди лучших работ, посвященных офицерскому вопросу, — те, которые представлены в данной книге: коллективный труд «Российские офицеры», «Высший командный состав» В. Флуга, «Трагедия русского офицерства» А. Мариюшкина, «Современные офицеры» Е. Месснера, «Наш будущий офицерский корпус» А. Керсновского и др.

Ценность изложенных в них мыслей заключается в том, что принадлежат они талантливым людям, прошедшим через масштабные войны, трагедию крушения своей страны, своей армии и своего сословия. Отлученные судьбой от Родины и любимого дела, они настойчиво пытались разобраться в грехах и достоинствах прежней военной системы, своих собственных ошибках, анализируя их, составляли заветы для будущих поколений. Делали это максимально откровенно, ибо на чужбине свобода их мысли уже не стеснялась ни «ведомством», ни цензурой. Мотивируя нравственную позицию исследователя вообще и находящегося в изгнании в частности, генерал В. Доманевский писал: «Уважение к могуче-прекрасному прошлому России, ценой бесчисленных жертв вышедшей на свой великодержавный путь, уважение к памяти сынов России, павших на полях брани, обязывает каждого подходящего к славным, но тяжелым воспоминаниям, прежде всего *искать правду и только одну правду. Правда приближает к истине*»⁸. Возможности высказать «только правду» офицеры были лишены и в царской армии, и в еще большей мере — в Советской⁹.

Об офицерстве, о том, каким должен быть корпус русских офицеров в грядущем, военные писатели эмиграции размышляли постоянно. Их помыслы в значительной мере выросли из суждений о старой армии и переживаний о ее революционном крушении, из богатого и горького опыта Мировой и Гражданской войн, из анализа жизни иностранных армий, состояния Красной армии. Мотив будущего доминирует всегда: и когда В. Флуг неліцеприятно и жестко анализирует качества русского высшего командного состава, и когда А. Зайцов четко и ясно пишет о германском Генштабе («Германский генеральный штаб»), и когда А. Деникин откровенно вспоминает службу в Императорской армии («Старая Армия», «Путь русского офицера»), и когда А. Геруа ведет речь об офицерском отборе («Воспоминания командира полка»), и когда А. Болтунов предлагает пути воинского воспитания («О воинском воспитании»), и когда П. Краснов, Ю. Галич, Н. Белогорский, Е. Тарусский выводят образы героев в своих многочисленных романах и повестях...

Непоказная вера изгнанников в будущее, их спокойная глубокая убежденность в пользе своей интеллектуальной работы поразительны. Приведем лишь один пример. Авторитетный генерал и военный писатель Александр Владимирович Геруа в 1937 г. на страницах машинописного журнала «Перекличка» (орган текущей связи «Общества господ Офицеров Лейб-гвардии Волынского Полка») ведет речь об офицерском отборе, о том, чтобы в будущей русской армии этот процесс «протекал на здоровых началах». Журнал выходит мизерным тиражом, рассчитан на узкий круг людей (что включает «работу на публику»), разбросанных по разным странам, давно оторванных от Родины и армии. Геруа же не смущает эта локальность аудитории. К нескольким десяткам старых волынцев он обращается с той же основательностью мыслей, с какой в начале века обращался к многотысячному отряду царских офицеров, выступая на страницах «Военного Сборника».

Такие примеры наглядно демонстрируют, что бывшие кадровые военные продолжали пребывать в орбите своей профессии. Отчетливо проглядывает их «познающая душа», когда, говоря словами И. Ильина, сознание и сердце живут «стихией своего предмета»¹⁰.

Мысль изгнанников шла от анализа ошибок и недостатков к формулированию заветов и идеалов. Изучая их наследие, можно выделить несколько главных достоинств, к которым должен стремиться

офицерский корпус грядущей России. Это — корпоративная монолитность, профессионализм и офицерская этика.

Стремление к корпоративному единству

Офицерство русского Зарубежья остро осознавало и признавало отсутствие должного единства в офицерской среде старой армии. Четко и лаконично по этому поводу высказался один из легендарных белых генералов А. Туркул: «Были офицеры, доблестные и жертвенные, но Корпуса офицеров в России не было, был лишь офицерский состав»¹¹. Полковник Д. Хитров, выступая 20 мая 1928 г. в Белграде с докладом «Русские офицеры в изгнании и политика», подчеркивал,

что силами и способностью жертвовать русские офицеры никогда не оскудевали, но из-за отсутствия корпоративного единства и организованности все это расходовалось непроизводительно¹². Вот еще одно утверждение, прозвучавшее в «Союзе господ офицеров Императорских Российских Армии, Флота и Воздушного флота»: «В прежней Русской Армии, в сущности говоря, не было офицерской корпорации, и каждый офицер жил лишь узкими интересами своей части»¹³.

Основой для таких заключений служили прежде всего «антагонизм между различными родами оружия», политическая безграмотность и идейная разобщенность старого офицерства.

Ненормально, когда офицеры гвардии смотрели свысока на тех, кто не принадлежал к их касте. Кавалеристы с высокомерием относились к пехотинцам, морские офицеры — к сухопутным, конные артиллеристы — к артиллеристам крепостей и т.д. «С давних пор существовала рознь между армейским и гвардейским офицерством, — пишет А. Деникин в «Очерках Русской Смуты», — вызванная целым рядом привилегий последних... Явная несправедливость такого положения, основанная на исторической традиции, а не на личных достоинствах, была большим местом армейской жизни»¹⁴. Против гвардейских привилегий выступали и П. Краснов, и П. Залесский, и многие другие военные писатели.

Другой кастой был Генеральный штаб, офицеров которого в войсках не без презрительности иногда называли «моментами» (от выражения «ловить момент», т.е. по службе пристроиться потеплее, миновать тяжелых строевых должностей, сделать карьеру). Так генерал Б. Геруа в одной из статей резко высказался против незаслуженного продвижения по службе тех, кто носил серебряный аксельбант и черный бархатный воротник (отличительные детали формы генштабистов), вспоминая, сколь пагубно несправедливый карьерный рост действовал на атмосферу и сплоченность офицерства¹⁵.

А. Керсновский считал, что служебные преимущества Гвардии и Генштаба безнравственны, что они были одной из самых злостных язв старой армии, и о восстановлении подобного в будущем не может быть и речи. В. Флуг жестко заявлял о необходимости принять серьезные меры, которыми раз и навсегда была бы уничтожена прежняя беспросветность карьеры и быта армейского пехотного офицера, что способствовало бы воспитанию офицерского корпуса в духе укрепления корпоративного самосознания¹⁶.

На сплоченность офицерских рядов оказывало влияние и единство боевого мировоззрения, которое в значительной мере достигается наличием и проведением в жизнь единой военной доктрины (в смысле определенной школы). В ходе дискуссии по военной доктрине, развернувшейся в эмиграции в начале 30-х годов, на этом, в частности, акцентировал внимание генерал А. Егоров. Проанализировав уровень подготовки военного руководства старой армии, он сделал вывод о том, что прежняя военная система России не давала армии «единой военной школы», насыщая армейские ряды «чрезвычайно пестрым командным составом». Тем самым на войне не обеспечивалось единство действий, между начальниками возникали частые трения, непонимание и что хуже — недоверие¹⁷. Отсутствовало единство и в период революционного крушения армии.

Внутриофицерская разобщенность способствовала разложению армейского организма. В мае 1917 г. на Съезде офицеров генерал М. Алексеев призывал к тому, чтобы офицерский корпус на деле стал «общей дружной семьей» и в ней водворилось единение, но все увещания оказались запоздалыми и напрасными¹⁸.

Следует отметить, что и на чужбине, несмотря на создание Врангелем и его сподвижниками Русского Общевоинского Союза, членами которого состояло большинство изгнанников, в офицерской среде также не удалось достичь должной сплоченности. На своих «платформах» существовали «Корпус Императорских Армии и Флота», «Братство Русской Правды», «Русский Национальный Союз Участников Войны», автономно держалось казачество, отдельные группы офицеров участвовали в

политических движениях: «Смена веков», «Евразийство», «Младороссы», «Русский фашизм», «Российское Национальное и Социальное Движение» и других.

Внутри самих офицерских корпораций порой возникали конфликты, которые далеко не всегда удавалось разрешать с помощью существовавших судов чести. Дело доходило и до открытого предательства, ярким примером которого служит деятельность генерала Н. Скоблина, в 1937 г. участвовавшего в похищении агентами НКВД председателя РОВС генерала Е. Миллера.

Чрезвычайно важным стал вопрос о политической грамотности офицерства, сознательном исповедовании им определенной государственной идеологии. В наследии военной эмиграции немало места занимают воспоминания и размышления о том, как в 1917 г. армия стала разменной картой в руках политиков и политиканов, не сумев противостоять революционному угару масс. В наличии не оказалось никакой организованной силы, на которую мог бы опереться Государь. «Великая молчаливица» — Русская армия — была совершенно не знакома с политическими вопросами и оказалась абсолютно беззащитной в политической борьбе. Офицер, который «не умел отличить социал-демократа от эсера, легко побеждался в политической дискуссии некультурным аптекарским учеником, хотя поверхностно, но все же политически обработанным левыми партиями»¹⁹.

Практически все авторы подчеркивали утрату (либо вообще отсутствие) офицерами «политической настройки». Монархическая идея уже не доминировала в их сознании. «Армия — вне политики» — вот формула, которую в примитивной трактовке навязали защитникам Отечества. «Несчастливые аполитичные офицеры — еще вчерашние герои — сегодняшние враги народа, убивались десятками тысяч, без всякого с их стороны сопротивления... Они не сумели организовать не только для защиты своего Государя и гибнущего Отечества, но даже для защиты их собственных жизней», — писал в начале 30-х годов полковник А. Шавров²⁰. А. Керсновский, характеризуя революционное брожение в начале XX века и проводя параллель между 1905 и 1917 годами, писал: «В войсках существовала солдатская «словесность», но не было заведено «словесности» офицерской. Между тем роль офицера в стране чрезвычайно возросла с введением всеобщей воинской повинности, — и чем дальше, тем росла все больше. Офицер был главной опорой русской государственности, живым воплощением русской совести. Его надо было ориентировать политически, не оставлять его в потемках. Офицерская работа — это работа в первую очередь миссионерская... Сплочение воедино и политическая ориентировка офицерского корпуса стала насущнейшей из всех задач. Однако правительство эту задачу совершенно проглядело и не сумело сделать ни одного вывода из грозного предупреждения, данного ему в 1905 году»²¹.

Трагедия русского офицерства нашла отражение во многих научных, публицистических, мемуарных, художественных работах эмиграции. Достаточно назвать такие, как «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.» Н. Головина, «Очерки Русской Смуты» А. Деникина, одноименную книгу очерков К. Попова, роман-трилогию «От Двуглавого Орла к красному знамени» П. Краснова, «Красный хорост» Ю. Гали-ча (ген. Гончаренко), «Офицерские кадры и революция» И. Курганова и др. Все они, независимо от жанра, являют «живую повесть офицерской скорби», картину беспрецедентного гонения на офицеров, обстоятельства, масштабы и последствия которого современное поколение военных либо вообще не представляет, либо представляет слишком приблизительно.

На страницах нашей книги этот процесс в обобщенно-эмоциональном виде представлен в очерке А. Мариюшкина. Мы же приведем короткий конкретный пример, через который можно ощутить всю дикость и преступность атмосферы, царившей в русской армии в 1917 г. и губившей офицерство. Генерал А. Деникин в своих очерках «Офицеры» публикует постановление одного из фронтовых солдатских собраний: «Принимая во внимание несознательность командующего батальоном капитана Русова, а также, что он: 1) до революции был строг с солдатами, 2) отказывается подписывать увольнительные билеты товарищам, которым беспременно нужно домой и даже вопреки медицине, 3) насчет последнего наступления немцев на полк выражался «трусливое стадо», когда никто не обязан участвовать в империалистической бойне, 4) вообще за старорежимность — собрание постановило капитана Русова отчислить от должности батальонного и назначить кашеваром во вторую роту»²².

Следующим моментом трагедии офицерства в эпоху революции стал его раскол на «красных» и «белых», что не могло не найти отражения в размышлениях эмигрантов. Отмечалось, что первоначально революция внесла в среду офицерства большую растерянность, затем вызрел протест. Генерал Н. Головин указывал на закономерность контрреволюционных течений как одной из сторон диалектически развивающегося процесса революции²³. В силу своего «военного патриотизма», «охранительного национализма», своей боевой сущности далеко не все офицеры мирились с той ситуацией, в

которой оказались армия и страна. Офицерство стало главным субъектом контрреволюции. Ратую за «установление порядка», оно вынуждено было идти против безвольной буржуазной власти, что первоначально выразилось в Корниловском выступлении. С большевиками же, сделавшими ставку на интернационализм и отрицание национальных устоев, офицерство под руководством генералов М. Алексеява и Л. Корнилова вступило в открытое вооруженное противостояние, создав «Белую Армию». В конечном итоге, исходя из понимания своего долга, в ее рядах оказалось большинство офицеров Российской Императорской Армии, в том числе до 70 процентов элиты — офицеров Генштаба, генералитета. Белое движение было в основе своей офицерским, породил его офицерский патриотизм. Никто иной не смог организованно препятствовать движению «красного колеса» революции и большевизма. «Лишь офицерство... оказалось способным вооруженной рукой защищать свой национальный идеал в эпоху гражданской войны», — писал известный русский мыслитель Г. Федотов²⁴.

В то же время, как замечал И. Горяинов, «по-разному понимали свой долг офицеры, которые когда-то представляли стройную и монолитную, одинаково национально-государственно воспитанную военную касту»²⁵. (Со слов самих изгнанников мы убедились, что единства и монолитности в старой армии в должной мере не было, а «государственное воспитание» не выдержало испытаний безвременьем.) Предпосылки офицерского раскола, имевшиеся до 1917г., привели к нему в период революции и Гражданской войны. Значительная часть офицерства — более 48 тысяч²⁶ — оказалась в Красной Армии (а отдельные группы и представители — в иных многочисленных вооруженных формированиях, вплоть до банд). Способствовала размежеванию и «пестрота» офицерского корпуса в конце Великой войны, когда в его составе находилось множество офицеров военного времени, по выражению генерал А. Геруа «военных по боевой своей подготовке и глубоко штатских по прочим отделам своего мировоззрения»²⁷. Психологически такие люди зачастую позитивно воспринимали революцию как способ «проявить себя». Встречались и кадровые «генералы-куртизаны» (выражение А. Геруа). Они «неудержимой демагогией и революционностью ловили фортуна в кровавом безвременьи», как писал Деникин о генерале П. Сытине, своем однокашнике по Киевскому военному училищу, который зимой 1918 г. командовал Южным фронтом большевиков, действовавшим против Добровольческой армии²⁸.

Линия офицерского раскола иногда разделяла не только однокашников и однополчан, но и родных братьев, принадлежавших к русской военной элите. Хрестоматийными примерами могут служить Генерального штаба генералы Свечины и Новицкие. Выдающийся военный мыслитель Александр Андреевич Свечин (1878–1938), как известно, был одним из организаторов и представителей советской военной науки и высшей школы (репрессирован и уничтожен сталинским режимом). Его старший брат Михаил Андреевич (1876–1969) находился в рядах контрреволюционного казачества, затем в эмиграции. Работал в банке, возглавлял подотдел РОВС в Ницце. Прожил долгую жизнь. Евгений Федорович Новицкий (1867–1931), инициатор Общества Ревнителей Военных Знаний, признанный специалист и автор трудов по стрелковому делу, в годы Гражданской войны — в Добровольческой армии. В эмиграции жил в Сараево, был инструктором Стрелковой школы югославской армии, активным сторонником распространения военных знаний среди русского офицерства в изгнании. Его младшие братья, также видные царские генералы, после революции связали судьбу с Красной Армией. Василий Федорович (1869–1929) возглавлял инспекцию РККА, затем преподавал в военной академии. Федор Федорович (1870–1944) был неизменным начальником штаба у М.В. Фрунзе на Восточном фронте и в Туркестане. Позже — один из руководителей Красного воздушного флота, начальник факультета Военно-воздушной академии им. Жуковского.

То, что царские офицеры сыграли важнейшую роль в создании Красной Армии, не вызывало у изгнанников никакого сомнения. Да и сами большевистские руководители этого не отрицали. Генерал А. Андогский в своей работе «Как создавалась Красная армия Советской России» цитирует И. Смилгу, заявлявшего: «...Только с помощью бывшего офицерства Советская власть создала армию, грозную не только для домашних белогвардейцев»²⁹. Примечательно, что Андогский всех «военспецов», как принято называть эту категорию, по мотивации их службы в Красной Армии разделил на шесть групп: добровольно пришедшие весной 1918 г. для «отпора германцам во что бы то ни стало»; «слабые люди», не устоявшие под давлением тяжелых условий общественной или семейной жизни; оказавшиеся умышленно для расстройств и разложения армии; «выжидающие, трусливо ждавшие:

чья возьмет»; идейно вошедшие в орбиту большевизма (в основном офицеры военного времени); из сознания долга содействовавшие образованию военной силы России, «но не связанные с большевиками никакими идейными принципами»³⁰.

Очень важно подчеркнуть вывод Андогского о том, что военспецов нельзя осуждать огульно, ибо причины их службы большевикам различны и «в массе они переживали неподдающуюся описанию трагедию». Его логическим завершением явились помыслы о совместном служении и «белых» (эмиграции), и «красных» в рядах будущей вооруженной силы России. Их выразителями были как писатели, публицисты, отдельные офицеры, так и лидеры военной эмиграции, верившие, что у многих «под красноармейскими шинелями бьются русские сердца». Генерал А. Кутепов, возглавивший Русский Общевоинский Союз после безвременной смерти генерала П. Врангеля (1928), заявлял: «Мы — «белые», пока «красные» владеют Россией, но как только иго коммунизма будет свергнуто, с нашей ли помощью или без нее, мы сольемся с бывшей Красной Армией в единую Русскую Армию...»³¹

Таким образом, исходя из анализа горького опыта, пережитого российским воинством в начале XX века, военная эмиграция мыслила будущий офицерский корпус как «единое тело и ничем и никем не сокрушимый дух, один идеал и одну цель» (Д. Хитров). Этой монолитности следовало достигать прежде всего путем привития офицерству единых государственно-политических взглядов и убеждений, ибо «от идейной спаянности и единоустремленности офицерского ядра зависит вся судьба Армии» (С. Прокофьев). Выражалась убежденность, что «всякая армия в лице ее офицерского корпуса должна быть политически образована»³² и в будущем российском Генштабе должно существовать «особое политическое управление», организующее политическое воспитание вооруженных сил, а помощь командирам в этом воспитании подчиненных должны оказывать специально подготовленные для этой функции офицеры³³.

Большинство военных писателей сходились во мнении о необходимости для Российской армии единой военной доктрины как фактора ее «боевого воспитания» и сплочения, доктрины «выработанной русскими самостоятельно».

Во имя корпоративной монолитности российского служилого сословия не должно быть несправедливых привилегий гвардии, «генштабистов», других категорий офицеров, т.е. внутренней кастовости. Вместе с тем, например, А. Керсновским предлагалось взять за образец петровский гвардейский обычай: «Всех, готовящихся к офицерскому служению, писать юнкерами в гвардейские полки, где учредить юнкерские батальоны». В таком случае все офицеры получают «однородную гвардейскую шлифовку, единый крепкий и добрый гвардейский дух» (для специальных войск и авиации сохранить систему школ и училищ)³⁴. Как принцип этот путь сплочения офицерства актуален и сегодня. Он ведет к профессионализму, который, согласно взглядам военной эмиграции, также должен быть одним из главных достоинств русского офицерского корпуса.

Необходимость военного профессионализма

Офицерство Русского Зарубежья в лице своих лидеров и организаторов, лучших представителей, военных ученых и писателей, сохранив свою военную сущность, богатейшие военные традиции, подержав и приумножив военные знания, проявило образцовую преданность своему делу и черты истинного офицерского мастерства. Цену последнему они знали не понаслышке, и ему в их помыслах не случайно отведено достаточно много внимания.

Изгнанники гордились тем, что среди них было немало настоящих профессионалов, «художников военного дела». Крупнейшим безоговорочно считался бывший командующий Кавказской армией, генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич, одержавший целый ряд блестящих побед на Кавказском фронте Великой войны. Когда в августе 1931 г. исполнилось пятьдесят лет со дня его производства в первый офицерский чин (чествование по случаю такого рода дат — замечательная традиция русской армии, к сожалению, полностью утраченная современным офицерством), это стало событием для всего Зарубежья. В разных частях света русская печать, и не только военная, отдала должное юбиляру, поместив на своих страницах множество приветствий и статей. В Париже и Ницце, Белграде и Загребе, Софии и Пернике, Праге, Шанхае, Детройте, Сан-Франциско были устроены торжественные заседания в честь генерала Юденича. Бывшие подчиненные, боевые соратники отмечали его решимость побеждать, несгибаемую волю в сочетании с лучшими свойствами ума и характера, «смелость творческой фантазии, присущей только полководцам Божьей милостью». Говоря о значении Юденича, профессор генерал Д. Филатьев сожалел: выдающийся полководец, несмотря на множество наград, не имеет главной — «всеобщего, всероссийского осознания того, что Н.Н. Юденич своими победами под Сарыкамышем и Эрзерумом дал России в очень трудную минуту ее жизни». Но была выражена уверенность, что награда эта придет тогда, «когда разбушевавшееся русское

море утихнет и войдет в свои берега, и русские люди получают возможность думать не только о печальном настоящем, но и о своем Славном Прошлом»³⁵.

Вообще же подобными оценками не злоупотребляли. Изгнанники хорошо понимали, что у командного состава старой армии, особенно у его верхушки, имелись серьезные недостатки. Зачастую в работах военных писателей эмиграции явно преобладает критика, чувствуется тоска по профессионализму и военному искусству.

Так генерал В. Драгомиров (один из сыновей М.И. Драгомирова, доблестный и высокообразованный военачальник) отмечал, что стоявшие у власти после 1905 г. не смогли четко проанализировать уроки Русско-японской войны и сделать из них верные выводы. Многие военные руководители «плыли по течению мутного потока взбаламученных страстей, хватались за тот или иной вопрос, мешали главное с второстепенным, руководствовались злобой дня или взглядами влиятельных лиц». Вопросы сути вещей оставались в тени. В войсках занимались «гимнастикой... сомкнутым строем и парадами, стрельбой и тактикой довольно примитивного вида, сельским хозяйством, изменением формы одежды, запутав этот вопрос до последней степени, улучшением быта и пенсиями и меньше всего — подготовкой командного состава». Офицеров, несомненно умных в житейском смысле и преданных делу, было немало. Но явно недоставало «широко знавших военное дело, обладавших наклонностью к его изучению, не ограничивающихся обсуждением явлений своего русского мира, но понимавших течения заграничной военной мысли и следивших за ними, усвоивших дух военных учреждений и подготовки к войне иностранных государств»³⁶. Думается, данная оценка по сей день не утратила актуальности своего «методологического» содержания.

Изгнанники постоянно подчеркивали как государственное значение военных профессионалов, так и ответственность их за судьбы нации. Опытный командный состав, закаленный войнами и долгой служебной практикой, представлялся им ценным капиталом нации, какового в минуту опасности не заменит никакой импровизированный институт³⁷. Генерал Н. Головин, уверенный в неизбежности массовых армий, в программном труде «Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы» отдавал приоритет высокой профессиональной подготовке офицерства, отмечая, что особое внимание при создании будущей армии следует уделять подготовке высшего командного состава и специалистов Генштаба³⁸.

Когда военная мысль эмиграции поставила проблему профессиональной («малой», «отборной») армии, одно из центральных мест, естественно, было отведено качеству офицерства. Приверженцами «малой армии» (А. Геруа, Е. Месснер, Б Штейфон, А. Керсновский др.) качество в идеале возводилось в степень артистизма военного искусства, и утверждалось, что требуются те, кто «в стычку, бой, сражение, кампанию вдохнут душу, то есть оживят мертвый шаблон дыханием вдохновения» (Е. Месснер).

Артистом своего дела офицер может быть лишь тогда, когда ему присущи определенные свойства. По природе их можно разделить на три группы: *волевые, интеллектуальные и нравственные*. Но главным условием, при котором возможно достижение высот профессионализма, должно быть *призвание*. Это врожденная воинская добродетель, и развить или «наработать» ее нельзя. «Надо верить в свое призвание, каждую минуту ощущать в тяжелом ранце фельдмаршальский жезл — быть убежденным, что именно тебе, вверенным тебе роте, полку, корпусу надлежит сыграть главную роль, произвести перелом в критическую минуту — уподобиться Дезе при Маренго, пусть даже и заплатит за это тою же ценой», — говорит А. Керсновский³⁹.

Первая группа качеств связана преимущественно с волевым началом в человеке, силой его духа, с тем, что принято называть «характером». Именно на необходимость развития этих качеств обращает главное внимание генерал В. Флуг в работе «Высший командный состав», объединив их понятием «*военной энергии*», под которой подразумеваются: мужество, непреклонная воля к победе, самоуверенность, решительность, смелость, находчивость, упорство, самообладание, предприимчивость, дух почина и прочее. Как и многие другие авторы, Флуг сетовал на то, что прежняя военная система России не способствовала культивированию в офицерах «военной энергии», выдвигению волевых фигур, а высших командных должностей в основном достигали «лица, вообще мало удовлетворявшие этому назначению»⁴⁰. Главным завещанием генерала было пожелание «воспитания в народе и в армии драгоценного качества *воли*». Он ратовал за «решительный разрыв с заблуждениями последних десятилетий», прямо обращаясь к современникам и, думается, к потомкам с призывом: «Довольно трескучих фраз о нашей доблести и наших победах... которые, в конце концов, привели русскую армию к развалу, а Россию к порабощению. Довольно обмана и самообмана. Чем кичиться нашими

подвигами, покаемся лучше в своих грехах. Пока мы не проникнемся горьким сознанием, что для ведения войны нам, русским генералам, — да и не нам одним, — не доставало первой воинской добродетели — исконно русского мужества, — и вину в нашем крушении будем стараться по-прежнему сваливать то на недостаток в артиллерии и винтовках, то на «Приказ № 1», — мы никогда не создадим командного состава, способного будущую Русскую армию вести к победе»⁴¹.

Генерал В. Тараканов, подчеркивая, что военачальнику в высшей степени должно быть присуще врожденное и развитое *искусство повелевать* (гипноз власти), вместе с тем обращал внимание на необходимость уметь повиноваться. У властных людей часто обнаруживается недостаток этого свойства⁴². И генерал В. Доманевский видел в командовании и подчинении одну функцию, выражая это следующим образом: «Командовать — значит, прежде всего, уметь повиноваться начальнику от всего сердца для выполнения поставленной задачи, охватывать его намерения и идти навстречу, входить в его мысли и виды, принимать все возможные меры, чтобы их осуществить».

При том, что идеальный тип военного профессионала, тип вождя дает равновесие «умового» и «волевого» начала, — на практике такое сочетание встречается не часто (А. Керсновский примерами полного выражения такого сочетания считал Петра I, Румянцева, Суворова). Если же говорить о преобладании того или иного, то для полководчества и вождения войск предпочтительнее перевес волевых качеств. «Посредственное решение, будучи энергично проведено, дает результаты всегда лучшие, чем решение идеальное, но не претворенное в дело или выполняемое с колебаниями», — поясняет Керсновский. Обращаясь к опыту Великой войны, он говорит, что в тот период волевыми фигурами у нас были генералы Лечицкий, Плеве, Юденич, Брусилов, граф Келлер, но «русское полководчество определили и сообщили ему характер катастрофический военачальники упадочного типа — Алексеев, Рузский и Эверт»⁴⁴.

В эмиграции неустанно проводилась мысль о сверхважности *интеллектуальных качеств*, особенно необходимых офицеру в эпоху многократного усложнения способов и средств войны, всеускоряющегося технического прогресса, механизации армий, когда техника стала «ведущей осью военного дела». Среди них на первый план выдвигались ясный, быстро схватывающий, находчивый ум, широкий кругозор и прочные военные знания (образование), способность к постоянному пополнению своего военно-идейного багажа, дар предвидения.

Здесь еще раз следует подчеркнуть, что сами военные изгнанники проявили удивительную тягу к повышению своего образования, развитию военной мысли и военного знания. В первые же годы эмиграции ими были созданы Общество ревнителей военных знаний, кружки высшего военного самообразования, организовывались конкурсы на лучшие военно-научные труды. Позже учреждены Высшие Военно-Научные курсы генерала Н. Головина, имевшие и заочную форму обучения. На их базе возникли «военно-научные институты». Функционировали военно-училищные и повторительные курсы, кадетские корпуса. Корпорации русских артиллеристов, связистов, военных инженеров, других специалистов на своих собраниях периодически заслушивали и обсуждали доклады о новейших тенденциях в науке и практике своих отраслей. Выпускался целый ряд военно-научных журналов, таких как «Военный Сборник», «Война и Мир», «Армия и Флот», «Вестник Военных Знаний», «Осведомитель» и др., издавались книги военных авторов⁴⁵.

Военные писатели эмиграции видели будущий офицерский корпус высокообразованным и «интеллигентным». Когда резко усложнилась вооруженная борьба, когда современный призывной контингент, а тем паче «сверхсрочные» (профессионалы) «собственным умом постигают явления войны», командному составу, чтобы быть авторитетным, нужно не только практически знать военное дело, но быть «научно образованным»: «кто больше знает, того охотнее слушают» (Добро-рольский). Высказывались мнения о том, что «офицерами с академическим значком» должны замещаться все должности начальников, начиная с командира батальона. В целом подчеркивалось «громадное значение корпуса академиков», который будет «господствовать в армии и в определенном отношении влиять на работу всего государственного организма, беря на себя ответственность за подготовку страны к войне и за успех войны» (Месснер)⁴⁶.

В эмиграции пришло ясное осознание того, что в арсенале современного и будущего офицера как военного профессионала должно находиться и знание военной психологии. Наиболее активными проводниками этой идеи выступали генералы П. Краснов и Н. Головин, внедрившие соответствующую дисциплину на Высших Военно-Научных Курсах в Париже и Белграде, генерал А. Виноградский, полковники Р. Дрейлинг, Н. Бигаев, профессор Н. Краинский и др. Автор одного из первых учебников «Военной психологии» (1935), написанного для слушателей Курсов Головина в Белграде, Р.

Дрейлинг, утверждал, что в то время когда не только учет материальных сил, но в значительной мере и пользование «психическими силами армии» может выйти из области привычных сноровок и интуиции и стать предметом научного исследования и использования, «важность изучения военной психологии всем кадровым офицерством приобретает особое значение». Он был уверен, что прямым следствием изучения психики бойца в бою должна явиться выработка приемов сознательного применения законов военной психологии в практическом военном искусстве, т.е. в тактике, оперативке, стратегии⁴⁷.

Постоянное, систематическое пополнение своих научных познаний должно быть чертой не только обер- и штаб-офицеров, но и генералов. И последних — даже в большей степени, дабы к богатому личному опыту каждого из них присоединился коллективный опыт военной науки. «Стратег, — утверждал генерал В. Доманевский, — вырабатывается, «вращивается» не так строевым или боевым опытом, как широким образованием, вдумчивым изучением опыта чужого — военной истории, истории военного искусства, истории социальных взаимоотношений, психологии и т.д.»⁴⁸. По откровенным признаниям изгнанников, слишком многим военачальникам русской армии накануне и в ходе Великой войны этого не доставало. Говоря о подготовке и умственном складе высшего командного состава, генерал В. Драгомиров с горечью констатировал отсутствие ясной военной мысли и творчества⁴⁹. Е. Месснер, в работе «Мысли о Генеральном штабе» напоминая, сколь губительно для армии существование генералов «с одереженевшей, парализованной мыслью», писал о необходимости «непрестанно думать, обдумывать, усваивать и развивать идеи, выдвигаемые военным искусством, военной наукой, военной теорией, военной практикой»⁵⁰.

Предвидение — еще одно, крайне желательное качество военачальника, при отсутствии которого трудно считаться профессионалом. Но предвидение — природный дар (оперативная интуиция, как говорил В. Тараканов), который дан не всем. Тем не менее и он во многом базируется на глубоком знании, на непрестанной работе мысли.

Отдельные авторы (прежде всего А. Геруа и Е. Месснер), не удовлетворяясь термином «профессионализм», выражающим сплав определенных волевых, интеллектуальных, этических свойств и таланта, вводят дополнительный — «интеллигентность», в их концепции обозначающий важнейший признак и показатель профессионализма. «Без слов ясно, — говорит А. Геруа, — всякий специалист важен постольку, поскольку он «интеллигентен» в своей области, в своих пределах». «Чем интеллигентнее начальник, тем больше его ценность (при всех прочих равных условиях) и тем сильнее его влияние на подчиненных...» — замечает Е. Месснер.

Здесь понятие «интеллигентности» используется в «чистом виде», без того негативного значения, которое закрепилось в сознании военных в связи с антигосударственной, антиармейской позицией российской «передовой интеллигенции» в последние десятилетия Империи.

Олицетворением истинной интеллигентности, согласно взглядам Геруа и Месснера, должен быть Генштаб (в современном звучании — практически весь командный состав с академическим образованием), от которого требуется постоянная научная и практическая работа, неустанная творческая, преисполненная предвидения, даже пророчества. Генштаб — это «мозг» утонченно-культурный, с философской закваской, дающей возможность делать выводы вперед на основании строго логических заключений из настоящего и прошлого, это «идейный кадр» армии.

Предупреждали эмигранты и об опасности «полуинтеллигентности» (серия статей Е. Месснера, посвященных репрессиям в Красной Армии: «Души в кандалах», «Полуинтеллигентное офицерство», «Кровавый год» и др.). Суть явления — в недоученности, теоретической и практической «недоразвитости» кадров. Это не значит, как поясняет Месснер, что командиры не храбры, не обладают волей, не знают свое ремесло и что армия под их руководством не может воевать. «Это значит, — пишет он, — что она не может воевать «малою кровью»... Офицерство знающее и — это самое важное — офицерство интеллигентное проливает кровь бережно, как искусный хирург, офицерство же неинтеллигентное «пускает кровь» без меры, как цирюльник. Красная армия, пока она будет руководствоваться нынешним офицерством, будет армией кровавых боев: может быть победа, может быть поражение, но во всяком случае кровавые», — поистине пророчески заключает Месснер в 1938 году⁵¹.

Охватывая взглядом персональный состав военной эмиграции, не трудно представить фигуры подлинных военных интеллигентов. Таков был генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель, широко образованный, отважный, доблестный кавалерист, мужественный военачальник, действительный вождь, «весь энергия, весь накаленность мысли, весь волевой огонь» (И. Ильин). Таков и генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич, «полководец, во всем блеске возродивший су-

воровские заветы» (Б. Штейфон). Таков и генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин, командир легендарной «Железной» дивизии, главнокомандующий Западным и Юго-Западными фронтами, позже один из основателей Добровольческой армии и ее главнокомандующий. Таков генерал от кавалерии Николай Николаевич Баратов, командующий экспедиционным корпусом в Персии, «весь порыв и горение на пользу армии» (К. Попов), создавший в изгнании Зарубежный союз русских военных инвалидов и возродивший старейшую газету «Русский Инвалид». Генералы Николай Николаевич Головин, Александр Владимирович Геруа, Алексей Константинович Баиов, Арсений Анатольевич Гулевич, Петр Николаевич Краснов, Евгений Федорович Новицкий, Анатолий Николаевич Розеншильд-Паулин, Пантелеймон Николаевич Симанский, Алексей Павлович Будберг и другие — крупные, образцовые военачальники, блестяще проявившие себя в мирное время и в боевой обстановке, не просто грамотные и думающие офицеры, но военные мыслители, ученые, писатели, и в эмиграции сохранившие преданность ратному делу, — вот истинные военные интеллигенты, носители русской военной культуры.

Заметим, что представитель второй волны эмиграции, видный военный историк Н. Рутыч, также употребляет термин «военная интеллигенция», анализируя образы передовых офицеров, выведенных А. Солженицыным в эпопее «Красное Колесо». Речь идет, прежде всего, о таких литературных героях как А. Крымов, Г. Воротынцев, А. Свечин, за которыми стоят фигуры реальных офицеров, впитавших в себя дух и идеи «военного ренессанса» (1907–1913 гг.), «которые считали себя обязанными отвечать за русскую историю» и те из них, которые даже оказавшись в Красной армии способствовали «воспитанию новых военных поколений в духе национально-исторической осмысленности». К категории военной интеллигенции относит Рутыч и тех, кто был инициатором и организатором Белой армии. Это генералы и полковники М. Алексеев, Л. Корнилов, А. Деникин, С. Марков, М. Дроздовский, М. Неженцев, оставившие «яркий пример жертвенного служения России»⁵².

Военный профессионализм не возникает сам по себе, но осознанно, целенаправленно и бережно культивируется. Факторы его обеспечения и поддержания также были постоянным предметом размышлений изгнанников. Среди этих факторов — качественная подготовка командного состава (образование и воспитание), «офицерский отбор», справедливая кадровая политика, сбережение кадровых офицеров в военное время, внимание к личности офицера, высокий уровень военной печати и т.д. Все это — отдельные объемные элементы «офицерского вопроса», требующие специального рассмотрения и выходящие за рамки данной статьи.

Офицерская этика

В сущности, как уже говорилось, особая этика также является чертой офицерского профессионализма. Этические нормы офицерства исторически выработывались в среде профессионалов, и командира, не следующего этим нормам, по большому счету офицером и мастером военного дела назвать нельзя. В то же время особая (по сравнению с общегражданской и «общевойсцовой») нравственность является отличительным свойством и одним из главных достоинств офицерского корпуса.

Эмигранты во множестве работ составили довольно внушительный «свод» моральных качеств, необходимых офицерству. Исходным моментом здесь может служить то, что выражено в простом и ясном утверждении Н. Белогорского: «Офицерами, ведущими на смерть других людей, могут быть лишь те, кто сознают себя выше окружающей среды и кто, отвечая за других, привык прежде всего отвечать за себя»⁵³.

Именно отсюда, из призвания и обязанности вести других в бой, на возможную гибель и возникает эта «особость», эта специфичность офицерской этики, заключающаяся в ее возвышенности. То, что для гражданина предстает высочайшим идеалом и превосходит все требования обычной практической морали, — является непреложным жизненным законом для человека в погонах. Героическое для гражданского общества оказывается обыденным для военного сословия. Причем воинское служение, избранное офицером профессией, не эпизод в его жизни. Оно поглощает все его существование и не только в бою, но и в будничной работе требует непрекращающегося самоотвержения. «Мало красиво умереть на поле сражения, может быть гораздо труднее всю свою жизнь согласовать с интересами армии и в незаметном, неустанном труде, подвиге самоусовершенствования и самоограничения стать воином, полезным для отечества», — говорит генерал А. Попов⁵⁴.

Страницы периодики Зарубежья, донося до нас споры о предназначении офицерства эмиграции, о будущем корпусе русских офицеров, открывают порой неожиданные вещи. В одном из номеров содержательной, экспрессивной военно-политической газеты «Сигнал», органа Русского Национально-

го Союза Участников Войны (его возглавлял генерал А. Туркул), помещена небольшая статья «Долг офицера» авторства Н. Снесаревой-Казаковой. В статье по сути сформулирован *кодекс офицерской этики*, отражен тот идеал, который лучшая часть интеллигенции чаяла видеть в защитниках Отечества:

«Долг офицера — быть джентльменом: это значит — быть прежде всего благородным человеком, нравственно безупречным.

Офицер — это рыцарь чести, защитник доброго имени своего народа. Офицер должен быть прост, прямолинеен, бесстрашен... Офицер должен быть духовным аристократом. Благородство не только поступков, но и намерений, постоянный героизм усилий, горячая вера, идеализм, отсутствие эгоизма — вот непеременимые и основные черты русского офицера.

Офицер должен помнить, что он не остается здесь на земле вечно, но что после него — о нем остается память, которая творит историю. Поэтому офицер должен уметь сознательно беспрестанно читать историю своего народа, должен уметь видеть вещи такими, какие они есть в действительности.

Офицер никогда и ни при каких обстоятельствах не должен сдаваться, трусить, малодушно покоряться; должен быть всегда убежден в превосходстве своего служения и в своем собственном моральном превосходстве.

Офицер должен уметь побеждать не только мечом, но и словом: есть слова, которые поднимают дух, как призыв к бою. Офицер должен уметь излагать простым и понятным языком то, что другим неясно, быть политически грамотным.

Офицер сражается за истину, за Nation, это — апостол Nation и истины. Может быть, на земле ему предназначается крест, но он не имеет права уходить от борьбы, не имеет права на отдых...

Офицер должен быть далеко от всего мишурного, мелкого, пошлого, должен быть духовно свободен, ни к кому и ни к чему слишком не привязан. Человеческое общество, вся наша жизнь построена на красивой лжи, его внешность бутафорски обманчива.

Офицер не имеет права писать и говорить неправду.

Офицер — Личность, с большой буквы, он не смеет быть орудием в руках других... Его активная борьба за Россию, его лишения во имя этой борьбы — должны быть мерилем его мужественности»⁵⁵.

Как видим, спектр требований, предъявляемых к офицеру гражданскими людьми, весьма широк, планка необычайно высока. И вряд ли общественное сознание таковые может адресовать какой-либо иной социальной группе, что еще раз доказывает отличие офицерской этики от общей.

«Боевой» аспект этой «особости» выразил генерал Е. Новицкий в статье «Пощечина», где говорится об офицерском подвиге, который в его понимании не может быть тем же, что подвиг солдатский. Офицерский подвиг должен непременно выявлять идеологию офицера как начальника, учителя и вождя солдата в наиболее страшные для этого последнего моменты жизни. Автор приводит случай, когда в 1915 г. на одной из позиций 190 пехотного Очаковского полка, в критический момент боя, фельдфебель предложил было остаткам своей роты сдаться в плен и тут же получил громкую пощечину от молодого прапорщика. Спустя мгновение офицер героически увлек всех солдат в последнюю, смертельную атаку на противника. «Офицерский подвиг, — пишет Новицкий, — представляется мне не только как простой акт смерти, хотя бы во главе своих солдат, не только как акт самопожертвования (потому что самопожертвование есть долг офицера), но и нечто большее... Умирая, офицер должен показать, что те высшие вопросы чести и славы, ради которых он умирает, ему понятны, что его идеология выше простой жертвенности рядового офицера и солдата и что он умирает за идеалы, которые могут быть недоступны им... Пройдут года. Многие и многие смерти забудутся. Но эта пощечина, наносимая за минуту до неминуемой гибели оскорбление тому, кто посягнул на то, что офицеру должно быть дороже всего, — никогда не забудется в истории полка. И вечной путеводной звездой будет этот акт крайнего возмущения светить из глубины времен и озарять жизненный путь тех, кому не безразличны такие высшие ценности, как честь и слава своего полка»⁵⁶.

В анализе, воспоминаниях, помыслах военных специалистов, писателей довольно много места отведено этическим моментам, затронут и в многочисленных эпизодах отражен весь спектр моральных ценностей. Но, пожалуй, выше прочего ценились именно *честность, честь и прямодушие*, качества, от которых и в мирное время, и тем более на войне зависит очень многое. «В нашей военной среде пользовались особым уважением люди, способные «прямить», т.е. бестрепетно говорить правду в глаза даже любимому начальнику», — утверждал полковник С. Прокофьев⁵⁷. Одной из главных воинских добродетелей считал прямодушие А. Керсновский. Оно не просто условие достоинства офицера, но и преграда на пути угодничества и подхалимства — худшего, что может быть в военном че-

ловеке. Дело в том, что трусость, малодушие, воровство, другие пороки в сколько-нибудь организованной армии не могут быть терпимы, тем более возводиться в систему. Подхалимство и его следствие — очковтирательство — могут. «И тогда, — говорит Керсновский, — горе армии, горе стране! Не бывало — и не может быть случая, чтобы они смогли опереться на гнущиеся спины»⁵⁸.

Анализируя подготовку командного состава, его действия на фронтах Великой войны, генерал В. Драгомиров с досадой признавал: «Честности было мало». Он поднимал вопрос о доверии, имеющем огромное значение в боевой обстановке, когда необходима общая самоотверженная работа. Многие старшие начальники на деле не следовали заповеди «сам погибай, а товарища выручай», записанной в уставе, в результате «никто никому не верил». Опытный генерал полагал, что это едва ли не наибольший недостаток, притом наиболее трудноустранимый как зависящий от народных психологических особенностей⁵⁹.

Рядом с честностью — понятие чести, синоним достоинства и гордости. «Внутри корпуса, — вспоминал генерал А. Греков, имея в виду офицерство русской армии, — принцип рыцарской чести был первой заповедью, причем понятие «честь» охватывало всю сферу служебной и частной жизни»⁶⁰. Честь — драгоценнейшее свойство офицерского духа. Без риска впасть в ретроградство, офицер должен блюсти завет Петра Великого: «Иметь любление чести». Это качество было стержневым в генерации офицеров, созданной основателем регулярной армии. «Образ наследственного петровского офицера», как указывал А. Геруа, еще сохранялся и в эмиграции. «Дай Бог, чтобы он не умер в рядах Российского воинства. Именно он, как никто, может стать его хребтом. Он есть истинный носитель славы и традиций армии. Его нужно уметь беречь и холить будущему организатору могущества России», — назидал генерал Геруа⁶¹.

Что характерно, эмигранты сочувственно относились к офицерству Красной Армии, когда его захлестывала волна репрессий и оно, «не бунтовавшее, понесло кару, большую, чем в свое время понесли бунтовавшие стрельцы». «Доносительство в армии вещь чудовищная, разрушающая моральную основу... Может ли в этих условиях развиваться воля, пробуждаться способность к инициативе, крепнуть вера, возвышаться душа верностью служения государству?» — риторически вопрошал Е. Месснер в статье «Души в кандалах»⁶². Аксиомы, изначально очевидные эмигрантам, сегодня истинными открылись и нам, а вернее сказать — признаны нами. В одном из последних аналитических материалов, касающихся катастрофы Красной Армии в приграничных сражениях 1941 г., аргументированно утверждается, что, выполняя заведомо пагубные, дикие по безграмотности решения Сталина и его окружения, военное командование не имело смелости и настойчивости отстоять свои взгляды. «Это, — пишет автор публикации А. Михайлов, — надо рассматривать в первую очередь как результат психологической атмосферы, сложившейся после массовых казней в армии и в стране во второй половине 30-х гг.»⁶³.

Понятие чести обязывает офицера думать не только о своем личном достоинстве. А. Керсновский акцентировал внимание на том, что каждый начальник не просто командует, но имеет честь командовать. Он обязан это помнить и в мирное время, уважая в подчиненных их воинское достоинство, и на войне, когда речь идет о чести вверенных ему роты, корпуса или армии, их добром имени в глазах грядущих поколений⁶⁴.

Надо сказать, что взгляды изгнанников на вопросы офицерской морали существенно не менялись на всем полувековом пути военной мысли эмиграции. И в 60-х годах они продолжали утверждать, что офицерство среди всех социальных слоев должно составлять «образцовую этическую группу». Если иные объединения могут в своей среде терпеть своекорыстие, шкурничество, беспринципную изворотливость, циничный эгоизм, то в офицерском корпусе эти явления не должны быть терпимы⁶⁵. Вместе с тем состарившиеся, однако не утратившие динамичности мышления и трезвости взгляда, эмигранты делали «поправку на время», говорили, что массу ныне раздражает чье-либо духовное превосходство, его надо вкладывать в дело, не выставляя напоказ. «Быть рыцарем, не нося знаков рыцарского достоинства» — вот по их мнению девиз современного офицерства. «Последние Могикиане» военной эмиграции понимали, что из-за изменения свойств современного оружия и способов боевых действий (например, контрмеры против повстанцев, террористов и т.п.) этика офицера стала «облегченной», но были уверены, что «снижение этических требований не должно вести к упразднению этических требований»⁶⁰.

* * *

Само-бытие десятков тысяч русских офицеров на чужбине — корпуса офицеров в рассеянии! — в сознании современников должно быть зафиксировано как крестный путь во имя Родины, как духовный подвиг, как беспрецедентный исторический феномен. В большинстве это были офицеры, на практике воплощавшие идею верности долгу, по-офицерски выразившие свой протест против кроваво насаждавшегося в России чуждого ей режима. Хотя военный и политический успех был не на их стороне, духовно они остались непообежденными.

Не лебедей это в небе стая:
Белогвардейская рать святая
Белым видением тает, тает...
Старого мира последний сон...

Так их исход запечатлен в знаменитых цветаевских строчках. Но эта рать не растаяла бесследно. Она осуществила свою изгнанническую миссию, создав военную культуру Русского Зарубежья, несущую в себе мощный духовный заряд, служащую своеобразным индикатором развития и качества российского военно-служилого сословия первой трети XX века. В наследии изгнанников одно из важнейших мест занимает идея будущего офицерского корпуса России. Ему завещано усвоение опыта, уроков предшественников и стремление к главным достоинствам: *корпоративному единству, военному профессионализму, особой этике*.

Офицерство должно быть духовно сплоченным — обладать единым государственным сознанием, быть политически образованным и воспитанным, исторически грамотным («умеющим читать историю своего народа и своей армии»). Офицеры — «апостолы Нации» и «последний довод государственной идеи».

Никаких привилегированных каст внутри офицерской семьи быть не может. «Гвардия — со своими именами, но без гвардейских привилегий. Со своею славой, традиционными мундирами, но без каких бы то ни было преимуществ. Привилегия одна: быть храбрым в бою... Отличие одно: высокий рост — высокие понятие о чести, красивое лицо — и красивые поступки»⁶⁷. Ни при каких социальных потрясениях и трудностях раскол, дробление офицерского корпуса недопустимы. Его монолитность — гарантия сохранения целостности страны и пресечения анархии.

Важнейшим достоинством офицерской корпорации является профессионализм. В основе его всегда — призвание, потом — знание и умение, которые в ратном деле должны быть доскональными. Ни того ни другого достичь невозможно без наличия, развития и культивирования «военной энергии» — совокупности необходимых волевых и интеллектуальных качеств. Профессионал — артист военного дела, он ценен постольку, поскольку интеллигентен и понимает, что «учение не кончено». Военачальники с «одеревеневшей, парализованной мыслью», играя кровью и доблестью войск, несут поражения и гибель своей армии.

Офицерство немыслимо без возвышенной этики, возводящей в норму прямодушие, честь, самоотверженность, жертвенность, благородство и другие добродетели. Офицер в своей деятельности, своем поведении каждодневно, в мирное и военное время, должен выявлять и утверждать особую идеологию — начальника, учителя и вождя солдата, всех подчиненных, должен пробуждать у них энтузиазм и идеализм. Офицеры — не только мозг, но и душа Армии. Моральная сила военных вождей окрыляет войска, придает им огромный духовный импульс и если требуется — ведет их на смерть.

Эти достоинства, осмысленные корпусом офицеров-изгнанников, сегодня чрезвычайно важны и актуальны. Не надо быть пророком, утверждая, что России в наступающем веке, как и во всех предшествующих столетиях нашей истории, придется себя защищать. Мы и входим-то в XXI век с «мятежной» без мощной армии Отечеству не обойтись; только она — «последняя цитадель нации» — надежнейший фактор нашего государственного самостояния. Но армия — это прежде всего и больше всего командный состав, его дух, ум и воля. Если будут изучены и учтены результаты офицерского самопознания, где особое место занимает опыт изгнанников, если в среде офицерства будут живы образы Суворова и Кутузова, Ермолова и Скобелева, Юденича, Деникина, Врангеля, то офицерский корпус России в третьем тысячелетии свое высокое предназначение выполнит с честью.

Примечания

1. По оценке специалистов в вопросах персонального состава офицерского корпуса и военной эмиграции С.В. Волкова и Н.Н. Рутыча, это число в начале 20–х годов могло достигать 70 тысяч.
2. Сведения исследователей персонального состава генералитета военной эмиграции С.В. Волкова и И.М. Алабина.
3. См.: Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. - М.: «Regnum» — «Российский архив», 1997. - С. 10.
4. Там же. - С. 9–10.
5. См.: Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. - 3-е изд. - М.: Мысль, 1987. - С. 80.
6. См.: Стогов Н. Парагвай и русские офицеры //Часовой. - 1936. - № 174, 175.
7. Белогорский Н. Что же мы должны сделать? — Ницца, 1930. - С. 34.
8. Доманевский В. Мировая война. Кампания 1914 года. Вып. I. - Париж, 1929 - С. 3.
9. Надо ли говорить, сколь это важно и как угнетающе действуют на офицера, как пагубны для дела — полуправда и ложь. В этой связи обратим внимание на слова недавно ушедшего из жизни историка, полковника в отставке О.Ф. Сувенирова, успевшего издать свой последний и главный труд «Трагедия РККА 1937–1938». Какою тоской сквозит от признаний почтенного ученого: «Не знаю, у кого как, а у меня, родившегося в один год с Октябрьской революцией, только сейчас, на склоне восьмого десятка лет быстро уходящей жизни, впервые появилась реальная возможность действительно свободного научного исследования... Я рад, что дожил до времен, когда и на нашей многострадальной Родине можно писать... то, что ты действительно знаешь и так, как ты думаешь и представляешь минувшее». (Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937–1938. - М.: ТЕРРА. 1998. - С. 19–20.) Олег Федотович скончался в 1999 году. До сих пор его капитальный труд остается в тени внимания общественности, особенно научной и писательской, годами эксплуатирующей тему репрессий в Красной Армии, опиравшейся более на домыслы, нежели на факты.
10. См.: Ильин И.А. Философия и жизнь //На переломе. Философские дискуссии 20–х годов: Философия и мировоззрение / Сост. П.В. Алексеев. - М, 1990. - С. 47.
11. Сигнал. - 1937. - № 5.
12. Русский Военный Вестник. - 1928. - № 146.
13. Царский Вестник. - 1928. - № 3.
14. Деникин А. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии. - Париж, 1921. -С. 14–15.
15. Геруа Б. Русский Генеральный штаб //Царский Вестник. - 1931. - № 199.
16. См. раздел «Воспитание офицерского состава» работы В. Флуга «Высший командный состав» в хрестоматийной части книги.
17. Вестник Военных Знаний. - 1934. - № 2 (22). - С. 24.
18. Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 гг. - Париж, 1962. - С. 13–14.
19. Сигнал. - 1937. - № 5. - С. 1.
20. Шавров А. Право частной собственности в возрожденной России. Открытое письмо генералу от кавалерии В.И. Гурко (Аполитичность Армии: Армия вне политики). - Белград, 1930. - С. 23.
21. Керсновский А.А. История Русской Армии. - М.: Воениздат, 1999 - С 462–463.
22. Цитируется по: Часовой. - 1972. - № 555. - С. 5.
23. См.: Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Париж-Таллинн, 1937.
24. Федотов Г.П. Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры). В 2–х томах. Т. 1. - СПб.: София, 1991. - С. 147.
25. Часовой. - 1973. - № 568. - С. 12.
26. См.: Гражданская война 1918–1921 гг. - М., 1928. - С. 95.
27. Российский военный сборник. Вып 16. Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. - М., 1999. - С. 182.
28. Деникин А.И. Путь русского офицера. - Нью-Йорк, 1953. - С. 72.
29. Андогский А. Как создавалась Красная армия Советской России - Владивосток. 1921. - С. 25.
30. Там же. С. 27–28.
31. Генерал Кутепов. Сборник статей. - Париж. 1934. - С. 313.
32. Патронов И. Армия и политика //Царский Вестник. - 1940. - № 719.
33. См.: Колесников Н. О стратегии духа и прежних ошибках // Российский военный сборник. Вып. 13. Душа Армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской

- вооруженной силы. - М., 1997. - С 408–417; Шелль Е. Государственно-политическое воспитание армии. - Там же. - С. 418–432.
34. Керсновский А. Философия войны. - Белград, 1939. - С. 74.
 35. Генерал от инфантерии Н.Н. Юденич. К 50-летнему юбилею. - Париж. 1932. –
 36. Военный Сборник. - 1923. - Кн. IV. - С. 98.
 37. Российский военный сборник. Вып. 9. Какая армия нужна России. Взгляд из истории. - М.. 1995. - С. 93.
 38. Головин Н.Н. Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы. Общие основания. Издание 4-е. - Белград, 1939. - С. 32.
 39. Керсновский А.А. Философия войны. - С. 55.
 40. Флуг В. О подборе командного состава армии // Русский Военный Вестник. -1928. - № 154.
 41. Флуг В. Высший командный состав //Русский Военный Вестник. - 1927. - № 114.
 42. Тараканов. Служба Генерального Штаба. - Белград, 1933. - С. 138.
 43. Часовой. - 1931. - № 67. - С. 3.
 44. Керсновский А.А. Философия войны. - С. 65.
 45. Подробнее о военном образовании и развитии военных знаний в Зарубежье см.: Домнин И. Военная грань российской эмиграции //Российский военный сборник. Вып. 6. Русское Зарубежье: Государственно-патриотическая и военная мысль. - М., 1994. - С. 37–41; Он же. Краткий очерк военной мысли Русского Зарубежья //Российский военный сборник. Вып. 16. Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. - М., 1999. - С. 471–483.
 46. Военный Сборник. - 1925. - Кн. VII. - С. 55.
 47. Дрейлинг Р. Военная психология. - Белград, 1935. - С. 2. 9.
 48. Доманевский В. Мировая война. Кампания 1914 года. Вып. 2. Достижения сторон за первый месяц кампании — август. - Париж, 1929. - С. 61.
 49. Военный Сборник. - 1923. - Кн. IV. - С. 111.
 50. Военный Сборник. - 1925. - Кн. VII. - С. 54–55.
 51. Знамя России. - 1938. - № 2/3. - С. 9.
 52. Рутыч Н.Н. Думская монархия: Статьи разных лет. - СПб.: Издательство «Logos». 1993. - С. 76–83.
 53. Белогорский Н. Что же должны мы сделать? - С. 34.
 54. Военный Сборник. - 1924. - Кн. V. - С.161.
 55. Сигнал. - 1939. - № 51.
 56. Новицкий Е. Пошечина //Русский Инвалид. - 1931. - № 13.
 57. Сигнал. - 1937. - № 21.
 58. Керсновский А. Философия войны. - С. 55.
 59. ГАРФ. - Ф. 5945. - Оп. 1. - Д. 54. - Л. 285.
 60. Библиотека-Фонд «Русское Зарубежье». Ф. 1. Воспоминания генерала А.П. Грекова (машинопись). - С. 80.
 61. Переключка. - 1937. - № 6. - С. 23.
 62. Русский Инвалид. - 1938. - № 116.
 63. Михайлов А. Оперативно-стратегический аврал // Независимое военное обозрение. - 2000. - № 10. - С. 5.
 64. Керсновский А. Философия войны. - С. 60–61.
 65. См. статью Е. Месснера «Современные офицеры» в хрестоматийной части данного выпуска.
 66. Там же.
 67. Армия. - Белград: Издательство «Старое время», 1924. - С. 23.

РОССИЙСКОЕ ОФИЦЕРСТВО КАК СЛУЖИЛОЕ СОСЛОВИЕ

Фигура российского офицера была вызвана к жизни реформами Петра Великого, заложившими те основы, на которых в дальнейшем строились как армия, так и российская государственность в целом. Офицерство, которым располагала дореволюционная Россия, своей структурой и основными характеристиками обязано тому подходу, которым определялось формирование служилого сословия страны. Подход этот (предполагавший, что оно должно объединять все лучшие силы общества) соединял наиболее удачные элементы европейской и восточной традиций, сочетая принципы наследственного привилегированного статуса служилого сословия и возможности вхождения в его состав лиц по основаниям личных способностей и достоинств.

В ходе самих петровских реформ персональной смены служилого сословия в целом не произошло. Состав начальствующих воинских чинов практически полностью состоял из прежнего русского дворянства (не считая иностранцев, пребывание коих на русской службе тогда в подавляющем большинстве случаев было временным), так что оно (насчитывавшее на рубеже XVII-XVIII вв. примерно 30 тыс. чел.) составило основу и пореформенного офицерства. Однако преобразования коренным образом изменили принцип комплектования офицерства (как и служилого сословия в целом), широко открыв в него путь на основе заслуги и выслуги. «Неофиты» полностью абсорбировались средой, в которую вливались, и не меняли ее характеристик в каждом новом поколении, но в целом это была уже новая элита, отличная по психологии и культуре от своих предшественниц XVII в.

Общая характеристика

Несмотря на то, что основные идеи, заложенные в основу существования офицерского корпуса в России, оставались неизменными, конкретные формы и правила его комплектования претерпевали на протяжении двух с лишним столетий различные изменения, влиявшие на облик офицерства. Их характер позволяет выделить в истории офицерского корпуса русской регулярной армии довольно четко три основных периода: первая половина XVIII в., вторая половина XVIII — первая половина XIX в., вторая половина XIX — начало XX в.

В первой половине XVIII в. офицерский корпус насчитывал менее 10 тыс. человек, и персональный состав его менялся в общем незначительно, поскольку убыль по инвалидности и смертности в мирное время была относительно невелика. Типичной для офицерского корпуса фигурой стал дворянин, обязанный служить пожизненно, поступающий на службу рядовым, затем получавший унтер-офицерский чин и, наконец, производимый в офицеры. До трети офицеров производилось из нижних чинов гвардии, весь личный состав полков которой долгое время состоял из дворян. Значительное число офицеров производилось из солдат недворянского происхождения (в начале 1720-х годов недворянское происхождение имели до трети офицеров). Какой-либо разницы в путях получения первого офицерского чина по принципу происхождения тогда не существовало. Производство на вакансии осуществлялось путем баллотировки — выборами всего офицерского состава полка, однако порядок чинопроизводства еще окончательно не устоялся и менялся довольно часто, колеблясь между принципами баллотировки и производства по старшинству (в зависимости от длительности срока службы в предыдущем офицерском чине). Поскольку убыль офицеров в это время была сравнительно небольшой, вакансий открывалось не так много, и продвижение по службе для основной массы офицерства в мирное время шло довольно медленно. Прослужив всю жизнь, офицер, как правило, не достигал даже штаб-офицерских чинов (особенно если начинал солдатскую службу не в гвардии). Чин майора (учитывая малое число штаб-офицерских должностей) считался уже весьма значительным.

Период с 60-х годов XVIII до середины XIX в., отмеченный почти непрерывными блестящими победами русского оружия, доставившими России первенствующее положение среди европейских держав, связан и с существенными переменами в облике офицера. Офицерский корпус заметно увеличился численно (за это время он вырос втрое — от примерно 10 тыс. в середине XVIII в. до 25–30 тыс. к середине XIX в.) и, что особенно важно, обновлялся чрезвычайно интенсивно. После указа 1762 г., освобождавшего дворян от обязательной службы, офицеры получили право на отставку в

любое время, и основной причиной убыли офицерского состава стала именно добровольная отставка. Естественно, что по сравнению с предшествующим периодом обязательной службы и последующим (с середины XIX в.) периодом, когда служба превратилась в единственный источник средств существования для подавляющего большинства офицеров, это время отличалось необычайно большой степенью ротации офицерского корпуса. Через его ряды прошли тогда многие десятки, если не сотни тысяч людей.

С 60-х годов XVIII в. установилась, принципиально не меняясь в течение всего этого периода, система производства в офицеры через определенное время службы в нижних чинах — в зависимости от происхождения от 3 до 12 лет (поскольку именно происхождением практически полностью определялся в то время общеобразовательный и культурный уровень потенциального офицера), а в самом начале XIX в. этот порядок был дополнен прямыми внесловными льготами по образованию. Основная часть офицеров (и процент их постоянно увеличивался) в это время поступала из военно-учебных заведений. Эти обстоятельства привели к заметному изменению офицерского состава. Если ранее преобладающим (собственно, практически единственным) типом офицера был человек, служивший всю жизнь, то теперь наряду с ним типичной фигурой стал молодой человек, служащий не по обязанности и не по необходимости, а добровольно — из чувства долга и чести — и уходящий в отставку в обер-офицерских чинах после нескольких лет службы. Исключительно сильная традиция связи российского высшего сословия с государственной службой имела следствием то, что для дворянина еще и в первой половине XIX в., спустя 80–90 лет после указа о «вольности дворянства», не служить хотя бы какое-то время считалось неприличным. Как писал один из известных публицистов второй половины XIX в., «никогда не следует забывать, что не только деды, но и отцы и дяди наши — все сплошь почти были армейские и гвардейские отставные поручики и штабс-ротмистры»¹. Эта эпоха, естественно, отличалась и несколько меньшей долей офицеров недворянского происхождения — во второй половине XVIII в. таковых насчитывалось около 30%, в первой половине XIX в. — примерно 25%. Вследствие постоянной ротации, а также частых войн продвижение по службе шло в целом достаточно быстро, офицерский состав заметно помолодел, и довольно часто первые штаб-офицерские чины человек получал в возрасте 25–26 лет. Вполне обычным явлением было производство в полковники и даже в генерал-майоры офицеров, которым не исполнилось и 30 лет. Благодаря постоянному обновлению офицерство в это время играло и наиболее заметную роль в русском обществе, так как практически в любой культурной семье кто-либо из ее членов служил офицером, и вообще доля лиц, когда-либо имевших офицерские чины, среди образованной части населения страны была тогда наивысшей. Не случайно именно этому периоду мы обязаны тому образу офицера, который сложился в русской классической литературе.

Во второй половине XIX в. численность офицерского корпуса выросла крайне незначительно — до 30–40 тыс., но облик типичного офицера изменился довольно сильно. Дело в том, что в результате протекавших в стране социальных процессов (численного преобладания чисто служилого — беспоместного — и оскудения поместного дворянства) для подавляющего большинства офицеров служба сделалась единственным источником средств существования, а развитие системы пенсионного обеспечения послужило дополнительным стимулом к продолжению ее до полного срока выслуги. Основной причиной убыли по-прежнему оставался выход в отставку, но выход офицеров в отставку в относительно молодом возрасте сократился. Вследствие этого офицерский корпус в целом существенно постарел. Типичным стал выход в отставку после 30–35 лет службы в чинах от капитана до подполковника, и в этом смысле ситуация стала напоминать ту, что существовала в первой половине XVIII в. В этот период кардинально изменился и порядок поступления офицеров на службу. Во второй половине XIX в. льготы по образованию существенно расширились, а в начале 70-х годов чисто образовательный критерий полностью вытеснил собой сословный принцип при делении вольноопределяющихся на разряды (от которых зависел срок выслуги к офицерскому чину). Расширение сети военно-учебных заведений привело к тому, что производство из нижних чинов было полностью заменено выпуском из военно-учебных заведений, так что практика производства в офицеры приняла в общем современный

вид.

Несколько изменился и социальный состав. Доля офицеров недворянского происхождения резко выросла и в конце XIX в. составляла 50–60%, а среди офицеров — потомственных дворян преобладали представители чисто офицерских служилых родов, тогда как значительная часть знатных фамилий утрачивает интерес к военной службе. Характерный пример приводит кн. С.Е. Трубецкой (р. в

1890 г.), прадеды которого были полные генералы, деды ушли в отставку обер-офицерами, а отец (причем единственный из своих братьев) был только офицером запаса². К началу XX в. (при том, что многие старые дворянские роды дали за двести лет по несколько сотен офицеров и чиновников и на службе одновременно могло находиться до 20–30 представителей одного такого рода) большинство служилого сословия составляли представители родов, начавших служить не ранее середины XIX в., т.е. принадлежащих к нему в первом-втором поколении. Можно отметить, что дворянские роды даже недавнего происхождения, но чисто служилые (чьи представители из поколения в поколение жили только на жалованье, не имея недвижимости) в это время обычно превосходили в процентном отношении более старые роды, владевшие собственностью. Роль офицерства в обществе в то время уже не была столь значительна, как прежде, — хотя бы потому, что резко сократилась его доля в образованном слое страны; в то время как численность офицерского корпуса выросла крайне незначительно, численность других социально-профессиональных групп аналогичного культурного уровня увеличилась в несколько раз. Если раньше почти в каждой культурной семье были военные, то теперь, с одной стороны, более типичными стали чисто военные семьи, где все или почти все дети мужского пола наследовали профессию родителей, а с другой стороны, во множестве семей образованного круга на протяжении двух-трех поколений никто не избирал офицерскую карьеру. Офицерство становилось относительно более замкнутым как профессиональная группа.

На всем протяжении своего существования офицерский корпус Императорской России призван был быть, в социальном плане, наиболее престижной профессиональной группой. С самого начала он был поставлен в привилегированное положение, и социальный статус офицера всегда был статусом дворянина. Изначально потомственное дворянство давал уже первый офицерский чин (тогда как гражданский — только не ниже 8-го класса), и даже когда в середине XIX в. при резком увеличении численности офицеров и чиновников класс чинов для получения потомственного дворянства был поднят до штаб-офицерских чинов, всем младшим офицерам (в отличие от гражданских чиновников) был оставлен статус личного дворянства, то есть офицер в любом случае оставался представителем высшего сословия страны.

Российскую элиту от элиты других европейских стран вообще отличала чрезвычайно высокая степень связи ее с государством и государственной службой. Особенностью российского дворянства (и дворянского статуса, и дворянства как совокупности лиц) был его исключительно «служилый» характер, причем со временем связь его с государственной службой не ослабевала, как в большинстве других стран, а усиливалась. Имперский период в целом отличается и гораздо более весомым местом, которое занимала служба в жизни индивидуума. Если в Московской Руси служилый человек в большинстве случаев практически всю жизнь проводил в своем поместье, призы-ваясь только в случае походов, и служил в среднем не более двух месяцев в году, то с образованием регулярной армии и полноценного государственного аппарата служба неизбежно приобрела постоянный и ежедневный характер (к тому же Петр Великий сделал дворянскую службу пожизненной, так что дворянин мог попасть в свое имение только увечным или в глубокой старости; лишь в 1736 г. срок службы был ограничен 25 годами). Еще более существенным был принцип законодательного регулирования состава дворянского сословия. Россия была единственной страной, где дворянство не только пополнялось исключительно через службу, но аноблирование на службе по достижении определенного чина или ордена происходило автоматически. Причем если дворянский статус «по заслугам предков» требовал утверждения Сенатом (и доказательства дворянского происхождения проверялись крайне придирчиво), то человек, лично выслуживший дворянство по чину или ордену, признавался дворянином «по самому тому чину» без особого утверждения. Россия была единственной европейской страной, где в XVIII-XIX вв. не только не произошло окостенения сословных барьеров (что во Франции, например, случилось в середине XVIII в.), но приток в дворянство постоянно возрастал.

Офицерский корпус и по существу своему объединял лучшее, что было в России в смысле человеческого материала. Служилое сословие вообще было в целом наиболее образованной частью общества (не только до 90% деятелей российской науки и культуры происходило из этой среды, но и подавляющее большинство их сами были офицерами и чиновниками). Как наиболее качественная в нравственном отношении часть общества офицерство чрезвычайно широко использовалось и на гражданской службе, на нем в значительной степени держалось и общегосударственное управление. В XVIII — первой половине XIX в. значительная часть отставных офицеров служила по гражданскому ведомству, куда они обычно переводились с повышением в чине. Долгое время бывшие офицеры составляли подавляющее большинство гражданских чиновников средних и старших рангов, не говоря о том,

что в гражданских ведомствах оказалось и множество офицеров действительной службы: к 1796 г. на гражданской службе насчитывалось около 1 тыс. офицеров (в самой армии — 2,8 тыс.), причем они составляли до половины всех гражданских чиновников «генеральских» рангов³. Даже в начале XX в. на гражданских должностях состояло около 3 тыс. офицеров в чине от капитана и выше (15,4% общего числа офицеров этих чинов)⁴. Не говоря уже о том, что должности губернаторов, вице-губернаторов, градоначальников, начальников областей и уездов на окраинах страны также во множестве замещались генералами и штаб-офицерами действительной службы.

Численный состав офицерского корпуса был в общем вполне достаточным для обеспечения боеспособности армии. В то же время его численность не выходила из тех пределов, когда бы она сделала затруднительным комплектование офицерства из лиц, способных по своему общекультурному уровню выполнять офицерские функции и поддерживать престиж офицерской профессии в обществе. Следует признать, что система комплектования и подготовки офицеров в России вполне отвечала этим требованиям, в результате чего вплоть до революции положение офицера в русском обществе (хотя и пошатнувшееся в конце XIX в.) оставалось достаточно почетным, а качественный состав офицерского корпуса поддерживался на уровне, не уступающем уровню других профессиональных групп, образующих в совокупности культуруносный слой страны. (При всяком искусственном увеличении численности офицерства его качественно-культурный состав стремительно ухудшается за счет лиц, не соответствующих социальным функциям офицерского звания, людей же, отвечающих этим требованиям, в обществе всегда имеется ограниченное количество. И в общественном сознании офицеры, а с ними и профессия как таковая, стремительно теряют престиж. Это, в свою очередь, делает еще более затруднительным пополнение офицерского корпуса достойными людьми, приводит к деградации офицерства и, в конечном счете, — всей армии.)

Следует отметить, что российское офицерство представляло собой уникальный сплав носителей исторического опыта разных культурно-национальных традиций — как западных, так и восточных. Особенно важную роль закономерно играл такой уникальный по качеству служилый элемент, как остзейское рыцарство. Во второй половине XVIII — первой половине XIX вв., т.е. в период наивысшего триумфа русского оружия, его доля среди высшего комсостава никогда не опускалась ниже трети, а временами доходила до половины. Характерно, что эти элементы и вообще иностранные выходцы, принявшие русское подданство, отличались преданностью российской короне и давали существенно более низкий по отношению к своей численности процент участников антиправительственных организаций. Весьма показателен в этом отношении тот факт, что даже во время польского мятежа 1863 года лишь несколько десятков из многих тысяч офицеров польского происхождения (а они составляли тогда до четверти офицерского корпуса), т.е. доли процента, изменили присягу. Практически не встречалось и случаев измен в пользу единоверцев со стороны офицеров-мусульман во время турецких и персидских войн. Умение российской власти привлекать сердца своих иноплеменных подданных немало способствовало могуществу империи.

Но, пожалуй, наиболее важной чертой российского офицерского корпуса был его по преимуществу наследственный характер. Дети лиц, первыми в своем роду ставших офицерами, практически всегда наследовали статус своих родителей, оставаясь в составе этого слоя. И вообще дети подавляющего большинства офицеров становились также офицерами, и среди офицеров всегда преобладали дети офицеров (в кадетских корпусах и военных училищах их доля никогда не опускалась ниже 70–80%). Таким образом офицерский корпус в значительной степени самовоспроизводился, сохраняя культурные традиции своей среды. При этом влияние этой среды на попавших в нее «неофитов» было настолько сильно, что уже в первом поколении, как правило, нивелировало культурные различия между ними и «наследственными» членами этого слоя.

Обычно, даже если родоначальник получал дворянство на гражданской службе, его потомки служили офицерами, и род превращался в военный, гражданское же чиновничество в значительной мере состояло из представителей служилого сословия в первом поколении. В XIX в. дворянских родов, чьи представители находились преимущественно на военной службе, было больше, чем тех, среди которых преобладали гражданские чиновники (родов, где было примерно равное число офицеров и гражданских чиновников, значительно меньше, чем преимущественно военных или гражданских). Правда, к концу столетия эта тенденция ослабела⁵. Существовали дворянские роды, представители которых из поколения в поколение служили только офицерами. Это хорошо видно по «Общим спискам офицерским чинам»:

если в именном указателе имеются до десятка офицеров с одной фамилией (особенно не очень распространенной), то в подавляющем большинстве случаев 7–8 из них оказываются родственниками. Во многих семьях почти все мужчины — отец, братья, дяди, двоюродные братья и т.д. — были офицерами. Таковы, например, Агапеевы, фон Агте, Бобровские, Болотовы, Воронцовы-Вельяминовы, Гребенщиконы, Драгомировы, Корфы, Обручевы и многие другие. Учитывая, что и брачные связи заключались преимущественно в том же кругу, постепенно формировалась чисто военная среда. Например, среди одновременно живших родственников-мужчин одной из таких типичных семей офицерами были 16 из 18, а все замужние женщины были замужем за офицерами.

Качества, необходимые будущему офицеру, наиболее успешно формировались в семье, где человек с детства усваивал соответствующие ценности. Логическим продолжением этого было воспитание в кадетском корпусе, где воспитанник находился в обстановке, максимально приближенной к армейской, и мог объективно соотнести свои возможности и ожидания с реальностью, делая окончательный выбор (что избавляло офицерскую среду хотя бы от части лиц, психологически непригодных к офицерской службе). Поэтому офицерская среда отличалась высоким уровнем сплоченности. Этому способствовали и семейные традиции службы в одних и тех же частях. Следует отметить, что служба в одном полку родственников, особенно братьев, в русской армии весьма поощрялась; переводы офицеров из части в часть по собственному желанию не приветствовались (и сопровождались утратой некоторых преимуществ по службе), но перевод для сослужения с родственниками считался безусловно уважительной причиной. Поэтому довольно часто в списках офицеров того или иного полка можно было встретить одинаковые фамилии. В Мировую войну они порой и гибли в рядах одного полка. Один из наиболее известных примеров такого рода — погибшие в рядах 12-го гусарского Ахтырского полка в первые полгода войны Борис, Гурий и Лев Панаевы (чья мать была награждена первым орденом Св. Ольги). Еще более распространенным явлением была служба в одном полку нескольких поколений рода, а также обычай, когда молодые офицеры обычно выпускались в полк, которым когда-то командовали их отцы. Особенно это касалось гвардейских частей, практически для каждой из которых можно назвать определенный типичный набор наиболее часто встречающихся фамилий.

Мировая война существенно изменила структуру и состав служилого сословия. Почти все лица, имевшие соответствующее образование и годные к военной службе, были призваны в армию, стали офицерами и военными чиновниками, так что большая часть служилого сословия надела погоны. Кроме того, в его состав было включено значительное число лиц, которые в обычное время не могли бы на это претендовать (широко практиковалось производство в офицеры из нижних чинов и в чиновники военного времени низших служащих по упрощенному экзамену на классную должность). Изменения в численности и составе офицерства, вызванные годами войны, были огромны. На начало войны русская армия насчитывала свыше 40 тыс. офицеров, еще около 40 тыс. было призвано по мобилизации. После начала войны военные училища перешли на сокращенный курс обучения (3–4 месяца, специальные — полгода), и их выпускники как офицеры военного времени производились не в подпоручики, а в прапорщики; с декабря 1914 г. так выпускались все офицеры. Кроме того, было открыто более 40 школ прапорщиков с таким же сроком обучения. Наконец, свыше 30 тыс. человек были произведены непосредственно из вольноопределяющихся (лиц с правами на производство по гражданскому образованию), унтер-офицеров и солдат за боевые отличия.

В общей сложности за войну было произведено в офицеры около 220 тыс. человек (в т.ч. 78581 из военных училищ и 108970 из школ прапорщиков), т.е. за три с лишним года больше, чем за всю историю русской армии до Мировой войны. Учитывая, что непосредственно после мобилизации (до начала выпуска офицеров военного времени) численность офицерского корпуса составила примерно 80 тыс. человек, общее число офицеров составит 300 тысяч. Из этого числа следует вычесть потери, понесенные в годы войны. Непосредственные боевые потери (убитыми, умершими от ран на поле боя, ранеными, пленными и пропавшими без вести) составили свыше 70 тыс. человек (71298, в т.ч. 208 генералов, 3368 штаб- и 67772 обер-офицера, из последних 37392 прапорщика)⁶.

Однако в это число, с одной стороны, входят оставшиеся в живых и даже вернувшиеся в строй (до 20 тысяч)⁷, а с другой, — не входят погибшие от других причин (несчастных случаев, самоубийств) и умершие от болезней. Поэтому чтобы выяснить, сколько офицеров оставалось в живых к концу 1917 г., следует определить приблизительное число погибших (убитых, умерших в России и в плену и пропавших без вести). Число убитых и умерших от ран по различным источникам колеблется от 13,8 до 15,9 тыс. чел., погибших от других причин (в т.ч. в плену) — 3,4 тыс., оставшихся на поле сраже-

ния и пропавших без вести — 4,7 тыс., то есть всего примерно 24 тыс. человек. Таким образом, к концу войны насчитывалось около 276 тыс. офицеров, из которых к этому времени 13 тыс. еще оставались в плену, а 21–27 тыс. по тяжести ранений не смогли вернуться в строй. Так что цифра 276 тысяч офицеров (считая и еще не вернувшихся в строй) выглядит наиболее близкой к истине и едва ли может вызывать возражения⁸. Она полностью согласуется с тем, что нам известно о численности офицерского корпуса действующей армии (которой принадлежало 70–75% всех офицеров). На 1 января 1917 в ней было по списку 145916 офицеров и 48 тыс. военных чиновников, на 1 марта — 190623 офицера, 1 мая — 202, 2 тыс. по списку и 136,6 тыс. налицо, к 25 октября 1917 г. — 157884 (налицо)⁹. Флот на 1 января 1917 насчитывал 5248 офицеров, в конце 1917 г. (там не было больших потерь) — примерно 6 тыс. (причем 80% были в чине не выше лейтенанта), к январю 1918 г. — 8371¹⁰. Численность врачей и иных военных чиновников (увеличившаяся почти вдвое за вторую половину 1917 г.) составляла около 140 тыс. человек.

Огромные изменения в численности офицерского корпуса сами по себе предполагают коренную ломку всех привычных его характеристик, но еще более усугубилось это тем обстоятельством, что масса потерь не распределялась пропорционально между кадровыми и произведенными за войну офицерами; основная ее часть приходится как раз на первых: из 73 тыс. боевых потерь 45,1 тыс. падает на 1914–1915 гг., тогда как на 1916 г. — 19,4 и на 1917 г. — 8,5, т.е. едва ли не весь кадровый офицерский состав выбыл из строя уже за первый год войны. Понятно, что к 1917 г. это были уже совсем другие офицеры, чем их себе обычно представляют. К концу войны во многих пехотных полках имелось всего по 1–2 кадровых офицера, в других в лучшем случае ими было обеспечено батальонное звено, в среднем приходилось по 2–4 кадровых офицера на полк¹¹. Ротами (а во множестве случаев и батальонами) повсеместно командовали офицеры военного времени, многие из которых стали поручиками и штабс-капитанами, а некоторые даже и капитанами (в подполковники офицеры военного времени как не получившие полного военного образования не могли производиться). С начала войны в пехотных частях сменилось от 300 до 500% офицеров, в кавалерии и артиллерии — от 15 до 40%¹².

В результате наиболее распространенный тип довоенного офицера — потомственный военный (во многих случаях и потомственный дворянин), носящий погоны с десятилетнего возраста, пришедший в училище из кадетского корпуса и воспитанный в духе безграничной преданности престолу и отечеству, — практически исчез. В кавалерии, артиллерии и инженерных войсках (а также на флоте) положение было лучше. Во-первых, вследствие относительно меньших потерь в этих родах войск и, во-вторых, потому что соответствующие училища комплектовались все годы войны выпускниками кадетских корпусов в наибольшей степени. Это обстоятельство, как мы увидим впоследствии, очень ярко сказалось на поведении офицеров кавалерии, артиллерии и инженерных войск во время гражданской войны. Однако эти рода войск вместе взятые составляли крайне незначительную часть армии.

Надо сказать, что во время войны офицерский корпус пополнился и выходцами из старых потомственных военных семей, которые в мирное время (вследствие описанной выше тенденции ослабления интереса части представителей таких семей к военной службе) не были бы офицерами. Эти люди — часто выпускники и учащиеся лучших гражданских учебных заведений — Александровского Лицея и Училища Правоведения — почти поголовно (из годных по здоровью) во время войны стали офицерами¹³. Они, не будучи кадровыми офицерами, сохраняли, тем не менее, представления и понятия соответствующей среды и сравнительно мало в этом смысле отличались от офицеров довоенного времени¹⁴. Но в общей массе некадрового офицерства они составляли очень небольшую часть.

Из кого же состоял в результате к 1917 году офицерский корпус? Можно констатировать, что он в общем соответствовал сословному составу населения страны. До войны (1912 г.) 53,6% офицеров (в пехоте — 44,3%) происходили из дворян, 25,7% — из мещан и крестьян, 13,6% — из почетных граждан, 3,6% — из духовенства и 3,5% — из купцов. Среди же выпускников военных училищ военного времени и школ прапорщиков доля дворян никогда не достигает 10%, а доля выходцев из крестьян и мещан постоянно растет (а большинство прапорщиков было произведено именно в 1916–1917 гг.). Свыше 60% выпускников пехотных училищ 1916–1917 гг. происходило из крестьян¹⁵. Ген. Н.Н. Головин свидетельствовал, что из 1000 прапорщиков, прошедших школы усовершенствования в его армии (7-й), около 700 происходило из крестьян, 260 из мещан, рабочих и купцов и 40 из дворян¹⁶.

Офицерский корпус к этому времени включал в себя всех образованных людей России, поскольку практически все лица, имевшие образование в объеме гимназии, реального училища и им равных

учебных заведений и годные по состоянию здоровья, были произведены в офицеры. Кроме того, в составе офицерского корпуса оказалось несколько десятков тысяч людей с более низким уровнем образования. После февральского переворота были к тому же отменены всякие ограничения (касавшиеся иудаистов) и по вероисповедному принципу (с 11 мая 1917г., когда начались выпуски поступивших в учебные заведения после февраля, было выпущено 14700 человек из военных училищ и 20115 из школ прапорщиков, а всего произведено около 40 тыс. офицеров)¹⁷. При столь огромном количественном росте офицерский корпус не мог не наполниться и массой лиц не просто случайных (такими было абсолютное большинство офицеров военного времени), но совершенно чуждых и даже враждебных ему и вообще российской государственности. Если во время беспорядков 1905—1907 гг. из 40 тысяч членов офицерского корпуса, спаянного единым воспитанием и идеологией, не нашлось и десятка отщепенцев, примкнувших к бунтовщикам, то в 1917г. среди почти трехсоттысячной офицерской массы оказались, естественно, не только тысячи людей, настроенных весьма нелояльно, но и многие сотни членов революционных партий.

Социальную свою специфику офицерский корпус, таким образом, полностью утратил. Качественный его уровень катастрофически упал:

прапорщики запаса и абсолютное большинство офицеров ускоренного производства были по своей сути совсем не военными людьми, а производимые из унтер-офицеров, имея неплохую практическую подготовку и опыт войны, не обладали ни достаточным образованием, ни офицерской идеологией и понятиями. Однако поскольку традиции воинского воспитания в военно-учебных заведениях не прерывались, нельзя сказать, чтобы офицерство радикально изменилось по моральному духу и отношению к своим обязанностям. Подавляющее большинство офицеров военного времени не менее жертвенно выполняли свой долг, чем кадровые офицеры, и гордились своей принадлежностью к офицерскому корпусу. Как вспоминал один из них: «Подумать только — большинство из нас — народные учителя, мелкие служащие, небогатые торговцы, зажиточные крестьяне... станут «ваше благородие»... Итак, свершилось. Мы — офицеры... Нет-нет да и скосишь глаз на погон. Идущих навстречу солдат мы замечаем еще издали и ревниво следим, как отдают они честь»¹⁸. Часто это чувство у людей, едва ли могших рассчитывать получить офицерские погоны в обычных условиях, было даже более обостренным, и нежелание с ними расставаться дорого обошлось многим из них после большевистского переворота. При этом, как отмечал Н.Н. Головин, вследствие больших возможностей устроиться в тылу «в состав младших офицеров войсковых частей действующей армии приходил только тот интеллигент, который устоял от искушения «окопаться в тылу»; таким образом, в среде молодых поколений нашей интеллигенции создавался своего рода социальный отбор наиболее патриотично и действительно настроенного элемента, который и собирался в виде младших офицеров действующей армии»¹⁹.

Офицерский корпус, служивший основой российской государственности, после большевистского переворота стал, естественно, ядром сопротивления антинациональной диктатуре. Среди тех, кто с самого начала принял участие в этой борьбе, представители его (вместе с потенциальными его членами — кадетами и юнкерами) составляли до 70–80%²⁰. Характерно, что поведению офицерства в эти годы были вынуждены отдать должное и представители кругов, традиционно относившихся к нему без какого-либо пиетета. В одной из брошюр, появившихся сразу после окончания войны, есть, например, такие строки:

«Я, как и все поколение 900-х годов, был воспитан если не в прямом презрении, то в холодном пренебрежении к офицерству... Я стал презирать в 1917 г. и окончательно упала пелена с моих глаз, когда мне выпало счастье провести несколько дней в боевой обстановке. Русские офицеры! Будет время, и не поверят потомки, что могли существовать на грешной земле люди во всем, казалось бы, похожие на нас, с такой же плотью и кровью, а на самом деле возвышающиеся над нами, как вершина Монблана возвышается над долиной Роны... В 17 году их топили, варили в пару, бросали в пылающую нефть свои же братья в Кронштадте, Севастополе, Владивостоке; с 1918 большевики сдирают кожу с их рук и черепов, вырезают им лампасы на теле, прибавают гвоздями погоны к плечам, насилюют их жен и дочерей, расстреливают малолетних детей; недавно добрые союзники бросили их на какую-то турецкую свалку и осудили на голодную смерть — и все-таки ничего нельзя поделаться с Максим Максимычами и Тушинными, хотя жатвенная машина смерти десятки раз прошла над их непреклонными головушками. Не падают духом и просят об одном: «Не мешайте нам сохранить горсточку солдат, они еще пригодятся России»... Геройство без рисовки, страдание без жалоб, терпение без конца, самопожертвование без позы, патриотизм без фразы — вот русский офицер, каким нам

показали его 1917—1921 годы. Средний русский офицер — аполитичен, он только национален. Он, молчавший, он, действовавший, поможет нам вернуть родину, а не ученые дрозды, до головной боли насвистывающие одну и ту же фальшивую партийную песенку»²¹.

Трагическая судьба и статистика

Судьбы офицеров складывались различным образом — в значительной мере в зависимости от места проживания и семейного положения. Рассматривая их, можно выделить следующие три группы:

погибшие в годы гражданской войны, в т.ч. а) расстрелянные большевиками в ходе красного террора, б) погибшие в составе белых армий, в) мобилизованные большевиками и погибшие во время нахождения на советской службе; эмигрировавшие, в т.ч. а) с белыми армиями в 1919–1922 гг., б) самостоятельно, начиная с весны 1917 г.;

оставшиеся в СССР, в т.ч. а) расстрелянные непосредственно после гражданской войны, б) расстрелянные в ходе репрессий 1928–1931 годов, в) уцелевшие к середине 1930-х годов.

Систематического изучения судеб российского офицерства никогда не проводилось. Такое исследование предполагает составление базы данных на всех его представителей, живших к концу 1917г. Проведение его, в принципе, вполне посильно (в настоящее время, например, составлена неполная база данных на лиц, служивших в офицерских и классовых чинах в императорской России, охватывающая свыше 500 тыс. чел.), но потребует обработки слишком большого круга весьма различных источников. Пока же даже приблизительный количественный анализ судеб представителей служилого сословия вызывает большие затруднения, поскольку только по некоторым из перечисленных выше групп имеются данные, позволяющие составить общее представление об их численности, а о доле остальных остается судить по «остаточному» принципу. Некоторым подспорьем является база данных на участников Белого движения в России (к настоящему времени около 170 тыс. чел.), позволяющая составить представление о доле погибших и эмигрировавших офицеров и чиновников. Ниже будет сделана попытка обобщить некоторые имеющиеся данные.

Офицерство стало, естественно, главным объектом красного террора. Наиболее массовые убийства (помимо регулярных расстрелов в Москве, Петрограде и губернских городах) имели место в начале 1918 г. в Крыму (не менее 3 тыс. чел.), в Одессе, Донской области и в Киеве (около 5 тыс. чел., главным образом офицеров)²². Анализ списков расстрелянных в 1918–1919 годы в различных городах свидетельствует, что его представители составляли огромное большинство жертв, не говоря уже о ставших жертвами толпы и самочинных расправ в конце 1917 — начале 1918 г. Встречаются сведения, что из 1,7–1,8 млн. жертв террора офицеры составили 54 тыс. (включая, очевидно, и расстрелянных сразу после гражданской войны)²³.

На судьбы офицерства оказывал влияние целый ряд обстоятельств:

нахождение в конце 1917 — начале 1918 г. еще значительной их части на разложившемся фронте, а части в плену в Германии и Австрии. Большинство офицеров стремилось пробраться к своим семьям, чтобы хоть как-то обеспечить их существование. Семьи кадровых офицеров проживали в это время в абсолютном большинстве там, где располагались до войны их воинские части. Подавляющее большинство их стояло в губернских городах центральной России, находившихся под властью большевиков. (Это обстоятельство, кстати, послужило главной причиной, по которой большевики смогли впоследствии мобилизовать столь значительное число офицеров.) Практически все штабы и управления, равно как и разного рода военные организации, также располагались в столицах и крупнейших городах. Большинство интеллигенции, из которой в значительной части происходили офицеры военного времени, также проживало там. Поэтому естественно, что именно в них (и прежде всего в центрах военных округов — Петрограде, Москве, Киеве, Казани, Тифлисе, Одессе, Омске, Иркутске, Ташкенте) скопилось наибольшее количество офицеров. Хотя цифры по конкретным городам называются разные, но порядок их примерно одинаков. В Москве насчитывалось до 50 тыс. офицеров;

на конец октября называется та же цифра около 55 тыс. и много незарегистрированных²⁴ — или 56 тыс.²⁵), в Киеве - 40 тыс., в Херсоне и Ростове — по 15 тыс., в Симферополе, Екатеринодаре, Минске - по 10 тыс. и т.д.²⁶ По другим данным, в Киеве было 19,5 тыс. офицеров, в Пскове 10 тыс., в Ростове 9,5 тыс.²⁷ По третьим — в Киеве 35–40 тыс., в Херсоне — 12 тыс., Харькове - 10 тыс., Симферополе — 9 тыс., Минске — 8 тыс., Ростове около 16 тыс.²⁸

Наибольшее число офицеров и военных чиновников служило в белых формированиях и учреждениях на Юге России (в т.ч. в добровольческих формированиях 1918 г. на Украине). Общее число офицеров, убитых в белой армии на Юге, можно определить, исходя из потерь основных доброволь-

ческих частей. Численный состав Корниловской, Марковской, Дроздовской дивизий был примерно одинаков. Потери убитыми корниловцев и дроздовцев исчисляются в 14 и 15 тыс. чел., причем для корниловцев известно точное число офицеров — 5,3 тыс.²⁹ Потери марковцев несколько ниже, но зато в марковских частях была выше доля офицеров (в корниловских и дроздовских она была одинакова), причем изначально, в 1918 г., когда потери были наибольшими, это были чисто офицерские части. Таким образом, в рядах этих трех «цветных» дивизий погибло примерно 15 тыс. офицеров. С алексеевцами и другими добровольческими частями (численность которых, вместе взятых, равна каждой из трех дивизий) — 20 тыс. Гвардейские и кавалерийские полки Императорской армии, возрожденные на Юге, потеряли по 20–30 офицеров, т.е. всего примерно 2 тыс. В других пехотных частях ВСЮР (Вооруженных Сил Юга России) и Русской Армии офицеров было относительно немного, как и в казачьих войсках. Очень сильно насыщены офицерами были артиллерийские, бронепоездные и другие технические части (от трети до половины состава), но они несли сравнительно меньшие потери. Поэтому общее число убитых офицеров едва ли превысит 30 тыс. С потерями от болезней — до 35–40 тысяч.

В первый период войны — практически в течение всего 1918 г. — в плен обычно не брали, особенно офицеров. В дальнейшем, особенно после того как начались мобилизации офицеров в Красную Армию, тех, кто не был после пленения сразу же убит, стали иногда отправлять в тыл, а некоторых даже пытались привлечь на службу в красные части, но до осени 1919 г. речь может идти лишь о нескольких десятках человек. Однако довольно много попало в плен в начале 1920 г. при агонии белого фронта на Юге. Хорошо известны трагические последствия бездарно проведенных эвакуации Одессы и Новороссийска, в которых скопились почти все отходящие белые части. В Одессе, в частности, попало в плен около 200 офицеров³⁰, много их было захвачено в Екатеринодаре; при эвакуации Новороссийска в плену оказалось по данным красного командования 2,5 тыс. офицеров³¹. Некоторые потери пленными были в ходе весенне-осенней кампании 1920 г. В общей сложности на Юге России в плен попало к осени 1920 г. около 7 тыс. офицеров.

В Крыму при Врангеле насчитывалось всего 50 тыс. офицеров. Из примерно 150 тыс. эвакуированных было около 70 тыс. военнослужащих, и это вполне согласуется с тем, что в армейских лагерях, после того как все сверхштатные штаб-офицеры, больные, раненые и престарелые были отпущены из армии, разместилось 56,2 тыс. чел., из которых офицеров могло быть до 15–20 тыс. (учитывая, что к 1925 г., когда в армии осталось 14 тыс., офицеров из них было 8 тыс.). Отпущено в Константинополе было, следовательно, 14 тыс. — в большинстве офицеров. Проведенная осенью 1922 г. перепись офицеров, зафиксировала примерно 10 тыс. офицеров — почти все из служивших на Юге России, но не бывших в рядах армии после ноября 1920 г.³² Всего, стало быть, из Крыма эвакуировалось до 30 тыс. офицеров, и около 20 тыс. осталось в Крыму. Кроме того, после эвакуации Одессы и Новороссийска за границей осталось около 15 тыс. офицеров и около 3 тыс. нелегально вернулись в Россию³³.

Судьбы офицерства белых армий, исходя из приведенных выше данных и подсчетов по имеющейся базе данных по персоналиям (около половины всех белых офицеров), можно приблизительно представить следующими цифрами. На Юге России в Белом движении приняло участие примерно 115 тыс. офицеров, из которых 35–40 тыс. погибло, до 45 тыс. эмигрировало (15 тыс. до осени 1920 г. и 30 тыс. из Крыма), и до 30 тыс. (около 7 тыс. пленных до осени 1920 г., около 20 тыс. оставшихся в Крыму и около 3 тыс. вернувшихся в 1920 г.) осталось в России. На Востоке воевало 35–40 тыс. офицеров, из которых погибло до 7 тыс. (примерно 20%), столько же эмигрировало, а большинство осталось на советской территории. На Севере из 3,5–4 тысяч офицеров погибло не менее 500, осталось (попало в плен) 1,5 тыс. (свыше трети), а половина эмигрировала (в большинстве до начала 1920 г.). На Западе страны в белых войсках (Северо-Западная армия, Русская Западная армия Бермондта-Авалова и формирования в Польше) участвовало в общей сложности около 7 тыс. офицеров, из которых погибло не более 1,5 тыс. (ок. 20%), а подавляющее большинство (здесь не было проблем с эвакуацией) оказалось за границей, на советской же территории осталось менее 10%. Из участников антисоветского подполья (приблизительно 7 тыс. офицеров, не считая тех, кто потом воевал в белых армиях) удалось уцелеть и выбраться за границу лишь немногим (не более 400–500 чел.). Таким образом, из примерно 170 тыс. офицеров, участвовавших в Белом движении, около 30% (50–55 тыс. чел.) погибло, до 58 тыс. оказалось в эмиграции и примерно столько же осталось на советской территории.

Таким образом, на Южном фронте антибольшевистской борьбы (Добровольческая и Донская армии, ВСЮР, Русская Армия) воевало около 68% всех офицеров-белогвардейцев, на Востоке — свыше 22%, на Севере — 2,5% на Западе и в подпольных организациях — по 4%. Юг дает до 73% всех погибших, Восток — около 13%, подполье — до 12%, Запад — менее 3% и Север около 1%. Среди белых офицеров-эмигрантов на Юге воевало примерно 78%, на Востоке — более 10%, на Западе около 7% и на Севере чуть более 3%. Из оставшихся в России на Юг приходится немногим более половины, на Восток — свыше 40%, на Север 2—3% и на Запад — менее 2% всех белых офицеров. Под «оставшимися в России» имеются в виду как попавшие в плен, так и оставшиеся на советской территории и растворившиеся среди населения. Подавляющее большинство их также погибло, будучи расстрелянными сразу, как в Крыму или на Севере (где они были истреблены за несколько месяцев почти поголовно) или в последующие годы.

Несколько тысяч офицеров (в основном местные уроженцы) служили в армиях возникших на окраинах России государств — до 3 тыс. в украинской, несколько тыс. в польской, по несколько сот в литовской, латышской, эстонской, по 1—1,5 тыс. в финляндской, армянской, грузинской и азербайджанской. Служившие в армиях государств, сохранивших независимость, естественно, остались за границей, из служивших в петлюровской армии эмигрировала примерно половина, но из служивших в закавказских армиях абсолютное большинство осталось в СССР.

Большевиками на 1.09.1919 г. было мобилизовано 35502 бывших офицера, 3441 военный чиновник и 3494 врача, всего же с 12 июля 1918 по 15 августа 1920 г. — 48409 бывших офицеров, 10339 военных чиновников, 13949 врачей и 26766 чел. младшего медперсонала³⁴, т.е. 72697 лиц в офицерских и классовых чинах. Кроме того, некоторое число офицеров поступило в армию до лета 1918 г., а с начала 1920 г. была зачислена и часть пленных офицеров белых армий, каковых в 1921 г. было учтено 14390 человек (из них до 1.01.1921 г. — 12 тыс.)³⁵. Цифра в 8 тыс. добровольцев, которая столь широко распространена в литературе, — вполне мифическая и не подтверждается никакими реальными данными³⁶. Тем более что речь идет о лицах, предложивших свои услуги до Брестского мира с единственной целью противодействия германскому нашествию, которые после марта в большинстве ушли или были уволены³⁷. Но, во всяком случае, до мобилизации 2—3 тысячи офицеров могло служить у большевиков. Цифры призыва — 48,5 тыс., равно как и 12 тыс. бывших — белых офицеров — следует признать вполне достоверными как основанные на документальных списочных данных. Но ими практически и исчерпывается весь состав когда-либо служивших у большевиков офицеров, т.к. даже приняв во внимание несколько тысяч добровольцев, всего служило не более 63—64 тыс. офицеров и более 24 тыс. врачей и военных чиновников. К концу войны офицеров никак не могло быть более этого числа, ибо несколько тысяч перешло к белым и погибло, а состояло в армии в это время, как и указывается в ряде работ, 70—75 тыс. чел. вместе с врачами и чиновниками. Офицеров в этом случае должно быть примерно 50 тыс., что вполне реально отражает потери. В общей сложности из числа служивших у красных офицеров погибло не более 10 тыс. человек.

Таким образом, из общего числа офицеров русской армии примерно 170 тыс. (около 62%) воевало в белых армиях, у большевиков (без учета взятых в плен бывших белых) — 50—55 тыс. (около 20%), в армиях новообразованных государств — до 15 тыс. (5—6%) и более 10% (свыше 30 тыс.) не участвовало в гражданской войне — главным образом по той причине, что в подавляющем большинстве (свыше 2/3 «не участвовавших») они были истреблены большевиками в первые месяцы после развала фронта (конец 1917 — весна 1918 гг.) и в ходе красного террора. Во время гражданской войны погибло 85—90 тыс. офицеров. Свыше 60% этого числа (50—55 тыс. чел.) приходится на белые армии, свыше 10% (до 10 тыс. чел.) — на красную, 4—5% — на национальные и 22—23% (около 20 тыс. чел.) — на жертвы антиофицерского террора. В эмиграции оказалось примерно 70 тыс. офицеров, из которых до 83% — эвакуировались с белыми армиями (58 тыс. чел.), до 10% служили в армиях новообразованных государств, а остальные не участвовали в войне (в подавляющем большинстве это не вернувшиеся в Россию из-за революции бывшие пленные мировой войны и офицеры русских частей во Франции и на Салоникском фронте). На советской территории в общей сложности осталось около 110 тыс. офицеров. До 53% (57—58 тыс. чел.) из них служили в белых армиях (включая тех, что после плена служили в красной), чуть больше 40% (45—48 тыс. чел.) служили только в Красной Армии и остальные 7—8% примерно поровну делятся на тех, кто служил в петлюровской и закавказских армиях и кому удалось вовсе уклониться от военной службы.

В общей сложности в 1914—1922 гг. офицерские погоны носило примерно 310 тысяч человек. В округленных цифрах: 40 тыс. (около 13%) из них были кадровыми офицерами к началу мировой вой-

ны, еще примерно столько же были призваны из запаса, 220 тыс. (71%) подготовлено за войну и до 10 тыс. (чуть больше 3%) произведено в белых армиях. Из этого числа 24 тыс. (около 8%) погибло в Мировую войну, до 90 тыс. (около 30%) — в гражданскую (до эвакуации белых армий), 70 тыс. (22–23%) оказалось в эмиграции и 110 тыс. (35–36%) — на советской территории. Остается еще добавить, что из оставшихся в России (а также вернувшихся из эмиграции, откуда за все время с 1921 г. возвратилось примерно 3 тыс. офицеров) от 70 до 80 тысяч было расстреляно или погибло в тюрьмах и лагерях в 20—30-е годы (от трети до половины этого числа приходится на 1920–1922 гг. — главным образом в Крыму и Архангельской губернии).

В конце 20–х годов, когда положение советской власти окончательно упрочилось, она перешла к политике решительного вытеснения представителей старого офицерства из Красной Армии. 1928–1932 гг. ознаменованы, как известно, массовыми репрессиями и повсеместной травлей «спецов» во всех сферах. В огромной степени это коснулось и военной сферы, именно тогда по делу «Весна» было уничтожено абсолютное большинство служивших большевикам кадровых офицеров. Известная «чистка» аппарата государственных органов, кооперативных и общественных организаций, начатая в 1929 г., способствовала удалению почти всех офицеров и из этих учреждений. Характерно, что списки таких лиц, объявлявшиеся для всеобщего сведения, включали в подавляющем большинстве именно бывших чиновников и офицеров³⁸. В результате этих мер к середине 30–х годов с остатками дореволюционного офицерства, оставшимися еще в СССР, было практически полностью покончено. Отдельные его представители, еще бывшие в живых и даже, как исключение, на советской службе, не представляли собой ни социального слоя, ни даже особой группы.

Процесс истребления и распыления российского служилого сословия (офицеров и чиновников) сопровождался таким же процессом уничтожения всего социального слоя, служившего «питательной средой» — наиболее обычным поставщиком кадров для него. Сколько-нибудь полные подсчеты потерь численности входящих в этот слой социальных групп не производились, но исследование, например, родословных росписей нескольких десятков дворянских родов показывает, что численность первого послереволюционного поколения (даже с учетом того, что к нему причислены и лица, родившиеся, но не достигшие совершеннолетия до 1917 г., т.е. в 1900–х годах) составляет в среднем не более 30–40% последнего дореволюционного. Среди живших к моменту революции доля погибших в 1917–1922 годах и эмигрировавших в среднем не опускается ниже 60–70%, а среди мужчин часто составляет до 100%. Можно констатировать, что искоренение российского служилого сословия в революционные и последующие годы носило радикальный характер, существенно превышая, в частности, показатели французской революции конца XVIII века.

Возрождение на исторических основаниях

Формальное восстановление российской государственности объективно поставило на повестку дня вопрос о возрождении офицерского корпуса на национально-государственных основаниях. Однако пока что в этом направлении практически ничего не сделано, более того, идея эта наталкивается на ряд объективных и субъективных препятствий.

Связь с национально-государственной традицией исторической России за 80 лет была полностью утрачена. Если учесть полярную разницу в самооощущении, идеологии, уровне общей культуры и характере образования, то вопрос о наследовании советским комсоставом «традиций русского офицерства» (о которых стало модно говорить после введения погон в 1943 г.) покажется просто неуместным, а никакого иного офицерского состава пока не имеется. Во всяком случае, для того, чтобы создать нечто подобное прежнему офицерству, заимствования некоторых внешних атрибутов совершенно недостаточно. Его и невозможно создать, не возвратив офицерскому корпусу того престижа и положения, которое он когда-то занимал в обществе. В советский период высокая степень милитаризации страны, как ни парадоксально, губительно сказалась на статусе офицерского корпуса. Когда в офицерские чины производится огромное число лиц, не имеющих к армии прямого отношения, состоящих на должностях, какие в России не замещались не то что офицерами, но даже и военными чиновниками, то утрачивается сама специфика офицерского звания и положения офицера в обществе. А огромное количество генеральских и полковничьих должностей и качество находящихся на них лиц привели к сильной девальвации офицерских чинов. Наконец, то невиданное шельмование, которому в 1989–1993 годах подвергалась армия как таковая, нанесло ощутимый удар престижу офицерской профессии, низведя ее до такого низкого уровня, которому даже трудно подобрать аналоги в мировой истории. Произошла очевидная утрата в обществе понятий о чести и достоинстве офицерского кор-

пуca, причем дело было не столько в самих офицерах, сколько в создаваемых обстоятельствах их службы и общей морально-политической дезориентации.

Распад страны и низведение ее остатков до положения второстепенного и полузависимого объективно до такой степени препятствовали росту популярности офицерской профессии, что никакие меры по повышению благосостояния военнослужащих (тем более, не очень эффективные в условиях тяжелого экономического положения) не могли исправить ситуацию. Положение офицера по самому существу своему глубоко «идеологично». Офицер не может воспитываться иначе, как в представлениях о благородстве и почетности своей миссии, в осознании своей высокой роли в жизни государства. Как говорилось в одном из дореволюционных наставлений, «офицерское сословие есть благороднейшее в свете, так как его члены не должны стремиться ни к выгоде, ни к приобретению богатства или других земных благ, но должны оставаться верны своему высокому, святому призванию, руководствуясь во всем требованиями истинной чести и сосредоточивая все мысли и чувства на самоотверженной преданности своим высшим начальникам и отечеству». Для того, чтобы ощущать гордость за свою профессию, офицер прежде всего должен видеть в ней некоторый высший смысл, а не просто изыскание средств к существованию. Офицер по самой природе своей профессии нуждается в четких и ясных ориентирах, он должен быть уверен, что за его спиной стоит власть, которая воплощает интересы страны и которая ни при каких обстоятельствах не даст в обиду его — первейшего защитника этих интересов. Только тогда он свободен от забот о выживании своей семьи и недостижим для разного рода шкурных соблазнов.

В последнее время в этом отношении наметились, правда, некоторые сдвиги, которые, собственно, и дают повод говорить о возможности воссоздания российского офицерства. Нельзя не отметить ряд обнадеживающих факторов. Во-первых, отказ от чуждых исторической России и национально-государственным интересам страны идеологических стереотипов сделал теоретически возможным прямое обращение к опыту и образцам исторической российской государственности и ее военной организации. Во-вторых, с утверждением курса на восстановление положения России как великой державы появляется и объективная заинтересованность государственной власти в возрождении армии и, следовательно, прежде всего ее офицерского корпуса. Затем, в настоящее время имеется уже немало офицеров, ощущающих потребность и искренне стремящихся быть продолжателями и наследниками российского офицерства. Наконец, сокращение количественного состава армии создает объективные предпосылки для более тщательного отбора кандидатов в офицеры и улучшения качественного состава офицерского корпуса.

Представляется несомненным, что формирование офицерского корпуса новой России необходимо будет начать с установления места его в государственной и общественной системе страны, с создания юридических рамок, очерчивающих положение офицерства. Это способствовало бы выстраиванию системы льгот и преимуществ, позволяющих обеспечить отбор в военные училища на конкурсной основе при максимальном числе кандидатов на каждое место. Как отмечалось выше, важнейшей чертой офицерства исторической России был его корпоративный характер, обеспечивавший высокую степень сплоченности и офицерского самосознания. И действительно, офицерский корпус должен образовать свою, особую корпорацию и быть четко отграничен по статусу от других категорий военнослужащих, ни в коем случае не сливаясь с ними в общую массу людей в военной форме. Он не должен включать в себя слишком большое число людей, чей род занятий не отличается от гражданских профессий: результатом этого стал бы гипертрофированный численный рост офицерства и, как следствие, утрата специфического духа и мироощущения.

В этой связи представляется чрезвычайно вредной тенденция (*особенно* проявившаяся в связи с идеей создания контрактной армии) растворения офицерства во всей массе военнослужащих, нивелирование отличия офицеров от сержантского и рядового сверхсрочнослужащего состава. Во многом это связано с одно время широко распространенным стремлением слепо заимствовать порядки и представления о прохождении службы, присущие американской армии. Хотя трудно себе представить воинские традиции, более отличные от российских и наименее соответствующие условиям страны, чем американские. Однако США, по крайней мере, в состоянии создать своим военным достаточно высокий материальный стимул, чтобы компенсировать все остальное.

Для привлечения и сосредоточения в составе офицерского корпуса лучшей части «человеческого материала» необходимо закрепить за ним особое положение в обществе. Этим, а также потребностями воспитания корпоративного духа и офицерского самосознания диктуются безусловная необходимость юридического выделения офицерского корпуса в особый институт, члены которого должны

обладать совокупностью прав, отличающих их не только от остального населения, но и от других категорий военнослужащих. Для этого существует ряд объективных предпосылок, важнейшей из которых, между прочим, является очень высокая степень наследственности офицерской профессии. По существу речь идет о том, чтобы де-юре закрепить и развить положение, существующее де-факто, предоставив, например, выходцам из офицерских семей преимущественное право на поступление в военно-учебные заведения, и т.д.

Подобно тому как несколько лет назад в России на новой юридической основе фактически было воссоздано казачье «сословие», возможно поставить вопрос и о закреплении особого статуса и за офицерством. Не случайно в последние годы поднимался и вопрос о восстановлении на основе офицерской службы «нового дворянства». В частности было опубликовано письмо полковника, в котором говорилось: «Служение Родине для меня и многих моих коллег является смыслом жизни. Мы всегда глубоко уважали такие понятия, как благородство, патриотизм, слово офицера. Считаю, что современные российские офицеры могли бы сегодня с достоинством и честью носить почетное звание дворянина. Восстановление этой вековой исторической традиции позволило бы поднять авторитет и престиж Российской Армии, а в возрождающееся дворянское сословие вдохнуть свежую струю, пополнив его ряды надежными, преданными Родине людьми». Этой проблеме была посвящена и статья в одном из органов Российского Дворянского Собрания, в которой были рассмотрены возможные конкретные пути восстановления практики аноблирования с учетом традиций исторической России и отмечалось, что для того чтобы оправдывать такое свое особое положение в обществе, офицерский корпус должен действительно состоять из лиц, уровень общей культуры которых если не выше, то уж во всяком случае не ниже, чем у гражданских интеллигентов, из лиц, которые должны обладать соответствующим самосознанием и мировоззрением⁴⁰. Как бы там ни было, но меры по коренному изменению общественного положения и престижа офицерства неразрывно связаны с реформированием российской армии, и если последняя будет, наконец, поднята с колен, то, по всей вероятности, и офицерство неизбежно займет соответствующее положение в обществе и будет играть видную роль в жизни страны.

Примечания

1. Терпигорев С.Н. Оскудение: очерки помещичьего разорения. - СПб., 1881. - С. 68.
2. Трубецкой С.Е. Минувшее. - М., 1991. - С. 145.
3. Волков С.В. Русский офицерский корпус. - М., 1993. - С. 223.
4. Режепо П.А. Офицерский вопрос. - СПб., 1909. - С. 18–19.
5. Волков С.В. Русский офицерский корпус. - С. 273.
6. Россия в мировой войне 1914–1918 гг. В цифрах. - М., 1925. - С. 31
7. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1922 гг. - М., 1988. - С. 28.
8. Иногда округленно численность офицерского корпуса оценивается в 300 тыс. (Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1918–1920 годов. Т.1. - Париж. 1962. - С. 20. 124; Елисеев Ф.И. Лабинцы и последние дни на Кубани //Вестник первопоходника (Лос-Анджелес). - № 43. - С. 28). Встречаются мнения о 320 тыс. (Еленевский А. Военные училища в Сибири //Военная Быль (Париж). - № 61 - С. 26) 400 тыс. (Сербии Ю.В. Генерал В.Л. Покровский // Вестник первопоходника. - № 25. - С. 9) и даже 500 тыс. офицеров (Николаев К.Н. Первый Кубанский поход //Вестник первопоходника. - № 29. - С. 24; Зиновьев Г.Е. Армия и народ: Советская власть и офицерство. - Пг., 1920. - С. 12) но либо в этом случае имеется в виду численность с чиновниками и врачами, либо это просто недоразумение. Примерно к таким же выводам приходит А. Зайцев; исходя из того, что на 1 мая 1917 г. в действующей армии состояло налицо 136,6 и по списку 202,2 тыс. офицеров, следовательно, в тылу еще по крайней мере 37 тыс. (при том же соотношении 1:50 солдат), плюс 13 тыс. в плену на август 1918 г. и 40, 5 тыс. раненых, контуженных и отравленных газами, он определяет минимальную численность офицеров в 200, а более реальную — в 250 тысяч (Зайцев А.А. 1918 год. - Гельсингфорс, 1934. - С. 183). Цифру 250 тыс. называет и Н.Н. Головин (Головин Н.Н. Российская контрреволюция. Кн. 1. - Ревель, 1937. - С. 85). Эту же цифру принимает и А.Г. Кавтарадзе (Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты. - С. 28). причем не включает сюда не вернувшихся к тому времени в строй (в т.ч. и пленных). В советской

литературе приводятся цифры 240 тыс. (Спирин Л.М. В.И. Ленин и создание советских командных кадров // Военно-исторический журнал. - 1965. - № 4. - С. 11) и 275–280 тыс. (Буравченков А.А. Офицерский корпус русской армии накануне Октябрьской революции // Интеллигенция и революция, XX век. - М., 1985. - С. 147).

9. См.: Гаврилов Л.М. О численности русской армии в период февральской революции // История СССР. - 1964. - № 2; Гаврилов Л.М., Кутузов В.В. Перепись русской армии 25.X.1917 г. // История СССР. - 1972. - № 3.
10. Доценко В.Д. Эхо минувшего // Н.З. Кадесников. Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом. - Л., 1991. - С. 6; Березовский Н.Ю. Военспецы на службе в красном флоте // Военно-исторический журнал. - 1996. - № 2. - С. 54.
11. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.1. ч.2. - Париж-Берлин, 1921. - С. 49.
12. Гиацингов Э. Записки белого офицера. - М., 1992. - С. 253.
13. Из выпускников Александровского Лицея 1914–1917 годов офицерами стали 139 из 182, Училища Правоведения — 110 из 147.
14. Свидетельством этого является, например, поступок штабс-ротмистра гр. Н.Н. Армфельта. После развала армии он находился в Киеве. При начавшихся там в январе 1918 г. расправах с офицерами он мог не опасаться за свою жизнь, поскольку, будучи уроженцем Финляндии, имел финский паспорт и носил штатскую одежду. Но когда в гостинице, где он жил, были схвачены проживавшие там офицеры, в том числе его сослуживцы по л.-гв. Кирасирскому Ее Величества полку, не задумываясь, пожелал разделить их участь и был расстрелян вместе с ними. (См.: Пашенный Н. Императорское Училище Правоведения в годы мира, войны и смуты. - Мадрид, 1967 - С. 397–398.)
15. Осипов А. К 65–й годовщине начала Белого движения // Часовой (Брюссель). - № 641. - С. 20.
16. Головин Н.Н. Российская контрреволюция. Кн. 1. - С. 85.
17. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты. - С. 25–26.
18. Герасимов М.Н. Пробуждение. - М., 1965. - С. 250.
19. Головин Н.Н. Российская контрреволюция. Кн.1. - С. 86.
20. Именно такой состав имела на первых порах Добровольческая армия и аналогичные ей формирования на других фронтах (из 3683 участников Первого Кубанского похода к этой категории относилось более 3 тыс., на Востоке осенью 1918 г. из 5261 штыков Среднесибирского корпуса офицерами были 2929 и т.д.).
21. Горелов М. На реках Вавилонских // Новый Журнал (Нью-Йорк). - № 183. - С. 207–209.
22. По сведениям Украинского Красного Креста общее число жертв там исчисляется в 5 тыс. чел., из коих большинство — до 3 тысяч, офицеров (Стефанович М.Л. Первые жертвы большевицкого массового террора (Киев — январь 1918 г.) // Часовой. - № 502. - С. 15–16). Называются также цифры: в 2 тыс. (Мельгунов С.П. Красный террор в России. - М., 1990. - С. 46; Доклад Центрального Комитета Российского Красного Креста // Архив Русской Революции. Т. VI. - Берлин, 1924. - С. 340), около 5 тыс.
23. (Матасов В.Д. Белое движение на Юге России. 1917–1920 годы. Монреаль, 1990. - С. 59) и даже 6 тыс. погибших офицеров (Розеншильд-Паулин В. Участие в Белом Движении. Жизнь за рубежом // Гоштовт Г.А. Кирасиры Его Величества в Великую войну. Т. 3. - Париж, б.г. - С. 131).
24. Мельгунов С.П. Красный террор в России. - М., 1990. - С. 87–88.
25. Нестерович-Берг М.А. В борьбе с большевиками. Воспоминания. - Париж, 1931. - С. 39.
26. Маментов С. Походы и кони. - Париж, 1981. - С. 53.
27. Николаев К.Н. Первый Кубанский поход // Вестник первопоходника. - № 29. - С. 24.
28. Еленевский А. Перечисление войсковых частей Поволжья и Сибири в 1918–1919 годах // Военная Быль. - № 89. - С. 38.
29. Поляков И. Донские казаки в борьбе с большевиками // Вестник первопоходника. - № 6. - С. 26. Число офицеров в Киеве определялось также в 30 тыс. чел. (Доклад начальнику операционного отделения германского восточного фронта о положении дел на Украине в марте 1918 года // Архив Русской Революции. Т. I. - Берлин, 1922. - С. 291.)
30. Критский М.А. Корниловский ударный полк. - Париж, 1936. - С. 227.
31. Варнек П.А. Эвакуация Одессы Добровольческой армией в 1920 г. // Военная Быль. - № 106. - С. 16–17.

32. Кравченко В. Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Т. 1. - Мюнхен, 1973. - С. 392. По паническим слухам, распространявшимся в невоенных белых кругах под влиянием Новороссийской катастрофы, там было захвачено в плен чуть ли не 10 тыс. офицеров (Валентинов А.А. Крымская эпопея //Архив Русской Революции. Т. V. - Берлин. 1924. - С. 343), причем в советских работах именно эта курьезная цифра часто приводится вместо данных красного же командования.
33. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов. - М., 1994. - С. 62–63.
34. Там же. - С. 10–11.
35. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922). Т. 4. - М., 1978. - С. 274; Военные специалисты //Гражданская война в СССР. Энциклопедия. М., 1987. - С. 107; Зайцов А.А. 1918 год. - С. 183.
36. Ефимов Н. Командный состав Красной Армии //Гражданская война 1918–1921 гг. Т. 2. – М., 1928. - С. 97, 107.
37. Она возникла из упоминания в беседе Н.И. Подвойского с Ф.В. Костяевым в 1921 г. о том, что будто бы предложивших свои услуги офицеров было бы достаточно для укомплектования то ли 9–10, то ли 20 дивизий (Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты. - С. 70, 116, 166, 212).
38. Армия насчитывала тогда всего 150 тыс. человек и в любом случае не нуждалась в таком количестве комсостава. Те из них, кто не ушли в белые армии, были призваны после начала мобилизации и вошли в число мобилизованных.
39. См., напр., сообщение о результатах деятельности комиссии, работавшей в АН СССР (Правда. 20.09.1929).
40. Геральдические ведомости. - 1993. - № 2. - С. 2.
41. Кирилов С. Офицерство и «новое дворянство» // Дворянское Собрание. -1993. - № 3. - С. 303.

А. Савинкин

ЗАВЕТНЫЕ ИДЕАЛЫ РУССКОГО ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА

Во всяком развивающемся обществе есть свои идеалы. Человек живет не одним настоящим днем; он простирает свои взоры на будущее и притом не для себя одного, но и для потомства. Он принадлежит к союзу, который имеет свои корни в далеком прошлом и многовековое существование впереди. Он работает для этого союза, и чем пламеннее он ему предан, тем дороже для него идеалы, способные возвести Отечество на высоту человеческого совершенства. Сознание этих идеалов и стремление к их достижению составляют высшую нравственную красоту жизни. Они поднимают дух человека и дают ему нравственные силы для плодотворной деятельности... Только опираясь на идеалы и работу предшественников, можно идти вперед.

Борис Чичерин

Не раз отмечалось и подтверждалось, что поучительная наша история — лучшая наставница жизни. В великом ратном прошлом нашего Отечества сосредоточена огромная духовная энергия, достижения культуры многочисленных поколений россиян, образы грядущего. Следуя заветам лучших представителей России, продолжая их дело, не повторяя ошибок, можно создать оборонную мощь на прочных духовных основаниях. Нельзя забывать, что слава Родины «нарабатывалась» подвигами наших героев-предков, среди которых немало офицеров. «Будем гордиться ими, станем подражать им. Заглянем в прошлое, чтобы укрепить свои силы для служения в настоящем и будущем нашему Отечеству. Славное прошлое Русской земли — неисчерпаемый источник для укрепления наших духовных сил»¹.

Наш военный вопрос² разрешался преемственными духовными усилиями многих поколений. Он запутывался, когда рассматривался обособленно, на злобу дня, вне исторической эволюции и заветно-духовной наследственности. Настоящая (регулярная) военная сила создавалась и укреплялась более двух с половиной веков, по крайней мере, с 1550 по 1815 гг. Военные реформы Петра I идейно и практически зародились в Московском государстве. Их начало — в попытках создания постоянных внеклассовых войск (стрелецких полков и полков «иноземного строя»), в замыслах Иоанна Грозного, Михаила Федоровича и Алексея Михайловича.

Б. Штейфон

Как ни могуча была воля Петра Великого, как ни тверда была его рука, все же надо признать, что его военные реформы не были бы усвоены в такой мере, как это случилось, если бы усилиями его царственных предшественников народная психология не оказалась подготовленной к полезности и необходимости таких реформ. Подобная историческая преемственность показывает, что его военные реформы по своему идейному замыслу явились завершением тех творческих усилий, начало которых было положено еще Иоанном Грозным. <...>

Факты русской военной истории, при надлежащей обработке, дают богатейший материал для современных аналогий и суждений. Каждый народ создает свое крепкое будущее только в том случае, если сумеет мудро сохранить неразрывную духовную связь с прошлым... Мудрые вожди нации повторяют и мудрые уроки прошлого. Неразумные и невежественные — следуют путями давно обветшалыми³.

Трудами «птенцов гнезда Петрова» и «екатерининских орлов» русская армия, как и русское военное искусство, стали лучшими в мире, что в конечном итоге проявилось в разгроме наполеоновских полчищ в 1812–1813 годах. У последующих же государственных и военных деятелей не хватило мудрости поддержать великую славу русского оружия. Историческая преемственность была прервана. Боевая профессиональная армия стала гибнуть в «танцевальных науках», в военных поселениях, милютинских военных реформах. Ее суворовский дух сохранялся только в кавказских войсках, по-

стоянно непобедимых. С разрывом духовной связи и преемственности Россию стали преследовать военные неудачи, поражения, революции, гражданские войны и катастрофы.

Опора на духовную силу предков, возвращение к православной и гвардейской традициям русской армии, восстановление звания офицера, отмененного в 1917 году, — все это позволило выстоять и победить в самой кровавой войне (1941–1945 гг.). Потребовалось вспомнить о нетленной славе России, о русских полководцах (некоторые из которых после революции были зачислены в разряд реакционных царских генералов), об офицерах, которые по крохам собирали и защищали нашу Родину: «Они подскажут тебе, как поступить, даже оставшись в одиночку среди вражьего множества»⁴. Одержали Великую победу, но затем вновь отказались от исторической преемственности и пошли по тупиковому бездуховному пути к поражению, горше военного: распаду Большой России (СССР), которая создавалась по крайней мере трехвековыми усилиями русской армии. Спohватившись, стали искать опору в истории, вспоминать ее славные страницы, обращаться к советам предков.

Предстательство за Россию — отечественность

Изначально самой историей и лучшими умами определено: создание настоящей армии, эффективная защита государства, сама будущность России во многом зависят от правильного решения офицерского вопроса, от наличия особой когорты государственных людей, служащих «верой и правдой» Отечеству на военном поприще. Им — князьям, полководцам, воеводам, «головам» и «сотникам», а затем и офицерам регулярной армии — вверялась забота о судьбе и безопасности государства. Их статус — быть воинами «по призванию» и «по отечеству», властной руководящей силой, а не просто «лицами командного и начальствующего состава», «военными чиновниками», занимающими определенные руководящие должности в вооруженных силах, полиции и жандармерии⁵. Они призваны предводительствовать в боях и сражениях, отвечать за достижение побед, быть истинными солдатами, мозгом и душой армии, предстателями за Россию, т.е. «покровителями, защитниками и заступниками» (В. Даль).

Пока Петр Великий преодолевал отвращение бояр и дворян к обязательной службе в регулярных войсках, к офицерскому чину (первоначально считавшемуся «неблагородным»), призывал «искусных людей» из-за границы, в боевой школе Северной войны, по полкам, выковывались национальные офицерские кадры: в невысоких званиях, но верные — не наемники и не опричники — русские воины. В последующем из их рядов выдвинулись мастера военного дела, великие полководцы и полководцы-герои русско-прусских, русско-турецких, русско-французских и кавказских войн. Именно тогда утвердилось и держалось, вплоть до Первой мировой войны, убеждение, что русский офицер предназначен быть не просто храбрым, но искусным, «воспитывать в себе талант полководца, готовить себя к званию начальника на войне»⁶, где даже подполковник как начальник отдельного отряда «должен быть офицером со способностями полководца. Подполковником должен быть офицер всесторонне подготовленный в тактическом отношении; офицер, находящийся на уровне современных знаний, следящий за развитием военного дела; офицер, пользующийся авторитетом, с сильным, самостоятельным и решительным характером»⁷.

В идеале русский офицер обязан был стать не только «вождем», «полководцем», но и воспитать в себе особую способность к преодолению лишений, ибо труд его — необходимый и почетный, но безмерно тяжкий, а потому подвижнический, апостольский.

П. Краснов

Военная и офицерская служба — это прежде всего подвиг. Это отречение от самого себя, это тернистый путь, часто заканчиваемый терновым венком мученика. Но зато в ней много поэзии, в ней много такого обаяния, что заставляет служить ей, несмотря на все ее невзгоды...

Нам нужен здоровый патриотизм. Нужно стать на работу при тех, пусть даже неблагоприятных условиях, которые существуют теперь, и наладить дело, веря, что при общих усилиях и условия переменятся... Армия — не богадельня. Чем больше уйдет из нее плохого, не рабочего, а лишь болтающегося элемента, тем лучше. Мало будет офицеров, заменим их прапорщиками. Пусть каждый солдат несет в ранце своем жезл маршала. Герои Наполеона вышли из солдатской среды, и предки Скобелева были простыми солдатами, и граф Платов — сын рядового казака⁸.

В сложнейших условиях офицерской службы, в войнах, делах и походах, в борьбе с превратностями судьбы выработывались выдающиеся характеры, создавался тип русского офицера, готового к действиям ради высших идеалов. Офицерское звание начинало почитаться как наиболее благородное

(бескорыстное), ответственное и авторитетное. Возвышенный образ офицера прекрасно представлен в поэзии Александра Сергеевича Пушкина:

Далече грянуло ура:
Полки увидели Петра.
И он промчался пред полками.
Могущ, и радостен как бой.
И поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В временах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев *благородный*,
И Брюс, и Боур и Репнин...⁹

* * *

О *вождь* несчастливый! Суров был жребий твой:
Все в жертву ты принес земле тебе чужой...
Ты был непоколебим пред общим заблуждением;
И на полупути был должен наконец,
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманый глубоко,
И в полковых рядах сокрыться одиноко.
Там устарелый вождь, как ратник молодой,
Свинца веселый свист заслышавший впервой
Бросался ты в огонь, ища желанной смерти,
Вотще!
О люди! жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколеньи
Поэта приведет в восторг и в умиление!¹⁰

* * *

Поникни снежною главой,
Смирись, Кавказ: *идет Ермолов!*
И смолкнул ярый крик войны,
Все русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла вас наша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Батыя,
Изменит прадедам Кавказ,
Забудет алчной брани глас,
Оставит стрелы боевые.
К ущельям, где гнездились вы,
Подъедет путник без боязни,
И возвестят о вашей казни
Преданья темные молвы¹¹.

* * *

Тебе, певцу, тебе *герою!*
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смиренного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир,
Но и по этой службе трудной,
И тут — о, мой наездник чудный,
Ты мой *отец* и *командир*¹².

Во время восстания в Польше (1831 г.) Пушкин воскрешает в своих патриотических стихотворениях образы Суворова и Кутузова, призывая их духовно поддержать, благословить на победу русские войска, действующие против мятежников. В «Истории пугачевского бунта» он подробно останавливается на самоотверженных действиях против войск Пугачева генерал-аншефа Александра Ильича Бибикова (1729–1774), одного из знаменательных лиц екатерининских времен, отличившегося «на поприще войны и гражданственности», высоко оценивает его распоряжения как «искусного, умного военачальника». (Заложив начало победы, Бибиков скончался от тяжелых трудов в расцвете сил со словами на устах: «Не жалею о детях и жене, государыня призрит их, жалею об Отечестве». Андреевская лента, звание сенатора и чин полковника гвардии не застали его в живых¹³.)

Русский офицер подвижнически и неустанно служил «для государственного высокого интереса», стремился быть высококультурным человеком, ему можно было поручить не только военное, но и любое другое государственное дело. Таков «благородный Шереметев», чья храбрость и военная служба, по словам Петра I, не умрут и всегда будут памяты в России¹⁴. Таков «искусный и умный» Бибиков, о котором Гаврилой Романовичем Державиным (1743–1816) сказаны следующие замечательные слова:

*Он был искусный вождь во брани,
Совета муж, любитель муз,
Отечества подпора тверда,
Блюститель веры, правды друг;
Екатериной чтим за службу,
За здравый ум, за добродетель,
За искренность души его.
Он умер, трон обороня...*

<...> Посвятив краткую, но наполненную славными деяниями жизнь свою на службу Отечеству, Александр Ильич Бибиков по всей справедливости заслужил уважение и признательность соотечественников; они не перестанут вспоминать с почтением полезные обществу дела сего знаменитого мужа и благословлять его память.

Читая о службе и переменах в оной сего примерного государственного человека, всякой легко усмотрит необыкновенные его способности, мужество, предусмотрение, предприимчивость и расторопность; так, что он во всех родах налагаемых на него должностей с отличием и достоверностью был употребляем; везде показал искусство свое и ревность, не токмо прежде, в царствование императрицы Елисаветы, но и во многих поручениях от Екатерины Великой, ознаменованные успехом. Он был хороший генерал, муж в гражданских делах проницательный, справедливый и честный; тонкий политик, одаренный умом просвещенным, всеобщим, гибким, но всегда благородным. <...> Любил словесность и сам весьма хорошо писал на природном языке; знал немецкий и французский языки, незадолго перед смертью выучил английский; умел выбирать людей, был доступен и благоприветлив всякому. <...> Важность не умаляла в нем веселия, а простота не унижала важности. Всякий нижний и высший чиновник его любил и боялся. Последний подвиг к защите престола и к спасению Отечества соверша, кончиною своею увенчал добродетельную жизнь, к сожалению всей империи, тогда пресекающуюся¹⁵.

«Бедность России в государственных людях» (Пушкин) наблюдалась почти всегда, но военная среда вырабатывала, воспитывала их в достаточном количестве. Она выдвигала не только талантливую

вых военных, но и министров, наместников, генерал-губернаторов, деятелей культуры и науки. Не всегда офицеры оказывались по-настоящему востребованы Отечеством. Однако в сложные периоды всегда возникала необходимость в офицерских качествах: благородстве, честности, дисциплинированности, воле, искусстве руководства и военном духе, стремлении к победе (успеху). Как только наступало «время офицеров», они занимали многие государственные посты, вплоть до «вице-императора» (Лорис-Меликов)¹⁶; их предлагали в «законные диктаторы»¹⁷. Народными заступниками и возможными спасителями России в разные времена считались Александр Невский (1220–1263), Дмитрий Михайлович Пожарский (1578–1642), Михаил Васильевич Скопин-Шуйский (1587–1610), Алексей Петрович Ермолов (1777–1861), Михаил Дмитриевич Скобелев (1843–1882). Не только армия во время войны, но и общество в условиях «смутного мира» искало в офицерах опору, возвеличивая их до уровня вождей.

Высокий смысл звания и призвания русского офицера — защита России от внешних и внутренних угроз. Одной доблести для этого мало. Нужны образование, инициатива, но главное — любовь к Родине, ответственность перед Отечеством (страной, созданной предками, отцами, завещанной, переданной ими в наследие последующим поколениям). Только офицер, осознающий свою ответственность перед Богом, Отечеством и будущим российского государства, мог произнести следующие примечательные слова.

Петр Великий

Воины! Се пришел час, который должен решить судьбу Отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и церковь. Не должна вас также смущать слава неприятеля, яко непобедимого, которую ложну быти вы сами победами своими над ним неоднократно доказали. Имейте в сражении перед очами вашими правду и Бога, поборающего по вас. на Того Единого, яко всеильного в бранех, уповайте, а о Петре ведайте, что ему жизнь не до рога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния Вашего¹⁸.

Предметный патриотизм (И. Ильин), ответственное, сознательное служение во благо Родины — ключевые составляющие характера русского офицера. Его девиз — «Победа», причем победа, малой кровью одержанная. Быть победителем — идеал русского офицера. Вслед за незабвенным А.В. Суворовым и почти неизвестным ныне генералом русского Генерального штаба Анатолием Дмитриевичем Шеманским, скажем: «победоносность должна быть основным качеством офицеров-начальников»¹⁹. Чтобы надежно защищать Россию, как правило, в неблагоприятных условиях, недостаточно просто служить ей верой и правдой, храбро умирать. Этого-то — готовности умереть — как раз и не надо, заметил однажды герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. генерал-фельдмаршал Иосиф Владимирович Гурко (1828–1901). Офицерам проверяемого им полка он сказал: «Я хочу, чтобы вы остались живы, а умер неприятель, побежденный не только вашей храбростью, в которой я не сомневаюсь, но и вашим знанием приемов современной войны, вашим искусством»²⁰. Требуется не просто способность побеждать, но нечто большее: воля и умение даже поражения превращать в орудия победы. Знаменательна в этом отношении оценка Петром I нарвского поражения 19 ноября 1700 г.:

Итак, шведы над нашими войсками викторию получили, что есть бесспорно; но надлежит разуметь, над каким войском оную учинили. Ибо только старый полк Лефортовский был да два полка гвардии были только на двух атаках у Азова; а полевых боев, наипаче с регулярными войсками, никогда не видали. Прочие же полки, кроме некоторых полковников, как офицеры, так и рядовые сами были рекруты... Но когда о том подумать, то воистину не гнев Божий, а милость Божию должны мы исповедовать. Ежели бы нам тогда над шведами виктория досталась, бывшими в таком искусстве во всех делах, как воинских, так и политических, то в какую беду после оное счастье нас низвергнуть могло... Но когда мы сие несчастье, или лучше сказать великое счастье, под Нарвою получили, то неволя леность отогнала и к трудолюбию, и к искусству день и ночь прилежать принудила, и войну вести уже с опасением и искусством велела²¹.

Необходимо помнить, что побеждают в большей степени «разумом и искусством», «уменьем», «силой духа», что требуется знать «науку побеждать», учиться, совершенствоваться, действовать инициативно и самое важное — мыслить... Ибо «ныне воюют не столько оружием, сколько умом», и «слава военная и сила наши не пошли нам впрок именно по узости мысли» (Ф.М. Достоевский)²².

Офицер защищал не только целостность и интересы, но честь и достоинство России, славу русского оружия. Замечательный представитель русского офицерского корпуса генерал-лейтенант Денис Васильевич Давыдов (1784–1839) полагал своим долгом участвовать во всех войнах, которые велись страной при его жизни (причем независимо от того, находился ли он в это время на действительной

службе или в отставке). Своему другу поэту В.А. Жуковскому он перечислил их: «Войны: 1) в Пруссии 1806 и 1807 гг.; 2) в Финляндии 1808 г.; 3) в Турции 1809 и 1810 гг.; 4) Отечественная 1812 г.;

5) в Германии 1813 г.; 6) во Франции 1814 г.; 7) в Персии 1826 г. 8) в Польше 1831 г.»²³. Царь же (Николай I) сетовал, что при его-то способностях и дарованиях Давыдов «служит урывками». Во внимание не принималось, что тот всегда готов героически защищать Отечество, но в деле, в бою! В отставку первый раз (1821–1823 гг.) уходит из-за формализма службы и нежелания Государя отправить его на настоящую войну (начальником штаба Кавказского корпуса к Ермолову). И в периоды между «урывками службы» Давыдов занимается делом, весьма полезным Отечеству. Он пишет и публикует серию трудов о партизанской войне, до сих пор по-настоящему не осмысленных. В своих статьях: «О России в военном отношении», «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?» и других — разоблачает нападки недоброжелателей на историю России и честное имя русской армии. «...Французская главная армия действительно подошла к Березине в числе сорока пяти тысяч человек, и... из ста десяти тысяч, выступивших из Москвы, пропало шестьдесят пять тысяч человек, — но не от одной стужи, как стараются уверить нас неловкие приверженцы Наполеона или вечные хулители славы русского оружия, а посредством, что, кажется, я достаточно доказал, глубоких соображений Кутузова, мужества и трудов войск наших и неусыпности, и отваги легкой нашей конницы. Вот истинная причина гибели неприятельской армии...»²⁴

Пушкин — офицер в душе, считавший военную службу «предпочтительнее всякой другой»²⁵, — постоянно стремился быть на страже военной славы Отечества. Во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. он желает попасть в действующую армию, чтобы стать свидетелем и участником военных действий. «Поелику все места в оной заняты» (ответ Николая I на просьбы поэта), следует на Кавказ самовольно, участвует в походе 1829 года, «почитая себя прикомандированным к Нижегородскому полку» и генералу А.Н. Раевскому. Все это свершается им по глубоко патриотическим соображениям, как акт сопричастности к важному делу, по зову совести и чести и без стремления вмешиваться в «военные суждения», так как он «чуждый военному искусству»²⁶. В последующем, во время войны-мятежа в Польше (1831 г.), он вступает за Россию силой своего поэтического дарования: напоминает русским войскам об их прежней славе и стойкости («Иль русский от побед отвык?»), предупреждает клеветников, врагов России, от необдуманного военного вмешательства в ее (с Польшей) дела («Забыли русский штык и снег?», «Еще ли росс больной, расслабленный колосс?»).

Сильна ли Русь? Война и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали —
Смотрите ж: все стоит она!
А вокруг ее волненья пали —
И Польши участь решена...

Победа! сердцу сладкий час!
Россия! встань и возвышайся!
Греми восторгов общий глас!..
Но тише, тише раздавайся
Вокруг одра, где он лежит,
Могучий мститель злых обид,
Кто покорил вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому Суворовского лавра
Венок сплела тройная брань²⁷.

Долгом русского офицера было действовать во благо Отечества:

на боевом ли, литературном, научном, политическом или иных поприщах. В этом он видел истинную цель своей жизни. Данный мотив просматривается не только в войнах России, но даже и в дворцовых гвардейских переворотах XVIII века, в принципе не навредивших российскому государству. Им же — не бонапартизмом — в большинстве своем руководствовались офицеры-декабристы, пророчески усматривавших будущую кровавую катастрофу и стремившиеся ее предотвратить. Несостоявшийся «диктатор», полковник князь Сергей Петрович Трубецкой (1790–1860) писал:

Члены общества, решившие исполнить то, что почитали своим долгом, на что обрекали себя при вступлении в общество, не убоились позора. Они не имели в виду никаких для себя личных видов, не мыслили о богатстве, о почестях, о власти. Они все это предоставляли людям, не принадлежащим к их обществу, но таким, которых считали способнейшими по истинному достоинству или по мнению, которым пользовались, привести в исполнение то, чего они всем сердцем и всею душою желали: поставить Россию в такое положение, которое бы упорчило бы благо государства и оградило его от переворотов, подобных Французской революции, и которое, к несчастью, продолжает еще угрожать ей в будущем²⁸.

В 1917 году русское офицерство оказалось слишком разобщенным, дезориентированным, зашельмованным. Одна часть продолжала защищать страну от внешних (на фронте) врагов. Другая — выступила «за честь и свободу Русской земли» в рядах Белого движения. Третья — добровольно-принудительно служила большевистской власти в рядах Красной Армии («для солдата Россия остается Россией»). В целом же офицерство стало гонимым классом. Его безумно истребляли в революционных переворотах, Гражданской войне, последующих массовых репрессиях. Россия лишилась наиболее надежных («патентованных») защитников и вошла в катастрофический период своей истории. Но и кровавая трагедия русского офицерства послужила важным уроком.

Суть его в том, что недостаточно иметь просто хороших офицеров, требуются люди превосходного качества: патриотически настроенные, государственно мыслящие, доблестные, честные, благородные, искусные в военном деле, с талантами вождей и полководцев, не допускающие поражений. Недостаточно объединить их «офицерским собранием» на уровне полков или даже армии в целом, различными частными военными союзами и обществами (экономическими, научными, стрелковыми, гимнастическими и даже политическими — были и такие). Нужен настоящий профессиональный союз (корпорация), корпус офицеров: сплоченный в одно целое, солидарный, с возвышенной идеологией, единой доктриной, традициями, культом героев, бережно хранимой памятью, военно-духовной наследственностью.

После неудачной Русско-японской войны (1904–1905 гг.) заветным идеалом нашей военной школы, готовившей будущих офицеров с пользой для армии, предлагалось, например, считать следующие слова прусского генерала Блюме: «Корпус офицеров, стоящий на высоте своего призвания, в котором сочетаются гармонично ум, деятельность и выдержка вместе с рыцарским духом, который ради чувства чести и долга готов жертвовать всеми благами жизни, даже самой жизнью, — такой корпус офицеров будет самой верной порукой доблести и надежности войска»²⁹

По своему дворянскому статусу корпус русских офицеров полностью соответствовал этому идеалу. Длительное время он формировался преимущественно из властных сословий и прежде всего потомственного дворянства, традиционно обязанного государству военной службой. Офицерство в России всегда представляло собой особый класс, по-настоящему имеющий только одну привилегию — служить Отечеству верой и правдой. С присвоением первого офицерского звания любой кадровый офицер становился личным дворянином и оставался им на всю жизнь (без права передачи титула жене и детям)³⁰. Офицерство характеризовалось определенной кастовостью и сословностью, но предпочитало считать себя не сословием, не кастой, но «корпусом» слуг России³¹, т.е. военной корпорацией, в которой главное — не ее дворянский характер, а офицерское (профессиональное) служение «во благо Отечества и родной Армии».

Численность «корпуса слуг России» постоянно росла. В 1695 году насчитывалось 1307 офицеров. За период Северной войны офицерский корпус увеличился до 5000 человек (1720 г.) В канун войны с Францией (1803 г.) он составлял 12 тысяч. Во второй четверти XIX в. в его составе находились 24–30 тысяч, а накануне Первой мировой войны — 42–43 тысячи. В ходе войны значительная часть кадрового офицерства выбыла из строя, но за счет производства офицеров «военного времени» и офицеров запаса общая его численность поднялась до 250 тысяч (к концу 1917 г., когда были упразднены сословия, старая армия, ее офицерский корпус, титулы и само офицерское звание)³².

По мере эволюции офицерского корпуса качество его постепенно ухудшалось. Меры для решения частных вопросов принимались. Но главное не замечалось: утрачивались высокие воинские добродетели, веками вырабатывавшиеся в полукастовой дворянской среде, где военное дело часто передавалось по наследству и существовали целые офицерские фамилии.

Под натиском либеральных идей и революционных требований определенная часть офицерства стыдилась своего дворянского звания, стремилась показать себя «демократически», «народолюбиво».

Д. Лехович

Людам, не знакомым с русской военной историей, покажется почти невероятным, что в старой императорской армии к началу Первой мировой войны офицерство на 60% (по происхождению. — А.С.) состояло из разночинцев, людей недворянского происхождения. В то время как разночинцы в литературе и других свободных профессиях часто приносили с собой ненависть к существующему строю, разночинцы, попавшие в корпус офицеров, в большинстве своем являлись оплотом русской государственности: генералы Алексеев, Корнилов и Деникин первыми подняли оружие против захвативших власть большевиков³³.

А. Деникин

Я принял российский либерализм в его идеологической сущности, без какого-либо партийного догматизма. В широком обобщении это приятие приводило меня к трем положениям: 1) конституционная монархия; 2) радикальные реформы; 3) мирные пути обновления страны. Это мировоззрение я донес нерушимо до революции 1917 года, не принимая активного участия в политике и отдавая все свои силы и труд армии³⁴.

В офицерах подозревали противников «существующего строя» еще до революции, хотя русское кадровое офицерство было в целом лояльно, монархически настроено... Действительно, жизнь как будто толкала офицерство на протест в той или иной форме против «существующего строя». Среди служилых людей с давних пор не было элемента настолько обездоленного, настолько необеспеченного и бесправного, как рядовое русское офицерство. Буквально нищенская жизнь, попрание сверху прав и самолюбия; венец карьеры для большинства — подполковничий чин и болезненная, полугодовалая старость. Офицерский корпус с половины XIX века совершенно утратил свой сословно-кастовый характер. <...>

Русское офицерство, в массе своей глубоко демократичное по своему составу, мировоззрению и условиям жизни, с невероятной грубостью и цинизмом оттолкнутое революционной демократией и не нашедшее фактической опоры и поддержки в либеральных кругах, близких к правительству, очутилось в трагическом одиночестве³⁵.

Изменив своей изначальной сущности и высокому предназначению, долго ли мог офицерский корпус вообще оставаться государственно-охранительной силой? Играя «в поддавки» и с левыми, и с правыми, заигрывая с солдатской массой, отрицая сословность и корпоративность, демонстрируя проценты снижения дворянского элемента в своих рядах (следовательно, и чести, и достоинства!), можно ли было иметь другую судьбу? Революционные силы по существу никогда не рассчитывали на офицерство, враждебное им из-за своей отечественной идеологии. Они уже давно вынесли ему приговор как носителю побед, укрепляющих «антинародный режим», как руководящей силе армии, которую предстояло разложить, как оплоту государства. Принадлежность офицерства к дворянскому сословию и военной касте считалось при этом далеко не главным «преступлением». В 1917–1938 годах офицеры обвинялись в «реакционности», «контрреволюционности», принадлежности к буржуазному (!) классу, участия в белогвардейских и военно-фашистских «заговорах». Их арестовывали и расстреливали именно как «бывших офицеров», то есть людей преданных Отечеству, а следовательно, находящихся в явной и скрытой оппозиции к советской власти, решительно порвавшей с прошлым, отрицавшей достижения предшествующей культуры.

Уже с первой четверти XIX века, когда стали распространяться проекты замены постоянной армии милицией (декабристы), военными поселениями (Александр I, Николай I) можно было предположить, что вслед за этим революционные силы предпримут наступление против офицерства именно как «военного сословия», «профессиональной военной касты», которые в случае победы революции, надлежало упразднить. Необходимо было при первых благоприятных возможностях вывести офицера за рамки сословности, как и любой партийности. сохраняя за ним, по традиции, почетное право на получение дворянства. Следовало не только подчеркнуть, что «не дворянское звание делало офицером, а офицерское звание делало дворянином», но и пойти дальше, утверждая, что только развитие офицерского корпуса в лучших традициях военно-служилого сословия, в дворянском (рыцарском) духе поднимет его на достойную высоту, позволит ему не допускать разложения армии, побеждать, а не надеяться на победу, добиваться справедливого, а не позорного (как в 1918 г.) мира, поддерживать обороноспособность страны на должном уровне.

Заветный идеал русского офицерства — быть дворянским по духу (не по составу только) офицерским корпусом, с идеологией служения Отечеству, службой по призванию, профессионализмом и корпоративностью, высшими качествами командного состава, такими, как доблесть и искусство, талантливость и опытность, инициатива и предприимчивость. Этот идеал выдвинут лучшими умами, подтвержден самой историей, генетически заложен в судьбах русских офицеров, их размышлениях.

Р. Фадеев

Нельзя упускать из вида, что невольные офицеры, даже дворяне, не удовлетворяют цели. Значение офицера состоит именно в том, что он *свободно* идет на опасность, а потому имеет нравственное право насильно вести за собой других; кроме того, обязанности офицера даже в мирное время требуют, чтобы он предавался им с охотой. Дело не в том, чтобы заставлять порядочных молодых людей служить офицерами, а в том, чтобы дать им нетрудный доступ к этому званию и предварительную привычку к военной службе; при этих условиях, *когда русское офицерство станет вновь дворянским по духу*, охотники польются в него как и прежде³⁶.

Н. Бутовский

Итак, нечего распространяться о том, какой вред армии и своему отечеству наносит офицер, случайно, без всякого призвания, заброшенный в армию только потому, что надо же где-нибудь пристроиться, чтобы сразу получать хотя бы маленькое жалованье. Откуда может явиться у такого офицера любовь к своей части, стремление к совершенствованию? Может ли он носить в своем сердце идеалы воинской доблести? И т.д. А если этого нет, то остается только одно: забота о своем жизненном благополучии — аккуратное, но пустопорожнее отбывание шаблонной службы, приноровленное к привычкам и капризам начальства, и вечное стремление пристроиться куда-нибудь подальше от жертв, требуемых от воина отечеством. Служба прослужена, пенсия выслужена, — чего же больше нужно такому человеку? Он с тем и шел в военную службу. <...>

Для образования сплоченной, деятельной и проникнутой хорошими принципами военной семьи нам нужен офицер, во-первых, воспитанный, т.е. способный слиться с порядочным обществом, во-вторых, человек с истинным призванием к военному делу. Откуда, каким способом комплектования можно достать его?

Знаете, господа, может быть, вам покажется странным, но я скажу прямо: я сторонник *касты*, конечно, не такой, как в древности, не отчужденной от общества, но все-таки настоящей касты, которая бы увлекала человека всецело и бесповоротно. Нам нужен офицер, обожающий свой мундир, свой быт. все особенности военной службы с ее лишениями и опасностями, — офицер, которого ни за какое жалованье нельзя было бы сманить ни в акциз, ни на железную дорогу, чтобы все это казалось ему скучным, неприветливым, совершенно чуждым его сердцу. Богатый и неиссякаемый источник для получения таких офицеров находится у нас под руками: это — наши дети (сыновья офицеров. — Л.С.), для которых в недалеком будущем, судя по современным мероприятиям, широко откроются двери кадетских корпусов³⁷.

Конечно, корпус офицеров — не аристократическая каста, и тем не менее — «это рыцари на службе», ряды которых «в силу все-сословности армии открыты всем, кто обрекает себя на служение великому национальному долгу»³⁸.

Рыцарственное служение — путь чести

После трагедии, постигшей русское офицерство в первой четверти XX века, на чужбине, было, наконец, окончательно осознано: от офицерского корпуса требуется не просто служба (точное исполнение предписанных обязанностей) или даже офицерское служение (служба «по отечеству», «по долгу», «по призванию», честная и добросовестная), но служение рыцарственное по духу: добровольное, самопочинное, самоотверженное, ответственное, деятельное, благородное, достойное. Рыцарь, согласно В. Далю, «честный и твердый ратователь за какое-либо дело, самоотверженный заступник».

И. Ильин

Истинною и живою опорой государства и государственной власти всегда были те люди, те слои, те группы, которые воспринимали общественное дело как *сверхклассовое служение Родине*; которые в этом служении видели *долг чести и бремя ответственности*; которые стремились именно служить земле, а не *властвовать* над нею.

Это есть *рыцарская и дворянская традиция* в мировой истории. Не всякий, родившийся дворянином, есть рыцарь по духу; но всякий дворянин, не таящий в себе рыцаря, есть дворянин только по видимости. Но мало этого; верно и обратное. Всякий, не родившийся дворянином, но таящий в себе рыцаря и несущий рыцарственное служение Родине, — уже есть *подлинный дворянин*, хотя бы он формально таковым не считался.

Кто же был на самом деле в *духовном дворянстве*: полувор ли дворянин Заруцкий, подсылавший убийц к Князю Пожарскому? Или те бояре и князья, что «припадали на всякие стороны» и сами «подыскивались на царство»? Или же посадский староста Козьма Минин-Сухорук? Да посадский же «бесстрашный человек» Родион Мосеев, все время носивший народу грамоты заточенного в Кремле Патриарха Гермогена? Да «мужик» Иван Сусанин?.. Сомнений нет. И когда Царь Михаил Федорович пожаловал Минину думное дворянство, то он просто констатировал его достоинство и честь. <...>

В наши дни все колеблется и рушится именно из-за отсутствия *рыцарственности в душах*. Именно в наши дни Россия сомкнула организованный кадр рыцарственных душ, реально постигших правду древнего рыцарского девиза «блаженство в верности», и до конца пребывающих, по слову Князя Пожарского, «в неподвижной правде и в соединении»...

Во всей великой смуте наших дней, среди крушений, бед и утрат, в раздорах и соблазнах — мы должны помнить одно и жить одним: поддержанием и насаждением *духа рыцарственного служения*... Ибо этот дух есть как бы воздух и кислород русского национального спасения; и там, где он иссякает, немедленно начинается атмосфера гниения и разложения... Ныне России, как никогда, нужны люди, способные не к прислуживанию и не к службе, а к *служению*. Люди, не только видящие Дело и постигающие требования Предмета, но *преданные* Божьему делу на земле; люди, не только не безразличные и не бесчувственные, но вдохновляющиеся и вдохновляющие других; люди, не уступающие интересам Дела ни за деньги, ни за честь, ни за власть, ни по просьбам, ни за одолжения, — неподкупные в полном и высшем смысле этого слова.

Вне рыцарственного духа национального служения — все бесцельно, все тщетно, все вредно; вне его никто ничего не освободит и не возродит, а создаст только новый раздор, новую смуту и новую гражданскую войну на погибель России и на радость ее исконным и всемирным врагам³⁹.

Феодального рыцарства, как оно сложилось в Европе, в России, как известно, не было. Но традиция рыцарственного служения, несомненно, существовала. За многие века военно-дворянское сословие закономерно выработало рыцарский дух, создало предпосылки для возникновения особого типа офицерства, ставящего честь, долг и общее дело превыше всего. Именно в русле этой традиции появилось особое представление о чести как интегральной силе, побуждающей офицера рыцарственно служить Отечеству на военном поприще.

А. Пушкин

Что такое дворянство? Потомственное сословие народа высшее, т.е. награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы. Кем? Народом или его представителями. С какой целью? С целью иметь мощных защитников или близких и непосредственных к власти предстателей... Чему учится дворянство? Независимости, храбрости, благородству (чести вообще). Не суть ли сии качества природные? Так; но образ жизни может их развить, усилить — или задушить. Нужны ли они в народе, так же как, например, трудолюбие? Нужны, ибо они *la zaiie řagaе* (охрана) трудолюбивого класса, которому некогда развивать сии качества⁴⁰.

«Мощные защитники» с развитым чувством чести требовались России постоянно. Они приучались рассматривать военное дело («ратную мудрость») как первейшее для государства, благородное. Заниматься им, служить Отечеству — почетно. Сама служба — «путь чести», возвышающий офицера и предъявляющий к нему особо высокие требования. Формальное обращение к офицеру «ваше благородие» обязывало быть благородным, превосходным, развивать эти качества в своей душе, обладать высокой нравственностью, соединенной с культурностью, самоотверженностью, правдивостью, честностью («мы русские и воспитаны в честных и благородных правилах»)⁴¹.

Для русского офицера «честь всего дороже, а покровитель ей — Бог». Она побуждает к служению Отечеству, велит храбро сражаться, поступать как честный человек, не допускать унижения личности и звания офицера. А.В. Суворов — П.И. Турчанинову: «...Себя не унижить. Вы знаете меня, унижу ль я себя? Лучше голова долой, нежели что ни есть утратить моей чести: смертями 500-ми научился смерти не бояцца. Верность и ревность моя к высочайшей службе основана на моей чести»⁴². При этом сама служба не может быть ничтожной, а должна приносить и честь, и почесть, и славу, и пользу России. Стыдно быть захребетником!

Рыцарская позиция Александра Васильевича Суворова (1730–1800): соблюдать «отечественность в общем благе», быть «в титле отечественника», «жертвовать собою для блага Отечества», «никогда против Отечества» и всегда против тех, для кого «Россия — хоть трава не расти». А.И. Бибикову: «Служа августейшей моей Государыне, я стремился только к благу Отечества моего... Доброе имя есть принадлежность каждого честного человека; но я заключал доброе имя мое в славу моего Отечества, и все деяния мои клонились к его благоденствию. Я забывал себя там, где надлежало мыслить о пользе общей...»⁴³ П.И. Турчанинову: «...Томящуюся в болезни чреватую жену, равно мою девчонку, себя — забываю, помня себя в единственной части — высочайшей службы, хоть в бездне океана»⁴⁴. Именно этот смысл Суворов вкладывал в понятие «честная служба», которой только и питалась Россия.

Честь, по В. Далю, есть «внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть». Честь Суворова — высшей пробы. Она предъявляет высокие требования к офицеру: «Мы не французы, мы русские, я не наемник»⁴⁵ (то есть не служу за деньги). Это у англо-американца «вместо Отечества — собственное его благополучие». Суворов против «законного» уклонения дворян от военной службы, предоставленного им «Манифестом о даровании вольности и свободы всему Российскому дворянству» Петра III от 18 февраля 1762 г. и Жалованной грамотой дворянству (1785 г.). Он на стороне Петра I — дворянство обязано нести службу пожизненно.

Иначе и не может быть в национальной (не наемнической, как на Западе) армии. «Ныне самые порядочные — младшие офицеры не из "вольного дворянства"». Командиры гвардейских полков для него «плохи», потому что «преторианцы»; после смерти Петра I отличаются не в полевых сражениях, а в дворцовых переворотах, «впору бы им в подполковниках московскими клубами заправлять»⁴⁶.

Но и значительная часть «вольного дворянства» продолжала идти путем военной чести, почитало своим долгом служить Отечеству. Так, Матвей Петров, принужденный из-за повреждения тела вступить в статскую службу, предназначает, тем не менее, четырех сынов своих «полевому военному служению», так как долг обязывает «заплатить за свое почетное звание (дворянина. — Л.С.) трудами военными, потоками крови на поле чести и, может быть, утратою которого-нибудь из них жизни: иначе же они были бы чистые тунеядцы, могущие размножением себе подобных на беспрекословной от совести льготе задушить свое Отечество, а не защитить. В целом свете дворянские поколения пользуются правом высшего уважения от всех иных сословий, но за то, они, истаявая в военных трудах и огнях битв, защищают свои государства, прославляя их и себя»⁴⁷.

Для русского офицера война всегда отечественная (в защиту России), всегда — «дело чести», «поле чести». «Я полевой офицер», «50 лет в службе, 35 лет в беспрестанном употреблении», «воин, поседевший на поле чести», — отмечает о себе А.В. Суворов⁴⁸. Для А.П. Ермолова, Д.В. Давыдова, М.М. Петрова, В.С. Норова только война — настоящая служба, «честь приносящая». Участие в боевом деле позволяло не только выполнить долг, но и сделать что-то существенное для своей чести (совершить подвиг, получить рану, пожертвовать жизнью, победить противника). Не менее важно — «добыть честь», т.е. отличиться, проявить себя и получить за это почести: чины и награды, славу, общественное признание, доброе честное имя, сохраняемое в истории и передаваемое потомкам...

Офицер-рыцарь «добывал честь» не в канцеляриях и при дворе, но в поле, в трудах и опасностях, а потому больше всего ценил награждение сугубо офицерским Военным орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия с его девизом «За службу и храбрость», причем подразумевалась «ревностная служба» и «отличная храбрость», то есть возвышенная до доблести и мужества, искусства, воодушевляющая на воинские подвиги и приводящая к победе.

За «совершенную» победу над главной турецкой армией при реке Рымник Суворов получил, например, поистине рыцарские награды: титул графа Российской Империи с именованием Рымникский, титул графа Священной Римской Империи (от австрийского императора), орден Св. Георгия 1-й степени. «Удостоверены Мы совершенно, что такое отличие будет вам поощрением к вящему продолжению ревностной службы вашей, Нам благоугодной», — писала в специальном рескрипте по этому поводу Екатерина II⁴⁹. За рыцарский по сути подвиг — «поражение и изгнание неприятеля из пределов России в 1812 году» — получил своего Георгия 1-й степени генерал-фельдмаршал князь Михаил Илларионович Кутузов-Смоленский (1745—1813), кавалер всех четырех степеней ордена. Незначительное число награжденных орденом (за все время его существования было удостоено: 1-й степени — 25 полководцев, 2-й — 120 генералов, 3-й — около 700 генералов и штаб-офицеров, 4-й — 16 300 офицеров) делало его особенно ценным. Не менее почетным являлось награждение золотым орденом с надписью «За храбрость», которое в конечном итоге стало называться Георгиевским⁵⁰.

Выдающаяся личная храбрость (доблесть) всегда отличала истинных рыцарей духа. В этом отношении русское офицерство, стремившееся к боевым подвигам, являлось, безусловно, рыцарским. Офицер нехрабрый (не молодец), а тем более трусливый, не мог быть терпим, не имел права носить своего высокого звания и предводительствовать подчиненными в бою (подавать им пример храбрости). Если нет этого основного — не помогут никакие другие качества. А.В. Суворов:

«Достоинства военные суть: отвага для солдата, храбрость для офицера, мужество для генерала...»⁵¹ Но храбрость, естественно, «надлежала быть ограждена не одною смелостью, как часто в частных, но руководствуема искусством и мужеством»⁵². Кто не сознает своего достоинства, тот не может быть храбрым. Русский же офицер должен отличаться особой доблестью, быть «истинно храбрым офицером». Честь и статус руководителя обязывают его быть «рыцарем без страха и упрека».

М. Воронцов

Прямо *геройский дух* должен быть отличительным качеством офицера, и всякий, который себя чувствует, который размышляет о славе, о чести и ничтожности смерти... всякий такой офицер будет бесстрашен, будет истинный воин, истинный русский.

Быть весьма умным, весьма сведущим, не в нашей состоит воле; быть же героем в деле зависит от каждого. Кто же им быть не захочет? Какой же русский офицер не захочет умереть со славою, нежели жить неизвестным или посредственным воином. <...>

Долг чести, благородства, храбрость и неустранимость должны быть святы и нерушимы; без них все другие качества ничтожны; *храбрость ничем на свете заменить не может*⁵³.

Святой Георгий Победоносец — покровитель русских Великих князей древности и всего русского воинства. Орден Святого Георгия учрежден был Екатериной II 26 ноября 1769 года. Этот день отмечается как кавалерский праздник ордена и своеобразные именины храбрых.

П. Андрианов

26 ноября — торжественный, праздничный день в жизни нашей армии. 26 ноября — именины храбрых. Белый георгиевский крест — эмблема доблести — соединит повсюду в тесную семью наших храбрецов. И в пышных столицах, и в больших городах, и в захолустных медвежьих углах сойдутся в этот день именинники и будут предметом всеобщего любовного внимания. В их лице мы чтим храбрость, *как самое ценное, самое важное свойство народа*. Каковы бы ни были качества народа, как бы всесторонне ни был он духовно одарен, раз нет в нем храбрости, нет способности сойтись в честном бою с врагом, нет тогда и места такому народу на исторической арене. Печать величия нераздельна от печати храбрости; только те народы оставили глубокий след в мировой истории, которые отмечены были печатью храбрости.

Мы преклоняемся пред изумительным проявлением мужества древними греками и римлянами, забывая о целом сонме народов, бесследно исчезнувших в водовороте человеческой истории.

Мы восхищаемся смелостью скифов, жестокой храбростью гуннов. Из нашей памяти не изглаживаются смелые набеги варварских германских племен на гордый Рим.

История русского народа пестрит проявлением *доблести*. Не перечить ни одиночных подвигов, ни коллективного мужества, проявленного во все времена исторической жизни нашими воинами на полях брани. На верную гибель, не колеблясь, всегда шли наши герои. Умеет немутящимся от страха взором глядеть в глаза смерти русский воин, и воинская доблесть нашего народа носит особый характер. Она не ходульна, не бьет на театральный, показательный эффект, в ней не найдешь часто энтузиазма и захватывающего порыва. *Храбрость русская скромна*, но зато сколько духовной силы, сколько величия, какое редкое самоотречение *во имя общего блага* сокрыто в этой скромной храбрости! <...>

Но все же и на общем фоне коллективного мужества, на фоне яркой доблести целых войсковых частей, блистают отдельные *подвиги*. Из общей массы бойцов в разгар битвы выделяются такие храбрецы, которые вырастают, возвышаются над храброй толпой, захватывают в свои руки почин действий, увлекают за собой массы, служа им примером, и ведут к победе. Они не только готовы умереть, они хотят победить; они не склоняются покорно пред обстоятельствами, создавшимися в бою, они хотят повелевать ими. В разгар битвы их мозг напряженно работает, изыскивая средства для достижения победы, они неудержимо стремятся стать выше врага, превзойти его, победить.

Такие отдельные храбрецы воодушевляют толпу, руководят ею, заставляют ее добиться цели. Вот почему высокая награда служит воздаянием за их подвиг.

Новый статут Императорского Военного ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия определяет: «Ни высокий род, ни прежние заслуги, ни полученные в сражениях раны не приемлются в уважение при удостоении к ордену Св. Георгия за *воинские подвиги*; удостоивается оно единственно тот, кто не только обязанность свою исполнял во всем по присяге, чести и долгу, но сверх сего ознаменовал себя в пользу и славу Российского оружия *особенным отличием*; кто, презрев очевидную опасность и явив *доблестный пример неустранимости*, присутствия духа и самоотвержения, совершил отличный военный подвиг, увенчанный полным успехом и доставивший явную пользу»⁵⁴.

В связи с нападением Наполеона на Россию военный министр Михаил Богданович Барклай де Толли (1761–1818) издал приказ войскам западных армий. В нем есть следующие примечательные слова:

Воины!.. Вас не нужно воззывать к храбрости, вам не нужно внушать о вере, о славе, о любви к Государю и Отечеству своему: вы родились, вы возрастали и вы умрете с сими блистательными чертами отличия вашего от всех народов. Но ежели, сверх ожидания, найдутся среди вас немощные *духом храбрости*; ежели они не ободряются бессмертными подвигами предшественников ваших, поразивших некогда страшного в Европе Карла XII, помрачивших славу Фридриха Великого, низложивших гордость и силу Оттоманские — ежели не ободряются они примером многих из сподвижников ваших, недавно торжествовавших над самыми нынешними врагами нашими во всех пределах Италии, на стенах Мантуанских, на вершинах гор Альпийских; недавно с честью отражавших нашествие их на Отечество наше: то укажите сих несчастных, без бою уже побежденных, — и они изгнаны будут из рядов ваших. Да останутся в них одни надеющиеся на мужество свое...⁵⁵

Опасности, грозившие не раз России, были настолько велики, что противостоять им, не устрашась и не потеряв воли к победе, мог только храбрый офицерский корпус, ведущий своим примером и

искусством войска к победе. От офицеров требовалось безусловное мужество, чтобы преодолевать те трудности и препятствия, с которыми им приходилось сталкиваться в мирное и военное время, создавая боеспособную армию и защищая Россию. Легким ратный труд в нашем Отечестве никогда не был. Вся тяжесть его (вместе с ответственностью) всегда ложилась на плечи офицеров. Рыцарственное служение в этих условиях было не только важнейшей предпосылкой успешного решения военных задач, но и требовало особой спайки, солидарности, товарищества, орденового братства, культивирующего державное сознание, духовное превосходство, рыцарскую этику («благородством побеждают»), всего того, что духовно (нравственно) возвышает офицерство до уровня образцово-этической группы.

Е. Месснер

Быть рыцарем, не нося знаков рыцарского достоинства, — лозунг современного офицерства. В этом — одна из трудностей офицерской профессии в современных условиях... Как бы высок или низок ни был моральный уровень данного народа в данную эпоху, рыцари этого народа — офицеры — должны стоять на более высоком моральном уровне, нежели лучшие группы или слои народа... Во всяком случае для офицеров нет сомнения, что краше мудрости, краше всех прочих «безумств» — рыцарское «безумство», честь...

Офицер должен... иметь, как учил Петр Великий, «любление чести». Честь — драгоценнейшее свойство офицерского духа⁵⁶.

Без преувеличения можно сказать, что рыцарские благородные сердца, бесконечно любящие Родину, билась в груди не только великих наших полководцев, но и абсолютного большинства офицеров Российской императорской армии. Первый кадетский корпус (Шляхетский), открытый Анной Иоанновной в 1832 году, недаром первоначально назывался «Рыцарской академией»⁵⁷. Он призван был готовить не просто исправных офицеров, но лиц с возвышенным характером, из среды которых впоследствии могли появиться «преславные полководцы и знатные граждане», «украшенные» неустрашимым мужеством и науками.

Из 550 русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона в 1812–1815 гг., только 133 учились в корпусах или университетах, но рыцарская храбрость и благородство были присущи всем им. Об этом свидетельствует и тот факт, что 483 из них оказались награжденными орденами Св. Георгия различной степени⁵⁸. Светлейший князь, фельдмаршал Петр Христианович Витгенштейн (1768–1842) — один из них, возможно, не самый одаренный, но «известный рыцарскими свойствами»⁵⁹, благородным гуманным характером. Его поистине золотые слова из приказа от 7 июля 1822 года о достойных товарищеских отношениях в среде офицеров (рыцарского по духу сословия), о соблюдении чести заменяют целые трактаты по «искусству командования», указывают, как и суворовская «Наука побеждать», верный путь развития офицерского корпуса.

П. Витгенштейн

Всякий начальник имеет тысячу средств заставить своих подчиненных прилежать к службе, не *оскорбляя в них чувства чести*, которое должно быть главнейшею пружиною, руководствующею всяким вольным человеком.

Ежели, напротив того, сие чувство не будет существовать, то нельзя ничего от такового офицера ожидать; посему и должны гг. полковые командиры стараться до того довести своих офицеров, чтобы малейший знак неодобрения начальства был для них чувствителен; тогда будут полки украшаться *хорошим корпусом офицеров*, а начальники находить в подчиненных надежнейших сотрудников, без коих не могут они довести полков своих до желаемого благоустройства; худым же обращением достигнут они совсем противной цели. Всякий благородный человек, опасаясь быть таким образом обижен, будет стараться удалиться от службы и вовсе ее оставить; следовательно, все хорошие офицеры выйдут в отставку и останутся те, которые дурным обращением не будут считать себя обиженными, т.е. именно те, которые недостойны носить военного звания и в которых служба не потеряла бы, когда они и вовсе оную оставили⁶⁰.

Мужество, храбрость, другие благородные качества ценились в офицерской среде выше всех заслуг. Оскорбление достоинства (словом или делом) приводило к дуэли. Опасно было унижить офицера, посягнуть на его честь. Самоуважение почиталось дороже жизни, защищать достоинство с оружием в руках, несмотря на запреты поединков, было делом чести. Обороняя высокое звание офицера, передовые представители офицерского корпуса выступали не только за свою независимость, не только оберегали свое достоинство, но и честь России. В 1894 году специальным постановлением («Правилами о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде») дуэли были узаконены, чтобы поднять уровень понятий о чести. В основном они проводились уже по решению судов чести, призванных «для охранения достоинства военной службы и поддержания доблести офицерского звания».

В период с 1894 по 1910 годы в армии состоялось 322 поединка, из них 256 — по постановлению суда чести⁶¹. «В морально-психологическом плане, — отмечает С.В. Волков, — сама возможность заплатить жизнью за нанесение офицеру оскорбления играла огромную роль в деле поддержания чувства собственного достоинства и уважения его в других»⁶².

Право и возможность поединка, как дела чести, укрепляли воинский дух, в том числе и дух храбрости, способствовали очищению офицерского корпуса от негодных элементов и холопского сознания⁶³, прислужничества перед теми, кто относился к офицерам по принципу «Я вас в бараний рог согну!». За эти оскорбительные слова, произнесенные на смотре полка, капитан Норов⁶⁴ — боевой офицер, кавалер многих наград за храбрость — потребовал в 1822 году сатисфакции у самого великого князя Николая Павловича, «не нюхавшего пороха солдафона», будущего императора. Все офицеры лейб-гвардейского Егерского полка в знак протеста решили выйти в отставку. Дело замяли только репрессиями: «зачинщиков» наказали переводами в армию (из гвардии) и увольнениями⁶⁵.

Священнейшие обязанности чести для человека служащего важнее соблюдения закона. Они не позволяют не принять вызов начальнику штаба 2-й армии генералу Павлу Дмитриевичу Киселеву (1788–1872) от бригадного командира этой же армии генерала И.Н. Мордвинова. 24 июня 1823 года Киселев без колебаний «выходит на смертельный поединок, чтобы никто не мог усомниться в его понятиях чести, заслуживающей доверие таких рыцарей, как Волконский, Басаргин, Бурцев, Михаил Орлов, Денис Давыдов... Павел Дмитриевич, при его далеко идущих реформаторских планах, желал сохранить в глазах лучших людей армии свою репутацию человека незапятнанной чести, даже рискуя жизнью... Честолюбие его было честолюбием истинным и высоким». Мордвинов, предложивший заведомо смертельные условия (расстояние между барьерами определили в 8 шагов, число выстрелов — неограниченное), погибает. Александр I прощает Киселева. Последний, в силу своего благородства, выплачивает вдове убитого содержание из собственных средств — до конца ее жизни⁶⁶.

Рыцарская традиция и честь, требования военного дела предполагали уважительное (не унижительное) отношение офицеров не только друг ко другу, но и к ведомой ими солдатской массе: «Понеже офицеры суть солдатам, яко отцы детям, того ради надлежит им равным образом отечески содержать... во пользе солдат делат, что в их мочи есть... надлежит рассуждение иметь... о целости солдат (ибо все воинское дело в том состоит)...» (Петр I)⁶⁷. Этому петровскому завету не только по благородной сути своей, но прежде всего в интересах дела, следовали все честные русские генералы и офицеры.

Генерал-фельдмаршал Борис Петрович Шереметев (1652–1719) был известен своим хорошим отношением к солдатам, настолько любим ими, что о нем слагались песни. Он стремился предохранить солдат от злоупотреблений со стороны офицерского состава («чтобы офицеры сами не покарыстовались... и солдат бы не огладили»). Нередко фельдмаршал склонен был нужды солдат (их удобное размещение на театре военных действий) ставить на первое место перед требованиями стратегии («дабы прежде времени не привести солдат в утеснение и недовольство»). И вообще полагал, что нижние чины должны «прилежать к службе через охоту», а не по принуждению. Неудивительно, что «шереметова пехота» (как и конница) блистательно проявила себя на поле брани Северной войны⁶⁸.

Настоящим отцом-командиром по отношению к нижним чинам был Суворов. Не только воинское искусство, но и человеколюбие были у него на первом месте. Об охране солдатского здоровья — физического и духовного — заботился он непрестанно, подчиняя все это требованиям обучения и боя: «...Хоть сим вам мое человеколюбие! Обучение нужно, лишь бы с толком и кратко; солдаты его любят»⁶⁹. О солдатах: «Вы — чудо богатыри! Вы — витязи! Вы — русские!»; «Братцы, старые товарищи!». По отношению к ним — строг и справедлив, но не жесток, как требовали порядки, установленные Павлом I: «При строгости надобна милость, иначе строгость — тиранство. Я строг в удержании (в войсках) здоровья, истинного искусства, благонравия: милая солдатская строгость, а за сим — общее братство. И во мне строгость по прихотям была бы тиранством»⁷⁰.

Гуманного отношения к солдатам постоянно требовал светлейший князь генерал-фельдмаршал Михаил Семенович Воронцов (1782–1856), храбро и деятельно воевавший за интересы России во всех войнах первой половины XIX века (в том числе два раза на Кавказе). В «Правилах для обхождения с нижними чинами» и в «Наставлениях офицерам 12-й дивизии» от 1815 года он внушал: «Взять за святое и неперемное правило, что на ученьи и за ученье никогда ни одного удара дать не должно... Солдат, который еще никогда телесно наказан не был, гораздо способнее к чувствам амбиции, достойным настоящего воина и сына Отечества, и скорее можно ожидать от него хорошей службы и примера другим»⁷¹.

Пушкин предлагал воспитывать в будущем офицере честь и честолюбие, начиная с самого раннего возраста. В записке «О народном воспитании» (1826 г.) он пишет: «Кадетские корпуса, рассадник офицеров русской армии, требуют физического преобразования, большого присмотра за нравами, кои находятся в самом гнусном запущении. <...> Уничтожение телесных наказаний необходимо. Надлежит заранее внушить воспитанникам правила чести и человеколюбия. Не должно забывать, что они будут иметь право розги и палки над солдатами. Слишком жестокое воспитание делает из них палачей, а не начальников»

В других условиях, но на тех же основаниях, действовал «вождь-рыцарь», «белый генерал» М.Д. Скобелев. В своих приказах он требовал от офицеров «душою сблизиться со своими подчиненными», отечески заботиться о них вне боя, развивать товарищество и боевое куначество частей, все то, чем «славилась старая кавказская армия, которая служила и будет служить доблестным для нас примером». В духе проводившихся военных реформ Скобелев полагал, что главную силу современной армии составит принцип уважения к личности солдата-гражданина, так как «он защищает солдатскую массу от произвола» и «помещичьего отношения», что «современные боевые условия требуют развития личной инициативы до крайней степени, осмысленной подготовки и самостоятельных порывов. Все эти качества могут быть присущи только солдату, который чувствует себя обеспеченным на почве закона». «Прошу всех гг. офицеров, вверенных мне храбрых войск, проникнуться убеждением, что неустанная заботливость о солдате, любовь к нему, делом доказанная, — лучший залог к победе»⁷³.

Для всех выдающихся офицеров слово «солдат» всегда имело высочайшее боевое значение. Все они помнили о завете Петра I: «Солдат есть имя общее, знаменитое, солдатом называется первейший генерал и последний рядовой»⁷⁴. Не забывалась изначальная петровская традиция: производить в офицерский чин только прослуживших в гвардии солдатом или тех, «которые из простых станут выходить по полкам»⁷⁵. Многие так и начинали свою службу⁷⁶. Солдатами не раз называли себя Суворов, Давыдов, Ермолов, Скобелев. Они понимали, что на поле брани нет деления на нижних чинов, обер- и штаб-офицеров, генералов, а есть только воины-бойцы, имеющие единую цель — победу в общих интересах. Поэтому крепили боевое братство, зная, что русскому отличному солдату при хорошем руководстве со стороны офицеров цены нет; «но попробуйте отдать этих солдат в руки дурным офицерам, а например, китайских, хорошим, и вы непременно увидите, что через несколько лет китайская армия будет вдесятеро лучше нашей»⁷⁷.

Н. Колесников

Наша армия — «мужицкая армия», обладающая страшным терпением, нечеловеческой выносливостью, безумной смелостью, исключительным мужеством, отчаянной храбростью и железной стойкостью. Однако, все это только тогда, когда идет впереди офицер, когда «барин» смотрит на «мужика» как на брата...

Солдат смотрит на офицера, и офицер обязан быть образцом гражданина и солдата, рыцарем, и беречь свой мундир и достоинство офицера...

Современный офицер не только *солдат*, но и *гражданин*, преклоняющийся перед законами страны, *рыцарь в понятиях чести*, воспитатель духа солдата, учитель темных масс, отданных ему под начало, подвижник долга, психолог, читающий в душе солдата страницы войны...

России, ведущей борьбу за свою самостоятельность, культуру и право быть государством, нужны сейчас только солдаты!

Так будем же каждой каплей своей крови, каждым атомом своего тела только солдатом и ничем другим!⁷⁸

Рыцарские качества русского офицерства проявлялись в традиционно гуманном способе ведения войны, при котором, как правило, избегались ее бесчеловечные формы, соблюдались «законы войны», обычаи старого боевого рыцарства, упор делался на уничтожение вооруженной силы противника и победу, а не на истребление его как нации и разорение страны. Русская военная доктрина имела и впредь «должна носить в себе тот отпечаток высшей гуманности, что сделал из России на протяжении одиннадцати веков "Божьей рати лучшего воина"»⁷⁹.

Чаще всего «русский офицер и русский солдат полагали свою душу "за други своя"»⁸⁰, проливая кровь за христианскую веру, за союзников, за Европу и т.д. Доблестные офицеры стремились совершать подвиги не только за землю Русскую, но и, например, за освобождение славян от турецкого ига. «В нашем дворянстве и в офицерских кругах, — говорит один из героев романа П.Н. Краснова «Цареубийцы», — сердце превалирует над разумом. Едут к Черняеву сражаться за сербов, забывая, что они русские офицеры и их долг думать о России, а не о Сербии». Именно в защиту братьев-славян велась Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Честь и союзнические обязательства (по отношению не только к Франции, но и Сербии)⁸¹ заставили Россию преждевременно, без должной подготовки всту-

пить в Первую мировую войну, по сути дела жертвовать русскими жизнями и будущностью страны ради рыцарских идеалов. Можно обвинять союзников в постигших затем Россию военных неудачах и государственной катастрофе, но вслед за Антоном Ивановичем Деникиным (1872–1947) все же признать:

И русское командование, предоставленное своей судьбе во время великого отступления 15 года, никогда не отказывало в помощи своим союзникам, даже когда это было в явный ущерб нашим интересам. Я подчеркиваю этот факт. Потому что в этой верности своему слову, которая тогда ни в ком в российской армии не вызвала сомнений, есть тот, ныне уходящий, элемент чести и рыцарства, без которого не может быть человеческого общества⁸².

Особенно зримо рыцарственный дух служения явлен был Белым (офицерским по своему характеру) движением в защиту России. Оно все было пронизано идеей «служения дорогой Родине и любимой Армии». В его ряды призваны были «честные сыны», «офицерский отбор», проникнутые духом подлинного рыцарства и мужества. Офицеры сражались за честь и свободу родной земли. Они омыли кровью позор Родины, не добились победы физической, но одержали моральную: спасли своим рыцарским подвигом честь России, имя русской армии, высокое звание русского офицера. Неудивительно, что идеал русского офицерства писатель М.А. Булгаков видел в Белой гвардии. Герои его одноименного произведения: полковники Най-Турс, Малышев, поручик Мышлаевский, Турбины и другие офицеры, выжившие или погибшие «на боевом снегу», — проникнуты духом подлинного рыцарства и мужества, на их «офицерские корпуса» — последняя надежда России. Прототипами героев романа Булгакова «Белая гвардия» могли бы быть Лавр Георгиевич Корнилов (1870–1918), Михаил Гордеевич Дроздовский (1881–1919), Сергей Леонидович Марков (1878–1918), Николай Всеволодович Шинкаренко (1890–1968),

Антон Васильевич Туркул (1892–1957) и многие тысячи других рыцарей долга и чести. Их сознание и представления о чести прекрасно выражены в воззвании полковника Дроздовского ко всем русским военным, служившим на Румынском фронте Мировой войны:

Русские люди! В ком живы совесть и *честь* — откликнитесь на наш призыв. Отечество наше накануне гибели. Последствия анархии и позорного мира будут неисчислимы и ужасны... Нашим уделом будет рабство, еще более ужасное, чем татарское иго. Кто не понимает это, тот безумец или предатель.

Только правильно организованная армия, беспрекословно послушная воле начальников, воодушевленная сознанием долга и любовью к Отечеству, может спасти великий, но несчастный народ наш. Только она одна может обеспечить ему свободу и светлое будущее. На основе строгой дисциплины — во имя спасения Родины — на Румынском фронте формируется 1-я бригада Русских добровольцев.

Русские люди! Идите к нам на *честную* и святую службу. <...> Русские люди! Исполните ваш долг. Не смейте равнодушно смотреть, как гибнет Россия. Это *бесчестно*. Этого не простят вам ваши внуки и проклянут, как трусов и безбожников...⁸³

Такие офицеры действительно «честь имели» и «имели честь командовать», их действиями повелевала честь. И вполне заслуженно в истории остались не только «петровские», «шереметевские», «суворовские», «ермоловские», «скобелевские» войска, но и «алексеевцы», «корниловцы», «марковцы», «дроздовцы» — именные полки и дивизии Добровольческой армии.

Имея честных офицеров — рыцарей по духу, преданных Отечеству и своему ратному Делу, — можно освободиться от всего недостойного, неподходящего и негодного, и Армия вновь будет «с честью носить название Армии, а не пользоваться им по наследству, по традиции»⁸⁴.

Помни войну!

России пришлось провести в войнах две трети своей жизни⁸⁵. Она постоянно нуждалась в защите, прибыльной вооруженной силе, верных воинах. Ей нельзя было «ослабевать в военном деле» (Петр I), приходилось постоянно «помнить о войне» (завет адмирала С.О. Макарова). На этой основе веками складывалась уникальная боевая школа, которая вырабатывала особый тип офицера, не просто русского патриота, но патриота своего Дела: влюбленного в военную профессию, преданного своему сословию, ответственного за боевую подготовку армии к войне.

«Страстная заинтересованность делом» (И.А. Ильин) побуждала офицера идти «предметным путем»: соответствовать требованиям Войны и Армии, знать «Науку побеждать», быть воином по званию, военным (не штатским) по своей сути человеком, «артистом военного дела», «гением войны», всегда думать о войне и творчески готовиться к ней, чтобы побеждать упреждая, «почти не сражаясь», «малой кровью» и на выгодных условиях. Для офицера «война неизбежна. Теперь, сейчас,

через много лет, в отдаленном будущем — она будет. Единственное средство задержать приближение войны он видел только в сильной армии, в настойчивом приготовлении к войне... Армия была для него все»⁸⁶.

Особый военный патриотизм сплачивал офицерство в одно целое, воспитывал в нем верность Делу даже при неблагоприятных условиях офицерской жизни, когда приходилось думать о хлебе насущном, тянуть лямку службы на окраинах, подвергаться гонениям общественности и печати, репрессиям, находиться в изгнании. В офицерском сознании на протяжении веков вызревала мысль: спасти Россию может только серьезное отношение к военному делу. Организаторы этого спасения — офицеры — должны быть высшего военного качества. Только эффективно действуя на военном поприще, они смогут принести максимальную пользу Отечеству. Как в XVI веке, так и в начале XX века стране по-прежнему требовались офицеры, способные служить: военные в душе (по сути), солдаты, а не «захребетники».

К. Дружинин

Военный дух должен прежде всего существовать в офицерском составе, и если он существует в должной мере, то нечего опасаться за качество армии. При всеобщей воинской повинности офицеры вырабатывают из народа вооруженную силу, и если они хороши, то материал и на войне будет хорош, но, конечно, когда ее цели и задачи будут понятны и усвоены всею массою⁸⁷.

А. Дьяченко

Военный — здесь важна духовная сторона. «Штатские» же в армии опасны для нее и вредные... У кого нет нравственной энергии, сознания военного долга, главные элементы коего составляют повиновение и подчинение, тот и будет чужим для армии, иначе говоря, «штатским». Требуются дисциплина, презрение к смерти, стремление побеждать, то есть качества истинного воина. Штатские и непригодные должны оставить доблестные ряды наши⁸⁸.

А. Дмитревский

Идеальный вождь, идеальный командир — за кем прежде признается идеал силы. Это — *гений войны*... Идеал командира в силе, обязательно превосходящей силу подчиненных, в особенности умом и железным характером: превосходство силы, а не мирных добродетелей⁸⁹.

Настоящий русский офицер был «с Марсом в голове и в сердце». Для него жизни вне службы, вне военного дела, вне войны просто не существовало. Петр Великий — постоянно в военных трудах, в результате которых создана Империя, закончен в интересах России многовековой спор с Швецией, появились регулярные Армия и Флот. Суворов не терпел праздности. Быть всегда в деле, приносить пользу на военном поприще — в этом заключается счастье военного человека: «В классе захребетников не буду!»; «Стыдно быть не в употреблении»; «Баталия мне покойнее, нежели лопатка извести и пирамида кирпичей»; «Трудолюбивая душа должна всегда заниматься своим ремеслом: частое упражнение так же оживотворяет ее, как ежедневное движение»; «Войскам потребны постоянные экзерциции, а без того риск неминуем». Оказавшись в 1793, 1796 гг. вне активной военной роли (занимаясь строительством крепостей на юге России), он не раз просил Екатерину II уволить его «волонтером к немецким и союзным войскам», так как «давно без воинской практики»⁹⁰.

Для Скобелева война — профессия. Всю свою жизнь он жаждал деятельности, рвался в бой («Я там, где гремят пушки»), блестяще проявил себя в боевых действиях в Средней Азии, в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., постоянно мечтал о сражениях, разрабатывал планы будущих войн. Он томился в бездействии, предпочтя в один из таких периодов (1874 г.) взять отпуск и поехать во Францию. В соседней Испании в это время шла гражданская война между правительственными войсками и сторонниками принца дона Карлоса. Молодой русский полковник нелегально пересек границу и присоединился к карлистам, чтобы изучить их опыт партизанской горной войны, весьма поучительный, с его точки зрения!⁹¹

Военными целями и идеалами была проникнута деятельность Александра Васильевича Колчака (1874–1920)⁹². Он предвидел войну, тосковал по ее поэзии, после позорного 1905 года все силы прилагал для воссоздания «вооруженной мощи государства», организации Морского Генерального штаба. В годы Первой мировой войны блестяще командовал минной дивизией, затем — Черноморским флотом. После отстранения от должности собирался передавать военный опыт (по минному делу) американцам, служить военной идее и войне в рядах союзников на Месопотамском фронте простым волонтером. Его рассуждения по этому вопросу прекрасно раскрывают характер русского офицера.

А. Колчак

Моя мечта, моя идея военного успеха и счастья... Я говорил сегодня в обществе весьма серьезных людей о *великой военной идее*, о ее вечном значении, о бессилии идеологии социализма в сравнении с этой вечной истиной... и вытекающих из нее самопожертвования, презрения к жизни во имя великого, о конечной цели жизни — славе военной, ореоле выполненного обязательства и долга перед своей Родиной...

13 лет тому назад мы проиграли войну... Ответственность за это несут прежде всего военные России, главным образом офицерство. После прелюдии 1905, 1906 гг. было ясно, что *спасение России лежит в победоносной войне*, но кто ее хотел — офицерство? Нет, войны хотели немногие отдельные лица... Наше офицерство было демократизировано и не имело подобия и тени военного сословия, воинственности, склонности и любви к войне, что совершенно необходимо. Оно было недисциплинировано и совершенно невоинственно. У нас было 3000 генералов против 800 французских, но что это были за фигуры! Что общего имели с высшим командованием эти типичные мирные буржуа, заседавшие в канцеляриях, гражданских ведомствах и управлениях, носивших военную форму и сабли с тупыми золингеновскими клинками. Или офицерская молодежь последнего времени из нашей «интеллигенции», без тени *военного воспитания*, без знаний, физически никуда не годная, думавшая только, как бы устроиться поудобнее и поспокойнее в 20 лет... У нас были офицеры преимущественно в гвардейских полках, в Генеральном штабе, но их было мало и численно не хватало на такую войну; два с половиной года они спасали Родину, отдавая ей свою жизнь, а на смену им пришел новый тип офицера «военного времени» — это уже был сплошной ужас. Разве дисциплина могла существовать в такой среде, с такими руководителями — но без дисциплины нет прежде всего смелости участвовать в войне, не говоря уже о храбрости. Без дисциплины человек прежде всего трус и неспособен к войне — вот в чем сущность нашей проигранной войны⁹³.

Военный идеализм русских офицеров носил ярко выраженный отечественный характер. Война обожалась не сама по себе. К ней готовились как к необходимому злу, чтобы победить и достигнуть эффективного мира, предотвратить нападение, избежать поражения, заблаговременно разработать оптимальный способ действий, пресечь опасность на ранней стадии, своевременно сориентировать военное развитие страны. На первое место выдвигался *принцип подготовки не к прошлым (прошедшим), но к будущим войнам*.

В действиях Суворова данная установка проявилась особенно конкретно. Постоянно следя за военно-политической обстановкой, он своевременно вскрывал угрозы, которые могли обернуться для России войнами, просился на соответствующие театры военных действий. Уже в 1796 году он предчувствует, что серьезная для России война произойдет не от Швеции, Персии или Турции, а от Франции, в связи с чем предлагает «принятца за корень, бить французов», «искать их в немецкой земле», пока их численность незначительна и не дошла вместе с турками до полумиллиона. В 1799 году во главе русских и австрийских войск он успешно «бьет французов» в Италии и Швейцарии, выражает готовность, в случае усиления, «с Божьей помощью двинуться на Париж», вступить во «французские пределы для положения, восстановлением самодержавия, конца бедствиям, гнетущим человечество»⁹⁴. Действительно, успешная война с Францией в 1800 году могла бы предотвратить многие кровопролитные сражения 1805–1807, 1812–1814 гг., большие потери, которые им сопутствовали.

Война 1812 года и ее вынужденный оборонительный характер не стали неожиданностью для русских офицеров. Начиная с 1810 года ими было подано около 30 планов действий против Наполеона. Один из них, разработанный подполковником Петром Андреевичем Чуйкевичем (1783—1831), почти полностью воплотился в жизнь. Примечательно само его название: «Патриотические мысли или политические и военные рассуждения о предстоящей войне между Россией и Францией и предложение средств воздвигнуть в Германии Инсурецию (вооруженное восстание. — Л. С.) посредством Экспедиции». Взвешенный оборонительный проект, ставший итогом профессионального анализа, исходил из необходимости отступления до момента равенства сил, ведения активных действий, партизанской войны, осуществления десантов и экспедиций за границу одновременно с началом военных действий, организации революций и восстаний в тылу наполеоновской армии.

П. Чуйкевич

Оборонительная война есть мера, необходимая для России. Главнейшее правило в войне такого рода состоит: *предпринимать и делать совершенно противное тому*, чего неприятель желает...

Обыкновенный образ нынешней войны Наполеону известен совершенно и стоил всем народам весьма дорого. Надобно вести против Наполеона такую войну, к которой он еще не привык, и успехи свои основывать на свойственной ему нетерпеливости от продолжающейся войны, которая вовлечет его в ошибки, коими должно без упущения времени воспользоваться и тогда оборонительную войну переменить в наступательную.

Уклонение от Генеральных сражений; партизанская война летучими отрядами, особенно в тылу операционной неприятельской линии, недопускания до фуражировки и решительность в продолжении войны — суть меры для Наполеона новые, для французов утомительные и союзникам их нестерпимые.

Быть может, что Россия в первую кампанию оставит Наполеону большое пространство земли; но дав одно Генеральное сражение с свежими и превосходными силами против его утомленных и уменьшающихся по мере вступления внутрь наших владений, можно будет вознаградить с избытком всю потерю, особенно когда преследование будет быстрое и неутомительное, на что мы имеем перед ним важное преимущество в числе и доброты нашей конницы.

Неудачи Наполеона посреди наших владений будут сигналом ко всеобщему возмущению народов в Германии, ожидающих с нетерпением сей минуты к избавлению своему от рабства, которое им несносно⁹⁵.

Ермолов, в бытность на Кавказе, заблаговременно (с 1817 г.) готовился к столкновению с Персией, прося из Петербурга хотя бы одну дополнительную дивизию, чтобы предупредить войну, которая все-таки состоялась в 1826 году. Одновременно он разработал перспективную стратегию покорения Кавказа, положив в основу ее метод систематической войны, т.е. постепенного упорного завоевания Чечни, Дагестана и других территорий военными экспедициями, постройкой крепостей, прокладыванием дорог и просек, переселением казачьих семей, суровыми наказаниями горцев за мятежи и другими мерами. Кавказ, отмечал он, «это огромная крепость: надобно или штурмовать ее, или овладеть траншеями; штурм будет стоить дорого, и успех его неверен, так обложим же ее»⁹⁶. Только возрождение этого метода позволило последователям Ермолова, князьям генерал-фельдмаршалам М.С. Воронцову, А.И. Барятинскому, графу генералу Н.И. Евдокимову, успешно завершить к 1864 году шестидесятилетнюю кавказско-горскую войну.

Заранее, в 80-х годах XIX века, к будущей войне с Германией призывал готовиться Скобелев. Сразу же после посещения германских маневров 1879 года им был разработан план войны с учетом недостатков немецкой тактики и стратегии: рутинны охватов, слепой веры в стремительное наступление, пренебрежении к инженерному оборудованию позиций. Вместо системы крепостей он полагал необходимым установить по западной нашей границе «Варшаво—Новогеоргиевско—Глубо—Наревский плацдарм наподобие Плевны», противопоставить немецким молниеносным действиям стратегию тяжелой войны на истребление и истощение, в расчете, что армию противника «доканает время», а также «солдатская твердость и стойкость».

На случай вторжения противника планировалось проведение глубокого кавалерийского рейда по немецким тылам силами великолепной среднеазиатской и кавказской конницы для нанесения материального ущерба, сеяния паники и страха. По окончании мобилизации и вступлении в войну главных сил предполагалось в первую очередь разбить и вывести из войны австрийцев, а затем уже развернуть наступление на Германию: «Тогда мы потоком польемся вперед и никакие крепости и феодально-парламентские армии нас не сдержат»⁹⁷. Скобелев-полководец — «военный до мозга костей», человек с «военной будущностью» (М.И. Драгомиров) — постоянно отрабатывал и другие планы: занятия Хивы, обороны Болгарии, похода на Индию (для воздействия на Англию)⁹⁸.

20 лет вынашивал идею и готовил планы захвата Босфора, а по возможности и Константинополя, начальник Главного штаба русской армии генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830—1904). Он заранее предостерегал от активных действий России на дальневосточном и азиатском направлениях и предлагал сосредоточить все ее военные усилия на Западе (где готовиться к европейской быстротечной войне), заняв оборонительную позицию на Босфоре. За 10 лет до неудачной Русско-японской войны (30 марта 1895 г.) его взгляды были уже выражены предельно четко: «По мнению начальника Главного штаба, для нас в высшей степени важно ни под каким видом не впутываться в войну. Необходимо иметь в виду, что нам пришлось бы воевать за десять тысяч верст с культурной страной, имеющей 40 миллионов населения и весьма развитую промышленность. Все предметы военного снаряжения Япония имеет у себя на месте, тогда как нам пришлось бы доставлять издалека каждое ружье, каждый патрон для наших войск, расположенных на огромной некультурной территории с населением не более полутора миллионов. Ближайшие войска могут прибыть к месту военных действий лишь через три месяца, а из Омска и Иркутска — только через пять. Генерал-адъютант Обручев высказывает убеждение, что необходимо действовать дипломатическим путем; впутываться же ныне в войну, на которую нас будут, вероятно, наталкивать европейские державы, было бы для нас величайшим бедствием, тем более, что мы не обеспечены ни на Западе, ни на Кавказе. Генерал-адъютант Обручев заявляет, что мы могли бы достигнуть всего, что нам нужно в согласии с Японией, а Китай нам не страшен».

В XX веке, изучая опыт и уроки Русско-японской войны 1904–1905 гг., идейную подготовку к будущей войне вела целая когорта офицеров русского Генерального штаба: Александр Андреевич Свечин (1878–1938), Евгений Иванович Мартынов (1864–1937), Дмитрий Павлович Парский (1866—1921), Александр Алексеевич Незнамов (1872–1928), Александр Владимирович Геруа (1870 — после 1940) и многие другие¹⁰⁰. Впоследствии, и в эмиграции, и в рядах Красной Армии они по-прежнему продолжали думать о будущей войне, выдвигая стратегические, оперативные, тактические и технические идеи подготовки к ней. Стратегия «измора», всесторонне обоснованная Свечиным в 20-х годах, стала основополагающей доктриной для первых двух лет Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Полностью оправдали себя в ней теории глубоких операций, ударных армий, разработанные в те же годы, а также в целом сценарий (прогноз) большой войны, представленный в записках и работах А.А. Свечина, В.А. Трифонова, Я.К. Берзина, Я.М. Жигура, А.Н. Никонова, М.Н. Тухачевского и других¹⁰¹.

Таким образом, в офицерском корпусе, несмотря на неготовность страны и армии к ряду войн XIX и XX столетий, вырабатывались плодотворные перспективные военные идеи, «наперед имелось ясное понятие о войне», формировалось такое драгоценнейшее качество военного человека, как предвидение.

Д. Трескин

Основной принцип всякой науки и искусства — предвидение, прозрение, т.е. свойство видеть вперед. И стратегия, как истинная наука и искусство, должна обладать этим свойством видеть вперед, предвидеть военные события — войну и вероятных в ней противников. Для армии такое *предвидение будущей войны и своего противника* крайне необходимо для того, чтобы она могла сообразно этому заблаговременно подготовиться.

Известно, что одни из главных причин решительных успехов на войне талантливых полководцев состояли в том, что они предвидели эти войны, обдумывали и готовились к ним задолго до начала их. Для того чтобы возможно было предвидеть военные события, каждому военному деятелю необходима основательная подготовка в отношении военной истории, политики и стратегии...

После предвидения военных событий второй основной принцип военной стратегии — тщательная стратегическая и тактическая подготовка войск к этим событиям. Такая подготовка может предотвратить возникновение этих событий, т.е. войну¹⁰².

Война и военное дело требуют от офицерского корпуса *воинственных и решительных характеров*. Тогда обеспечивается серьезная подготовка к войне, не терпящая легкомыслия и показного миролюбия. Это позволит избежать частых и изнуряющих войн, поражений, большого кровопролития.

М. Скобелев

На войну идут тогда, когда нет иных способов. Тут должны стоять лицом к лицу — и доброта уже бывает неуместна. Или я задушю тебя, или ты меня. Лично иной бы, пожалуй, и поддался великодушному порыву и подставил свое горло — души. Но за армией стоит народ, и вождь не имеет права миловать врага, если он еще опасен... *штатские теории тут неуместны*. Я упущу момент уничтожить врага — в следующий он меня уничтожит, следовательно, колебаниям и сомнениям тут нет места. Нерешительные люди не должны надевать на себя военного мундира. В сущности, нет ничего вреднее и даже более — никто не может быть так жесток, как вредны и жестоки по результатам своих действий сентиментальные люди. Человек, любящий своих близких, ненавидящий войну, — должен добить врага, чтобы вслед за одной войной тотчас не начиналась другая¹⁰³.

В. Короткевич

По существу основной своей задачи *армия должна быть воинственной*, как духовенство должно быть верующим, профессора — учеными. Казалось, это ясно и бесспорно, но мы переживаем странное время, когда священники занимаются публицистикой, профессора — политикой, военные — земледелием...

Мне представляется делом государственной необходимости, *чтобы армия желала войны*, добивалась ее и стремилась к ней. При господстве миролюбивых настроений в армии на войну смотрят как на неприятную случайность, досадное осложнение, нарушающее ровное течение службы до выхода в отставку. Дело правительства — сдерживать слишком горячие порывы армии и направлять их, но гасить их было бы величайшей ошибкой, потому что лишь они одухотворяют и осмысливают мирную работу армии", зажигают огонек, без которого армия мертва.

А уж чего хуже, как если правительству приходится не сдерживать, а понуждать армию к войне. Разве история не дает примеров, когда армии, не желая воевать, поднимали бунт против собственного правительства? По моему крайнему разумению, даже у миролюбивого народа мирно настроенная армия не стоит того, чтобы на нее тратить...

После полученного от японцев урока непозволительно уже думать, что к войне нужно готовить лишь пушки, да снаряды, да побольше войск. *Нужно еще готовить и дух этих войск, и готовить загодя.* С привычкой к миролюбию да добродушию не очень-то повоюешь!¹⁰⁴

Из этих рассуждений следует вывод: армия в мирное время должна быть боевой, заранее подготовленной к войне, так как в современных условиях (как и ранее) «предварительная подготовка получает первостепенное значение», а успех на войне достигается долгой систематической работой мирного времени¹⁰⁵. Поэтому уже в мирное время армия и ее руководящая сила, офицеры, должны серьезно «приняться за самообразование, приняться действительно за военное дело, нужное в бою и на войне, а все плац-парадное, показное отбросить, как затемняющее и отвлекающее от главной цели»¹⁰⁶, «наладить прямые военные упражнения так же хорошо, как и косвенные, даже выше их, даже лучше их. И тогда результат работы наших войск, со стороны их начальствующего персонала, будет совершенно другой, более *победоносный*»¹⁰⁷.

За принцип «*учить войска тому, что необходимо на войне*» ратовали все выдающиеся вожди нашей армии, начиная с Петра Великого и Суворова. В XIX веке этот принцип настойчиво воплощался в жизнь Ермоловым, Скобелевым, другими последователями суворовской школы в действиях на Кавказе и в Средней Азии. Не менее последовательно его требованиям следовали генерал-фельдмаршал Иосиф Владимирович Гурко (1828–1901) и генерал от инфантерии Михаил Иванович Драгомиров (1830–1905), оба награжденные орденами Андрея Первозванного, ценившие полевую службу, опыт войны и суворовские заветы превыше всего. Во время последней Русско-турецкой войны Гурко блестяще руководил войсками гвардии, кавалерией Западного отряда. Известны его примечательные слова, обращенные к офицерам вверенных ему войск: «Господа, я должен вам сказать, что *люблю страстно военное дело.* На мою долю выпала такая честь и такое счастье, о которых я никогда не смел и мечтать: вести гвардию в бою. Для военного человека не может быть большего счастья, как вести в бой войска с уверенностью в победе, а гвардия по своему составу и обучению, можно сказать, лучшее войско в мире»¹⁰⁸.

Любовь к военному делу не допускала невежества, требовала от офицера «*знать вести войну*», напряженной практической и теоретической подготовки в области военного искусства, постоянной учебы:

в практической школе (на службе и в бою), в военно-учебном заведении, самообразования.

Только на основе такого подхода, единства теории и практики, сложился в России профессиональный офицерский корпус: «От современного военного требуется умение разбираться в сложной обстановке боя, способность ориентироваться на значительном пространстве, при разнообразной местности, умение отдавать вовремя приказание и принять на свой страх самостоятельное решение; для всего этого мало опыта, нужно постоянное сочетание всех сторон военного дела и столь же всесторонняя практика»¹⁰⁹.

А. Свечин

Чтобы сдвинуть вперед армию, *надо двинуться вперед самим офицерам.* Недостаточно заботиться о том, чтобы школа выпускала образованных и энергичных офицеров, нужно и жизнь в армии поставить так, чтобы знания и энергия их не улетучивались, а росли и накапливались, *чтобы армия превратилась вся в школу,* в школу не только для солдат, но и для офицеров — всех чинов, всех родов службы.

Элементы минуты и случая играют большую роль, часто не заботятся о будущем; многие размышляют, что после нас — хоть потоп. И вот стремятся извлечь из работников работу, а об образовании и развитии их не думают. *А над нами надо работать, надо, чтобы эта работа, эти занятия с нами, офицерами, были поставлены не в темный угол, а на самое первое место: это важный вопрос в обороне государства. Располагая стоящими на уровне современных требований офицерами, легко разрешить все другие вопросы, всякое дело будет спориться*¹¹⁰.

Образованный, профессиональный офицерский корпус создавал в своей среде все необходимые предпосылки для саморазвития, сохранял необходимые для этого условия. Традиционно для русской армии требовались «офицеры-полководцы», владеющие «наукой побеждать» (более практической, чем теоретической), тактическими умениями, «технологией боя». Они обязаны были ознакомиться с военным делом во всей его широте, знать все приемы и надежные орудия нанесения поражения врагу. Для этого необходимы были знания языков, изучение опыта иностранных армий, чтобы следить за обстановкой, ориентируясь не только по родной старине. Требовалось изучать Россию, ее государственные и военные силы, политические науки, военную историю, читать книги и журналы по своей специальности, мыслить;

не просто любить военное дело, свое ремесло и военное искусство, но их высший синтез — военную науку. Помнить о том, что великие полководцы, действуя в соответствии с правилами и принципами военного искусства, «никогда не переставали из войны создавать истинную науку» (Наполеон), что «война есть наука для людей выдающихся, искусство для посредственных и ремесло для невежд» (Фридрих Великий)¹¹¹.

А. Незнамов

Самые лучшие войска не могут одержать победы без надлежащего руководства, т.е. если во главе их стоят неподготовленные к современному бою начальники... Начальникам всех степеней необходима наука. Наука заменяет опыт, подсказывает решения, ограждает от грубых ошибок, поддерживает характер и волю. «На себя надежность — основание храбрости» (Суворов). Но в нее надо верить. Все великие полководцы ей обязаны славой своей; все настаивают на знакомстве с нею офицеров и генералов. «Генералу необходимо непрерывное образование себя науками с помощью чтений» (Суворов)... Суворов указывал даже метод самообразования: сначала устав, затем принципы, потом ближайшие войны (особенно свои); после этого — для довершения образования — и древнейшие¹¹².

Формируя общий военный кругозор, широкое понимание дела, уясняя метод получения необходимых для военного дела знаний, выявляя сущность, уроки и заключения из предшествующей военной истории, офицер не должен забывать о первооснове своего профессионализма: больше заниматься своей специальностью, совершенствоваться в ней.

Д. Баланин

Военное дело в настоящее время разрослось до таких обширных размеров, что нельзя требовать от офицеров одинакового знания всех его обширных отраслей. Нельзя разбрасываться и быть дилетантами; необходимо специализироваться в своем деле, но зато знать его твердо, на совесть. Лучше меньше знаний, но прочно усвоенных!..

Для пользы военного дела, в самом широком смысле, следует вообще поднять образование в армии и, кроме того, направить работу офицерского состава так, чтобы каждый служащий не только был в курсе главнейших новостей военного дела, но особенно основательно изучал бы свою специальность, только при этом условии человек может быть мастером своего дела и быть в состоянии выполнить его наилучшим образом...

Необходимо твердо усвоить, что всякий шаг по службе налагает на начальника нравственную обязанность расширять круг своих знаний, чтобы *сделаться настоящим мастером своего дела*, быть способным руководить и учить других, а также служить для них примером ревностного исполнения служебных обязанностей, солидной подготовки и любви к своему делу. Любовь же к службе должна быть неразрывно связана с желанием знать ее на совесть, стремлением изучить свое дело до тонкости. Вот идеал, к которому следует стремиться! Отсюда вытекает необходимость принять все меры к тому, чтобы *приохотить офицеров больше интересоваться своим делом* и предоставить им возможность лучше его изучить и чаще в нем практиковаться¹¹³.

Офицерский корпус создавался изначально практической боевой школой и прежде всего службой в гвардейских частях. При Петре I именно гвардия выпускала в армию своих питомцев офицерами, давая широкую практику на войне и в мирное время. Она прививала им правильные взгляды на обучение и воспитание войск, знакомила с основами военного искусства, была источником свежих культурных сил для армии и государства. В гвардии начальствующие лица готовились из лучшего служилого элемента — дворянства. Позднее при гвардейских полках появились специальные школы, дававшие определенную теоретическую подготовку будущим офицерам. Несмотря на учреждение в 1732 году Сухопутного шляхетского корпуса, главная масса офицерства продолжала готовиться в гвардейских полках: в идеальной боевой школе, военно-учебном заведении особого типа, имевшем значительные преимущества перед возникающими кадетскими корпусами, в которых преобладала теоретическая подготовка¹¹⁴. Впоследствии, однако, гвардия, образцовая в бою и воспитывавшая офицерскую элиту, превратилась в привилегированное учреждение, стала «выпускать» в войска в большей степени плац-парадных деятелей. Офицеры гвардии получили много преимуществ, но истинного отбора командного состава практически не произошло.

В период «военного ренессанса», а затем и в эмиграции, не раз предлагалось вернуться к заветам Петра Великого, возродить гвардию как отборное войско и боевую школу, готовить при ее полках если не весь, то хотя бы старший командный состав армии и тем самым вырабатывать корпус офицеров с высоким кодексом понятий, традиций, нравственно-служебной этикой.

А. Геруа

Гвардейские части по преимуществу являются отборными, но отборными не в том смысле, в каком это слово было приложимо к наполеоновской гвардии, отборной не на театре войны и в бою, где она излишне ревниво оберегалась, а в том смысле, что *русская гвардия является отборным войском по своему личному составу*, к которому могут быть смело применимы повышенные требования, необходимые для выработки войсковых начальников, командиров отдельных частей прежде всего, а также для достижения других целей... Весь вопрос только в том, чтобы русская гвардия не отходила от заветов своего Основателя, заветов боевой и серьезно-служебной школы отборного личного состава...¹¹⁵

А. Керсновский

При организации военной семьи Российского служилого сословия нам надо взять за образец птенцов гнезда Петрова — *петровский гвардейский обычай*. Всех, готовящихся к офицерскому служению, писать юнкерами в гвардейские полки, где учредить юнкерские батальоны. Будет покончено с милютинской училищной системой и ее разделением на белую и черную кость. Все офицеры получают однородную гвардейскую шлифовку, единый, крепкий и добрый гвардейский дух. Для специальных войск и авиации оставить училища и школы.

Эта система Петра Великого — *система гвардейской шлифовки* всего офицерства — действовала у нас целое столетие и действовала на славу. Таким путем удастся создать монолит, не создавая противоестественной русским условиям и русским понятиям касты. Главным устоем офицерского корпуса должна быть крепко спаянная и тесно сплоченная офицерская полковая семья... Следует знать и помнить, что рота — административная единица, батальон — тактическая, а полк — духовная... В полках создается дух Армии, как на кораблях куется дух флота¹¹⁶.

Следует отметить, что в военно-учебных заведениях императорской России: кадетских корпусах, юнкерских и военных училищах, военных академиях — петровская идея практической подготовки офицеров, получающих и солидные теоретические знания, всегда существовала. Учебные заведения стремились не терять связь с войсками, поддерживать военный дух и режим, смещая центр тяжести с теории на практическую почву. Среди них так и не прижились военные гимназии, военные университеты, Академия военных наук¹¹⁷. Военному воспитанию уделялось значительное внимание, дисциплины изучались в основном военные, специальные (стратегия, тактика, огневая подготовка, фортификация, военная история и т.д.), т.е. из сферы военного искусства, возродить которое призваны были даже военные библиотеки.

Существование кадетских корпусов стало доброй и полезной традицией. До появления военных и юнкерских училищ в 1863 году в основном они готовили офицеров с военным образованием. На 1917 год в России насчитывалось 29 кадетских корпусов, в которых обучалось 15 тысяч воспитанников. За все годы существования на военную и гражданскую службы были выпущены 96,5 тыс. человек. Со второй половины XIX века средние военно-учебные заведения закрытого типа имели целью облегчить военнотрудовому воспитанию и образованию их детей и быть первоначальной ступенью в подготовке офицеров, «доставлять малолетним, предназначенным к военной службе в офицерском звании, и преимущественно сыновьям заслуженных офицеров общее образование и соответствующее их предназначению воспитание», для того чтобы «всесторонне развить физические и душевные способности, правильно образовать характер, глубоко укоренить благочестие и верноподданнический долг и твердо упрочить те нравственные качества, кои имеют первенствующее значение для офицеров»¹¹⁸.

В кадетских корпусах действительно готовились верные слуги России, с достаточно развитым национальным чувством, любящие свою будущую офицерскую профессию, способные к корпоративному единению и товарищеской поддержке, стоящие в интеллектуальном отношении на уровне современных требований военного дела. Вопросам воспитания, образования и приучения кадет к серьезному труду придавалось чрезвычайно важное значение («только широко образованный и серьезно работающий офицер будет полезным слугой царя и родины»)¹¹⁹.

В военных училищах, а их (без морских) насчитывалось на 1911 год двадцать одно, исходя из уроков Русско-японской войны, предполагалось готовить юнкеров с основательным практическим уклоном. В учебных программах главное внимание было обращено на военные предметы и военную историю, вообще на практическую работу вместо господствовавшего до тех пор теоретического обучения военному делу¹²⁰. В этой связи вновь предлагалось готовить офицеров с «фундамента солдатского», установить обязательный срок пребывания будущего офицера в строевой части для ознакомления с бытом, условиями службы и распорядка войсковой жизни данного рода войск¹²¹.

Полагаю, что, готовя офицеров, надо заставить каждого имеющего стремление к офицерскому званию побывать сначала в положении солдата и, независимо от окончания кадетского корпуса или гражданского заведения, направлять их сначала вольноопределяющимися в войска, хотя на небольшой срок, примерно на полгода. Находясь в войсках, эти молодые люди должны быть предметом

особого внимания войскового начальства и стоять в непосредственной близости в солдату. В конце своего срока пребывания в войсках на них должны возлагаться ответственные обязанности. Особенно полезно назначать их к концу полугодовой службы отделенными командирами, где само положение ставит в непосредственное общение молодого человека с его подчиненными. После этого, с соответственной аттестацией своих ближайших строевых начальников, вольноопределяющийся принимается в училище¹²².

Предлагались и более радикальные меры, в частности, переименование военных училищ в военно-учебные батальоны, их включение в состав армейских корпусов и подчинение командиру корпуса в лагерное время и в случаях несения службы для практики¹²³.

Во всех этих мерах совершенно очевидно просматривалось стремление возвратиться к петровской традиции, к его гвардейскому обычаю, к тому, «чтоб никакого человека ни в какой офицерский чин не допускать из офицерских детей и дворян, которые не будут в солдатах в гвардии, включая тех, которые из простых выходят в офицеры станут по полкам»¹²⁴.

С 1909 года Академия Генерального штаба стала именоваться Императорской Николаевской Военной академией, но свою «генштабовскую» сущность по-прежнему сохранила (осталась прежде всего специальной школой Генерального штаба, а не военным университетом, хотя и занималась военной наукой и готовила офицеров с высшим военным образованием для всей армии). Несмотря на споры о предназначении военных академий, продолжал действовать милютинский еще завет, что они «должны прекратить свое значение в смысле университетских факультетов военного образования и сделаться аппликационными школами каждого из специальных ведомств». Другими словами, академии должны быть максимально приближены к потребностям боевой подготовки войск, к войсковой практике. Армии необходимы были офицеры, хорошо знающие не только теорию военного дела, но умеющие практически решать сложные вопросы управления войсками¹²⁵. Только сверх этого военные академии могли позволить себе быть «военными университетами», т.е. центрами военной науки и распространения военного знания. Но в любом случае тесная связь с «Наукой побеждать», армейской жизнью должна быть безусловной.

К. Дружинин

1. Академия не есть только школа — «фабрика» — для выпуска из нее ежегодно определенного количества офицеров, получивших высшее военное образование, а ее общую или специальною задачей должны быть прежде всего разработка и *усовершенствование военного искусства* во всех его областях. 2. Главными военными науками должны быть стратегия и тактика, так как в них сосредотачиваются все высшие военные знания... 3. *Военная академия должна быть особенно тесно связана с армией*, потому что без этого условия военные науки и составят безжизненную доктрину, которая перестанет отвечать современным требованиям военного искусства. Представители академической деятельности должны быть людьми, знающими армию, в ней служившими и постигшими военное дело на основании опыта (предпочтительно боевого); при постоянном прогрессе военного искусства, в зависимости от совершенствования его технической стороны, при академии должна существовать целая школа военных профессоров, одни члены которой заменяются другими, всегда готовыми преемственно продолжать то же дело, но с новым опытом, вынесенным из армии, и с новыми силами, применяя современные требования военного искусства и отбрасывая все устарелое и им не отвечающее¹²⁶.

Академия должна не просто развивать военное искусство, готовить офицеров с высшим военным образованием, своими трудами наставлять и просвещать всю военную среду. В ней офицеры призваны были изучить принципы и указания военной доктрины, выработать единое мировоззрение, на примере великих полководцев исследовать тайны военного искусства. Она должна была указать слушателям путь к сердцам солдат (подчиненных), который основывался на заботе о них, строгом наблюдении за собой, самоусовершенствовании во всех отраслях военных знаний. Следовало помнить, что уважение и доверие приобретаются знанием своего дела, умением не только рассказать, но и показать, стать примером в обучении и воспитании¹²⁷.

Наряду с любовью к Отечеству русский офицерский корпус всегда отличался преданностью и любовью к своей профессии. Он посвящал себя военной службе и делу, воспитывая в себе на этой основе патриотические качества, вырабатывая возвышенные взгляды и понятия. Ко многим офицерам с полным основанием можно отнести слова, сказанные однажды о поручике Михаиле Юрьевиче Лермонтове (1814—1841): «Лермонтов глубоко любил Россию. Это был большой патриот в чисто военном смысле. Слава Родины была для него неразрывна со славою русского оружия»¹²⁸. Русский офицер, преданный военному делу, избирал военную карьеру не из-за высоких окладов и личного благополучия. Им двигали идейное служение делу, офицерская доблесть, честь, достоинство, фанатизм.

В. Райковский

Только тот достоин носить высокое звание офицера, кто при наличии полной преданности военному делу любит его всеми фибрами своей души и в чьем сердце горит тот священный огонь, который способен двинуть на великие подвиги верующего в свое дело и назначение человека. Не безвольным людям, большим душой, немощным, нервнорасслабленным и, наконец, людям, ищущим покойной жизни и жирных окладов, место в рядах командного состава армии: здесь нужны деятели и люди высшего порядка, типы душевного развития, а не пигмеи без воли, без характера, с узкоразвитым кругозором, с замашками и привычками людей, отдающих себя делу и работе только в известной доле, степени и пропорционально получаемому за то вознаграждению. Не спорю, что требование это очень сурово, но не я сгустил краски, характеризуя предъявляемые к офицеру требования, ибо служебный долг, сознание его, сознание священной миссии, исполняемой офицером, очень высоко и весьма почетно. Вполне справедливо, что это похоже на фанатизм, но без этого фанатизма немыслима офицерская работа, офицерский труд так же, как офицерское звание и достоинство¹²⁹.

Военный патриотизм требовал, чтобы армией управляли подготовленные, опытные, твердые начальники, идущие своей прямой дорогой, постоянно увеличивающие и совершенствующие свои познания, накапливающие опыт. Военная карьера должна быть закрыта для тех, кто уклоняется от исполнения своих обязанностей, избегает строя, стремится служить в гражданских учреждениях.

Д. Баланин

Слабые, угодливые, колеблющиеся, слабоподготовленные и равнодушные к своему делу должны уступить свое место сильным, правдивым, решительным, знающим и увлекающимся делом. Только при этих условиях наступит снова золотой век для нашей доблестной армии, и ее победоносные знамена покроются свежими лаврами; только тогда наша вооруженная сила выкажет всю мощь, которую таит в себе и проявить которую так необходимо возможно скорее для подъема Родины во всех отношениях...

Прочь слабость, равнодушие, колебание — да здравствует *энергия, любовь к делу и бодрость!*

Меньше эгоизма и сделок с совестью, больше справедливости и неуклонного исполнения перед Родиной своего долга по чистой совести и присяге¹³⁰.

Русская история знает целую когорту беззаветно преданных делу морских и сухопутных офицеров. Простое перечисление их имен заняло бы многие страницы. Преданность своей профессии они сохранили и на службе советской власти, и в эмиграции, где многие годы продолжали заниматься идейной военной работой.

Духа не угашайте!

В идеале от командира (начальника) требуются многие качества: любовь к своему делу, доскональное знание его особенностей, увлеченность военным искусством, интеллигентность (способность к умственной работе), сильный характер, воля и мужество, почин и энергия, доверие со стороны подчиненных, которые должны признавать в нем полный авторитет, рыцарскую честность, абсолютную справедливость, умение вести к победам, «делать своих людей счастливыми». Командир, в свою очередь, должен понимать, что эти качества не могут проявиться при угнетенном состоянии духа, что все военное искусство, а тем более искусство командования, «состоит в том, чтобы развить духовные силы и, опираясь на них, добиваться победы»¹³¹, что вера в победу, дух и инициатива — выше всего¹³², они — основа подлинного профессионализма.

В начале XX века стало ясно, что множество бед проистекает от бездушной и бездарной системы командования, основанной на выколачивании офицерской энергии, придиричivosti, разносах, непомерных взысканиях, хамстве, холопстве, несправедливости и других явлениях, угашающих дух офицерства. В противовес этому предлагалось поощрять все, что развивает, одухотворяет, систематично вытягивает в самостоятельную и ответственную работу, укрепляет личную инициативу, расширяет служебный горизонт, что способствует выработке здоровых волевых и сильных характеров, сплачивает командный состав в одну идейную рабочую артель. А для этого необходимо было двинуть на верхи армии «людей настоящего, широкого дела, личной инициативы и вдумчивой работы», сделать офицерский труд «осмысленным, деловитым, прогрессивным, сердечно оборудованным»¹³³, а офицерскую службу — привлекательной, «столь же приятной, как у японцев, без германской суровости и оскорбительных служебных отношений». Из военных рядов следовало удалить все то, что портит, унижает и оскорбляет достоинство офицера, не способствует развитию его самостоятельности и творчества, неприятно действует на душу армии¹³⁴.

После Русско-японской войны «офицеры бежали из армии» или «мечтали об отставке» большей частью не из-за материальных неудобств, а по причинам исключительно духовного свойства. Было «тошно служить», так как в жизнь проводились разрушительные реформы, не прививавшие полезного нового. Службою перестали дорожить, ибо она перестала ценить настоящего офицера, поставила его в такие атмосферу и условия, которые порождали неуверенность в себе, в своем дальнейшем существовании, нервировали, множили ряды забытых, обиженных, недовольных. Между тем дворянские традиции, уровень культуры (начало XX века!) требовали отношений, основанных на особой воинской этике, одновременно свидетельствующей о достоинствах как отдающего приказанья, так и исполняющего их.

Плохо будет, если наш офицерский состав будет ради своих материальных интересов подавлять в себе самолюбие и *не оберегать свое личное достоинство, хотя бы бегством из армии*. Непрерывное приспособление и подавление своего самолюбия уже принесло плоды на поле Маньчжурии.

Не покладистых и угодливых начальников надо иметь и поощрять, ибо не они нам дело сделают в военное время. Люди храбрые и решительные всегда горды, они не любят грубого и даже неловкого дерганья. Этим людям свойственны откровенность и независимость.

Это все качества, которые требуют большой осторожности и сдержанности со стороны начальников, но люди этих же качеств неопределимы в военное время. Таких-то людей твердого закала, с сильно развитым чувством собственного достоинства и удержите на службе.

Итак, мало подобрать командный состав. До подбора нужно надлежаще подготовить его, а затем, подготовив и подобрав, — удержать на службе тою прочно установленною и всюду проводимою особою *воинскою вежливостью и поддержкою*, которая затем на поле брани выльется в победное боевое товарищество¹³⁵.

Решению офицерского вопроса должны бы способствовать и другие меры: искусное командование, достойные условия материальной, служебной и духовной жизни, хорошее содержание, справедливое движение по службе, возвышение достойных и прежде всего строевых офицеров, предоставление им в определенных пределах самостоятельности, благоприятное решение пенсионного вопроса.

И. Злобин

Что же нужно нашей армии? Необходимо *строить поощрять* предпочтительно перед всякими другими родами военной деятельности, тогда все будут стремиться в строй; надо, чтобы строевые офицеры были не пасынками, а Вениаминами русской армии; тогда будут любить строй, будут знать друг друга, явится общность интересов, товарищество, словом, те краеугольные камни, которые составляют главный фундамент армии — дух ее¹³⁶.

Только в этом случае армия могла освободиться от негодных кадров и собрать здоровые силы, способных, энергичных, образованных, лучших. Ведь ее заветным идеалом призван был быть *уравновешенный офицер*, над которым «не висит Дамоклов меч, всеминутно грозящий его самолюбию и праву на уважение и постоянно держащий его в беспокойстве за завтрашний день. Только такой офицер мог широко раскрыть клапаны своего ума и сердца для восприятия науки, искусства и долга»¹³⁷. Главное: «Духа не угашайте!»

В. Тимошенко

Армия без самоуверенности, армия без веры в вождей — не армия... Самодеятельность есть главное качество военного человека... Довольно с нас реформ, и не лучше ли вернуться попросту и без затей к старине, к тем временам, когда дух Петра и орлы Екатерины раздвинули наши пределы до степеней величайшего в свете государства... Меняйте оружие, меняйте строй, но ради Бога — духа не угашайте!¹³⁸

Д. Баланин

«Не угашайте духа», а всеми силами укрепляйте его и тогда дерзайте требовать от отдельных воинов и целых войсковых частей проявления такой доблести, которая в суете будничной, мелкой и пошлой жизни кажется близоруким людям только безумием! А между тем это безумие часто приводит к подвигам, которые перерождают отдельных людей и воспитывают целые нации! Это безумие нередко легко разрешает тяжелые, наблевшие, проклятые вопросы и дает не только славу, но и благоденствие народам!¹³⁹

Воодушевленные петровские, суворовские, скобелевские войска творили историю, создавали воинскую славу России. Дух великих полководцев обеспечивал победы. Бездуховные войска и униженные офицеры могли привести только к поражениям. Следует заметить, что длительное угнетение духа российского офицерства, пренебрежительное и оскорбительное отношение к нему руководства и различных слоев общества, а в конечном итоге и враждебность со стороны солдатской массы, дорого обошлись России.

Русское офицерство было оскорблено павловско-николаевской военной системой, изначально направленной против всего талантливого, даровитого, сильного, самостоятельного. Первым против нее восстал Суворов, угодивший за это дважды в опалу и пророчески заявивший в 1798 г.: «Всемогущий Боже, даруй, чтоб зло для России не открылось прежде 100 лет, но и тогда основание к сему будет вредно»¹⁴⁰.

Более века система эта приводила к неудачам, выдвигая аракчеевых, дибичей, паскевичей, ванновских, янушкевичей и «задвигая» Суворовых, Кутузовых, ермоловых, Скобелевых, миллютиных, Мартыновых, све-чинных, вынужденно и в значительной степени формально пользуясь талантами последних (при жизни) и их духовным наследием (после смерти). Пока Шамиль создавал на Кавказе мюридистское государство, Ермолов все это время (1827–1853 гг.) в расцвете сил оставался не у дел. На этом бездушном фоне даже миллютинская военная реформа 1862—1874 гг. оказалась инородной. Сам ее организатор граф генерал-фельдмаршал (с 1898 г.) Дмитрий Алексеевич Миллютин (1816–1912) в 1880 году был отстранен от дальнейшего реформирования, более тридцати лет пребывал в забвении, пережив еще и позор Русско-японской войны. Система вызывала вполне законное негодование и определенную оппозиционность в среде думающих офицеров Генерального штаба.

Е. Мартынов

Управление войсками давно уже было самой слабой стороной русской армии. В ее обширной боевой работе за последние сто лет было обнаружено много храбрости и весьма мало военного искусства...

Начиная со второй половины царствования императора Александра I, в армии устанавливаются порядки, *не благоприятствовавшие выдвижению способных самостоятельных, людей*, проникнутых духом широкой инициативы; наоборот, на подобных начальников обыкновенно смотрели как на элемент опасный, который нужно по возможности устранять от дела. Примерами являются: отставка знаменитого *Ермолова* в самый разгар его завоевательной и административной деятельности на Кавказе; увольнение покорителя Ташкента *Черняева*, которого, несмотря на все его хлопоты, не допустили даже к участию в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.; долгое бойкотирование во времена той же кампании *Скобелева*, что довело этого столь прославившегося впоследствии генерала до покушения на самоубийство (так в тексте. — А.С.) и многое другое.

После Русско-турецкой войны фельдмаршал Гурко писал своему начальнику штаба Нагловскому: «Об исправлении ошибок и недостатков нашего военного строя нечего и помышлять. Ничего в армии не будет изменено. Опять в начале кампании мы будем бродить в потемках и стучаться лбом о неспособность, коими кишит наша армия»¹⁴¹.

Система, существовавшая в армии, способствовала не развитию, а подавлению таких моральных качеств, как решительность, предприимчивость, готовность брать на себя ответственность, — наиболее важных для войны, отмечал генерал-лейтенант Евгений Иванович Мартынов (1864–1937) в одном из дореволюционных своих трудов. Им приводятся слова военного министра генерала Алексея Николаевича Куропаткина (1848–1925), сказанные при прощании с офицерами 1-й Маньчжурской армии: «Люди с сильным характером, люди самостоятельные, к сожалению, во многих случаях в России не только не выдвигались вперед, а преследовались; в мирное время такие люди для многих начальников казались беспокойными, казались людьми с тяжелым характером и таковыми и аттестовались. В результате такие люди часто оставляли службу. Наоборот, люди без характера, без убеждений, но покладистые, всегда готовые во всем соглашаться с мнением своих начальников, выдвигались вперед»¹⁴².

Победность — черта самостоятельная, явление искусства, следствие нешаблонных действий. Суворова, Кутузова, Ермолова, Скобелева и другие военные таланты не раз обвиняли в том, что они использовали собственную систему действий. В глазах врагов и «уставников» это выглядело как воевание не по правилам, вопреки общепринятым нормам. Приходилось защищать стремление к победе и право на военное творчество. «Бездарность скажет, что она соблюдала правила и нормы, но следовало их не соблюдать, а применять. В отличие от настоящей правильности (применения), я назвал эту правильность (соблюдения) пресловутой и сказал, что она всегда — удел бездарности и причина поражений и что бездарность надо искоренять из армии», — писал А. Шеманский¹⁴³.

Принцип самостоятельности и инициативы частных начальников — закон вооруженной борьбы, один из важнейших (наряду со знанием военного дела) факторов военного искусства, условие победоносности. Он завещан Петром Великим, который очень внимательно относился к развитию самостоятельности среди своего командного состава. Недаром Основатель регулярной армии «в приложение и противность Воинского устава» приписал своей рукой к нему пункт, где прежде всего отмечено, что офицер не имеет права оправдываться ссылками на устав, «ибо там порядки писаны, а времен

и случаев нет, того ради ему необходимо рассуждение иметь» и «не держаться Воинско устава, яко слепой стены», опасаясь «жестокого истязания за нерассуждение»¹⁴⁴. Известно, какое значение придавал самостоятельности действий офицеров Суворов («местный в его близости, по обстоятельствам, лучше судит»), а Скобелев прямо говорил, что «в современном бою батальоны и роты приобрели, безусловно, право на самостоятельность-инициативу; значение гв. субалтерн-офицеров и унтер-офицеров, не говоря о батальонных и ротных командирах, стало слишком первенствующим... В бою необходимо, чтобы гв. офицеры сохранили полную энергию, самообладание и способность самостоятельно решаться при всяких обстоятельствах»¹⁴⁵.

А. Верховский

Всякий, кто становится к большой работе, знает, какое огромное значение имеет участие, активное сотрудничество всех — коллективная работа. В нашем военном деле при строгом соблюдении дисциплины, при ясном сознании необходимости все усилия направлять к единой поставленной приказом цели, *самодеятельность имеет решающее значение*. Блестящим развитием самодеятельности объясняются успехи немцев в войнах последнего времени. Армия, в которой развита и воспитана самодеятельность, может быть уподоблена живому организму, в то время как армия без самодеятельности — это лишь мертвый механизм, способный действовать лишь при особых искусственных условиях, которых на войне создать нельзя. Это паровоз, выпущенный с рельс на вспаханное поле¹⁴⁶.

Как уже было отмечено, офицеры считали себя ответственными перед историей за будущее нации и армии, думали о грядущих войнах, готовились к ним. Неоцененный до сих пор вклад в это дело внес генерал от инфантерии Карл-Август-Фридрих Маврикиевич Войде (1833–1905). В своих работах «Победы и поражения в войне 1870 года и действительные их причины», «Действительное значение самостоятельности в командной системе на войне», «Самостоятельность частных начальников на войне» и некоторых других ему удалось на конкретном опыте доказать, что «самостоятельность частных начальников» станет весьма широко использоваться в будущих войнах, что на ней должна строить свои расчеты победительная командная система. Ни величайший гений полководца, ни численное превосходство, ни образцовое общее командование, ни даже лучшая военная система не могут непрерывно обеспечивать успехи. Немцы в войне с Францией (в 1870 году), как перед этим и с Австрией, наглядно показали, что можно успешно воевать и меньшими силами и далеко не при образцовом управлении, если в полной мере использовать такое эффективное средство, как самостоятельность частных начальников. «Немцы, — отмечал Войде, — обладали этою силою с относительным совершенством. Она-то в самых разнообразных своих проявлениях помогала немецкому начальству успешно, почти без запинки, справляться со сложным механизмом громадной современной армии. Частные немецкие начальники, исполняя приказания свыше, превосходили иногда не только ожидания, но и самые смелые надежды старших начальников, так было под Седаном. Они нередко исправляли более или менее неизбежные промахи старших и дарили их далеко не всегда заслуженною победою... Разумному, смелому, хотя, впрочем, подчас едва ли не заносчивому почину частных немецких начальников французы, как в общем, так и в частности, умели противопоставить только рутинную пассивность, всегда выжидавшую толчка извне»¹⁴⁷.

В грядущих войнах, по убеждению Войде, противники немцев должны будут серьезно посчитаться с этою «в проявлениях своих почти стихийною силою и заранее изыскать средства и способы для противовеса; эту же силу, как неизбежный, во всяком случае, фактор современного военного искусства (хотя бы одного немецкого), не может игнорировать ни одна благоустроенная армия». В будущем победит военная система, которая заявит себя «живою и разумною сверху донизу самостоятельную, плодотворною деятельностью».

Разделение труда ведет к тому, что «всякий, кому указана частная цель, не только волен, но обязан в пределах ее дать полный ход своей творческой силе и способности; в этом он вполне самостоятелен, лишь бы не упускал из вида общей цели, поставленной себе старшим начальником и не мешал другим, стремящимся к этой цели».

Германия вообще и Пруссия в особенности после наполеоновских войн имела длительный мирный период и не могла опираться на непосредственный военный опыт. Через деятельность Большого Генерального штаба она заменила его чужим, истинной военной наукой (являющейся выводом для будущего из правдивой истории и ближайших войн) и, опираясь лишь на эту науку, «создала цельную, грозную военную систему, выработала практическое военное искусство и после полувекового замирения заявила себя громовыми ударами кампаний Богемской и Французской».

Главное основание русской военной системы — народные силы, на которые всегда была надежда, но им следовало бы помочь развитием самостоятельности и умением, которые могут «основываться только на военной науке, а черпать ее надо, где можно, хотя бы из Франко-прусской войны»¹⁴⁸.

К. Войде

Не надо забывать, что армия уподобляется машине в известных только отношениях; во многих же других она нечто совершенно иное. Составные части армии — не мертвые капиталы, а живые организмы, одаренные не только физическими силами, но еще умственными и нравственными. Таким образом, полководец при хорошем составе подчиненных не употребляет свою волю и энергию для того, чтобы просто *сдвинуть* их с места; он, напротив того, своими приказаниями *побуждает* их к самостоятельной разумной деятельности. Таким образом, мысль и воля старшего не только не теряются в трении, но они новой увеличенной энергией возрождаются в работе его подчиненных. Понятно, что все это будет тогда, когда частные начальники способны понимать старшего и, так сказать, играть ему на руку. Из этого само по себе следует, что частные начальники должны знать и понимать свое военное дело в требуемой для каждого степени, т.е. что они должны быть соответственно образованы, обладать знаниями и умениями...

Источник, из которого черпала Пруссия, а вместе с нею и вся Германия, — это не что иное как *наука*. Опираясь на великие наполеоновские уроки, освещая их размышлениями и пополняя зорким наблюдением за всеми позднейшими военными событиями, немцы, с легкой руки гениального Клаузевица, создали и развили целую новую военную науку и применили ее к делу в пределах мирной практики. Германия своей наукою воспитала целый сонм просвещенных военных специалистов; она не побоялась развязать им рук «правом самостоятельного почина». На этой же науке Германия, или вернее Пруссия, основала и всю свою военную систему¹⁴⁹.

Несмотря на заветы русских полководцев и уроки Войде для будущего, принцип самостоятельности так и не нашел достойного места в командной системе русской армии ни во время Японской, ни в Перовой мировой войнах. И в этот период истории по-прежнему в рядовом офицерстве заглашалась всякая инициатива, ему запрещалось иметь собственное мнение. Младшие начальники приучались слепо исполнять уставы. «За весь корпус офицеров думали только высшие начальники, а остальные являлись безучастными исполнителями их приказаний», без всяких рассуждений и учета обстановки. Людей, способных «дирижировать» своим делом и этим путем направлять деятельность подчиненных, было немного¹⁵⁰.

Н. Обручев

Минувшая война с беспощадной убедительностью показала, что свидетельствовало и самим главнокомандующим генерал-адъютантом Куропат-киным, что офицерский состав армии не обладал достаточной инициативой... *Тайна победы скрывается не в точном применении уставных норм, а в правильной оценке стратегических и тактических установок*. Жестокие удары судьбы должны, наконец, нас заставить уверовать, что существует военная наука, что военное дело не исчерпывается одним уставом. Можно быть прекрасным уставником, как был, например, Аракчеев, значительно превосходивший в этом деле своего современника Суворова, но ничего не понимать в военном деле... Пора перестать бояться инициативы. Японцы поняли, что в ней — сила¹⁵¹.

После неудачной войны офицерству в очередной раз приходилось отстаивать точку зрения, что надо чутко относиться к боевому опыту, помнить о развитии самостоятельности, не «рождать» инициативу, а создавать соответствующую для нее обстановку, менять систему командования, выдвигать на первый план людей с твердым и энергичным характером, без чего нет простора и проявления частного почина: «Ясно, что вся служба офицера должна быть поставлена так, чтобы ему *указывались только цели, которых нужно достигнуть, а средства предоставлялись его разумению*, на его личный страх и ответственность; только таким путем возможно развить это необходимое для военного качество и добиться того, чтобы широкое проявление частного почина при каждом удобном случае и не боязнь ответственности стали делом обычным, но нельзя ожидать частного почина на войне там, где деятельность даже старших войсковых начальников ограничена тесными узенькими рамками, где беспрерывные запросы снизу и самые точные определенные указания сверху, где самое простое распоряжение всегда вызывает ряд недоразумений, и никто ничего не решается принять на свою ответственность. Такой системе должен быть положен конец»¹⁵².

В идеале офицерством должны двигать и руководить «не жирные оклады и личные благополучия материального характера», а идейное служение делу, патриотизм чистой воды, офицерская доблесть и честь с присущей скромностью. Военной карьере и службе посвящают себя, а не занимаются этим делом как обычной профессией. «Поэтому избирающие военную службу для карьеры или материаль-

ного обеспечения — это грубое заблуждение и глубокое оскорбление основ военной службы и ее жизненного дела, офицерского труда, офицерской работы, офицерского звания и офицерского достоинства»¹⁵³. Русский офицер служит не за деньги, а по убеждению и долгу. Лично для себя он никогда ничего не требует, духовные ценности ставит выше материальных, развитие воинской доблести, скромность и бескорыстие для него на первом плане жизни.

С. Макаров

Денежное вознаграждение военных чинов за совершаемые ими военные заслуги не подходит к духу русского воинства... Русский воин идет на службу не из-за денег, он смотрит на войну как на исполнение своего священного долга, к которому он призван судьбой, и не ждет денежных наград за свою службу... Я считаю, что от призовых денег командиры судов не будут ни храбрее, ни искуснее, ни предприимчивее. Тот, на кого в военное время могут влиять деньги, не достоин чести носить морской мундир... Соразмерять заслуги этих людей дробными расчетами рублей и копеек неправильно и даже оскорбительно.

Вследствие всего выше сказанного я нахожу, что право на денежное призовое вознаграждение военнослужащих как несовместимое с доблестью, присущей русскому воинству, следует отменить¹⁵⁴.

Оскорбляло и угашало дух, однако, то, что начиная с конца XIX века «содержание офицера было нищенским» (Н. Обручев), «жизнь массового армейского офицерства была всегда полуголодным переползанием из года в год» (А. Мариюшкин), его дух постоянно подрывали «ежедневная будничная нужда и лишения своей семьи» (А. Ге-руа). Денег на жизнь и потребности, соответствующие высокому статусу офицера и его напряженному труду, катастрофически не хватало. Материальная необеспеченность не содействовала спокойствию духа офицеров на войне и в мирное время, не позволяла им, при всем патриотизме, полностью отдаваться военному делу, заниматься самообразованием, идти по пути умственного развития, вынуждала значительную часть времени (и мыслей) тратить на поиск дополнительных средств существования. Следствием нужды были забвение офицером военного долга, эксплуатация служебного положения и казенного имущества в личных интересах, карьеризм¹⁵⁵, появление «офицеров-коммерсантов»¹⁵⁶. Создавалась противоречивая ситуация: с одной стороны, «бегство» офицеров из армии усиливалось, их некомплект принимал угрожающие размеры, а с другой — многие из них на службу шли по материальным причинам, из-за содержания и льгот, в надежде побыстрее достигнуть более высокооплачиваемых и прибыльных должностей. Приходилось, хотя и анонимно, признать:

Военнослужащие, как и служащие в иных сферах государственной деятельности, путем служебной карьеры приобретают две важнейшие в житейском обиходе вещи — общественное положение и денежные средства. Получение чинов и орденов составляет конечную цель службы лишь для немногих людей, поставленных в счастливые условия собственной материальной обеспеченности. Громадное большинство везде служит ради получаемого от казны содержания, которое сплошь и рядом является единственным источником существования. В военной службе еще преимущественно можно видеть людей, служащих по семейным дворянским традициям или из-за чести и удовольствия носить мундир... Но следует заметить, что в наше время материального оскудения дворянского сословия людей с независимыми средствами немного и в военной службе. Большая часть служит, главным образом, ввиду получаемого на службе содержания. Это люди, которые прекрасно ознакомлены с нуждой, так как военная служба, при всей своей почетности, есть самая невыгодная по денежному вознаграждению. Тем не менее с повышением в чинах и назначением на самостоятельные должности, оклады содержания военнослужащих достигают размеров, достаточно хорошо обеспечивающих приличное существование не только человека одинокого, но и людей семейных. Правда, такое благополучие наступает довольно поздно, когда служба подходит к концу, чувствуется порядочное утомление и в душу закрадывается желание пожить на склоне лет для себя... Многие бывают вынуждены продолжать службу иной раз всю жизнь, чтобы могла существовать их семья... Процветание в войсках семейной жизни, в связи с отсутствием у большинства каких бы то ни было собственных средств и крайней недостаточностью послеслужебного обеспечения и являются главными обстоятельствами, удерживающими многих на службе дольше того времени, чем можно желать в интересах службы¹⁵⁷.

Не имея возможности, но и не всегда желая обеспечивать офицеру «полное» существование, руководство армией предпочитало ограничивать права офицера на вступление в брак: офицеру воспрещалось жениться до достижения возраста 23 лет, требовалось разрешение командира на брак, заключение общества офицеров о «благопристойности» брака и внесение реверса (дополнительного денежного обеспечения) до 28 лет. Эти ограничения планировалось ужесточить еще больше. Требуя брачного обеспечения, закон фактически признавал неспособность офицера содержать семью без посторонней помощи, быть мужем, т.е. «опорою, главою и кормильцем семьи». Эта ситуация ставила офицера в положение неполноценного гражданина, подрывала его престиж в глазах общества, вызывала ирони-

ческий взгляд на него, снижала авторитет. Вместо увеличения жалования женатым офицерам предпочитали дискутировать по проблеме «какие офицеры являются более ревностными служаками: холостые или женатые?». Офицерам пришлось отстаивать свое право на семейную жизнь, доказывая, что только женатые, признавая службу источником средств для существования, могут дорожить ею по-настоящему, что именно они более серьезно выполняют обязанности, вносят дух порядка и порядочности отношений в полковую семью, благотворно влияют на молодежь. Они не менее храбры, а в военное время к тому же обладают особой уравновешенностью и выдержкой, которые нужны в современном бою, и т.д.

Д. Кашкаров

Может быть, холостому (хотя и не всякому) умирать и легче, нежели семейному, но от этого далеко до возведения *бессемейственности* офицера в принцип.

Если мужество и прошлые подвиги армий западной Европы иногда исходили из *бездомности* солдат (наемные войска), их малой привязанности к семье и к чему бы то ни было, то славные страницы нашего военного прошлого покоятся совсем на других основаниях. «Дворы свои продадим, жен и детей заложим...» — говорил Минин и те сыны России, которые добровольно покидали семейные очаги и спасали наше Отечество в самую критическую минуту его существования. Вообще наша военная слава и цельный организм нашего Отечества созданы не бездомными авантюристами, а людьми, глубоко привязанными к земле (народные ополчения, войска, созываемые только на время войн), к родному очагу, беззаветно умиравшими, когда того требовал *долг*. Вера, Царь и Отечество для нас были всегда выше и дороже всего, за них шли мы на смерть, забывая все другое. Для русского народа военная служба никогда не была *целью*, а служила только *средством* для защиты Родины... Бессмертные защитники Севастополя: Корнилов, Хрулев и целая плеяда других, — были люди семейные, но это не помешало им быть храбрыми из храбрых...

Нам нужна армия сильная, бодрая духом, бодрая нравственно, уважаемая народом, находящаяся в лице всех ее членов (не только нижних чинов) в тесном общении со всеми классами народонаселения, так как сила России — в духе ее народа. Нельзя ставить офицеров в условия жизни, не свойственные нашему национальному характеру. Русский народ, как о том свидетельствует вся его история, силен не воинственным, а истинно военным духом, которого заботы о семье поколебать не могут¹⁵⁸.

Материальная сторона офицерской жизни не определяющая, но чрезвычайно важна! Она не противоречит идейности службы и офицерскому патриотизму, а поддерживает их. Пусть офицерская профессия будет не самой высокооплачиваемой, но денежного содержания должно хватать на достойную и приличную жизнь. Все остальное следует компенсировать почетом, привлекательностью службы, интересными занятиями, романтикой, риском. Одним словом — настоящим мужским делом, а также хорошей пенсией, возможностью обучения детей офицеров в военных заведениях на казенный счет, другими льготами. Вообще, «жизнь офицера должна быть такова, чтобы было, что вспомнить, чтобы тяжелый труд вознаграждался, а не прямо оплачивался всем, что манит человека, чтобы, уходя даже в наиболее оплачиваемое место, офицер вспоминал, как хорошо, бодро, без нужды жилось тогда, когда он носил мундир»¹⁵⁹.

Вопрос о материальном обеспечении офицеров приобрел поистине государственное значение. Кто хочет иметь сильную армию, должен иметь хороший корпус офицеров. Когда офицеры не обеспечены материально, нельзя требовать от них качественного исполнения долга и обязанностей. Офицеры — душа армии, они хранители ее духа и носители традиций, необходимо заботиться об их участи. «Забывая» по-настоящему «ассигновать на душу армии» (на поддержание офицерства, воспитание духа), ставим под вопрос существование вооруженных сил, которые в этом случае являются, говоря словами генерала Александра Федоровича Редигера (1853–1920), как бы «декорацией», «самообманом»¹⁶⁰. Будучи военным министром, ему удалось добиться увеличения содержания с 1909 года всем строевым офицерам ниже командиров отдельных частей. Он считал эту проблему одной из настоятельнейших, имеющих для армии «громадное значение».

А. Редигер

Среди массы наших дефектов и нужд я лично ставлю на первую очередь *улучшение материального положения офицерства*, так как при наступившей дороговизне оно уже бедствует, а это угашает дух! Я не мечтаю о коренном разрешении вопроса, а лишь о прибавке по двести сорок рублей в год батальонным и ротным командирам и младшим штаб-офицерам, это немного, но все же *подымет их дух*, и младшие офицеры будут видеть, что с получением роты есть возможность *быть сытым*. Эту меру надо провести во что бы то ни стало еще и потому, что надо доказать офицерам, что о них думают, их службу ценят и даже в настоящее тяжелое время для них средства находятся¹⁶¹.

В силу своего исторического статуса и роли офицерство призвано быть элитой общества, стать выше среднего уровня массы. Нищенское положение офицеров и их семейств перечеркивает это признание, роняет в глазах общества престиж офицерского звания. Уроки русской истории указывают на негативные последствия такого положения. Если же собственный опыт неубедителен, обратимся к китайской мудрости: «Кто потеряет авторитет, непременно лишится и власти... Когда храбрые полководцы, одержавшие множество побед, живут в нужде, а праздные краснобаи имеют богатства и чины, государству грозит неминуемая гибель»¹⁶².

Берегите офицера!

На военно-служилом сословии, на его подвижничестве всегда держались Россия, Армия, Флот... Офицерство было не только душой военной организации, но и «несущей конструкцией» государства, его главной охранительной и творческой силой, двигающей военное дело по пути прогресса. И хотя офицерские оклады часто не соответствовали характеру ратного труда, государство стремилось компенсировать недополученное вознаграждение в виде имений, земли, дворянского звания, почестей. Но забвение всего этого со стороны общества («народа») после Русско-японской войны, негативное отношение к армии, явились настоящим оскорблением, которое офицерство никогда уже не смогло забыть.

А. Редигер

Материальное положение офицеров всегда было плохим; если, тем не менее, военная служба привлекала многих, то это в значительной степени объяснялось почетом, которым пользовались офицеры не только в войсках, но и в обществе, теперь же и этот *почет был утрачен*, и офицерский мундир стал мишенью для всяких нападков. Весьма многие шли в офицеры главным образом потому, что подготовка к офицерскому званию требовала минимальных расходов, и получив это звание, старались при первой возможности перейти на другую, более выгодную службу, казенную или частную, или, по крайней мере, устроиться на военной же службе, но вне строя. Корпус офицеров в строевых частях поэтому представлял собою «бочку Данаид» с громадной течью, с трудом пополняемую выпускниками из военно-учебных заведений. Теперь же эта утечка офицеров, составляющих *душу армии*, еще усилилась, и некомплект офицеров принял тревожные размеры¹⁶³.

Офицер утрачивал внимание, на которое имел бесспорное право. Кадровое офицерство — «надежнейшая из ценностей» — легкомысленно было растрчено (до 75%) уже в первые 10–12 месяцев Мировой войны. Лишившись наиболее верной части командного состава, мы потеряли армию. «Его уже не мог заменить тот суррогат, зачастую буквально безграмотного прапорщика, который наскоро фабриковался во время войны»¹⁶⁴. И часто в «опустевших окопах маячили одинокие фигуры в офицерских погонах — последние птенцы гнезда Петрова оставались на посту, зная, что разводящим здесь может быть только Смерть. *Россия не сберегла своих офицеров...* Обманутые общественностью военачальники сыграли роль позорную и жалкую... Их непростительной ошибкой было то, что они слишком стали считать себя «общественными деятелями» и недостаточно помнили, что они — прежде всего присягнувшие царю офицеры»¹⁶⁵. Максимум, что сознавалось: надо «спасти армию», сохранить ее, уберечь офицерство, без которого Россия погибнет. Именно этот лейтмотив прозвучал в выступлениях генералов Михаила Васильевича Алексеева (1857–1918) и Антона Ивановича Деникина (1872–1947) на первом офицерском съезде в Могилеве в мае 1917 года.

А. Деникин

Проживши с Вами три года войны одной жизнью, одной мыслью, деливши с Вами яркую радость победы и жгучую боль отступления, я имею право бросить тем господам, которые плюнули нам в душу, которые с первых же дней революции совершили свое Каиново дело над офицерским корпусом... И я имею право бросить им: Вы лжете! Русский офицер никогда не был ни наемником, ни опричником. Забитый, загнанный, обездоленный не менее, чем вы, условиями старого режима, влача полунищенское существование, наш армейский офицер сквозь бедную трудовую жизнь свою донес, однако, до Отечественной войны — как яркий светильник — жажду подвига. Подвига — для счастья Родины. Пусть же сквозь эти стены услышат мой призыв и строители новой государственной жизни: Берегите офицера! Ибо от века и доныне он стоит верно и бесценно на страже русской государственности, сменить его может только смерть!¹⁶⁶

С конца 1917 года служить и жить становилось невозможно. Революция и Гражданская война привели к упразднению, рассеиванию, истреблению значительной части офицерского корпуса. В соответствии с «революционной целесообразностью» уже в начале этого разрушительного процесса различными декларациями и декретами новой власти упразднялись «чины, внешние отличия и титуло-

вания», «само различие названий офицера и солдата», «знаки отличия до боевых (Георгиевских крестов) включительно». «Армия Российской республики отныне состоит из свободных и равных друг другу граждан, носящих почетное звание солдат революционной армии... С уничтожением офицерского звания уничтожаются все отдельные офицерские организации», — говорилось, в частности, в декрете СНК от 16 декабря 1917 года «Об уравнивании в правах всех военнослужащих». Большого оскорбления для офицерства с его высшим назначением, как отмена существовавших веками военных чинов, орденов, погон (а с ними вместе и окладов, и пенсий), нельзя было себе представить. С заслуженными кровью погонами не желали расставаться, что нередко служило поводом для солдатских самосудов. Николай II, находясь под арестом в Тобольске, отмечал в дневнике: «Отрядный комитет стрелков постановил снять с нас погоны. Непостижимо... Этого свинства я им не забуду»¹⁶⁷.

Вся вина офицера заключалась только в том, что он защищал Отечество, пытался довести войну до победы, носил офицерскую форму, да в том, что законом был назван словом «начальник». «Он все это себе мог «объяснить», мог объяснить даже изуверство толпы, в которую превратилась армия и, в частности, его рота, но он не мог не быть оскорбленным. Ведь его выставляли преступником, кровопийцей; его называли наемным убийцей... За что? Только за то, что в кровавой борьбе с внешним врагом он не забыл своего долга перед Родиной, за то, что верен был дисциплине». Горечь вопиющей несправедливости усиливалась «призывом» в новую армию, где бывшего офицера стали именовать специалистом и где «службу он должен был нести как повинность»¹⁶⁸.

Но и в оскорбленном состоянии бывшие офицеры продолжали работать на пользу Родины, создавать теорию будущих войн, военного дела. Благодаря их офицерским усилиям Советский Союз к 1930 году имел современные вооруженные силы, мощь которых признавалась всеми вероятными противниками. Но действовать, даже в это относительно благоприятное время, приходилось в сложнейших психологических условиях, под огнем постоянной критики и шельмования. К примеру, каждая книга и статья А. Свечина, в конце XX века объявленного классиком и одним из ста выдающихся военных деятелей мира, в то время подвергались непрерывным нападкам. Самого автора (генерал-майора, комбрига) непотребно обзывали «контрреволюционером», «предателем», «сознательным вредителем», «реакционным профессором», «апологетом царской армии», «метафизиком» и т.д. Во время первого ареста, в 1931 году, его «научное дело» подвергли разбору на специальном заседании Секции по изучению проблем войны Ленинградского отделения Коммунистической партии. Стенограмма заседания была издана тиражом 10 тысяч экземпляров под названием «Против реакционных теорий на военно-научном фронте. Критика стратегических и военно-исторических взглядов проф. Свечина»¹⁶⁹.

«Пораженческие теории» были «изобличены», большевистская партийность на всех участках военной науки восторжествовала. В 1932 году можно было уже отрапортовать: «Марксистско-ленинский научный фронт имеет за истекший период немалые достижения. Достаточно указать на тот факт, что за последние годы вскрыты и в основном разоблачены контрреволюционные буржуазные теории в вопросах войны и военного дела Свечина, Верховского, Какурина, Н. Морозова, теоретическая система контрреволюционного троцкизма, рязановщина, как разновидность социал-фашистского 11-го Интернационала на военно-теоретическом фронте, меньшевистский идеализм в этой области в лице горевщины и т.д.»¹⁷⁰.

В 1937–1938 гг. абсолютное большинство «военных специалистов», а заодно с ними и многие командиры новой генерации были объявлены «врагами народа», участниками «белогвардейских» и «антисоветских военно-фашистских» мифических заговоров, «шпионами» и т.д. Тысячи из них погибли в сталинских застенках и лагерях. В

1939 году на XVIII съезде ВКПб констатировалось: «Враг разгромлен и уничтожен», «подлый заговор кучки шпионов никогда не повторится в Рабоче-Крестьянской Красной Армии» (Мехлис); «враги народа были вовремя разгромлены», «уничтожили кучку всякой дряни — Тухачевских, гамарников, уборевичей и им подобную сволочь» (Штерн)¹⁷¹.

Можно, конечно, было гордиться тем, что к марту 1939 года в стране насчитывалось 63 сухопутных училища, 32 специальные летные и летно-технические школы, 14 военных академий, 6 военных факультетов при гражданских вузах, но творческий дух был угашен, преемственность прервана, многовековая офицерская школа и профессионализм в значительной степени утрачены, что сразу же негативным образом сказалось уже на ближайшей Советско-финской войне 1939–

1940 гг. Заклеймив шпионами, предателями и изменниками интеллектуальные военные кадры, срочно пришлось призывать и обязывать сохранившийся командный состав «глубоко» изучать ино-

странные языки, опыт современных войн, военную историю, устраивать диспуты, развивать творческую военную мысль: «Командир Красной армии должен жить и работать в атмосфере кипучего развития творческой военной мысли... Отсталых бьют!»¹⁷² После расправ с мыслящими офицерами, в атмосфере тотального страха призыв этот звучал поистине иезуитски.

Массовые репрессии, снизившие профессиональный уровень и подорвавшие моральный дух командного состава, стали главной причиной позорных неудач Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны. Начальник генерального штаба сухопутных сил Германии генерал Франц Гальдер в мае 1941 года записал в своем дневнике: «Русский офицерский корпус исключительно плох, он производит жалкое впечатление, гораздо хуже, чем в 1933 году. России потребуется 20 лет, пока она достигнет прежней высоты». Те военачальники, которые хорошо знали немецкую военную организацию и военное искусство, были репрессированы. Их заменили командиры, из которых только 7% имели высшее военное образование, а 37% не прошли полного курса обучения даже в средних военно-учебных заведениях. Большинство из них не имели боевого (и просто достаточного) опыта работы на высоких офицерских должностях. Все это, несомненно, подтолкнуло нацистскую Германию к развязыванию войны против СССР. «Если бы не было 1937 года, то не было бы войны 1941 года», — отмечал впоследствии маршал А.М. Василевский. Историк О.Ф. Сувениров на основе серьезных исследований пришел к выводу:

«Трагедия Красной армии в 1941–1942 гг. во многом, а может быть, и в основном, прямое следствие трагедии РККА в 1937–1938 гг.»¹⁷³.

Накануне смертельной войны командный состав армии оказался деморализован.

Е. Месснер

Перевернешься — бьют. Невернешься — бьют. В таких условиях живет офицерство Красной Армии. Может ли в этих условиях развиваться воля, пробуждаться способность к инициативе, крепнуть вера, возвышаться душа верностью служения государству? *Души взяты в кандалы*. Офицеры, как колодники, волокут духовные цепи, и эти цепи делают их неофицерами: офицерское призвание требует развития всех чистейших ценностей души — без этого нет офицерства¹⁷⁴.

К. Симонов

Надо помнить, что творилось в душах людей, оставшихся служить в армии, о силе нанесенного им духовного удара. Надо помнить, каких невероятных трудов стоило армии... начать находить в себе силы после этих страшных ударов. К началу войны этот процесс еще не закончился. Армия оказалась не только в самом трудном периоде незаконченного перевооружения, но и в не менее трудном периоде незаконченного восстановления моральных ценностей и дисциплины¹⁷⁵.

И при этих неблагоприятных обстоятельствах необходимо было готовиться к предстоящей войне, изучать и восстанавливать военное искусство, науку, воинский дух. Буквально накануне фашистской агрессии внимание к этой проблеме привлек генерал-лейтенант Дмитрий Михайлович Карбышев (1880–1945) — бывший офицер, чудом сохранивший жизнь во времена массовых чисток, и в последующем, в фашистском плену, не утративший мужества, чести и совести. В своем письме в редакцию «Красной звезды» (май 1941 г.) он предложил «создать центральную военно-научную библиотеку», чтобы на основе новейшей литературы изучать опыт идущих уже войн: «Весь ход второй империалистической войны и то новое, что она вносит в военное искусство, уже сейчас требует внимательного исследования и пристального изучения. В результате быстрого прогресса танковых войск и авиации сильно изменились самые формы ведения войны, что существенно отражается на характере операций и боя»¹⁷⁶.

Необходимо отметить, что командный состав, сменивший безвинно репрессированных «врагов народа», не берегся в ходе войны и в большинстве своем был «выбит» уже в начале боевых действий. «И советский офицерский корпус фактически был воссоздан уже в ходе самой Великой Отечественной», — отмечает историк Е.С. Сеньявская. — Так, к 1945 г. в Советской Армии командовали полками 126 офицеров, начавших войну рядовыми и сержантами. Новый боевой опыт, наработка навыков военной культуры, традиций в итоге были оплачены непомерной кровью рядовых и офицерских кадров и гражданского населения»¹⁷⁷.

Только в ходе войны отношение к старому (русскому) офицерскому корпусу стало меняться. На щит были подняты имена великих русских полководцев. Исчез негативный образ русского офицера («контра», «золотопогонник», «белогвардеец», «офицерье» и др. оскорбительные клички), восстановлены были многие воинские традиции¹⁷⁸: награждение «историческими» орденами и медалями, воз-

вращение «золотых» погон и самого слова «офицер», воссоздание гвардии (с 1941 г.), кадровой армии и т.д. Введением погон, в частности, предполагалось решить несколько задач: подчеркнуть, что Советская армия является законной преемницей доблести и боевой славы старой армии, единственной наследницей ее традиций; укрепить авторитет и единоначалие командных кадров, напомнить им об ответственности, достоинстве и чести, символом которых всегда были погоны. В «Красной звезде» (7 января 1943 г.) по этому поводу отмечалось, что «мы надеваем погоны в великую и трудную годину Великой Отечественной войны. Обессмертим эти знаки воинского различия и воинской чести новыми подвигами во славу нашего Отечества и нашей героической армии»¹⁷⁹. Многие советские офицеры действительно почувствовали себя наследниками и продолжателями славных побед русского оружия. Ведь возвращение прежней воинской атрибутики совпало с переломом в ходе войны и начавшимся наступлением Советской Армии¹⁸⁰.

Несмотря на все эти меры и саму войну, настоящей преемственности между русским и советским офицерством установлено не было. В послевоенное время русская военная история, биографии и труды предшественников широко не изучались. Реабилитация репрессированных бывших «красных» офицеров растянулась на годы, а «белых» — на десятилетия. Их общее идейное наследие и нравственный пример зачастую игнорировались. У советских офицеров — хороших, если не отличных специалистов своего дела — не воспитывалось национального самосознания, которое было заменено марксистско-ленинским мировоззрением, приучавшим больше думать о выполнении «интернационального долга», чем о безопасности и действенной защите собственного Отечества. Результаты подобного подхода, разрыв преемственности и традиций, «оскорбительное» отношение к офицерскому корпусу — все это в 1991 году сказалось в развале Большой России (Советского Союза) и Советских Вооруженных Сил, всей громоздкой военной системы. Офицеры в очередной раз потеряли Отечество, оказавшись в армиях различных государств (бывших республик СССР), а то и по разные стороны баррикад.

В последнее десятилетие XX века немало трудностей пережил и российский офицерский корпус. В результате обвальных сокращений и непродуманных военных реформ его представители оказались разбросанными по разным силовым структурам. Многие вынуждены были (в основном по тем же оскорбительным причинам, что и в начале века) уйти на «гражданку». И на рубеже XX–XXI веков продолжает существовать значительный некомплект младших офицеров, которые по-прежнему «бегут из армии» из-за неудовлетворительных условий службы. Только за 1996–1998 гг. Вооруженные Силы России (и их более чем 300–тысячный офицерский корпус) добровольно покинули 60 тыс. офицеров в возрасте до 30 лет — несколько отборных офицерских дивизий!¹⁸¹

В 1999 году досрочно уволились с военной службы 35 тыс. офицеров, из них почти половина в званиях от лейтенанта до капитана. Каждый год 7–8 тыс. молодых офицеров, получив высшее образование и немного послужив в армии, пишут рапорта на увольнение, 10–11 тыс. курсантов, отбыв два года в военных училищах, переходят в гражданские вузы. Уходят не только курсанты и лейтенанты, но и золотой фонд — капитаны и майоры, накопившие значительный служебный и боевой опыт¹⁸².

Несмотря на наличие более чем пятидесяти высших военно-учебных заведений, первичные офицерские должности до сих пор приходится пополнять в принудительном порядке, «по призыву» — выпускниками военных кафедр гражданских вузов, которым из-за их низкой подготовки «нельзя доверять командовать солдатами»¹⁸³. Тем не менее в звене рота-батальон 90% офицеров — «двухгодичники». 80% из них после года службы уже знают, что в армии не останутся, чувствуют себя временщиками. «Да, в условиях дефицита кадров офицеры-двухгодичники делают немалую работу. Но, подчеркну, далеко не все из них профессионалы, хотя любой работой, особенно военным делом, должен всегда заниматься профессионал, связавший свою жизнь с армией»¹⁸⁴, — отмечает начальник Главного управления воспитательной работы Вооруженных Сил РФ генерал-полковник В.М. Азаров. Некомплект должностей младших офицеров вынуждает руководство страны и в 2000–2005 гг. призывать офицеров запаса на военную службу (ежегодно до 15 тысяч граждан)¹⁸⁵.

Сохраняются и многие другие хронические проблемы офицерского корпуса. В конце 90–х годов лишь 29% населения России испытывали доверие к армии (в два раза меньше, чем в конце 80–х), в то время как 52% относились к этому государственному институту, по крайней мере, опасливо и негативно (в 4–4,5 раза больше), все чаще винули армию в неблагоприятных поступках¹⁸⁶. При таком отношении к Вооруженным Силам престиж офицерского звания, службы, значительно снизился. Частично он был восстановлен только благодаря успешным действиям федеральных войск в борьбе с терроризмом на Северном Кавказе (1999–2000 гг.)

Жилищная проблема в Российской армии по-прежнему остается одной из трудноразрешимых. В 1998 году в списках бесквартирных военнослужащих насчитывалось около 100 тыс. человек. «Картина получается безрадостной: на пороге XXI века в Российской армии почти каждый третий офицер не имеет своего жилья. Хуже того, перспективы на его получение в ближайшем будущем весьма туманны»¹⁸⁷.

В материально-денежном отношении офицерство, как и в начале XX века, продолжает бедствовать, вынуждено «подрабатывать»¹⁸⁸, пускаться нередко в сомнительные авантюры ради выживания семьи. Оклады, несмотря на периодические повышения, остаются мизерными (у командира взвода, например, — 1354 руб. в месяц, что ниже среднемесячной зарплаты по стране). Учитывая, что у многих военнослужащих-офицеров жены не работают, можно констатировать: «Семьи командиров взводов вынуждены жить на сумму, составляющую от 29,4% до 52% прожиточного минимума, а командиров батальонов — от 46,4% до 82%. На Дальнем Востоке даже адмиралы и генералы во многих случаях не могут содержать свои семьи на уровне выше прожиточного минимума»¹⁸⁹.

История частично повторяется. Ее уроки в отношении офицерского вопроса усваиваются с трудом. Достоинство офицера — по объективным и субъективным причинам — по-прежнему унижается. Вызовы на дуэль больше невозможны, и Россия пока не та, чтобы, как во времена Лермонтова, можно было заметить, что здесь «следуют правилам чести так же строго, как и везде, и что мы меньше других позволяем себя оскорблять безнаказанно»¹⁹⁰. Остается надеяться на соблюдение законов и заботу государства, которое на собственном поучительном опыте (в том числе и на опыте ведущихся сегодня войн) начинает сознавать основополагающую роль офицерства. «Не защитим его честь — не будет и заступников у нашего Отечества!» Этот главный завет остается по-прежнему актуальным. Напомним о нем еще раз словами, которыми закончил свой великий труд о трагедии РККА в 1937–1938 годах отставной полковник Олег Федотович Сувениров:

По-разному можно подходить к оценке роли исторической науки. Поль Валери, например, как-то заметил, что история — это наука о вещах, которые не повторяются. Но мудрец Гете считал, что «прошедшее еще предостойт». И как бы ни складывались судьбы нашей России, нашей армии, один из главных уроков минувших этапов их многострадальной истории звучит так: «*Берегите командира!*» Это было важно вчера, это нужно сегодня, это будет жизненно необходимо завтра. Россияне! Берегите командира Российской армии!¹⁹¹

Новая армия старых заветов

На рубеже XX-XXI веков в очередной раз наступило «время офицера». Заветные идеалы русского офицерского корпуса стали усваиваться, воплощаться в действительность, приобретать реальные очертания в новой военной системе. Появилась надежда на решение офицерского вопроса.

Российское офицерство после десятка лет растерянности, страданий и метаний начинает чувствовать себя служилым сословием, ответственным за судьбу России, за будущее Вооруженных Сил. Как последний довод власти и государства, оно предотвращает распад страны, противостоит внешним и внутренним угрозам. Честный, сдержанный, политически неангажированный офицер под давлением обстоятельств стал подниматься «по ступеням престола»¹⁹², получая высочайшие полномочия и доверие народа, вплоть до выбора на должность Президента Российской Федерации. Находясь на этом высоком посту и являясь одновременно Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами, Владимир Владимирович Путин по максимуму использует сегодня свои офицерские качества для организации защиты России, поднимает престиж армии и военной службы, привлекает внимание общественности к особой роли и значению офицерского корпуса, в адрес которого впервые за последние годы зазвучали слова признательности и благодарности за тяжелый ратный труд.

В. Путин

Наша армия, с честью выходя из долгого кризиса, становится все лучше и профессиональней... И в наше сложное время военные вновь доказывают, что они не только профессионалы, но надежная опора, крепкий тыл для всей страны... Мы прозрели, когда наконец стало очевидно: бороться с вооруженными до зубов агрессорами, а они, как оказалось, тоже есть, могут только военные, только *профессионалы*. Слово «защитник» приобрело реальный смысл, а граждане России почувствовали надежное армейское плечо. Стал восстанавливаться престиж военной службы. У людей в погонах возродились уверенность и личное достоинство... Военные — это прежде всего *государственные люди*. И без вашей трудной работы нет и не может быть сильной страны¹⁹³.

В последнее время все глубже осознается значение офицерского корпуса как надежной опоры государства, основы Вооруженных Сил, хранителя ратных традиций, духовных ценностей российского

воинства. Подчеркивается, что долг офицеров — продолжать дело своих предшественников, брать с них пример, черпать в их наследии энергию, духовные силы, чтобы в непростых современных условиях надежно обеспечивать защиту национальных интересов России. Только на этой основе, полагает министр обороны маршал Российской Федерации Игорь Дмитриевич Сергеев, российский офицер сможет воплотить в своей личности лучшие качества командира, специалиста военного дела, воспитателя, проявит настойчивость в профессиональном совершенствовании, не забудет о таких важных понятиях, как патриотизм, честь и верность долгу. «Мы рассчитываем, — отметил он, обращаясь к выпускникам военных вузов, — на вашу энергию и инициативу, на вашу *ответственность и профессионализм*. Призываю вас помнить и руководствоваться замечательными словами Петра I: "Больше побеждает *разум и искусство*, нежели множество"»¹⁹⁴.

Офицеры всегда были (и остались) среди лучших, являлись носителями духовности, а следовательно, и военных побед. Они олицетворяли собой честь и достоинство, высочайшую культуру. «Дворянский офицерский корпус России, — констатирует генерал-полковник Леонид Григорьевич Ивашов, — это не просто отчаянные рубаки, покорители крепостей и дамских сердец, а прежде всего *люди чести и высокой нравственности*. Редкий офицер не увлекался музицированием, поэзией, литературой. И армия наша — я в этом накрепко уверен — была, есть и будет не только организацией для вооруженной защиты Отечества, но и школой воспитания, через которую проходит львиная доля мужского населения России». И сегодня офицерский корпус России — «наиболее честная, мужественная и благородная» часть общества во главе с «командой интеллектуалов». «Сам министр, начальник Генерального штаба, генерал-полковники Ситнов, Балуюевский, Исаков, Косован, Путилин, Панин, Корнуков, адмирал Куроедов и многие другие — не только прекрасные специалисты в области военного дела, но и знатоки отечественной истории, культуры, это — люди чести. Элита российского общества. Настоящая элита!»¹⁹⁵

В отборе лучших граждан (вождей, истинных «внесловных дворян»), оказавших России наибольшие услуги в последние пятнадцать лет, офицеры (воины-подвижники) выдвигаются сегодня публицистом Кавадом Рашем на первый план. Среди них — маршал Сергеев, адмирал Касатонов, генералы армии Квашнин и Николаев, полковник Карелин, капитан первого ранга Ненашев... За ними — сотни известных и неизвестных «героев нашего смутного времени», посвятивших себя боевому служению Родине, которые самоотверженной и честной работой предотвратили дальнейший развал, спасли честь и достоинство России, обеспечивают возрождение армии и флота.

К. Раш

Из десяти горячих точек на пространстве бывшего Советского Союза семь со времен кровавого Сумгаита приходятся на Кавказ. Две наиболее жестокие военные кампании приходятся на Чечню, и в обеих ключевая роль выпала на долю генерала Анатолия Квашнина. В первой он был командующим Северо-Кавказским округом. Во второй — начальник Генерального штаба. Генерал Шаманов¹⁹⁶ справедливо заметил: «Вся Россия должна поклониться Квашнину». В первой кампании не все было в его власти. Вторую он подготовил, как подбавляет танковому генералу с ясным общевоинским кругозором и оперативным мышлением.

Вписывая имя Квашнина в число великих граждан России периода смуты, мы воздаем должное и склоняем головы перед боевыми солдатами Афганистана и Кавказа — генералами Востротинным, Солуяновым, Шамановым, Бабичевым, Трошевым, Пуляковским, всеми павшими солдатами и безвременно ушедшими генералами Рохлиным и Дубыниным. Последний умер на посту начальника Генерального штаба и был любимцем всех афганцев. Виктор Дубынин — один из самых светлых *витязей* и лучших русских генералов этого века. Не вырви его смерть, первая кампания в Чечне была бы победоносной и краткой...

В России вновь появились после «афганцев» воины — «кавказцы». В XIX веке «кавказцами» в России называли солдат и особенно офицеров Отдельного Кавказского Корпуса, самого боевого соединения за всю историю Вооруженных сил России. Офицеры-кавказцы отличались отвагой, образованностью, спаянной корпоративностью и независимостью характера. Стать боевым офицером-кавказцем было мечтой русской военной молодежи.

«Воинским делом, — говорил Великий Петр, — Россия вышла от тьмы к свету». Эту миссию армия выполняла задолго до того дня, когда князь Владимир велел топить в Днепре языческие кумиры. Терроризм, как всякое насилие, набеги, полон, работоторговля и гнет есть «тьма». Сегодня на Кавказе Российская армия выполняет свою древнюю и спасительную миссию «света»... Сегодня на Кавказе российские войска призваны возродить дух, традиции и миссию Отдельного Кавказского Корпуса. Это задача по плечу генералу армии Квашнину и его боевым товарищам... И Афганистан, и Кавказ показали, что лучше русского солдата в мире еще никого нет. И это при том, что уже 15 лет армию, и особенно ее офицерский корпус, поносят, унижают в печати, угнетают

социально... Сегодня Кавказ показал вновь, что офицеры и солдаты — по-прежнему лучшая часть России, ее надежда и опора, а воины-кавказцы, где бы они ни жили, — единое боевое братство...

Бросок наших десантников в Косово, спасший честь России и ставший национальным праздником, — во многом заслуга Квашнина. Но это было бы невозможно и без такого министра, как маршал Сергеев. Сегодня основательная мудрость Сергеева и боевой опыт Квашнина обеспечивают министерству обороны самое согласованное и сильное руководство Вооруженными силами после маршала Жукова¹⁹⁷.

Постепенно формируется понимание, что военная реформа не состоится без успешного и преемственного решения офицерского вопроса, что само существование и облик армии зависят «от культуры офицерского корпуса, его достоинства и чести, верности долгу и готовности к служению Отечеству». Вспоминается, что «в России в офицере всегда видели *рыцаря*. Доблесть, честность, благородство души — вот те черты, которые в нем особо ценились»¹⁹⁸. В очередной раз утверждается, что *офицер всему голова*. Об этом поучительно напомнили боевые действия в Чечне. Командующий Московским военным округом генерал-полковник Игорь Евгеньевич Пузанов в связи в этом отмечает:

Самое главное — наибольшее внимание должно быть уделено офицерскому составу. *Все решают офицеры*. Там, где офицер освоил свою должность в полном объеме, нет проблем у солдат и сержанта. Наша беда — недостаточно инициативные командиры. Эта тенденция проявляется с афганских времен... Мы учитываем это обстоятельство и серьезно занимаемся боевой выучкой, поощряем инициативных, деятельных офицеров... Наша работа с командирами нацелена прежде всего на то, чтобы научить их брать на себя оправданную ответственность. Офицер готовится к роли командира в ее классическом понимании, поэтому необходима его адаптация к условиям конкретной войны, региона и т.д. Даже в годы Великой Отечественной войны волевых было много, а знающих военное ремесло — единицы. Поэтому военному делу надо учиться серьезным образом. Иначе и к другим войнам армия останется не готова¹⁹⁹.

Начиная с 1993 года у российских офицеров появилась наконец возможность заниматься своей деятельностью на основе «единой военной доктрины». Этому их предшественники добивались практически всю первую четверть XX века²⁰⁰. Новая Военная доктрина Российской Федерации, утвержденная 21 апреля 2000 года, реализует в своем содержании многие заветные мысли русского офицерства. Она четко определяет тенденции военно-политической обстановки, характер предстоящих и уже существующих войн и конфликтов, внешние и внутренние угрозы, задачи и принципы организации и применения войск²⁰¹. По сути (формы, естественно, изменились) вновь возродилось традиционное понимание армии как «государственно-правовой организации, предназначенной для ведения войны и для поддержания законного порядка в государстве»²⁰². Предметное усвоение новой военной доктрины приведет к активизации творческой военной мысли, восстановлению традиции идейной подготовки армии к будущим войнам²⁰³.

Продемонстрированные факты, оценки и высказывания подтверждают общее стремление разных представителей российского офицерского корпуса к самопознанию и самосовершенствованию на основе исторических уроков и идеалов. Они же обязывают преемственно и последовательно действовать в обозначенном направлении, не ослаблять и не прерывать усилий, создавая «новую армию старых заветов». Придавая приоритетное значение офицерскому вопросу, следует беспокоиться не просто установлением преемственности, духовной связи различных поколений российского офицерства, но «восприятием офицерской духовной наследственности» (Е.Э. Месснер), т.е. унаследованием через воспитание, образование, чтение, традиции, достижений и культуры русского офицерского корпуса. Военная реформа до сих пор еще не принесла желанных результатов, и объясняется это не в последнюю очередь тем, что действуем пока «не по заветам», что по-настоящему «никто так и не обратился к сокровищнице нашего опыта, боевому прошлому победоносной Русской армии»²⁰⁴.

До сих пор не восприняты по существу: славная военная история (особенно уроки войн трех последних столетий); самобытная (профессионально-милиционная) военная система; военное искусство и боевая школа (лучшие в мире!); русская военная мысль (в классических образцах по-прежнему востребуемая именно на родной отечественной почве); сам великий образ русского офицера как идеал. Полузабытыми либо затертыми остаются такие важные понятия, как «военное искусство», «душа армии», «моральный дух войск», «дисциплина», «воспитание» и многие другие. В практическом, нравственно-боевом отношении не осмыслены особые системы действий и заветы русских полководцев. Персональный состав русского офицерского корпуса поименно не учитывается, не изучается. Систематическая биографическая («наследственная») работа по его наиболее выдающимся представителям не ведется. Не знаем многих имен своих предшественников, а точные и полные сведения о ком-то из них найти почти невозможно.

Классическая русская военная мысль (бесценное наследие, вековой интеллектуальный капитал), представленная десятками блистательных имен, по-настоящему ценится и используется за рубежом²⁰⁵;

на Родине же, в Вооруженных Силах она далеко не в почете. У нас по-прежнему издают и переиздают Клаузевица, других немецких и иных иностранных генералов-мыслителей (в том числе и гитлеровских). О своих же вспоминают изредка и далеко не о всех. Неудивительно, что отечественному читателю до сих пор приходится представлять А.А. Свечина «русским Клаузевицем», Н.Н. Обручева — «русским Мольтке», А.Е. Снесарева — «русским Сунь-цзы»²⁰⁶. Видимо, следует нечто подобное придумать и для генерала Р.А. Фадеева, чтобы, наконец, обратить внимание на его уникальную личность и классические труды: «Шестьдесят лет кавказской войны», «Письма с Кавказа», «Вооруженные силы России» и другие.

Наметившуюся тенденцию к возрождению армии на основе традиций и заветных идеалов русского офицерского корпуса необходимо закрепить и поддержать более серьезным (ответственным, государственным) отношением к духовному наследию, к памяти офицеров, которые своим трудам собирали и защищали Россию (память и сама по себе творит историю), к именам, которые прославили русское оружие. В этой связи отечественная военная классика — средоточие заветных мыслей авторитетных военных умов — не может не стать самой надежной духовной основой, испытанной мировоззренческой доктриной, идеологией военного реформирования, главным средством духовно-наследственного единения всех поколений в едином историческом офицерском корпусе России.

Новую армию можно создать только на проверенных временах заветах лучших представителей русского офицерства, при их духовной поддержке и водительстве. В определенной мере заветные мысли уже отражены на страницах данного и предшествующих выпусков «Российского военного сборника». В то же время современному офицеру требуется не только «Наука побеждать» и «Книга Марсова»²⁰⁷, но и особая «Заветная книга»²⁰⁸. Работа над ней, самопознание окупятся воссозданием по-настоящему «прибыльной» вооруженной силы, надежно защищающей Россию.

Примечания

1. Родина. Военно-исторический альманах для нижних чинов. 1914. — Одесса, 1914. ~ С. XV. (Мысль А. Пилипенко, редактора-издателя альманаха, действительного члена Императорского Русского Военно-Исторического общества.)
2. О наилучшей военной системе для России. Таковой считались: XV-XVI вв. - поместная милиционная военная система; XVIII — середина XIX вв. - регулярная военная организация; середина XIX - конец XX вв. - кадровая призывная военная система (система вооруженного народа). Эффективность последней постоянно ставилась под сомнение. См.: Фадеев Р.А. Вооруженные силы России. - М., 1868; Он же. Наш военный вопрос. Военные и политические статьи. - СПб., 1873. Но самой серьезной и глубокой критике она была подвергнута после неудачной Русско-японской войны, в том числе и самим ее основателем. См.: Милютин Д.А. Старческие размышления о современном положении военного дела в России // Известия Императорской Николаевской Военной Академии. - 1912. - № 30. (Статья написана в 1910 г., опубликована после смерти автора.) Наиболее последовательно призывная военная система отрицалась после Первой мировой войны и прежде всего в кругах русской военной эмиграции, представители которой предлагали перейти к системе малых отборных армий, позволяющей возродить военное искусство. См., например: Геруа А.В. Полчища. - София, 1923.
3. Штейфон Б.А. Эволюция регулярства. Исторические параллели //Военный журналист (Белград). -1940. - № 25.
4. Цит. по: Суворов А.В. Письма. Издание подготовил В.С. Лопатин. - М.: Наука. 1986. - С. 475.
5. См.: Военно-энциклопедический лексикон. Под ред. Л.И. Зедделера. Изд. 2-е. Т. X. - СПб., 1865. - С. 134; Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXIIа. - СПб., 1897. - С. 486.
6. М.Б. Дух войск и талант полководца //Русский Инвалид. - 1910. - № 154. Примечательно в этой связи желание А.И. Деникина иметь на Юго-западном фронте, которым он командовал во время Первой мировой войны, «полководцев», а не «технических советников». Во время Гражданской войны офицеры привлекались большевиками исключительно как «военные специалисты».

В целом же «вся сила, вся организация и белых, и красных армий покоилась исключительно на личности старого русского офицера». См.: Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль—октябрь 1917. Репринтное воспроизведение. - М.: Наука, 1991. - С. 265, 115.

7. Казаков Т. Подполковник - начальник отряда //Русский Инвалид. - 1909. - № 221.
8. Гр. А.Д. Бегство из армии (по поводу одного фельетона) // Русский Инвалид. -1908. - № 73.
9. Из поэмы «Полтава». Здесь и далее курсив составителя.
10. Из стихотворения «Полководец» (посвящено Барклаю де Толли).
11. Из эпилога поэмы «Кавказский пленник».
12. «Д.В. Давыдову. (При посылке Истории пугачевского бунта)».
13. См.: Пушкин А.С. Поли. собр. соч. В 6-ти томах. Т. IV. - М. - Л.: Academia, 1936. - С. 474–475.
14. См.: Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. - М.: Наука, 1989. -С. 151.
15. Цит. по: Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 6-ти томах. Т. IV. - С. 522.
16. В 1880 г. Александр II призвал генерал-адъютанта М.Т. Лорис-Меликова на пост министра внутренних дел и начальника «верховой распорядительной комиссии по борьбе с крамолою» в Империи, наделив его диктаторскими полномочиями. Герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., успешно командовавший Кавказским корпусом, разработал проект конституционного устройства России, но воплотить его в жизнь из-за трагической гибели Императора (11 марта 1881 г.) ему не удалось.
17. В 1907 году Сергей Федорович Шарапов (1855–1911) опубликовал политическую фантазию «Диктатор». Ее фабула предельно проста. Безвестный армейский полковник Иванов 16-й назначается Верховным Императорским Уполномоченным и Главнокомандующим армией и флотом, производится в генералы. «Это был совсем еще молодой генерал, небольшого роста, с красивыми чертами лица и острыми, насквозь пронизывающими серыми глазами». Придя к власти, он заявил: «Его Величество Государь Император, нравственно истерзанный и измученный вот уже третий год тянущейся смутой, грозящей России разложением и гибелью, решил положить ей конец и для этого призвал меня и облек Своим высоким доверием и властью. Эту власть я решил принять только как полную, единую и безусловную. Умиротворив Россию, восстановив в ней всеобщее доверие, твердую власть, свободу и порядок, я сложу мои полномочия к стопам Монарха и вернусь к моему скромному делу. Знаю хорошо, что меня ожидает, и готов к этому. Меня могут убить сегодня, завтра или в любую минуту. Но мое место займет тотчас же другой, столько же вам неизвестный Иванов (командиров полков в Российской армии много. - Л.С.), за ним третий и т.д.; преемственность наша уже намечена и установлена, и перерыва в работе не будет никакого. Программа определена твердо и будет выполнена неукоснительно». Царское правительство тираж книги пустило под нож. Честный и преданный Родине офицер так и не был поставлен у власти. Через десять лет разразилась государственная катастрофа. См.: Шарапов С.Ф. Диктатор: Политическая фантазия. - М.: «Бобок» - журнал «Новая книга», 1998.
18. Было дело под Полтавой... //Дворянское собрание. Историко-публицистический и литературно-художественный альманах. - 1995. - № 3. - С. 97. Чувство ответственности перед Отечеством никогда не покидало офицера, достойного этого имени. В 1930 году профессору А. Свечину («бывшему офицеру») ставилось в вину, что своей очередной книгой он пропагандирует идеал ответственного офицера, который смог бы спасти царскую армию от поражения: «Хочет или не хочет этого сам профессор Свечин, но основной смысл его книги состоит в доказательстве того, что царская армия не была обречена, что она могла существовать. Весь вопрос, с точки зрения этой книги, сводился к тому, чтобы вместо дегенератов - Гамбицких, Гальфтеров, Шиллингов и Марушевских - во главе этой армии поставить Свечиных, людей, сознающих свою ответственность перед царским отечеством и государством, не выродившихся окончательно». См.: Шифрес А. О книге Свечина «Искусство вождения полка» //Красная звезда. - 1930. - № 268. - 22 ноября.
19. Шеманский А. Талант и бездарность //Русский Инвалид. - 1911. - № 207.
20. См.: Бутовский Н. Проблемы воспитания в военно-учебных заведениях // Русский Инвалид. - 1913. - № 16.
21. Военная энциклопедия. Т. XVI. - СПб., 1914. - С. 544. См. также: Тельпуховский Б.С. Северная война 1700–1721. Полководческая деятельность Петра I. - М.: Воениздат, 1946. - С. 40. Интересно в этом отношении размышление публициста Л.Л.Толстого после Русско-японской войны:

- «Наша победа, как побежденных в Японскую войну, в том, что поняли наши недостатки и можем взяться за их устранение. Победа наша пусть будет в победе над нами самими, над нашей темнотой, невоспитанностью и невежеством, над всяческой нашей слабостью, — тогда внешняя победа придет в будущем сама собой». - Русский Инвалид. - 1907. - № 44.
22. Российский военный сборник. Выпуск 7. К познанию России. - М.: ГА ВС, 1994.- С.165.197.
 23. Давыдов Д.В. Военные записки / Предисловие О. Михайлова. - М.: Воениздат, 1982. - С. 4–5.
 24. Там же. - С. 262.
 25. См.: Лытов Б.В. «Военная служба предпочтительнее всякой другой». А.С. Пушкин и военная история России //Военно-исторический журнал. - 1999. - № 4. - С. 9.
 26. См.: «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» и предисловие поэта к этой работе.
 27. Из стихотворения «Бородинская годовщина». См. также «Клеветникам России». «Тройной бранью» (с Персией, Турцией, Польшей) с русской стороны руководил фельдмаршал И.Ф. Паскевич. Он участвовал почти во всех войнах России первой половины XIX века, включая и Крымскую 1853–1856 гг., незадолго до окончания которой умер. Всегда действовал успешно, хотя и чрезмерно осторожно. Как и к Б. Шереметеву, А. Бибикову. И. Михельсону (победителю Пугачева). М. Барклаю де Толли, Д. Денисову и другим своим героям, Пушкин относится к нему — защитнику Отечества — уважительно и возвышенно («прославленный полководец»). Д. Давыдов в своих «Записках» называет Паскевича баловнем судьбы. Он не отказывает ему в блистательном мужестве, хладнокровии в минуты боя, но считает его высокомерным, гордым, самонадеянным, хитрым, не способным овладеть сердцами солдат («вождем, достойным времен Николая»). «Паскевич, при замечательном мужестве, не одарен ни прозорливостью, ни решительностью, ни самостоятельностью, свойственными лишь высоким характерам... Не имея повода питать глубокого уважения к фельдмаршалу князю Варшавскому, я, однако, для пользы и славы России не могу не желать ему от души новых подвигов. Пусть деятельность нашего Марса, посвященная благу победоносного российского воинства, окажет на него благотворное влияние. Пусть он, достойно стоя на челе победоносного российского воинства, следит за всеми усовершенствованиями военного ремесла на Западе и ходатайствует у Государя, оказавшего ему полное доверие, о применении их к нашему войску; я в этом случае готов от полноты души извинить и позабыть прежние гнусные его поступки...» См.: Давыдов Д.В. Военные записки. - С. 235–342.
 28. Гордин Я.А. Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 года; После мятежа: Хроника. - М.: ТЕРРА, 1997. - С. 53.
 29. Л.Д. К вопросу о подготовке офицеров //Офицерская Жизнь. - 1907. - № 52. - С. 19.
 30. Общая характеристика офицерского корпуса представлена в книге: Волков С.В. Русский офицерский корпус. - М.: Воениздат, 1993. См. также: Деникин А.И. Путь русского офицера. - М.: Прометей, 1990; Рабинович М.Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров Регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. -М.: Наука, 1973. - С. 133–171; Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. - М.: Наука, 1988; Российские офицеры. - М.: Издательский центр «Анкил-воин», 1995. - (Библиотека российского офицера); Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны //П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.). Статьи, публикации и воспоминания о нем. - М.: Российская политическая энциклопедия. 1998. - С. 24–69; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. - М.,1973.
 31. Евгений Эдуардович Месснер. Судьба русского офицера. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1997. - С. 21, 28. (Библиотека журнала «Новый часовой»). Полковник Е.Э. Месснер — один из последних представителей русского офицерского корпуса, доживший до нашего времени и скончавшийся на чужбине в 1973 г. В этом отношении его комментарии к собственному «послужному списку» в книге особенно интересны.
 32. См.: Волков С.В. Русский офицерский корпус //Дворянское собрание. Историко-публицистический и литературно-художественный альманах. - 1995. - № 3. - С. 55–72.
 33. Лехович Д.В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. -М.: Воскресенье, 1992. - С. 13.
 34. Деникин А.И. Путь русского офицера. - С. 66.
 35. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917. Репринтное воспроизведение. - С. 112; 115. Только гвардейское (привилегированное) офицерство

- было, по мнению А.И. Деникина, по-настоящему монархическим, кастовым, хотя «дрались и гибли с высоким мужеством».
36. Фадеев Р.А. Русское общество в настоящем и будущем. Чем нам быть? - СПб.. 1874.-С. 161.
 37. Бутовский Н. Чувство порядочности в военной среде //Военный Сборник. - 1898. - № 11. - С. 138–139.
 38. Измесьев П.И. Искусство командования. Извлечение из труда А. Гавэ. - Варшава. 1908. - С. 64.
 39. Ильин И.А. Государственный смысл белой армии //Русская мысль. - 1923–1924. - Кн. 9–12. - С. 244–245; Ильин И.А. О рыцарском духе //Русский Колокол. - 1928. - № 6. - С. 3–7.
 40. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В девяти томах. Т. IX. - С. 199–200.
 41. Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв). Выпуск VII. - М.: Студия «ТРИТЭ» — «Российский Архив». 1996. - С. 154.
 42. Суворов А.В. Письма. Издание подготовил В.С. Лопатин. - М.: Наука, 1986. -С. 82.
 43. Там же. - С. 25. Честь обязывала офицера быть «в титле отечественника», запрещала ему нарушать присягу, находиться в политической оппозиции, участвовать в заговорах, грозящих Отечеству переворотами, кровопролитием, потерей достоинства. Усматривая в военных порядках, установленных Павлом I, «зло для России», Суворов — главнокомандующий армией на театре военных действий против Турции — отказывается от предложения полковника А.М. Каховского «двинуть войска с фронта» на столицу, предпочитая незаслуженную опалу и жизнь в деревне: «Молчи, молчи — не могу. Кровь сограждан!» Впоследствии он хлопочет о смягчении участи заговорщиков, амнистированных лишь после смерти Павла. - Лопатин В.С. Суворов в своих письмах // Суворов А.В. Письма. - С. 424; Вопросы истории. - 1952. - № 9. - С. 111–112.
 44. Суворов А.В. Письма. - С. 52. Служить верой и правдой России — этому завету офицеры следовали, вплоть до последних дней своих. В начале XX века А. Колчак пишет: «Мое положение и мои заботы определяются старым рыцарским девизом Богемского короля Иоанна, павшего в битве при Крессе «Ich daine». Я служу Родине, своей Великой России, так, как служил в свое время, командуя кораблем, дивизией или флотом...» См.: Независимая газета. - 2000. - 27 января.
 45. Суворов А.В. Письма. - С. 144.
 46. Там же. - С. 118.
 47. 1812 год: Воспоминания воинов русской армии. - М.: Мысль, 1991. - С. 115. Сын Матвея Петрова, Михаил Матвеевич Петров (1780–1858), служил честно. За 26 лет своей полевой военной службы участвовал в 68 сражениях. Читил великого князя Гавриила Псковского, героя, оправдавшего девиз, начертанный на мече его: «Чести моей никому не отдам». Потомкам оставил свои «Рассказы», чтобы представляли «славу любезного нашего Отечества» (публикуются в указанном источнике).
 48. Суворов А.В. Письма. - С. 232, 249, 297.
 49. Суворов А.В. Сборник документов. В 4–х томах. Т. II. - М.: Воениздат, 1951. - С. 492.
 50. См.: Орден Святого Георгия и его кавалеры // Дворянское собрание. Историко-публицистический и литературно-художественный альманах. - 1995. - № 3. -С. 100–104; Дуров В.А. Ордена России. - М.: Воскресенье, 1993. - С. 66–87.
 51. Суворов А.В. Письма. - С. 254. Честь не терпит трусости. Перед Муттенским боем 19–20 сентября 1799 года, когда у французов — абсолютное превосходство, а войска Корсакова уже разбиты, Суворов просит войска «спасти честь и достоинство России». Стыдно отступать: «Мы русские. С нами Бог!» Войска не допустили ни ропота, ни трусости и победили. В минуты отчаяния 70–летнему полководцу приходит мысль: если не войска спасти, то хотя бы честь русского оружия. «Не дам костей своих врагам, — говорит он. — Умру здесь и пусть на могиле моей будет надпись: Суворов — жертва измены, но не трусости...» - См.: Гершельман С. Нравственный элемент в руках Суворова. Издание второе. - Гродна, 1900. - С. 81.
 52. Суворов А.В. Письма. - С. 198.
 53. О долге и чести воинской в российской армии: Собрание материалов, документов и статей / Сост. Ю.А. Галушко, А.А. Колесников. Под ред. В.Н. Лобова. - М.: Воениздат, 1990. - С. 72–73.
 54. Андрианов П. Именины храбрых // Родина. Военно-исторический альманах для нижних чинов. 1914. - С. 189–191.
 55. Российский Архив. Выпуск VII. - С. 189–191.

56. См.: Российский военный сборник. Выпуск 13. Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. - М.: Военный университет, НВНЦ «Отечество и воин», Русский путь. 1997. - С. 430–442. Для духовного оздоровления и возрождения армии А. Дисский (в эмиграции) предложил учредить специальную организацию — рыцарский орден Святого Александра Невского. «Наименование ордена я предreshаю, — пишет он. — намеренно и вот почему: в личности Св. Александра воплотился идеал князя и гражданина, и воина как христианина. Это был рыцарь в идеальнейшем значении этого слова. В Александре соединились все благороднейшие порывы сердца, мужество и великодушные, пламенная и самоотверженная любовь к поработанной Руси, сострадание и милосердие к ближнему и кристальная чистота сердца. Вся жизнь и деятельность Александра — непрерывное служение Родине, непрерывный нравственный подвиг и самопожертвование за благо своего народа. Вот почему я и взял в покровители Ордена светлую личность Александра Невского, с тем, чтобы каждый член Ордена носил в своей душе чудный образ этого святого Рыцаря и во всем старался быть достойным высокого звания». - Там же. - С. 467.
57. Отечественная история. В 5–ти томах. Т. 2. - М.: Большая Российская энциклопедия, 1996. - С. 434.
58. Российский Архив. Выпуск VII. - С. 290. Биографии генералов представлены в книге на стр. 291–637.
59. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826. - М.: Высшая школа, 1991. - С. 255.
60. См.: Морозов Н. К вопросу обновления армии //Русский Инвалид. - 1907. - № 105. Не менее точно суть офицерских отношений выражена Ермоловым: «Начальник — друг подчиненных, они — сотрудники его верные!» (Записки А.П. Ермолова. - С. 153.)
61. Виниченко М. История офицерского корпуса России //Обозреватель — Observer. - 1999. - № 2. - С. 54. С.В. Волков в своих работах указывает более низкие цифры. За десять лет после закона 1894 года — 186 случаев.
62. Волков С.В. Русский офицерский корпус. - С. 292. См. также: А.И. Деникин. Путь русского офицера. - С. 56–57.
63. В этой связи обратимся еще раз к Пушкину: «Государю неугодно было, что о своем камерюнкерстве отзывался я не с умилением и благородностию, — но я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутком не буду и у Царя небесного». - Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 9–ти томах. Т. IX. - С. 508. Для Пушкина, «человека с предрассудками», «невольника чести», известного дуэлянта, «готовность ответить вызовом на любую попытку унижения, на любое ущемление прав дворянина в высшем смысле, готовность поставить жизнь на карту ради принципа личной независимости — вот идеал. Всякий иной стиль поведения не соответствовал его представлению о роли чести в дворянском самосознании». — Гордин Я.А. Дуэли и дуэлянты: панорама столичной жизни. - СПб.: Пушкинский фонд, 1997. - С. 61.
64. Василий Сергеевич Норов (1793–1853) принадлежал к старому дворянскому роду, ведущему свое начало с XV века. Окончил Пажеский корпус, принимал участие в войнах против Наполеона, начиная с октября 1812 года. Воевал, а затем и служил в лейб-гвардии Егерском полку вплоть до отставки в чине подполковника 1 марта 1825 года. Член тайных обществ, но непосредственного участия в событиях 14 декабря не принимал. Тем не менее приговорен к 13 годам каторжных работ. В феврале 1835 года, 42 лет от роду, был послан рядовым на Кавказ. Уволен от службы в унтер-офицерском звании в 1838 году. Автор «Записок о походах 1812–1813 годов». - См.: Российский Архив. Выпуск VII. - С. 150–169.
65. Гордин Я.А. Дуэли и дуэлянты. - С. 52.
66. Там же. - С. 54–60.
67. См.: Российский военный сборник. Выпуск 10. Военное законодательство Российской империи: Кодекс русского военного права. - М.: Военный университет. 1996. - С. 22.
68. См.: Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. - С. 92, 95, 113.
69. Суворов А.В. Документы. Т. III. - С. 137.
70. См.: Гершельман С. Нравственный элемент в руках Суворова. - С. 56, 111.
71. Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. Т. I. - СПб.: Издательство «Экономика и культура», 1995. -С. 285–286.
72. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 9–ти томах. Т. IX. - С. 534–535. В 1900 году в одном из приказов главного начальника военно-учебных заведений великого князя Константина Константино-

- вича задача эта по-прежнему признавалась основополагающей: «Закрытое заведение обязано, по мере нравственного роста своих воспитанников, постепенно поднимать в них сознание их человеческого достоинства и бережно устранять все то, что может унижить или оскорбить это достоинство». См.: Военная энциклопедия. Т. VI. - СПб., 1911. - С. 554.
73. Масальский В.Н. Скобелев: Исторический портрет. - М.: Андреевский флаг, 1998. - С. 182–183.
 74. См.: Тельпуховский Б.С. Северная война 1700–1721. Полководческая деятельность Петра I. - М.: Воениздат, 1946. - С. 177.
 75. Пузыревский А. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. - СПб., 1889. - С. 56.
 76. Голицын, один из ближайших сподвижников Петра I, пишет: «В 1688 г. из комнатных стольников взят в Семеновский полк в солдаты и за малолетством был в науке барабанной». См.: Мещеряков Г. О военных реформах Петра I // Военная мысль. - 1946. - № 5. - С. 58; Геруа А.В. Суворов-солдат, 1742–1754: Итоги архивных данных о его службе нижним чином. - СПб., 1900.
 77. Бутовский Н. Чувство порядочности в офицерской среде // Военный Сборник. - 1898. - № 11. - С. 138.
 78. Колесников Н.В. Современный офицер // Пути России. - 1919. - № 1, 2.
 79. Керсновский А.А. Философия войны // Философия войны. - М.: Издательский центр «Анкил-воин», Российский военный сборник, 1995. - С. 95.
 80. Керсновский А.А. История Русской Армии. - М.: Воениздат, 1999. - С. 9.
 81. Краснов П.Н. Цареубийцы: Роман. - М.: Прозерпина, 1994. - С. 16.
 82. Деникин А.И. Путь русского офицера. - С. 290.
 83. Дворянское собрание. Историко-публицистический и литературно-художественный альманах. - 1995. - № 3. - С. 256.
 84. Поручик Потканов. Обновление личного состава армии // Русский Инвалид. - 1907. - № 15.
 85. С XIV века, с которого можно считать начало русского государства, в течение 525 лет (1368–1893) Россия провела в войнах 353 года. - См.: Сухотин Н.Н. Война в истории русского мира. - М.: ВА ГШ, 1998. - С. 55. - (Антология отечественной военной мысли). Общая тенденция подтверждается и другими данными. По взглядам Е.И. Мартынова, с 1700 по 1900 гг. регулярная армия Петра Великого приняла участие в 37 войнах, продолжавшихся около 130 лет, выдержала более 2 тысяч боевых столкновений, потеряла убитыми и ранеными почти 2 млн. человек. См.: Русский Инвалид. - 1907. - № 34.
 86. Краснов П.Н. От двуглавого орла к красному знамени. Роман в 3-х книгах. Кн 1. Части 1–111. - Екатеринбург: УТД, Посылторг. 1994. - С. 223.
 87. Дружинин К. К пересмотру устава о воинской повинности // Русский Инвалид. - 1909. - № 248.
 88. Дьяченко А. «Штатские» в армии // Русский Инвалид. - 1912. - № 17.
 89. Дмитриевский А. В чем идеал командира? // Русский Инвалид. - 1912. - № 171.
 90. См.: Суворов А.В. Письма. - С. 25. 68. 231–233. 251–252, 274–276.
 91. См.: Масальский В.Н. Скобелев: Исторический портрет. - С. 48–51.
 92. См.: Черкашин Н.А. Звезда Колчака: Размышления над старыми фотографиями. - М.: Андреевский флаг, 1993.
 93. «Милая, обожаемая моя Анна Васильевна...» / Сост. Т. Ф. Павлова, Ф.Ф. Перченко, И.К. Сафонов. - М.: Прогресс, Традиция, Русский путь, 1996. - С. 218, 273–274.
 94. Суворов А.В. Документы. Т. IV. - С. 411–439; Суворов А.В. Письма. - С. 308–311.
 95. См.: Российский Архив. Т. VII. - С. 41–57. Примечателен не только сам аналитический проект, но и другие научные работы П.А. Чуйкевича, боевого офицера-разведчика, ставшего в последующем генералом: «Подвиги казаков в Пруссии» (СПб., 1807); «Стратегические рассуждения о первых действиях россиян за Дунаем» (СПб., 1810); «Рассуждения о войне 1812» (СПб., 1813); «Покушение Наполеона на Индию 1812 г.» (СПб., 1813); «Затеи Наполеона в продолжение похода 1812 г.» (СПб., 1814) и др.
 96. См.: Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. Т. II. - СПб.: Экополис и культура, 1996. - С. 166.
 97. См.: Масальский В.Н. Скобелев: Исторический портрет. - С. 220–229..
 98. Идея борьбы с Англией путем завоевания Индии подробно разрабатывалась не только Скобелевым (через Туркестан), но и генералами С.А. Хрулевым и М.Г. Черняевым (с Кавказа). - См.: Масальский В.Н. Скобелев: Исторический портрет. - С. 204–211.

99. Айрапетов О.Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). - СПб.: Алетейя. 1998. - С. 273–274.
100. Нельзя не отметить самоотверженную работу многочисленного коллектива офицеров по подготовке и изданию в 1910–1914 годах «Военной энциклопедии». В.А. Апушкин, К.И. Величко, А.В. Геруа, А.М. Добровольский, К.И. Дружинин, Н.Л. Кладо, Н.П. Михневич, В.Ф. Новицкий, Н.А. Орлов, В. фон Шварц, Г.К. фон Шульц и другие предприняли (при поддержке товарищества И.Д. Сытина) «трудное и ответственное дело на пользу родных армии и флота», «в преемственной связи прошлого и настоящего», для «наилучшего устройства вооруженных сил своей родины», так как «настал момент», когда в интересах будущей войны или дальнейшего мира надо оглянуться на пройденный военным делом путь, разобраться в новом, разнообразном и громадном материале, свести его в гармоничную систему и настоящее поставить в связь с прошедшим в целях будущего. Пережитому русско-японскому опыту, оплаченному русской кровью, придавались ими особые ценность и значение. Он обязывал «быть во всеоружии знания военного дела, военного искусства и военных наук». (Военная энциклопедия. Т. I. - СПб., 1911. - С. III-VIII.)
101. См.: Свечин А.А. Стратегия. - М.: Военный вестник, 1927; Его же. Будущая война и наши задачи //Независимое военное обозрение. - 1998. - № 27; Антология отечественной военной мысли. Кн. 10. М.Н. Тухачевский. Новые вопросы войны. В.А. Трифонов. Контуры грядущей войны. - М.: ВА ГШ, 1996.; Антология отечественной военной мысли. Кн. 11. М.Н. Тухачевский, Я.К. Берзин, Я.М. Жигур, А.Н. Никонов. Будущая война. - М.: ВА ГШ, 1996.
102. См.: О долге и чести воинской в российской армии. - С. 282–283.
103. Взгляды М.Д. Скобелева на политику и войну // Армейские вопросы. - 1893. - № 2. - Вып. 1. - С. 18–19
104. Короткевич В. Армия и миролюбие //Офицерская Жизнь. - 1910. - № 249. - С. 2237–2238. В 1912 году из всего числа 1423 генералов только 541 (38%) прошли настоящую строевую службу. Почти половина из них находились на нестроевых должностях. Неизвестный автор, скрывшийся под инициалами «Д.О.», замечает в связи с этим: «От воинственности в частности и воинского духа вообще нашего генералитета так много зависит сила и победность нашей армии. Раздавая щедро генеральские чины людям, ничего общего с войной и боевыми действиями не имеющим, и делая на высших ступенях воинской иерархии высшими командирами офицеров, не проходивших строевой службы, мы рискуем огражданить нашу армию, понизить ее воинский дух и воинственность». См.: Д.О. Должности, занимаемые генералами нашей армии // Офицерская Жизнь. - 1913. - № 48. - С. 697.
105. См.: Сурин Н. Кто победил? //Русский Инвалид. - 1913. - № 1.
106. Казачков Н. Атгестация и жизнь //Офицерская Жизнь. - 1910. - № 246. -С. 2193.
107. Шеманский А. «Зимние» тактические занятия с офицерами // Русский Инвалид. - 1907. -№ 229. В русской армии после войн 1812–1814 гг. часто «хромала» именно прямая подготовка к бою: маневры, полевая служба, тактические занятия. Все же. что косвенно относилось к боевому воспитанию войск (парады, смотры, внутренняя и гарнизонная служба, внешний вид и форма одежды), налажено было прочно.
108. Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. Т. II. - С. 84.
109. Русский Инвалид. - 1907. - № 63.
110. Свечин А. На месте //Офицерская Жизнь. - 1908. - № 105. - С. 67.
111. См.: Военная энциклопедия. Т. VI. - СПб., 1911. - С. 476.
112. Незнамов А. Требования, которые предъявляет современный бой к подготовке (обучению) начальников и масс. - СПб., 1909. - С. 3. 6–7.
113. Баланин Д. Подготовка и выбор начальников //Военный Сборник. - 1911. - № 1. - С. 46–47.
114. Константиновский кадетский корпус в 1808–1851 гг. назывался Дворянским полком, состоявшим из двух батальонов по 600 человек в каждом и считавшимся военно-учебным заведением. За время существования полк выпустил 13227 офицеров.
115. Геруа А. Гвардия — школа. Историческая справка // Геруа А. К познанию армии. - СПб., 1907. - С. 48.
116. Философия войны. - С. 82.

117. Военные гимназии, вместо кадетских корпусов, существовали только в 1863–1882 гг., а также короткое время в 1917 году. Вопрос о создании военных университетов и Академии военных наук ставился уже после упразднения офицерского корпуса, но практически так и не был решен.
118. См.: Отечественная история: Энциклопедия. В 5-ти томах. Т. 2. - С. 436; Военная энциклопедия. Т. XI. - СПб., 1913. - С. 256–261.
119. См.: Труды первого съезда офицеров-воспитателей кадетских корпусов (22–31 декабря 1908 г.) / Под ред. П.В. Петрова. - СПб., 1909.
120. См.: В.Н. Новые учебные программы в военных и юнкерских училищах // Война и Мир. - 1907. - № 7. - С. 172–178; Гр. А.Д. Офицер — мастер своего дела //Русский Инвалид. - 1907. - № 80.
121. См.: Райковский В. К офицерскому вопросу //Русский Инвалид. - 1907. - № 79.
122. Л.Д. К вопросу о подготовке офицеров //Офицерская Жизнь. - 1907. - № 52. - С. 18.
123. С-ер. В защиту военных училищ и желательных в них реформах // Война и Мир. - 1907. - № 7. - С. 162.
124. См.: Российский военный сборник. Выпуск 10. Военное законодательство Российской Империи. - С. 134.
125. См.: Машкин Н.А. Высшая военная школа Российской Империи XIX — начала XX века. - М.: Academia, 1997. - С. 32–33 и др.; А.Б. Военные академии первостепенных государств Европы //Военный Сборник. - 1898. - № 11.
126. Дружинин К.И. Академия военная //Военная энциклопедия. Т. I. - СПб., 1911. - С. 199.
127. См.: Залесский П.И. Возмездие. Причины русской катастрофы // Философия войны. - С. 181–185.
128. Соколовский М. М.Ю. Лермонтов. Военные черты его жизнеописания и военные мотивы его поэзии //Военный Сборник. - 1914. - № 1914. - № 10. - С. 209.
129. Райковский В.Л. Военное воспитание // О долге и чести воинской в российской армии. - С. 262–263.
130. Баланин Д. Подготовка и выбор начальников //Военный Сборник. - 1911. - № 1. - С. 60.
131. Верховский А.И. Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. //Российский военный сборник. Выпуск 4. История русской армии. - М.: ГА ВС, 1994. - С. 218. Русская школа военного искусства ближе к китайской, чем к западной (рационалистической и технократической). Именно в китайской стратегии дух преобладает над материей, высоко значение воспитания и воинской морали для победы, путь к которой прокладывает работа духа, а военное искусство может служить духовному совершенствованию: «В целом бой выдерживают благодаря силе. а победы добиваются с помощью духа, когда сердце в основе своей твердо»; «...Миллион воинов, не следующих приказам, не столь хороши, как десять тысяч, которые сражаются. Десять тысяч, которые сражаются, не столь хороши, как сто человек, которые действительно воодушевлены». У-цзин. Семь военных канонов древнего Китая. Пер. с англ. - СПб.: Евразия. 1998. - С. 125, 241 и др.
132. См: Баланин Д. Дух и инициатива — выше всего //Военный Сборник. - 1914. - № 11. - С. 83–91.
133. См.: «Доброжелатель». Угнетающее зло //Разведчик. - 1912. - С. 402–707.
134. См.: Дмитревский А. Сохрани нас Бог оказаться гасильниками любви к военному делу //Военный Сборник. - 1911. - # 11. - С. 93–100.
135. В.А. Улучшение командного состава // Разведчик. - 1909. - № 972. - С. 349–350. 136.
136. Злобин И. Что нужно армии? //Разведчик. - 1913. - № 1182. - С. 385. О мерах по улучшению офицерского состава см.: Русский Инвалид. - 1907. - № 17 (изложение позиции Е. Мартынова); Геруа А. Офицерский подбор. (В кн.: Геруа А. К познанию армии. - С. 107).
137. Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. Т. I. - С. 232–233.
138. Тимошенко В. Духа не угашайте //Русский Инвалид. - 1907. - № 41.
139. Военный Сборник. - 1911. - № 1. - С. 59.
140. Суворов А.В. Письма. — С. 319.
141. Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. - Л.: Штаб РККА. Научно-уставной отдел, 1927. - С. 20.
142. Мартынов Е.И. Воспоминания о Японской войне командира пехотного полка. - Полоцк, 1910. - С. 22.

143. Шеманский А. Талант и бездарность //Русский Инвалид. - 1911. - № 207, 223.
144. Российский военный сборник. Выпуск 10. - С. 22.
145. Взгляды М.Д. Скобелева на войну и военное дело. Требования от офицера и начальника //Армейские вопросы. - 1893. - № 2. - Вып. 1. - С. 64.
146. Российский военный сборник. Выпуск 4. - С. 223–224.
147. Войде К. Победы и поражения в войне 1870 года и действительные их причины. Опыт критического описания Франко-германской войны до Седанской битвы включительно. Т. 1–II. - Варшава, 1889–1890. - С. 6–7.
148. См.: Войде К. Действительное значение самостоятельности в командной системе на войне / По поводу некоторых отзывов в нашей военной печати. - СПб.. 1898. - С. 5–9. 46.
149. Там же. - С. 381. Победы и поражения... - С. 339.
150. См.: Казачков Н. Аттестация и жизнь //Офицерская жизнь. - 1910. - № 246. - С. 2192; Парский Д.П. Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы // О долге и чести воинской в российской армии. - С. 253.
151. 151. Обручев Н. О тактических занятиях с офицерами в частях войск //Русский Инвалид. - 1907. - № 32.
152. Е.У. Что делать? //Русский инвалид. - 1907. - № 78.
153. Райковский В.Л. Военное воспитание //О долге и чести воинской в российской армии. - С. 262, 269.
154. См.: Чинённый С.А. «Русский воин идет на службу не из-за денег?» О материальном положении офицера русской армии в XIX веке // Военно-исторический журнал. - 1999. - № 4. - С. 18–25.
155. «В первый же год службы я натолкнулся на две основные черты русского военного быта: эксплуатацию служебного положения и казенных средств в интересах частной личности и — профессиональное невежество... Все, что могло и хотело, пользовалось казною в своих интересах... От легкой эксплуатации казенного имущества некоторые переходили и к более крупным злоупотреблениям: взяточничеству и воровству (растратам)... Но ужас русской жизни состоял именно в том, что незнание своего дела было качеством еще более распространенным, чем материальная недобросовестность... Карьера делалась угодливостью, покорностью, непровилением и даже просто молчанием... А поэтому и военное дело не изучалось серьезно, никто не углублялся в него». - Залесский П.И. Возмездие. Причины русской катастрофы // Философия войны. - С. 169–172.
156. См.: Н. Л-й. Офицеры-коммерсанты //Разведчик. - 1913. - № 1194. -С. 568–569.
157. В.К. Предельный возраст военнослужащих //Военный Сборник. - 1898. - № 11. - С. 180–182.
158. Кашкаров Д. Военно-административные заметки (По поводу сокращения переписки, браков офицеров и формы одежды) // Военный Сборник. - 1898. - № 11. - С. 205–207.
159. М.С. Кое-что об офицерском вопросе //Война и Мир. - 1907. - С. 196.
160. Редигер А. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2–х томах. Т. 1. - М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. - С. 506.
161. Там же. Т. 2. - С. 173–174.
162. Китайская наука стратегии / Серия «Каноны». Составитель В.В. Малявин. - М.: Белые альвы. 1999. - С. 43.
163. Редигер А. История моей жизни. Т. 1. - С. 77.
164. См.: Мариюшкин А.Л. Помни войну //Философия войны. - С. 120. См. также: Чернавин В.В. К вопросу об офицерском составе старой русской армии к концу ее существования. Публикации И.В. Образцова // Военно-исторический журнал. - 1999. - № 6. - С. 29–33.
165. Керсновский А.А. История Русской Армии. - М.: Воениздат, 1999. - С. 760–761.
166. См.: Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917. Репринтное воспроизведение. - М.: Наука, 1991. - С. 367–368.
167. См.: Ганичев П.П. Воинские звания. - М.: ДОСААФ, 1989. - С. 28–34.
168. П. «Кадровые» офицеры в Красной армии //Военное Дело. - 1920. - № 14. -С. 418.
169. См.: Российский военный сборник. Выпуск 15. Постыжение военного искусства. Идею наследие А. Свечина. - М.: Военный университет, Русский путь, 1999.
170. Красная звезда. - 1932. - № 39.
171. Красная звезда. - 1939. - № 62.

172. Красная звезда. - 1940. - № 127.
173. См.: Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937–1938. - М.: ТЕРРА. 1998. - С. 343.
174. Месснер Е. Души в кандалах //Российский военный сборник. Выпуск 16. Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. - М.: Военный университет. Русский путь, 1999. - С. 269.
175. Цит. по: Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937–1938. - С. 342
176. Красная звезда. - 1941. - № 108.
177. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. -М.: Российская энциклопедия, 1998. - С. 116.
178. См. Кривицкий А. Традиции русского офицерства. - М.: Воениздат, 1945.
179. См. Ганичев П.П. Воинские звания. - С. 76–79.
180. См. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. - С. 117.
181. Хорешко В. Дивизии, которые мы потеряли // Ориентир. - 1999. - № 3. - С. 72.
182. См.: Сокирко В. Господа офицеры //Московский комсомолец. - 2000. - 24 февраля; Талов Б. «Дешевые» офицеры дорого стоят //Российская газета. -1999. - 14 мая.
183. Российская газета. - 1999. - 14 мая. - Б. Талов также отмечает: «Как-то подзабыт в последние годы элементарный принцип, что офицер — это в первую очередь командир, ему работать с людьми, управлять войсками. А вот этой науки многие молодые офицеры в училищах так и не постигли. Поэтому и уходят на "гражданку"». Им приводятся и следующие данные: в 1996 году военных кафедр в гражданских вузах насчитывалось 89, три года спустя — 260. Ежегодно они присваивают звание офицера запаса 60 тысячам человек.
184. Азаров В. Нам есть чем гордиться //Красная звезда. - 2000. - 24 февраля.
185. См.: Указ Президента Российской Федерации от 10 апреля 2000 г. «О призыве офицеров запаса на военную службу в 2000–2005 годах» // Российская газета. - 2000. - 19 апреля.
186. См.: Самойлов В.С. Война и информация //Независимая газета. - 2000. - 21 апреля.
187. См.: Корытин П. Каждый третий офицер без жилья //Независимая газета. - 2000. - № 9.
188. Хроническое безденежье вынуждает даже высокообразованных офицеров «шабашить», искать дополнительный заработок на стороне. Доцент одной из кафедр Военного университета связи (Санкт-Петербург) подполковник Л.А. Марчук — 37-летний доктор технических наук, ведущий специалист в области защиты каналов связи, автор 19 изобретений и более сотни научных работ — погиб в результате несчастного случая при рытье колодцев для дачников 30 октября 1999 г. - См.: Починюк О. Печальная история. Офицер погиб, пытаюсь заработать на пропитание семье //Красная звезда. - 1999. - 8 декабря.
189. Боград П.Л., Любошиц Е.Я., Цымбал В.И. Сокращение вооруженных сил неизбежно //Независимое военное обозрение. - 2000. - № 14.
190. Из объяснительного письма М.Ю. Лермонтова по поводу мотивов его дуэли с сыном французского посланника де Баранта. - Российская газета. - 2000. -17 марта.
191. Сувениров О.Ф. Трагедия РККА. - С. 346.
192. См.: Головков А. Время офицера. Николай Бордюжа — знаковая фигура смены ориентации Кремля // Независимая газета. - 1998. - 12 декабря. (Приложение «Фигуры и лица», № 20).
193. См.: Воин содружества. - 2000. - №1(9). - С. 7, 14–16.
194. Продолжатели традиций российского воинства //Красная звезда. - 1999. - 30 июня.
195. Ивашов Л. Есть в русском офицере обаяние //Красная звезда. - 1999. - 29 июля.
196. Генерал Шаманов прекрасно выразил суть извечного офицерского мироощущения: «Без армии я себя не мыслю. Дело офицера оберегать и защищать, это я люблю и умею, этому меня учили». См.: Век. - 2000. - № 6. - С. 9.
197. Кавад Раш. Время офицеров //День литературы. - 2000. - № 3–4.
198. См.: Фаличев О. Долг и доля России //Красная звезда. - 2000. - 20 апреля.
199. Независимое военное обозрение. - 2000. - № 7.
200. См.: Российский военный сборник. Выпуск 5. Русская военная доктрина. Материалы дискуссий 1911–1939 годов. - М.: ГА ВС, 1994.
201. См.: Военная доктрина Российской Федерации //Российская газета. - 2000. -25 апреля; Манилов В.Л. Предотвращение. Сдерживание. Партнерство. Военной доктрине России присущ исключительно оборонительный характер // Независимая газета. - 2000. - 25 апреля; Манилов В.Л. Военно-патриотический манифест России // Российская газета. - 2000. - 26 апреля.

202. Военная энциклопедия. Т. III. - СПб.. 1911. - С. 49.
203. В этом направлении в последние годы сделаны определенные шаги. Кроме отдельных статей в «Независимом военном обозрении» и на страницах «Военной мысли» появились книги: Гареев М.А. Если завтра война?.. (Что изменится в характере вооруженной борьбы в ближайшие 20–25 лет). - М.: ВладДар, 1995; Слипченко В.И. Война будущего. - М.: Московский общественный научный фонд; 000 «Издательский центр научных и учебных программ», 1999. - (Серия «Научные доклады», выпуск 88); Корчмит-Матюшев (Милованов) В.И. Предназначение наше изначально. К философии войны и государства. - М.: СИП РИА, 1998 и др.
204. Бондаренко А. «Мы малосходствуем с другими». 15 января 1725 г. родился генерал-фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский // Красная звезда. - 2000. - 15 января.
205. Один из ведущих методов управления, практикуемый в Бундесвере, всесторонне обосновывается, например, трудами русского генерала К. Войде. Речь идет о так называемой Auftragstaktik. базирующейся на свободе действий подчиненных (их самостоятельности), которым со стороны начальников ставится только общая цель и создаются условия для ее достижения. - См.: Otting, Dirk W. Auftragstaktik. Geschichte und Gegenwart einer Führungskonzeption. – Frankfurt am Main / Bonn: Report Verlag, 1993. - S. 11–26.
206. 206. Многочисленные труды генерал-лейтенанта Андрея Евгеньевича Снесарева (1865–1937) по стратегии, военной географии, востоковедению так и не переизданы, серьезно не изучены. Китайская же военная классика, в том числе и идеи Сунь-цзы, даже в новых изданиях представлена солидно. См.: Зенгер Х. фон. Стратегмы. О китайском искусстве жить и выживать. Пер. с нем. А.В. Дыбо. - М.: Прогресс, Культура, 1995; Китайская наука стратегии. Составитель В.В. Малявин. - М.: Белые альвы, 1999; У-цзын. Семь военных канонов Древнего Китая. Пер. с англ. - СПб., Евразия, 1998. Чуев Н.И. Военная мысль в древнем Китае. История формирования военных теорий. - М.: Любимая книга, 1999.
207. 207. «Книга Марсова или воинских дел от войск Царского Величества Российских взятии преславных фортификаций, и на разных местах храбрых баталий учиненных над войсками Его королевского Величества светского». В книге собраны репортажи и дано описание боевых действий Великой Северной войны 1700–1721 гг. Составлена еще при Петре Великом. Основной источник отечественной военной литературы, рекомендованный в XVIII веке для образования молодым офицерам.
208. 208. В других государствах подобные книги имеются. Одна из них уже издана на русском языке. См.: Офицер Вооруженных сил. Пер. с англ. Ред. В.Ф. Нэх. - М.: Министерство обороны США, Информационная служба Вооруженных Сил США. 1996.

«Духовная дружина» русского офицерства

Краткие сведения об авторах работ, представленных в сборнике*

Офицерский корпус Русской Армии всегда имел в своих рядах интеллектуальный кадр, «духовную дружину», тех, кто создавал и развивал «науку побеждать», умело владел пером и высоко держал планку военного слова. Ученые, писатели, публицисты в офицерских погонах представляли собой мозг, совесть и голос своего сословия. В большинстве своем они являлись боевыми офицерами с академическим образованием, находились в гуще армейской жизни, знали ее содержание во всех нюансах и оттенках, чутко улавливали ее главные тенденции они отмечали достоинства армии, но и не проходили мимо недостатков, пережитков, препятствующих прогрессу.

К великому сожалению, знания наши о русских военных мыслителях скромны и скудны. Их труды худо-бедно используются, но сами творцы пребывают почти в забвении. Нет посвященных им биографических словарей или справочников, лишь о единицах написаны специальные работы, многих имен не отыщешь и в военных энциклопедиях.

О некоторых авторах сборника «Офицерский корпус Русской Армии» сведений почти не имеется. Нечего сказать, например, о В. Муромском ибо это, скорее всего псевдоним (в списках Императорской Российской армии офицера с такой фамилией в начале века не значилось) а указателя псевдонимов военных писателей не существует. Не известно, кто такой А. Круговской, публиковавшийся в белогвардейском журнале «Пути России». Л. Кемеровский, чьи статьи печатались там же - вероятно, Леонид Францевич Кемеровский, «журналист 29-ти лет», как зафиксировано в списках эвакуированных из Батума в 1920 г. Не больше информации о Н. Португалове: Португалов Николай Михайлович, 49 лет, писатель, эвакуировался из Новороссийска в 1920 г. (по сведениям С.В. Волкова). Если о большинстве офицеров «отправные» данные можно почерпнуть в «Списках офицерам и генералам», ежегодно издававшихся военным ведомством, то проследить их пути после Первой мировой войны и революции зачастую крайне затруднительно, либо невозможно (во всяком случае без специальных глубоких поисков и исследований). Поэтому вместо дат смерти в ряде случаев мы вынуждены ставить знаки вопроса.

Вместе с тем в последние годы появились отдельные издания, возрождающие память о многих русских офицерах. Следует назвать труд А.Г. Кавтарадзе «Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг.». Особо отметим также «Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России» Н. Рутыча (большинство белых офицеров принадлежали к командному составу Императорской армии), откуда и мы почерпнули часть сведений. Появились биографии военачальников и военных деятелей из Военной энциклопедии издания И.Д. Сытина, с некоторыми дополнениями (правда, они, как и сами тома энциклопедии, обрываются на букве «П»). О.Ф. Сувениров своим исследованием «Трагедия РККА 1937—1938» вернул из небытия имена командиров, уничтоженных сталинским режимом.

Трагедия русского офицерства, выпавшая на его долю в XX веке, отражается и в судьбах самих военных писателей, в том числе представленных на страницах нашей книги: и тех, кто остался служить России в рядах Красной Армии, и тех, кто сражался против большевиков и оказался в эмиграции. Так, стоявшие у истоков советской высшей военной школы крупные военные умы А. Свечин, Е. Мартынов, Н. Морозов постоянно подвергались травле и в конце концов погибли в застенках НКВД. А. Мариюшкин, пройдя дорогами Гражданской войны и испив горькую чашу изгнания, в 1944 г. подвергся депортации в СССР. Его жизнь оборвалась в одном из мордовских лагерей для заключенных. Достаточно известна участь мастера русской военной прозы П. Краснова, казненного в семидесяти-семилетнем возрасте в Москве (1947 г.). В «России черный год» (1917) покончил с собой П. Режепо. Где-то в кровавой круговерти революции и Гражданской войны теряются следы А. Дрозд-Бонячевского, Д. Аничкова... Бывший флотский офицер и великий русский публицист М. Меньшиков был безвинно расстрелян чекистами ранней осенью 1918 г. в Валдае. В 1944 г. на одном из парижских чердаков от туберкулеза и ран угас, не дожив и до сорока, А. Керсновский, никогда не служивший в русской армии, но посвятивший ей жизнь и блестящие дарования, ставший ее бесподобным летописцем.

* Дополнены информацией об авторах важных работ по офицерскому вопросу, цитируемых в разделе «Уроки истории».

Пусть хотя бы краткие и скупые последующие строчки напомнят о тех военных писателях, чьи работы, составили наш очередной сборник.

Аничков Дмитрий Иванович (1866—?). Полковник. Окончил Николаевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Служил на командных и штабных должностях. Участник Русско-японской войны. С 1908 г. — в отставке. Позже по армейской кавалерии состоял в распоряжении Е. В. Кн. Сергея Георгиевича Романовского, Герцога Лейхтенбергского. (По некоторым сведениям, входил в организацию В. Пуришкевича «Русский народный союз им. Михаила Архангела», возможно, погиб в 1918 г.)

Апухтин Александр Николаевич (1861 — после 1917). Генерал-лейтенант. Окончил Полоцкую военную гимназию, 2-е военное Константиновское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Служил на командных и штабных должностях. В период Русско-японской войны отличился, командуя 88-м пехотным Петровским полком. Принимал участие в работе Комитета по образованию войск. В Первую мировую войну — начальник дивизии.

Известный военный писатель. Выступал в основном с критическими статьями на страницах «Русского Инвалида», «Разведчика», «Журнала Общества Ревнителей Военных Знаний».

Баланин Дмитрий Васильевич (1857 — после 1920). Генерал от инфантерии. Окончил 2-е военное Константиновское училище. Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Позже служил на командных и штабных должностях, был генерал-квартирмейстером штаба Киевского военного округа. С 1908 г. — начальник 18-й пехотной дивизии. В Первую мировую войну командовал 27-м армейским корпусом. В 1918 г. прикомандировался к Управлению Всеобуча Советской республики, а в октябре 1920 г. уволился со службы по состоянию здоровья.

Военный писатель. Публиковался в «Русском Инвалиде», «Военном Сборнике», «Разведчике», других периодических изданиях. Большой интерес у читателей вызывали его статьи в «Разведчике» под авторской рубрикой «Наброски из войсковой жизни» (в бытность автора начальником дивизии), где первостепенное внимание отводилось моральному элементу. Значительное место в размышлениях Баланина занимали вопросы подготовки командного состава. В таких статьях, как «Большой не правит — малый сбивается с пути», «К вопросу о подготовке военачальников» и др., он выступал за предметность работы с молодыми офицерами, развитие у них инициативы и почина, самостоятельности в принятии решений и ответственности за их выполнение.

Бутовский Николай Дмитриевич (1850 — после 1917). Генерал от инфантерии. Окончил Полтавскую военную гимназию, 1-е Павловское военное училище. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Служил в гвардии. Командовал полком, бригадой, дивизией. Принимал участие в работе различных комиссий при Главном штабе, вырабатывавших предложения по воспитанию и обучению войск. С 1911 г. находился в отставке.

Известный военный писатель. С 1877 г. печатался в «Военном Сборнике», «Русском Инвалиде», «Разведчике», газете «Голос», других изданиях. Автор чрезвычайно популярных в военной среде книг:

«Военные очерки», «Наши солдаты. Типы мирного и военного времени» (выдержала три издания), «О способах обучения и воспитания современного солдата», «Прежняя служба и настоящая», «Повести из современной офицерской жизни» и др. Его очерки о жизни войск, несмотря на некоторую идеализацию, «дышали правдой». В них утверждалась необходимость нравственной ответственности офицера, накладываемой на него военной службой. В годы Первой мировой войны выступал на страницах военной периодики, освещая ход боевых действий и отдельные боевые эпизоды преимущественно с морально-психологической точки зрения.

Войде Карл-Август-Фридрих Маврикиевич (1833–1905). Генерал от инфантерии. Окончил Варшавский благотворительный пансион, Николаевскую академию Генерального штаба. Служил на командных и штабных должностях. Участвовал в подавлении польского мятежа 1863 г. Командовал полком, дивизией. Был начальником штаба Оренбургского военного округа.

Известный военный писатель. Возглавлял комиссию по описанию Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Автор таких работ, как «Мирные маневры и их значение», «Действительное значение самостоятельности в командной системе на войне», «Самостоятельность частных начальников на войне» и др.

Галкин Михаил Сергеевич (1866–?). Генерал-майор. Окончил Петербургское юнкерское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Служил на командных и штабных должностях.

Участник Русско-японской войны. Преподавал военные дисциплины в Александровском военном училище. В Первую мировую войну командовал пехотным полком.

Известный военный писатель. Редактор военно-общественного журнала «Война и мир», выходявшего после Русско-японской войны. Автор книг «Измаил и его исторические памятники», «Хейгутай — Сандепу с 12 по 15 января 1905 г.» и др., а также многих статей в военной периодике.

Геруа Александр Владимирович (1870 — после 1940). Генерал-лейтенант. Окончил Пажеский Е.И.В. корпус, Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны. Один из лучших русских военачальников Первой мировой войны. Командовал лейб-гвардии Волыньским полком, 38-й пехотной дивизией, 18-м армейским корпусом, был начальником штаба Румынского фронта. В Гражданскую — военный представитель Добровольческой армии (позже Русской Армии) в Румынии. Там же провел годы изгнания и, вероятно, погиб в период Второй мировой войны (возможно, в 1944 г. депортирован в СССР).

Как талантливый исследователь и писатель зарекомендовал себя работой «Суворов-солдат» (1900). Всеармейскую известность получил с изданием своих книг «После войны о нашей Армии» и «К познанию Армии» (обе — 1907 г.). Участвовал в редактировании (в 1911–1913 гг.) Военной энциклопедии издания И. Д. Сытина. Главное внимание в творчестве уделял оптимизации военной системы, что ярко отразилось в его знаменитом эмигрантском труде «Полчища». Выступал сторонником «малых», профессиональных армий. Являлся «философом гражданской войны», указывал на огромную роль, которую в военно-политических процессах XX века играют социальные массы и движения (по терминологии автора — «социал»).

Глиноецкий Николай Павлович (1830–1892). Генерал-лейтенант. Окончил 1-й кадетский корпус, Императорскую военную академию (с малой серебряной медалью). Участвовал в походе против венгров (1848), в боевых действиях на Дунае (1852) и на Кавказе (1860). С 1856 г. был адъюнкт-профессором Императорской военной академии, а с 1864 г. — правитель дел в уже реформированной Николаевской академии Генерального штаба. С 1873 г. командовал бригадой, позже — дивизией.

Известный военный писатель, летописец Генерального штаба. Автор уникального «Очерка Николаевской академии генерального штаба», вышедшего к пятидесятилетию академии (1882), а также таких трудов, как «История русского генерального штаба, 1698–1825 гг.», «Служба генерального штаба на Кавказе с 1832 по 1853 гг.». С 1858 по 1873 г. в «Военном Сборнике» вел отдел иностранного военного обозрения, постоянно публиковал статьи в «Русском Инвалиде», «Разведчике», других изданиях.

Деникин Антон Иванович (1872–1947). Генерал-лейтенант. Окончил Ловичское реальное училище, военно-училищные курсы при Киевском пехотном юнкерском училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Служил на штабных и командных должностях. В Русско-японской войне отличился, будучи начальником штаба Сводного кавалерийского корпуса генерала Мищенко. В Первую мировую войну успешно командовал легендарной «Железной» дивизией, 8-м армейским корпусом. В 1917 г. назначен главнокомандующим армиями Западного, позже Юго-Западного фронтов. За поддержку выступления генерала Корнилова был отрешен от должности и заключен в Быховскую тюрьму.

Один из организаторов Белого движения, Главнокомандующий Добровольческой армией, Вооруженными Силами Юга России (1918–1920). С апреля 1920 г. — в эмиграции: большую часть времени находился в Европе, в основном во Франции, после Второй мировой войны — в США.

Незаурядный военный писатель-публицист, мемуарист. В Императорской Армии его знали под псевдонимом «Иван Ночин»; за этой подписью на страницах популярнейшего журнала «Разведчик» в рубрике «Армейские заметки» долгие годы появлялись острые материалы о недостатках и несуразностях войсковой жизни. В изгнании Деникин создал ряд произведений, крупнейшее из которых — пятитомные «Очерки Русской Смуты». Особого внимания заслуживает такой вывод автора: «Армия в 1917 году сыграла решающую роль в судьбах России. Ее участие в ходе революции, ее жизнь, расстление и гибель — должны послужить большим и предостерегающим уроком для новых строителей русской жизни».

Детальные описания воинского уклада царской России представляют собой книги «Старая Армия» и «Путь русского офицера». Многочисленные публикации генерала в эмигрантской прессе посвящены главным образом военно-политическим вопросам.

Дмитревский Антоний Михайлович (1868 — после 1919). Полковник. Окончил Нижегородский гр. Аракчеева кадетский корпус, Александровское военное училище, курсы артиллерийской школы.

Службу проходил в основном в артиллерии на командных должностях. Участник Русско-японской войны. На Первую мировую войну вышел командиром батареи 4-й Сибирской стрелково-артиллерийской бригады. В связи с ранением в октябре 1914 г. из строя выбыл и состоял штаб-офицером постоянной врачебной комиссии. В 1917 г. избирался в законодательную секцию Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В мае 1918 г. уволен с пенсией по болезни.

Известный военный писатель. Выступал за духовное развитие личности офицера, подчеркивая его активную роль в воспитании солдата. Исключительно важное значение придавал военной психологии как действенному инструменту в работе командного состава. На страницах «Военного Сборника», «Офицерской жизни» и др. изданий опубликовал множество статей, в числе которых «Насилие над психологией», «В защиту личности и психологии», «Не дробите сил души», «Страх и борьба с ним», «Из военной психологии» и др.

Добровольский Александр Михайлович (1863 — после 1917). Генерал-майор. Окончил Киевскую военную гимназию, Константиновское военное училище, Военно-юридическую академию. С 1901 г. — профессор, с 1912 г. — заслуженный профессор Военно-юридической академии. Военный писатель. Автор трудов «Основы организации центрального военного управления в России и важнейших западноевропейских государствах», «Система карательных мер в Запорожье», «Анархизм, социализм, рабочий и аграрный вопросы», а также статей в «Военной энциклопедии» издания И.Д. Сытина и военной периодике.

Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905). Генерал от инфантерии. Образование получил в Конотопском городском училище и Дворянском полку (впоследствии Константиновское военное училище). Окончил Императорскую военную академию с золотой медалью (был одним из двух выпускников, награжденных ею за более чем восьмидесятилетнюю историю академии). С 1860 г. — адъюнкт-профессор академии, позже — начальник штаба дивизии, преподаватель академии. В 1869 г. назначается начальником штаба Киевского военного округа. В качестве командира дивизии участвует в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. По ее окончании более десяти лет был начальником Николаевской академии Генерального штаба. С 1889 по 1903 г. командовал войсками Киевского военного округа, с 1897 г. являясь одновременно генерал-губернатором Юго-Западного края. С именем Драгомирова связана целая эпоха в деле обучения и воспитания войск.

Выдающийся военный писатель, педагог. По характеристике из военной энциклопедии изд. И.Д. Сытина, «один из оригинальнейших крупнейших людей своего времени, популярный во всех слоях общества». Автор классических работ, таких как «Учебник тактики» (выдержавший шесть изданий), «Опыт руководства для подготовки частей к бою», «Подготовка войск в мирное время», «Офицерская памятка», «Солдатская памятка», сборники оригинальных и переводных статей «14 лет. 1881–1894», «Одиннадцать лет. 1895–1905 гг.» и многих других. Впервые перевел на русский язык основные положения труда К. Клаузевица «О войне». Творчество Драгомирова оказало существенное влияние на многих русских военных писателей.

Крупнейший популяризатор суворовской «Науки побеждать», возродивший в армии интерес к идеям и наследию Суворова и страстно их проводивший в жизнь подчиненных войск. Обосновывал ключевую роль офицера как учителя и вождя подчиненных. В подготовке солдата приоритет отдавал воспитанию, «ведущему областью воли», — решающему фактору в военном деле.

Дрозд-Бонячевский Александр Иванович (1859 — после 1917). Генерал-майор. Окончил Николаевское инженерное училище. Служил в основном на командных должностях. С 1909 г. по гвардейской кавалерии исполнял должность Гатчинского коменданта. Бессменно состоял на ней до 1917 г. По неподтвержденным сведениям, в сентябре 1918 г. в Петрограде взят большевиками в заложники и расстрелян.

Дружинин Константин Иванович (1863–1914). Генерал-майор. Окончил Пажеский Е.И.В. корпус, Николаевскую академию Генерального штаба. Службу проходил в Гвардии, занимал должность начальника штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. В 1902 г. по болезни вынужден был уйти в отставку. В период Русско-японской войны добровольно вернулся в строй и принимал участие в боевых действиях, отличился и заслужил ряд орденов и Георгиевское оружие. Позже находился в отставке. В начале Первой мировой войны вновь — в действующей армии. Пал смертью храбрых в одном из боев в августе 1914 г.

Известный военный писатель. Специалист по вопросам кавалерии. Издал труды: «Организация независимой стратегической кавалерии», «Тактика кавалерийского боя», «Очерки по истории кавалерии». Постоянно выступал на страницах «Военного Сборника», «Русского Инвалида», «Разведчика»,

«Офицерской жизни». Активный сторонник развития военно-психологических знаний, утверждавший, что армия сильна прежде всего «воинским духом». Автор таких работ, как «Исследование душевного состояния воинов в различных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904–1905 гг.», «Воинский дух», «Призыв к воинскому героизму», «Кое-что о новейших взглядах на изучение военной психологии» и др.

Керсновский Антон Антонович (1905–1944). На военной службе в Российской армии не состоял. Юношей оказался в эмиграции. Окончил дипломатическую академию в Вене, университет в Дижоне (Франция). Свободно владел французским, английским, немецким языками. Со второй половины двадцатых годов жил в Париже. С детских лет испытывал страсть к военному делу. Самостоятельно освоил его теорию и историю, что позволило ему стать выдающимся военным публицистом, историком. В 1940 г. призван в армию Франции и отправлен на фронт. Тяжело ранен, демобилизован. Скончался в Париже от болезни легких, усугублявшейся многолетней нуждой, духовным и физическим перенапряжением.

Обладал самобытным, динамичным литературным стилем. Признание специалистов Русского Зарубежья и Европы приобрел с первых же публикаций в 1927 г. на страницах «Русского Военного Вестника» (впоследствии «Царского вестника»), ставшего для него главной «кафедрой» почти на пятнадцать лет. Его материалы (сотни военно-политических статей, аналитические обзоры, переводы, книги) всегда вызывали живой интерес читателей и неоднократно — полемику на страницах военных журналов. Им написано около десяти книг, но при его жизни удалось издать лишь четырехтомную «Историю Русской Армии» и «Философию войны». Начертал основы военного возрождения России: самобытность, приоритет духа и качества, религиозность и национальная гордость, сознательное отношение к делу, инициатива «снизу» и поддержка «сверху» и др. В этом «ренессансе» видел необходимое условие воссоздания нашей государственной мощи. К нему, по убеждению его издателя Н.П. Рклицкого, приложимы слова, сказанные когда-то о Пушкине: «...Явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа и пророческое».

Колесников Николай Владимирович (1882–1937). Полковник. Окончил Ташкентское военное училище и ускоренный курс Академии Генштаба (1917 г.). Служил воспитателем и курсовым офицером в Казанском военном училище. Участник Русско-японской и Первой мировой войн, Белого движения (сначала на юге России, а с 1920 по 1922 г. — в Забайкалье и на Дальнем Востоке). Редактор газеты «Русская Армия» (Чита), сотрудничал также в журналах «Пути России», «Воин». С конца 1922 г. — в эмиграции: сначала в Харбине, затем в Шанхае. С 1925 по 1937 г. редактировал газету «Россия», военно-научный журнал «Армия и Флот», а также несколько эпизодически выходивших других изданий. Создал и возглавил 1-е Военно-Научное Общество в Китае.

До революции издал около десяти книг и брошюр по военно-исторической и военной тематике. В годы Гражданской войны и эмиграции написал и издал еще более 20 книг мемуарно-публицистического, научно-популярного и художественного характера. Основные из них:

«Франция или Германия?», «Суворов», «Диктатор», «Вампиры революции», «Философия войны» и др. Отстаивал необходимость серьезного освоения искусства и науки идеологической и информационной борьбы — «стратегии духа», требовал первостепенного внимания к «воспитанию души» тех, кто держит в руках оружие. Умер в Шанхае от «органического поражения нервной системы».

Корф Николай Андреевич (1866–1924). Генерал-майор. Окончил Пажеский Е.И.В. корпус, Николаевскую академию Генерального штаба. Службу проходил на командных и штабных должностях. Участник Русско-японской войны. С 1906 по 1910 г. заведовал печатной и картографической частью в Военно-исторической Комиссии при Главном управлении Генерального штаба по описанию опыта Русско-японской войны. Позже командовал полком. В Первую мировую войну — командир бригады. После революции находился в эмиграции в Болгарии, где и скончался (сведения С.В. Волкова).

Известный военный писатель. Один из инициаторов создания и активный участник Общества Ревнителеев Военных Знаний. Его труды «Общее введение в стратегию, понимаемую в обширном смысле. Этюды по философии военных наук», «О связи военных наук с общественными», «О воспитании воли военачальников» и другие позволяют относить его к основоположникам русской военной социологии, военной педагогики, военной психологии.

Краснов Петр Николаевич (1869–1947). Генерал от кавалерии. Окончил Павловское военное училище, Офицерскую кавалерийскую школу. Служил в основном на командных должностях. На фронт Русско-японской войны был отправлен в качестве военного корреспондента, но участвовал в военных действиях, заслужив боевые ордена. В Первую мировую войну с успехом командовал пол-

ком, бригадой, дивизией, корпусом. В Гражданскую — Донской Атаман. С 1920 г. находился в эмиграции, в Германии, где всецело посвятил себя писательству. В годы Второй мировой войны руководил Главным управлением казачьих войск вермахта. В 1945 г. депортирован в Советский Союз, где казнен.

Крупный русский военный писатель-публицист, романист. Тонкий знаток человеческих характеров, армейской психологии; историк и певец казачества. С 1891 г. постоянно публиковался в «Русском Инвалиде», «Военном Сборнике», других изданиях, в том числе гражданских. В качестве военного корреспондента по распоряжению Государя Императора знакомил читателей с жизнью русских войск в Маньчжурии, Китае, Закавказье. До Первой мировой войны в «Русском Инвалиде» печатались его военные рассказы и повести, выходившие затем отдельными изданиями. В эмиграции выпустил десятки романов и повестей, получивших широкую известность. Его трилогия «От Двуглавого Орла к красному знамени» была переведена на семнадцать языков. Великолепные картины жизни армии написаны художником слова в таких произведениях, как «На рубеже Китая», «Накануне войны», «Павлоны» и др. Большой заслугой автора является его работа «Душа Армии. Очерки по военной психологии», созданная как пособие для Курсов ген. Головина, не утратившая прикладного значения и по сей день. «Описание Красновым быта и боевой жизни Русской Армии, и в особенности казачьей, — это перлы русской литературы, и за одни только эти страницы П.Н. Краснов будет причислен потомством к сонму русских классиков», — говорил Н. Головин.

Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925). Генерал от инфантерии. Окончил 1-й кадетский корпус, 1-е военное Павловское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Служил в Туркестане. Отличился в Кокандском походе. В Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. был начальником штаба 16-й пехотной дивизии, ближайшим боевым сотрудником генерала М. Скобелева. При штурме Плевны тяжело контужен (ошибочно его сочли погибшим, «Московские Ведомости» в № 220 за 1877 г. даже напечатали его некролог). В 1880–1881 гг. командовал отрядом в составе Ахал-Текинской экспедиции. Позже занимал должности командира бригады и дивизии, а с 1890 г. — начальника Закаспийской области, командующего расположенными в ней войсками и заведующего Закаспийской железной дорогой. Проявил незаурядные административно-государственные способности и в 1898 г. был назначен Военным министром Российской Империи. С началом Русско-японской войны принял командование Маньчжурской армией, а с октября 1904 г. стал Главнокомандующим вооруженными силами на Дальнем Востоке. Однако с этой ролью надлежало не справиться и был от нее отстранен. «Отличный администратор, ген. Куропаткин совершенно не был полководцем и создал это», — верно подчеркивает А. Керсновский в «Истории Русской Армии».

После этого занимал почетный пост члена Государственного Совета, но фактически был не у дел. В период Первой мировой войны командовал корпусом, армией, Северным фронтом, был генерал-губернатором Туркестана (1916–1917). В Гражданской войне участия не принимал, эмигрировать отказался. Последние годы жизни провел на Псковщине, в своем имении.

Известный военный писатель. Почетный член ряда российских и иностранных военных академий. Публиковаться начал в «Военном Сборнике» в 1875 г. Очерки, которые он печатал в периодике, позже выходили книгами. Среди них: «Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкую войну 1877–1878 годов. Ловча и Плевна», «Завоевания Туркмении (поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.)» и др. Большой и естественный интерес вызывали у специалистов и читателей четырехтомник «Отчет ген. ад. Куропаткина» и трехтомник «Задачи русской армии», появившиеся после Русско-японской войны.

Ладыженский Гавриил Михайлович. Генерал-майор. Участник Первой мировой войны. В 1918 г. мобилизован в Красную Армию.

Мариюшкин Алексей Лазаревич (1880 — 1946). Полковник. Окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище, Николаевскую военную академию (Генштаба). Участник Русско-японской, Первой мировой войн и Белого движения. После 1920 г. — в эмиграции. Жил и работал в Югославии. Состоял в монархической организации «Корпус офицеров Императорской Армии и Флота». В 1944 г. депортирован в СССР. Умер в лагере Явас (Мордовская АССР).

Как военный писатель зарекомендовал себя еще до Первой мировой войны. Публиковался и в годы Гражданской войны. Пристальное внимание уделял офицерскому вопросу, поэтому не случайно одной из первых его работ на чужбине был очерк «Трагедия русского офицерства», где он ярко и эмоционально отразил то, что пришлось пережить в годы революции и братоубийства офицерам Российской армии. В содержательной работе «Помни войну!» он доказывал, что «судьба каждого народа

покоится на мощи его вооруженных сил». Выступая на страницах военных журналов и газет эмиграции, проводил мысль об определяющем значении духа народа и его армии в военном деле.

Мартынов Евгений Иванович (1864–1937). Генерал-лейтенант. Окончил Александровское военное училище. Николаевскую академию Генерального штаба. Служил на командных и штабных должностях. Отличился, командуя полком в ходе Русско-японской войны. После нее получил в командование бригаду, а в 1910 г. был назначен начальником Заамурского округа пограничной стражи. С 1912 г. — начальник дивизии. Год спустя, в расцвете сил и таланта уволен в отставку за критику существовавших армейских порядков. В качестве военного корреспондента отправился освещать и анализировать военные действия на Балканы (1913). Вновь определен на службу лишь в июле 1916 г. В 1918 г. короткое время был начальником снабжения РККА, затем — на преподавательской работе в Академии Генштаба (ст. руководитель стратегии). С 1925 по 1928 г. служил в Управлении по исследованию и использованию опыта войн штаба РККА, потом — в отставке. В 1937 г. арестован по обвинению в контрреволюционной пропаганде и расстрелян.

Известный военный писатель. Автор многочисленных работ, среди которых: «Стратегия в эпоху Наполеона и в наше время», «Обязанности политики по отношению к стратегии», «Из печального опыта Русско-японской войны». Каждая из них была событием в военной литературе, вызывая большой резонанс в интеллигентной офицерской среде старой армии. Многочисленны публикации Мартынова в «Русском Инвалиде», «Разведчике», «Военном Голосе», других изданиях. Из трудов советского периода его творчества наибольшую известность получила работа «Царская армия в февральском перевороте».

Махров Петр Семенович (1876–1964). Генерал-лейтенант. Окончил Минскую военную гимназию, Виленское пехотное училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Службу проходил на штабных и командных должностях. Участник Русско-японской войны. В годы Первой мировой войны — в штабе 8-й армии, а с января 1917 г. командовал 13-м Сибирским стрелковым полком. Позже был генерал-квартирмейстером 12-й армии, и.д. начальника штаба главнокомандующего Юго-Западным фронтом. С февраля 1919 г. — в Добровольческой армии генерала Деникина, в марте — июне состоял начальником штаба Вооруженных Сил Юга России, затем военным представителем Главнокомандующего ВСЮР в Польше. В 1924 г. с семьей переехал во Францию, где провел вторую половину жизни и скончался.

Военный писатель. Публиковался с начала века. До революции издал такие работы, как «Военная тайна и военная цензура», «Балканская война», «Применение воздухоплавательных аппаратов на войне» и др. В эмиграции выступал на страницах периодической печати, выпустил «Историческую памятку о Виленском военном училище». В России увидели свет его воспоминания: Махров П.С. В Белой армии генерала Деникина. Под ред. Н.Н. Рутыча и К.В. Махоова. - СПб., 1994.

Меньшиков Михаил Осипович (1859–1918). Штабс-капитан. Окончил морское техническое училище в Кронштадте. На военной службе находился (учитывая пребывание в училище) почти двадцать лет. Участвовал в походах по Атлантике и Средиземноморью. Глубокое знание специальности позволило ему написать и издать такие работы, как «Руководство к чтению морских карт русских и иностранных», «Лоции Абоских и восточной части Аландских шхер». Обладал незаурядным литературным и публицистическим талантом, с конца 1870-х годов активно сотрудничал в ряде газет. Окончательно осознав свое главное призвание, в 1892 г. ушел в отставку. Занимался литературной критикой, «нравственной философией».

С 1901 г. он — ведущий публицист крупнейшей газеты России «Новое Время» (ред. А.С. Суворин), автор знаменитой рубрики «Письма к ближним». За шестнадцать лет (до начала 1917 г.) в более чем двух тысячах больших статей осветил все стороны и ключевые проблемы российской жизни и государственности, создав своеобразную критическую летопись последнего периода Империи. Это позволяет говорить о Меньшикове как о самой масштабной фигуре русской публицистики начала XX века. Расстрелян по сфабрикованному обвинению (контрреволюционный «монархический заговор») выездной комиссией ВЧК в Валдае.

Значительное место в своей деятельности отводил вопросам защиты страны и военного строительства. Понимание воинского труда как важнейшего государственного дела, а вооруженной силы как «центральной цитадели нации» всячески стремился донести до читателя. Предвидя и Русско-японскую, и Первую мировую войны, задолго до их начала призывал государство «вооружаться изо всех сил». Преодолевая тотальный пацифизм либеральной интеллигенции, способствовал развитию оборонного сознания общества («Хороши граждане, у которых не воспитаны долг и страсть защи-

щать Родину!»). Выступал сторонником профессионализации армии, военного «артистизма» офицерства и был противником «чиновников в офицерских мундирах», схоластики в военном образовании. Военное искусство ставил выше отвлеченных научных теорий. Всегда актуален меньшевиковский завет:

«Могущественную армию может создать только народ, воспитанный в духе любви к Родине, в сознании великого долга защиты ее, в любви и уважении к своей армии».

Месснер Евгений Эдуардович (1891–1974). Полковник. Окончил Михайловское артиллерийское училище (экстерном) и ускоренный курс Академии Генштаба (1917 г.). Участник Первой мировой войны, Белого движения (последний начальник штаба Корниловской ударной дивизии). В эмиграции до 1945 г. жил в Югославии, затем — в Аргентине. В Белграде преподавал на Высших Военно-Научных Курсах генерала Головина, где стал профессором. В Буэнос-Айресе с коллегами создал Южноамериканский отдел Института по изучению проблем войны и мира им. Н.Н. Головина. Много публиковался в военной печати Зарубежья, а также в общих изданиях. Был постоянным военным обозревателем газеты «Сегодня» (Рига). С 1943 по 1944 г. редактировал газету «Русское дело», до своей кончины заведовал «военным отделом» в журнале «Наши вести» (печатные органы чинов Русского Охранного Корпуса).

Один из самых ярких и оригинальных военных умов эмиграции. Обладал выразительным своеобразным стилем письма. В своем творчестве касался широкого спектра проблем: от характера войн современной эпохи до деталей тактики артиллерии, военного быта. Неизменный участник и неоднократный призер конкурсов Общества Русских Офицеров Генерального Штаба на лучшие военно-научные труды.

Активный сторонник и проводник идеи профессиональной отборной армии (выдвигал ее в работах «Декадентство в военном искусстве», «Качество или количество» и др.). В многочисленных военных конфликтах, терроризме и политическом экстремизме второй половины XX века видел основную форму вооруженной борьбы эпохи — «мя-тежевойну» (ее признаки и черты охарактеризовал в книгах «Мятеж — имя Третьей Всемирной», «Всемирная мятежевойна» и др. работах). Автор афоризма, отражающего сущность русской военной эмиграции:

«Мы — дух армии, а не ее тело».

Морозов Николай Аполлонович (1879–1931). Генерал-майор. Окончил Псковский кадетский корпус, Павловское военное училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Служил в основном в штабах. Участник Первой мировой войны на Кавказском фронте, с 1916 г. — командир 1-го Кавказского стрелкового полка. Первоначально советской власти не принял. Находился в составе Кубанского казачьего войска, в апреле 1920 г. командовал Кубанской армией. Видя бесперспективность вооруженной борьбы против Красной Армии, вступил в переговоры о сдаче остатков своих войск и сдался сам. После 1920 г. — на преподавательской работе. В 1930 обвинен в причастии к антисоветскому заговору, через год расстрелян.

Военный писатель и педагог. Публиковался в дореволюционной военной периодике и в военной печати СССР. Наибольшую известность имела его работа «Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений», приводимая на страницах данной книги.

Редигер Александр Федорович (1853–1918). Генерал от инфантерии. Окончил Пажеский Е.И.В. корпус, Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В дальнейшем службу проходил в основном на штабных и военно-административных должностях. В 1882–1883 гг. состоял товарищем военного министра Болгарии, управляющим делами болгарского военного министерства. С 1884 г. совмещал службу в канцелярии военного министерства России с преподаванием в Николаевской академии Генерального штаба. Заслуженный ординарный профессор. Один из инициаторов реформирования армии после Русско-японской войны. С 1905 по 1909 г. — военный министр России. Неодобрительно относился к использованию войск для борьбы с «внутренним врагом», соглашался с критикой в адрес высшего командного состава армии со стороны депутатов Государственной Думы (в частности А.И. Гучкова), что и сыграло решающую роль в его отставке.

Известный военный писатель, автор таких работ, как «Унтер-офицерский вопрос в главных европейских армиях», «Комплектование и устройство вооруженной силы», «Мобилизация войск», «Полевое управление в нашей армии», других, а также многочисленных статей в «Энциклопедии военных и морских наук» и в военной периодике. Инициатор многотомного издания «Столетие военного министерства».

Режепо Петр Александрович (1873–1917). Полковник. Окончил Полоцкий кадетский корпус, 1–е военное Павловское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Служил в основном на штабных должностях. Накануне Первой мировой войны был начальником штаба 22–й пехотной дивизии. Автор известных трудов по статистике офицеров. Покончил с собой в 1917 [–(сведения А.Г. Кавтарадзе)].

Розеншильд фон Паулин Анатолий Николаевич (1860–1929). Генерал-лейтенант. Окончил 1–е военное Павловское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Служил на командных и штабных должностях. Командовал 7–м стрелковым полком. Участник Русско-японской войны, командовал бригадой. Затем был начальником Офицерской стрелковой школы. На Первую мировую войну выступил начальником 29–й пехотной дивизии, с успехом проявив себя в наступлении на Восточную Пруссию. В январе 1915 г. попал в плен в результате окружения дивизии в Августовских лесах. После освобождения из плена в 1918 г. прибыл в Добровольческую армию, где возглавлял пулеметные курсы, командовал добровольческими отрядами. С 1920 г. — в эмиграции. Проживал и работал в Новом Саду (Сербия).

Периодически выступал в военной печати дореволюционной России. В Зарубежье он также трудился «на ниве военных знаний». В «Военном Сборнике» печатались его работы: «Гибель 20–го армейского корпуса в Августовских лесах. (Из дневника начальника дивизии)», «Будущей русской пехоте», «29–я пехотная дивизия в первый поход в Восточную Пруссию. (Из дневника начальника дивизии.)», «Спорт как связь армии с народом». Одним из лучших русских военачальников назвал Розеншильда фон Паулина в некрологе на его смерть давний сослуживец генерал Е.Ф. Новицкий, а редактор «Военного Сборника» полковник В.М. Пронин написал: «Возрожденная русская армия не забудет своих героев и верных сынов; она воздаст должное и памяти Анатолия Николаевича».

Свечин Александр Андреевич (1878–1938). Генерал-майор, комдив. Окончил 2–е кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище. Николаевскую академию Генерального штаба. Службу проходил на штабных и командных должностях. В Русско-японскую войну успешно командовал ротой. Позже служил в Главном управлении Генерального штаба. В годы Первой мировой войны сначала находился в Ставке Верховного Главнокомандующего, а с июля 1915 г. командовал 6–м Финляндским стрелковым полком. В 1917 г. — начальник отдельной Черноморской дивизии, исполняющий должность начальника штаба 5–й армии. С марта 1918 г. — в Красной Армии, с августа по октябрь — начальник Всероглавштаба. В 1918–1921 гг. состоял председателем Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. (Военно-исторической комиссии). С конца 1918 г. служба Свечина связана с Академией Генерального штаба, одним из организаторов которой он являлся и в которой преподавал более десяти лет. В 1931 г. Свечин был арестован, но вскоре освобожден. В конце 1937 г. арестован повторно и в июле 1938 г. расстрелян.

Выдающийся военный писатель, автор широко известных трудов:

«Стратегия», «Эволюция военного искусства», «Война в горах», «Русско-японская война 1904–05 гг...», «Стратегия XX века на первом этапе...» и других. Крупный популяризатор и интерпретатор наследия зарубежных и отечественных военных классиков, редактор первого полного перевода на русский язык труда «О войне» К. Клаузевица и автор оригинальной работы о его жизни («Клаузевиц», 1935 г.). Большой интерес представляют многочисленные статьи Свечина как в дореволюционной, так и в советской военной периодике. Все они пропитаны духом борьбы с предрассудками, вредными шаблонами, формализмом в военном деле, нацелены на решение практических вопросов.

Свидзинский Эдмунд-Леопольд Фердинандович (1848 — после 1911). Генерал-лейтенант. Окончил 1–е Московский кадетский корпус, Александровское военное училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Службу проходил на штабных и командных должностях, преподавал военные дисциплины в Елисаветградском кавалерийском юнкерском училище. С 1908 г. командовал 11–й, затем 41–й пехотными дивизиями. Выступал в военной печати со статьями по злободневным вопросам армейской жизнедеятельности, воинского воспитания, развития военных знаний.

Сурнин Александр Александрович (1877–?). Генерал-майор. Окончил Александровский кадетский корпус, Павловское военное училище, Императорскую Николаевскую военную академию. Службу проходил в лейб-гвардии Павловском полку. За участие в Русско-японской войне и отличия в боях награжден пятью орденами. Позже служил в штабе Приамурского военного округа. Участник Первой мировой войны. В 1919 г. исполнял должность начальника штаба Северной группы войск Сибирской армии адмирала Колчака. В 1920–1922 гг. находился в Приморье в войсках ген. М.К. Дитерихса. В дальнейшем — в эмиграции.

Толстой Лев Львович (1869–1945). Писатель, публицист. Сын великого русского писателя Л.Н. Толстого. Окончил Московский университет. Занимался литературной деятельностью. В 1892 г. поступил вольноопределяющимся в Гвардию, но по состоянию здоровья оставил службу.

Один из видных сотрудников газеты «Новое Время». В 1904—1905 гг., когда интеллигенция обрушила на власть и армию потоки не только критики, но откровенной грязи, принципиально выступал в печати с горячей поддержкой правительства, армии и офицерства. «Русский Инвалид» характеризовал его как «талантливого и высокообразованного писателя, посвятившего свои силы служению военной идее». После революции эмигрировал, жил и умер в Швеции.

Флуг Василий Егорович (1860–1955). Генерал от инфантерии. Окончил Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Служил на командных и штабных должностях. Участник военных действий в Китае в 1900–1901 гг.. Русско-японской и Первой мировой войн. Один из лучших военачальников Российской армии в 1914–1917 гг. (командовал корпусом, армией). В Белом движении — с декабря 1917 г. С 1920 г. — в эмиграции: сначала в Югославии (Белград), после Второй мировой войны в США (Сан-Франциско).

Периодически выступал на страницах военной печати как в царской России, так и в Зарубежье. Основное внимание в творчестве уделял офицерскому вопросу, в частности — подготовке высшего командного состава (по этой теме написал огромный труд, премированный на конкурсе, проводимом Обществом Русских Офицеров Генерального Штаба). Подчеркивал волевую природу руководства войсками, предлагая все усилия при обучении и воспитании командных кадров сосредоточивать на развитии волевых качеств. Оставил рукописи обширных воспоминаний о службе на Дальнем Востоке, участии в Русско-японской и Первой мировой войнах. Умер., будучи старейшим генералом в Русском Зарубежье.

Червинка Ярослав Вячеславович. Генерал-майор. Участник Первой мировой войны.

Военный писатель. Выступал в печати по вопросам офицерской службы, а также по истории и организации пограничной службы. Автор работы «Желательная реформа пограничной стражи».

Чернавин Виктор Васильевич (1877–1956). Генерал-майор. Окончил Николаевское инженерное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Служил на командных и штабных должностях. Участвовал в Русско-японской войне. С 1911 г. преподавал в Виленском военном училище. В период Первой мировой войны командовал полком, исполнял должность генерал-квартирмейстера 6-й армии. Участник Белого движения, начальник штаба 3-го армейского корпуса. Годы эмиграции провел в Праге. С середины 20-х годов до конца 30-х состоял сотрудником Русского Заграничного Исторического Архива (РЗИА), куда стекались многочисленные издания, документы, частные архивные коллекции со всего Зарубежья. Внес большой вклад в создание «военного сектора» РЗИА, благодаря чему сохранилось и дошло до нашего времени множество важнейших печатных и рукописных источников военной эмиграции (в «Пражской коллекции» ГАРФ).

Автор работ о русском офицерском составе в годы Первой мировой войны («К вопросу об офицерском составе старой русской армии к концу ее существования»), о подготовке России к этой войне, операциях в Восточной Пруссии и др., печатавшихся в белградском «Военном Сборнике», парижском «Русском Инвалиде», газетах «Меч», «Сегодня», а также в иностранной военной прессе.

Штейфон Борис Александрович (1881—1945). Генерал-лейтенант. Окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище, Императорскую Николаевскую военную академию. Служил на командных и штабных должностях. Участник Русско-японской войны (в ходе кампании награжден пятью боевыми орденами), Первую мировую войну провел на Кавказском фронте в штабе ген. Юденича. С 1918 г. — в Белом движении. Командовал Белозерским пехотным полком. После исхода из Крыма Русской Армии Врангеля — начальник штаба 1-го Армейского Корпуса генерала А.П. Кутепова в Галлиполи. В дальнейшем — в Югославии. С 1941 по 1945 г. там же был командиром Русского Охранного Корпуса, сформированного немцами для борьбы с югославскими партизанами.

Известный в эмиграции военный публицист и военно-научный деятель (на чужбине получил звание профессора). Публиковался во многих изданиях военной эмиграции, состоял военным обозревателем в газете «Новое Время» (Белград). Автор содержательных очерков о Русско-японской войне, операциях на Кавказском фронте в 1915–1916 гг., о ген. Н.Н. Юдениче и др. Будучи учеником А.К. Байова (посвятил ему книгу «Национальная военная доктрина. Профессор генерал А.К. Байов и его творчество»), отстаивал идеи национального характера военного искусства, «преобладания духа над материей» в военном деле. Неизданным остался его труд «Причины постепенного упадка русского военного искусства». Страстно ратовал за сохранение и развитие военной мысли на чужбине.

Вместо заключения

КОДЕКС ЧЕСТИ РОССИЙСКОГО ОФИЦЕРА

(реконструкция традиции)

Никакое воздаяние так людей не приводит к добру, как любление чести; равным образом, никакая так казнь не страшит, как лишение оной.

Петр Великий

Офицер есть благородный защитник Отечества, имя честное, звание высочайшее. Честь — его внутреннее достоинство, верность, доблесть, благородство души, чистая совесть, почет и уважение. Она является главной драгоценностью для офицера, священный долг которого сохранять ее в чистоте и безупречности. Честь оберегает достоинство офицерского звания, обязывает совершать отличные поступки, великие дела, ратные подвиги, полагать «душу свою за други своя».

Честь — это высшее духовное благо армии. Армия, движимая чувством чести, является непобедимой силой, реальным гарантом государственного бытия и мирного преуспевания России. Стремление к чести побуждает офицеров быть цветом нации, воплощением аристократизма, дворянского духа и рыцарства, руководствоваться нормами высшей нравственности, приобретать особо ценные и ценные качества.

Истинная честь заключается в самоотверженном, доблестном служении во имя высших государственных интересов и общего блага страны. Она выражается в преданности, готовности жертвовать жизнью во имя Отечества, в неколебимом мужестве, презрении к опасности, в правдивости, честности и скромности.

Нет более почетной миссии, как быть офицером, носителем и защитником чести. Русский офицер — профессия идейная,

* Данный текст составлен на основе исторических материалов А. Савинкиным, И. Домниным при участии А. Каменева, Е. Иванова, А. Быкова, Ю. Белова, С. Климова, А. Владимировой, А. Григорьевой; учтены также предложения специалистов кафедры военно-социальной работы и морально-психологического обеспечения Военного университета: В. Кузнецова, В. Кузьмовича, Л. Калининчука. С. Мельникова, И. Логинова ее основа — призвание. Офицерский корпус — особое воинское братство, сплоченное общими интересами и духовными ценностями, единым мировоззрением и доктриной, вековыми традициями, корпоративной солидарностью и этикой.

Долг чести обязывает российского офицера:

1. Знать и любить Россию, быть благородным гражданином и патриотом, служить Отечеству верно, до последней капли крови защищать его от внешних и внутренних угроз, не падать духом ни при каких обстоятельствах, не останавливаться ни перед какими препятствиями.

2. Сохранять верность Присяге, Знамени, ни при каких условиях не допускать измены и предательства; сознавать личную ответственность не только за боеготовность вверенной части, но и в целом за оборону государства, за победы и поражения, состояние вооруженной силы, развитие военного искусства, совершенствование военного дела.

3. Постоянно искать и добывать себе честь по примеру и достоинству великих предков, опираться на их традиции и заветы; изучать военную историю и использовать ее уроки для укрепления армии, преемственного развития офицерского корпуса.

4. Неукоснительно следовать девизу «Честь и Родина», принципу «честь дороже жизни»; оберегать и защищать достоинство офицерского звания, личную честь, честь армии и государства; вкоренять у себя и своих подчиненных истинное и высокое честолюбие, побуждающее к преодолению трудностей и опасностей, к славе и подвигам; не позволять унижать себя, не раболепствовать, не прощать оскорблений.

5. Неустанно культивировать качества, необходимые военному человеку: честность, бескорыстие, правдивость, прямоту, благонаравие, скромность, терпение, постоянство, покровительство слабым, невинным и оскорбленным; воспитывать в себе дисциплинированность, решительный характер,

волю к победе, «усердие к общему делу и верность к службе», прозорливость, самообладание, инициативу, мужество, храбрость, смелость, физическую ловкость и другие воинские добродетели.

6. Быть личностью творческой, самостоятельной в действиях и мыслях, благородной в поступках и намерениях; «чинить дело с рассуждением, а не держаться воинского устава, яко слепой стены»; постоянно повышать свой интеллектуальный уровень, расширять культурный кругозор; уметь распознавать и развивать таланты своих подчиненных. вместо заключения

7. Ведать законы государственные и уставы воинские, глубоко знать военное дело, быть профессионалом, непрестанно совершенствоваться в предмете своей службы; всегда вести себя и поступать «как честному, верному и храброму офицеру надлежит»; обязанности свои исполнять ревностно и усердно, постоянно имея в виду пользу службы и государственный интерес — эгоизм и карьеризм противоречат существу государственной службы (неприлично офицеру «отзываться неопытностью», нарушать субординацию, избегать долга службы).

8. Учить войска тому, что необходимо на войне; овладевать военным искусством в суворовском духе; непрестанно себя образовывать, ибо «науки армию питают», воюют прежде всего не силой, а умом, побеждают не множеством, а разумом, умением, искусством; «немогузнайство» и невежество не могут быть терпимы в офицерской среде.

9. Добиваться побед «малой кровью», сражаться мужественно и храбро (не забывая о благоразумии); словом, делом и личным примером побуждать воинов проявлять стойкость в бою, не отступать без приказа, сражаться до последней возможности, умирать с честью и славой; не отчаиваться при поражениях, а обращать их на пользу будущих побед; в плену вести себя достойно, предпринимать все усилия для возвращения в строй и продолжения борьбы.

10. Предпочитать честный бой; соблюдать кодекс военной морали, законы и обычаи войны, руководствоваться военной необходимостью; проявлять человеколюбие и гуманность, милосердие к побежденному противнику, военнопленным, гражданскому населению; не допускать неоправданных разрушений, мародерства, грабежей.

11. Войска в бой водить, а не посылать; не жалеть себя, не избегать трудностей, проявлять личное мужество, презрение к опасностям и смерти — трусость и малодушие должны быть чужды офицеру; влиять на подчиненных личным примером, быть для них авторитетом и образцом.

12. Искусно управлять войсками, сочетать требовательность к подчиненным с заботой о них, строить отношения с ними на основе доверия и взаимоуважения, во всем поступать по справедливости и долгу порядочности; не использовать служебного положения в личных целях; служить, а не выслуживаться; не создавать атмосферы страха, подозрительности и холопства; не допускать формирования и переноса в гражданскую среду негативного образа армии.

13. Стремиться стать не просто военным специалистом, боевым вождем подчиненных, но их идейным вдохновителем, властелином солдатских сердец, тонким психологом и пропагандистом; уметь побеждать не только мечом, но и словом, владеть приемами красноречия; вести борьбу против разлагающих армию антигосударственных и пацифистских учений.

14. Крепить офицерское боевое братство, против неприятеля заодно поступать; ни словом, ни делом товарищам бесчестия не чинить, в неразрывной любви, мире и согласии пребывать, по достоинству уважение (уважение) оказывать; проявлять взаимопомощь и взаимовыручку, удерживать сотоварищей от дурных поступков; почитать скорбной памятью и молитвой павших на поле брани и принесших таким образом жизнь свою на алтарь Отечеству, хранить воспоминания об их подвигах.

15. Неукоснительно соблюдать ритуалы и обряды, поднимающие престиж офицерского звания, содействующие воспитанию воинской чести: принятие присяги, посвящение в офицеры, торжественный вынос знамени, триумфальные шествия в честь побед, парады, отдание воинской чести, захоронение с почестями и другие;

уважительно относиться к государственной и военной символике.

16. Свято чтить Боевое Знамя воинской части как «душу армии», символ чести и доблести защитников Родины, олицетворение связи славного прошлого с достойным настоящим и будущим, напоминание о долге; не забывать, что вручение знамен и штандартов — высшая награда, утрата Боевого Знамени — преступление и позор.

17. Почитать награды как отражение подвигов, боевых отличий и воинских заслуг; ревностно относиться к отдаванию воинской чести — символу единения военнослужащих, к мундиру и знакам отличия; гордиться формой одежды и принадлежностью к своему роду войск.

18. Соответствовать высокому этическому стандарту, заботиться о чистоте репутации личной и всей офицерской корпорации; дорожить своим добрым именем; говорить правду, не лгать, не давать опрометчивых обещаний; быть верным своему слову.

19. В гражданском обществе и в военной среде блюсти достоинство, приличие и правила этикета; не допускать бесчестных поступков; уметь вести беседу и спор; держаться просто, тактично, без фатовства, избегать скандалов; по отношению к дамам быть вежливым, внимательным, учтивым, галантным, как подобает офицеру — рыцарю и джентльмену.

20. Воздерживаться от отрицательных привычек, могущих набросить даже малейшую тень на офицерское звание; считать несовместимым с ним доноительство, клевету, распространение слухов, бахвальство; избегать распутства, пьянства, бранных слов, азартных игр, участия в финансовых спекуляциях, политической борьбе.

21. И в мирное, и в военное время руководствоваться бессмертными суворовскими заповедями:

Субординация — послушание,

Экзерциция — обучение.

Дисциплина,

Ордер воинский — порядок воинский,

Чистота,

Здоровье,

Опрятность,

Бодрость,

Смелость,

Храбрость,

Победа,

Слава, слава, слава!

2000 ГОД — ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ГОД РОССИЙСКОЙ АРМИИ

Книга «Офицерский корпус Русской Армии» выходит в двухтысячный год от Рождества Христова. Поэтому должно вспомнить о знаменательных датах многовековой истории российского воинства, с гордостью носившего высокое звание христоролюбивого, прославившего его в блестящих победах, запечатлевшего его в немеркнущих традициях и подвигах героев — «Божьей рати лучших воинов».

780 лет со дня рождения святого благоверного великого князя Александра Ярославовича Невского (родился 30 мая 1220 г.).

Александр Невский — знаменитый русский полководец, доблестный защитник и собиратель Земли Русской, великий подвижник, духовный покровитель российского воинства. Известны его победы — военные и политические — над немцами, шведами, ливонцами, татаро-монголами. Все они одержаны малой кровью, искусством, силой духа. Навсегда останутся в памяти потомков его бессмертные слова: «Нас не много, а враг силен, но не в силе Бог, а в правде». В честь имени Александра Невского дважды (в Российской империи и в Советском Союзе) учреждался особый военный орден. Православная церковь празднует память Александра Невского 30 августа (12 сентября) и 23 ноября (6 декабря). Эти даты отмечались как полковые праздники более чем в 30 полках Российской императорской армии. В Российской Федерации 18 апреля почитается как День воинской славы (5 апреля 1242 г. войска Александра Невского одержали победу над немецкими рыцарями на Чудском озере).

650 лет со дня рождения святого благоверного великого князя Дмитрия Иоанновича Донского (родился 12 октября 1350 г.) и **620** лет Великой победы на поле Куликовом (8 сентября 1380 г., как День воинской славы отмечается 21 сентября).

Дмитрий Донской — великий русский полководец, с именем которого связаны первые победы над Ордой, объединение русских земель вокруг Москвы. Блестящая победа на Куликовом поле, одержанная русскими войсками над полчищами Мамай и освещенная духовным авторитетом Сергия Радонежского, положила начало освобождению русского народа от татаро-монгольского ига. Победу вновь принесло не численное превосходство, а сила духа, организованность, искусство, борьба за правое дело.

450 лет со дня зарождения русского регулярного войска (военно-сухопутной силы).

1 октября 1550 г. Иоанн IV подписал приговор об «избранной тысяче» служилых дворян, которые и составили командное ядро создаваемого стрелецкого войска — «огнестрельной пехоты», получившей элементы регулярного устройства. Именно с этой даты началась эволюция регулярства как важнейшего и самобытного принципа строительства военной силы российского государства (через шведско-нидерландскую военную школу М. Скопина-Шуйского, полки «иноземного строя», военные реформы Алексея Михайловича и Петра Великого, суворовскую военную систему, национальное военное искусство и т.д.).

300 лет со дня создания Российской императорской армии Петром Великим.

Как подлинная регулярная военная сила будущая Российская императорская армия зародилась накануне, а сформировалась в ходе Северной войны 1700–1721 гг. 25 июня (6 июля) 1700 г. по указу Петра была организована регулярная армия (3 дивизии), состоявшая из 4-х «старых» и 29-ти «новоприборных» полков, большинство из которых просуществовали вплоть до 1917 г., отметив свои двухсотлетние юбилеи 25 июня 1900 г.

300 лет Российской гвардии (лейб-гвардии). 22 августа (2 сентября) 1700 г. выступившие в поход на Нарву против шведов Преображенский и Семеновский полки впервые получили название «лейб-гвардейских». В сражении под Нарвой 19 (30) декабря 1700 г. они проявили стойкость, дрались храбро, спасли честь России. Эта дата навсегда осталась на нагрудных знаках офицеров Преображенского и Семеновского полков. Символическое значение для лейб-гвардии имело 30 ноября (13 декабря) — День памяти святого Андрея Первозванного, праздник кавалеров одноименного ордена. Знаки высшего ордена дореволюционной России (андреевская звезда, крест, лента) находились в военной атрибутике гвардейских частей. (18 сентября 1941 г., также в огне сражений, родилась советская гвардия, ставшая преемницей боевых традиций лейб-гвардии.)

300 лет Тылу Вооруженных Сил. 18 (29) февраля 1700 г. указами Петра I были учреждены провиантский Приказ и Приказ, ведавший снабжением сухопутных войск. Знаменательная дата отмечается 1 августа (в этот день в 1941 г. созданы Главное управление тыла Красной Армии и управления тыла фронтов и армий).

270 лет со дня рождения и **200** лет со дня кончины Генералиссимуса князя Италийского, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского (13/24 ноября 1730 — 6/18 мая 1800). **210** лет со дня взятия русскими войсками турецкой крепости Измаил (11/24 декабря 1790 г.).

Двойной юбилей великого полководца обязывает рассматривать 2000 год как памятный суворовский год. Военное творчество Суворова — вершина русского военного искусства. Именно в его войсках регулярство достигло «изошренного» качества. Суворовские заветы: «Служить Отечеству верой и правдой», «Воевать не числом, а умением», «Глазомер, быстрота, натиск» и др., — всегда актуальны.

200 лет Кавказской русской армии.

7 (19) ноября 1800 г. русские войска под руководством генерал-майоров И. Лазарева и В. Гулякова (при поддержке грузинского ополчения) в сражении на реке Ара нанесли сокрушительное поражение пятнадцатитысячному полчищу горцев Омар-хана аварского. По мнению профессора Н. Дубровина, «сражение это было первым началом деятельности Славной Кавказской армии». Победа заложила основы утверждения российской государственности на Кавказе, формирования уникальной кавказской школы русского военного искусства, традиции которой российские войска продолжают и сегодня, обеспечивая территориальную целостность страны на Северном Кавказе.

70 лет со дня создания воздушно-десантных войск. 2 августа отмечается юбилей ВДВ, ставших в современных условиях элитой, гвардией и боевым авангардом российского воинства. Они — отбор, а без отборной армии, как учит история, России не быть.

55 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

9 мая — не просто федеральный праздник и День воинской славы. Столь важная победа была одержана традиционным для России методом самообороны, обеспечена единством действий армии и народа, регулярных сил и ополчения, сочетанием количества и качества, военного искусства и опоры на дух предков. Именно в ходе этой войны было восстановлено офицерское звание, возродились традиции русской армии, вновь зазвучали имена Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова, других русских полководцев.

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК

представляет собой сборник классических государственных и военных знаний по проблеме «Россия и армия». Цели издания — опубликовать все значимое духовное наследие русской армии, ознакомить генералов и офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации с лучшими достижениями отечественной и зарубежной военной культуры, содействовать духовному возрождению российской армии и разработке долгосрочной военной стратегии России.

Вышли в свет:

Выпуск 1. **П. Пестель, Н. Обручев, А. Медведев и другие военные писатели о Русской Армии (1817–1917 гг.).** - М.: ГА ВС, 1992. - 184 с.

Идеальная модель армии для России (тезисы). - Государственно-политические и военные мысли автора «Русской правды». - Исходные положения политики государства в отношении его вооруженной силы. - Об организации русской народной армии. - Краткий очерк истории армии России. - Армия и политика. - Эволюция военного управления в России. - «Русская вооруженная сила будущего». - Библиография.

Выпуск 2. **Государственная наука и политика России в творческом наследии Б. Чичерина.** - М.: ГА ВС, 1992. - 264 с. Концепция «Российского военного сборника». - Патриотическая позиция и либерально-консервативные взгляды Б.Н. Чичерина на: 1) законы развития человеческого общества, 2) сущность государства и его связь с гражданским обществом; 3) общественные идеалы и народность; 4) отрицательные и положительные стороны демократии; 5) политику как науку; 6) законодательство; 7) реформы и революцию в России; 8) государственные силы; 9) войну и войско; 10) политический вопрос в России. - Биографические данные о Б.Н. Чичерине.

Выпуск 3. **История Русской Армии.** - М.: ГА ВС, 1994. - 291 с. Доктринальный характер русской военной мысли. — Военно-политическое мировоззрение А. Керсновского. - Его концепция истории русской армии. - О разложении русской армии в 1917 году: выдержки из документов. - Армия и революция (заметки А. Керновского и В. Руднева). - История русской армии в западной литературе (С. Мишанов).

Выпуск 4. **История Русской Армии.** - М.: ГА ВС, 1994. - 329 с. Военная история как один из источников прогресса в военном деле. - Комплектование и устройство вооруженной силы (на примере России). - История русской армии как часть истории военного искусства (от начала Руси до эпохи Александра!). - Армия Дворянской России. - Отечественоведческая традиция в русской армии, и ее современное измерение. - Сведения об авторах сборника (А.К. Баиов, А.И. Верховский, А.Ф. Редигер, С.В. Кедрин).

Выпуск 5. **Русская военная доктрина.** - М.: ГА ВС, 1994. - 298 с. Материалы дискуссий в трех Россиях: Императорской, Советской, Зарубежной. - Понятие военной доктрины. - Доктрина как учение о войне (бое). - Военно-политическая (государственная) доктрина. - Доктрина как военное мировоззрение. - Смысл принятия военной доктрины в России. - Исходные положения русской военной доктрины. - Основы российской военной доктрины. - Краткие биографические сведения об участниках дискуссий 1911–1939 годов.

Выпуск 6. **Русское Зарубежье: Государственно-патриотическая и военная мысль.** - М.: ГА ВС, 1994. - 310 с. Защита чести и достоинства России. - Общие сведения о военной эмиграции, и ее духовной деятельности. - Мысли о России, войне и армии И. Ильина, П. Сорокина, Н. Тимашева, А. Керсновского, А. Геруа, П. Залесского, А. Баиова, А. Болтунова, А. Зайцева, Е. Месснера. - Книги и статьи других авторов Русского Зарубежья (около 500 аннотированных источников на различные темы).

Выпуск 7. **К познанию России.** - М.: ГА ВС, 1994. - 312 с. Заветные мысли и политические «программы» Сергея и Владимира Соловьевых, В. Ключевского, Р. Фадеева, Ф. Достоевского, Д. Менделеева. --Что такое Россия? - Ход русской истории. - Чему учит история России? - О состоянии России в конце великих реформ. - Русское решение вопроса. -Познание России с точки зрения реализма. -- Школы исторического познания. - Краткие биографические сведения о Ростиславе Андреевиче Фадееве и Федоре Михайловиче Достоевском.

Выпуск 8. **К познанию России: Взгляды русских мыслителей начала XX века.** - М.: ГА ВС, 1994. - 310 с.

Эволюция государства. - Идеал «Великой России». - Проблема русского могущества. - Политическая стратегия России. - Возрождение национальной государственности. - К пониманию свободной России. - Другие аспекты государственно-национальной идеи в работах М. Ростовцева, П. Савицкого, Н. Градескула, П. Струве, В. Вернадского, С. Котляревского, П. Новгородцева, М. Меньшикова, Н. Бердяева. - Документы переходного (смутного) времени: 1904–1917 гг. - Поэма М. Волошина «Россия».

Выпуск 9. Какая армия нужна России? Взгляд из истории. -

М.: Военный университет, Ассоциация «Армия и Общество», 1995. - 368 с. Спасение в качестве (И. Ильин). - Национальные черты русского военного искусства (А. Баиов). - Наш военный вопрос (Р. Фадеев). - Центральная цитадель нации (М. Меньшиков). - Милиции в современных войнах (С. Добrorольский). - От «полчищ» — к новой армии (А. Геруа). - К возрождению военного искусства (Е. Месснер). - Идея малой армии (Б. Штейфон, А. Баиов, А. Геруа, А. Керсновский). - Памяти Императорской Русской Армии (П. Краснов). - Упущенная возможность (А. Керсновский). - О российском воинстве (заветные мысли и идеи Петра I, П. Румянцева, А. Суворова, М. Скобелева, Д. Менделеева, Б. Чичерина, Д. Милютин, Н. Обручева, А. Риттиха, Л. Карсавина, А. Деникина, Н. Головина и других русских мыслителей о высоком призвании армии, армии и политике, путях воссоздания вооруженной силы). - Заключение: России нужна долговечная качественная армия.

Выпуск 10. **Военное законодательство Российской Империи: Кодекс русского военного права.** - М.: Военный университет, 1996. - 450 с. Актовые памятники русского военного права. - Военные законы Петра Великого. - Основы военной политики и организации вооруженных сил. - Военная служба и воинский быт. - Социальное обеспечение военнослужащих и членов их семей. - Материальное обеспечение и снабжение войск. - Аннотированный указатель военных законов и приказов по военному ведомству. - М. Сперанский, М. Меньшиков, И. Ильин и П. Заусцинский о значении закона для военного развития России. - Необходимость Военного Кодекса России.

Выпуск 11. **Военно-морская идея России: Духовное наследие Императорского флота.** - М.: Военный университет, Общественный совет «300 лет российскому флоту», «Русский путь», 1997. - 584 с. Ревнители русской военно-морской идеи о военном флоте и военно-морской политике России: П. Белавенец, П. Бурачек, Б. Жерве, А. Бубнов, Ю. Волко-вицкий, Б. Доливо-Добровольский, Н. Кладо, А. Колчак, А. Ливен, М. Меньшиков, Н. Нордов, Н. Португалов, Я. Подгорный, М. Римский-Корсаков, П. Столыпин, М. Смирнов, Е. Шильдкнехт и другие. - Мысли из Устава Морского 1720 г. - Пояснительные записки к Закону об Императорском российском флоте. - Значение морской силы. - Корни морского могущества. - Сущность военного флота. — Потребность в морской военной форме. - Заключение.

Выпуск 12. Христолюбивое воинство: Православная традиция

Русской Армии. - М.: Военный университет. Независимый военно-научный центр «Отечество и Воин», «Русский путь», 1997. - 496 с. Молитва за Россию (М. Меньшиков). - Философия христолюбивого воинства (И. Ильин). - Война и Православие (В. Зеньковский, А. Геруа, Л. Карсавин, А. Керсновский, М. Меньшиков, Д. Ромашков). - Религиозно-нравственное воспитание войск (Д. Никитин, П. Яковлев, П. Краснов, А. Осипов, Митрополит Антоний (Храповицкий)). - Военно-религиозная служба в Русской Армии: структура и задачи военного духовенства, обязанности священников и их деятельность на войне. - За Землю Русскую (приложение). - Возрождение Христолюбивого воинства (заключение).

Выпуск 13. **Душа армии: Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы.** - М.: Военный университет. Независимый военно-научный центр «Отечество и Воин», «Русский путь», 1997. - 624 с. Н. Головин. Обширное поле военной психологии. - П. Краснов. Душа Армии. Очерки по военной психологии. - Н. Краинский. Психика и техника. - П. Ольховский. Воинское воспитание. - А. Попов. Философия воинской дисциплины. - Б. Штейфон. Воин-Христов. - Р. Дрейлинг. Воинский Устав Петра Великого и Суворов. - А. Керсновский. Качества военного человека. - А. Баиов. Инициатива как воинская добродетель. - В. Доманевский. Сущность командования. - Е. Новицкий. Неизреченная красота подвига. - Н. Колесников. О стратегии духа. - Е. Шелль. Государственно-политическое воспитание армии. - Е. Месснер. Дух офицера в материалистическую эпоху. - «Душа армии». Взгляды русской военной эмиграции. - Духовное возрождение — центральная задача военной реформы. - Духовные качества российского воинства (Словарь).

Выпуск 14. **За профессиональную армию: Идеи Шарля де Голля и их развитие в XX веке.** - М.: Военный университет, Независимый военно-научный центр «Отечество и Воин», «ОЛМА-

ПРЕСС». 1998. - 576 с. Шарль де Голль. К возрождению армии. На острие шпаги. - За политику национальной обороны. - Военное ремесло. - Как создать профессиональную армию? - Прикрытие. - Почему нужен переход к профессиональной армии? - Какая должна быть профессиональная армия? - Франция и армия. - По наклонной плоскости. 1933–1940 гг. - Сражающаяся Франция. 1940–1944 гг. - Обновление. 1958–1962 гг. - Идейное наследие Шарля де Голля. - Стратегические концепции генерала де Голля с позиции 1990 года (П. Мессмер). - Оборона: принципы голлизма и новые данные (Б. Трико). - Военные труды Шарля де Голля (П. Мессмер, А. Ларкан). - Концептуальные основы национальной обороны и военной реформы Франции. - Профессиональная армия в современном мире (приложение). - К вопросу о профессиональной армии России (заключение).

Выпуск 15. **Постижение военного искусства: Идейное наследие А. Свечина.** - М.: Военный университет, «Русский путь», 1999. - 695 с. Военное искусство: становление в России и общая эволюция. - Военное пробуждение России. - Идеальная подготовка к несостоявшейся победе. - Идеология новой армии в революционную эпоху. - Интегральное понимание военного искусства. - Стратегия, оперативное искусство и тактика в современной войне. - Изучение военного искусства. - Академическая подготовка. - Армия думает — и потому прогрессирует и побеждает. - Парадигмы творческого мышления А.Свечина. — Выдающийся офицер генерального штаба: Вехи биографии А. Свечина.

Выпуск 16. **Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции.** - М.: Военный университет, «Русский путь», 1999. - 640 с. А. Квашнин. Предисловие. - А. Керсновский. О природе войны. - А. Мари-юшкин. Помни войну! - В. Заболотный. Закон борьбы. - Б. Штейфон. Русско-японская война. — Н. Головин. Военные усилия России в мировой войне. - Е. Масловский. На Кавказском фронте. - П. Краснов. Военная служба в мирное и военное время. - А. Геруа. Стихия гражданской войны. - Н. Пятницкий. Корниловский ударный полк. — А. Зайцов. 16 лет РККА. - В. Флуг. Высший командный состав. - В. Борисов. Стратегическое мышление Суворова. - Е. Месснер. Лик современной войны. - Хроника военно-научной жизни эмиграции. - И. Домнин. Краткий очерк военной мысли Русского Зарубежья. - А. Савинкин. Общие основания будущей российской вооруженной силы (по опыту и взглядам русской эмиграции).

Философия войны. - М.: Изд. центр «АНКИЛ-ВОИН», «Российский военный сборник», 1995. - 240 с.

Военная культура Русского зарубежья. - А. Керсновский. Философия войны. - А. Мариюшкин. Помни войну! - Н. Головин. Наука о войне. - П. Залесский. Грехи старой России, и ее армии. - А. Баиов. Начальные основы строительства будущей русской армии. - И. Домнин. Горение духа: Слово об Антоне Керсновском.

Готовятся к печати:

- РОССИЙСКАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ АРМИЯ Страницы полковых историй
- НАУКА ПОБЕЖДАТЬ
Система и заветы А.В. Суворова
- КАВКАЗСКАЯ ШКОЛА РОССИЙСКОЙ АРМИИ Уроки истории

Семнадцатый выпуск «Российского военного сборника» готовился в Военном университете при непосредственной поддержке:

Мишина Юрия Валентиновича, Козлова Виктора Николаевича, Маликова Виктора Григорьевича, Иванова Владимира Александровича, Суставова Валерия Павловича, Шевцова Валерия Михайловича, Ромашова Виктора Михайловича, Собченко Владимира Ивановича, Егорова Олега Васильевича, Сергеева Виктора Петровича, Петрия Петра Владимировича.

Над выпуском работали:

Ефремов Иван Иванович, Каменев Анатолий Иванович, Белов Юрий Тимурович, Домнин Игорь Владимирович, Савинкин Александр Евгеньевич, Волков Сергей Владимирович, Домнина Инна Юрьевна, Люткине Галина Викторовна, Метелева Елена Александровна, Москвин Виктор Александрович, Белкина Татьяна Львовна, Уразова Мунира Мухаммеджановна.

Издание осуществляется при участии:

- Межрегионального общественного Фонда поддержки военной реформы. Президент Фонда генерал-майор запаса П. Золотарев.
- Общероссийского общественного движения «Россия Православная». Председатель Центрального Совета ООД «Россия Православная» А. Буркин.

Существенную помощь в подготовке книги оказали:

Рутыч Николай Николаевич, Спасский Борис Васильевич, Арсеньев Алексей Борисович, Кавтарадзе Александр Георгиевич, Алехин Юрий Владимирович, Губина Людмила Дмитриевна, Голенцова Людмила Филипповна, Бутеева Тамара Георгиевна, Цветков Василий Жанович, Поспелов Михаил Борисович.

Редакция «Российского военного сборника» выражает признательность:

Белкину Александру Анатольевичу, Борисовой Татьяне Викторовне, Буркину Александру Ивановичу, Виноградову Сергею Николаевичу, Галиеву Ришаду Тимирхановичу, Галченко Сергею Петровичу, Глезденеву Вячеславу Анатольевичу, Демину Геннадию Ивановичу, Золотареву Павлу Семеновичу, Кольшкину Геннадию Андреевичу, Котову Игорю Леонидовичу, Марущенко Владимиру Викторовичу, Навознову Виктору Семеновичу, Никанорову Владимиру Степановичу, Никитенко Евгению Григорьевичу, Палочкину Евгению Леонидовичу, Рашу Карему Багировичу, Синайскому Александру Сергеевичу, Чистякову Александру Васильевичу, Шаравину Александру Александровичу, Шлыкову Виталию Васильевичу.